

Central State University
Tulsa, Oklahoma
1970

**БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ**

**С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА**

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта
А. Б. Усманов

Редакционный совет:

- Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
- И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
- А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
- В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Сергей Семенович
У В А Р О В

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

В. С. Парсамов,
доктор исторических наук

С. В. Удалов,
кандидат исторических наук

АВТОР ПЕРЕВОДОВ:

В. С. Парсамов

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
У18

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Уваров С. С. Избранные труды / С. С. Уваров; [автор перевода В. С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 720 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1257-7

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1257-7

© Парсамов В. С., перевод, 2010
© Парсамов В. С., Удалов С. В., вступительная
статья, составление тома, комментарии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Сергей Семенович Уваров

Сергей Семенович Уваров (1786–1855) происходил из старого, но уже во многом потерявшего свое положение дворянского рода. Его отец Семен Федорович, «добрый, честный, храбрый веселый», сумел добиться расположения фаворита Екатерины II князя Г. А. Потемкина игрой на бандуре и плясками в присядку. Карьера «Сенибандуриста», как любил называть его Светлейший князь, стремительно пошла вверх. «Благодаря его покровительству, — писал Ф. Ф. Вигель, — сей бедный рядовой дворянин был флигель-адъютантом Екатерины и под именем вице-полковника начальствовал лейб-гренадерским полком, коего сама называлась она полковником»¹. Он умер, когда его сыну Сергею было всего два года, не оставив после себя наследства. Воспитание мальчика взяли на себя родственники его матери, Дарьи Ивановны (урожденной Головиной) — князя Куракины. В их доме Уваров получил начальное образование под руководством французского эмигранта аббата Мангенья, давшего своему ученику хорошее знание французского языка и привившего ему любовь к аристократической культуре старорежимной Франции. «Мальчик был от природы умен, — продолжал Вигель, — отменно понятлив в науках. Чрезвычайно пригож собою, говорил и писал по-французски в прозе и стихах, как настоящий француз; все хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову»². Дальнейшее образование Уваров получил в Гёттингенском университете, где учился «между второй половиной 1801 г. и мартом 1803 г.»³. В этом лучшем в то время европейском учебном заведении французское воспитание Уварова наполнилось немецкой ученостью. Он быстро и основательно освоил немецкую литературу и труды германских ученых. В дальнейшем немецкая линия в образовании Уварова сыграет важную роль. По словам Г. Г. Шпета, «Уваров был учеником немецких неогуманистов, был воспитан в идеологии, возглавляемой Фр. Авг. Вольфом и

¹ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 765.

² Там же. С. 766.

³ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 280.

видевшей путь к немецкой народности через эллинизм; он был лично знаком с Гёте (которому посвятил одно из своих филологических исследований)»⁴.

Служебная карьера Уварова, начавшаяся 30 января 1798 г., оборвалась 27 июня 1799 г. «по малолетству»⁵. Но уже в июне 1801 г., еще не достигнув пятнадцатилетнего возраста, он снова оказался на службе в коллегии иностранных дел. В 1803 г. Уваров был определен переводчиком, а в 1805 г. отправился в свою первую заграничную командировку в Италию. По возвращении оттуда он получил звание камер-юнкера. Важным этапом для дальнейшей карьеры Уварова стало его пребывание в Вене в качестве сотрудника русского посольства в 1806–1809 гг. Молодой дипломат был хорош собой, обладал безупречными манерами и прекрасным образованием, читал на пяти языках, интересовался литературой и науками. На первых порах Вена разочаровала Уварова: «У австрийской знати нет склонности к изящной литературе, ни к искусству, во всяком случае, эти склонности крайне редки и малозначительны среди представителей высшего общества. В настоящий момент в Вене очень мало артистов и нет ни одного известного литератора или ученого. Аристократия горделиво их отталкивает, и предпочитает замыкаться в своем невежестве, правительство их не поддерживают». Главную причину этого Уваров видел «в плохом воспитании; им чуждо все, что возвышает и питает духовные интересы; они презирают литературу и образованность, необузданно увлекаются лошадьми и продажными женщинами. Государственное устройство таково, что вовсе не содействует духовному развитию общества. Аристократия презирает правительство за его явную слабость, а народ презирает аристократию, которая вместо того, чтобы стремиться отличаться благородством и талантами, находит удовольствие только в темных пороках, в которых погрязла»⁶.

Впрочем, в Вене, Уваров нашел общество по себе. Это были венские аристократические салоны графа Кобенцля и князя де Линя. Хозяин первого, Граф Кобенцль, был тесно связан с Россией, долгое

⁴ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. М., 1989. С. 245.

⁵ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи, 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 763.

⁶ Цит. по: Дурьлин С. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 218.

время был австрийским послом при дворе Екатерины II. Он любил рассказывать о своем пребывании в Петербурге, Потёмкине, посещении Крыма в 1787 г. и т. д., хотя при этом, по словам Уварова, его «беседы не отличаются ни блеском, ни интересом». Более сильное впечатление на Уварова произвела его сестра графиня де Ромбек, «живой, умный, чрезвычайно оригинальный человек».

Салон де Линя значительно отличался от салона Кобенцля. Хозяин его был французским аристократом, фельдмаршал на австрийской службе, большую и лучшую часть своей жизни проживший до революции при дворах Людовиков XV и XVI. Де Линь являлся живым осколком аристократической культуры старой Франции. Он поражал всем своим обликом: старый эпикуреец и острослов, ни о чем не жалевший прожигатель жизни, Де Линь хранил в своей памяти удивительные подробности из быта французской знати, а талант рассказчика превращал эти подробности в замечательные устные истории.

Важным событием в жизни тогдашней Вены стал приезд в австрийскую столицу Мадам де Сталь. В то время уже широко известная благодаря своему творчеству и — в не меньшей степени — вследствие гонений со стороны Наполеона, она стала желанной гостьей в великосветских салонах, где среди прочих посетителей познакомилась и с Уваровым, и на первых порах подпала под его обаяние. Беседы таких разных в политическом отношении, но близких по культурной почве людей, как Мадам де Сталь и князь де Линь, Уварову доставляли эстетическое наслаждение. Однако, осторожный дипломат, ассоциирующий себя с европейской аристократией, держался на определенной дистанции от французской изгнанницы. В то время Уваров смотрел на Французскую революцию глазами аристократа и видел в ней крушение впитанной им с детства культуры. Либеральные взгляды де Сталь вызывали у него неприязнь, и, не совсем веря в их искренность, он готов был приписать их желанию писательницы быть оригинальной: «Если в первый момент красноречие де Сталь как бы ослепляет, то потом скоро становится заметным ее страстное желание быть оригинальной. Поверхностная дерзость нагромождаемых ею парадоксов ослабляет впечатление от нее в глазах всякого рассудительного человека. Слабость ее логики в споре казалась бы невероятной, если не быть заранее подготовленным открыто ею высказываемым отвращением к тому, что она называет литературной ортодоксальностью. Я слышал, как она на одном и том же вечере

доказывала, что вкус — это качество, достойное презрения<...>; что анархия губительна только по своим результатам; что Франция стремится установить у себя конституцию в английском духе; что во Франции не было совсем анархии и т. д. В этих ее высказываниях узнаются дочь Неккера и дух того политического клуба, пифией которого она была»⁷.

В Вене было положено начало стремительного карьерного роста Уварова. Своими хорошими манерами и вкрадчивым отношением к людям он сумел снискать расположения русского экс-посла в Австрии, богача и мецената, Андрея Кирилловича Разумовского. Разумовский, известный своими антинаполеоновскими выпадами и смененный на своем дипломатическом посту А. Б. Куракиным, в семье которого воспитывался Уваров, оставался по-прежнему очень влиятельной фигурой. Покровительство Разумовского определило дальнейшую судьбу и карьеру Уварова. Покинув Вену в мае 1809 г. и вернувшись в Петербург, Уваров по рекомендации Разумовского был принят в доме его брата — тогдашнего министра просвещения Алексея Кирилловича Разумовского. Мать Уварова к тому времени уже умерла, успев перед смертью пуститься в финансовую авантюру, полностью разорившую ее детей. Единственным шансом преуспеть для Уварова стала возможность выгодно жениться, и такая возможность ему сразу же представилась. В него была влюблена младшая дочь Разумовского Екатерина Алексеевна. Девица была не молода (на пять лет старше Уварова) и при этом не блистала красотой. Женившись на ней в 1811 г., Уваров получил огромное приданное и должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

С этого момента его положение в обществе делается значительно более устойчивым, а карьера быстро идет вверх. Он становится действительным статским советником (4 класс по Табели о рангах), а в 1818 г. получает назначение на должность президента Академии наук с сохранением должности попечителя. В то время либерализм был в почете в придворных сферах, и для того чтобы сделать карьеру, нужно было иметь репутацию либерала. Поэтому молодой карьерист сделался либеральнее самой Мадам де Сталь. Правда, это длилось недолго, и, не успев вовремя еще раз подстроиться под изменившиеся в

⁷ Цит. по: *Дурылин С. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 234.*

верхах настроения, Уваров уже в 1821 г. вынужден был уйти в отставку из-за борьбы, развернувшейся вокруг университетов.

В 1817 г. было создано т. н. «сугубое» Министерство духовных дел и народного просвещения, объединившее в себе два различных ведомства — для того, «чтобы христианское благочестие состояло всегда основанием истинного просвещения, а просвещение способствовало сему благочестию»⁸. Во главе этого министерства оказался личный друг царя А. Н. Голицын. Духовный путь нового министра был почти идентичен духовным исканиям самого Александра I. Получивший хорошее светское образование в юности, Голицын был человеком просветительских взглядов, типичных для XVIII века и далеких от религиозности. Однако, в отличие от Александра, он был гораздо более страстной и увлекающейся натурой. У Голицына раньше наступило «религиозное прозрение», и он со всем жаром неопита уверовал в некое «универсальное» христианство, очищенное от всех конфессиональных особенностей. Накануне войны 1812 года ему удалось увлечь царя своими религиозными исканиями и обратить его в свою веру. Они вместе читали Библию, и склонный к лидерству Голицын претендовал на духовное водительство царя. События 1812 г. и последующих лет, знакомство с европейскими мистиками лишь укрепляли в Александре религиозную веру. В Голицыне он увидел сочетание близких себе мистических воззрений с несомненным даром руководителя. И действительно, встав во главе «сугубого» министерства, Голицын полностью оправдал надежды царя. Со свойственной ему энергией он принялся христианизировать народное образование.

Уваров, быстро осознав всю силу влияния Голицына, был вполне готов действовать в нужном направлении и был уверен, что с ним будут считаться, видимо, еще не понимая, насколько далеко зайдет «христианизация» народного образования. «С. С. Уваров в большом кредите у Князя А. Н. Голицына, как сказывают»⁹, — писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву примерно за полгода до назначения Голицына на должность министра, когда тот еще был обер-прокурором Синода. На первых порах казалось, что все идет хорошо. В марте 1818 г. Александр I выступил перед польским сеймом с либеральной речью, в которой говорилось: «Образование (*organisation*), существовавшее

⁸ ПСЗ. Собр. I. Т. XXIV. № 27106.

⁹ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 212.

в вашем крае, дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений (*en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales*), бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные»¹⁰. Уваров моментально, едва ли не первым в России, отреагировал на эту речь царя, построив на ее идеях свое ультралиберальное выступление, за которое, по словам Н. И. Греча, «впоследствии сам себя посадил бы в крепость»¹¹. В этом выступлении в развитие вышеприведенного обещания царя Уваров привел слова лорда Эрскина: «Политическая свобода <...> есть *последний и прекраснейший дар Бога*», но поскольку царь не сказал, когда именно он собирается распространять на всю страну «законно-свободные учреждения», то не преминул добавить: «Но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами». (С. 267. Здесь и далее в круглых скобках внутри текста даются ссылки на соответствующие страницы настоящего издания).

Незадолго до выступления царя в немецком городе Мангейме студент К. Л. Занд убил драматурга А. Ф. Коцебу. Это событие, не обратившее поначалу на себя особого внимания, имело большие последствия для России. По поручению царя тогдашний чиновник Министерства просвещения, в недавнем прошлом дипломат А. С. Стурдза, написал «Записку о нынешнем положении Германии», где, в частности, речь шла о германских университетах, которые с их широкой автономией и корпоративностью представляют собой «обветшалые руины средневековья, едва совместимые с учреждениями и потребностями нашего века; объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве, они оживлены надменным корпоративным духом, который сбивает юношей с истинного пути и пагубно влияет на общественные настроения. Скопища всех заблуждений века, университеты продлевают жизнь всем несправедливым теориям, всем обманным учениям, плачевный опыт применения коих уже разочаровал большую часть наших современников. Университеты всецело

¹⁰ Цит по: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. I. С. 86.

¹¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 219.

распоряжаются будущим целой нации — и ни одно правительство не требует от них отчета по существу, не вникает в методу тамошнего образования. Словесность, науки, правосудие, даже святость алтаря — все вверено университетам, а между тем ничто не удостоверяет, что они должным образом управляют государственным достоянием. Подчиненные единой системе правил, университеты всякий день могли бы исчезнуть; их поддерживает, с одной стороны, соблазнительность так называемых академических свобод, с другой — странная метода некоторых германских правительств: они упорно смотрят на университеты как на финансовые спекуляции, удобные для привлечения в страну наличных денег»¹².

Стурдза, видимо, не имел в виду ничего, кроме того, о чем писал, и уж во всяком случае, понимая всю разницу между старинными немецкими и новоиспеченными российскими университетами, не собирався распространять на последние свои мысли о первых. Вскоре Стурдза вышел в отставку. Но записка его начала жить своей особой жизнью. В 1819 г. Уваров добился преобразования Петербургского Главного педагогического института в университет и лично написал для него устав. И устав, фактический списанный с уставов немецких университетов¹³, и сам университет мыслились Уваровым в духе либеральной политики Александра I. Но времена уже начали меняться. В Петербург был возвращен М. Л. Магницкий, «погоревший» в свое время вместе с М. М. Сперанским. В 1816 г. оба они были возвращены на службу, хотя пути их разошлись. Магницкий получил должность воронежского вице-губернатора, Сперанский — пензенского губернатора. Далее Магницкий был переведен в Симбирск гражданским губернатором и в этой должности «впервые предстал русскому обществу в качестве «мракобеса» и реакционера»¹⁴. В дальнейшем эта репутация лишь утвердилась. В 1819 г. он был назначен членом Главного правления училищ, где пересеклись их служебные пути с Уваровым.

¹² Стурдза А. С. Записка о нынешнем положении Германии. Сочинение г. С....., статского советника при его Величестве Императоре Всероссийском. Ноябрь 1818 // Россия–Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. 3[11] М.; Венеция, 1999. С. 152–153.

¹³ См.: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 152–153.

¹⁴ Минаков А. Ю. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов. Воронеж, 2005. С. 277.

Здесь вернувшемуся в столицу бывшему опальному чиновнику и пригодилась брошюра Стурдзы. Магницкого в отличие от Стурдзы мало интересовало положение в Германии, но то, что уставы российских университетов были списаны с немецких, стало для него удобным поводом для атаки на них, а заодно и на Уварова.

Е. М. Феокистов, первый биограф Магницкого, писал о нем: «Нет никаких сомнений, что он мечтал сделаться необходимым человеком для правительства, внушить ему высокое понятие о предполагаемых им преобразованиях и таким образом открыть себе широкий путь к почестям и славе. <...> В руках его было сильное орудие против врагов — клеветы, доносы, против которых не было средства оградить себя предосторожностью»¹⁵. Эти слова с не меньшим основанием можно отнести и к Уварову. Разница между ними заключалась лишь в том, что в отличие от Магницкого Уваров в Александровскую эпоху еще позиционировал себя как человека общества, а не только власти.

Разбогатев и достигнув больших высот на служебной лестнице, в 1810-е гг. Уваров упорно ищет свою нишу в расстановке общественных сил. В 1811 г. в Петербурге адмиралом и литератором А. С. Шишковым было основано литературное общество «Беседа любителей русского слова». Уваров становится его почетным членом и в 1813 г. читает там свое сочинение о русском гекзаметре, в котором проводит мысль о близости греческой и русской просодических систем, и о возможности переноса греческого гексаметра на русскую литературную почву. Это выступление вызвало литературную полемику и стало важным этапом в истории перевода «Илиады» на русский язык. Но в «Беседе» Уваров не мог играть той значительной роли, на которую он явно претендовал. По словам Ф. Ф. Вигеля, «барич и галломан во всем был виден; оттого-то многим членам “Беседы” он совсем пришелся не по вкусу; некоторые из них, более самостоятельные, позволили себе даже подсмеиваться над ним. Это его взорвало; но покамест принужден он был молчать»¹⁶. В то же время эстетические взгляды большинства «собеседников», и особенно их лидера Шишкова, занятых поисками национальных корней русской культуры в церковнославянской языковой стихии, были чужды Уварову, более интересу-

¹⁵ Феокистов Е. М. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. СПб., 1865. С. 7–8.

¹⁶ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 766.

ющемся связями русской культуры с греческой. Все это заставило его искать другие пути в литературе.

Главным объектом нападок Шишкова и его сторонников был, как известно, Н. М. Карамзин, давно привлекавший внимание Уварова. Сам Карамзин к журнальной борьбе относился с пренебрежением, в литературные группировки не входил и, хотя номинально числился почетным членом «Беседы», ничего общего с ней в действительности не имел. У Карамзина, ставшего символом русского сентиментализма, было много продолжателей, но ему и в голову не приходило организовать из них литературную группировку. В обществе Карамзин имел огромный нравственный авторитет. Его смелое сочинение «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», отказ занять пост государственного секретаря в 1812 г. (пост, который тогда же был отдан Шишкову), подчеркнутое стремление остаться частным лицом, и в то же время занятие важным государственным делом — написанием «Истории государства Российского», — все это создавало вокруг его имени атмосферу истинного служения отечественной культуре в самом высоком смысле. К тому же хорошо было известно, что Карамзин пользуется особым расположением царя, умеющего уважать подлинно независимое поведение. Уварову пришла в голову мысль создать и возглавить литературную группировку последователей Карамзина, в центре которой должен был стоять Жуковский. Поводом для такого объединения стала премьера комедии А. А. Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», где в пародийной форме был выведен В. А. Жуковский, присутствовавший на премьере вместе со своими друзьями Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым, А. И. Тургеневым, С. П. Жихаревым и Ф. Ф. Вигелем. Последний вспоминал: «Любопытно в это время было видеть Уварова. Он слегка был задет в комедии Шаховского и придрался к тому, чтоб изъяслять величайшее негодование. Мне кажется, он более рад был случаю теснее соединиться с новыми приятелями своими. Мысленно видел он уже себя предводителем дружины, в которой были столь славные бойцы, и на челе его должен был сиять венец, в который, как драгоценный алмаз, намерен был он вставить Жуковского. Опыт доказал ему, что он никакой подчиненности не может ожидать от соратствующих: все равно в петербургском большом свете он гораздо их более известен и в глазах его может показаться главою партии»¹⁷. Дальнейшая

¹⁷ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 770.

история хорошо известна. 14 октября 1815 г. по инициативе Уварова было основано литературное общество «Арзамас», объединившее в себе сторонников и последователей Карамзина и взявшего на себя роль борцов с шишковской «Беседой»¹⁸. Карамзин был избран почетным «арзамасцем», присутствовал на нескольких заседаниях, где читал отрывки из еще не опубликованной «Истории».

«Дружба» с Карамзиным бросала на Уварова отблеск благородства. Она была престижна и полезна во многих отношениях, но она же накладывала и определенные ограничения. Уваров почувствовал новые веяния правительственной политики с образованием «сугубого» министерства под началом А. Н. Голицына и даже был готов действовать в соответствующем ключе: «стал охать, выворачивать глаза и твердить в своих всенародных речах о необходимости чтения слова Божия»¹⁹. В письме к М. М. Сперанскому от 1 декабря 1819 г. он вполне в духе Магницкого пишет о «европейской заразе»²⁰. Но, с другой стороны, Уваров прекрасно знал, что Карамзин отрицательно относится к «голицынской» христианизации, и его Министерство просвещения называет «министерством затмения»²¹. Мнение Карамзина во многом определяло мнение общества, к которому принадлежал Уваров, а мнение Голицына — мнение правительства, к которому Уваров всегда стремился быть близок.

В данном случае Уваров явно переоценил здравый смысл правительства и недооценил возможностей Магницкого. Он считал, что ему хватит властного ресурса, чтобы обойти своего конкурента, и был уверен, что Александр I, открывший пять университетов и придававший огромное значение образованию, защитит свои детища от погромов, поэтому вступил в борьбу с Магницким²². При этом он держался, как всегда, высокомерно и не считал нужным заручиться поддержкой профессоров. Радетель об университетах, Уваров не был своим в профессорской среде. Для него, привыкшего к высшему свету,

¹⁸ Об истории «Арзамаса» и роли Уварова в нем см.: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 гг. М., 2008.

¹⁹ *Греч Н. И.* Указ. соч. С. 219.

²⁰ *Русская старина.* 1896. № 10. С. 158.

²¹ См.: *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 285.

²² Историю этой борьбы см.: *Жуковская Т. Н.* Указ. соч. С. 114–176.

люди, делающие науку и распространяющие образование, были чужой социальной средой. «Профессора находили организационное устройство нового университета “неясным”, жалование слишком низким, программу слишком жестко определенной, да и против других сторон устава было немало возражений»²³. В итоге уваровский устав не был поддержан никем, и в июне 1821 г. Уваров вынужден был покинуть свой пост попечителя²⁴.

В июле 1822 г. Уваров, используя свои придворные связи, сумел войти в доверие к министру финансов Д. А. Гурьеву, поднеся ему табакерку с портретом императрицы Марии Федоровны. «Подарок» был принят, и вскоре последовало назначение Уварова на должность директора Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов²⁵. Когда Гурьев был смещен на посту министра финансов Е. Ф. Канкриным, Уваров нашел подход и к нему, сделавшись «другом дома». По словам сенатора К. И. Фишера, Уваров «был характера подлого, ездил к министерше, носил на руках ее детей, словом подленькими путями прокладывал себе дорогу к почестям»²⁶. Итак,

²³ *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. С. 93.

²⁴ Встречающееся в литературе утверждение, что Уваров подал в отставку «в знак протеста» (См.: *Шевченко М. М.* Сергей Семенович Уваров // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 352) основано на недоразумении. В России выходить в отставку «в знак протеста» не было принято. В отставку подавали вынужденно, как правило, предчувствуя ее. Это в полной мере касается и Уварова, для которого протест против любых действий властей вообще был невозможен. Уваров ушел не протестующим, а побежденным, и, кстати сказать, сделал «верные» выводы из всей этой истории. Если в 1821 г. он отказывался понять, как можно «основать политическую экономию на Откровении» (См.: *Рождественский С. В.* «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета в первое столетие его деятельности, 1819–1919: Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т.1. 1819–1835. Пг., 1919. С. XLII), то уже через десять с небольшим лет он не только политэкономии, но и все прочие науки будет основывать на принципах самодержавия, православия и народности. В николаевскую эпоху многое упростится, общество уже не будет играть такой роли, как во времена Александра I. Смех, говоря словами А. С. Грибоедова, перестанет страшить, а страх — держать в узде. Н. М. Карамзина уже не было, и поэтому стало возможным, продолжая клясться его именем, совершать то, что при его жизни совершать было как-то неловко.

²⁵ *Виттекер Ц. Х.* Указ. соч. С. 143.

²⁶ *Фишер К. И.* Записки сенатора // Исторический вестник. 1908. №1. С. 459. Ср. из письма А. И. Тургенева П. А. Вяземскому: Уваров «всех кормилиц у Канкринина знает и дает детям кашку» (Остафьевский архив кн. Вяземских. Т.3. СПб., 1889. С. 33).

карьера его снова пошла вверх: в 1824 г. он получает чин тайного советника (3 класс Табели о рангах), а в августе 1826 г., уже при Николае I, становится сенатором и получает назначение «присутствовать в 1-ое отделении 5-го департамента Сената»²⁷. В его обязанности входит работа по Министерству просвещения. Он принимает участие в разработке нового цензурного устава 1828 г., в 1832 г. назначается товарищем министра народного просвещения, в 1833 г. — исполняющим должность министра, а в 1834 г. — министром народного просвещения. Став министром, Уваров первым делом украсил собственный кабинет красными шелковыми обоями, ценными картинами, дорогой мебелью и французским камином. «Кроме того, по слухам, Уваров в лучших традициях жуликов-чиновников присваивал украдкой казенные дрова и заставлял работать у себя в имении казенных слесарей»²⁸.

Важной вехой не только в биографии Уварова, но и в общественной жизни страны стала осуществленная им инспекция Московского университета осенью 1832 г., когда он сформулировал свою знаменитую триаду: православие, самодержавие, народность. Уваров нашел точные слова, выражающие в первую очередь представления царя об идеологическом наполнении государственной политики. Став идеологом, Уваров начал претендовать на роль, существенно превосходящую обязанности министра народного просвещения. Он прилагал все усилия для того, чтобы превратить собственное министерство в ведомство, контролирующее благонадежность подданных. «Мое дело, — говорил он, — не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения»²⁹. В этом отношении между его ведомством и ведомством А. Х. Бенкендорфа, осуществлявшего полицейский надзор, началось соперничество. Этому, может быть, и не стоило придавать особого значения — обычная межведомственная борьба, — если бы в эту борьбу невольно не оказался втянутым А. С. Пушкин.

Уваров в обход Бенкендорфа стремился установить свой контроль над цензурой, что автоматически означало бы и полный контроль над литературой. В первую очередь Уварову хотелось использовать в своих

²⁷ Шилов Д. Н. Указ. соч. С. 762.

²⁸ Виттекер Ц. Х. Указ. соч. С. 143. См. также: Пушкин А. С. Дневник. 1833–1835. М., 1995. С. 26.

²⁹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955. С. 174.

целях талант Пушкина, и он, еще не будучи министром просвещения, начал «обхаживать» поэта. Летом 1831 г. он обещал Пушкину помочь получить у Бенкендорфа разрешение на издание политической газеты, а также «первое свободное кресло» в Академии наук. Осенью того же года перевел на французский язык пушкинские стихи «Клеветникам России» и послал ему свой перевод с сопроводительным льстивым письмом. Во время своей знаменитой инспекции Московского университета Уваров однажды появился в студенческой аудитории на лекции профессора И. И. Давыдова по теории литературы вместе с Пушкиным. И. А. Гончаров, в то время студент, присутствовавший на лекции, вспоминал: «Вот вам теория искусства», — сказал Уваров, обращаясь к нам студентам, и указывая на Давыдова, — «а вот и самое искусство», — прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную»³⁰. Пушкин же со своей стороны уклонился от навязываемого ему покровительства. Он предпочел иметь дело с по-своему честным Бенкендорфом, чем с «шарлатаном» Уваровым. Когда последний убедился, что роль пушкинского покровителя ему сыграть не удастся, он сделался врагом поэта и начал его преследовать. Пушкин через посредство Бенкендорфа получил разрешение на публикацию «Истории Пугачева» и напечатал ее в типографии III отделения. Уваров использовал это для того, чтобы нанести удар одновременно и по Пушкину, и по Бенкендорфу. Он постарался сформировать «общественное мнение», которое представило бы царю исследование поэта как вредное произведение. «В публике очень бранят моего Пугачева, — писал Пушкин в дневнике в феврале 1833 года, — а что хуже не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении <...> Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит»³¹.

Пушкин, как известно, в отношении цензуры находился на особом положении с тех пор, как Николай I пообещал быть его личным цензором. В действительности царь, не имея возможности всякий раз читать произведения поэта, передоверил это Бенкендорфу. Уваров, решив подвергнуть Пушкина двойной цензуре, потребовал, чтобы его произведения помимо «царской», проходили еще и через

³⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1985. С. 253.

³¹ Пушкин в дневнике С. Я. Маршала. М., 1989. С. 100.

обычную цензуру. Цензор Никитенко сомневался, имеет ли он право цензурировать пушкинскую поэму «Анджело». Уваров приказал ему «поступать в отношении Пушкина на общем основании. Он сам прочел «Анджело» и потребовал, чтобы несколько стихов были исключены³². На все эти выходки министра Пушкин ответил убийственной эпиграммой «На выздоровление Лукулла». В ней в римском стиле описывался известный современникам эпизод из личной жизни Уварова, когда он в 1835 г. тщетно ожидал смерти богатого и бездетного родственника своей жены Д. Н. Шереметева. Тот выздоровел, «не оправдав» ожиданий родственника, а Пушкин придал гласности тайные надежды Уварова:

<...> Теперь уж у вельмож
 Не стану нянчить ребятишек.
 <...>
 Жену обсчитывать не буду
 И воровать забуду
 Казенные дрова!

Эпиграмма была опубликована в журнале «Московский наблюдатель» с подзаголовком «подражание латинскому». «Латинист» Уваров был сразу же узнан. Никитенко записал в дневнике: «Пьеса наделала много шуму в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше Уварова»³³.

Борьба с ведомством Бенкендорфа за контроль над литературой продолжалась. Уваров всячески пытался доказать царю неэффективность работы III отделения по установлению контроля над общественным мнением. Бенкендорф, со своей стороны, пытался раскрыть царю глаза на личность Уварова. В «Нравственно-политическом отчете за 1839 год» говорилось: «Нет никакого сомнения, что Уваров человек умный, способный, обладает энциклопедическими сведениями, но по характеру своему он не может никогда принести той пользы, которую можно было бы ожидать от его ума. Ненасытное честолюбие, фанфаронство, отзывающееся XVIII веком, и непомерная гордость, основанная на эгоизме, вредят ему в общем мнении. Прежние товарищи его Дашков, Блудов и другие никогда не оказывают

³² Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 140.

³³ Там же. С. 179.

ему уважения³⁴; а между подчиненными утверждено мнение, что он готов пожертвовать каждым и всем для своего возвышения. Ни высшее общество, ни подчиненные, ни публика не верят ему, и это во многом парализует ход дел. Впрочем, Уваров старается единственное о том, чтобы наделать более шума и накрыть каждое дело блистательным лаком. Отчеты его превосходно написаны, но не пользуются ни малейшей доверенностью. Это то же, что бюллетени Наполеоновской армии»³⁵.

Демонстрируя собственные успехи, Уваров ввел обычай публиковать в специально созданном им «Журнале Министерства народного просвещения» ежегодные отчеты собственного министерства. Бенкендорф со своей стороны разоблачал лживость уваровских отчетов в тайных донесениях царю. Так, например, в «Нравственно-политическом отчете за 1843 год» (в этот год Уваров торжественно праздновал десятилетие своей министерской должности) он представил собственную деятельность как сплошной триумф: «Если верить обещаниям этого министерства, то Россия в скором времени станет наряду с самыми просвещенными государствами Европы. В своих отчетах, ежегодно печатаемых министром для всеобщего сведения, он не перестает повторять, что образование нашего юношества совершается в духе Православия, Самодержавия и Народности, что в Западных и Остзейских губерниях, очевидно, развивается любовь ко всему русскому, что на изучение отечественного языка обращено особенное внимание училищного начальства и что старания оно сопровождается полным успехом. К сожалению, эти результаты противоречат действительности. В некоторых университетах и высших учебных заведениях ученое и нравственное направление не отвечает ожиданию правительства; а поляки и немцы по-прежнему неохотно учатся и плохо говорят и пишут по-русски, что наиболее происходит от слишком ограниченного числа опытных и сведущих по своей части преподавателей и, в особенности, от недостатка в хороших учебных курсах»³⁶.

³⁴ Ср. запись в дневнике Пушкина: «Дашков (министр) который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!» (Пушкин А. С. Дневник. С. 26–27).

³⁵ Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006. С. 210.

³⁶ Там же. С. 333–334.

Николай I, видимо, не очень доверял Уварову, но понимал, что лучшего министра просвещения ему не найти, и до определенной поры предпочитал довольствоваться его бодрими отчетами. Ситуация изменилась в 1848 г., когда во Франции снова грянула революция, а за ней революционная волна захлестнула Австрию и Пруссию, являвшихся главными союзниками Российской империи в борьбе за сохранение международного порядка, установленного Венским конгрессом. Внутри России правительство отреагировало на эти события усилением репрессивных мер, направленных на подавление любых возможных антиправительственных выступлений. На смену политике, рассчитанной на формирование общественного мнения в духе правительственных установок, приходит политика по его тотальному подавлению. С учреждением особого комитета под председательством А. С. Меншикова министр просвещения практически был отстранен от управления цензурой. Начинается наступление на образовательные учреждения. В контроль над их деятельностью начинает активно вмешиваться III отделение. По словам Ц. Виттекера, изменения, начавшиеся в этот период в гимназиях и университетах, «оказались равносильны отмене всей “системы” Уварова»³⁷.

В 1849 г. в обществе появляются слухи о стремлении правительства закрыть в России все университеты. Желая опровергнуть слухи и лишний раз выступить в защиту занимаемой им позиции в вопросах просвещения, Уваров заказал директору Главного педагогического института И. И. Давыдову статью в поддержку его взглядов. Статья «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании» была опубликована в «Современнике». В ней автор, исходя из принципов, заложенных в уваровской доктрине, пытался подчеркнуть значение университетского образования не только как источника просвещения, но также и как основы нравственно-политического воспитания. Давыдов ратовал за «народное образование, основанное на благоговении к православной Вере, преданности к православному Государю и любви к православной России»³⁸. В целом благонадежная по содержанию, статья вызвала негодование Николая I, усмотревшего в ней попытку обсуждать деятельность правительства. Уваров, взявший

³⁷ Виттекер Ц. Х. Указ соч. С. 258.

³⁸ Давыдов И. И. О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. №3. С. 45.

вину на себя, получил строгий выговор. Его положение на посту министра народного просвещения становилось все более шатким. Еще одним ударом для него стала смерть жены летом 1849 г. В декабре этого же года Уваров подал прошение об отставке, принятое императором. На этом его служебная карьера фактически закончилась, он вышел в отставку с сохранением должности члена Государственного совета и президента Академии наук.

Отстранившись от государственных дел, Уваров вернулся к научным исследованиям. Он публикует статьи, среди которых встречаются работы и мемуарного жанра. В 1853 г. им была защищена магистерская диссертация о происхождении болгар. Перестав быть министром, Уваров, тем не менее, продолжал внимательно следить за развитием просвещения в России. «Мне приятно видеть, — писал он в 1852 г., С. П. Шевыреву, — что деятельность нового поколения, посвятившего себя к публичному воспитанию, приносит прекрасные плоды и несомненно соответствует моему ожиданию»³⁹. В последние годы жизни Уваров большую часть времени проводил в любимом имении в селе Поречье. Умер он 4 сентября 1855 г. в Москве, в один год с императором Николаем I, пережив его всего на несколько месяцев.

* * *

Общественно-политические взгляды Уварова во многом определялись карьерными соображениями. Чаще всего исследователи называют его сторонником «просвещенного абсолютизма» и противопоставляют раннего Уварова как «либеральствующего монархиста» — позднему консервативному монархисту. Безусловно, во взглядах Уварова без труда можно обнаружить пласт идей, легко интерпретируемых как либеральные, и пласт идей, интерпретируемых как консервативные. Сложнее говорить об эволюции Уварова от либерализма к консерватизму, поскольку отсутствие четких граней между либерализмом и консерватизмом как идейными течениями позволяет при небольшом смещении акцентов одно легко трансформировать в другое.

Суть взглядов Уварова, как представляется, не в этом. Он был сторонником не монархии как таковой, а любого реально существующего

³⁹ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 573. Л. 16 об.

режима и видел свою задачу не в обсуждении его достоинств и недостатков, а в его идеологическом обслуживании. Из чего, разумеется, не следует, что между Уваровым и царями, которым он служил, не было и не могло быть расхождений. Как идеолог, создававший жесткие системы, Уваров сам вынужден был их придерживаться даже тогда, когда царь мог позволить себе заметные колебания и отступления от этих принципов. Это порождало определенные сложности. Причем неукротимое самолюбие Уварова, от которого он не избавился до конца своей жизни, лишь обостряло ситуацию и дважды доводило ее до конфликтов, за которыми следовала отставка. В дневнике А. В. Никитенко содержится рассказ о том, как Уваров принимал поздравления по случаю десятилетия своего пребывания на посту министра просвещения: «Министр отвечал сначала хорошо, но потом вдался в повторения и самовосхваления. Исчисляя свои заслуги, он, между прочим, не совсем осторожно упомянул “о свободе мыслей, о движении умов”. Говорил также о “твердых началах, им созданных, о верности этих начал, о том, что все это не есть минутная воля государя, но твердая и прочная система”. Несколько раз у него неловко вырывались слова: “я и государь” или “государь и я”. “Даже враги министерства, — объявил он, — и те знают, что мы знаем свое дело”. Упомянул он даже и о возможности с своей стороны выйти из министерства»⁴⁰.

Современникам и потомкам Уваров запомнился как главный идеолог николаевской эпохи, автор знаменитой «триады». Но идеологом Уваров был всегда и всегда претендовал на то, чтобы формулировать основные параметры внешней и внутренней политики России. Его первым программным выступлением стала брошюра на французском языке «Проект Азиатской академии», в которой обосновывалась потребность государства иметь высшее учебное и научное заведение по изучению Востока в связи с тем, что, во-первых, «Азия является фундаментом грандиозного здания человеческой цивилизации» (с. 65), а во-вторых, в силу географического положения России, являющейся частью азиатского континента. В свое время С. Н. Дурылин удачно назвал этот уваровский проект «документом русского наступления на восток», связав его с внешнеполитическими задачами русского правительства⁴¹.

⁴⁰ Никитенко А. В. Указ. соч. Т. 1. С. 264.

⁴¹ Дурылин С. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 190–195.

Действительно, Уваров выступил со своей брошюрой в 1810 г., когда Россия, фактически вытесненная из европейской политики Наполеоном, вела две войны на Востоке: против Турции и против Персии. Но уваровский проект имел и более широкий смысл. Александр I стремился стать европейским монархом и восточное направление в своей политике никогда не считал основным. Между тем, Наполеон в Тильзите, всячески стараясь «утешить» царя, предложил ему в качестве компенсации за утрату европейских позиций стать освободителем Востока и практически вернуться к намерениям Екатерины II разделить Турцию и восстановить Грецию⁴². Поначалу Александр, видимо, с энтузиазмом воспринял это предложение, но уже через год, при следующем свидании двух императоров в Эрфурте, Наполеон был намного более сдержан относительно русского продвижения на восток, и Александр, как пишет А. Вандаль, «спрашивал себя, не подвергнет ли Россию всякое совместно с Наполеоном начатое предприятие опасности быть одуроченной, не окончится ли оно для нее самой горькой и самой блестящей неудачей»⁴³.

Проект Уварова предполагал, что Россия в своем движении на восток не должна ограничиваться каким-либо одним направлением. Ее присутствие там должно распределяться по всей протяженности восточной границы: «Россия, граничащая с Азией и владеющая всей северной частью этого континента, разделяет с другими державами нравственный интерес, руководимый ими в их благородных предприятиях. Но, кроме того, у нее имеется еще и интерес политический, столь очевидный и неоспоримый, что одного беглого взгляда на карту достаточно, чтобы в нем убедиться. Россия, можно сказать, лежит на Азии. Почти со всеми восточными народами она имеет общую сухопутную границу гигантской протяженности. Поэтому с трудом можно поверить в то, что из всех европейских стран именно в России меньше всего уделяют внимания изучению Азии. Достаточно самых элементарных политических понятий, чтобы оценить преимущества, которые Россия могла бы извлечь из серьезных занятий Азией. Россия, имеющая столь тесные отношения с Турцией, Китаем, Персией, Грузией, смогла бы не только содействовать в огромной

⁴² См.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. Ростов н/Д, 1995. Т. II. С. 98–102.

⁴³ Там же. С. 445.

степени общему прогрессу просвещения, но еще и удовлетворить свои наиболее дорогостоящие потребности. Никогда еще государственные соображения не были в такой согласии с великими видами нравственной цивилизации». (С. 68–69.)

Подчеркивая, что замышляемая им академия будет служить «посредницей между европейской цивилизацией и просвещением Азии» (С. 69), Уваров оставляет поле для идеологического маневра. Если Россия будет проводить активную европейскую политику, то ее продвижение на восток можно будет расценивать как движение европейского авангарда: Европа во главе с Россией просвещает Восток. Если же, наоборот, царь вынужден будет воздерживаться от активной европейской политики, тогда можно будет восточное направление внешнеполитического курса представить как защиту Востока от европейской заразы. И в том, и в другом случае Россия будет играть лидирующую роль.

Не менее важно, по замыслу Уварова, изучение Востока для нужд внутренней политики. Оно является важным фактором, позволяющим успокоить умы, разбуженные Французской революцией и последующими событиями: «Мы <...> устав от кровопролития, совершаемого именем человеческого разума, не можем находиться в ожидании потрясений, которые бы его возобновили. Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание». (С. 79.)

Просвещение Уваров всегда считал орудием консервативной политики, позволяющим избежать резких социальных сдвигов, и видел в нем не только рычаг для распространения знаний, но и важный канал идеологического воздействия на общество. Просветительская модель Уварова накладывалась на его убежденность в незыблемости сословных перегородок и в силу этого приобретала «вертикальный» характер. Верхушка общества, в глазах Уварова, не есть просто привилегированное сословие. Она имеет право на особую культурную элитарность, ей доступны знания, которые не доступны и не могут быть доступны массам, находящимся на низших ступенях социальной лестницы. Массы дозированно получают знания, идущие «сверху». Отсюда происходит важное для Уварова противопоставление элитарной и массовой культур. Уваров не считал, что в обществе должны быть слои, не охваченные просвещением, но он полагал, что каждое сословие должно получать свою «порцию» просвещения. Знания,

доступные мудрецам, не могут и не должны становиться достоянием толпы. Народу, по мнению Уварова, просвещение нужно лишь потому, что непросвещенный дикарь представляет реальную угрозу для общественного порядка.

В самом понимании просвещения Уваров сильно расходится с просветителями XVIII в., противопоставлявшими естественное и социальное состояние человека, как исходное природное добро человеческой природы и его дальнейшую порчу под воздействием «ложной» цивилизации. В отличие от Руссо, Уваров не верил ни в добродетельных дикарей, ни в то, что дикость есть исходное состояние человечества. Не разделял он и теорию общественного договора, считая общественное состояние изначально данным человеку Богом. Уваров полагал, что есть некие первичные идеи или «простые истины», «дарованные Богом вместе с речью и содержащиеся уже в речи. Эти первоначальные истины были повсюду одинаковы и стирались по мере того, как человек портился. Они полностью исчезли, и когда вдохновенные люди захотели вернуть человеческому уму достойную его мораль, они заимствовали в преданиях, письменных или устных, эти первые и вечные истины. Таким образом, наиболее древние теории всегда основаны на каких-то из этих фундаментальных понятий». (С. 71.)

Каждая новая цивилизация получает от предыдущей некие базовые понятия, которые она развивает и доводит до максимально возможной в то время степени, затем следует упадок, и наступает период дикости, выходом из которого является зарождение новой цивилизации. Таким образом, дикость — это не первичное состояние человечество, а одна из форм в его эволюции, сопровождающая распад той или иной цивилизации. Дикости противостоит просвещение, позволяющее поддерживать определенный уровень цивилизации. Гибель какой-то конкретной, действующей в определенных исторических рамках цивилизации не приводит к гибели человеческой цивилизации в целом, потому что подспудно сохраняется непрерывность «первоначальных идей». Эта непрерывность недоступна массам, мышление которых ограничено понятиями своей эпохи. Она является достоянием элитарных умов, вынужденных хранить свои знания в тайне от неспособного воспринять их народа. Таким образом, мудрецы и являются просветителями, дозирующими просвещение для народа. Знания, которым толпа не может найти нужного

применения, столь же опасны для общества, как и дикое состояние непросвещенного человека.

В начале 1812 г. Уваров выпустил брошюру «Исследование об элевсинских таинствах», снискавшую ему европейскую известность как ученому-эллинисту. В этой работе он развивает мысль, высказанную в «Проекте Азиатской академии» — мысль о едином первоначальном источнике просвещения, представляющем собой «бесконечное развитие одного и того же принципа» (с. 65): «Предположение, устанавливающее общий центр, общий фокус просвещения, бесспорно, есть самое основательное из всех предположений о происхождении человеческого образования». (С. 113.)

Полемизируя с французскими просветителями, «опозорившими прекрасное имя “философов”» тем, что «собрали против Священного писания все софизмы своей жалкой диалектики» (с. 70), Уваров утверждает: «естественное состояние человека не могло быть ни диким, ни поврежденным состоянием. Это состояние простое, лучшее, близкое к Божеству. Дикость и поврежденность человеческой природы были уже следствием падения человека, которое одно содержит ключ ко всей его истории. Отсюда — этот обратный ход нравственного мира, противоположный постепенно возрастающей силе человеческого ума; этим также объясняется настоящее положение дел, при котором человеческая мудрость есть только простое созерцание, воспоминание прошедшего, а добродетель — возвращение к Богу». (С. 112.) Философия, по мнению Уварова, неразрывна с религией, и «историю философских идей всегда должно соединять с историей религиозных верований, потому что философия, предоставленная самой себе, объясняет только вполовину историю человеческого ума». (С. 108.)

Уварова интересует вопрос, как, несмотря на грехопадение и последующий политеизм, человечество смогло снова вернуться к монотеизму. Иными словами, речь идет о том, как идея монотеизма, данного первым людям в непосредственном восприятии свыше, смогла сохраниться в период длительного господства язычества и в итоге снова возродиться в христианстве. По мнению Уварова, идеи монотеизма никогда не умирали, но с момента грехопадения были уделом лишь избранных и сохранялись в тайне от масс, впадших в политеизм и идолопоклонство. Уваров противопоставляет эзотерическое и экзотерическое знания. Первое было доступно единицам, так называемым эпоптам, т. е. тем, кто прошел высшую стадию посвящения в великие

мистерии и постиг последнюю тайну мистического учения. Экзотерическое знание было доступно любому мисту, т. е. неопиту малых мистерий, имеющих внешнюю обрядовую сторону, не выходящую за пределы политеизма. «Разделение мистерий на великие и малые зависело от самого свойства языческой религии. Великие таинства предоставлены были небольшому числу избранных, потому что истины, там открытые, могли бы нанести смертельный удар религиозным верованиям народа; напротив, малые мистерии доступны были всякому человеку». (С. 114.)

Содержание великих мистерий, не отраженное в источниках, Уваров определяет, исходя из «истинного источника всех наших познаний». По его мнению, эпопты «получали <...> не только правильные понятия о божестве и его отношениях к человеку, но и о первоначальном достоинстве человеческой природы, о падении, бессмертии души, о средствах ее возвращения к Богу, наконец, о другой жизни за гробом; но им открывали также *устные* и даже *письменные* предания, эти драгоценные остатки после великого кораблекрушения человечества». (С. 115.)

На вопрос, почему эти таинства не отразились в великой древнегреческой литературе и философии, Уваров отвечает, что причина этого заключается в самом демократизме античного искусства: «Греки довели до высочайшей степени искусство делать науку популярною; они не запирали, подобно нам, философии в темные пределы книги или кабинета; их философы рассуждали о великих нравственных вопросах в присутствии всего народа, и народ принимал живейшее участие в спорах; при соперничестве систем, нельзя было оставлять в почтительном полусвете важные теогонические и космогонические задачи, которые следовало решать. Это направление, быть может, не совсем годное для философии, чрезвычайно благоприятствовало успехам поэзии и красноречия». (С. 118.)

Народность древнегреческой литературы и философии препятствовала постижению эзотерической истины. Преимущественно устный характер литературы и философствования ставил автора лицом к лицу с аудиторией и устанавливал, таким образом, между ними прямую связь. Изобретение книгопечатания в XV в. кардинальным образом изменило ситуацию. Оно «нанесло жестокий удар живому слову, сообщило обратный ход человеческим познаниям. Философия заперлась в кабинете и сделалась умозрительною. Теперь ей можно

говорить обо всем и не доказывать ничего; общий интерес не следил более за ее открытиями; народ живой и образованный не вызывает ее на публичную площадь. Красноречие и поэзия также вышли из круга обыкновенной жизни, но это удаление не могло обратиться к их выгоде». (С. 118.) Таким образом, движение вперед, распространение христианства, предоставленная философу возможность думать об истине, а не о публике, сопровождалось существенными потерями в сфере эстетики. В дальнейшем эти мысли получают продолжение в рассуждениях Уварова о природе прогресса в искусстве.

Война 1812–1814 гг. погрузила Уварова в иной круг проблем. В конце 1812 г. он пишет «Размышление о том, что великая мощь, соединенная с великой умеренностью, может совершить для счастья человечества». В этой работе Уваров обращается к идее вечного мира, давно уже волновавшей европейских мыслителей⁴⁴. Однако, в отличие от своих предшественников, размышлявших над этой проблемой (от Сен-Пьера до Канта), Уваров относился к перспективе «вечного мира» довольно скептически. Этой крайности он противопоставляет другую крайность, высказанную Гоббсом, что естественное состояние человека есть война всех против всех: «Следует быть далеким от мысли Гоббса, полагающего войну естественным состоянием человека, но при этом, не стоит разделять и благодушные мечты аббата Сен-Пьера». (С. 158.)

У Уварова речь идет о другом, а именно — о возможности установить в Европе такой порядок, при котором война будет считаться таким же преступлением, каким считается убийство в цивилизованном обществе. От войны можно и должно найти средства защиты подобно тем, какие уже найдены человечеством в борьбе с эпидемиями и природными катастрофами. Таким средством, по мнению Уварова, является соединение государственной мощи с умеренной политикой. Уваров критикует так называемую систему европейского равновесия, согласно которой усиление одного государства заставляло другие государства объединять против него военные усилия под предлогом сохранения общего баланса сил. Этой системе автор противопоставляет буферную систему, когда малые и средние государства отделяют друг от друга великие державы: «Сильные государства должны поддерживать между собой дружбу и убедиться, что гарантией этой дружбы

⁴⁴ См.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 70–80.

является существование между ними средних государств, и что следует воздерживаться от того, чтобы их присоединять или уничтожать». (С. 188.)

М. Майофис проникательно указала на связь этой идеи с секретной нотой от 11 (23) сентября 1804 г., данной Александром I Н. Н. Новосильцеву (кстати сказать, предшественнику Уварова на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и в то же время доверенному лицу, выполнявшему важные дипломатические поручения в 1804–1805 гг.). В ноте речь шла не только о возможности военного союза России и Англии против наполеоновской Франции, но и о тех принципах, на которых должен строиться мир в послереволюционной Европе. Эти документы сближает прежде всего мысль о неприкосновенности границ малых государств как непрременном условии общего мира, а также насыщенная либеральная риторика, увязывающая примирение Европы с внутренними реформами в отдельных странах. На этом фоне не менее значимы и отличия. В секретной ноте был назван конкретный враг, препятствующий европейскому миру, против которого Россия и Англия должны объединить усилия, — это Франция. В «Размышлении» Уварова главным противником предстает Англия, вследствие чего М. Майофис высказывает, как представляется, не совсем оправданное предположение о датировке этого документа, предлагая отнести ее к «эпохе Тильзитского мира, когда Россия поддерживала дружеские отношения с Францией и вынуждена была соблюдать континентальную блокаду Великобритании»⁴⁵. Требуется объяснения уже тот факт, почему Уваров пять лет держал это сочинение в столе. Вместе с тем следует учитывать, что в 1807 г. у России не было возможности играть сколько-нибудь значительную роль в европейской политике, а именно на наличии такой возможности построен уваровский проект. Тильзитский мир скорее подталкивал Россию к проведению активной восточной политики, что, как мы видели, очень вдохновляло Уварова, и в этой связи идеи вечного мира были не совсем уместны. И, наконец, если брать не отдельные места, представляющие собой довольно резкие выпады против Англии, а все содержание «Размышления», то можно легко понять, что речь идет о крушении всей наполеоновской системы в Европе, что никак не подходит к ситуации 1807 г.

⁴⁵ См.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 79.

В то же время нетрудно объяснить, почему ничего не говорится о событиях 1812 г., пожаре Москвы, победе над французами и т. д. Уваров в данном случае мыслит в рамках больших исторических отрезков. Для него важно, что завершается период европейской истории, начатый Французской революцией, и на этом фоне даже такие события, как Отечественная война 1812 г., являются частным эпизодом. К тому же, как можно было писать о событиях этой войны, не сказав при этом о поругании, отмщении и т. д.? А это противоречило бы призывам к миру и декларируемому отказу от мести. По мнению Уварова, войне «можно положить конец очень простым способом. Для этого надо, чтобы о поведении одного народа сказали то, что в свое время говорили о Генрихе IV: «Он умел побеждать и прощать». Кто не почувствует сколь возвышено это высказывание и сколь возвышено такое деяние? Цезарь и некоторые знаменитые люди древности прощали некоторых из своих врагов. Генрих IV простил целый народ. Древние считали, что доблесть требует иногда прощать обезоруженных врагов. Генрих IV прежде чем простить, сделал добро городу, который он осаждал». (С. 190.) Впрочем, намек на события 1812 г. в тексте все-таки обнаружить можно: «Итак, для того чтобы возродить державу из руин, не следует прибегать ни к расширению ее территории, ни к ослаблению соседей, ни к чрезмерному количеству войск, ни к сокровищам, ни к заполненным до предела оружейным складам. Но следует стремиться к сочетанию процветания одного государства с процветанием всех остальных, к тому, чтобы истинный дух в социальном теле никогда бы не вырождался или по крайней мере был в состоянии энергично восстанавливаться». (С. 187.) О каких, собственно говоря, руинах идет речь, если не о разрушениях, причиненных России в 1812 г.?

Также объяснимы и довольно резкие выпады в адрес Англии. Уваров вполне подстраховался, неоднократно заявляя, что его проект — мнение частного лица, а следовательно, высказываемые им мысли не должны рассматриваться как официальная позиция России в отношении Англии. Но дело не только в этом. Уваров писал в то время, когда вопрос о заграничных походах, скорее всего, окончательно еще не был решен. Во всяком случае, из его текста никак не следует, что они должны были состояться. Одним из аргументов против походов, высказанных, в частности, М. И. Кутузовым, было указание на то, что полное уничтожение Наполеона и ослабление Франции

приведет к усилению англичан на континенте, а эгоизм их внешней политики был, что называется, «притчей во языцех». Уваров как раз беспокоился о том, что такое усиление может означать новые войны и сведет на нет победу России. Но самое интересное, что его текст при необходимости можно воспринять и как оправдание заграничных походов, и как обоснование отказа от них. Как всегда, идеолог Уваров оставляет возможность для маневра.

Новое устройство Европы, в представлении Уварова, должно было представлять собой общеевропейскую республику, основанную на договоре отдельных государств между собой. Гарантией того, что договор этот будет соблюдаться, являются внутренние преобразования в каждом государстве, в которых заинтересованы законные правительства, поскольку они ничего не выигрывают от войн, а, напротив, несут постоянные расходы на усиление обороны государства в ожидании новых войн. Против преобразований выступают приближенные монарха, обманывающие его и использующие свое высокое положение в корыстных интересах. Наживаясь на войне, они втягивают в нее монархов. Поэтому предлагаемый Уваровым проект представляет собой «союз государей против частных лиц, которые слишком часто вовлекают их в войны, потому что выигрыш частных лиц слишком очевиден, в то время, как выигрыш государей сомнителен». (С. 164.)

Допуская возможность ограничить «независимость» государя (под «независимостью» понимается «возможность делать все, что хочешь» — с. 183), Уваров полагает, что в безграничной власти в первую очередь заинтересован не сам монарх, а люди, имеющие на него влияние: «Сколько было случаев, когда государь, злоупотребляя своей независимостью, навлекал на себя самые ужасные бедствия? И нередко в несчастье такой государь думал, насколько было бы для него полезнее хотя бы незначительное ограничение собственной независимости! А сколько можно насчитать монархов самых могущественных и самых удачливых, которые порой вынуждены были действовать против собственного желания и соглашаться на самые неприятные условия?» (С. 181–182.) Таким образом, ограничение монархии является непременным условием общеевропейского мира.

Другим условием видится отмена крепостного права, против чего опять выступают «частные лица»: «Все собственники считают, что они станут жертвой вопиющей несправедливости, если крепостные получат свободу, даже если при этом они добровольно будут продолжать

работать на них. Собственники земли забывают, что класс крепостных принадлежит к человеческому роду, что он не может быть низведен до уровня животных, которых мы используем для нашего удобства, и заботимся о них ровно столько, чтобы поддерживать их существование. Что же касается самих собственников, то они очень хорошо понимают, что человек не может использоваться как средство в интересах другого человека, и что целью его действий должно быть счастье, совместимое со счастьем других. И тем не менее они не руководствуются этим принципом в отношении к своим крепостным. Крепостное право было отменено в большинстве стран Европы, несмотря на упорную борьбу частного и общественного интересов, когда верховная власть пришла на помощь просвещению, и сами собственники, лучше осознавшие свои истинные интересы, теперь признали, что экономически они только выиграют, если свободные руки будут стремиться к усовершенствованию земледелия как в своих собственных интересах, так и в интересах собственников земли». (С. 179.)

Отмена крепостного права важна для Уварова прежде всего потому, что без этого Россия не только не может стать ведущей европейской державой, но и вообще не может считаться цивилизованной страной. Разумеется, что именно так Уваров и думал, но думал он так потому, что знал мысли царя на этот счет и претендовал на то, чтобы быть их выразителем. Знал он и о стремлении царя видеть Европу единой семьей народов под пастырским попечением монархов, заботящихся о просвещении своих подданных: «Когда высшая власть находится в руках законного государя, когда просвещение народа со всей очевидностью свидетельствует о том, что такое правление не считает нужным скрывать даже малейшие недостатки и способно принести много добра, когда общественные нравы служат основой процветания государства, тогда не прибегают ни к демону войны, ни к фанатизму мнений. Управление таким государством может быть сравнимо с властью священника над его паствой». (С. 157.)

Выравнивание общественно-политических систем европейских государств на основе общего просвещения должно привести, по мысли Уварова, к формированию общеевропейского патриотизма, противостоящего патриотизму национальному⁴⁶. Сравнивая обще-

⁴⁶ Интересные наблюдения над уваровским пониманием «истинного патриотизма» см.: *Майофис М.* Указ. соч. С. 76–78.

греческий патриотизм спартанского царя Леонида и узкоримский патриотизм Сципиона, разрушившего Карфаген, Уваров пишет: «По-жертвовать своим могуществом, своим состоянием, своей жизнью во имя общих интересов человечества — вот героизм! вот патриотизм! Только в этом случае, а не в условиях разобщения народов, когда герой одной страны был бичом для другой, можно проявить все свое истинное величие». (С. 189.)

Идея общеевропейского патриотизма, с идеологической точки зрения, отличалась исключительной продуктивностью в условиях борьбы России с Наполеоном на территории Европы. Европейским народам как бы предлагалось сделать выбор между местным патриотизмом, который вполне мог быть направлен не только против Франции, но и против России, и общеевропейскими интересами, на выражение которых претендовала Россия. В то же время при необходимости это могло стать оправданием заграничных походов русской армии: дело России неотделимо от дела Европы, и кто считает иначе, тот является противником всеобщего мира.

Удачным примером истинного патриотизма стал для Уварова генерал Ж. В. Моро. В прошлом участник революционных войн, прославившийся яркими победами, Моро был обвинен в участии в антинаполеоновском заговоре генерала Ш. Пишегрю и выслан из Франции. Прожив несколько лет в Америке, Моро в 1813 г. был приглашен Александром I для командования союзными войсками. Он погиб от разрыва пушечного ядра во время Дрезденского сражения. «Потеря сего великого человека, — сообщал “Сын отечества”, — весьма чувствительна, особливо в нынешних обстоятельствах. Он явился в виде гения-спасителя, который долженствовал примирить Францию со всею раздраженною Европою, и исчез с позорища славы и чести. Мы лишились в нем храброго, искусного генерала, а французы потеряли в нем надежду, в скором времени и без труда освободиться от постыдного и тягостного ига»⁴⁷. Для Уварова в контексте его размышлений важно, что француз во имя общеевропейских интересов поднял оружие против своей родины. Это не делает его врагом Франции, так как подлинные ее интересы, не осознаваемые ее правительством и обманутым народом, совпадают с интересами всей Европы. Поэтому Моро был «человеком Европы»: «В молчаливом уединении, долгие

⁴⁷ Сын отечества. 1813. Ч. 8. № 37. С. 206.

размышления генерала Моро о человеческой природе внушили ему мысль, что нет отечества там, где нет добродетели и чести, что Франция может быть спасена только, если она будет побеждена, что сам он будет навсегда в ответе перед ней, если не примет активного участия в ее освобождении. Наконец, пришло время встать выше всякого личного благополучия и присоединиться к делу спасения Европы и всего человечества. Благородная мысль, заставляющая весь мир сожалеть о потере Моро и дающая каждому народу Европы право считать его своим соотечественником!» (С. 223.) Политические взгляды Моро, как пишет Уваров, продолжали оставаться республиканскими, но истоки его убеждений имели отвлеченно-книжный характер и питались античными примерами. В современной ему действительности, когда «он покидал эти возвышенные области и этот порядок вещей, составляющий вечную славу человечества, его спокойный и суровый рассудок снова получал все свое влияние. Глубоко осознав неизбежность монархического правления, он считал республику возможной только для небольшого количества душ, соответствующих тому, что он называл *своим воображаемым государством*». (С. 225–226.)

Итак, — француз, преодолевший узость национального патриотизма и возвысившийся до понимания интересов всей Европы, республиканец, осознавший невозможность в современном ему мире республиканского правления и ставший на защиту монархии, — таким предстает Моро в изображении Уварова. Подобного рода вариативность политических мнений и патриотических чувств должна была способствовать консолидации Европы в тот момент, когда смерть Моро и поражение под Дрезденом поставило под вопрос само существование европейской коалиции.

До взятия Парижа Уваров, хотя и исходит в своих идеологических построениях из преобладающей роли России в освобождении Европы, тем не менее, особо не акцентирует эту роль, стремясь представить борьбу с наполеоновской Францией в первую очередь как общеевропейское дело. После же свержения Наполеона появилась необходимость выделить значение России на фоне остальных стран-участниц коалиции. Проще всего это было сделать путем прямого противопоставления Александра I и Наполеона.

В брошюре «Император Всероссийский и Бонапарте» Уваров писал: «Чтоб изобразить поведение императора нашего во всей его красоте, должно противопоставить ему поведение его противника». (С. 235.) Здесь

автор впервые говорит о жертвах, принесенных Россией в 1812 г., и о противостоянии России не только Франции, но и всей Европе: «Александр изгнал из пределов своих вероломного врага, возмутившего их спокойствие. Он истребил армию в шесть сот тысяч человек — цвет Европы, против него ополченной. Он мог бы с гордостью опустить меч во влагилище, и ждать неприятелей; но другая, высокая мысль в тайне его занимала. Он видел, что союзники Франции сражались с ним против воли, видел, что Европа стенала под тяжким игом и изнемогала от угнетающих ее бедствий. Александр решил освободить побежденные народы, вознамерился отомстить за оскорбление народных прав, и в самом независимом монархе вселенная явит защитника тех высоких, благодетельных правил, которым свет обязан был четырьмя веками славы и благоденствия!» (С. 243.) При этом в отличие от Наполеона Александр демонстрирует не только силу, но и умеренность, он не мстит, а освобождает, не разрушает, а восстанавливает. Правление Александра, по мнению Уварова, стоит на стыке двух больших исторических периодов: оно завершает эпоху революций и войн и открывает новый период мира. Под его правлением «Россия, главная виновница восстановления Европы, успокоится после долговременных трудов, под сенью славы, беспримерной в летописях мира!» (С. 248.) Этот новый период в истории Европы Уваров определяет как Александровский.

Попытка Уварова выступить в роли идеолога заграничных походов, видимо, не была удачной. Его выступления, хоть и появлялись в печати, но заметного резонанса, судя по всему, не имели. Сам Александр I нашел более удачное идеологическое решение. Оправдывая победы России Божьим промыслом, он тем самым в своем смирении вознесся до уровня божественного избранника. Библейская риторика нового внешнеполитического курса лишь слегка отразилась в сочинениях Уварова, полностью лишенных увлекавшего царя мистицизма. Роль главного государственного идеолога у Уварова была еще впереди.

Пока что он возвращается к давно интересовавшим его проблемам Востока и мировой истории. В 1818 г., выступая перед студентами и общественностью в Главном педагогическом институте по случаю открытия там кафедры восточных языков и кафедры всеобщей истории, Уваров произнес программную речь. В первой ее части он изложил основные положения своего «Проекта Азиатской академии»

и еще раз обосновывал тезис о Востоке, как «колыбели человечества». Во второй части Уваров представил историософский взгляд на ход человеческой цивилизации. Еще за несколько лет до своего выступления Уваров выпустил отдельную брошюру о преподавании истории. В ней он особенно выделил эпоху Средних веков, когда, по его мнению, закладывались основы современной европейской цивилизации. «Доныне так называемые *средние века* почитаемы были временами варварства и грубости, но и они теперь показываются в другом виде». Преподающий, подчеркивал Уваров, должен изображать их, как периоды «*борьбы и развития*», «детства и юности Европы». (С. 210.) Теперь, пять спустя лет, он стремится в духе времени соединить просвещение и религию, правда, не столь радикально, как министерство А. Н. Голицына. Он отрицает теорию общественного договора, утверждая, «что падение человека содержит в себе первое основание гражданской жизни». (С. 261–262.) Речь Уварова представляет собой любопытный пример диалектики, позволяющей рассматривать исторический процесс не как борьбу добра и зла, а как динамическое противоборство противоположностей.

Исходя из идеи историзма, Уваров считает рабство естественным состоянием дохристианских обществ: «В древнем мире рабы не почитались горестными жертвами строгой судьбы. Древние видели в них особый род людей, природою на вечное рабство осужденный, издавна лишенный не только всех своих прав, но даже всей способности ими когда-либо пользоваться. Ни один философ древности не восстал против сей мысли. Иные проповедовали снисходительность в обхождении с рабами: но ни Платон, ни Сенека не внимали гласу природы и не защищали прав человечества». (С. 264.) Освобождение рабов связывается Уваровым с распространением христианской религии, которая «есть урок *морального равенства*». (С. 264.)

Мысль о правах человека, по мнению Уварова, зарождается у древних германцев, «в полудиких учреждениях и нравах» которых можно разглядеть «следы какого-то высокого политического образования, основанного на незыблемых правах человечества и гражданства». (С. 266.) Из смешения германских учреждений с римскими и галльскими обычаями рождается феодальная система. Уваров показывает отличие так называемого феодального рабства от настоящего античного рабства. Второе было основано на праве победителя, так как рабами становились военнопленные, а первое связано с собственностью

на землю и прикреплением к ней крестьян. Поэтому феодализм, по мнению Уварова, представляет собой переходную ступень от варварства к свободе, и, следовательно, оценка данного этапа не может быть однозначной. Уничтожение феодальной системы он связывает с крестовыми походами: «феодальное рабство стало мало-помалу исчезать от крестовых походов. В сем обороте участвовали религия, дух времени и самые внутренние обстоятельства государств. Гордый Гогенштайфен и последний его подданный делались равным образом *рыцарями креста*. Вот первый знак ослабления прав властителей!» (С. 268.) Кроме военного братства, которое сплачивало «рыцарей креста»⁴⁸, упразднению феодальных отношений способствовали такие обстоятельства, как продажа вассалами своих поместий, освобождение рабов, с одной стороны, и образование *среднего состояния*, — с другой.

При этом особо подчеркивается, что крестовые походы лишь способствовали уничтожению рабства. Данный процесс Уваров ставит в прямую зависимость от распространения христианства: «освобождение *души* чрез просвещение должно предшествовать освобождению *тела* чрез законодательство». (С. 269.)

Что касается России, то Уваров рассматривает ее историю в контексте взаимоотношений между Западом и Востоком. Развитие цивилизации шло от Египта к Греции, от Греции к Риму, от Рима к Западной Европе. Россия, ввиду ее позднего появления на исторической арене, полностью принадлежит к европейской истории. Поэтому задача преподавателя истории, по мнению Уварова, состоит в том, «чтобы дать слушателям здоровое понятие о происшествиях русской истории и о связи ее с историей Европы. Многие писатели показали сию связь начинающуюся с Петра Великого; но легко можно увериться, что многими столетиями ранее Россия имела тесные сношения с Европою». (С. 211.) Таким образом, Россия, в представлении Уварова, есть европейская страна, правда, отстающая в своем развитии от стран Запада.

Это было последнее значительное выступление Уварова в александровскую эпоху. Дальнейшая неудачная борьба вокруг университетов

⁴⁸ О связи этой метафоры с восточным направлением внешней политики России см.: *Майофис М.* «Рыцари креста». Расшифровка одной политической метафоры С. С. Уварова // Россия — Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. 3[11]. М., 1999. С. 158–162.

и последовавшая за ней сначала отставка, а потом принятие нового служебного поприща на время отвлекли Уварова от идеологических концептуальных разработок.

Ситуация стала меняться в период нового царствования. При этом огромное влияние на политику самодержавия во второй четверти XIX в. оказало восстание декабристов, наиболее ярко продемонстрировавшее кризис в отношениях власти и общества. Вполне осознавая необходимость проведения в России назревших преобразований, самодержавие, тем не менее, в данный период ставит первоочередной задачей сохранение и укрепление существующего политического режима. Это требовало в свою очередь более осторожного подхода к решению проблемы реформ, более продолжительного подготовительного этапа. Одновременно с этим во второй четверти XIX в. для правительства актуализируется проблема не только всеобъемлющего контроля над развитием общественной мысли в России, но и возможного управления этим процессом согласно правительственным установкам. События 14 декабря 1825 г. и выводы, сделанные в связи с этим Николаем I, положили начало изменениям в сфере образования, выдвинув на первый план политическую составляющую воспитания общества. В стране постепенно складывается система более эффективного государственного контроля над деятельностью образовательных учреждений всех уровней. Начало такой политике в области просвещения было положено уже в первые годы правления Николая I.

Своего рода программным документом нового царствования стал знаменитый манифест о свершении приговора над декабристами от 13 июля 1826 г. Помимо прочего в нем говорилось о необходимости более внимательного отношения к воспитанию и образованию юношества, в том числе и дворянского. В документе, посвященном восстанию против существующего строя, этот вопрос приобретал важное политическое значение. «Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — говорилось в манифесте, — недостатку твердых познаний должно приписать сие свойство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нрава, а конец погибель»⁴⁹.

⁴⁹ ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1830. Т. 1. № 465.

Работа по изменению воспитательной и образовательной системы начинается уже во второй половине 1820-х гг. 14 мая 1826 г. был учрежден Комитет об устройстве учебных заведений. В задачу комитета входила подготовка новых уставов для учебных заведений всех типов, формирование в империи единой образовательной системы, подчиненной политическому контролю со стороны власти; утверждение новых учебных планов и программ, а также учебников и пособий⁵⁰. Главным результатом его деятельности стал утвержденный 8 декабря 1828 г. Устав низших и средних училищ. В поле зрения правительства оказываются и частные учебные заведения. Согласно VIII главе Устава 1828 г., все заведения подобного рода были подчинены надзору директоров гимназий, а в уездных городах — смотрителю училищ. Осматривая их не менее одного раза в год, директор обязан был главным образом следить за учебным процессом и нравственным воспитанием учащихся⁵¹. Происходит ужесточение сословной политики в области образования. Высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения от 19 августа 1827 г. гласил: «необходимо, чтоб повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся»⁵². Это были только первые шаги, однако и они уже демонстрировали стремление правительства скорректировать развитие просвещения в России, поставив его под более жесткий контроль.

События 1830–1831 гг. (революции во Франции и Бельгии, восстание в Царстве Польском) стали дополнительным фактором, усилившим консервативные тенденции в политике самодержавия. Под их влиянием Николай I отказывается от немедленного реформирования страны, а проекты реформ, разработанные Комитетом 6 декабря 1826 г., так и остались не реализованными. Зато еще большее значение приобрела задача укрепления идеологического воздействия власти в ходе формирования общественного мнения. Декабристы обвинялись в том, что, ведя подготовку вооруженного восстания, они

⁵⁰ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 179.

⁵¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения (далее — СПМНП). СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 254–255.

⁵² СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 71.

находились под влиянием чуждых западных политических теорий. Революционное движение в Европе лишней раз продемонстрировало российским властям всю опасность, таящуюся в их распространении. Не сумевший воплотить в жизнь основные принципы Священного Союза⁵³, Николай I вынужден был признать все изменения, произошедшие в то время на политической карте Европы (новую власть во Франции, независимость Бельгии). Свою главную задачу он видел в том, чтобы не допустить проникновения революционной «заразы» внутрь России. Ограничивается выезд русских за границу. Следуя в русле этих задач, николаевское правительство также считало необходимым внести существенные коррективы в систему просвещения.

По сути, речь шла о создании национальной идеологической модели просвещения, обоснование которой давал Уваров. Он впервые официально высказал идею, что «образование правильное, основательное, необходимо в нашем веке с глубокими убеждениями и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия, народности, составляющие последний якорь нашего спасения и важнейший залог силы и величия нашего отечества». (С. 300.)

Триада Уварова представляла собой, как заметил М. М. Шевченко, своеобразную интерпретацию призыва «За веру, царя и отечество»⁵⁴. В то же время существовала вероятность противопоставления ее другой формуле, возникшей в период Французской революции 1789 г., которая имела сходную с уваровской структуру. Однако, элементы, включенные во французский вариант («Liberté, Egalité, Fraternité» — «Свобода, Равенство, Братство»), выступали прямыми антиподами тому, что предлагал министр просвещения⁵⁵. Какое бы значение ни приобретала уваровская формула, она стала идеологической плат-

⁵³ Не склонный к излишнему теоретизированию и мистицизму (как его покойный брат), Николай I унаследовал от Александра I приверженность к принципам Священного Союза, воспринимаемого новым императором прежде всего в качестве охранительного органа, предназначенного для предотвращения революционных возмущений в европейских государствах и изменений в их государственном строе. Религиозный космополитизм, который был присущ Александру I, для Николая I был ненужным элементом. Однако в 1830 г. вступить в борьбу с революцией на международной арене русскому императору не удалось из-за позиции, занятой союзниками.

⁵⁴ Шевченко М. М. Конец одного Величия. С. 68.

⁵⁵ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 405.

формой, обеспечивающей в исторической перспективе устойчивость российской государственности.

В докладе 19 ноября 1833 г. Уваров дал развернутую характеристику каждого элемента выдвинутой им формулы. (Православная вера, считал он, есть основа нравственного и культурного развития человека и общества в целом. Потеря религиозного чувства с логической неизбежностью ведет к саморазрушению личности и ее духовной гибели.) «Без любви к Вере предков, — писал Уваров, — народ, как и частный человек, должны погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении». Самодержавие, по мнению Уварова, является основой существующего политического порядка в России, обеспечивает его устойчивость и стабильность. («Русский Колосс опирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный». Именно эта исходная идея, с точки зрения Уварова, и «должна присутствовать и развиваться в народном воспитании»⁵⁶).

Если первые две составляющие уваровской формулы были вполне понятны и, в силу своей традиционности, доступны для массового восприятия, то третья составляющая — «народность», — осталась без какой-либо определенной характеристики. Министр просвещения ограничился лишь общими рассуждениями о том, что «вопрос о народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о самодержавии»⁵⁷. Уваров возможно знал, что термин «народность» был впервые использован П. А. Вяземским в письме к А. И. Тургеневу 22 ноября 1822 г.: «Зачем не перевести *nationalité* — *народность*? Поляки сказали же: *narodowosc!* <...> Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится»⁵⁸. Под «народностью» Вяземский понимал культивируемое европейскими романтиками национальное своеобразие и совершенно не имел в виду именно русскую народность.

Вводя понятие «русская народность», Уваров, с одной стороны, открывал возможности для конструирования широкой общенацио-

⁵⁶ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 71.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. С. 357–358. См. также: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 296.

нальной идеологии, а, с другой — правительству предоставлялось право решать, что может считаться подлинно народным, а чему должно быть в этом отказано. Для того, чтобы особо подчеркнуть продуктивные возможности этого нового понятия, Уваров писал: «Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна»⁵⁹.

Опираясь на три исходных постулата своей формулы, Уваров переносил эти представления в сферу возможной модификации системы просвещения в России, параллельно пытаясь оценить и ее роль в сохранении политической стабильности в государстве. Источники, используемые им в процессе разработки концепции развития национального просвещения нового типа, весьма разнообразны. К ним следует отнести: наследие французских легитимистов, представителей немецкого романтизма первой половины XIX в., концепцию исторического развития Российского государства Н. М. Карамзина.

Таким образом, используя теоретические наработки своих предшественников, Уваров доказывал, что Россия идет особым, отличным от западного, путем исторического развития. В этой связи Уваров предельно четко сформулировал исходные принципы, неуклонная реализация которых позволила бы достичь искомого результата. «Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, — писал он, — невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия к счастью сохранила доселе теплую веру к некоторым *религиозным, моральным и политическим* понятиям, ей исключительно принадлежащим»⁶⁰.

Вместе с тем, будучи человеком европейски образованным, интегрированным в западноевропейскую культуру, Уваров не мог не осознавать, что полная изоляция России от Запада уже практически невысказана и в сложившихся обстоятельствах грозила бы российскому государству значительным отставанием в его развитии. Выход из логического тупика был найден в неразрывной связи общего просвещения с нравственным и политическим воспитанием. Главной задачей,

⁵⁹ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения. С. 71.

⁶⁰ Там же. С. 70.

по мнению Уварова, было «внушить юношеству, что на всех степенях общественной жизни умственное совершенствование, без совершенствования нравственного — мечта и мечта пагубная»⁶¹. Базовым основанием для образования, нравственного воспитания и должна была послужить уваровская формула — «православие, самодержавие, народность». При этом Уваров стремился найти разумный компромисс между российским самодержавным режимом и западным просвещением. «Вот те главные начала, — писал Уваров, — которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа». (С. 348.)

Разработанная в недрах Министерства народного просвещения уваровская доктрина имела отнюдь не только внутриведомственное значение⁶². Чтобы идеологическая доктрина оказалась действенной, необходимо было прочно внедрить ее в общественное сознание. И здесь Уваров недвусмысленно подчеркивал приоритетную роль возглавляемого им Министерства народного просвещения: «Таким образом, именно в сфере народного образования надлежит нам, прежде всего, возродить веру в монархические и народные начала, но возродить ее без потрясений, без поспешности, без насилия»⁶³. Министерство народного просвещения, как никакое другое государственное учреждение, имело достаточно широкие возможности, чтобы поставить под свой контроль процесс развития образования, нравственного и политического воспитания подрастающего поколения.

⁶¹ [Уваров С. С.] Общий отчет, представленный его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1837 г. // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1838. Ч. 18. №4. С. CXLV—CXLVI.

⁶² О локальном, ведомственном значении данной Уваровым установки см.: Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст — 1989. М., 1989. Эта точка зрения была уже оспорена другими исследователями. См.: Мильчина В. А., Основат А. Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С. С. Уварова // НЛО. 1995. №13. С. 21; Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла ... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 344.

⁶³ Цит. по: Зорин А. Л. Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 26. С. 98.

При Уварове усиливается централизация управления системой просвещения. Особое внимание было уделено частным школам, а также домашним учителям и наставникам, интеграция которых в государственную систему образования приобретала политическое значение. В ноябре 1833 г. Уваров предложил Николаю I ряд радикальных мер против распространения частных школ, неподконтрольных государству. В результате частные учебные заведения становились более зависимыми от правительственной политики. Согласно положению о домашних учителях и наставниках (1 июля 1834 г.), последние также включались в общегосударственную систему, получив статус служащих, с соответствующими правами и обязанностями. В учебных округах усиливается власть попечителей, под влияние которых попадают не только низшие и средние учебные заведения, но и университеты. Новый университетский устав 1835 г. фактически лишил их прежней автономии. Учебный процесс стал подвергаться более жесткому контролю и регламентации со стороны властей. Так, например, Уваров требовал от попечителей строгого наблюдения за тем, чтобы в низших и средних учебных заведениях изучались русский язык и отечественная словесность, внушались преданность монарху и повиновение властям, а также укреплялись в умах и сердцах обучающихся любовь к родине и ко всему отечественному⁶⁴. Такая же ситуация складывалась и в университетах. В циркулярном предложении попечителям учебных округов министр вполне определенно заявил, что преподаватели должны стать «достойными орудиями правительства»⁶⁵. В системе образования утверждались сословные принципы. Со стороны властей были предприняты попытки нейтрализовать возможные опасные последствия самостоятельного развития европеизированной дворянской культуры и противопоставить ей государственную систему просвещения, основанную на национальных началах. Реализовать этот план предполагалось путем распространения государственной системы образования, в том числе — и на представителей высшего сословия. В первой половине XIX в. дворяне зачастую отказывались отдавать своих отпрысков

⁶⁴ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. 1802–1834 гг. СПб., 1898. Стб. 863–864.

⁶⁵ Уваров С. С. Циркулярное предложение г. управляющего министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // ЖМНП. 1834. Ч. 1. №1. С. 1.

в государственные учебные заведения (гимназии), где они вынуждены были учиться вместе с детьми из других сословий.

Помимо образовательной сферы в управлении Уварова как министра просвещения оказалось и цензурное ведомство. Согласно новому цензурному уставу 1828 г., в печати запрещалось обсуждать вопросы политического характера. Даже в статьях, посвященных отечественной истории, где, по мнению правительства, затрагивались вопросы государственного значения, допускалось их изложение лишь с «особенною осторожностью, и только в пределах самой строгой умеренности»⁶⁶. Особенно остро цензура реагировала на публикации, покушающиеся на основы государственной идеологии. Известны случаи, когда подобное обвинение становилось поводом для запрещения журнала, и Уваров принимал в этом непосредственное участие. Так, в 1834 г. был закрыт журнал «Московский телеграф». Поводом послужила помещенная на его страницах критика в адрес патриотической драмы Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла». Будучи довольно слабым в художественном отношении, это произведение по своему содержанию вполне укладывалось в рамки, обозначенные уваровской формулой. В 1936 г. был запрещен журнал «Телескоп», издававшийся Н. И. Надеждиным. Помещенное в №15 журнала «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, по мнению Уварова, «дышит нелепою ненавистью к отечеству», наполнено «ложными и оскорбительными понятиями как насчет прошедшего, так и насчет настоящего и будущего существования государства»⁶⁷.

Несмотря на то, что цензура в николаевское царствование работала в довольно жестком режиме, Уваров был сторонником более осторожного подхода. Он прекрасно понимал истинное значение частной периодической печати при формировании общественного мнения. Еще в 1832 г., подавая императору отчет о ревизии в Московском университете, он акцентировал внимание на этой проблеме. «Вообще, имея при сем случае непосредственное сношение с сими лицами [издателями и журналистами. — *Авт.*], — писал министр просвещения, — убедился я в том, что можно постепенно дать периоди-

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 831. Ед. хр. 5. Л. 32–32 об.

⁶⁷ Всеподданнейшая докладная записка министра народного просвещения Уварова, от 20 октября 1836 года, о статье «Философические письма», в журнале «Телескоп» // Русский архив. 1884. № 4. С. 457.

ческой литературе, сделавшейся ныне столь уважительною и столь опасною, направление, сходственное с видами правительства; а сие, по моему мнению, несравненно лучше всякого вынужденного запрещения издавать листки, имеющие большое число приверженцев и с жадностию читаемые особенно в средних и даже низших классах общества»⁶⁸.

Таким образом, Уваров выделял два основных аспекта, на которые правительство, по его мнению, должно было обращать внимание, координируя свои действия в этой сфере. С одной стороны, правительство должно пресечь любые возможности проникновения в печать вредных идей, противоречащих правительственному мнению; с другой, — предпринять попытку привлечения на свою сторону наибольшего числа писателей и журналистов в расчете использовать их в качестве пропагандистов и популяризаторов национальной государственной идеологии.

Исследовательского внимания заслуживает также образовательная политика Уварова в отношении нерусских народов национальных окраин империи. Не абсолютизируя стремлений Уварова к культурной ассимиляции нерусских народов, отметим, что он дифференцированно подходил к решению этой сложной проблемы. Так, попытки применения единого плана в области развития образовательной системы в различных национальных регионах империи, без учета их специфических особенностей, вызывали протест у Уварова, считавшего, что именно такая однобокая политика чаще всего становится причиной недоверия к государственным общеобразовательным учреждениям. В связи с этим он стремился в своих практических действиях проявлять больше гибкости, идя, в случае необходимости, на компромиссы, которые должны были преодолеть недоверие нерусских народов к правительственной политике в области просвещения. Однако даже такой амбивалентный подход не всегда достигал результата. Так, мусульмане крайне неохотно отдавали своих детей в русские учебные заведения. В конце 1830-х гг. попечитель Казанского учебного округа, с согласия Уварова, даже был вынужден обратиться через таврического и тифлисского гражданских губернаторов к местному населению с официальным приглашением отдавать своих детей в Казанскую и Астраханскую гимназии.

⁶⁸ СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 515.

Приглашение распространялось на турецко-татарском и персидском языках. Прежнее насильственное насаждение русской культуры отныне заменялось более гибкой политикой распространения среди восточных народов достижений европейского просвещения (в официальном русском варианте) при условии сохранения местных культурных традиций. В результате шагов, предпринятых Уваровым, Петербургский и Казанский университеты стали центрами российского востоковедения. По его мнению, «Россия, господствующая над значительной частью Азии, сохраняя под державою своей многочисленные и различные письмена азиатские, избрана судьбою, пред всеми другими просвещенными народами, на изучение востока, его наречий, литератур, памятников его истории и верований». (С. 361.)

В 1835 г., буквально через год после официального назначения на пост министра народного просвещения, Уваров выступил с инициативой о введении восточных языков в качестве отдельных учебных дисциплин в Казанской гимназии. Эта мера должна была, по замыслу Уварова, сыграть двоякую роль. Преподавание восточных языков в гимназии было направлено на подготовку переводчиков, сотрудников дипломатических служб, а также чиновников, знакомых с местными порядками и способными изъясняться на местных языках. В то же время создавались более благоприятные условия для дальнейшего привлечения представителей кавказских и азиатских народов в государственные учебные учреждения. Таким образом, Уваров способствовал культурному сближению восточных и русского народов, что, по его мнению, являлось необходимым условием для интеграции национальных окраин в Российское государство.

Несколько иной была политика Уварова в отношении западных и северо-западных окраин Российской империи, которые по своему культурному и образовательному потенциалу, а также традициям, если не превосходили центральные регионы России, то, по крайней мере, не уступали им. В западных губерниях возможность создания базы для более эффективной пропаганды официальной идеологической доктрины была, по крайней мере, на теоретическом уровне, более реальной в силу изначальной этнически-конфессиональной близости большей части населения этого края русскому народу. Однако в Остзейском крае ситуация была иной. Остзейцы склонны были оказывать и прямое противодействие деятельности Министерства народного просвещения. Особое их неприятие вызывала политика

министерства по отношению к Дерптскому университету, который, согласно проекту Уварова, со временем должен был стать приравненным по своему положению к остальным российским университетам. В 1839 г. к Николаю I обратились с жалобами на деятельность Министерства народного просвещения курляндский и лифляндский губернские предводители дворянства. Поводом для их недовольства послужили изменения в устройстве Митавской гимназии, приведшие к тому, что многие местные дворяне отказывались отдавать туда своих детей⁶⁹. Основываясь на Уставе 1829 г., местное дворянство считало, что попытки Министерства просвещения в частном порядке производить в округе те или иные изменения противоречат основным положениям этого нормативного документа. Вмешавшись в конфликт между остзейским дворянством и Министерством просвещения, Комитет министров, согласно высочайшей воле, подтвердил право правительства преобразовывать местные учебные заведения⁷⁰.

Таким образом, в процессе противостояния остзейскому дворянству Уваров руководствовался прежде всего имперскими категориями, в которых общегосударственная идея явно преобладала над национальной. В результате уваровская триада распадалась, и наиболее важным оставался именно принцип самодержавия. Попытка интеграции населения остзейских губерний в единый государственный организм посредством русификации приобретала в данном случае роль второстепенного, не вполне удавшегося, эксперимента. Более того, необходимо отметить, что применение термина «русификация» к деятельности Министерства просвещения в Остзейском крае также вызывает определенные сомнения. Уваров здесь в большей степени стремился проводить политику состязательности культур, пытаясь противопоставить русскую культуру немецкому влиянию, чтобы блокировать распространение последнего среди остальных народов, населявших этот регион. Эта политика, сопровождавшаяся попытками интеграции Дерптского учебного округа в государственную образовательную систему и активного распространения русского языка в учебной части и делопроизводстве, не получила, однако, должного масштаба. Наталкиваясь на упорное сопротивление местных элит, Уваров вынужден был корректировать свои действия. Несмотря на то,

⁶⁹ СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Л. 2–2 об.

⁷⁰ Там же. Л. 33об, 38–38об, 122 об.

что уже в 1843 г. он с гордостью отмечал огромные успехи осуществлявшихся в Остзейских губерниях мероприятий, письма и донесения к нему попечителя Дерптского учебного округа Б. Г. Крафстрема убедительно доказывают обратное. В 1845 г. он докладывал Уварову о незначительности успехов в изучении русского языка в гимназиях и уездных училищах, «ибо воспитанники этих заведений с трудом могли понимать и писать читанное»⁷¹. Б. Г. Крафстрем отмечал также, что распространению русского языка в Остзейских губерниях препятствует полное его отсутствие в общественной жизни края. Изучая русский язык в образовательных учреждениях, за их пределами ученики вновь переходили на немецкий и все навыки, приобретенные ими в русском языке, постепенно утрачивались⁷².

Особое место в деятельности Уварова занимали западные губернии. Меры, принимаемые в данном регионе Министерством просвещения, были в большей степени подвержены влиянию именно политических и идеологических факторов. Так, в вопросе распространения русского образования в Царстве Польском Уваров, несмотря на попытки Ф. И. Паскевича решить его главным образом административными и силовыми мерами, придерживался более компромиссного варианта. Критически оценивая деятельность наместника в Польше, Уваров в 1839 г. писал Николаю I, что «меры, которые до толе принимались, мало соответствовали цели, потому что слишком резко и преждевременно обнаруживали виды правительства. В политическом смысле язык можно уподобить оружию, которое должно нанести рану руке, неопытно им владеющей»⁷³. По мнению министра просвещения, нравственное сближение поляков с русскими в Царстве Польском приобретало большее значение, чем сближение политическое, и должно было предшествовать последнему. Тем не менее, в данном регионе увеличивалась роль именно политических факторов, которым оказались подчинены попытки культурной ассимиляции поляков, направленные на развенчание идей польского национального сепаратизма и формирование в общественном сознании верноподданнических чувств к имперской власти. Принадлежность Царства Польского к России, соблюдение поляками всех обязанностей

⁷¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 57. Ед. хр. 78. Л. 317 об.

⁷² Там же. Л. 322–322 об.

⁷³ Цит. по: *Рождественский С. В. Исторический обзор...* С. 314.

русских верноподданных объявлялись гарантиями спокойного существования и стабильного развития региона. В 1839 г. имперское правительство сделало значительный шаг в сторону унификации образовательной системы Царства Польского: был образован Варшавский учебный округ, контролируемый попечителем и непосредственно Министерством просвещения. Введенные впоследствии в Царстве Польском устав низших и средних учебных заведений (31 августа 1840 г.) и положение о частных учебных заведениях и домашних наставниках (18 января 1841 г.), разрабатывались на основе имперских нормативных документов⁷⁴.

События 1830–1831 гг. привели к тому, что проблема сближения западных губерний с центральной частью России в политическом и культурном отношении стала одной из важнейших. Дело в том, что польское восстание, в котором приняла участие определенная часть населения присоединенных к России губерний, произошедшее буквально через несколько месяцев после революции во Франции, воспринималось Николаем I и многими представителями высшего имперского чиновничества не только как самостоятельное идейное и политическое движение, но и как результат западноевропейского влияния. Вполне понятно, что польскому влиянию в присоединенных западных губерниях и усилению роли католического духовенства в воспитательном и образовательном процессе придавалось большее значение, чем было на самом деле. В них видели не только источник распространения идей сепаратизма, ставящих население западных губерний в оппозицию русскому правительству и его политике, но и канал распространения западноевропейских политических теорий. Противостояние этому влиянию, в связи с новой идеологической доктриной, направленной на сохранение существующего политического порядка, становилось весьма актуальным.

Воспринимая распространение польского языка как один из главных источников польского влияния, Уваров прилагал все усилия к максимально возможному ослаблению его позиций в западных губерниях и, главным образом, в образовательных учреждениях этого региона. Уже к 1838 г. преподавание польского языка было запрещено практически во всех учебных заведениях западных губерний.

⁷⁴ См.: РГИА. Ф. 744. Ед. хр. 18; *Рождественский С. В.* Исторический обзор... С. 315.

В свою очередь, политические условия, складывающиеся в данном регионе, также оказывали свое влияние на дальнейшую эволюцию развития государственной доктрины. В 1847 г. в Киеве было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество, сочетавшее панславистские идеи с ярко выраженным украинофильством. Уваров совместно с III отделением вынужден был решать проблему противостояния идеи общеимперского единства чисто национальному патриотизму, который за пределами центральных губерний приобретал явно двоякий смысл. Глава III отделения граф А. Ф. Орлов и Уваров писали о необходимости установления определенных границ при обсуждении вопросов, касающихся славянства. Преподаватели в своих лекциях и книгах не должны были допускать предположений о присоединении к России иноземных славян. Особенно осторожными им следовало быть, когда дело шло о народности или языке подвластных России земель, «не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, Империи, изгоняя все, что может вредить последней любви». Необходимо, чтобы выводы ученых и писателей «клонились к возвышению не Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а *Российской империи, в совокупности народов ее составляющих* [курсив наш. — Авт.]»⁷⁵. В данном случае понятие отечества тесно переплетается с понятием империи. Такой подход несколько размывал значение триады Уварова, однако способствовал оформлению на ее фоне действительно общеимперской идеологии.

Идеологическая программа Уварова, при всех ее достоинствах и недостатках, подразумевала поиск определенного компромисса в отношениях власти и общества. Агрессивной политике подавления общественной мысли он противопоставил политику постепенного ее подчинения «видам правительства» путем пропаганды основных идей, заложенных в доктрине. В связи с событиями в Западной Европе в 1848–1849 гг. произошла смена приоритетов. Первое место теперь заняли репрессивные меры, и Уваров с его политикой компромиссов все больше терял влияние.

Оценка взглядов и деятельности Уварова не может быть односторонней. 1830–1840-е гг. — период в истории России, когда происходит

⁷⁵ «Мнение» о Кирило-Мефодиевцах гр. Орлова, поданное им императору Николаю I // Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури. 1918. №2. С. 179.

определенное сближение государственного и общественного консерватизма. Уваровская доктрина актуализировала для общественной мысли того времени ряд проблем, касающихся исторического развития Российского государства, противопоставления России Западу, отношений власти и общества. Несмотря на все усилия Уварова, его формула не стала единственной альтернативой в их решении. Даже такие сторонники Уварова, как, например, М. П. Погодин, в некоторых вопросах занимали позицию, противоречащую «видам правительств». В частности, рост национального самосознания, подогреваемый самим правительством, имел и обратную сторону. При изучении русской истории, наших исторических корней, начал активизироваться интерес и к родственным нам славянским народам, который перерос у многих в идеи панславизма. Погодин также не раз сочувственно высказывался по отношению к славянам и даже выработал своего рода программу объединения славян под эгидой России⁷⁶.

Панславизм, изначально несущий в себе зерно национально-освободительного, т. е. революционного движения (если учесть, что за пределами России все территории, населенные славянскими народами, входили в состав «чужеродных» империй), противоречил основным принципам Священного Союза и легитимистским устремлениям русского императора, а потому был неприемлем для государственной власти. Отчасти в сложившейся ситуации был виновен сам Уваров, давший изначально весьма туманную характеристику народности в официальной трактовке, позволившую, по мнению Г. Г. Шпета, русскому обществу самому пытаться разгадать тайну этого сфинкса. В том числе «и официальная наука стала заражаться вольностью некоторых толкований, крепко, впрочем, убежденная, что ею в точности выполняется задание министра»⁷⁷. Одним из вариантов этого «свободного толкования» в рамках официального направления выступила идея о неразрывности русской народности с общеславянской. Лишь в 1847 г., после истории с Кирилло-Медфодиевским обществом, Уваров вынужден был выступить с циркуляром, в котором объяснял, что понятие народности не следует распространять за пределы Российской империи. Ни русские, ни остальные славянские народы

⁷⁶ См.: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853–1856 гг. М., 1874.

⁷⁷ *Шпет Г. Г.* Указ. соч. С. 250–251.

ничем друг другу не обязаны, и нельзя заниматься отождествлением их интересов⁷⁸. Однако время было упущено, и идея общеславянской народности заняла прочное место в качестве одного из направлений в формирующейся общественно-политической мысли России.

Что касается деятельности Уварова непосредственно на посту министра народного просвещения, то здесь тоже было не все так однозначно. В целом можно сказать, что уваровская система народного просвещения была ярким выражением всей николаевской системы. Политика Уварова в области образования была составной частью общей внутренней политики николаевского царствования, так как основывалась на тех же принципах государственного контроля над всеми сферами жизни общества, на которых базировалась и вся политическая система второй четверти XIX в. В свою очередь, подобный подход позволял правительству более эффективно контролировать процесс внедрения в сознание учащейся молодежи основных начал, заложенных в государственной идеологии. Оценивать деятельность Уварова только как попытку пропаганды официальной доктрины, конечно, было бы неверно. Главной целью министра оставалось повышение уровня российской системы образования. Так, политика Уварова по отношению к гимназиям не ограничивалась лишь стремлением сделать из них плацдарм для распространения правительственной политики. Гимназии были для Уварова прежде всего подготовительными учебными заведениями, цель которых заключалась в том, чтобы нацелить наиболее способных гимназистов на последующее поступление в университет. Будучи министром народного просвещения, он успел значительно поднять уровень преподавания в русских гимназиях⁷⁹. Система университетского образования в годы управления Уваровым Министерством просвещения также получила свое дальнейшее развитие. Университетский устав 1835 г., при всех его недостатках, по замечанию В. Якушкина, «все-таки упорядочил университетскую жизнь, расшатанную, разбитую предшествующим владычеством слепой мистической реакции»⁸⁰. Вместе с тем Уваров не упускал из виду

⁷⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 235–237.

⁷⁹ Общую характеристику деятельности С. С. Уварова в этом направлении см.: Виттекер Ц. Х. Указ. соч. С. 164–174.

⁸⁰ Якушкин В. Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. М., 1901. № 7. С. 42.

общего направления, которое давалось российскому образованию. Оно, как считал Уваров, должно было стоять на одном уровне с западноевропейским, но сохранять при этом установленную правительством нравственную и политическую основу.

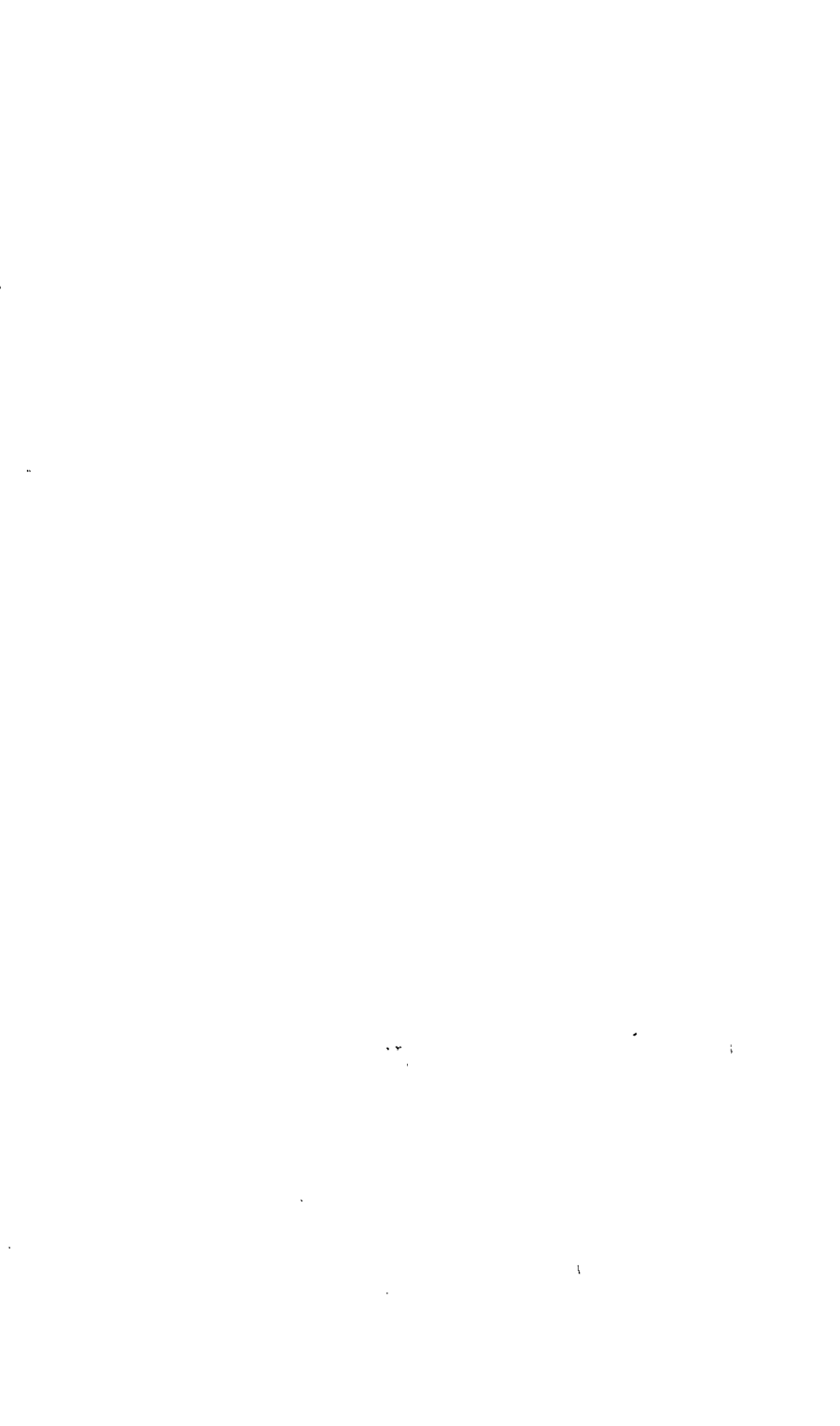
И, наконец, сама уваровская триада, намного пережившая своего создателя, сыграла важную роль в дальнейшем развитии русской общественной мысли. Последующие официальные идеологи обращались к ней всякий раз, когда речь заходила о свертывании реформ и укреплении традиционных устоев. Она, собственно говоря, и указывала, что именно следовало охранять. Для оппозиционных течений уваровская формула имела важное отрицательное значение. В полемике с ней развивались многие идеи, в частности — споры западников и славянофилов. Без ее учета трудно понять концепцию народности, разработанную Белинским в противовес Уварову. Можно полагать, что сам воинствующий атеизм русских революционеров второй половины XIX в. определялся, в первую очередь, отчетливой артикуляцией православия в правительственном дискурсе. И только народность, — единственный европейский элемент уваровской триады, во многом благодаря авторитету Белинского, — была вырвана из рук правительственных идеологов и обращена против них. Она стала не только одним из политических знамен оппозиционного лагеря, но и важным фактором в дальнейшем развитии русского искусства и реалистической эстетики.

Авторы благодарят Марию Майофис за ряд ценных замечаний.

*В. С. Парсамов,
доктор исторических наук, профессор;
С. В. Удалов,
кандидат исторических наук*

С. С. УВАРОВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ОТРЫВОК ИЗ ЗАПИСОК 1805 ГОДА

Мессина. — Неаполь. — Извержение Везувия. — Подробности о Неаполе и жителях его. — Землетрясение. — Прибытие в Неаполь русских войск.

На Корфу отправились мы в конце сентября, и ехали восемь дней до Неаполя, становясь только на несколько часов в Мессине, чтобы отдать находящемуся там нашему консулу некоторые бумаги. Я виделся с ним в карантине; как прибывшему из Корфы, мне нельзя было без очищения карантинного вступить в Мессину. Мы полюбовались красивым этим городом, посмотрели на великолепные развалины: памятники ужасного землетрясения 1783 года¹, на чернеющуюся вдаль Этну, покрытую густым дымом и простились с Мессиною.

К Неаполю подъехали мы вечером, в сумерки. Сия великолепная столица, расположенная амфитеатром над самым морем, представляла прелестное зрелище. Огромная гавань была покрыта множеством судов, привлекаемых туда торговлею. Карантинные чиновники подъехали к нам, сделали нужные вопросы и назначили место нашему бригу для выдержания карантина. Какая досада стоять у самого Неаполя, смотреть на красивые его здания, на толпящийся на улицах народ, на скачущие экипажи — и не сметь выйти на берег! На другой день приехали ко мне за депешами, которые привез я к пребывавшему там нашему министру², и объявили нам, что по его предстательству и во уважение, что бриг наш военное русское судно, мы пробуем в карантине только две недели.

С моря вид Неаполя прелестен. Вечером он имел еще свою особенную красоту: с правой стороны Везувий изрыгал огненные камни, которые в темноте ночной носились по воздуху; горящая лава, подобно огненной реке, тихо текла к морю. Это величественное и необыкновенное зрелище удивляет, но вместе и отнимает охоту быть постоянным жителем сего города. Приятно видеть всегда лазоревое небо Неаполя, жить в благорастворенном его климате, пользоваться всеми удовольствиями сей многолюдной и богатой столицы; но когда посмотришь на искривившиеся от землетрясения здания, на Везувий, изрыгающий пламень; когда вспомнишь, что под ногами бездна может разверзнуться и поглотить, то ощущаешь неприятное чувство. Неаполитанцы по миновании бедствий, которым они подвергаются,

скоро их забывают: красота природы, их окружающей, климат, и еще более привычка и надежда превозмогают их страх. Они считают Неаполь приятнейшим местом в мире; у них пословица: *Vede Napoli e rogi moги*, то есть, увидь Неаполь и после умри.

По истечении двух недель, объявили нам, что карантин наш кончился. Можно себе вообразить нашу радость! Как люди, освободившиеся от тягостного заключения, мы бросились в город. Я пристал к старому приятелю, жившему в трактире *alla stocella*, на самом берегу. Неаполь многолюден; на улицах его большое движение; множество проходящих, бродящих и проезжающих. Беспреданно видны экипажи; кабриолетки в одну лошадь летают, как стрелы; они употребляются там, как наши извозчичьи дрожки; в каждую из них можно сесть одному, много двоим, кучер становится сзади; в одной руке у него вожжи, в другой хлыст, и он скачет в толпе между экипажей, не зацепляя за них. На улицах слышен беспреданный шум — итальянцы не умеют говорить тихо. Два неаполитанца из простого народа, которым нужно поговорить, не подойдут один к другому: они кричат на некотором между собою расстоянии и делают жесты. Присоединяющийся к этому шуму стук карет совершенно оглушает. На улицах едят, пьют, шьют сапоги, платья и производят разные работы. Мальчики импровизаторы становятся на возвышение, и витийствуют, произнося надутые речи из отборных слов, и собирают тем деньги для прокормления себя. Другие читают стихи Тассо³ или Ариосто⁴ с своими толкованиями. Отвратительно видеть лазароны, сих неаполитанских нищих, коих считается более 30 000; без покрова, без приюта, полунагие, они проводят жизнь на улицах, и живут милостынею. Выпросив сколько нужно для своего прокормления в течение дня, он до следующего дня, или, так сказать, до первого голода не просит милостыни. Он лежит согреваемый благотворным солнцем Италии, и смотрит на лазуревое небо, и счастлив тем, что может ничего не делать по пословице неаполитанцев: *il dolce far niente*⁵. Правительство до сих пор не могло принудить их к оседлости и к избранию промышленного образа жизни. Всякий раз, когда заводили фонари для освещения города, буйная эта чернь их разбивала, считая темноту своим правом.

Неаполь чрезвычайно обширен. Он представляет громаду каменных домов в 5 и 6 этажей; между ними есть весьма некрасивые и вместе великолепные здания. Главнейшая улица называется Толедскою, имеет

800 сажен⁶ длины. Мостовая в Неаполе превосходная; она из лавы, и так гладка, что на ней сделаны насечки, чтобы лошади не скользили. Набережная (chiaia) есть одно из прелестнейших мест для прогулки в мире. Она имеет 1000 сажен длины; вдоль ее посажены три ряда дерев, коих сросшиеся верхи составляют зеленый свод. Она ограждается парапетами и решетками, и украшена статуями, цветниками и померанцевыми деревьями. Большое удовольствие доставляют в Неаполе театры. Главнейший из них, Сан-Карло, великолепен и может считаться одним из величайших в Европе; на нем дают серьезные оперы и прекрасные балеты. За ним первое место занимает il teatro fondo для комедий и драм; потом оперные театры, teatre nuovo и театр флорентийский (teatro de Fiorentini); певцов и певиц слышал я отличнейших, с особенным же удовольствием баритона Пелегрини, соединявшего с большим голосом приятность и редкое искусство.

Я думаю, что кроме Парижа, вряд ли в какой столице разврат дошел до такой степени, как в Неаполе. В большом числе жителей его многие, претерпевая недостаток, добывают деньги непозволительными средствами; там редко бывают обольщения любви: их заменяет чувственность. Женский пол дурен; черная одежда умножает в нем недостаток красоты. Лень свойственна почти всем неаполитанцам: самый жар склоняет их к бездействию. Природа так избаловала их, излив на них дары свои, что труд кажется им тягостью. Земля у них почти без обрабатывания, дает обильнейшую жатву; солнце их постоянно обогревает; плоды почти круглый год на деревьях — к чему же работать? Работают по необходимости и для того, чтобы со временем ничего не делать, чтобы потом насладиться праздностью. Одаренные от природы умом хитрым и проницательным, неаполитанцы употребляют его на обман, который всегда считают позволительным. Образованных людей мало; в этом отношении Неаполь совершенно отстал от просвещенных столиц Европы. Еще не приняты нужные меры для распространения народного просвещения. Народ предан чрезвычайно суеверию. Удивительно, что в такой земле, где папа имеет большое влияние, где католическим духовенством наполнены улицы, инквизиция не была никогда введена⁷; в Сицилии, управляющейся особыми своими законами, она существовала, но была уничтожена, к большой радости народа, в 1782 году⁸.

Общество благородных неаполитанцев скучно: они съезжаются где попало, чтобы играть в азартные игры, и таким образом проводят

целые ночи. Наименование мужа есть пустое звание, которое носят как будто для того, чтобы не выполнять обязанностей его. У всякой дамы есть кавалер сервенте, пользующийся особенною ее благосклонностью, с которым она везде ездит, и сверх того несколько обожателей, из коих один близок к достижению цели, другой надеется, третий страдает без надежды, и так далее, с разными изменениями.

Во многих местах Неаполя видны еще следы последнего землетрясения, бывшего 26 июля (1805-го года)⁹. Многие дома искривлены; в иных разбиты стекла; у некоторых стен подставлены подпорки. Мне рассказывали разные подробности о сем гибельном происшествии, причинившем большие опустошения. В тот день вечером поднялись легкие громовые тучи, потом подул довольно холодный ветер, и рыбы во множестве начали прыгать из воды. Около 10 часов произошел первый удар, продолжавшийся 50 секунд; в 11 часов второй, после которого был слышен в стороне Везувия треск наподобие пушечных выстрелов; в час по полуночи последовал третий удар. Небо было ясно; но земная поверхность была покрыта небольшим туманом. Из Везувия выходили дымовые облака. Вообще замечено, что чем крепче было здание, тем более оно потерпело. Почти все балки на домах раздвинулись; ни одна дверь не затворилась, часы остановились, а колокола звонили сами собою. Многие при сем случае лишились жизни. После сего жители было успокоились; но в первых числах Августа услышали сильный треск в Везувии; начались процессии; духовенство носило по улицам мощи Св. Яннуария¹⁰, патрона Неаполя, и пело молебны, принося моления Всевышнему об отвращении угрожавшего бедствия. Жители лежащих при Везувии городов Торе дель Греко и Аннунциата удалились из своих домов, и действительно 12 августа в ночи последовало чрезвычайно сильное извержение из вулкана. Лава с чрезвычайной скоростью разлилась на четыре итальянские мили по равнине, направляясь к морю. При начале она разделилась на два рукава: один угрожал Портичи, но к счастью поворотил и соединился с другим рукавом, от чего произошел род острова. Вся покрытая лавою страна пылала 20 минут, и представляла зрелище вместе ужасное и прекрасное: деревья горели белым, а лава красным огнем; достигнув моря, она производила чрезвычайный шум.

Сообщения между Неаполем и Петербургом весьма затруднялись пребыванием французских войск тогда нам неприятным, в средней и северной Италии. Нам известно было, что война между Австрией

и Францией началась, и что русские войска выступили на подкрепление австрийской армии¹¹; но каким образом шли военные действия, о том мы ничего не знали. Между тем были мы обрадованы известием о Трафальгарском сражении¹², в коем огромный французско-испанский флот, состоящий из 33 линейных кораблей, был истреблен Нельсоном¹³. Но победа стоила дорого англичанам: они потеряли Нельсона¹⁴, смертельно раненного пулею, пролетевшую сквозь звезду его. Замечательно, что число отнятых им во всех сражениях у неприятеля кораблей, равняется числу лет его жизни: он умер на 47 году.

С нетерпением ожидавшие из Корфу российские войска прибыли в Неаполь 20 декабря н<вого> с<тиля>, в числе 15 000 человек, на российско-английском флоте, состоявшем из 12 военных кораблей и многих транспортных судов. Тотчас по высадке их, французский посланник Алькие¹⁵ приказал снять с ворот занимаемого им дома французский герб, потребовал паспорта и уехал в Рим. Встреча нашим войскам была торжественная: все были чрезвычайно обрадованы сим воинам, прибывшим для защиты Неаполитанского королевства. Российский генерал Ласси¹⁶, уже давно находившийся в Неаполе, был назначен главнокомандующим над всею армиею, составленную из российских, английских и неаполитанских войск; российскими же отдельно командовал генерал-майор Анреп¹⁷. Прекрасное состояние наших войск, их воинственный вид, исполняли радостию жителей Неаполя, возобновляя в памяти их бессмертные подвиги Суворова. При одном из сих полков была роговая музыка, не известная нигде кроме России. Министр наш, живший отлично хорошо, и ласковым обхождением и хлебосольством, свойственным русскому барину, привязавший к себе всех, воспользовался сим случаем, чтобы дать послушать неаполитанцем роговую музыку: она играла у него за обедом, на котором [был] и знаменитый Паизиелло¹⁸, бывший некогда капельмейстером в Петербурге. К сожалению, рога были расстроенны и не могли вполне удовлетворить слушателей. Зрелище это было пленительное для нас Русских: в Неаполе слышать музыкантов Сибирского гренадерского полка, играющего на рогах!

В одно время с русскими войсками прибыла и английская конница. Не знаю, какова она в деле, но на вид картина: мундиры из тонкого красного сукна, люди и лошади — прекрасные.

Несчастия, постигшие Австрийскую армию¹⁹, сделались нам частью известны чрез приехавшего в Неаполь курьером австрийского

подполковника М. К. По стечению обстоятельств, нашему министру предстала надобность послать курьера в Вену и Петербург; он объявил мне, что я буду отправлен. Проехать через Рим в австрийские владения было невозможно, ибо французские войска занимали большую часть Италии. Мне предписано было ехать на Манфредонию, там сесть на военный австрийский бриг, оттуда в Зару и чрез Далмацию в Вену, а потом в Петербург. На другой день по отъезде из Неаполя, прибыл я в Манфредонию, сделав с небольшим сто верст, составляющих всю ширину Неаполитанского королевства. Дорога эта очень скучна. Народ неаполитанский похож на полудиких; почтовые дома дурны; одну станцию должен был я проехать на волах: езда не очень приятная для русского курьера. В одно время со мною приехал в Манфредонию отправленный обратно из Неаполя австрийский подполковник и два Неаполитанские курьера, посланные в Вену; но они походили более на пилигримов; каждому из них было лет под шестьдесят; приличнее было бы им отправлять курьеров, чем самим ездить, потому, что они насилу двигались. Мы сели на австрийский бриг и отправились в Зару. Переезд этот, несмотря на зимнюю погоду, мы совершили благополучно, опасаясь только, чтобы не встретить какого французского военного судна, больше нашего, с которым бы бой был невыгоден. Капитан нашего брига был немец, а матросы сброд разных наций, но более итальянцы. Издали завидели мы варварийский корабль, и капитан побледнел, как полотно: он некогда находился в плену у алжирцев. Потом попало нам маленькое купеческое судно, вероятно французское, которое наш капитан в свою очередь напугал, пустясь за ним в погоню; видя, что оно уклоняется от нас, он выстрелил в него ядром, но неудачно, и преследуемое судно успело уйти в ближайший залив. По семидневном плавании мы прибыли в Зару поздно вечером. Ветер был сильный; по волнующемуся морю, под дождем подъехали мы на лодке к берегу; нас и качало, и мочило в ужасной темноте. Переночевав, на другой день рано поутру мы собирались выехать, но как по подлежащему нам пути чрез Далмацию почти не было, и должно было достать верховых лошадей, то ехавший с нами австрийский подполковник взял на себя сделать нужные для сего распоряжения. Я воспользовался этим временем, чтобы осмотреть город, впрочем едва заслуживающий внимание. Он лежит на полуострове, из которого сделали остров, прокопав ров через перешеек, имеет хороший порт и цитадель; строение

старое и некрасивое. По возвращении домой, я нашел все готовым для нашего отъезда; все мои спутники собрались: с служителем и проводником было нас семь человек; при нас было несколько вьючных лошадей. Мы ехали восемь дней верхом, то на лошадях, то на лошаках, делая верст по 30 в день по дороге гористой, покрытой мелким камнем и окруженной оврагами. Погода нам не благоприятствовала; это было в декабре месяце: начинались сильные морозы, сопровождаемые ветром. Малонаселенность особенно приметна в части Далмации, называемой Морлакиею. На станциях нельзя было найти ни порядочного ночлега, ни пищи. Мы ели кукурузу и иногда баранину. Кое-где попадалось изрядное вино, но сохраняясь в коже, оно имело неприятный запах. Мы спали в одной комнате с множеством морлаков. В одном из селений мы пристали у священника, который жил в большой бедности; я видел его церковные книги; они на славянском языке. Разговаривая с ним, я мог понять малое число слов: так наречие их, хотя славянское, различно с нашим. Ему очень приятно было видеть во мне единове́рца; он ласкал меня и угощал, как мог, поглядывая искоса на австрийского подполковника. Везде на пути моем в Далмации и Кроации, где жители узнавали, что я одного с ними исповедания, то есть греческого, изъявляли мне особенную ласку. Одно название русского между сими славянскими народами дает право на любовь и уважение. Морлаки народ воинственный; скотоводство есть одно из главнейших упражнений; украшением жилищ их служит оружие, которым унижены стены.

Наконец, приехали мы в селение, где находилась первая почта. Тут австрийский подполковник повел нас к капитану, начальствующему на сем месте военных поселений. Изнуренные и проголодавшиеся, мы с жадностью бросились на кофе, предложенный нам капитаном, и которого мы не пили с отъезда из Зары. Отдохнув, мы приказали заложить лошадей, и простившись друг с другом, каждый из нас отправился в особенном экипаже. В Карлштате сказали мне о всех несчастиях, претерпленных австрийскою армиею, и о занятии Вены французами. Мне надо было узнать о месте пребывания посла нашего при австрийском дворе, для вручения ему депешей; но так как сей двор по выезде из Вены, беспрестанно переезжал, то достоверное о сем известие в такое смутное время получить было трудно. Я ехал вдоль военного австрийского кордона, следственно не без опасности попасться французам. Пресбург, чрез который должно было мне

проезжать, уже занят был неприятелем; я объехал его по проселочным дорогам. Близ одного имел я свидание с одним австрийским генералом, чтобы получить нужные для проезда моего сведения. Он сказал, что император австрийский в Голиче, полагая, что посол наш должен там находиться, и дал мне нужные наставления, для продолжения моего пути без всякого опасения. С душевною скорбью рассказал он мне некоторые подробности о поражениях, претерпленных австрийскою армиею.

В Голиче* нашел я действительно дворец Австрийский; но посла нашего там не было. От графа Стадиона²⁰, тогдашнего министра иностранных дел, узнал я, что наш посол и министры других держав находятся в Тешене, куда я и отправился.

* Местечко в Нижней Венгрии, на Мораве, с императорским дворцом.

ПРОЕКТ АЗИАТСКОЙ АКАДЕМИИ

Juvat integros accedere fontis.

*Lucret*²¹

Посвящается графу Алексею Разумовскому²²

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

§ 1

В последние годы восемнадцатого столетия произошли большие изменения в представлениях об истории человеческой цивилизации. Восток, недавно бывший достоянием лживых рассказов авантюристов и покрытых пылью трудов эрудитов, единодушно признан колыбелью мировой цивилизации. Причиной такой неожиданной *реабилитации* были успехи англичан в Индии, открытие священного языка браминов²³ и сочинений Зороастра²⁴ (1), труды немецких ученых о Библии, и учреждение Азиатского общества в Калькутте²⁵. Теперь уровень наших знаний не позволит нам отрицать, что Азия была центром, откуда просвещение распространилось по земному шару. Эта прекрасная гипотеза, столь удивительным образом связанная со священными преданиями, отныне должна считаться единственно неопровержимой.

И действительно, если мы под этим углом зрения внимательно изучим всю обширную историю человеческих идей, то мы увидим, как различные части, на первый взгляд не имеющие между собой ничего общего, выстраиваются друг за другом в стройную систему, и представляют бесконечное развитие одного и того же принципа. Если современные открытия соединим с древними представлениями, восходящими к наиболее ранним философским и религиозным идеям, то со всей очевидностью убедимся, что именно Азия является фундаментом грандиозного здания человеческой цивилизации. Уже первые просвещенные народы заимствовали на Востоке свои основные понятия и преобразовывали в различные более или менее сходные культы. Тогда греческие мудрецы искали учены в Индии. Пораженные роскошным величием этой страны, древностью ее идей

и зрелостью обычаев, они заимствовали в индийской философии все свои научные и нравственные идеи. Если, с одной стороны, Индия предоставила грекам основы философских мыслей, то, с другой стороны, Финикия и Египет, колонии Востока предоставили им своих символических богов, которые те приспособили к своим местным обычаям. Таким образом, философия и религия греков выросли на восточных идеях. После этого римляне, наследники и подражатели греков, получили от них сначала религиозную, а затем и все философские системы. Идеи Востока вместе с римским могуществом продвинулись на Запад, и в своем продвижении они часто встречали уже установившиеся понятия, также восточного происхождения, которые неизвестным нам образом оказались отделенными от своей родины (2).

Таково было, если говорить коротко, нравственное влияние Востока на Европу.

Его политическое влияние было не меньшим. Рамки настоящего сочинения не позволяют его раскрыть, но достаточно вспомнить Магомета, пророка, завоевателя и поэта, который, выйдя из аравийских пустынь, угрожал рушившейся империи и новой религии²⁶, возникшей на руинах всех прочих религиозных верований. Страх перед его оружием распространил новый культ, который он хотел противопоставить христианству и который скоро охватил значительную часть известного тогда мира.

Главными результатами магометанства в Европе стали падение Константинополя²⁷, крестовые походы²⁸, и пребывание мавров в Испании²⁹.

И если, с одной стороны, Магомет угрожал свободе и законам Европы, то с другой, он явился хоть и косвенной, но достаточно мощной причиной великих переворотов, изменивших облик Запада. Пятнадцатый век, результат тех же событий, стал эпохой нового влияния Востока на Европу. Это влияние, мирное и огромное одновременно, в один миг вызвало к жизни до тех пор неизвестные силы, и наложило печать стремительного и пламенного порыва на многих великих людей и на многие великие происшествия. Действительно, открытие мыса Доброй Надежды³⁰ изменило весь строй политического мира. Открыв европейцам дорогу в Индию, оно расширяло возможности обогащения и промышленности, а также способствовала наведению блеска, сиянием которого окружен XV век.

- (1) Трудом Зороастры «Зенд-Аеста»³¹ мы обязаны энтузиазму и знаниям господина Анкетиль-Дюперрон³² (Paris, Tilliar, 1771 3 vol. in-4). Это важное открытие поначалу не было встречено с тем должным восхищением, которое следовало было воздать истинно героическим усилиям г. Анкетилья Дюперрона. Очень хорош сделанный ученым Клекером (Kleuker)³³ и напечатанный в Риге в 7 томах немецкий перевод «Зенд-Авесты».
- (2) См. второй том сборника d'Ouseley³⁴ «Восточная коллекция» памяти генерала Валенси³⁵, где доказывается восточное происхождение ирландских друидов.

§ 2

Жители Востока, обезображенные варварскими современными учреждениями, сохраняют некоторые черты своего древнего облика. Один и тот же климат вызывает одни и те же склонности. Они до сих пор полагают, что высшее счастье состоит в абсолютной неподвижности, и вместе с тем сохраняют самое пышное и подвижное воображение (1). Араб из пустыни под своим шатром приподнимает свою живописную голову, чтобы послушать сказку. Грустной песнью он оплакивает своего любимого боевого коня. Его повсюду сопровождают воспоминания о предках и их славных традициях. Как и они, он воинственен, но в отличие от них он уже не завоеватель.

Персы больше не поклоняются солнцу, но ему они еще обязаны блестящим и сладострастным характером своей поэзии. Уже нет последователей Зердуста (Зороастра), но в наших руках памятники его мудрости, и его поэтичность, его культ до сих пор еще существует.

Китай, слишком тщеславный и слишком обеславленный, представляет странное зрелище побежденного народа, укротившего своих победителей и оставшегося неподвижным в бурном течении столетий.

Но главным образом в Индии, этом древнем и таинственном приюте цивилизации, найдем мы следы ее первых шагов и тут же свидетельства ее наивысшей зрелости. Религия, философия, законы, поэзии — на всем этом еще лежит печать первоначального состояния (2), все представляет глазам наблюдателя величественные остатки огромного развития человеческой культуры. Все это еще будет способствовать великому изучению человека. Слишком долго гордая Европа пренебрегала Азией. Теперь пришло время, чтобы эта гордость получила лучшее направление и занялась изучением того, что осталось, для того чтобы открыть новые документы, и может быть

новые вершины. Исследовательский дух был слишком хорошо вознагражден с первых же усилий, и должно надеяться на новые открытия. Чтобы представить общий план развития человеческого разума, исходящего из определенной точки, надо либо изобразить ступени, по которым он восходит, либо обрисовать огромную, но ограниченную окружность, либо поставить его в зависимость от периодических пелорворотов, которые то выводят его на свет, то погружают в тень.

- (1) «В самых активных городах, в таких, как Алеп, Дамас и Каир, все забавы сводятся к купанию или сидению в кафе, которые с нашими сходны только по названию. Там в накуренной комнате, сидя на циновке из лохмотьев, зажиточные люди проводят дни в курении трубки, в отрывочных и немногословных беседах о делах, а часто вообще в молчании. Иногда для оживления этого молчаливого собрания выступает певец или танцовщица или один из тех рассказчиков историй, которых называют нашидами³⁶ (Nachid) и которые, чтобы заработать несколько пара, рассказывают сказки или декламируют стихи какого-нибудь древнего поэта. Ничто не может сравниться с вниманием, с которым слушают этого оратора. Взрослые и дети — все питают сильную страсть к повествованиям. Даже народ слушает их во время досуга. Пугешественник, плывущий из Европы, бывает не мало удивлен при виде матросов, собравшихся во время шторма на палубе и в течение двух или трех часов, слушающих рассказ одного из них, который даже самое неискушенное ухо признало бы поэтичным по его отчетливому метру и парной рифме» (*Volney. Voyage en Egypte et en Syrie. T. II. P. 451*). Портрет восточных жителей, написанный мастерской рукой, находится в перовой части сочинения знаменитого Гердера³⁷ «Древнейшие документы к истории человечества».
- (2) Современный индус, который умирает, держа корову за хвост, следует, сам того не зная, одному из древнейших религиозных представлений мира. Корова была во все времена эмблемой животворящей силы, и поэтому верящий в метемпсихоз суеверный индус надеется на то, что его душа после смерти вернется в тело коровы. Это также символизирует великую идею пантеистов о возвращении души в лоно творящего существа. Большая часть индийских обычаев символична.

§ 3

Может ли Россия в этот период возрождения восточных исследований отставать от других народов Европы?

Россия, граничащая с Азией и владеющая всей северной частью этого континента, разделяет с другими державами нравственный

интерес, руководимый ими в их благородных предприятиях. Но, кроме того, у нее имеется еще и интерес политический, столь очевидный и неоспоримый, что одного беглого взгляда на карту достаточно, чтобы в нем убедиться. Россия, можно сказать, лежит на Азии. Почти со всеми восточными народами она имеет общую сухопутную границу гигантской протяженности. Поэтому с трудом можно поверить в то, что из всех европейских стран именно в России меньше всего уделяют внимания изучению Азии (1).

Достаточно самых элементарных политических понятий, чтобы оценить преимущества, которые Россия могла бы извлечь из серьезных занятий Азией. Россия, имеющая столь тесные отношения с Турцией, Китаем, Персией, Грузией, смогла бы не только содействовать в огромной степени общему прогрессу просвещения, но еще и удовлетворить свои наиболее дорогостоящие потребности. Никогда еще государственные соображения не были в такой согласии с великими видами нравственной цивилизации.

Пора, чтобы высочайшее покровительство Его величества императора Александра просвещению распространилось, наконец, на Азию, и чтобы поставленная вровень с другими странами, Россия превзошла бы их в средствах, имеющихся в ее распоряжении, и в результатах, на которые можно надеяться. Для этого необходимо было бы завести академию-посредницу между европейской цивилизацией и просвещением Азии, объединяющую в себе все, что относится к изучению Востока. Это было бы заведение, предназначенное для изучения восточных языков (2), и где можно было бы видеть *европейского критика* рядом с *азиатским Ламой*³⁸, увековечила бы благодеяния монарха и содействовала бы его либеральным и благородным намерениям.

Чтобы яснее доказать необходимость подобного учреждения, вместе уже окинем одним взглядом основные сведения, уже полученные из возрожденных памятников восточных литератур, и *пожелания*, которые еще предстоит исполнить в этой обширной и чудесной области.

(1) Труды Палласа³⁹, Жоржи⁴⁰, Гюльденштедта⁴¹, появившиеся в правление Екатерины II, не были продолжены. Впрочем, их авторов больше интересовали вопросы естественной истории, и они ограничивались Сибирью и приграничными странами, не спускаясь в центральную и южную Азию.

- (2) Весьма существенна польза, которую могла бы принести Азиатская академия, состояла бы в подготовке переводчиков, необходимых в наших отношениях с Турцией, Персией, Грузией и Китаем.

§ 4

Возрождение восточных исследований уже дало множество важных результатов.

По-новому стали *изучать Библию*. Со времен Реформации, этим занимались исключительно ученые Германии. Их труды стали прелюдией к возрождению памятников восточных литератур. Французские писатели XVIII века, опозорившие прекрасное имя «философов», собрали против Священного Писания все софизмы своей жалкой диалектики. Но с того момента, как лучше узнали Восток, все мудрые умы воздали Библии честь, соответствующую ее-боговдохновенной мудрости. Священные книги были рассмотрены с трех точек зрения: 1) теологической, 2) критической, 3) религиозной. Все эти труды не только не принижали подлинность священных книг, но и придали им новый блеск и новый интерес. Можно полагать, что эти ученые *экзегеты*⁴² продолжают свои усилия и что тот же дух, который позволил им так глубоко проникнуть в истинный смысл Писания, будет руководить ими в дальнейших исследованиях.

§ 5

Расширение сведений, полученных в ходе изучения восточных языков должно опровергнуть старую систему *всеобщей грамматики* (1). Между философами достаточно распространено мнение, что история человека началась с естественного состояния, состояния дикого, в котором его способности не превышали способностей животных. Далее полагают, что побуждаемый необходимостью и, переходя последовательно от самых простых нужд к понятиям более сложным, человек изобрел речь и создал себе язык, соответствующий его мышлению. Современные материалисты терялись в догадках, каким образом дикарь смог соединить мысль и звук. Одни заставляли его подражать крику животных, другие пению птиц, третьи объясняют это чисто механическим комбинированием. Каждый из них готов строить самые абсурдные теории, лишь бы не признаться, что подобная задача им

не по силам. Все они исходят в своих теориях из того, что детство человечества — это время мрака и глупости, и считают такой вывод математическим точным опровержением Священного писания (2).

Приблизительно таким же был принцип, лежавший в основе всеобщей грамматики. Но метафизика, подтасовывающая факты и претендующая на то, чтобы проникнуть в самые таинственные движения мыслительного процесса, никогда не сможет удовлетворить наш разум. Все здравые умы уже давно возмущены против этой бесплодной и одновременно романтической системы, отталкивающей разум и не пленяющей воображение. В истории человечества они на каждом шагу встречают то следы расцвета, то свидетельства падения человеческого рода. На этой мысли строятся самые древние теории, в этом сходятся все древние предания, и воспоминания, чудесным образом сохраненные в бесчисленных памятниках. Усвоенные священными законодателями, измененные моралистами, прославленные поэтами, они являются в то же время и историческими свидетельствами, подтверждающими самым восхитительным образом божественное происхождение речи.

Согласно этой прекрасной гипотезе, первые понятия, сообщенные Божеством человеку вместе с речью, были *простые истины*, соответствующие *простому состоянию* человеческого общества.

Весьма вероятно, что первоначально способности человека были направлены не на гордые открытия, а на относительные и заранее предсказуемые приобретения. Золотой век, воспеваемый поэтами, есть смутное воспоминание об этом лучшем периоде, дошедшее в преданиях до эпохи первых положительных свидетельств. Этот ранний период характеризуется знанием *первоначальных понятий*, дарованных Богом вместе с речью и содержащихся уже в речи.

Эти первоначальные истины были повсюду одинаковы и стирались по мере того, как человек портился. Они полностью исчезли, и когда вдохновенные люди захотели вернуть человеческому уму достойную его мораль, они заимствовали в преданиях, письменных или устных, эти первые и вечные истины. Таким образом, наиболее древние теории всегда основаны на каких-то из этих фундаментальных понятий.

Итак, Восток — колыбель человеческого рода, следовательно, первый хранитель первоначального просвещения, первое зрелище лучшего состояния человечества и первый свидетель его упадка. Там надо

искать и наиболее древние следы истории человека. Там нашли мы факты, способные наилучшим образом опровергнуть системы современных философов. Когда англичане, захватив Индию, поставили в один ряд со своими блестящими завоеваниями освоение священного языка браминов, тогда стало возможным противопоставить вымыслам философов этот очень простой, подтвержденный наблюдением и теперь общепринятый факт: по мере восхождения к истокам наиболее древних языков, мы обнаруживаем ясные и систематические принципы классификации, грамматическую систему настолько совершенную, насколько это достижимо для человека. Все еще трудно оспорить у санскрита право первородства. Все единодушны в том, что простотой и правильностью форм вместе с богатством выразительных средств, этот прекрасный язык превосходит все классические диалекты (3).

Этот очевидный факт грамматического совершенства наиболее древних языков, соответствует нашими священными преданиями и опровергает все хрупкие построения современных материалистов. С него следует начать великое построение всеобщей грамматики. Эта важная задача приобретает теперь новое направление и, придав новый импульс изучению восточных языков, ускорит момент, когда всеобщая грамматика будет возведена на фактах и защищена от духа любых систем и партий.

Не будет лишним заняться и философским изучением языков, потому что они единственные исторические свидетельства доисторических времен. Изучать язык народа — значит изучать в то же время развитие его идей. Чем совершеннее язык, тем ближе говорящий на нем народ к цивилизации. Аналитическое изучение языка приобщает нас к духу нации, а сравнительное изучение языков позволяет не только заметить существующее между ними сходство, но еще и определить, к какой эпохе принадлежит то или иное понятие, является ли оно исконным для данного языка или заимствованно им у другого, может быть, уже не существующего народа.

(1) Под общей грамматикой мы имеем в виду происхождение и образование языков.

(2) Руссо⁴³, апостол дикого человека, сам чувствовал невозможность решить без Божественного вмешательства проблему происхождения языка. В своем сочинении, наиболее настроенном против общества, он писал:

«Если люди нуждались в речи, чтобы научиться мыслить, они еще более нуждались в умении мыслить, чтобы постигнуть искусство речи». И он заканчивает: «Что касается меня, напуганного умножающимися трудностями и почти убежденного в невозможности доказать, что язык мог родиться и сформироваться исключительно человеческими средствами, я предоставляю тем, кто захочет, провести дискуссию по этой сложной проблеме: что было наиболее необходимым: уже созданное общество для изобретения языка или уже изобретенный язык для установления общества». *Речь о неравенстве состояний.*

- (3) «The Sanskrit language, whatever be its antiquity, is of a wonderful structure; more perfect than the Greek, more copious than the Latin, and more exquisitely refined than either, yet bearing to both of them a stronger affinity, both in the roots of verbs, and in the forms of grammar, than could possibly have been produced by accident, so strong indeed that no philologist could examine them all three, without believing them to have sprung from some common source, which, perhaps, no longer exists» — W. Jones, third anniversary discourse⁴⁴. *Asiatic researches* I p. 422.

§ 6

История философских идей, которую можно было бы назвать *древностями метафизики*, получит новую форму с возрождением восточных исследований. Уже древним было известно, что Азия является родиной философии. Взгляните на историю греческой философии, и вы увидите Пифагора⁴⁵, основателя италийской школы, заимствующего свои основные идеи в Египте и на Востоке. Бог, по его мнению, всего лишь тонкая материя, эфир, огонь, распространенный повсюду. Он все приводит в движение, и поэтому назван душой мира. Индийский пантеизм, связанный с системой эманации, проповедует ту же теорию (1). На Востоке Пифагор заимствовал и свое таинственное вдохновение, и принципы умеренности и дисциплины, а также идею метемпсихоза⁴⁶ (2) и положение об обобществлении имуществ. Кроме того, философия чисел была известна в Индии и Китае гораздо раньше, чем Пифагор положил ее в основу своих суждений. Гераклит Эфесский⁴⁷ был еще ближе к восточным идеям и учил, что огонь есть основа всех вещей.

Фалес⁴⁸, глава ионийской школы, также путешествовал в Египет и Азию, и возвратился с большим багажом знаний. Говорят, что жрецы Мемфиса⁴⁹ посвятили его в свою мудрость (3).

По его мнению, вода является началом и концом всего. Способная бесконечно видоизменяться, она составляет материю самых противоположных тел. Бог использовал ее, чтобы создать мир. Различие, существующее между двумя наиболее древними греческими школами тем более примечательно, что в Индии поклоняющиеся *Шиве*⁵⁰ признают огонь, а поклоняющиеся *Вишну*⁵¹ воду основой всех вещей.

От Пифагора до Платона⁵², самого «восточного» из греческих философов (4), все заимствовало из одного и того же источника, и одни и те же мнения по-разному видоизменялись.

После Платона философская мысль замирает вплоть до появления Александрийской школы⁵³. Ее эклектизм пробудил все восточные представления. Тогда произошла великая революция в умах, и эта революция была совершена именем Платона. Пифагоро-платоновская александрийская школа произвела на свет и гностиков⁵⁴, и Талмуд⁵⁵ и первую философию христиан.

После двух или трех веков философия появилась у арабов. Они в свою очередь попытались соединить ее с исламом, идя по следам Аристотеля и Платона. Арабы принесли сочинения Аристотеля в Испанию, откуда они распространились по всему Западу. Европа обязана Востоку также веком схоластической философии⁵⁶, веком, часто критикуемым и почти неизвестным, ставшим зарей новой философии и естественным переходом от мрака к свету (5).

Таково было, если коротко, влияние азиатской философии на нашу цивилизацию. Но сколь важным были бы для нас точные понятия о внутренней истории этой философии и об ее собственном развитии? Представляется, что наиболее древней из восточных систем, построенных на обломках основополагающих идей, является система божественной эманации⁵⁷, соединенная с учением о переселении душ. Эта система выродилась в астрологию и даже материализм, и это составило вторую эпоху в истории индийской философии. С другой стороны, учение о двух всеобщих принципах (самый древний ответ, который человеческий ум пытался дать на вопрос о происхождении зла) видоизменился позже в пантеизм.

Один из самых плодотворных результатов, которые мог бы обещать институт Востока, дало бы точное изучение всех философских сочинений Азии. Их перевод, сравнение между собой, классификация и публикация результатов исследования стали бы великой услугой литературе и философии.

Если бы удалось распределить системы по классам, сочинения по школам, а предания собрать все вместе, то мы смогли бы проследить изменения философских идей и ухватить их нить, что позволило бы в итоге подготовить *археологию всеобщей метафизики* (б).

- (1) Эта система названа пантеизмом, потому что предполагает, что вселенная, *то Пав*, есть Бог, или другими словами, что Бог есть совокупность всех вещей.
- (2) Филострат⁵⁸ сообщает в «Аполлонии Тианском», что учение о переселении душ дошло до Пифагора через посредничество египтян.
- (3) Легко составить целую библиотеку из того, что было написано о Египте. Одни видели в его учреждениях только странности, в его жрецах тиранов, в его философии глупость. Другие отказывались признать злоупотребления египетской теократии и закрывали глаза на преступления, которые портили вид прекрасного здания его правления. Те, кто не захотят довериться авторам этих концепций, найдут большую правдивость и глубокие изыскания в труде ученого Яблонского (Iablonski), озаглавленном *Pantheon Egyptiorum*. 3 vol. in-8. Francof. ad. Viad. 1750.
- (4) Легко увидеть, что Платон обязан Востоку основными идеями своей системы. Доказано, что многие предшествующие ему греческие философы заимствовали в Индии учение об эманации. Платон взял это у них и основал на этой мысли свою систему мировой души. Стоит отметить, что система эманации легко увязывается с идеей, оставшейся от культа света. Доказательство этому мы можем видеть в учении каббалистов⁵⁹.
- (5) Длительное пребывание мавров в Испании повлияло наибольшим образом на европейскую литературу. Они принесли с собой восточный жанр, который они с такой любезностью соединили с рыцарскими и галантными обычаями. Их поэзия перешла в Италию и была там возведена на высшую степень совершенства Ариосто.
- (6) В настоящее время археологией, *ἀρχαιολογία*, называют историю искусств. Но греки использовали его в более широком смысле и применяли его к науке, которую римляне называли *Antiquitates*.

§ 7

Часто предпочитают поэзию считать делом несерьезным, а круг ее действия ограниченным. Но у первобытных народов она должна рассматриваться как самое подлинное выражение их нравственной силы и символического мышления. *Поэзия восточных народов* с первого раза поражает воображение кипением мыслей

и роскошью выражений, но чтобы разобраться в ее особом характере, чтобы почувствовать важность ее изучения, надо проникнуться следующими соображениями.

Восточная поэзия является самой древней уже потому, что описывает все. В этом подлинный характер любой первобытной поэзии. Вселенная для нее еще девственная область. Она изображает все, потому что еще ничто не определено. Каждое ее описание подробно, потому что каждое описание является открытием. Отсюда в ней исключительно ценятся гармония слов, искусные построения, способные производить различные эффекты. В этом обилии выражений, разнообразии оборотов, которое, кажется, стремится использовать весь чудесный дар письменного языка, данного в откровении, проявляется вся первобытная сила человека. Все сказать, все изобразить есть достояние человека природы, печать юности человеческого разума. Таким образом можно объяснить отличительное свойство первобытной поэзии, ее особую реакцию, подтвержденную всеми преданиями, и запечатленную во всех аллегориях. Наши усталые органы, наши заранее установленные правила, наши аналитические мысли и методы никогда не дадут нам постигнуть всю власть красноречия над новыми душами, обладающими способностью легко воспламеняться. Надо дойти до самого источника этих понятий, чтобы охватить их во всей их истине и совокупности. Детство человечества длилось, может быть, дольше, чем полагают. Прошли века, прежде чем человек почувствовал усталость от злоупотребления словами и частого повторения одних и тех же идей. В момент, когда человеческий разум попытался высказать мысль в немногих словах, поэзия перестала существовать, или, по крайней мере, она изменила свой характер. От лаконичного стиля неизбежно был сделан всего один шаг к анализу, который при всех своих преимуществах, тем не менее, губителен для воображения. Аналитический метод, примененный к произведениям ума, стал последним итогом прогресса человеческих знаний. Новейшее изобретение эпохи усталости и пресыщенности, он сверг поэзию с ее пьедестала, и поэзия, перестав быть первой среди видов искусства, утратила некоторую часть своей силы и свободы.

Эти предварительные рассуждения достаточны, чтобы увидеть, насколько изучение азиатской поэзии интересно во всех отношениях. До настоящего времени мы имели лишь весьма приблизительные представления об индийской поэзии. Кроме драмы «Сакунтала»⁶⁰ (1)

и нескольких фрагментов, рассеянных в записках Калькуттского общества и в некоторых других отдельных сочинениях, мы не располагаем никаким памятником, способным заставить нас оценить истинный характер индийской поэзии, иногда простой и элегантной, но чаще таинственной и возвышенной. Фирдоуси⁶¹, этот персидский Гомер, еще не переведен. Из Хафиза⁶², этого персидского Анакреона⁶³, мы знаем только отдельные отрывки. Китайская поэзия почти полностью неизвестна. Словом сказать, обширное поле восточной поэзии еще ждет умелые и трудолюбивые руки, способные его распахать и показать нам дух Востока во всем его неисчерпаемом изобилии, и тем самым расширить границы мировой литературы.

(1) Если бы Саконтал (Sacotal) был единственным результатом наших исследований Индии, все равно следовало бы поздравить себя с предпринятыми работами. Этот драгоценный отрывок заключает в себе действительно все художественные жанры начиная от идиллии самой приятной и привлекательной до самой возвышенной эпопеи. Никогда еще приятные впечатления Юга, никогда еще живописное богатство природы не вдохновляло сильнее чувствительную душу великого поэта.

Willst Du die Blüthe des frühen, die Früchte des späteren Jahres,
 Willst Du was reizt und entzückt, willst Du was sättigt und nährt,
 Willst Du den Himmel, die Erde mit einem Namen begreifen ?
 Nenn' ich Sacontala Dir, und so ist alles gesagt.

Goethe⁶⁴

§ 8

Наконец, *история и статистика* Азии должны составить существенную часть в исследованиях всех ориенталистов. Для того чтобы пополнить наши знания в этих областях, следует, исходя из новых данных, внести уточнения в хронологию и географию Востока, собрать хроники и предания народов, которые попеременно то покидали, то заселяли Восток, определить различные формы правления, гражданские и религиозные институты, успехи в точных науках и агрокультуре, но главное, во всех исторических исследованиях принять за правило, что одна только Азия может прояснить для нас историю

великого переселения народов, которая составляет основу для изучения истории Европы, и которая все еще предстает в виде темного и неподвижного хаоса.

Исследования в области астрономических знаний Востока могут быть чрезвычайно интересны, потому что Восток был колыбелью этих знаний. Первые астрономические наблюдения были сделаны в Индии, откуда халдеи⁶⁵, кажется, заимствовали элементы своей астрономии и распространили ее на Египет и Персию, а затем передали грекам в Александрию. Арабы принесли астрономию в Европу. Байи⁶⁶ в своем труде об индийской астрономии, возводит первый наблюдения индусов за небом к 3102 г. до Р. Х. Ученый Фрере⁶⁷, в своем начале труда по индийской хронологии определил ту же дату как точку, откуда начинается хронология индусов. Миссионеры уверяли, что в Индии были философы, которые помещали солнце в центр мира. По крайней мере, мы точно знаем, что Масуди⁶⁸, арабский автор двенадцатого века, приписывает Брахме изобретение астрономии, и что Птолемей⁶⁹ заимствовал у индусов свой «Алмагест»⁷⁰. Брахманы знали гномон⁷¹ и метод исчисления затмений, который Байи находит очень простым и очень изобретательным. Собрание записок Калькуттского общества включает в себе очень ценные понятия о положении астрономии в азиатских странах и обещает новые открытия.

§ 9

И если справедливо, что мы достигли одну из тех эпох, которые и раньше бывали в истории цивилизации, эпохи, когда ум человеческий, дойдя до последней черты своей продуктивности и будучи не в состоянии и дальше довольствоваться брожением идей, обращается на самого себя, чтобы путем анализа собственных богатств набраться новых сил, то никогда возрождение восточных исследований не могло иметь более благоприятных обстоятельств. Живое стремление, продуктивная сила, легкость творения, иногда овладевающие человеческим разумом, не характерны для нашего века. Активность ума, колебание и народное злоупотребление идеями заменили моменты воодушевления и блеска, когда гений как чудо, появляясь временами на сцене мира, оставлял после себя долгие лучи света и, казалось, соединял в некоторых избранных головах знания и идеи, которые ныне распространены среди большей части человечества. Эти частицы

могут отбрасывать еще некоторый отблеск, но не в состоянии поддерживать огонь в очаге. Труды гения, носящие на себе печать силы и бессмертия, должны были неизбежно уступить место мимолетным и тонким играм ума. В анналах истории такая эпоха, кажется, не единична. Когда Греция перестала рождать великих людей в различных сферах, один из последних ее гениев, Платон, произвел полную перемену в умах. Придав новое движение мыслям, развил способность к анализу, умножил количество понятий, которые гений до того времени видел лишь в нерасчленимой массе, распространяя множество погребенных до тех пор знаний, облекая свои собственные идеи в приятную форму поэтического воображения, он стал посредником между веками гения и эрой ума. Долго еще после Платона его школа владела всеми отраслями человеческих знаний (1). Она видоизменялась в различных формах. Это был период всеобщего брожения идей, похожий на время, в которое мы живем. Разница лишь та, что платонизм, распространяясь в момент, когда уже все указывало на всеобщее изменение, когда все культы одряхтели, и все принципы стремились к полному обновлению, должен был неизбежно двигаться вперед, предчувствовать переворот, который всепредвещало, и возглавить его, применить свою мудрость не к изучению памятников старины, а к анализу новых идей и их последствий. Мы же, напротив, устав от кровопролития, совершаемого именем человеческого разума, не можем находиться в ожидании потрясений, которые бы его возобновили. Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание. Те же причины, которые двигали вперед платонизм (его печать в большей или меньшей степени еще несут современные идеи), должны заставить нас применить к изучению древности всю ту сумму знаний, имеющих в современной Европе. Выяснение истоков ее происхождения было бы одновременно и мудрым использованием умственного движения, и важной услугой европейской цивилизации. Какой другой достопримечательный объект может в этом отношении сравниться с Азией? Когда мы продвинемся в нашем знании этой обширной и чудесной страны, может быть, тогда найдем мы нить в лабиринте человеческого ума, может быть, откроем мы древние источники, забытые, погребенные под развалинами, но способные придать разуму новые силы и свежесть, которые уверенно предвещают великие эпохи, увековечиваемые присутствием и творениями гения.

(1) Все человеческие знания, включая и религиозные понятия, были пропитаны платонизмом. Первые отцы церкви также были полны ими. Блаженный Августин⁷², видящий таинство Троицы в книгах Платона, признается, что сам он поражен соответствием их положений с христианской религией. Чтение платоновских книг привело Августина к размышлению над Писанием, как это можно видеть в его «Исповеди» (главы XIX. XX)⁷³. Не будем оспаривать склонности к платонизму у Оригена⁷⁴, Св. Климента Александрийского⁷⁵ и многих других отцов церкви. Свидетельство Августина настолько определено, что ему нечего противопоставить. Он говорил, что, если бы древние платоники вернулись в мир, стали бы христианами, изменив незначительно свои выражения и свои чувства, «*paucis mutatis verbis atque sententiis*» *Lib. de vera relig. Cap. IV. V.* Эклектизм александрийских христиан впрочем доказывает со всей очевидностью, что в первые века церкви прилагались усилия, чтобы примирить заповеди тогда новой религии христианской и старые понятия греческой философии. В XI и XII веках Платон, редко упоминаемый в школе, стал любимым предметом изучения философов. В эту эпоху, когда страсть к образованию овладела всеми умами интерес к Платону, казалось, был внушен чтением священных книг. Ученый Абельяр⁷⁶ писал тогда, что учение этого философа соответствует церковной вере. Беглецы из Константинополя были первыми, кто поставил Платона рядом с Аристотелем, и эта оппозиция разделила отчасти движение, которое совершалось тогда в умах и которое продлилось до Бэкона⁷⁷, Декарта⁷⁸ и Лейбница⁷⁹. Прекрасный перевод Платона опубликовал профессор Шлейермахер⁸⁰, что должно облегчить отныне изучение его сочинений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

§ 1

В данный момент речь не идет о начертании регламента Азиатской академии. Эта работа, впрочем, несложная, будет сделана, когда определится помещение, отведенное под это заведение, и средства, которые предоставит правительство.

Мы же ограничимся изложением общего плана курсов восточных языков и литератур.

Первое, что приходит на ум и что должно служить основой любого заведения подобного рода, это то, что филология (1) подразделяется на множество отраслей, таких как этимология, грамматика и критика.

Есть люди, соединяющие в себе противоположные качества критика и грамматика, но академия сможет процветать только, когда эти

два класса будут полностью разделены. Итак, Азиатская академия должны включать 1) курс языков, 2) курс литературы. Оба курса должны преподаваться отдельно, и даже преподаватели должны быть разные (2).

Опыт Калькуттского азиатского общества, которое, по его собственному признанию (3), слишком рано предалось философским дискуссиям и частичному рассмотрению некоторых отдельных истин, еще больше нас укрепляет в этой системе. Прежде чем строить, надо рыть. Мы можем рассчитывать на значительные результаты, только углубляя наши технические знания о Востоке.

(1) «Philologie ist das Studium der classischen Welt in ihrem gesammten, künstlerischen und wissenschaftlichen, öffentlichen und besonderen Leben. Der Mittelpunkt dieses Studium ist der Geist des Alterthums, der sich am reinsten in den Werken der alten Schriftsteller abspiegelt, aber auch im äusseren und besonderen Leben der classischen Völker wiederstrahlt; und die beiden Elemente dieses Mittelpunktes sind die Künste, die Wissenschaften, und das äussere Leben, als der Inhalt, — die Darstellung und Sprache, als die Form der classischen Welt». Ast's *Grundriss der Philologie*⁸¹. 1808.

(2) Любая восточная академия предполагает преподавание греческого и латинского языков, потому что они два столпа всех возможных знаний. Следовало бы срочно поместить на первое место в системе общественного образования греческий язык, на который в России всегда смотрели как на классический, и который не был включен во вновь созданные гимназии. «Россия, — говорил в 1768 знаменитый Хейне⁸² (Heyne) (*Journal litt. Götting.*), — имеет одно бесконечное преимущество перед остальной Европой. Она может взять греческую литературу за основу своей национальной литературы и образовать совершенно оригинальное направление. Она не должна стремиться подражать ни немецкой литературе, ни французскому остроумию, ни латинской учености. Углубленное изучение греческого языка откроет перед Россией неиссякаемый источник новых идей, богатство образов. Оно придаст истории, философии, поэзии самые чистые и наиболее приближенные к истинным образцам формы. Греческий также связан с религией русских и славянской литературой, созданной, кажется, на его основе. Наиболее древние русские писатели учились у византийских историков и географов. Византийская история у русских вызывает наибольший интерес». Мы добавим только одно замечание: это пожелание, высказанное одним из самых знаменитых археологов века, к несчастью все еще не осуществилось. Тем не менее любители изящной словесности не знают, что отдельные заведения в Москве исправили в отношении греческой литературы вред, нанесенный общественным мнением. Братья Зосимы (Zosime) более известные

в Европе, чем в России, опубликовали за свой счет более сорока произведений греческих классических и современных авторов, необходимые для изучения математики, физики и метафизики. Типографии Парижа, Вены, Лейпцига, Венеции и Москвы давно трудились над этими изданиями. Большая часть этих произведений бесплатно распространялась среди молодых греков, которые учатся в различных гимназиях Греции. Среди изданий братьев Зосим литературная Европа выделяет те, которые появились в Париже с примечаниями и комментариями ученого Коре (Coraу). Это произведения Исократ⁸³, Полиена⁸⁴, Элиана⁸⁵ и Плутарха⁸⁶, которые печатаются в настоящее время. Следует также упомянуть весьма почтенные труды, до сих пор не издававшиеся, публикуемые московским профессором греческого языка г-ном Маттейем (Matthaei)⁸⁷. Из Синодальной библиотеки извлечены ценные греческие рукописи, такие как Орибазий⁸⁸, фрагменты из Руфа (Rufus)⁸⁹ и Новый завет, напечатанные на средства братьев Зосим. В Синодальной библиотеке профессор Маттей нашел гомеровский гимн Церере, обогативший литературный мир. Братья Зосимы владеют, кроме того, самой замечательной в Европе коллекцией греческих медалей. Благородное применение, которое они нашли своим богатствам, и покровительство, под которое они взяли не только греческую литературу, но так же и тех, кто ей занимается, должны быть дороги европейским ученым и особенно народу, среди которого они живут. Они заслуживают в этом отношении почетного прозвища *Медици современной Греции*, которое им дал г-н генерал Пардо де Фигероа. Его превосходные знания позволяют ему лучше, чем кому бы то ни было, оценить выдающиеся заслуги братьев Зосим.

- (3) В своей последней речи на заседании Общества знаменитый В. Джонс (W. Jones) говорил: «One correct version of any celebrated hindu book would be of greater value than all the dissertations, or essays that could be composed on the same subject»⁹⁰ (*Asiatique Researches IV. 169*). После его смерти в его бумагах нашли изложение пожеланий (*désiderata*), которые он считал необходимыми и которые почти все состоят из точных переводов. Святой отец Полин де Сен-Бартеlemi (Paulin de St.-Barthélemy), автор грамматики санскритского языка и Брахманской системы (*Systeme Brâhmanicum*), напечатанных в Риме, отдав справедливость обширным знаниям шевалье Джонса, упрекает его в «бесконечных парадоксах и странных мнениях, а также частых и напрасных обещаниях, которыми он преисполнен, и исполнения которых он заставлял ожидать, чтобы усилить к себе внимание». Сен-Бартеlemi добавляет: «Если вместо того, чтобы разрываться между всеми народами и всеми науками Востока и изучать их все по отдельности, он бы объял все единой мыслью, то принес бы наукам больше пользы. А так он их все оставил в том мраке, в каком они и были» (*Voyage aux Indes Orientales. Trad. en fr. Paris, 1808. T. II. p. 83*).

§ 2

Азиатская литература разделяется на множество больших групп, каждая из которых представляет собой отдельное целое.

Сюда следует отнести и европейскую литературу, которая отличается от других тем, что не обещает новых открытий, так как единственным ее памятником является Священное писание.

Индийская литература — наиболее древняя, наиболее интересная и наименее известная. Она не имеет никакого отношения к другим литературам Востока. Она ближе всего к фундаментальным понятиям человечества и несет на себе отпечаток первобытного мира. Уже в глубокой древности поэзия и философия Индии соединились, чтобы создать религию, следы которой обнаруживаются во всех культурах древнего мира. Одним из фундаментальных *догматов* этой религии должно было быть *учение об эманации*, т. е. об исхождении всего из Бога и последующего возвращения в Его лоно, а одним из фундаментальных *символов* — *культ света*, который восточные народы рассматривали с трех точек зрения: создания, сохранения и разрушения. И когда все области Азии припали к индийскому источнику, то первичная идея символического культа света сохранилась, несмотря на все разложения. Индия персонифицировала три первичные силы природы под именами Брахма, Вишну и Шива. В Египте они назывались Осирис⁹¹, Гор⁹² и Тифон⁹³ (1). Боги, которых прославляет Орфей⁹⁴, представляют собой также силы природы. Когда он воспевае Пана, великое Все, Вечное существо, тьму, покрывающую земной шар, и рождение света, знаменующее образование мира, его космогония полностью совпадает с космогонией индусов и египтян. Совпадение его религиозных идей с идеями этих двух народов, тождество принципов и разнообразие форм — все это, несомненно, свидетельствует об общем источнике (2).

Еще до появления у персиян Зердуста (Зороастра), в Индии Ману⁹⁵ возобновил веру в единого Бога, творца и хозяина Вселенной. Сходство его сочинений с сочинениями древнего законодателя не ускользнуло от внимания английских ученых (3). Это чудесное совпадение без всякого ущерба для авторитетности нашего Святого закона, основанного на Откровении, свидетельствует только о том, что оба они черпали из одного и того же источника фундаментальных понятий, самим Провидением сообщенных человеческому разуму и по воле Провидения впоследствии поблекших и угасших в сознании людей.

Идея единого Бога, проповедуемая Ману и в настоящее время просматривается сквозь все противоречия и странности индийской мифологии (4). Пока еще невозможно привести эту мифологию в стройную систему. Это должно стать одной из главных задач Азиатской академии.

Нам еще сильно не хватает материала, для того чтобы увидеть индийскую цивилизацию во всей ее полноте. Самые начальные труды еще только предстоит опубликовать. При таком положении вещей правительство, покровительствующее изучению Востока, должно будет напрямую обратиться к Калькуттскому обществу и попросить у него не только все изданные им книги, полное собрание которых вряд ли найдется даже в Англии, но еще и рукописи или их точные копии. Для того чтобы создать словарь санскрита, надо будет послать образованного человека в Париж, чтобы он сделал копии с грамматик и словарей, упоминаемых в каталоге г-на Лангле⁹⁶ (5) и в предисловии г-на Ф. Шлегеля⁹⁷ (6).

Изучение санскрита было бы трудно ввести с самого момента основания Азиатской академии. Тем не менее, можно было бы уже в начале дать ученикам представление о деванагарийской⁹⁸ и бенгальской⁹⁹ письменностях и некоторые понятия о бенгальской грамматике. Этих опытов было бы достаточно, чтобы привить учащимся вкус к изучению индийской культуры и побудить их заниматься ею, несмотря на недостаточность источников и надеясь на новые пополнения. С этой целью г. Клапрот¹⁰⁰ составил таблицу (№ 1), предназначенную служить руководством при настоящем положении вещей в изучении индийской культуры.

- (1) В одном месте Плутарх подтверждает, что культ солнца в Египте выражался тремя различными символами: как созидаящая сила под именем Осирис, как оберегающая сила под именем Гора и как разрушительная сила под именем Тифона. Отношения Индии и Египта хорошо изложены г. Вильфордом¹⁰¹ в ученой записке, напечатанной в 3 т. *Asiatic Researches*.
- (2) *Orphica*, cum notis H. Stephani, A. Chr. Eschenbachii, J. M. Gesneri, Th. Tyrwhitti, recens. God. Hermannus. Lipsiae 1805.
- (3) Книги индусов, появляются в самые древнейшие времена. Сэр Вильям Джонс в предисловии к Индусскому закону (*Institutes of Hindu Law or the ordinances of Menu according to the glosse of Culluca*) относит возраст

Яджур-веды¹⁰² к 1580 г. до Р. Х., т. е. на девять лет раньше рождения Моисея¹⁰³. См. в V томе *Asiatic Researches* очень интересную параллель между Ману и Моисеем. Отец Полин де Сен-Бартеlemi хотел доказать, что Ману то же самое, что и Ной¹⁰⁴.

- (4) В религиозных идеях Индии, как и других стран мира, надо отделять догмат от его искажения в народном сознании. Никакая религия не говорила: этот камень, это животное есть бог. Вообще то, что называют *идолопоклонством*, никогда не существовало. Из того, что один торговец яблоками утверждал в Афинах, что Меркурий¹⁰⁵ при встрече с ним творил чудеса, еще не следует, что политеизм был идолопоклонством. Юпитер Фидия¹⁰⁶ был столь же символичен, как и творения Микеланджело¹⁰⁷, и нет разницы между воплощением Вишну и идеей нематериального и абстрактного Бога, проповедуемого Ману, как и между *Deus-crepitus*¹⁰⁸ и *Deus-Optimus-Maximus*¹⁰⁹ Брута¹¹⁰ и Цицерона¹¹¹. Греки — единственный народ, которому выпало пройти всю лестницу религиозных идей, не оскорбляя чувства прекрасного, и поднимаясь с каждой ступенькой от изысканности народных басен до возвышенных философских концепций.
- (5) *Catalogue des manuscrits de la bibliothèque impériale* par M. M. Alexandre Hamilton et Langles, Paris 1804, отличный учебник индийской литературы. Императорская библиотека в Париже — уникальное хранилище санскритских памятников в Европе и может быть во всем мире.
- (6) *Über die Sprache und Weisheit der Indier* von Fr. Shlegel. Heidelberg 1808. Из произведений, опубликованных до настоящего времени об Индии, это несомненно самое значительное. Автор далек от того, чтобы слепо следовать проторенными путями. Его сочинение содержит массу новых идей, а также искусную цепь блестящих и последовательных суждений, извлеченных из самой природы изучаемого предмета.

§ 3

Китайская литература, менее древняя и менее интересная, чем индийская, была также меньше подвержена иностранному влиянию. Китайцы могут хвалиться самой продолжительной историей, так как их подлинные летописи восходят к 2200 до Р. Х. Главным образом в них следует искать подлинные свидетельства, касающиеся миграций азиатских народов, история которых без новых изысканий останется навсегда непонятной. Философия также может сделать интересные приобретения в китайской литературе, потому что китайцы знают не только философию чисел, им особенно свойственную, но и систему дуализма, рожденную в VIII веке, о которой ничего не сказали

иезуиты. Для нас также важны и существующие в Китае понятия о точных науках и естествознании (1).

Изучение китайского языка в Европе с основанием считается весьма затруднительным: не хватает учителей и учебников. Каждый начинающий прежде чем составит для себя грамматику и словарь, должен пройти через лабиринт ошибок, и этот бесплодный труд займет у него, по крайней мере, года четыре. Для того чтобы облегчить изучение китайского языка, следовало бы предпринять издание словаря. Такое предприятие может быть осуществлено только в России, где имеются обширные материалы (2) и компетентные переводчики, такие как гг. Липовцов¹¹², Каменский¹¹³, Новоселов, Владыкин¹¹⁴ и др.

Большим пособием будут переводы на маньчжурский язык большей части выдающихся китайских сочинений. Маньчжурский язык легок для изучения и наши русские переводчики знают его в совершенстве. Этот язык имеет буквенное написание, его грамматика отличается правильностью и соответствует грамматикам европейских языков. Чтобы охватить китайскую литературу во всех ее отраслях, надо сочетать изучение этих двух языков. Первой задачей Азиатской академии в этом отношении было бы не писать диссертации, а переводить оригинальные сочинения, которые открыли бы путь в китайскую литературу.

Господин Клапрот, составивший картину китайской и маньчжурской литературы (№ 2) и давший много материалов для второй части нашего эссе, соединяет в себе знание многих восточных языков, и особенно китайского, с выдающейся ученостью. Он только что закончил систематический каталог китайских и маньчжурских произведений, хранящийся в С.-Петербургской академии наук. Это каталог, могущий служить учебником китайской литературы, будет незамедлительно издан.

(1) Достаточно странно, что Китай так мало повлиял на Европу. Китайцы раньше нас изобрели порох и книгопечатание. Существуют ассигнации, напечатанные в XIV веке. Мы не знаем всех открытий. Представляется, что причины столь малого влияния находятся в духе правления и национальном характере, засоренным множеством предрассудков. Однако в результате этого Китай сохранил свой первозданный облик.

(2) Словарь китайского языка, самый полный в Европе, находится в архиве коллегии иностранных дел в Москве. Он был составлен отцом Паренненом¹¹⁵

и содержит более шестнадцати тысяч символов. Он снабжен латинским и частично испанским и французским переводами. Отец Пареннен подарил его в 1726 г. графу Савве Владиславовичу Рагузинскому¹¹⁶, который ехал в Пекин в качестве посла, и который в следующем году подписал с Китаем очень выгодный договор о мире и торговле. Донесение этого посольства, заслуживающее того, чтобы быть опубликованным, также хранится в архиве коллегии иностранных дел.

§ 4

До появления Магомета арабская и персидская литературы имели особый характер, обнаруживающийся в их древней поэзии. Исламизм, покорив два отличные друг от друга народа, придал им единую окраску, и этот оттенок однообразия смешал две эти литературы в одну. Фатализм должен был остудить воображение и согнуть умы под ярмо бесплодия. Религия, делающая из Бога безжалостного тирана и из любви простую чувственную потребность, отнюдь не благоприятствует поэзии. Таким образом Магометанство не дало ни одного великого произведения словесности. Поэма Фирдоуси «Шахнаме» принадлежит к первой эпохе. Автор, который, кажется наполовину огнепоклонник, представляет исламизм как нечто новое, но при этом сам все-таки не торопится оставить старую религию. Мистическая секта суфистов¹¹⁷, единственная, кто пыталась соединить с заповедями Магомета это непобедимое стремление человеческого сердца к культу, более свободному, более возвышенному, более достойному Высшего существа. Основатели этой секты, которые в начале именовались *ушангисами*, по-видимому, были знакомы с индийской философией. Считается, что Платон также черпал из этой возвышенной и поэтической теологии. Особенно примечательно, что Хафиз, Джамии¹¹⁸, Джелаледдин¹¹⁹ — самые известные персидские поэты, принадлежали к этой секте, и магометанские толкователи ломали голову над тем, чтобы найти в их сочинениях следы истинного ислама.

Нет ничего более полезного для нас, чем пропагандировать изучение персидского и турецкого языков. Эти два языка охватывают всю магометанскую литературу, так как почти все произведения арабов переведены либо на персидский, либо на турецкий языки. По мнению наиболее знающих ориенталистов, очень трудно в совершенстве выучить арабский язык, не прожив некоторое время в Азии.

Таблица № 3, составленная г-ном Клапротом, представляет общий план курсов арабской, персидской, турецкой и татарской литератур.

§ 5

Восточная поэзия мало повлияла на поэзию античную, зато ее воздействие заметно отразилось в поэзии нового времени. Древнееврейская литература, тесно связанная со священными понятиями, в которых мы видим основу наших религиозных идей, не могла не повлиять на современную литературу. На Моисея должно смотреть как на главу поэтической школы, совершенно отличной от других поэзий Востока. Перенимая восточные понятия, мы должны были неизбежно заимствовать и лежащий на них колорит. Возвышенность гимнов Востока породила отвлеченный и глубокомысленный характер религиозной поэзии новейших авторов.

Сочинения Моисея, книга Иова¹²⁰ и песни пророков — памятники, достойные соревнования с самыми совершенными созданиями античной литературы.

Orateurs et poètes,
L'enthousiasme habite aux rives du Jourdain,
Aux sommets du Liban, sous les berceaux d'Edem.

Fontanes¹²¹

Из всех, кто писал о древнееврейской поэзии, никто лучше не схватил ее дух и не представил ее действие, как знаменитый Гердер. Живой стиль, изумительная прозорливость, редкое сочетание творческого воображения и глубокой эрудиции — таков вклад, внесенный им в изучение Востока и главным образом, древнееврейской литературы. О важности и заслугах Гердера можно судить по его книге «Geist der hebräischen Poësie»¹²².

Легко заметить, сколь полезно изучение иврита даже в чисто литературном отношении. На этом изучении держится любая Азиатская академия, если она настоящая. Иврит — ключ ко всем божественным и человеческим наукам. Таблица № 4 была составлена доктором Фесслером¹²³, чья обширная эрудиция включает в себя совершенное знание древнееврейской литературы. Он сообразовал сообщить нам путь, которым следовал сам в преподавании этой литературы.

После изучения основ грамматики главным в курсе иврита является аналитическое и комментированное чтение Священного писания. Фесслер разделяет это чтение следующим образом:

In genere	<p><i>Historico:</i> ex libro Geneseos, cap. XXXVII, XXXIX usque ad cuput I, historiqm Josephi complectentium</p> <p><i>Morali:</i> libri Proverbiorum integri.</p> <p><i>Philosophico:</i> libri Ecclesiastis</p> <p><i>Poëtico:</i> libri Hiob integri; et</p> <p><i>Lyrrico:</i> Cantici Mosis. Deuteron. c. XXXII, Deboreae Judic. c. V. Psalmorum XLII. in vulg. – LXVIII vulg. 67–LXXXIV vulg. 83–XC vulg. 89–CIV vulg. 103–CXXXVII vulg. 136–CXXXIX vulg. 138.¹²⁴</p>
-----------	---

Добавим к этому чтению курсы древнееврейской археологии, в которые войдут описание еврейских ритуалов и нравов, в соответствии с духом законов Моисея, анализ поэзии и краткое изложение истории священных книг. Те, кто захотят изучать эту отрасль древней литературы, найдут все необходимое в Еврейской антологии доктора Фесслера и в *Institutiones linguarum orientalium* Wratilawiae 1787 того же автора.

§ 6

Армянская и грузинская литературы интересны в историческом отношении, потому что эти два народа имеют свои особые летописи, содержащие такие факты, какие напрасно было бы искать у историков Азии, Греции и Рима. Грузинская летопись¹²⁵ особенно любопытна. В начале прошлого века она была извлечена из Мчетского и Гелатийского монастырей Вахтангом V¹²⁶, сыном Левана. Господин Клапрот, во время своего пребывания в Тифлисе, велел перевести часть этой летописи. Переведенный отрывок дает очень лестное представление об историках Грузии.

Армянская литература еще настолько мало известна, что мы не знаем даже названий ее произведений. Тем не менее История Моисея Хоренского¹²⁷ заставляет желать, чтобы мы настойчиво занялись литературой этих двух народов. В нашем распоряжении имеется достаточно материалов и достаточное количество образованных армян и грузин, которые могли бы преподавать этот предмет.

§ 7

Хотя Тибет и связан через ламаизм с Индией и внутренней Азией, тем не менее, он полностью отделен от них своим языком и литературой. И то и другое все еще мало известны. В России было бы достаточно легко заняться изучением тибетской литературы. У нас можно нетрудно достать книги и рукописи, а также в большом количестве имеются ламы, которые смогли бы заняться их переводом и комментированием. В Лейпциге можно было бы приобрести отлитые Брейткопфом¹²⁸ тибетские литеры и начать переводить и публиковать маленький тибето-монгольский словарь, продающийся в Кяхте.

*L'Alphabetum tibetanum*¹²⁹ был опубликован в Риме в 1762 отцом Георги и отцом Кассианом Белиджиати (Cassien Beligiatti). Издатель предварил это издание собственной диссертацией: «quâ de vario litterarum ac religionis nomine, gentis origine, moribus superstitione, ac Manichaesmo disseritur; tum Beausobrii calumniâ in St. Augustinum, aliosque Ecclesiae patres refutantur»¹³⁰. Эта диссертация, представляющая собой нагромождение нелепостей, навлекла на отца Георги злую критику отца Полена де Сен-Бартеlemi под названием: «De veteribus indis dissertatio»¹³¹ (Romae 1795).

§ 8

Народы северной Азии, не имеющие литературы и почти не знающие письменности, тем не менее заслуживают нашего внимания, потому что они наверняка занимают гораздо более значительное место в истории переселения народов, чем до сих пор считалось. При недостатке исторических свидетельств следует анализировать в качестве источников языки. Необходимо поручить новой Азиатской академии классифицировать языки Азии, исходя не из пустых гипотез, а в истинном философском смысле их сравнительного изучения. Особенно следует воздерживаться от этимологической мании, к которой мы еще достаточно склонны, несмотря на пример Курта де Жебелена¹³² и многих других. Этимология, привлеченная для изучения человеческого разума, предшествует историческим изысканиям, но если при этом она не сопровождается строгой критикой, становится наивной, скучной и порождает массу ошибок, которым привычка дает силу закона и которые надолго замедляют открытие истинного пути.

§ 9

Суммируя все вышеизложенное, нам остается только выразить желание, чтобы Азиатская академия была основана в истинном духе и в масштабах достойных Российской империи. Если наше эссе сможет привлечь внимание правительства к этому важному предмету, мы будем считать, что наша цель достигнута. Рука более искусная завершит то, что мы наметили. Название и форма этого сочинения достаточно свидетельствуют, что на него надо смотреть как на записку, предназначенную изложить то, что уже достигнуто, и призвать к новым приобретениям.

№ 1 ИНДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	
КУРС ЯЗЫКА	КУРС ЛИТЕРАТУРЫ
Упражнения в написании девангарийскими и бенгальскими буквами. Грамматика санскрита. Образование санскритских глаголов. Гитопадеза или басни Вишну-Сармы. Махабхарата, поэма о войне курусов и пандусов.	Философия и религия. Система поклоняющихся Брахме. Система Ламаизма и поклоняю- щихся Будде. Система поклоняющихся Вишну. Система поклоняющихся Шиве. Обзор индийской литературы. История и география Индостана.
ДЕЗИДЕРАТА	
Словарь санскрита. Грамматика санскрита. Переводы вед. Перевод Махабхараты. Перевод драм Калидаза и Джая-Девы. Полный перевод и публикация текста Гуита-Говинды.	

№ 2

КИТАЙСКАЯ И МАНЬЧЖУРСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ
КУРС ЯЗЫКОВ

Китайский

Упражнения в письменности.
Сан-дзу-гвинн (1).
Сьен-дзу-вунн (2).
Грамматические объяснения.
Диалоги.
Чтение Кун-Дзу (Конфуция).
Сан-гоу-дши (3).
Отрывки из хроник.

Маньчжурский

Маньчжурская грамматика.
Диалоги
из Синн-вун-ки-мунна (4).
Конфуций в переводе
на маньчжурский язык.
Сан-гоу-дши (3).
Маньчжурские хроники.
Синн-ли-дшенн-и. (5).

КУРС ЛИТЕРАТУРЫ

Общая характеристика китайской империи и ее географии.
История Китая, взятая главным образом с точки зрения миграции
азиатских народов.
Разбор религиозных систем Конфуция, Лао-гиунна и Фое.
История китайской литературы (по оригинальным источникам).

ДЕЗИДЕРАТА

Филология.
Китайские словари.
Перевод и издание *Великого зеркала маньчжурского и китайского
языков*, опубликованного по распоряжению императора Киен-Луна.
Смесь
Отрывки из китайских и маньчжурских хроник.
Собрание фактов, извлеченных из хроник и географии, касающихся Азии.
Перевод И-гвинна (6).
Перевод произведений Лао-дзу (7).
Перевод произведений Джу-гги (7).
Литературный и исторический словарь во вкусе Гербелота (Herbelot).

Примечания

- (1) *Сан-дзу-гвинн*, сочинение составленное из параграфов трех символов, в котором содержится обзор всех наук, изучаемых в Китае.
- (2) *Сьен-дзу-вунн*, энциклопедия из тысячи символов.
- (3) *Сан-гоу-дшии*, история трех царств *Шу*, *Уей* и *У*, которые были образованы в Китае в 3 в. до н. э. *Дшен-шеу*, автор этого труда жил примерно в то же время. Эта история славится красотами стиля. Перевод на маньчжурский язык был сделан в середине XVII века.
- (4) *Синн-вун-ки-мунн*, грамматика маньчжурского и китайского языков, написанная в 1727 г. Кроме основ грамматики в ней содержатся очень важные диалоги на обоих языках.
- (5) *Синн-ли-дшенн-и*. Маньчжурское сочинение о философской системе династии Сунн, написанное в 1718 г. по распоряжению императора *Канн-гги*.
- (6) *И-гвинн*. Первое из так называемых классических сочинений, содержащих объяснения *Луа* (символы Фути).
- (7) *Лао-дзу* и *Дшу-ггу*, два китайских философа, один из которых жил 500 лет до Р. Х., а другой в XII веке н. э.

№ 3

АРАБСКАЯ, ПЕРСИДСКАЯ, ТУРЕЦКАЯ И ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРЫ

КУРС ЯЗЫКОВ

Основы арабской грамматики для всех начинающих

Арабский

Грамматика арабского языка
с примечаниями.
Отрывки из Корана.
Гарири.
Арабская хрестоматия
Сильвестра де Саси.
Абулфеда.

Персидский

Грамматика персидского языка.
Гюлистан Сади.
Эмир Кгонд.
Хафиз.
Шахнаме Фирдоуси.

Продолжение таблицы

Турецкий	Татарский
Грамматика турецкого языка. Гумаюн Намег (1). Турецкие хроники. Фадзули (2). Бостани (2).	Грамматика татарского языка. Абул Гази Багадур-хан.
КУРС ЛИТЕРАТУРЫ	
<p>География Азии вообще и магометанской Азии в частности, по плану господина Валя (Wahl) (<i>Vorder- und Mittel-Asien</i>).</p> <p>История магометанских династий в Азии с приложением обзора исламизма.</p> <p>История арабской и персидской литератур до Магомеда.</p> <p>История магометанской литературы.</p> <p>Статистика Персии и Турции.</p> <p style="text-align: center;">ДЕЗИДЕРАТА</p> <p>Филология.</p> <p>Перевод арабского словаря Камус.</p> <p>Перевод персидского словаря Ферган Джигангури.</p> <p>Перевод турецкого словаря Ван-кули.</p> <p>История.</p> <p>Арабская.</p> <p>Перевод и публикация большого исторического сочинения Абу Джафара «Тарик Табари».</p> <p>Полный перевод арабской географии Эдризия и Ибн-Гаукаля.</p> <p>Персидская.</p> <p>Перевод и публикация Равгат-эсс-зафы Эмира Кгонда.</p> <p>Турецкая.</p> <p>Перевод оттоманских хроник.</p> <p>Татарская.</p> <p>Перевод Дербенд-Намега.</p> <p>Полный перевод Абулгажи Багадур-хана.</p> <p>История татарских племен.</p>	

Продолжение таблицы

ЛИТЕРАТУРА

Арабская.

Полный перевод Тысячи и одной ночи.

Персидская.

Перевод поэм Фирдоуси, Хафиза, поэмы Джами «Юсуф-ва-зеликга» и поэмы Надзами «Хозрува-Ширин».

Примечания

(1) Турецкий перевод басен Пильпая (Pilrai).

(2) Имена двух турецких поэтов, первый из которых автор «Китаб-бенк-ва-бадех».

№ 4

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КУРС ЯЗЫКА

Учебник иврита Фатера (Vater).

Грамматика иврита Фатера.

Пятикнижие с комментариями Фатера.

Книга Иова с комментариями Шультенса (Schultens).

УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Simonis Lexicon manuel.

Cocceji Lexicon et commentarius sermonis Hebraici et Chaldaici, ed. Schulzii.

Schultensii Origines linguae Hebraicae.

Michaelis Supplementa in omnia lexica Hebraica.

Hetzels Histoire de langue hébraïque.

КУРС ЛИТЕРАТУРЫ

Библейская география (Hammelfeldts *biblische Geographie*).Еврейские древности (Warnekros *hebräische Alterthümer*).История евреев (Bauers *Geschichte der hebräischen Nation*).Еврейское право (Spener *de legibus Hebraeorum*. D. Michaelis, *Mosaisches Recht*).Древнееврейская поэзия (Herders *Geist der hebräischen Poësie*, Lowth*Praelectiones de poësia Hebraeorum, cum epimetrio Michaelis*).Древнееврейская литература (Wolfii *Bibliotheca Hebraica*. Bartolocci*Dibliotheca Rabbinica*).

Кабалистическая философия евреев.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ЭЛЕВСИНСКИХ ТАИНСТВАХ

Ἦλβιος, ὁ ὡς τὰδ' ὄλωπεν ἐπιχθονίων ἀνθρώπων!

*Homer. Hymn in Cer. v. 480*¹³³

- Посвящается Королевскому научному обществу
в Геттингене¹³⁴

Предисловие к парижскому изданию 1816 года

Господин статский советник Уваров направил в Королевскую академию надписей и художественной литературы, а также многим членам этой академии свое «Исследование об элевсинских таинствах». Особый интерес этот труд должен был вызвать у того, кому покойный господин барон де Сент-Кроа¹³⁵ поручил своей последней волей порадовать публику вторым изданием его *Исследований о языческих мистериях*¹³⁶. Чтение исследования господина Уварова лишь укрепило во мне интерес, внушенный уже самим названием сочинения. Узнав, что автор с удовольствием смотрит на переиздание его труда в Париже, и что он не будет возражать против незначительных стилистических поправок, я счел, что окажу услугу любителям древностей, если сделаю более доступным для них сочинение, которое в очень небольшом количестве экземпляров достигло Франции и южной Европы. Вдохновленный скорее доверием и дружбой господина Сент-Кроа, чем направлением моих собственных исследований, занялся я этой столь же темной, сколь и интересной темой. При осуществлении моих замыслов я пользовался знаниями и любезностью господина Буассонада¹³⁷, чье имя естественным образом связано со всем, что касается греческой литературы и научной критики памятников этой литературы. Он любезно согласился проверить несколько цитат на языках оригинала и разделить со мною корректурную правку. Я приношу за это свою благодарность, и не имею ни малейшего сомнения в том, что господин Уваров одобряет мое решение и разделяет мою признательность.

Я полагаю излишним задерживать внимание читателей на нескольких весьма незначительных изменениях, которые я себе позволил и которые, за одним или двумя исключениями, касаются только стиля. Господин Уваров пишет на нашем языке с замечательною легкостью, и его стиль оставляет очень мало желать даже в глазах самого требовательного читателя.

Пользуюсь случаем сообщить любителям древности, что они не замедлят получить второе издание *Исследований о языческих мистериях*. Я с готовностью бы уже вернул этот священный долг дружбы, но обстоятельства, в которых уже несколько лет находится книжная торговля, мешали мне до настоящего времени исполнить мои обязанности. Этот труд уже печатался, когда катастрофические события марта 1815 г.¹³⁸ в один миг прервали возрождение Франции и подобно неожиданному урагану разрушили наши надежды. Сегодня небо, возвратив нам законное правительство, принесло благо, возмещающее все наши беды, и я пользуюсь первыми мгновениями успокоения и тишины, чтобы исполнить свой первоочередной долг. Господа де Бюр¹³⁹, желающие не менее горячо, чем я, воздать знаки признательности и уважения памяти господина де Сент-Кроа, предприняли это новое издание, и оно появится уже через несколько месяцев.

Если бы знаменитый автор этих ученых *Исследований* дожил бы и стал свидетелем почти чудесных событий, обеспечивших торжество дела, которому он принес столь великие жертвы, он был бы счастлив принять участие в публикации труда, который бы в его руках приобрел высокую степень совершенства в столь богатое воспоминаниями и надеждами время. Его душа сквозь революции, производимые человеческими страстями, всегда старалась следовать невидимыми путями Провидения, управляющего всеми движениями вплоть до самых ужасных отклонений, и умела всегда соотносить себя с вечными замыслами. Она могла бы воскликнуть с восторгом: *Si adhuc dubuim fuisset, forte casuque rectores terries in aliquot numine darentur, Principem tamen nostrum liqueret divinitus constitutum* (Plin. Pan. Traj.)¹⁴⁰.

10 июня 1816

Барон С<ильвестр> де С<аси>¹⁴¹

Предисловие автора к первому парижскому изданию

Первое издание этого труда, отпечатанного только в ста экземплярах, появилось в начале 1812 года в то время, когда всеобщее внимание было поглощено событиями большой важности, и когда решалась судьба Европы. В эпоху, столь мало благоприятную для ученых занятий, труды чисто литературные, предпринятые по соседству, длительное время оставались почти неизвестными.

Теперь пришло время для публикации нового издания. Европа только-только приходит в себя после двадцатилетнего периода несчастий и ошибок. Республика ученых готова восстать из руин, и снова процвести на обломках самой гнусной из тираний. Она вступит, вероятно, в свои старые права. Самым прекрасным из них является братство чувств и мыслей, объединяющее столько людей, разбросанных по земному шару.

Я не пренебрег ничем, чтобы улучшить мое сочинение. Цитаты были тщательно выверены, в некоторых местах поправлен стиль и сделаны важные добавления по всему тексту.

Я добавил два новых отделения: пятое, в котором оспаривается взгляд Эвгемера¹⁴² на доктрину мистерий и шестое, в котором выявляются совпадения культа Цереры¹⁴³ и культа Бахуса¹⁴⁴. Способ, которым я в свою очередь рассмотрел этот вопрос, мне представляется, несомненно, новым. Каким бы ни было по этому поводу суждение ученого мира, я один несу за это полную ответственность.

Меня многократно упрекали за излишнюю доверчивость к объяснению, данному Вильфордом священным словам элевсинских мистерий. Я хорошо знаю, что открытия этого искусного, но чересчур смелого автора внушают своего рода недоверие, и далек от того, чтобы видеть на его объяснениях незыблемый фундамент собственной гипотезы. Наверное, я вызвал бы большее доверие своих европейских читателей, если бы нашел критические аргументы или возражения грамматического толка против предположения Вильфорда. Но никто еще не опроверг это предположение во всеоружии критики, а одни подозрения в филологии очень мало что значат. Впрочем, я исходил из того, что английские литераторы вообще и Калькуттское общество в частности, не позволили бы так долго просуществовать откровенному обману, и что сам Вильфорд, учитывая доверие к литературным проделкам пан-

дитов¹⁴⁵, жертвой которых он стал¹⁴⁶, не упустил бы случая опровергнуть свое знаменитое объяснение, если бы оно показалось ему подозрительным. Я консультировался по этому вопросу с моим знаменитым другом Гором Усли, чрезвычайным и полномочным послом английского короля при персидском дворе, членом Калькуттского общества, чье длительное пребывание в Индии и Персии способствовало его близкому знакомству с сокровищами человеческого ума. Его суждение укрепило меня в мысли о том, что между санскритскими словами, приводимыми Вильфордом и священными словами Элевсина, существует неслучайное сходство. С помощью господина Усли я дал некоторые пояснения к словам *Кнох* и *Рах*¹⁴⁷, в одном из примечаний, помещенных в конце сочинения. Что же касается моносиллабического *Om* или скорее *Oum*, то совершенно очевидно, что это самый абстрактный и самый таинственный символ Индии.

Как бы то ни было, я готов отказаться от этого объяснения без страха ослабить основу моей гипотезы об элевсинских таинствах, гипотезы, которая в любом случае, меньше опирается на точное знание того, чему там учили, чем на уверенность в том, чему там не учили. Если бы мы могли самым неоспоримым образом установить только высокое предназначение мистерий, их религиозную и историческую важность, а также источник, откуда они произошли, то можно было бы оставить под сомнением их индийское происхождение и довольствоваться прямой связью между первыми проблесками древнейших мистагогий¹⁴⁸, ведущими к их истинному источнику, и последними системами греческих философов.

Господин Шардон де ла Рошетт¹⁴⁹, только что похищенный смертью у литературы, сообщил нам на страницах своего сборника*, что господин Сильвестр де Саси подготовил новое издание господина де Сент-Кроа о мистериях. Все друзья литературы должно быть с нетерпением ждут издания очищенного, наконец, от интерполяций издателя**, который злоупотреблял правами дружбы и одновременно огромной эрудицией. Господин Сильвестр де Саси осуществил

* *Mélang. de critiq. et philol.* t. III. p. 44.

** Это господин де Вийоазон (Villoison) См.: *les Mélanges de M. Chardon de la Rochette*, t. III. p. 35; господин Дасье (Dacier) в похвальном слове господину де Сент-Кроа, *Moniteur*, 1811 № 188 и *Mercure du 18 mai 1805*, p. 414.

наилучшим образом замысел господина де Сент-Кроа. Литературный памятник, сооруженный им в память его ученого друга, будет достойным их обоих.

Arcades ambo,
Et cantare pares et respondere parati¹⁵⁰

Уваров.
Санкт-Петербург, январь 1815

Предисловие к первому изданию

Оказанная мне в 1811 году Геттингенским королевским обществом честь присутствовать на его заседаниях внушила мне намерение написать о некоторых предметах древности, которыми я давно уже занимаюсь.

Выбор трудной темы, к тому же считающейся исчерпанной, был, вероятно, безрассудным. О ней почти невозможно рассуждать без того чтобы, по выражению Хейне, не отдать предпочтение какой-нибудь из уже существующих гипотез. Цель, которую я ставлю перед собой в этом сочинении, — показать, что древние мистерии не только были душой политеизма, но еще и то, что они вышли из единого и подлинного источника всех знаний, распространенных на земле. Если мои предположения смогут послужить материалом для истории политеизма, и если они подтвердят необходимость придать новый импульс изучению античности, то мое желание будет исполнено.

Ученые люди, занимавшиеся этими исследованиями, почти всегда отдавали предпочтение общему для всех языку. Долгое время таким языком при изучении античности была латынь. Однако с тех пор, как она утратила свою древнюю привилегию всеобщности, французский язык приобрел значительную часть ее прав. Насущная потребность в точности и ясности, свойственных этому языку, делает его вполне пригодным, для того чтобы стать привычным языком науки, в котором порядок мыслей и точность выражений почти столь же необходимы, как дух анализа и критики. Эти рассуждения определили мой языковой выбор, но я чувствую потребность в снисхождении за то, что пустился писать на иностранном языке, доставляющим помимо прочего столько трудностей тому, кто пытается им пользоваться.

Это не единственные трудности, которые мне предстояло преодолеть. Известно, что несмотря на исследования Меурсиуса¹⁵¹ (Meursius), Уорбёртона¹⁵², Бугенвиля, Мейнерса¹⁵³, Штарка¹⁵⁴, Баха, Фогеля (Vogel), Тидеманна¹⁵⁵ (Tiedemann), а также несмотря на ученый труд господина де Сент-Кроа, великий вопрос мистерий еще далек от своего решения. Оригинальные свидетельства крайне немногочисленны и к тому же до сих пор не классифицированы с достаточной осторожностью, в соответствии с исторической хронологией и подлинной ценностью. Эта сумятица, о которой писал еще Мейнерс, приводит к еще большему затемнению и без того темного предмета. Я упоминаю об этих обстоятельствах только лишь для того, чтобы оправдать собственную невозможность продвинуться дальше.

Греческий стих, взятый мною в качестве эпитафии, был принят Вольфом¹⁵⁶ и отброшен Германом¹⁵⁷. Эти два выдающихся авторитета равно значительны:

Non nostrum inter vos tantas componere lites¹⁵⁸.

Впрочем, речь здесь не идет о заслуге, достоинстве или подлинности этого места из гимна Церере, но исключительно о его прямом отношении к предмету, о котором я рассуждаю.

Прибавлю только одно размышление: изучение античности отнюдь не является частным исследованием. Всякий раз, как только эта наука возвышается над мертвой буквой, она становится историей человеческого духа. Она не только подходит ко всем эпохам и ситуациям человеческого существования, но еще и открывает столь обширное поле, что мысль добровольно сосредоточиваясь на нем, мгновенно забывает о всех бедствиях, сопровождающих великие политические и нравственные потрясения. Сенека¹⁵⁹, прекрасно описав предназначение ученого в бурные эпохи, закончил таким образом: *Duas respublicas animo complectamur: alteram magnam, et verve publicam, qua dii atque homines continentur, in qua non ad hunc angulum respicimus aut ad illum, sed terminus civitatis nostrae cum sole metimur; alteram, cui nos adscripsit condition nascendi... Quidam eodem tempore utrique reipublicae dant operam, majori; quidam, tantum minori, quidam tantum majori. Huic majori reipublicae et in otio deservire possumus; immo vero nescio an in otio melius*¹⁶⁰.

Уваров

* Senec. De Otio Sap. 31.

ОТДЕЛЕНИЕ I

Религиозные мистерии древних народов представляют один из любопытнейших и вместе самых темных предметов в изучении древности. Отличные критики и ученые с давнего времени посвящали свои исследования этой важной части в древней археологии. В самом деле, глубокое познание не обрядов, а самого источника и духа мистерии, в которых должны были сохраниться религиозные идеи древнего мира, могло бы распространить совершенно новый свет на все археологические исследования. Все ученые, от Меурсиуса до господ Сен-Кроа и Мейнерса, рассматривали этот вопрос с различных точек зрения. Одни старались определить происхождение и назначение мистерий, другие отыскивали время их введения в Грецию и собирали все свидетельства древних писателей о мистических церемониях. Словом, ученых исследований было уже довольно; все древние писатели и памятники искусства, в которых что-нибудь могло содействовать к объяснению вопроса, пересмотрены и сличены с большим вниманием. Кажется, однако ж, что на самое важное из всех этих исследований, на религиозно-философское отношение мистерий к политеизму, еще по сию пору не обращено надлежащего внимания. Некоторые писатели вовсе не занимались этим предметом, другие говорили только мимоходом. Многие видели в мистериях только собрание обрядов, назначенных для обмана черни; другие превращали их в философские школы. *Плуи* сделал из этих таинств курс гигиены*; *Ларше*¹⁶¹ думал, что там проповедовали атеизм**.

Чтобы объять во всей обширности этот вопрос, заключающий в себе все нравственные элементы древнего мира, нужно иметь множество материалов, которых у нас нет и не будет никогда. Таким образом, не надеясь на совершенное объяснение дела, мы считаем свои мысли об этом предмете простыми догадками, к которым привело нас большое желание научиться самим, чем учить других.

Не заходя вдаль, мы определим наперед общее понятие мистерий. Под этим именем разумели собрание различных религиозных постановлений, не имевших между собою ни общей связи, ни общего

* Histoire du ciel, tom, 371.

** Hérodote, trad. M. Larcher, I. VIII, § 65. (Однако во втором издании господин Ларше заявляет, что чтение труда господина де Сант-Круа заставило его отказаться от этого мнения. См. tom V, p. 486).

происхождения. Таким образом, причисляли к мистериям церемонии дактилов¹⁶², куретов¹⁶³, корибантов¹⁶⁴, тельхинов¹⁶⁵ и даже позднейшие посвящения Митры¹⁶⁶ и Исиды¹⁶⁷. Впрочем, при отчетливом изучении этой археологической отрасли, нетрудно заметить, что все эти религиозные секты не имели ничего общего с элевсинскими таинствами Цереры. Даже не определено еще сходство между мистериями богов Кабиров¹⁶⁸ в Самофракии и таинствами элевсинскими (1).

В ряду постановлений, известных под общим именем мистерий, элевсинские таинства занимают первое место. Равно важные и по своему происхождению и по своим последствиям, они одни имели прямое отношение к первоначальному источнику религиозных идей, одни составляли мистическое значение политеизма. Древние под именем мистерий всегда разумели только элевсинские таинства: все прочее, с весьма немногими исключениями, уже с самого начала было мистическим ремеслом грубых фигляров, обманывавших легковерный, еще полудикий народ, а впоследствии времени, ловкие шарлатаны, посредством этих темных и странных обрядов, надеялись остановить падение разрушавшейся религии.

В общее понятие мистерий обыкновенно включают еще таинства Бахуса; любопытно было бы определить их точное значение, но они мало содействуют к объяснению настоящего вопроса. Бакхические или орфические мистерии по своему характеру совершенно противоположны элевсинским таинствам: можно сказать, что между поклонением Бахусу и Церере такая же разница, как между необузданною силою дикой жизни и правильным устройством жизни гражданской (2). Но таинства Цереры тем особенно отличаются от других мистерий, что в них сохранились предания, современные миру. Притом, открывая посредничество между человеком и божеством, элевсинские таинства только достигли цели всех великих религиозных учреждений. Вся Греция спешила принять посвящение, и Платон, которому удалось проникнуть в тайну самого святилища, говорил о мистериях не иначе, как с благоговением. По свидетельству святого Климента Александрийского*, в *великих таинствах* учили познавать природу. Снятие покрова с этих мистерий поддало бы ключ к таинствам Египта и Востока, и, раз отыскав эту нить, можно было бы дойти до первых начал политеизма.

* *Stromat.* V, cap. 11, p. 689.

Мы не знаем, ни времени, ни основателя элевсинских таинств. Тертуллиан¹⁶⁹ называет Музея¹⁷⁰, святой Епифаний¹⁷¹ — Кадма¹⁷² и Инаха¹⁷³, Климент Александрийский говорит, что основание мистерий приписывали также Египтянину Мелампу¹⁷⁴. Некоторые, между прочими схолиаст Софокла¹⁷⁵, утверждают, что какой-то Эвмолп был основателем и первым иерофантом¹⁷⁶ мистерий. Другие, наконец, уверяют, будто Орфей принес эту мистерию из Египта. Между тем, достовернейшие писатели приписывают их основание самой Церере (3).

Мы не станем рассказывать различных басен о том, как Церера установила эти мистерии. Приписывать их основание богине, земле, значит далеко выступать из пределов истории и соглашаться в невозможности определить время их появления.

Еще более сбивчивости относительно самого года основания: писатели, по обыкновению, толкуют об этом различно, и ни у кого нет правдоподобных доказательств. Мейнерс и Дюпюи¹⁷⁷ доказали, что это исследование и мелочно и бесполезно (4).

Мысль эта оправдывается еще тем, что *малые мистерии* без всякого сомнения явились раньше *великих*, и стало быть, эпоха их действительного усовершенствования современна образованию греческих республик. Поэтому, для нас гораздо любопытнее изучать эти таинства в их зрелом, нежели в младенческом возрасте¹⁷⁸. Притом, как бы ни было отдалено время их египетского переселения, и какой бы символ ни соединялся с именем Цереры, мистерии, во всяком случае, должны были явиться ранее предполагаемого времени, если допустить, что их зародыш скрывается еще в празднествах и народных обычаях первых обитателей Греции, вышедших с ними с Востока¹⁷⁹. Греческая религия образовалась постепенно, и большая часть религиозных обрядов перенесена из Египта¹⁸⁰. Таинства Цереры, по словам Лактанция¹⁸¹, почти совершенно сходны с мистериями Исиды; а во времена Геродота¹⁷⁹

* *Apologet.* cap. 21.

** *Adv. Haer.* I. § 9, tom. I, ed. Petav.

*** *Coh. ad Gentes*, pag. 12.

**** *Ad. Oed. Col.* v. 1108.

***** *Meiners, verm. phil. Schrift.* III, p. 258.

***** *Meiners, verm. phil. Schrift.* III, p. 248–251.

***** *Herodot.* I II, cap. 49.

***** *Lactant. de falsa relig.* p. 119, § 21.

только у одной Исиды и были таинства в Египте*; стало быть, ее таинства только и могли дать происхождение мистериям Цереры**. Но такие идеи раскрываются медленно и уже поздно принимают мистические формы, обличающие всегда значительную зрелость мышления. Во всем этом ясно виден обыкновенный ход человеческого ума: он идет в своих исследованиях от идеи бесконечного и, пробегая огромное пространство, снова доходит до этой же идеи, которая, таким образом, обнимает все крайности человеческой мысли.

Это размышление может отчасти объяснить еще и другую, более важную трудность, которая представляется с первого взгляда.

Гомеровы поэмы — бесспорно древнейший памятник греческой истории (5). Однако ж, Гомер нигде не говорит о таинствах, и даже нет в нем ни малейшего следа мистических идей (6). Поэт никогда не возвышается до этого отвлеченного понятия судьбы, бывшей душою греческой трагедии. Его теология предшествует всяким метафизическим соображениям. Все носит у него истинный характер первоначальной поэзии, которая еще вся предана музыкальной гармонии слов и прелести первых впечатлений. Никогда ум человеческий не имел перед собою более очаровательной картины своей молодости. В простоте Гомеровых идей везде чувствуешь зародыш силы, еще дремлющей, точно так же, как в грациозных движениях младенца угадываешь исполинские размеры будущего мужа.

Эти достоинства, сделавшие Гомера любимцем всех образованных народов, представляют почти неразрешимую трудность для историков. Мы видели, в чем состоит это затруднение относительно элевсинских таинств: время их основания, по самым достоверным свидетельствам, относится к векам баснословным, и, однако ж, Гомер, первый греческий историк, не только не говорит об них ничего, но даже все идеи его имеют совершенно противоположный характер. Напрасно стали бы уверять, что поэт с намерением удалил от эпопеи всякую метафизическую идею в угождение взыскательному вкусу современников: мысль эта тем более неосновательная, что всякая черта разграничения, проведенная вокруг эпопеи, вовсе не в характере Гомера и не в духе его века. Какое бы в ту пору ни имели понятие об эпопее, Гомер не подчиняется безусловно известному роду. Он обнимает весь свой век и природу; даже, если предположить, что поэт не хотел описывать древних

* Herodot. I. II, cap. 59.

** Meiners. *Comment. Soc. reg. Gütting.* tom. XVI, p. 234 et seqq.

мистерий, все бы в его поэмах остался какой-нибудь след метафизических идей, как скоро были они известны его современникам.

Мнение, что греческие мистерии действительно вошли в употребление позже Гомерова века, подтверждается весьма важным свидетельством. Мы разумеем свидетельство Геродота, который говорит, что Гомер и Гесиод¹⁸⁰ первые дали грекам теогонию¹⁸¹, первые определили имена богов, их изображение и религиозные обряды*. Не должно принимать этого в буквальном смысле. Образ действия гомеровых богов предполагает уже известную и полную систему. Но Гомер и Гесиод привели ее в порядок, соединили разбросанные предания, бессвязные *мифы*; и в этом отношении, отчасти сделали то, что приписывает им Геродот. Некоторые уже сильно восставали против Геродотова авторитета, и особенно опровергали его писатели, хотевшие доказать существование Орфея, который, по их мнению, был основателем мистерий. Сомневаться нельзя, что Орфей имел большое влияние на религиозные понятия греков: факт остается неоспоримым, если даже принять мнение Аристотеля¹⁸², который, по свидетельству Цицерона**, доказал, что Орфей никогда не существовал¹⁸³. Если слово «Орфей» есть собирательное имя, данное вообще всем основателям или преобразователям мистерий, то действия, приписываемые Орфею, например, основание самофракийских или вакхических мистерий***; будут иметь всю силу исторических фактов. Орфея уже в древности знали очень мало. Самые опытные критики не признавали поэтических отрывков, известных под его именем (7); но самофракийские мистерии имели большое сходство с некоторыми египетскими церемониями, и это обстоятельство оправдывает всеобщее мнение о путешествии Орфея в Египет. С самой глубокой древности египтяне владели монополиею восточных идей. Таким образом, чтобы это египетское переселение мистерий согласить с молчанием Гомера и Гесиода (8), необходимо допустить, что обряды восточной религии развились уже после Гомерова века, или, по крайней мере, после Троянской войны, потому что только теперь, среди междоусобных несогласий Греция начала принимать правильное политическое устройство. Героический век занимал средину между жизнью кочевой и строгим разделением на касты; в этом неопределенном состоянии

* Herodot. I. II, c. 53.

** *De Nat. Deor.* I, cap. 38.

*** *Diod.* I. I, cap. 96. *Apollod.* I, cap. 38.

человек энергически обнаруживает свою деятельность, но еще не чувствует необходимость углубляться в самого себя.

Таким образом, эпоха действительного развития мистерий должна быть современна основанию первых греческих республик. Республиканская эра сменила героический век в то самое время, как лирическая и драматическая поэзия заступили место эпоса; и как у древних все элементы нравственного и физического состояния народов имели между собою внутреннюю связь, то Гесиода можно считать средним термином между этими великими эпохами. Религиозные понятия уже приняли направление, более сообразное с состоянием общества; и как невозможно думать, что греческая поэзия без всякой постепенности возвысилась до Гомера совершенства, точно так же невозможно доказать, что полное развитие мистерий совершилось вдруг и произвольным образом в такое время, когда не было в них никакой нужды. Чужеземные учреждения могут процветать только в том случае, когда они совершенно освоились с почвою, на которую пересажены; поэтому прежде всяких справок с хронологиею, мечтающею определить время великого события, должно наперед спросить философию, сообразно ли это событие с неизменными законами природы, которых человек не может ни переменить, ни уничтожить.

ОТДЕЛЕНИЕ II

Весьма вероятно, что из всех европейских стран Греция была первая населена азиатскими колониями. Весь ход ее истории показывает, что в этой стране в разные эпохи жили три различных племени. Первые переселенцы не составляли политического тела, не имели общего названия. Вторая колония была пеллагическая. Пеласги¹⁸⁴, не совсем чуждые образования, имели некоторое сходство с европейскими фракийцами и азиатскими фригийцами. Между тем додонское предание¹⁸⁵ говорит, что они долго приносили жертвы богам, не зная их имен*. Девкалионов потоп¹⁸⁶, случившийся около 1514 года до Р. Х., произвел большой переворот. Явились эллины, народ новый, вышедший из Азии: они распространились по всей Греции, выгнали пеласгов, или смешались с ними, и дали свое имя стране, которую образовали**. Лет через шестьдесят

* Herodot, I. II. cap. 52.

** *Mém. de l'Acad. des Inscrip.* tom. XXIII, p. 115 et suiv.

после девкалионова потопа финикиец Кадм поселился в Фивах, египтянин Данай¹⁸⁷ — в Аргосе.

Вот очерк полубаснословных, полуисторических событий, не без труда выбранных из древних писателей и подавших повод к построению различных, противоречащих систем. Во всем верно только то, что Греция в различные времена, первая заселена была азиатскими колониями, более или менее образованными.

Мы видели, что основание элевсинских таинств приписывали или самой Церере, или чужеземным поселенцам, и что египетские жрецы присваивали себе честь распространения между греками первых начал политеизма. В этих фактах довольно положительности; даже без сходства в идеях, они доказывают сами по себе, что египетские мистерии, перемешавшись с туземными понятиями греческих племен, никогда не опровергали своего происхождения, близкого всеобщей колыбели нравственных и религиозных идей.

Все эти бессвязные факты, эти разбросанные свидетельства вытекают из плодотворного начала, помещающего на Востоке фокус просвещения и центр всякой образованности. Нельзя проследить непрерывный ход человеческого образования от первых откровений Божества до мистических заблуждений ума, но все же основываясь больше на сходстве самых идей, нежели слов, можно указать на некоторые главные эпохи и восполнить их промежутки собственным размышлением. Историю философских идей всегда должно соединять с историей религиозных верований, потому что философия, предоставленная самой себе, объясняет только вполовину историю человеческого ума.

Таким образом, древние мистерии, в отношении к истинам верховного порядка, имеют много светлых сторон, которые должно выставить на вид. Теперь почти все начинают думать, что столь важные вопросы заслуживают самого внимательного рассмотрения. Не довольно для этой цели одних филологических исследований: критику слов всегда должно соединять с критикою самих идей, и идти при свете сделанных открытий.

Предположение, что Египет был источником всех человеческих познаний и матерью всех религий, было принято многими писателями восемнадцатого века. Впрочем, это мнение не новое, и сами египтяне распространили его*. Весьма многие из новейших писателей приняли

* Diod. I, cap. 29. Тот же автор говорит в другом месте: *φιλοτιμώτερον ἢ περ ἄλληνώτερον, ὡς γε μοι φαίνεται*, говоря о египтянах (I, p. 17).

также эту догадку; не говоря о других назовем здесь господ Сен-Кроа и Дюпюи, которые были последними историками древних мистерий. Некоторые, например, Кемпфер¹⁸⁸, Гюз¹⁸⁹, Ла-Кроз¹⁹⁰, Бруккер¹⁹¹ думали даже, что самая Индия была египетскою колонию. Эта система, несогласная с нашими религиозными преданиями, противоречит также достовернейшим свидетельствам истории и философии (1). Нет сомнения, Египет во многих отношениях представляет единственное зрелище в летописях мира; тем не менее, однако ж, ничего не обнаруживает в нем характер центральной страны: его географическое положение, природные свойства жителей, политическая судьба и постепенный ход государственного управления, — все показывает, что страна эта не могла сделаться фокусом человеческого образования. Несколько местных особенностей, несколько народных символов еще не доказывают, что египетская религия не могла иметь азиатского происхождения. Напротив, весь план этой теократии ясно показывает, что египетские жрецы, ревностно сохранявшие принесенную систему религиозных верований, составляли чужеземную колонию, искусно употреблявшую все средства, которыми можно было обморочить глаза и поработить простой народ (2). Как скоро символы поглощают основные идеи и непроницаемый язык увековечивает мрак, покрывающий религиозную систему, нить аллегории прерывается в руках теократов, темнота увеличивается, иго тяготеет, и человек блуждает в лабиринте внешних обрядов, к которым ключ давно уже потерян.

Но если Египет сам ничего не выдумал, зато он все сохранил: сама строгость правления и его глубокая древность как нельзя лучше приспособлены были к этой цели. Поэтому Египет по всему праву можно считать крепким звеном, соединяющим Азию с Европою. Изменив восточные предания, он передал их Греции. Все, что в религиозных понятиях греков отличается от египетской теологии, может служить характеристикою обоих народов. Эти предания, с мрачною и печальною физиономиею в Египте, получили новую жизнь в веселом климате и прекрасном воображении греков.

Если бы лучше узнать древний Египет и собрать более точные сведения о его религиозной системе и народных преданиях, нетрудно было бы изложить историю мистерий. К несчастью, глубокий мрак еще скрывает от нас язык, историю и памятники Египта. Впрочем, некоторые счастливые попытки, особенно великие предприятия французского правительства, заставляют ожидать новых открытий

об этой стране. С другой стороны, труды англичан в Бенгале уже с большею достоверностью определяют некоторые факты, доказывающие связь и взаимные отношения между древнею Индиею и Египтом. То, что мы знаем об их мифологических, исторических и географических преданиях, не подвержено более никакому сомнению (3).

Древние считали индейцев автохтонами*¹⁹². По известию Филострата и Лукиана**¹⁹³, они думали, что египтяне заняли свое образование от индийцев. «Я знаю, — говорит Павсаний***¹⁹⁴, — что халдеи и маги египетские первые стали доказывать, что душа человеческая бессмертна. Греки, и особенно Платон, сын Аристана, от них узнали эту истину». Эти понятия об Индии сохранялись долгое время. Святой Климент Александрийский и Святой Иероним****¹⁹⁵ упоминают о Будде¹⁹⁶. Восточный пантеизм, представляющий вселенную истечением из божества, проникнул в Египет и Грецию. Индийские философы для объяснения этой системы брали в пример паука, образующего свою паутину из нити, которую он тянет из себя самого****: насекомое сидит среди своей работы, сообщает ей движение и, когда вздумается, опять втягивает в себя ткань, вышедшую из его же тела. Они сравнивали мир с яйцом, и этот символ приняли также египтяне и греки. Не входя более во все эти подробности, которые могли бы нас отдалить от предмета, мы прибавим, что новейшие открытия совершенно согласны с известиями древних. Доказано, что древним индийцам известны были *Миср*¹⁹⁷ и *Нил*, что египетская троица, состоящая из Осириса, Гора и Тифона, имеет общее происхождение с троицею индийскою, которую составляли Брама, Вишну и Магадева¹⁹⁸ (4). Доказано также, что египетский фаллос, совершенно сходный с индийским лингамом¹⁹⁹, принесен в Грецию Мелампом***** — что разделение на касты и наследственная власть жрецов были вовсе не египетского изобретения, как думал Дюбуа. Невероятно, чтобы баснословный Сезострис²⁰⁰ принес египетскую религию в Азию***** и чтобы преследование Камбиза²⁰¹ заставило

* Diod. II, p. 87: πάντα (έθνη) δοκεῖν ὑπάρχειν αὐτόχθονα. Nonn Dionys. I. XXXIV, v. 182: Ἰνδῶν γηγενέων μισήσατο πατριον ἄλκην.

** Philostr. Vit. Apoll. III, cap. 6 ; VI, cap. 6. Lucian. Fudit.

*** Messen cap. 32.

**** Stromat. I, p. 305 ; Hieron. Aav. Jov. I.

***** Mém. de l'Acad. des Inscript. tom XXXI, p. 234.

***** Herodot. II, 49.

***** Recherches sur les Mystères du paganisme, pag. 8 ; Hérodote, trad. de Larcher, tom. II, p. 401, note 389, prem. édit.

египетских жрецов образовать Индию*. Но Египет был посредником между Азией и Грецией и служил главнейшим каналом умственных сношений, которые с самой глубокой древности существовали между этими странами.

Между тем, в пятом томе «Записок Азиатского общества» сообщено известие о самом важном из всех новейших открытий, подтверждающих восточное влияние, и которые имеют прямое отношение к предмету нашей статьи. «Оканчивая празднование элевсинских таинств, греческие жрецы распускали собрание, говоря: *Κόυξ ὄμ πάξ* (конкс ом пакс). Эти мистические слова, которых никто до сих пор не мог объяснить, суть *санскритские* (5). Брамины и теперь употребляют их в конце многих религиозных обрядов. На языке богов, индийцы дают это название языку своих священных книг — так выражаются эти слова: *канска, ом, пакша*.

Канска означает предмет наших пламенных желаний.

Знаменитый слог *Ом* индийцы произносят в начале и в конце своих молитв и всех религиозных обрядов.

Пакша вполне соответствует старому латинскому слову *vix, vices*. Оно означает всякую перемену, очередь, ряд, периодическую работу, непостоянство счастья. Произнося его индийцы льют воду в честь богов и питрисов (*Pitris* — души усопших).

У Гезихия²⁰² мы находим, что эти слова произносили в Греции громко в заключение всех важных церемоний, религиозных и гражданских. Судьи, выслушав дело, подавали голоса, бросая в ящик разноцветные камни; стук падающего камня назывался одним из этих трех имен, или даже всеми тремя, вероятно, от слова *пакша*, потому что судья отправил свою очередь при подавании голоса.

Адвокатам, собиравшимся говорить перед судом, давали на размышление два или три часа, смотря по содержанию дела. Для этого ставили водяные часы, издававшие после каждого часа известный звук, который также называли *пакша*. Это слово выговаривалось *васх*, а в просторечии *вахт*; отсюда старинное латинское *vix*».

Это прекрасное открытие Вильфорда не только объясняет настоящее происхождение мистерий, но показывает еще внутренние и многочисленные отношения, которые поддерживали влияние восточных идей на древнюю образованность. Здесь нет надобности

* Kaemfer, *Histoire du Japon*, I, chap. 2, pag. 33.

выставлять все результаты от объяснения Вильфорда: всякий беспристрастный наблюдатель увидит на Востоке колыбель всех религиозных преданий и философских учений. У нас еще далеко не все материалы, которых нужно ожидать впереди; но уже какой свет распространили эти исследования, сделанные только в продолжении двадцати лет! Кто не пожелает, чтобы внимание всей Европы обратилось на эту азиатскую литературу, источник всех наших познаний.

Из всего сказанного следует, что религиозные мистерии греков имели чужеземное происхождение, что родина их не в Египте, и что, наконец, есть у вас блистательный, единственный факт, открывающий их истинное отечество (6).

ОТДЕЛЕНИЕ III

Естественное состояние человека не могло быть ни диким, ни поврежденным состоянием. Это состояние простое, лучшее, близкое к Божеству. Дикость и поврежденность человеческой природы были уже следствием падения человека, которое одно содержит ключ ко всей его истории. Отсюда — этот обратный ход нравственного мира, противоположный постепенно возрастающей силе человеческого ума; этим также объясняется настоящее положение дел, при котором человеческая мудрость есть только простое созерцание, воспоминание прошедшего, а добродетель — возвращение к Богу.

Все религии признают эту великую истину падения человека. Она находится во всех теологиях и служит основанием древней философии. В мифологических преданиях она занимает иногда первое, иногда второстепенное место: то представляют ее под символом борьбы, траура, то под образом убитого бога (1); иногда дают ей духовный смысл, и философия проповедует о перерождении души, о необходимости ее постепенного возвращения на первое место*.

Все важнейшие нравственные истины, соединенные с истиною о падении человека, это первые истины, непосредственно переданные или открытые Божеством, пережили все заблуждения человеческого ума**. Рассеяние народов, злоупотребление аллегорий, сбивчивость понятий о бестелесных силах, — все эти начала, из которых

* Plat. in *Phaed.* in *Cratyl.*; Macrobian. *Somn. Scip.* I, 9; Clem. *Strom.* III, p. 433.

** Mém. de l'Acad. des Inscr. t. XXXV, p. 171–188.

постепенно образовался политеизм, не могли заглушить первоначальных истин, и остатки их всегда сохранялись на Востоке. Эти обломки, по какому-то чудному направлению, распространялись далеко: они явились в Египте, и впоследствии времени, после различных изменений, образовали в самом центре языческого мира таинственное учение *Апорретов*²⁰³ и предмет великих элевсинских мистерий.

Эти простые факты, основанные на исторических преданиях, эти удовлетворительные результаты, соединенные с нашими священными преданиями, не должны быть опровергаемы. Предположение, устанавливающее общий центр, общий фокус просвещения, бесспорно, есть самое основательное из всех предположений о происхождении человеческого образования. Открыть разрешение великой исторической и философской задачи, не нарушая прав ни философии, ни истории, есть величайшее торжество здоровой критики (2).

Соединение философии с критикою особенно необходимо на обширном археологическом поприще. Самая остроумная догадка здесь редко бывает удовлетворительною; принимая предположение, представляющее наименее противоречий, здесь видишь еще на каждом шагу, что не должно эту догадку объяснять всех затруднений и все выводить из одной системы (3). В изучении древних религий нам довольно обнять главнейшие черты их, потому что они только составляют их собственный характер; все прочее прибавлялось к ним постепенно и часто наудачу.

Руководствуясь этим началом, мы не примем без размышления никакой позднейшей догадки о переселении первоначальных и основных идей. Мы уже указали на их восточную родину и дальнейшее пребывание их в Египте; посмотрим теперь, как утвердились они в Греции.

Элевсинские таинства, подобно древней философии, разделялись на две части — *эзотерическую* и *экзотерическую*. Из этих обеих частей образовались *великие* и *малые таинства*. Последние считаются древнейшими, и эта постепенность в их образовании сообразна с обыкновенным ходом вещей. Господин Сент-Кроа, основываясь на словах Меурсия, полагает, что малые мистерии были приготовительными церемониями*. Впрочем, гораздо вероятнее, что великие и малые таинства были совершенно раздельны. Без сомнения, посвященному в великие мистерии известно было содержание малых, но ничто

* Recherche sur les mystères du pagonisme, p. 182 et suiv.

не доказывает, чтобы всякий *мист*²⁰⁴ мог сделаться *эпонтом*²⁰⁵, то есть, чтобы адепты малых мистерий имели право на посвящение в великие. Каждый грек, без различия возраста и происхождения, мог быть допущен к малым мистериям; даже *варвары* впоследствии пользовались этою выгодою. Но если бы так же легко было участвовать и в великих таинствах, могли ли бы они быть скрыты от народа и не потерять своего значения (4)?

Это двойное учение, полагавшее преграду между философами и народом, составляет отличительную черту древнего мира, свойственную всем его постановлениям, всем системам, всему образованию. Христианство, разрушив двойное учение, сделалось великою эпохою даже в истории философии.

Разделение мистерий на великие и малые зависело от самого свойства языческой религии. Великие таинства предоставлены были небольшому числу избранных, потому что истины, там открытые, могли бы нанести смертельный удар религиозным верованиям народа; напротив, малые мистерии доступны были всякому человеку.

Все эти побуждения заставляют думать, что малые мистерии, не сообщая ничего противного политеизму, содержали символические представления истории Цереры и Прозерпины²⁰⁶. Учение о будущей жизни, где преступники будут наказаны, а добродетельные получают награду, не выходило из пределов господствующей религии. Даже можно было, не опровергая политеизма, объяснять посвященным, что такие-то боги были первоначально людьми, удостоенными апофеоза за свои великие действия*: религия, никогда не имевшая определенной системы, давала большой простор теологическим толкованиям (5). Вероятно, малые мистерии составляли род философского политеизма. Только великие таинства, *τελεταί*, владели некоторыми высокими истинами и важнейшими первоначальными преданиями. Нет возможности изложить в полном объеме это таинственное учение: древние оставили нам только несовершенные отрывки, неясные указания, темные намеки. В новейших открытиях множество догадок, но весьма мало доказательных фактов.

Не станем здесь приводить всего, что относится к устройству элевсинского храма, в котором, по известиям Страбона^{**207}, могло помещаться до тридцати тысяч человек (6); не будем также говорить о порядке

* Cic. *Tusc.* 1. I, cap. 12. *Voyez.* Section V.

** Lib. IX, p. 272, ed. Casaub. 1587.

церемоний и о различных обязанностях мистагогов²⁰⁸ в великих и малых мистериях. Весьма немногие сведения об этих предметах уже пересмотрены новейшими учеными и в их сочинениях собрано все, что можно отыскать о иерофанте (*Ἱεροφάντης*), факелоносце (*Δαδοῦχος*) священном герольде (*Ἱεροκήρυξ*), слугителе алтаря (*Ὁ ἐπί βοιῶ*) и о других особах низшего разряда, принадлежавших к храму, об их костюмах, должностях, о днях торжественных процессий и проч.

Повторяем: нам нельзя положительно определить всех сведений, которые открывали эпоптам; но из показанного отношения этих посвящений к истинному источнику всех наших познаний можно судить, что они получали в великих мистериях не только правильные понятия о божестве и его отношениях к человеку, но и о первоначальном достоинстве человеческой природы, о падении, бессмертии души, о средствах ее возвращения к Богу, наконец, о другой жизни за гробом; но им открывали также *устные* и даже *письменные* предания, эти драгоценные остатки после великого кораблекрушения человечества. В самом деле, мы знаем, что иерофант сообщал эпоптам священные книги, которые могли быть прочитаны только посвященными*. Павсаний, рассказывая о фенетах**, говорит, что в элевсинском храме, между двумя камнями хранились сочинения, называемые петромы²⁰⁹ (*πέτρομα*), которые читались не иначе, как в ночное время. Быть может, с этими историческими памятниками соединялись некоторые сведения о всеобщей системе вселенной, некоторые теургические учения и даже положительные открытия в человеческих познаниях. Жилище восточных преданий в Египте могло связать их с этими великими открытиями, с этой египетской мудростью, о которой даже говорится во многих местах священного писания.

В самом деле невероятно, чтобы в этом посвящении ограничивались только философскими доказательствами единства Божия и бессмертия души. Климент Александрийский, рассказывая о великих таинствах, говорит прямо***, что *здесь оканчивается всякое предание*, посвященные видят *природу* и *вещи*. Притом, за одни нравственные понятия уже довольно распространенные между народом, мистерии

* Galen. περί τῆς τῶν ἀπλῶν φαρμάκων δυνάμεως, I. III, init.

** Arcad. p. 249. (VIII, 15 — такого же мнения придерживается и Меурсиус, Eleus. cap. 10).

*** Strom. V, cap. 2.

не могли заслужить похвал от образованнейших людей древнего мира: если предположить, что открытие этих истин было единственным предметом мистерий, зачем нужно было их существование, как скоро философы публично стали преподавать те же самые истины? Неужели Пиндар, Платон, Цицерон, Эпиктет²¹⁰ сочли за нужное говорить об них с благоговением после того, как иерофант высказал им только собственное мнение о таких истинах, которыми они сами были проникнуты? Откуда иерофант мог взять эти идеи? Какие источники недоступные для философии, были в его распоряжении? Таким образом, должно согласиться, что посвященным открывались не только великие нравственные истины, но также устные и письменные предания, современные первоначальному миру. Эти остатки, разбросанные среди политеизма, образовали сущность и таинственное учение мистерий.

Это предположение, примиряя очевидные противоречия древней религиозной системы, совершенно согласно с нашими священными преданиями (7).

Здесь должно заметить, что отцы церкви первых веков, сообщившие столько любопытных сведений о древних мистериях, то хвалят их, то представляют в самых отвратительных чертах. Святой Климент Александрийский, который, как говорили, сам был посвящен в эти таинства* в одном месте превращает их в атеистические школы** и предполагает в них пустую и даже безнравственную цель***; в другом — уверяет, что истины, открываемые мистериями, философы похитили у Моисея и пророков****, потому что, по его мнению, эти таинства основаны были философами*****. Почти такие же отзывы находим у Арнобия²¹¹, Афинагора²¹², Святого Юстина²¹³ и Тертуллиана, который говорит, что сам дьявол выдумал эти мистерии*****. Все эти похвалы и порицания не везде искренние, равно могут быть справедливыми, если делать различие между эпохами. Известно, что во время отцов церкви в мистерии вкрались большие злоупотребления: они сделались опорой политеизма, и понятно, что отцы церкви, считав-

* Euseb. *Praeparat. evang.* I, II, cap. 2, pag. 61,

** Coh. ad Gentes, p. 17.

*** Ibid. p. 14 et seqq.

**** *Strom.* V, p. 650.

***** Ibid. V. p. 681.

***** De Praescript. Haereticor.

шие их хранилищами языческих заблуждений, с жаром должны были содействовать к уничтожению их влияния. Сверх того при общей порче мистерий, начали распространяться некоторые сведения об их таинственных церемониях; нескромные мисты пускали в ход понятия о символах, и таким образом, все направлено было к унижению мистерий, уже утративших свое первоначальное достоинство.

Прежде чем займемся этой эпохой, рассмотрим наперед время процветания мистерий. Несмотря на тогдашнюю невозможность проникнуть в их содержание (8), мы находим у древних некоторые наиважнейшие истины этих таинств. Вот как изображает их Цицерон в обращении к Аттику²¹⁴: «Из всего, что Афины ваши произвели и распространили между людьми прекрасного и божественного, первое место, бесспорно, занимают наши таинства: они возводят нас от грубой и дикой жизни, к истинному человечеству, посвящают в истинные начала жизни*, научают не только жить с удовольствием, но и умирать с лучшими надеждами». Не нужно никакого объяснения для этой прекрасной похвалы: приятно видеть ее в устах человека опытного в изучении философии и знакомого со всеми человеческими познаниями. В других писателях находим также пышные похвалы древним мистериям и указания на философские и нравственные истины, которые в них преподавались.

Остроумный Варбертон (9) очень хорошо доказал важность мистерий в этом отношении; но он ошибается, когда говорит, что шестая книга «Энеиды» была первою картиною церемоний и даже таинственного учения мистерий. Сходством в некоторых местах можно доказать разве только то, что Вергилий²¹⁵ знал кое-что о мистических церемониях; при том философия его была эпикурейская**, а известно, что эпикурейцы считались врагами мистерий***. Вероятно также, много красок на его картины навело чтение пифагорейских философов.

Заметим здесь, что греческие философы никогда не были в ладу с учением посвящений. Несогласие поощрено было примером Сократа, который отказался участвовать в элевсинских таинствах (10). Этот же факт служит для новейших писателей поводом к унижению мистерий и к предположению, будто они были не более,

* De leg. II, p. 14. Initiaque ut apellantur, ita revera principia vitae cognovimus. Эта фраза трудна для понимания.

** Servius *ad. Aen.* VI, v. 376.

*** Plut. T. Non posse suav. viv. sec. Epicur. tom. II, p. 1103.

как простые люстрации²¹⁶, и уже впоследствии приладили к ним тайное учение, где, впрочем, рассуждали только о заслугах законодателей, о земледелии, законах* и о прочем. Чтобы понять, как мало в этом отношении заслуживают доверия греческие философы, не должно терять из виду, что философия в Греции всегда была действительною силою. При самых покушениях сорвать покрывало с природы, могла ли она примириться с мистическим мраком, который этими таинствами распространен был на самые важные истины? Греческая философия в своем начале была аналитическою; самые противоположные мнения направлены были к одной цели, и только тогда поступали в общий разряд человеческих познаний, когда имели местное приложение и пользовались значительным влиянием в жизни. При таком направлении, соединение философии с мистериями становилось, очевидно, невозможным. Греки довели до высочайшей степени искусство делать науку популярною; они не запирали, подобно нам, философии в темные пределы книги или кабинета; их философы рассуждали о великих нравственных вопросах в присутствии всего народа, и народ принимал живейшее участие в спорах; при соперничестве систем, нельзя было оставлять в почтительном полусвете важные теогонические и космогонические задачи, которые следовало решать. Это направление, быть может, не совсем годное для философии, чрезвычайно благоприятствовало успехам поэзии и красноречия. Изобретение книгопечатания нанесло жестокий удар живому слову, сообщило обратный ход человеческим познаниям. Философия заперлась в кабинете и сделалась умозрительною. Теперь ей можно говорить обо всем и не доказывать ничего; общий интерес не следил более за ее открытиями; народ живой и образованный не вызывает ее на публичную площадь. Красноречие и поэзия также вышли из круга обыкновенной жизни, но это удаление не могло обратиться к их выгоде. Чем больше увеличивается масса наших эмпирических познаний, тем более мы удаляемся от того века, когда философия, поэзия и красноречие общими силами действовали на народ, счастливо организованный, на тот народ, который воздавал божеские почести красоте, толпами следовал за Платоном и приходил в бешеное волнение на театрах, как скоро актер дурно произносил какой-нибудь стих (11).

* Sainte-Croix, Recherches sur les mystères du paganisme, p. 379.

Это отступление было необходимо, чтобы понять настоящий характер древней философии и ее отношение к религиозным таинствам. Ясно, что отказ Сократа зависел больше от его знания, чем от собственного мнения. Отказы Эпаминонда²¹⁷ и Агезилая²¹⁸ тоже ничего не говорят против мистерий, потому что они могли не принять посвящения по каким-нибудь личным побуждениям. Сарказмы циника Диогена²¹⁹ направлены были только против злоупотреблений, вкравшиеся в малые мистерии, и, может быть, еще против чрезмерной легковёрности народа, управляемого воображением. Напротив, философия не всегда оставалась непреклонною, и мы знаем, что Платон был ревностным защитником посвящений. Этот авторитет тем более важен, что Платон стоял на такой высоте, до которой не достигал ни один философ ни прежде, ни после него.

Древние уже писали о мистериях: Атений²²⁰ и схоласт Аристофан²²¹ указывают на Мелантия²²²; тот же схоласт упоминает о Менандре, Климент Александрийский* ссылается на Гицезия. Нельзя не жалеть о потере этих сочинений, хотя можно думать, что они ограничивались подробностями о внешних обрядах. В самом деле, невероятно, чтобы эти писатели рассматривали самую сущность предмета, то есть происхождение великих таинств, их цель и отношение к политеизму.

ОТДЕЛЕНИЕ IV

Между тем мистерии не долго оставались в своей первобытной чистоте. Вскоре посвящение сделалось пустым обрядом, о воздержании никто не думал, и набожность посвященных послужила орудием для политических целей. Уже во времена Изея²²³ и Демосфена**²²⁴ допускали к посвящению развратных женщин, и, по словам отцов церкви, ужасный разврат проник в самое святилище (1).

Впрочем, по всей вероятности это распутство распространилось только между мистами. Все заставляет думать, что эпоптов всегда было немного; число их не могло слишком увеличиваться даже при упадке мистерий, потому что и в это время не смели нарушать тайну святилищ. С распространением разврата постепенно слабел и дух учреждений; наконец, остались только пустые формы без животворного начала, придававшего им важное значение.

* А также другие. См. предисловие к *Eleusinia* de Meursius и M. de Sainte-Croix, *Rech.* p. 339–340.

** *Is Orat. de haered. Philocratem*, p. 61 — *Demosth. in Neocre*, p. 862.

Посвящения сохранились до христианских императоров. Блаженный Иероним говорит: «*legant — : Hierophantas quoque Atheniensium usque hodie cicutae sorbitione castrari*»^{225*}. Валентиниан²²⁶, умерший в 374 году²²⁷, хотел уничтожить мистерии после царствования Юлиана²²⁸, но, по просьбе Претекстата²²⁹, отложил намерение. Вот как Зосим²³⁰ рассказывает об этом в четвертой книге своей истории: «Валентиниан, решившись ввести новые законы, хотел начать преобразование с религиозных обрядов, и на первый раз запретил совершать жертвоприношения в ночную пору; этот закон, думал он, должен будет прекратить соблазны. Между тем, Претекстат, тогдашний проконсул в Греции, муж, одаренный всеми добродетелями, представил императору, что грекам жизнь делается несносною, если запретят им праздновать священные мистерии, соединяющие человеческий род (τά συνέχοντα τό ἀνθρώπειον γένος ἀγιώτατα μυστήρια). Валентиниан отменил указ, и все пошло по-старому». Феодосий Великий^{***231}, по свидетельству историков, уничтожил все обряды языческой религии. В эту общую массу вошли, вероятно, и мистерии.

Но перед падением, мистерии имели еще блистательную и совершенно неожиданную эпоху, давшую новый вид этим учреждениям. Это, без сомнения, самое любопытное время в истории языческих таинств. Бросим на него беглый взгляд в этом отделении.

Мы видели, что греческие мистерии составляли настоящую сущность политеизма, ни в чем не изменяя его наружных форм. С первого взгляда можно подумать, что высокие нравственные истины никак не могли соединиться с этой грудой народных символов, закосленных злоупотреблений, своевольных обрядов; но, вникая глубже в дело, легко видеть, что познание некоторых первоначальных истин, предоставленное небольшому числу избранных, совершенно могло согласоваться с невежеством черни. Двойное учение для этой истины, соединявшей все противоречия, подводившей под один кодекс самые разнородные стихии. При том должно иметь в виду, что врожденные идеи о единстве Божиим и бессмертии души были гораздо более распространены, ежели как обыкновенно думают; только чернь увлекалась древностью наружных обрядов и слепо шла по дороге, пробитой гениальными авторитетами.

* *Adv. Jovin.* l. 1. extr.

*** 346–395 гг. н. э.

Подвергаясь нападениям со всех сторон, древняя религия употребляла все средства к своей обороне. Перед падением политеизм задумал употребить против христианства его же собственное орудие: как новая религия обнимала все умственные способности человека, приверженцы политеизма, чтобы облагородить свое верование, придали ему нравственное значение, которого оно не имело, и предположили цель, совершенно противоположную характеру языческой религии. Для этого соединили они все, что отзывалось мистицизмом, и в этой системе политеизм принял совершенно новую физиономию. Философия стала во главе общего заговора. Но все эти усилия были напрасны и послужили только к новому торжеству христианской религии.

Но те ошибаются, которые в истории александрийского эклектизма видят только бессвязные бредни туманной философии. Эклектизм этот был одною из главных пружин искусно построенной системы; все ухватились за эту философию, и она переходила из секты в секту, из поколения в поколение. На троне мира Марк Аврелий²³² был героем, Юлиан мучеником этой системы. В философской школе главными ее опорами были Аполлоний Тианский (2), Аммоний Сакк²³³ (3), Ямвлих²³⁴, Цельс²³⁵ (4), Порфирий²³⁶, Прокл²³⁷ и особенно Плотин²³⁸, который столько злоупотреблял своим блистательным воображением. Эклектики не только задумали восстановить древний авторитет элевсинского храма, но ввели также новые мистерии, прежде не известные или неупотребительные. Таинства Митры, о которых в Греции не знали, появились в Риме при Траяне²³⁹, около 101 года после Рождества Христова. Все эти усилия имели одну цель, и потому большая часть обрядов взята была из христианской религии. К ним прибавили самые ужасные истязания, и думают даже, что в пещере Митры проливали человеческую кровь. Адриан²⁴⁰ запретил эту резню*, но Коммод²⁴¹, говорят, принес на жертву человека**. В этих мистериях представлялись некоторые символические церемонии. Из Палласова отрывка, приведенного Порфирием***, видно, что главным предметом этих представлений было переселение души и пребывание ее на земле. Поклонение Исиде проникло в Грецию, и египетскую богиню во время Павсания**** знали

* Porphyr. *de Abst.* 1. II. § 56.

** Lamprid. *in Comm.* cap. 9.

*** Porphyr. *de Abst.* 1. IV. § 16.

**** Ploc. cap. 32.

под ее собственным именем. Но Исидины таинства, процветавшие во времена императора в Коринфе и Риме, были весьма различны от древних мистерий в Саисе²⁴². Об одном из этих праздников, называвшихся у римлян *Isidis navigium*, Апулей²⁴³ оставил нам множество любопытных подробностей*. Элевсинские таинства послужили, кажется, моделью для мистерий Исиды, по крайней мере, со стороны внешних обрядов; но особенно славились в ту пору орфические церемонии. Платоники не считали унижением соединяться с орфиками, и эта секта сделала больше успеха в первые века христианства.

Впрочем, элевсинские таинства в тогдашнее время совершенно переродились, и довольно трудно подвести под один взгляд различные назначения, которые давали им платоники. *Эноптея*, по их понятиям, была, кажется, чем-то вроде физико-мистической теологии, и, подобно стойкам, они искали в ней более природу вещей, чем богов**. С другой стороны, они также объясняли эноптею средствами теургическими: тогда они брали за основание Платонову иерархию соподчинения существ и гениев, а иногда для этих объяснений служат им идеи чисто мистические. Одно место из Порфирия, приведенное Евсевием***, может показать, как иногда изъяснялись у них символы: «Бог, как светоносное начало, пребывающее среди тончайшего огня, навсегда остается невидимым для глаз, которые не вознеслись превыше материальной жизни. Вот почему призрачные тела, например, *кристалл*, паросский мрамор и даже *слоновая кость*, пробуждают в уме идею о божественном свете, а *золото* наводит на мысль о божественной чистоте, потому что золото не бывает грязным. Некоторые думали, что черный камень означал невидимое существо Божие. Божество представляли в человеческой форме для выражения верховного разума, представляли прекрасным, потому что Бог есть источник красоты; чтобы выразить все оттенки божества, изображали его в различных возрастах и в различных положениях, сидя или стоя, юношей или девой, супругой или мужем. Далее приписывали богам все имеющее свет, *сферу*, и все сферическое присваивали вселенной, солнцу и луне, а иногда фортуне и надежде. *Круг* и все кругообразные фигуры изображали вечность, небесные движения, круги и различные пояса на небе;

* Metamorph. XI.

** Cicer. *De Nat. Deodor.* 1. II, cap. 42.

*** *Praep. Evang.* 1. III, cap. 7.

рассечение кругов относили к фазам луны; пирамиды и обелиски — огненному началу и чрез него небесным богам. Конус означал солнце; цилиндр — землю; фаллос и треугольник — символ детородных частей женщины (5), представляли семя и рождение».

Большая часть этих символов, по свидетельству Климента Александрийского*, принадлежали элевсинским таинствам. Ясно, что основанием учения платоников была теургическая система, в которой не должно искать философской отчетливости. Вообще это учение, не заключенное в пределах правильной системы, представляет большое колебание идей. Мысли главных эклектиков о древних мистериях, как мнения частных людей, разнообразны до бесконечности и допускают многие толкования, но цель этих мнений всегда одна и та же. Нам довольно было указать на это сходство. Философская история языческой религии покажет, каким образом мистерии рождающегося политеизма постепенно соединяются с последними философскими системами, какая связь между святилищем Элевсина и школою александрийских эклектиков.

В философском отношении неоплатонизм был только весьма несовершенным образом учения Платона. Идеи этого мыслителя, которые тут можно еще найти, представлены в обратном виде и с потерю настоящего значения**. Соединяя Платонову систему с восточными идеями, эклектики, бесспорно, приводили ее к первоначальному источнику, но уже этим самым изменяли чистоту философских понятий Платона. Они странным образом смешали ее с поклонением свету, системою истечений и учением о переселении душ. Отвлеченные понятия греческого мыслителя были олицетворены, и мир наполнялся множеством посредствующих агентов. Предположение, что в душе человеческой есть способность постигать вечные истины без доказательства и без возможности отдать себе отчет в этом постижении, постановлено основным началом философии и сделалось обильным источником заблуждений. Разум, отуманенный энтузиазмом, занялся не столько познанием истины, сколько определением отношений человека к Богу и подчиненным духам (6). Даже можно сказать, что новые эклектики, беспрестанно толкуя о Платоне, на деле скорее принадлежали к Пифагоровой школе, которая была по их вкусу. Главные философы господствующей системы

* Coh. ad Gentes, p. 17.

** M. de Gérando, *Hist. com. des syst. de phil.* tom. I, p. 193.

подвергали себя всей строгости пифагоровых начал, но всегда укрывались под именем Платона, и никогда этот авторитет не имел такой силы. Беспреданно изменяя академии, платоники захотели также усвоить себе строгий эмпиризм Аристотеля, и таким образом, из всей этой смеси образовалась система странная, темная, фантастическая. Она пала вместе с политеизмом и была последнею его формою (7).

Нет сомнения, что Александрийская школа, как мы сказали, чрезвычайно удалась от Платонова учения и, переходя за пределы умеренного умозрения, зашла в ужасный, непроходимый лабиринт; но при всех этих крайностях, александрийские эклектики умели весьма счастливо соединить в своих исследованиях силу и воображение с редкою пронизательностью ума. Ясно, что поставленные среди сокровищ, собранных Птолемями²⁴⁴, они сделали, так сказать, наследниками древней цивилизации и предтечами нового образования; поэтому, школа их составляет блистательную эпоху в летописях человеческого разума. Особенно должно их изучать в связи с восточными идеями: страсть к системе и любовь к парадоксам, может быть, не слишком часто заставляли их портить почтенные источники, из которых непрестанно они черпали. Отчетливое изучение мистической философии индийцев, арабов, персов, в соединении с новейшими исследованиями и платонической философией, без всякого сомнения, поведет к важнейшим результатам, и быть может, позволит уловить невидимую, но могущественную цепь, связывающую эти две системы, которые уже потому должны казаться для нас непостижимыми, что мы привыкли рассматривать их отдельно, без всякого отношения между собою (8).

Также несправедливо было бы мнение, что, при этом великом брожении идей, христианская религия всегда враждовала с философией. Напротив, время первоначального распространения христианства до Никейского собора²⁴⁵ было самою достопочтенною эпохою и для языческой философии. Движение, сообщенное платониками, распространило склонность к философским занятиям, и почти всех отцов церкви первых веков обвиняли в том, что они *оплатонились*. Большая часть из них думали, что Платону известны были священные книги. Не вдаваясь в подробный разбор этих мнений, мы только видим в них положительное доказательство, что христианская религия никогда не была гонительницею истинной философии, и что, напротив, она всегда желала соединиться с нею.

Повторим в коротких словах главную идею этого сочинения: мы старались доказать, что религиозные мистерии греков отнюдь не были пустыми церемониями, но что в них действительно хранились немногие остатки древних преданий, и эти таинства составляли истинное *эзотерическое* учение политеизма. Когда политеизм, близкий к падению, хотел еще сражаться с христианской религией, он, верный своему двойному учению, привел в движение все, что в мистериях было самого важного, и с другой стороны, призвал на помощь все высокие идеи философии. Вот чем объясняется эта удивительная одновременность между восстановлением мистерий и рождением платонизма. Но общественное богослужение и философия изменили свой характер, и язычники могли только восстановить пустые формы, обветшалые кумиры, защищаемые авторитетом слов, униженные злоупотреблением идей. Все это лишь ускорило падение политеизма.

ОТДЕЛЕНИЕ V

Мое намерение не то, чтобы рассуждать в настоящем сочинении обо всех принадлежностях древних мистерий и входить во все подробности по этому предмету. Статья наша, как мы сказали, не есть полный трактат об этой любопытной отрасли археологии; она даже не может заменить ни одного из известных сочинений об этом предмете. Назначение этого сочинения — сообщить несколько общих замечаний о древних мистериях; поэтому его должно считать только канвою для общего труда или дополнением к тем исследованиям, которые уже известны ученому свету.

С намерением повторяем эту оговорку, для избежания упрека, что мы умолчали здесь о множестве спорных пунктов, возникавших по поводу великого вопроса о древних мистериях. Один из этих пунктов обращает на себя внимание и требует некоторых объяснений: преподавалось ли в древних мистериях, что боги политеизма были простыми людьми? Точно ли боги политеизма были простые люди?

Некоторые знаменитые ученые соглашались с утвердительным ответом. Основываясь на Геродоте, Цицероне и Диодоре Сицилийском²⁴⁶, они защищали эти два положения, и такое мнение, с первого взгляда, действительно имеет много вероятностей. Другие, столько же опытные ученые, впоследствии восставали против этой системы. Нам не к чему было соединять свое мнение с их опровержениями, если бы,

верные своим началам ученой критики, мы не надеялись открыть здесь несколько новых сторон, способных осветить истинный предмет наших исследований.

Не станем повторять, что подробный и строгий разбор древних авторитетов и хронологическая их классификация суть самые верные средства к открытию важнейших истин в изучении древности. Эта умеренная метода равно удаляется и от безумной страсти к построению парадоксов и от слепой приверженности к какой-нибудь системе. Сколько систем, выстроенных из каких-нибудь дурно понятых или объясненных мест! Верный анализ или даже простая поверка чисел могли бы их разрушить.

В таком состоянии, смеем сказать, и настоящий вопрос. Он слишком тесно связан с историею мистерий. В самом деле, если человеческое происхождение богов было одним из тайных предметов преподавания в мистериях, то все дальнейшие исследования бесполезны и падают сами собою.

Истинное происхождение греческих богов, время их перехода в Грецию и связь с иноземными божествами теряются во мраке глубокой древности. Начало греческой истории, несмотря на неслыханные усилия, остается недоступным для новой критики, и в этом отношении начало греческой теологии, развившейся так блистательно, гораздо более, чем другие предметы, покрыто непроницаемым мраком. Мы знаем, что Греция, заселенная азиатскими колониями, была в разные времена покорена различными племенами, которые, однако ж, имели общее происхождение. Новые колонии принесли с собою элементы своих религий, и эти элементы, смешавшись с туземными, уже утвердившимися понятиями, дали происхождение греческой теогонии, которая распространилась почти по всему известному тогда свету и даже проникла окончательно до первоначальной своей колыбели (1).

Египетские и финикийские колонисты вместе с религиозными верованиями принесли также в Грецию свои языки и предания. И теперь еще отыскивают неясные следы этого переселения. В диалектах греческого языка есть некоторые обломки восточных идиом* и так же в различных формах греческой мифологии критика угадывает эти первоначальные черты, ясно указывающие на ее чужеземное происхождение.

* Mém. de l'Acad. des Inscript. tom XXX.

При таком состоянии вещей, когда чужеземные идеи едва можно отличить от местных понятий, нелепо было бы приводить эту огромную массу к одному началу. Нельзя было бы удивляться необыкновенной смелости, с какою позднейшие поколения заваливали этот лабиринт ошибочными гипотезами, если бы мы не знали чрезмерной наклонности греков к построению систем, крайнего упорства и недобросовестности, с какою известные ученые партии действовали даже в отношении к самой науке.

Как скоро бешеная страсть к системам завладела умами ученых греков, и когда стали заниматься исследованием национальной древности, две партии разделили литературу и попеременно владели общественным легковерием. Эпикурейцы уверяли, будто с помощью истории нашли решение теологической системы. Эвгемер сделался главою учения, известного под его именем, другие называли его систему *историческою*, или системою апофеоза, потому что Эвгемер предполагает, что все боги были обоготворенными людьми. Стоики, со своей стороны, положили основание системе *аллегорической*, которая, посредством отвлеченных понятий, превратила всю греческую мифологию в собрание нравственных аллегорий и физических явлений. Эта физико-мистическая система в руках новых платоников сделалась впоследствии обильным источником странных мнений, на которые мы не раз указывали в этом сочинении.

Быстрые успехи эпикуреизма, как основательно замечает Сент-Крוא*, распространили Эвгемерову систему с величайшею скоростью. Самые рассудительные писатели не избавились от общего предрассудка. Диодор Сицилийский без ограничения принял все идеи мессенского философа (2); даже Цицерон соглашался, кажется, с его мнениями, хотя имел осторожность говорить об этом не от своего лица**; отцы церкви нашли эти мысли весьма благоприятными для своих целей и приняли их безусловно.

Между тем, из древних авторитетов в пользу этой системы самым важным, кажется, был только авторитет Геродота. В первой книге своей «Истории» Геродот говорит, что персы не воздвигали статуй для своих богов, потому что не считали их, как греки, *рожденными от людей****. Так вообще понимали и переводили слово

* Recherches sur les mystères, p. 519.

** De Nat. Deor. passim.

*** *Clio*, cap. 131.

ἀνθρωποφύεας. Впрочем, уже в восемнадцатом веке Стэнли²⁴⁷, ученый издатель Эсхила²⁴⁸, понял настоящий смысл этого слова и перевел его — *humana forma praeditos*²⁴⁹.

Ларше первый принял догадку Стэнли в новом издании перевода Геродотовой истории, напечатанной в Париже в 1802 году. Знаменитый Варбертон не согласился с этим толкованием, Весселинг²⁵⁰ не посмел ею воспользоваться в латинском переводе Геродота.

Мы думаем, что Стэнли верно понял это место. Если переводить: «Персы не воздвигали статуй, потому что не считали своих богов рожденными от людей», — смысл становится многосложным и весьма темным и члены фразы не вяжутся один с другим. Притом, значение корня *φυή* делается слишком натянутым: все лексикографы объясняют *φυή* словами *φύσις*, *statura*, *status* (*βλάστησις*, *αὔξησις*, *Suidas*).

Ясно, что если бы Геродот хотел выразить идею, которую так долго навязывали ему переводчики, он выбрал бы другое слово со смыслом, более точным и определенным.

Если, напротив, *ἀνθρωποφύης* переводить по объяснению Стэнли, смысл фразы совершенно ясен и удовлетворителен. В том же параграфе Геродот говорит, что персы на вершинах гор поклонялись солнцу, луне, стихиям: ясно, значит, человеческая фигура не годилась для таких предметов, а в другой форме ваятельное искусство не могло придумать. Таким образом, Геродот хотел только сказать, что у персов не было идолов потому, что они поклонялись не вещественным предметам, которым воображение не могло придать человеческой формы, как греческим богам. В подтверждение приведем еще одно место из Цицерона, где разговаривают эпикуреец Веллей²⁵¹ и противник его стоик, который на этот раз соглашается с эпикурейцем: «Счастье, — говорит эпикуреец, — не может существовать без добродетели, добродетель без разума, а разум без человеческой организации; стало быть, боги имеют человеческую форму»^{**}. Мы знаем, что эта идея, господствовавшая у греков, усвоена была и поэтами их и философами. Место из Порфирия, приведенное нами в предшествующем отделении, доказывает, что и платоники приняли это начало в своем мистическом учении (3).

После всего этого не остается никакого сомнения, что Геродот хотел только греческий *антропоморфизм* противополжить духовному

* Stanley, *ad Aeschyli Pers.* 811.

** De Nat. Deor. 1. I, 83.

началу восточной религии. Стало быть, это место, правильно понятое, не имеет никакого отношения к исторической системе Эвгемера, который подрывает все основания греческой религии, как соглашается с этим и Цицерон*. Исследованием успехов и характера эвгемеризма занимались самые проницательные критики: Фрере, Сен-Кроа и другие.

Если вообще признать справедливость толкования Стэнли и перевод Ларше, то из всех древних авторитетов останутся только безотчетные последователи исторической системы и отцы церкви, которым для известных целей полезно было соглашаться с идеями Эвгемера. На них только и можно ссылаться в подтверждение мнения, что *апофеоз* был великою тайною мистерий; в таком случае в число систем, построенных *a posteriori*, должно будет включить и это учение апофеоза, которое, по своей вульгарности, не могло скрываться под завесою непроницаемой тайны, и, по своему началу, разрушающему всякую отвлеченную идею, никогда не могло сделаться центром какого-нибудь религиозного верования.

Известно, что греки, смешивая свои религиозные понятия с восточными идеями, взятыми от финикийян и особенно от египтян, ввели в общий состав религии некоторые туземные божества и в то же время некоторых необыкновенных людей под именем полубогов (4). Геродот говорит ясно, что большая часть богов принесена египетскими колонистами — Инахом, Кекропом²⁵² и Данаем; но были также боги, принесенные пеласгами, а некоторых богов пеласги заняли у других народов**. Национальные герои из разряда пеллагических богов дали происхождение полубогам, которые, без сомнения, могли принадлежать истории; но ни здравый смысл, ни основательное изучение древности не позволяют думать, чтобы *Deus optimus maximus*²⁵³ и *dii majorum gentium*²⁵⁴ были когда-нибудь обоготворенными людьми. Мы уже сказали, что нелепо было бы думать, будто посредством исторического объяснения можно найти прямую дорогу в лабиринт религиозных мнений древнего мира. Предположение, что греческие божества, скопированные с восточных, могли представлять каких-нибудь героев, живших в Египте, или на Востоке, только запутает вопрос, но никогда не решит его. Притом, давать такое происхождение политеизму значит совершенно не знать основных его элементов.

* *Ibid.* 1. I. 42.

** Herodot. 1. II, 50–52.

Греческий политеизм, образовавшийся постепенно, по необходимости должен был сделаться самою гибкою и неопределенною из всех религиозных систем; поэтому, он представляет множество противоречий. Напрасно захотели бы согласиться между собою предания поэтов и народа. Жители Аркадии или острова Крита поочередно могли уверять, что Юпитер родился в их стране; им нельзя было доказать, что Юпитер был олицетворенным божеством*. Путаница увеличивалась еще оттого, что предания о богах, смешанные с грубейшим антропоморфизмом, дурно вязались в народном воображении с верховным могуществом, которое им приписывали; и если, по высшему значению, богов политеизма действительно считали *посредствующими силами*, народ по необходимости должен был смешивать их с теми знаменитыми и малоизвестными лицами, которые представляются в летописях всех народов мира.

Гомер, с которым всегда следует справляться, когда дело идет о греческих древностях, Гомер, — истинный источник этих исследований, *principium et fons*²⁵⁵ — не делает никакого указания на учение апофеоза. Боги Гомера существенно отличаются от его героев. Облеченные в человеческий образ, они принадлежат, однако же, к бесконечно высшему разряду существ, и могущество их не имеет пределов (5). Кто, по чистой совести, в этом отце богов и людей, потрясавшем вселенную одним движением брови, может признать незнатную особу критского царя, которого могилу критяне показывали на своем острове (6)? Кто согласится превратить таким образом этот огромный магический мир в печальную генеалогию каких-то неизвестных государей и баснословных героев?

Эти размышления, соединенные с другими уже известными исследованиями, по нашему мнению, могут вполне доказать, что *историческая система* не существовала до Эвгимера (7), что она совершенно противоречит свойству предмета, и что, таким образом, это учение ни в какое время не было тайною в элевсинских мистериях. Можно даже прибавить, что если бы против исторической очевидности и против всякой вероятности, критика доказала, что эпоптам Элевсина преподавали учение апофеоза, то мы вправе утверждать, что их *обманывали*, может быть, с тою целью, чтобы этим мнимым открытием скрыть от них настоящие тайны мистерий.

* *De Nat. Deor.* 1. III, cap. 21.

ОТДЕЛЕНИЕ VI

Нам остается еще объяснить один спорный пункт в истории мистерий. При последовательном изучении этой археологической отрасли, нам удастся, может быть, представить в этом отношении несколько новых результатов, способных служить указанием для обширнейших исследований.

В первом отделении этого сочинения мы сказали, что мистерии Бахуса имеют характер, совершенно противоположный элевсинским таинствам. Эта противоположность с первого взгляда слишком резко бросается в глаза. В самом деле, какое сходство можно искать между диким своеволием поклонения Бахусу и важным характером и высоким назначением поклонения Церере?

Однако ж, после зрелого размышления открывается, что эта противоположность существует более в наружной форме, нежели в духе обоих богослужений; она даже совершенно исчезает, ежели возвести их к первоначальной идее, к истинному типу этих двух учреждений. Если не признавать Цереру и Бахуса двумя историческими лицами и считать их, по первоначальному происхождению, двумя символами какой-нибудь мировой силы, тождество между этими богами будет совершенное, и противоположность останется только в наружной форме, то есть, в такой части, которая совершенно зависит от людей, от местных обстоятельств и от политической судьбы народов. Поклонение Церере и Бахусу может принадлежать только одному началу; это начало находится в деятельной силе природы, усматриваемой в бесконечном разнообразии ее законов и явлений.

Но *миф* о Бахусе, по сознанию всех мифографов, был самым обильным источником сомнений, несогласий и противоречий. При таком состоянии вещей, только происхождение Бахуса не подвержено никакому сомнению. Геродот говорит прямо, что Бахус вышел из Египта, где его знали под именем Осириса*. Ученый Фрере основательно замечает**, что при переходе из Египта в Грецию, Бахус весьма много утратил первоначальной важности. В Египте Осирис представлял демиургическую силу вселенной. Меламп, назвав Осириса греческим словом *Дионис****, принес

* Liv. II, cap. 47 et 48.

**Mém. de l'Acad. des Inscript. tom XXIII, p. 258.

*** Herodot. I. I, cap. 47.

его в Грецию почти в то же время, как впервые появились там виноградные лозы; поэтому должность нового бога ограничилась надзором за разведением винограда. Этот факт доказывает еще ту важную истину, что не должно искать постоянного сходства между различными символами политеизма: они дробятся и подвергаются различным переменам по мере своего развития; восходя к своему началу, массы увеличиваются и принимают характер более важный.

Миф о Бахусе, как мы сказали, есть самый темный и сбивчивый из всех древних мифов. Впрочем, вообще насчитывают трех Бахусов, которых признают различными между собою; но все они, по нашему мнению, суть только постепенные представления одной и той же идеи, то есть Осириса.

Относительно самой классификации этих трех Бахусов древнейшие и новейшие мифографы решительно не согласны между собою.

Древнейшие поэты знали только одного Бахуса. Позднейшие писатели разделили между тремя Бахусами различные должности, которыми у древних поэтов занималось одно лицо. Диодор Сицилийский признает трех Бахусов, но он включает в это число индийского Бахуса, весьма не кстати названного этим именем; зато ничего не говорит он о мистическом Якше^{*256}. Наконец, Нонн Панополитанский²⁵⁷, особенно занимавшийся глубоким изучением этого мифа, насчитывает трех Бахусов, не включая сюда индийского (1).

Подробный разбор всех этих мнений мог бы завести нас слишком далеко и удалить от настоящей цели: со временем может быть, мы посвятим этому предмету особое сочинение. На этот раз ограничимся только изложением того, что относится к трем Бахусам по классификации, какую можно сделать после сокращения всех мнений и всех различных систем об этом предмете.

Первый Бахус есть *Загрей*²⁵⁸, которого Юпитер, превращенный в дракона, имел от Прозерпины. Схоласт Пиндара^{**} и *Grand-Etymologique* при слове *Zareus* не делают особых замечаний. Арриан^{***259} производит Якша от Юпитера и Прозерпины; но он, очевидно, смешивает его с Загреем. Эта первая копия Осириса весьма близко подходит к оригиналу: формы мифа еще грубы и слишком

* L. III, cap. 41.

** *Isthm.* VII, 5; *ed. Heynii*, tom. II, p. 847.

*** *De exped. Alex.* I. II, cap. 16.

отзываются происхождением. Растерзанный титанами, Бахус-Загрей совершенно сходен с Осирисом, которого убил Тифон. Но предания о Загрее весьма темны и чрезвычайно запутаны. Он управлял дионисиями, или вакхическими мистериями, и даже появлялся на праздниках сабазианских²⁶⁰. Такая должность была для него тем приличнее, что он был самый древний и самый восточный из трех Бахусов.

Второй Бахус очень известен. Это сын Юпитера и Семелы²⁶¹, Фивянин, Завоеватель. В его формах гораздо более *греческих элементов*. Он дополняет для греков представление первоначальной идеи, но не имеет никакого сходства с первым Бахусом, кроме того, что только заступает, кажется, его место в мифологическом кругу. Вторым Бахусом не имеет никакого прямого отношения к Церере, а это доказывает, что соединение мистерий совершилось уже в позднейшее время (2).

Наконец, *третий Бахус* есть *Якш* в элевсинских мистериях. Он выдуман, по-видимому, только для того, чтобы освятить некоторым образом соединение таинственного богослужения Бахусу с поклонением Церере, к которому относились все таинства. Это самый неопределенный из всех мифов. Единственное назначение Вакха совершилось уже в его рождении, и миф остался неоконченным. По свидетельству Нонна, Якш был сыном второго Бахуса и нимфы Авры²⁶². Другие производят его от Юпитера и Цереры или Прозерпины; этот подтверждает нашу догадку, но с другой стороны дает повод смешивать Якша с Бахусом-Загреем. Это Якш, являвшийся в шестой день элевсинских таинств: *Διόνυσος ἐπὶ τῷ μαιστῷ* Суидаса²⁶³ при слове *Ἰακχος*.

Из всех этих данных мы заключаем, что мистерии Бахуса были когда-то соединены с таинствами Цереры. Эта гипотеза кажется нам довольно основательной, если только путем догадок добраться можно до истины.

Посмотрим наперед, какую должность давали молодому Якшу в элевсинских мистериях. «В шестой день, — говорит Сент-Кроа, — молодого Якша торжественно несли от Керамика²⁶⁴ до Элевсина. Из гимна, влагаемого Аристофаном²⁶⁵ в уста посвященным, можно видеть, что они просили Якша принять участие в их пляске или служить для них толмачом при Церере»**. Потом относили статую бога в Афины (3).

* Clem. Alex. *Protrept.* p. 24.

** *Myst. Du pagan.* p. 200.

Этот шестой день, посвященный Якшу, был самый торжественный в элевсинских мистериях. Но при малейшем соображении открывается, что эта знаменитая процессия была сначала только прибавлением к мистерии; но она неоспоримо доказывает соединение таинственного поклонения Бахусу с мистериями Цереры.

Писатели, рассуждавшие об этом предмете, не пришли к нашей догадке единственно потому, что не приводили в порядок трех Бахусов и упорно не признавали их отпечатками одного типа. Многие мистагоги хотели отличить Якша от Бахуса, но попытка осталась бесполезною. Очевидно, все три Бахуса суть только *постепенные* подражания одному и тому же образцу, приспособленные к духу времени и к местному положению Греции.

Совершенное сходство Бахуса и Якша распространяет большой свет на все отношения древней мистагогии. Все греческие мистерии, без сомнения, должны были стремиться к Элевсину, к истинному храму и центру всей таинственности политеизма; ясно, стало быть, что должна существовать внутренняя связь между тайными религиозными обрядами главных богов. Если Бахус происходил из того же источника, как элевсинские таинства, и по всей вероятности, имел с ними одинаковый тип, то дионисии весьма легко могли соединиться с мистериями Цереры. Но такое соединение должно было произойти в позднейшее время, потому что должность, данная Якшу, существенно различается от основных обрядов элевсинских мистерий. Идея *посредника* в этом боге* имеет все признаки нововведения, и самые церемонии в честь Вакха были, по-видимому, только распространением Церенина богослужения. Якш не жил в Элевсине и, значит, уже поэтому не был существенною принадлежностью элевсинских таинств. Все эти обстоятельства свидетельствуют о позднейшем соединении обоих богослужений, и такое соединение было, некоторым образом, *символическим* допущением Якша к церемониям Элевсина.

Мы уже доказали, что из трех Бахусов один только Якш мог соединиться с Церерою, не изменяя ее физиономии и основных церемоний. Поэтому, как скоро произошло такое соединение, Якш сделался бесполезным в ряду *мифов* о Бахусе и совершенно потерялся в мистериях Цереры; вероятно даже, что этот третий Бахус выдуман только для того, что первые два, по определенности своих форм, не могли

* Aristoph. *Ran.* v, 40 et seq.

соединиться с другими божествами. Первый Бахус, как мы сказали, слишком отзывается восточным или египетским происхождением; во втором, напротив, слишком много греческих элементов; поэтому ни тот, ни другой не могли выйти из своих определенных границ.

Большая часть древней мифологии относится к неизвестной части истории. Политеизм, как коринфская медь, слагался из многих различных элементов, и к ним, между прочим, принадлежали исторические предания: многие теогонические соображения, очевидно, представляют только отдельные факты, теряющиеся во мраке времен. Это символическое изображение достопамятных событий преимущественно выражается в тайных религиозных обрядах различных богов. Таким образом, большая часть церемоний соединяется или с историческими эпохами, или особенными символами, или, наконец, с происшествиями, которых не помнит история.

Эзотерическая часть политеизма дробилась на множество ветвей, о которых мы ничего не знаем. Тайная история политеизма нам известна только по догадкам, и большая половина религиозных летописей древнего мира покрыта непроницаемым мраком (4). Довольно, если здесь и там удастся открыть несколько светлых сторон: они не распространят большого света на наши исследования, зато покажут обширность и важность предметов, решительно недоступных для наших попыток. Можно даже с уверенностью сказать, что сами древние неясно понимали многие предметы в различных характерах политеизма. Там, где начинается история, различные степени мистагии, еще не получившие определенных характеров, являлись уже под символами, которых сокровенного смысла народ не понимал. Стало быть, весьма вероятно, что в этой части политеизма, сходство, подобное тому, какое нашли мы между Церерою и Бахусом, может заступить место исторического доказательства.

Прибавим к этим заключениям, что, судя по основному началу дионисий, должность иерокирикса, по всей вероятности, исправлял главный жрец Элевсина. Вероятно также, что *Дадух*²⁶⁶, управлявший элевсинскими церемониями, был главным лицом и в дионисиях*: в этом согласна большая часть ученых. Факт весьма важный: он доказывает, что уже с самого начала было большое сходство между этими двумя богослужениями.

* Recherches sur les Myst. § VII, art. 3, p. 430.

Окончим эти исследования выпиской одного места из Нонна, которым вполне подтверждается сходство мистерий Бахуса и Цереры:

Καί μιν Ἐλευσινήσι θεά παρακάθεται Βάκχαις.
 Ἀμφί δέ κοῦρον Ἴακχον ἐκυκλώσαντο χορείη
 Νύμφαι κισσοφόροι Μαραθωνίδες ἀρτιτόκῳ δέ
 δαίμονι νικτῆρευτον ἐκούφισαν Ἀθθίδα πεύκην,
 καὶ θεόν ἰλάσκοντο μεθ' ἑῖα Περσεφονείης,
 καὶ Σεμέλης μετὰ παῖδα θυηπολίας δέ Λυαῖο
 ὄψιγόνῳ στήσαντο καὶ ἀρχηγόνῳ Διονύσῳ,
 καὶ τριτάτῳ νέον ὕμνον ἐπεσμαράγησαν Ἴακχῳ
 Καὶ τελεταῖς τρῶσῃσιν ἐβακχεύθησαν Ἀθίνας,
 Καὶ χορόν ἱψιτέλεσον ἀνεκρούσαντο πολῖται,
 Ζαγρέα κυδαίνοντες ἅμα Βρομίῳ καὶ Ἰακχῷ*.

«И богиня (Паллада) предала его (третьего) Бахуса жрицам элевсинским. Между тем, марафонские нимфы, в венках из плюща начали плясать вокруг молодого Якха. Потом в честь новорожденного бога, во всю ночь держали факел и умилоустивляли его после сына Прозерпина (Загрея), и после сына Семелы (Бахуса Фивянина). Принесли они жертвы старому и новому Бахусу и воспели новую песнь третьему Якху. Трое мистерий отпраздновали Афины и, наконец, граждане афинские составили хор в честь Загрея, Бромия²⁶⁷ и Якша».

Одно это место — в подлинности его нельзя сомневаться — придает твердое основание нашим догадкам. Знатокам известно, что Нонн с поэтическим талантом соединял мифографическую ученость, обращенную главным образом на все потребности мифа о Бахусе. Если из этой картины выбросить картины воображения, останется *исторический факт* и *местное предание*, которое послужило ему канвою.

Заметим еще, что Минерва, передающая молодого Якша элевсинским жрицам, вероятно, представляет у поэта символ города Афин, которому эта богиня покровительствовала. В самом деле, мы видели, что Якш жил в Афинах, и оттуда в шестой день посвящений торжественно несли его к Элевсину. Не должно пренебрегать никакими, даже самым мало важным намеком, когда дело идет о таком запутанном и символическом предмете, как древняя мистагогия.

* *Dionys.* I. XLVIII, v. 958.

Виллоазон²⁶⁸ воспользовался также этим местом из «Дионисиаки» Нонна; но этот ученый эллинист ограничился только объяснением его в отношении к трем Бахусам; но ни он, ни Сент-Кроа не обратили внимания на эту связь тайных богослужений Цереры и Бахуса, распространяющую новый свет на всю историю древней мистагогии.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отделение I

- (1) Стоит обратить внимание на замечательное исследование доктора Мюнтера²⁶⁹, епископа зelandийского, о самофракийский мистериях, опубликованных под заглавием *Erklärung einer griechischen Inschrift, welche aus die Samothracischen Mysterien Beziehung hat*. Kopenhagen, 1810. Здесь мы узнаем, что ученый Соера²⁷⁰, в начале своих исследований античных памятников, свое внимание направлял на мистерии. Если бы смерть не прервала его трудов, памятники, имеющие отношения к жителям Элевсина, вероятно, доставили бы ему обильную жатву для наблюдений. Большая заслуга Соера в том, что он соединил все известные представления об алфавите древних египтян. Диссертации господ Сильвестра де Саси и Окерблда²⁷¹ о надписи на розеттском камне²⁷² позволяют надеяться, что этот важный вопрос, наконец, прояснится. Новые изыскания господина Этьена Катрмера²⁷³, кажется, оправдывают это ожидание. Применение коптского языка при изучении памятников древнего Египта, возможно, позволит раскрыть тайну алфавита древних египтян.
- (2) Если проанализируем характер мистических идей, которые древние связывали с Бахусом и характер культа Цереры, то увидим, с одной стороны, грубость и отчаянное распутство, а с другой, начатки общества, соединенные с принципами законности и порядка. Между тем я постарался показать в отделении VI, что тайный культ Бахуса имеет не одну точку совпадений с мистериями, посвященными Церере.
- (3) Это почитание Цереры обнаруживается в фесмофориях²⁷⁴, которые праздновали афинские женщины в башне Цереры-Тесмофор (законодательницы). Их называли фесмофории, кажется потому, что последний день праздника женщины торжественно носили на головах книги законов. Подробнее это можно узнать в ученой записке господина дю Тейля (Theil) *Mém. de l'Acad. Inscript.* t. XXXIX, p. 203. См. также *Clavier, Histoire des premiers temps de la Grèce*, 1809, t. I, p. 31 et suiv.
- (4) Ego quidem nunquam tantum mihi sumam, ut non dico annum, sed saeculum quo res Graecorum antiquissimae acciderunt, definire ausim²⁷⁵. (Meiners, *Comment. Societ. reg. scient. Götting.* vol. XVI, p. 217). — «Я скажу только,

что истоки мистерий восходят к самым отдаленным временам Греции, и сливаются со временем ее образования. Никто не возьмет на себя смелость определить эту эпоху. Язык Гомера — это не язык народа, недавно вышедшего из состояния варварства. Не стоит доверять тем людям, которые знают все, и которые датируют огромные хронологические пустоты, предшествующие узкому кругу известных эпох. Только невежество может на это осмелиться» (*Origine de tous les cultes*, tom. II, p. 280). Дюпюи возможно злоупотребил своей эрудицией, но его мнение не теряет в весе, когда речь идет о датировке исторических событий.

(5) Оксфордский мрамор²⁷⁶ (*Mramor. Oxon. ed. Chamdler*, tom. II, p. 21) относит основание мистерий к правлению царя Эрехфея²⁷⁷. Лами (Lami) в своих замечаниях на первую главу работы Меурсиуса об элевсинских таинствах (*Opp. Meursii*, tom. II, p. 547) высказывает предположение, что полустершийся год на мраморе должен быть 1399 до Р. X. Гомер, как считается, жил 990 или 1000 лет до Р. X.

(6) Говоря здесь о сочинениях Гомера, мы не относим к ним гомеровские гимны, известные под его псевдонимом, которые не столько являются оригинальной продукцией его века, сколько поздними плодами творчества его последователей.

(7) Эта дискуссия, много занимавшая критиков, возможно, еще не окончена. В 1777 г. тогда еще молодой господин Шнейдер оспорил подлинность орфической поэзии с такой силой, что знаменитый Рункен²⁷⁸ счел себя обязанным вступить с ним в полемику. Однако, как представляется, это было вызвано не столько убеждением, сколько страхом за авторитет давно утвердившейся филологической традиции. Герман в своем прекрасном рассуждении, приложенном к его изданию орфической поэзии (*Orphica. Lipsiae 1805, in-8, p. 676*), говорит: *Igitur neminem hac aetate tam in antiques litteris rudem inveniri arbitror, qui cum Gesnero haec scripta quae Orphei nomen prae se ferunt, vel unitus omnia scriptoris esse, vel dictionem habere Homericam, sibi persuadeat. Hymni quidem quin et Argonauticis Lithicis antiquiores sint, dubitari non potest; quamquam etiam in hymnis sunt qui receptioris aetatis non dubia contineant indicia.* Мнение Германа в этом вопросе тем более внушительно, что он в частности занимался фрагментами Орфея. Честь стране, у которой еще есть Хейне*, Вольф, Герман и Шнейдер!

Весьма любопытно прочитать об Орфее труд, напечатанный в Париже в 1808 г. под названием «Гомер и Орфей» господина Делилля де Сая (*Delille de Sales*). Автор хочет научить молодежь возделывать сухие

* Этот знаменитый филолог умер в Геттингене 11 июля 1812. Незадолго перед своей кончиной, он написал мне последнее письмо, в котором отзывался об этом моем сочинении в самых лестных выражениях. Уважением такого человека, как Хейне, позволительно гордиться.

поля античности, но при этом хочет остаться в ладу со своим сердцем и говорит о «любезности и изяществе Орфея, которым были очарованы египетские священники». Он высказал предположение, что «этот герой супружеской любви вырвал в действительности Эвридику у смертельной болезни, и что он снова потерял ее только потому, что захотел вступить в свои супружеские права прежде чем она полностью поправилась». Он уверяет также, что Орфей был сыном царя, *потому что сам об этом говорит в своих «Аргонавтах»*, и что он был отцом Музея, *столь же известного своей прекрасной поэмой «Геро и Леандр»*. Точность этого чудесного расчета страдает оттого, что поэма Музея датируется самое раннее VI в. нашей эры. Если бы подобная манера изучать древних нашла подражателей, то следовало бы опасаться возрождения в новых формах духа царящего в литературе в эпоху спора о древних и новых²⁷⁹, диспутов жалких и смешных, которые Фонтенель²⁸⁰ хотел закончить постановлением достойным самого дела, сказав, что всякий вопрос сводится к тому, чтобы узнать, были ли раньше в наших селах деревья выше, чем сейчас.

- (8) Комментатор Аполлония Родосского²⁸¹ (*Argon.* I, 917) сообщает, что Агамемнон, обеспокоенный неповиновением греков под Троей, приобщился к самофракийским таинствам, и что Улисс сделал то же самое. Но это свидетельство не имеет никакого значения и по своей важности не может сравниться с молчанием Гомера. Полное отсутствие мистических понятий у Гомера, кроме всего прочего, мне представляется очевидным доказательством скрупулезной точности, с которой *пансоды*²⁸² и *диасевасты* трактовали первоначальную традицию с исторической точки зрения. Подражатели Гомера, чему доказательство мы видим у Квинта Смирнского²⁸³, тщательно старались сохранить гомеровский колорит.

Отделение II

- (1) См. об этом пять записок аббата Миньо²⁸⁴ (*Mignot. Mém. de l'Acad. des Inscript.* tom. XXXI). Этот ученый академик оспаривает с особой силой гипотезу, делающую Египет центром цивилизации. Он доказывает, что индийцы никогда не заимствовали просвещение в Египте. Можно только поражаться проницательности, с которой автор угадал, если так можно выразиться, новейшие открытия. Если бы он знал санскрит и материалы, ставшие доступными в наше время, он дополнил бы свой труд, доказав, что египтяне все заимствовали в Азии. Не стоит останавливаться для того, чтобы примирить незначительные противоречия, будь то в религиозном культе или в гражданском устройстве. Ясно, что повсюду местные понятия и обычаи соединяются с иностранными идеями и часто видоизменяются.
- (2) Весьма примечательно, что жрец саисский, которого Платон вывел в своем диалоге «Тимей», начинает историю своей страны с истории Атлантиды²⁸⁵.

Это наблюдение принадлежит Байи (Bailly). Это формальное доказательство того, что египтяне знали, что они не являются *автохтонами*, из чего однако не следует, что они знали истинный источник своего происхождения. Египетских жрецов даже древние принимали за азиатских колонистов. Зонар говорит о египетских знаниях: *Ἐκ Χαλδαίων γὰρ λέγεται φοιτήσαι ταῦτα πρὸς Αἰγύπτου, κάκειθεν πρὸς Ἑλληνας*. (Все эти вещи пришли, кажется, из Халдеи в Египет, а оттуда в Грецию). *Ed. du Cang. Venet. 1729, tom I, pag. 14.*

- (3) Вот не отмеченный ранее факт, подтверждающий древние отношения между Индией и Египтом. Он приводится у Евсевия²⁸⁶ (*Praep. evang.* I, III, p. 115): *Τὸν Δημιουργὸν ὃν Κνήφ οἱ Αἰγύπτιοι προσαγορεύουσιν, τὴν χροίαν ἐκ κυανοῦ μελανοῦ ἔχοντα, κρατοῦντα ζώνην καὶ σκήπτρον (λέγουσιν)*, то есть «египтяне представляли демиурга Кнефа²⁸⁷ голубого цвета выделяющегося на черном фоне с поясом и скипетром». Нельзя не узнать в этом образе индийского Вишну. В индийской мифологии, по словам Вольфа (*Asiatic Researches*, vol. III, pag. 571) тело Брахмы имеет красную окраску, тело Вишну — синюю, тело Гара — белую. Более того, мы знаем благодаря *Пуранам*²⁸⁸, что Египет был под особой защитой Вишну. В другом месте Вульф говорит: «Osiris of black complexion is Vishnu»²⁸⁹ (*As. Res.* vol. pag. 94). Стоит заметить, что название Кнеф также часто путали с именем Осирис, а название Исвара (Isvara) — с именем Брахма, Вишну и Сива, как будет видно ниже. Не придавая большой важности этимологической дедукции, мы не смогли бы найти никаких аналогий между греческим словом *κνέφας*, которое означает *темнота*, откуда происходит глагол *κνεφάζω*, я затемняю, и египетским именем Кнеф, *Бог темноты и ночи!* Утверждают, что Кнеф означает на египетском языке *добрый гений, ἀγαθαίων* греков и финикийцев. См. *Th. Gale in Jamblich.* p. 301.
- (4) «Если мы будем рассматривать *Осириса* не как имя, а как должность, мы найдем полное сходство с *Ишварой*²⁹⁰, высшим богом у индийцев, сходство, свидетельствующее о близком совпадении двух религий. Отдельные свойства божества были со временем возведены в самостоятельные божества, и их почитатели, разделившись на секты, стали поклоняться либо Брахме, либо Вишну, либо Шиве. Секта Брахмы настаивала на своем превосходстве, но две другие секты объединились против нее, и культ Брахмы был полностью разрушен. Секта Шивы, которая была самой многочисленной, потребовала в свою очередь для Шивы исключительного титула Ишвары. Наконец, секта Вишну вышла из неизвестности и соединилась с сектантами Шакти²⁹¹, имеющей пассивное или женское начало. Она разрушила и отменила культ Шивы и сделалась господствующей религией. Такова и история египетских сект, потому что, если заменим Осириса на Брахму, Гора на Вишну, Тифона на Шиву, и Исиду на пассивное начало, то картина совпадений будет полная во всех отношениях» (*Pareson. On the origin of the Hindu religion.* *As. Res.* vol. VIII, pag. 44).

Это сближение настолько ценно, что дает обоснование всем вариациям, как в индуистских мифах, так и в египетских.

- (5) Ученый Ле Клерк (Le Clerk) (*Bib. univ.* tom. VI, pag. 87) считал эти слова финикийскими и объяснял их как *бдуть и воздерживаться от зла*. Курт де Жеблен²⁹² (Court de Gébelin) (*Monde prim.* tom. IV, pag. 323) интерпретировал их таким образом: *Соединенные народы, насторожитесь*, и выводил их из иврита. Знаменитый Бартелеми, следуя за Ларшером (Larcher), переводчиком Геродота, ответил в 1766, что эти слова иностранные в греческом языке, и как ему кажется, египетские, потому что элевсинские мистерии должно быть пришли из Египта, но его мнение это мнение невежды. (*Voyage d'Anacharsis*, tom. V, notes, p. 538).
- (6) Вот подлинное место из Гесихия (Hésychius), к слову Κόγξ ὄμπαξ ἐπιφώνημα τετελεσμένοις, καί τῆς δικαστικῆς ψήφου ἤχος, ὡς ὁ τῆς κλεψύδρας, Παρά δέ Ἀττικοῖς, βλόψ. (*Ed. Alberti*, vol. II, pag. 290). В слове Πάξ Гесихий объясняет *пáξ* через *τέλος*, где Толлий²⁹³ хотел читать *λέγειν*. Фунжер (Funger), один из комментаторов, говорит: *Vox, páξ, quantenus silentium significat, plane est Graeca (?), non Romana. Cum enim silentium imponebant, aut quae dicta erant, indicta vellent, tum páξ dicebant. Exstant sane haec Diphibi* (Athen. *Deipnos. Ep.* I, II, c. 26):

Δειπνεῖ τε καταδύς, πώς δοκεῖς; Λακωνικῶς
Ὁζους δέ κοτύλην. Πάξ. Τί πάξ.

Falluntur qui admirationem eo significari volunt. Скалигер²⁹⁴ (Scaliger) говорит, что это слово использовали для того, чтобы заставить молчать, прикладывая палец ко рту, и что разговор заканчивали словом *пáξ*: *Cum ex sermone praesentes dimitterent, tum páξ dicebant.* (Auson. Tollii, p. 499). Большое количество мест у латинских комедиографов говорит о смысле этого восклицания и его использовании. Свидетельством тому является стих Теренция²⁹⁵ (*Heanton. Act.* IV, sc. III, v. 39):

Unus est dies, dum argentums eripio: pax! Nihil amplius²⁹⁶.

См. также стих 50 в той же пьесе и у Плавта²⁹⁷ *Mil. glor.*²⁹⁸. Акт III, сц. I, ст. 213, *Pseud.*²⁹⁹. Акт V, сц. I, ст. 33; *Stib.*³⁰⁰. Акт. V, sc. VII in fin.; *Trinum.*³⁰¹, Акт IV, гсц. II, ст. 94; где Сомез³⁰² (Saumaise) хотел совершенно напрасно читать *tax* по ложной аналогии: *pax* из *pago tax* из *tago*. Слово *pax* сохраняется вплоть до Авсония³⁰³. См. конец его шуточного произведения *Grammaticomastix*³⁰⁴ (*Ed. Tollii, pag.* 495). Греческие производные от этого слова: 1. *пóпáξ*, которое соответствует латинскому слову *parae*³⁰⁵, означающему удивление и восхищение, откуда происходит глагол *ποππάξειν*,

употребленный Аристофаном (*Equit*³⁰⁶ 677); 2. *ἐπίταξ*, или *ἐπίταξ*, которые некоторые комментаторы объясняют как *один за другим*, а Гесихий — как *налево*; *ἀπόπαξ*, которое определяют через *ξόμπαν* и *παντελώς*³⁰⁷.

Профессор Моргенштерн³⁰⁸ из Дерпта привел в своем журнале (*Dörptische Beiträge*, 1814, pag. 462) место из Цицерона (*Somn. Script.* с. 2), изложенное по тексту Эрнести³⁰⁹: *Hic cum exclamasset Laelius, ingemissentique caeteri vehementius, leniter arridens Scipio: «Quaeso, inquit, ne me e somno excitetis et parum rebus: Audite caetera»*. В этом месте, которое я упустил в первых двух изданиях слова *parum rebus* очевидно испорчены: Альд (Alde) сообщил, что в двух рукописях они были исправлены на *pax sit rebus*. Эти исправления были приятны в некоторых изданиях. Гревинус³¹⁰ предложил читать *Quaeso, inquit, ne me e somno excitetis. et Pax! verum audite caetera*. Господин Моргенштерн весьма правдоподобно предположил, что слово *pax*, которое переписчики считали испорченным, оказалось слитым с первым слогом *parumper*, и что последний слог из-за перестановки букв, был переделан в *rep.* или *reb.*, из чего получилось *rebus*. Это место из Цицерона подтверждает предложенное мною объяснение слова *pax**. Я бы очень хотел, чтобы ученые, имеющие доступ к рукописям, взяли бы на себя труд отыскать у других авторов места, содержащие слова *pax*, которое почти постоянно выбрасывают в печатных текстах. Я предполагаю, что наиболее обильную жатву дадут прозаики, так как стихотворный размер устраняет это слова как более трудное и более вольное, в то время как проза легко примирится с самыми причудливыми попытками.

Слово *Κοιη*³¹¹ не вышло за пределы Элевсинского храма, но судьба слова *pax* очень своеобразна. В то время как его происхождение и истинное мистическое значение было известно, возможно, только внутри святилища Цереры, само слово, иностранное как в греческом языке, так и в языке римлян, вошло в повседневную жизнь античных народов. Помещенное на последнем месте в известной формуле, оно и в действительности усвоило значение *конца*, связанное со значением *молчания*. Все, впрочем, сходится на том, чтобы приписать этому восклицанию идею *скромности* и *таинственности*. Под этим искаженным значением, оно распространилось и утвердилось в древних языках вплоть до современных диалектов. Не может быть никакого сомнения в том, что слово *мир* (*paix*), используемое во французском языке в значении тишина, происходит от слова *pax*.

* Рамус (Ramus) принял вывод Альда *Pax sit rebus*, сделанный по рукописям, и интерпретировал его как *tacete*. Для того, чтобы опровергнуть этот вывод Гроновий сказал, что, конечно, Сципион пробудился сам, если использовал восклицание, чтобы его не будили. Это соображение абсурдно. Нельзя сказать *pax*, не закричав из всей силы. Примечательно, что Плануд сделал такой же вывод из своего экземпляра, потому что он перевел: *ἀλλ᾽ εἰρήνην ἦτω (чит. ἔστω) τοῖς πράγμασιν, ὡς ἀκοῦσαι καὶ τὰ λοιπά*.

Анкетиль дю Перрон³¹² (Anquetil du Perron) заметил, что слово, которое Феодор Мопсуестийский³¹³ (Théodor de Mopsueste. *Photii Bibl. éd. de Rouen, 1693, p. 199*) перевел как *τύχη, случай*, есть *bakht*, авестийское слово, сохранившееся в персидском языке, и которое означает, *случай, судьба*. Так как санскрит и авестийский язык имеют большое количество общих корней, слово *bakht* в действительности есть санскритское слова *Pakscha*, которое в народных говорах трансформировалось, по мнению Вильфорда, в *Vakht* или *Vakhs* и которое имеет то же значение, что в авестийском языке. Чтобы еще лучше убедиться в общности значений слов *Canscha* и *Pakscha* со словами *κόυξ* и *ζάξ*, следует заметить, что на диалекте оба санскритские слова произносятся *Cansch* и *Paksch*. После каждой согласной девангарийского алфавита предположительно следует гласная, что достаточно ясно выражается кратким *a*, всегда произносимым при чтении на санскрите, если только не добавляется особый знак после буквы. Таким образом, *Parama* произносится *Param*, когда добавлен конечный знак.

Это правило соблюдается в языках бхаша³¹⁴, пракритов³¹⁵ и бенгальцев, разве что в народных диалектах почти всегда опускается гласная, следующая за конечным согласным. Так на пракритском языке говорят *Ram* (так называют Бога), а не *Rama*, как говорят на санскрите. На бенгальском языке произносят *Git Govind* (прекрасная поэма Джаядева³¹⁶ о любви Кришны и Рхадхи), а не *Gita Govinda*, как следовало бы произносить на санскрите.

Мы представим еще одно наблюдение. Если, с одной стороны, можно желать, чтобы, в объяснении, данном Вильфордом, слово *ἄμταξ* соответствовало *одному* санскритскому слову, то, с другой стороны, можно возразить, что формула такой высокой абстракции, составленная из *трех* слов, вполне в духе философии чисел, так как она напоминает некоторым образом основную и характерную идею триединства. Само собой разумеется, что греки легко могли писать в два слова то, что в принципе делится на три.

Эти наблюдение, вероятно, еще раз подтверждают догадку Вильфорда, но сколь бы хитроумным ни было его объяснение, мы не можем утверждать, что, опираясь на него можно решить вопрос, имеют ли мистерии индийские происхождение, или Индия заимствовала их где-то еще на Востоке. Не в большей степени мы можем утверждать, что *внешняя форма* мистерий такая, какой мы ее знаем, не принадлежит исключительно Греции, что можно легко согласить с нашей гипотезой об их истинном происхождении. Вообще подобные изыскания не имеют другого результата, кроме пустых гипотез. Гораздо важнее искать следы мистерий в религиозных системах индийцев. Исключая формулу, объясненную Вильфордом, мы не нашли, как нам кажется, никаких других следов подобных учреждений, но можно надеяться, что наступивший мир во всем мире придаст новую активность трудам английских индологов. Нам почти полностью неизвестно все то, что англичане сделали в течение

последних семи — восьми лет. С удивлением и восхищением мы видим продолжающееся развитие восточных исследований, как в Англии, так и в английских владениях в Индии. Огромное число специальных словарей и грамматик, печатание оригинальных текстов, и особенно, цветущее состояние колледжа, основанного в 1800 в Форте Вильям в Калькутте, — самые очевидные доказательства. Надеемся, что ученые всех стран Европы объединятся с английскими учеными для увеличения общих познаний, являющихся достоянием всех и каждого. Германия, имеющая столько заслуг перед человеческим гением, не останется в стороне. Посреди политических потрясений, она сохранила в Европе светоч греческой и восточной филологии. Она не откажется от всего самого ценного, что имеется в ее литературе. Людовик XVIII³¹⁷, познавший цену литературы в своем королевском несчастье, только что открыл в Коллеж де Франс³¹⁸ две новые кафедры: одну санскрита, а другую китайского языка, что некоторым образом дополняет курсы Эколь спесьяль³¹⁹, основанной рядом с Королевской библиотекой в Париже. Этому примеру не замедлят последовать, и благородное соревнование станет, вероятно, результатом такого объединения усилий. Я уже позволил себе высказать это пожелание в эпоху, когда оно могло показаться химерическим. Надежды, содержащиеся в первом опыте, опубликованном в 1810 г. под названием «Проект Азиатской академии», теперь, может быть, осуществляются. Я не могу закончить эту статью, не поблагодарив публично господина Ланглеса, столь известного своими великими трудами и редкой свободой своих литературных принципов, за ту почетную и лестную оценку, которую он изволил высказать по поводу моего «Проекта Азиатской академии», после того, как ему было поручено третьим классом Французской академии³²⁰ рассмотреть этот труд, что он засвидетельствовал в одном из номеров *Меркюр этранже*.

Отделение III

- (1) Весьма примечательно, что большая часть древних теологий начинают с падения, которому предшествует битва. Первое событие индийского предания — борьба Брахмы и Махадевы³²¹, закончившаяся падением первого. В Египте Осирис был убит Тифоном; Исида мстит за смерть своего супруга в упорном бою, который она дает убийце Осириса. Известно, что Тифон воплощал злое начало (Plut. *de Iside et Osiride* p. 113 et seq.) так же, как Исида воплощала природу, была богиней вселенной φύσις παναίολος, παντων μήτηρ. (Grunter, *Inscript.* p. XXVI, p. 10). Я не собираюсь выстраивать систему на этих фактах, но что можно прибавить, так это то, что наиболее древние обряды это траурные обряды, что Адониса³²² в Финикии оплакивают так же, как Осириса в Египте. Это доказывает, что Адонис и Осирис были одним персонажем (Selden, *de Diis Syr.*

syntagma II: *Eundeni enim Osiridem et Adonin intelligent omnes*), что их праздники, в точности совпадающие, разделялись на три части: смерть или исчезновение *ἀπόλεισις, ἀφανισμός*, поиск *ζήτησις* и обретение *εὕρησις*. Возможно, увидим в этих мифах и обычаях следы древних религиозных преданий, которые проникали повсюду. Несомненно, далекие от своей первоизданной чистоты, эти обряды вскоре смешались с учением о двух сосуществующих началах, учением, которое лежало в основе почти всех религиозных и философских идей древности. Объяснения, которые давали до сей поры этим первоначальным мифам, не являются ни достаточно неопровержимыми, ни достаточно удовлетворительными, чтобы не оставить места новым предположениям.

(2) Больше всего исследованию самых простых данных мифологии мешает множество систем, которые постоянно создаются на религиозной системе древних. Наверное, это можно объяснить полностью противоположными и при этом равно вероятными способами. Таким образом, одни все сводят к агрикультуре, другие — к астрономии, третьи — к истории. Мы узнаем, например, от Эвгемера (*Evhémère. Mém. de l'Acad. des Inscript. tom. VIII, p. 107*), что древние уже занимались такого рода комментариями. Эти различные способы объяснять одну и ту же мифологическую систему происходят почти всегда из изменений, которым подвергаются символы. Политеизм был особенно символичен. Большое количество религиозных практик представляли одно и то же нравственное или историческое понятие, часто оно оказывалось выраженным в различных местах различными символами. Так, повсюду находим следы поклонения солнцу, и, действительно, много символов, воплощающих источник света и плодородия. Но солнце само по себе есть только самый великий и самый древний символ божества, воспринятый всеми народами. И если символы и памятники обозначают иногда культовое поклонение материальному солнцу, гораздо чаще они являются свидетельством единства и нематериальности Бога, сохранившимся, возможно, бессознательно посреди политеизма. Итак, не стоит останавливаться на первом попавшемся объяснении. Надо посмотреть, не является ли объясняемое понятие оболочкой другого понятия. Без этой предосторожности самые значительные ошибки и самые противоречивые системы будут быстро умножаться.

(3) Есть много подводных камней, которых следует избегать при изучении древности. После злоупотребления этимологией нет ничего более пагубного, чем злоупотребление историческими параллелями. Эта мания вводит в заблуждение и самых ученых людей. Так, известный епископ Авранш³²³ увидел полную аналогию между Моисеем и Адонисом; Фурмон³²⁴ — между патриархом Иаковом и египетским Тифоном; Отец Поллен де Сен-Бартеlemi — между Ману, законодателем индийцев, и Ноем. Не надо забывать протестантского пастора Крезе³²⁵, который в толстой

книге, озаглавленной «Homerus Hebraeus» доказывал, что герои Гомера те же, что и герои Библии. Он, как ему представляется, доказал тысячью фактов, что Улисс и нимфы Калипсо — то же, что Лот с его дочерьми.

- (4) Non semel quaedam sacra traduntur; Eleusis servat quod ostendat revisentibus. Rerum natura sacra sua non simul tradit: initiatos nos credimus; in vestibulo ejus haeremus. Illa arcana non promiscue nec omnibus patent; reducta et in interiore sacratio clausa sunt. Senec. Quaest. nat. VII, cap. 31³²⁶. Платон, чтобы выразить небольшое количество тех, кто проник в истинный смысл инициации, говорит: Ἐἰσὶ γάρ δῆ, φασι οἱ περὶ τὰς τελετάς, ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί, Βάκχοι δέ τε παῦροι I Phaedon § 13³²⁷.
- (5) Великим принципом, лежащим в основе политеизма, была, как это со знанием дела доказал Варбертон, всеобщая доступность религиозных понятий. «Владыке Вселенной, кажется — говорит Фемистий³²⁸ — нравится это различие в культурах. Он хочет, чтобы египтяне поклонялись ему одним способом, греки другим, сирийцы третьим, к тому же еще сирийцы не имеют общего обряда» (*Orat.* XII, éd. de Hardouin, p. 160, A.).
- (6) Храм Цереры в Элевсине настолько почитался, что даже Ксеркс, объявленный враг греческих богов и разрушитель их храмов, его пощадил, если верить Аристиду³²⁹ (*Orat. Eleus.* tom. I, p. 451, C.). В 396 г. его разрушил до основания Аларих³³⁰. Жрецы были разогнаны, многие из них погибли от мечей варваров, другие умерли от горя. В их числе был знаменитый Приск Эфесский, некогда любимый императором Юлианом. Ему тогда было девяносто лет (*Le Beau, Hist. du Bas-Empire*, tom. VI, p. 48). Господин Д'Анс де Виллозон (*d'Anse de Villoison*) скопировал в Элевсине многие надписи (*Mém. de l'Acad. des Inscript.* tom. XLVII, p. 238 et suiv.). Господин Шатобриан осмотрел развалины Элевсина там, где теперь находится местечко Лептина. Красноречивого путешественника эти руины не поразили своей красотой (*Itinéraire de Paris à Jérusalem*, tom. 1, p. 571, 163).
- (7) Граф Штольберг (*Stolberg*)³³¹, за которым не будут отрицать высокого благочестия и огромной учености, принял в своей превосходной истории христианской религии гипотезу, переносящую на Восток зарождение греческих мистерий, откуда вышли первые представления об Откровении. (*Erster Band, vierte Beilage; über die Quellen morgenländischer Ueberlieferungen*, 438–473).
- (8) За все время секрет мистерий был раскрыт только несколькими людьми, тотчас же преданных смерти и общественному проклятию (*Meur. in Elius.* cap. 20), потому что по закону нельзя было погубить их жизнь и конфисковать имущество. Колонна, представленная всеобщему обозрению, увековечила память о преступлении и наказании (*Voyage d'Anach.* tom. V, chap. 58). Общественное мнение более сильное, чем закон, отвергало

виновных. Гораций, который был *parcus Deorum culture et infrequens*³³² говорил:

... Vetabo, qui Cereris sacrum
Vulgarit arcanae, sub îsdem
Sit trabibus, flagilemve mecum
Solvat phaselum³³³.

Lib. III, 2. 26.

Эсхил, обвиненный в том, что он выдал что-то из мистерий, не избежал народного озлобления, и ему пришлось доказывать, что он не был посвященным (Clem. *Strom.* II. 416). Голова Диагора была оценена³³⁴. У Плутарха находим рассказ о том, что случилось с Алквиадом, когда он пародировал церемонии мистерий³³⁵. Иерофант обвинил Аристотеля в том, что тот осквернил элевсинские таинства тем, что, следуя элевсинскому ритуалу, приносил жертвы приемной дочери евнуха Гермия, правящего в Лидии от имени персидского царя. Вследствие выдвинутого обвинения он вынужден был бежать в Колхиду, где и умер (Diog. Laert. *In Aristot.*)³³⁶.

- (9) Бартелеми очень близок к Варбертону в своем объяснении мистерий (*Voyage d'Anach.* tom. V, chap. 68). В примечании, помещенном в конце тома, после приведенных доказательств вставки палинодии³³⁷ приписанной Орфею, он добавляет: «Лишая Варбертона столь победоносного довода, я не претендую на то, чтобы оспорить его мнение о тайне мистерий, которое мне представляется правдоподобным».
- (10) Штарк (Stark *über die Myst.* cap. V, p. 76) высказывает предположение, что Сократ отказался быть посвященным в страхе, что за открытие великих философских истин его обвинят в выдаче тайн мистерий. Это хитроумная гипотеза устанавливает полное соответствие между тайнами мистерий и философов. Философия также была эзотерическим учением, но она заключалась скорее в смелых умозрениях, чем в религиозных преданиях. Философия и мистерии сближались в их общем презрении к народным верованиям. Однако во всем другом философия и мистерии были противоположны. Согласимся, что платоновский Сократ вообще сильно *идеализированный* персонаж. Это наблюдение подтверждается тем, что Платон часто вкладывает в уста своего учителя похвалу мистериям, о чем свидетельствуют два прекрасные места из *Федона*. (Pla. *Opp.* tom. I, ed. Bip. P. 140 et 157).
- (11) «Я видел, — говорит Дионисий Галикарнасский³³⁸ — как целые театры поднимались, чтобы захлопать актера, за то, что его произношение не соответствовало нужному такту».

Отделение IV

- (1) «Мы не смогли бы указать, — говорит Варбертон, — более реальную причину злоупотреблений и ужасного разложения мистерий, чем само время, которое разлагает и портит все. Было время, когда мистерии почитались, и настало время, когда они погрузились в глубокое молчание. Ночь позволила порочным людям начать осуществлять свои постыдные деяния. Уверенность в сохранении тайны заставило их продолжить. Нерушимость тайны благоприятствовала злоупотреблениям и скрывала их от внимания судий вплоть до того времени, когда их уже не могли скрыть никакие изменения».
- (2) Аполлоний Тианский не принадлежал, собственно говоря, к той или иной школе, но от этого он не менее активно участвовал в великой системе противостояния. Гиббон³³⁹ сказал об Аполлонии, что сегодня мы не могли бы определить, был ли он мудрец, обманщик или фанатик. Его жизнь, в изложении Филострата, есть переплетение преданий и вымыслов, впрочем, не лишенная интереса.
- (3) Платоники, такие как Плотин и Порфирий, утверждали, что Аммоний Сакк³⁴⁰, рожденный в христианской вере, был обращен в язычество. Евсевий и Сент-Жером уверяли, что он был настойчив в своей вере. Из современных Бруккер стоит в одном ряду с платониками; благочестивый и ученый Ле Нэн Тийемон³⁴¹ — рядом с учеными христианами. Мосгейм³⁴² считал, что Аммоний смешивал христианскую религию с эклектизмом.
- (4) Было два Цельса, оба эпикурейцы: один жил при Нероне³⁴³, другой при Адриане³⁴⁴ и его последователях. Последний написал сочинение против христианства, которое Ориген опровергает³⁴⁵.
- (5) Этот символ наиболее древний. Его всегда использовали индийцы. Отец Полен де Сен-Бартеlemi нашел *Йону (matrix)*³⁴⁶ в музее Борджиа и опубликовал в своей «Системе брахманов» в виде треугольника в цветке лотоса. Об индийских символах смотрите фрагмент из Порфирия, приведенный Стобе³⁴⁷ *in Eclog. phys.* 1. I, cap. 4. § 56, и помещенный в *Porphyre de Holstenius*, p. 182.
- (6) Один протестантский теолог XVII века обвиняет пифагорейцев и платоников, включая и Марсилио Фичино³⁴⁸ в том, что они были искусны в колдовстве и очень близки с дьяволом (*Colberg's Platonisch-Hermetisches Christentum*, Frankfurt und Leipzig, 1690, tom I, p. 168 et seq.). Надо отметить, что учение платоников было очень долго в ходу. Примерно к середине XV века *Гемистий Плетон*³⁴⁹, один из последних платоников, ввел новую религиозную систему во вкусе своих учителей. Патриарх константинопольский Геннадий³⁵⁰ запретил его сочинение и предал огню.

Рукопись, хранящаяся в Королевской библиотеке, содержит письмо, в котором патриарх излагает учение Плетона — это все что осталось. Об этой рукописи смотрите любопытное, но очень краткое сочинение господина Буавена³⁵¹ (Boivin, *Mém. de l'Acad. des Inscript.* tom II, p. 715). Фемистий Плетон возглавлял *Академию платоников*, основанную во Флоренции Козимо Медичи³⁵². (Смотрите Heeren's *Gesch. der class. Litt.* tom II, p. 35 et seq.; Roscoe's *Life of Lorenzo di Medicis*, 1806, vol. I, p. 49).

- (7) Последовательное чтение неоплатоников позволит судить об истинной картине, главные черты которой я здесь представил. Все способствует тому, чтобы сделать это чтение трудным: сам предмет, возвышенность и темнота стиля, недостаточность материала, разброс в суждениях, и безразличие критики даже к тому материалу, которым мы еще располагаем. Существуют только единственное греческое издание Плотина, одно издание Баля (Bâle, 1580), одно Прокла (Proclus), достаточно посредственное, напечатанное в Гамбурге в 1618, одно Ямвлиха с примечаниями Т. Галя (Th. Gale, Oxford, 1678). Порфирий и Максим Тирский³⁵³ переиздавались чаще: одно из самых полных изданий первого принадлежит Луке Голстеннию³⁵⁴ (Lucas Holstenius, Cambridge, 1685). Мы имеем несколько изданий Максима Тирского, начиная с первого издания Анри Этьена³⁵⁵ (Henri Etienne, 1557) и до последней публикации Рейске³⁵⁶ (Reiske, 1774). Сюда необходимо добавить сочинения императора Юлиана, которые полностью не переиздавались начиная с издания Шпангейма 1696 года, а также избранные места из Либания³⁵⁷ и Фемистия³⁵⁸, у первого нашлось достаточно много издателей. Но все эти сочинения, так же как и сочинения других платоников являются библиографической редкостью и дорого стоят. Их полиграфия часто не исправна и не хороша. Научный аппарат в старых изданиях редко отвечает ожиданиям читателей. Словом, *собрание сочинений платоников* еще ждет своего издателя. Опубликованное под редакцией лучших ученых, обогащенное всеми современными достижениями, оно составит эпоху в изучении литературы и философии. *Exoriare aliquis*³⁵⁹...*

- (8) Господин Гёррес³⁶⁰, автор сочинения *Mythengeschichte der asiatischen Welt* (Heidelberg, 1810), предпринял несколько попыток в этом роде, но они оказались незрелыми. В «Записках Академии надписей» находим работу академика господина аббата Фенеля (Fénel), в которой он хвалится, что раскрыл в сочинениях Платона и его так называемых учеников, неоплатоников, тайну древних мистерий. Он прочел несколько заметок по этому поводу в Академии, но они не были напечатаны. Принцип, принятый

* Господин Крейцер, профессор в Гейльдельберге, готовит полное издание Плотина; и *Specimen*, который об этом сообщил, высказывает высокое мнение об этом труде. Молодой страсбургец господин Гейлер занимается Юлианом.

аббатом Фенелом, должен был неизбежно ввести его в заблуждение. Возможно мы получили несколько ценных но побочных исследований, но суть вопроса была затемнена очередной системой.

Четвертый том сочинений господина Крейцера³⁶¹ (*Symbolik und Mythologie der alten Völker*) я получил только после выхода первого издания моего сочинения. Какими бы ни были мастерство и эрудиция данного автора, я мог бы лишь в минимальной степени использовать его изыскания об элевсинских таинствах. Мы не только ставим перед собой противоположные цели, но и сами основания наших предположений различны. В элевсинских мистериях господин Крейцер, как ему кажется, разглядел борьбу духа и материи. Он открыл также множество точек соприкосновения Цереры и Бахуса, но они совершенно не совпадают с теми, которые я привожу в шестом отделении своего сочинения. Не принимая все положения господина Крейцера, следует согласиться с тем, что его взгляды отличаются новизной, а большая часть его сопоставлений — прозорливостью. Обратите внимание, например, на то, что платоники знали о мистериях, на те понятия, которые они могли о них дать; есть несколько очень замечательных наблюдений (том № IV, p. 549–554), которые тем не менее я не могу принять безоговорочно. Обратите также внимание на то, что сказано о влиянии мистерий на некоторые церемонии и некоторые выражения, усвоенные христианством.

Отделение V

- (1) Станным образом, греческая теология, рожденная от восточных идей, в итоге превратилась в тип, к которому хотели свести все чужеземные понятия. Так, греки, заимствовавшие Бахуса у Египта, стали называть в свою очередь Бахусом все божества, с которыми он был хоть в чем-то сходен. То же самое было и с Юпитером, Меркурием, Венерой и т. д. Греки дошли до того, что открыли в чужих теогониях божества, принадлежащие исключительно Греции, например, Геркулес и др.
- (2) Евсевий сохранил для нас во второй книге своего «Приготовления к Евангелию» фрагмент шестой книги Диодора, в которой тот излагает мысли Эвгемера и его путешествие на сказочный остров Панхаи. Плутарх высказался против абсурдности этого рассказа (*De Isid et Osiride*, § 23). Он говорит, имея в виду египетских богов, что боится вдаваться в некоторые подробности, и добавляет: «Но я боюсь, как бы не сдвинулось неподвижное и не началась «война не только со многими временами» (как сказал Симонид), но и «со многими племенами человеческими» и народами, преданными вере в этих богов; ведь люди не перестают сводить с неба на землю столь великие имена и подрывать и уничтожать благочестие и веру, вложенную почти в каждого с самого рождения, и тем открывать ворота

чудовищу безбожия и очеловечивать богов, и давать волю плутням Эвгемера из Мессены, который сам, составив копии не внушающих доверия и поддельных мифов, рассеивает по всей земле неверие, потому что он произвел имена всех предполагаемых богов скопом от имен полководцев, навархов³⁶² и царей, живших в древние времена и запечатленных золотыми письменами в Пантохе; а письмена эти, как и должно, не находил ни один варвар и ни один эллин, но только Эвгемер, доплывший до Панхотов и Трифиллий, которых никогда и нигде на свете не было и не существовало»³⁶³.

- (3) Красноречивый отрывок из Максима Тирского, имеющий великолепную концовку, развивает в этом месте учение платоников (*Dissert.* VIII, особенно § 3); но принятие этой точки зрения в любом случае доказывает, что боги были людьми. Мысль наделить божество человеческим лицом, есть, несомненно, одно из первых уподоблений, произведенных человеческим умом, и самое естественное заблуждение. Вся вселенная древних была наполнена *антропоморфизмом*.
- (4) Мы располагаем свидетельством Геродота, что египтяне не воздавали божеских почестей героям (*Lib.* II. *cap.* 50). Класс полубогов имеет греческое происхождение.
- (5) Напрасно ищут в метафизических идеях Гомера строгую последовательность. Стоит посочувствовать тем, кто читает эти бессмертные шедевры, руководствуясь одними учеными предрассудками. Все системы, построенные на Гомере, ложные. Из него делали поочередно то историка, то теолога, то алхимика, то географа, то моралиста. Но Гомер — *поэт!* Такой взгляд на него критики связан с нашим методом рассматривать древность в ее целостности. Не стоит повторять общее место, что при современном состоянии знаний, накопленных человечеством, единственная система, которой можно следовать в истории, в филологии, в мифологии, в критике — это не принимать никакую систему. Мы вовсе не намерены из этого заключать, что можно обходиться без логического порядка и рационального подхода, мы хотим только сказать, что мы далеки от того, чтобы подчиняться какой-либо из теорий, существовавших вплоть до настоящего времени. Для того чтобы постигнуть истинный дух древних времен, представить себе предрассудки, распространенные на арене древности, во всей их наготе, изучить каждую отрасль науки не в химерической соотнесенности с нашими собственными идеями, необходимо перенестись, если можно так выразиться, в самую гущу тех далеких обстоятельств. Поистине только немногие люди могут обозреть все смыслы прошлого, но каждый из нас в состоянии, по крайней мере оценить масштабность этой задачи.

- (6) Κρήτες αεί ψεύσονται καί γαρ τάφον, ὦ ἀνα, σέϊο
Κρήτες έτεκτήνατο σύ δ έ θάνες έσσί γάρ αίεί.

Galim in Jaw. 8.

- (7) Возможно, что и существовали некоторые разрозненные представления по этому поводу до Эвгемера. Мы же только хотели сказать, он первый, кто построил из них систему. Эвгемер был современником Кассандра, македонского короля. Диодор об этом говорит со всей определенностью.

Отделение VI

- (1) «Мемориал» Луция Ампелия³⁶⁴, впервые опубликованный Сомезом, затем Гревием, а потом еще и Флором, насчитывает до *пяти* Бахусов; *первый* — сын Юпитера и Прозерпины, земледelec, изобретатель вина; Церера — его сестра; *второй* Бахус — сын Мерона и Флоры, он дал свое имя реке Граник; *третий* сын Кабируса, который царствовал в Азии; *четвертый* — сын Сатурна и Семелы; *пятый* — сын Нисуса и Гесионы (Ed. Graev. cap. 8). Все нагроможденные в этом перечне несообразности могут навести на мысль о хаосе, царящем в мифологических преданиях о Бахусе. Упомянув о значительной важности в этом вопросе Нонна, мы поспешим сообщить, что его «Деяния Диониса», текст которых, столь искаженный до настоящего времени и не переиздававшийся уже два столетия, будет вот-вот опубликован с комментариями господина профессора Грэффе, уже известного успехом своего Мелеагра (Lips. 1811)³⁶⁵.
- (2) Второй Бахус не имел, это правда, прямого отношения к Церере, и тем не менее можно было бы сослаться на то, что он был воспитан Реей³⁶⁶ и Кибелой³⁶⁷, которые столь удачно смешиваются с *Γαία*, *Δηώ*, *Γημήτηρ*, *Δημήτηρ* и, наконец, Церерой (Diod. 1. I, § 1, cap. VII). *Ἡ Αχερώ, καί Ωπίσ, καί Ελλή Γήρως, καί Γή, καί Δημήτηρ, ἡ αὐτή*; Hesychius к слову *Αχειρώ*. Вообще миф Кибелы настолько соединяется с мифом Реи и миф Земли с мифом Деметры, что их невозможно отличить даже в нюансах. Поэты весьма разнообразны в этом вопросе, о чем свидетельствует Эсхил, когда называет Землю *единым образом, имеющим множество различных имен* (*Γαῖα πολλῶν ὀνομάτων μορφή μία* — Prom. 210). Представляется, что следует различать то, что относится к разным эпохам в греческой мифологии. *Γαῖα*, Гея³⁶⁸, которую римляне называли Теллус, — одна из божеств первого поколения, принадлежащая династии Титанов, которые предшествовали кругу *magni Dii*³⁶⁹, кругу, впрочем, достаточно неопределенному, начиная с Гомера и вплоть до последних мифографов. Деметра, кажется, единственная, кто наследовала Гее в мифологическом цикле. Более того, можно предположить, что, символизируя одну и ту же идею,

Гея и Деметра отличались между собой. Гея обозначала по преимуществу совокупность, целостность и глубины земного шара. Деметра — его поверхность, обрабатываемую почву, плоды и другую производящую ею продукцию. Это наблюдение подтверждается тем, что действия *первоначальных* или *титанических* богов в сравнении со сменившей их династией, отличались колоссальными размерами, чему подтверждением является Прометей Эсхила. Как бы то ни было, напрасно делать из этого, как и из теогоний вообще, точные и строгие исторические выводы. Смотрите замечательные наблюдения по этому поводу в *Creuzer's Symbolik*, t. IV, 331 et seqq.

- (3) Пиндар (*Isthm.* VIII, 3) называет Бахуса *χαλκοκρότου παρεδρος Λαμιάτερος*, слово в слово: заседатель Деметры при бронзовых кимвалах³⁷⁰. Место из «Антигоны» Софокла также замечательно:

Πολύωνυμε, Καδμείας
 Νύμφας ἀγαλμα, Διός βαρυβρεμέτα γένος,
 κλυτάν ὅς ἀμφέπεις
 Ἰταλίαν, μέδεις δέ παγ-
 Κοίνοις Ἐλευσινίας
 Δηοῦς ἐν κόλποις,
 Βακχεῦ, κ.τ.λ.

v. 1103–1110.

«О ты, обладатель тысячи различных имен, украшение Кадмейской девы, сын Юпитера-громовержца, ты, могущественный правитель Италии, ты царишь в руках Деметры, о Бахус...»³⁷¹.

Эти два авторитета, тем более значительны, что оба они принадлежат может быть к самому древнему жанру, свидетельствующему о союзе Цереры и Бахуса, но никто не обращал на это внимания. Комментатор Пиндара говорит, что Бахус, помещенный рядом с Церерой, был, по одним источникам Загреем, а по другим, Якшем. Среди множества известных надписей на мраморе мы упомянем, приведенную Грутером (pag. 309), где среди прочего есть такие слова: DEO. IACCH. CERERI. ET. CORAE³⁷². Медаль с изображением Антиноя³⁷³, отчеканенная жителями Адрамита в Мизии присоединяет к его имени название Якш, в качестве паредра, т. е. сидящего рядом с двумя египетскими богами. Когда Адриан захотел обессмертить своего любимца, он дал ему титул сидящего рядом (ассесора) с двумя почитаемыми в Египте богами, что подтверждается известной надписью, также опубликованной Грутером: Ἀντινόω, συνδρόνω τῶν ἐν Αἰγύπτω θεῶ κ. τ. λ.³⁷⁴. Титул паредра, данный Антиною, заставил жителей Адрамита, афинской колонии, дать ему имя Якша. (См.: Eckhel,

Doctr. num. vet. t. VI, pag. 528; Rasche, *Lexic. numism.* t. I, pag. 738). Эпиграмма из Антологии сравнивает Якша с десятимесячным ребенком, сосущим материнскую грудь (Brunck, *Anal.* t. III, pag. 292; et Jacobs, *Animadv. In Anthol.* t. III, part. II, pag. 237, et part. III, pag. 139).

- (4) Чем больше углубляемся в изучение древних мистерий, тем больше льстим себя надеждой, что живем в такое время, когда ум человеческий воспаряет над безнравственными и унижительными народными культурами. Это может быть единственное наше преимущество над древними, но преимущество это огромно. Двойственное учение древних осудило мир на вечное рабство. В то время как небольшое число людей, просвещенных истинным знанием, проникало в самые высокие области мысли, большинство чахло в печальном ослеплении и постыдных предрассудках, тщательно поддерживаемых и украшаемых всеми прелестями воображения. Каждый думающий человек должен ценить выпавшее ему счастье родиться под защитой чистой религии, полностью интеллектуальной и к тому же равно доступной пастуху и Ньютону, религии, чей характер столь же божественен, сколь и само происхождение. Предаваясь этим размышлениям, мы испытываем удовлетворение и гордость, которые должен испытывать англичанин, когда он сравнивает законы своей страны с деспотическим правлением Востока, очень напоминающим те ложные религии, которые развращали людей.

В одном из священных песнопений, сохранных в древней литургии греческой церкви, мы находим достаточно красноречивые свидетельства по поводу двойственного учения, противоположного всеобщему просвещению христианства: «О вы, которые явились с простыми словами и великим учением, вы разрешили загадки философов, утонченность риториков, вычисления астрономов. Апостолы Христа только вы могли просветить всю землю!». За этим обращением следует очень любопытное место: «Петр говорит и Платон замолкает, Павел учит, и Пифагор исчезает. Наконец, апостольское войско, вдохновенное Богом, похоронило умолкнувший голос греков и пробудило весь мир на служение Христу»: *Οἱ λυγῶδ' ἰδιῶται σοφοί τῇ γνῶσει ὠφθητε, πλοκάς τῶν φιλοσόφων λύσαντες, ρητόρων τὰς διαπλοκάς καὶ ψήφους ἀστρονόμων διό Ἀπόστολοι τοῦ Χριστοῦ, μόνοι πάσης οἰκουμένης ἀνεδείχθητε διδάσκαλοι. — Ὁ Πέτρος ρητορεύει, καὶ Πλάτων κατεσίγησέ διδάσκει Παῦλος, Πυθαγόρας ἐδυνέλοιπόν, τῶν Ἀποστόλων θεολόγων ὁ δήμος τὴν τῶν Ἑλλήνων νεκρὰν φθογγὴν καταθάτει, καὶ τὸν κόσμον συνεγείρει πρὸς λατρείαν Χριστοῦ* (*Vetus Offacium Quadragesimale*, ed. du card. Quirini. Venet. 1729, part. I, p. 256).

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ВЕЛИКАЯ МОЩЬ, СОЕДИНЕННАЯ С ВЕЛИКОЙ УМЕРЕННОСТЬЮ, МОЖЕТ СОВЕРШИТЬ ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Утверждали и не без оснований, что идея вечного мира аббата Сен-Пьера³⁷⁵, всего лишь химера, и для того чтобы ее достичь, людей необходимо лишить их страстей. Но разве в цивилизованных государствах люди не пользуются безопасностью, хотя там и совершаются иногда убийства? Следует также полагать, что и народы смогут пользоваться всеобщим миром, если войны станут крайне редкими.

Непреодолимое предчувствие уже много лет внушает мне, что ныне настало самое подходящее для этого время, потому что если в прошлом все могущественные государи страстно мечтали о славе Александра Великого, то наш век прославлен Александром Первым. Нести с собой мир самый что ни на есть нерушимый — вот главная слава, увековечившая его имя.

Проекты вожделенного счастья создаются постоянно, и я хорошо знаю, что политики стараются ограничивать количество их создателей. Я же, публикуя свой проект, увеличу их число. Мои пожелания человечеству счастья оправданы тем, что они порождены общественным мнением. Это мнение опирается на множество частных дискуссий, в которые каждый вносил свои соображения и из которых он черпал соображения других, комбинировал и изменял их. Иногда бывает так, что ясновидящие не видят предметы, которые слепые открывают на ощупь.

Что же касается непосредственно самого проекта, его осуществление требует, чтобы чувства нашего Августейшего монарха разделяли и все другие вершители народных судеб и чтобы они не ослабляли его усилий ко всеобщему умиротворению. Я уверен, что наш современный Тит³⁷⁶ не раскается, что он потерял день, ибо самой значительной потерей был бы тот день, когда навсегда исчезла возможность дать вселенной самый прочный мир. Этот слабый эскиз, который я осмеливаюсь предложить публике, если и не получит ее одобрения, то по крайней мере, содержащаяся в нем дань уважения к самому достойному чувству нашего Августейшего монарха, докажет мою искреннюю преданность славе Его Императорского величества, подобающую иметь его верному подданному.

Все сочинения нашего времени, написанные частными лицами и содержащие в себе желания и надежды на вечный мир, могут быть оправданы лишь в том случае, когда автор, размышляя, пришел к следующему заключению: любой проект всеобщего мира останется всего лишь пустым словом, если не будут приняты самые эффективные средства для предупреждения войны.

Среди бедствий, приводящих людей в отчаяние, война, несомненно, занимает первое место и заслуживает того, чтобы против нее так же искали средств, как их ищут против других несчастий. Какая огромная разница между губительными последствиями чумы, заражавшей некогда почти всю Европу, и ее современными эпидемиями, которым поставлены почти непреодолимые преграды. Смертность от оспы уменьшилась, по меньшей мере, на треть, благодаря неоценимой пользе прививок. В Европе не найдется ни одной страны, где не было бы общественных школ для обучения врачебному ремеслу. Предусмотрительность властей делает голод почти невозможным. Нищета находит себе убежище. Пожары тушатся различными машинами. Даже молния отнята у неба. И только война остается непоправимым бедствием! Она и будет оставаться такой, какой была испокон веков, если правители самых могущественных народов мира не захотят поставить ей преграды. Их союз сможет оказать миру столько услуг, сколько ни один герой не сможет оказать своему народу. В настоящее время они, как великие целители, могут обернуть опасный кризис политического тела к счастью человечества и исправить, таким образом, фатальность, убивающую большую часть людей, потому что, по замечанию Сенеки, они, подобно стадам, склонны всегда следовать за идущими впереди них смельчаками.

Слава побеждать и завоевывать того, кто осмеливается защищать свою независимость, могла быть лестной для Кира³⁷⁷, Александра³⁷⁸, Юлия³⁷⁹ и Октавиана Цезарей³⁸⁰ в древности, для Магомета, Карла Великого³⁸¹, Чингисхана³⁸², Тамерлана³⁸³ в новое время, потому что каждый из них считал, что он превосходит другого в своем могуществе. В действительности же, на вершине своего подъема, они лишь уравнивались с другими завоевателями, которые не только ни в чем не улучшили судьбу человечества, но еще больше увеличили его беды.

К несчастью, когда ошибка первого законодателя или последующего узурпатора отдает власть над обществом в не те руки, такое правительство может существовать только войной. Постоянная борьба

за власть или за сохранение своего положения заставляет правителей постоянно увеличивать армии. В итоге содержать их становится слишком дорого, а избавиться от них — слишком опасно. Если прекратить в одночасье внешнюю войну, то столкнешься с угрозой внутренних мятежей.

Но когда высшая власть находится в руках законного государя, когда просвещение народа со всей очевидностью свидетельствует о том, что такое правление не считает нужным скрывать даже малейшие недостатки и способно принести много добра, когда общественные нравы служат основой процветания государства, тогда не прибегают ни к демону войны, ни к фанатизму мнений. Управление таким государством может быть сравнимо с властью священника над его паствой. И хотя даже в таком государстве необходима полиция, опорой правительству там служат в первую очередь плоды просвещения и добрые нравы.

Монтоазье сказал совершенно справедливо: «Откуда происходит полиция? Это превосходство вооруженного меньшинства над невооруженным большинством. Таким образом, чем больше вооруженных людей, тем меньше силы у общества, и тем больше ее у полиции.

Когда вся страна под ружьем, нравы неизбежно становятся военными. Там, где не хватает тросов, приходится использовать канаты. Жесткие и грубые формы, стирая мягкие тона цивилизации, приводят к варварскому состоянию, когда есть солдаты, но нет граждан. Такую страну следует дисциплинировать так же, как дисциплинируют армию. Только террор может привести к послушанию. Такая страна не знает над собой другой силы, кроме жестокости. При таком положении вещей свободный порядок, оттенки утонченного вкуса, и вообще все, что принадлежит цивилизации, не может существовать. Вместо нормального правления непрерывное состояние войны или революции.

В стране, где отсутствовали бы общественное мнение и добрые нравы и где граждане могли без укоров совести все себе прощать, отношение отдельных людей к цивилизованным нормам напоминало бы отношение воров к законам собственности или бандитов с большой дороги к конно-полицейской страже. В таком случае даже применение насилия не имело бы никакого действия.

Возьмем современные нам государства. Они, как правило, спокойны, но лишь потому, что насилие там ограничено. Общественное

мнение, существующее у всех классов, при одной только мысли о постыдном действии пробуждает совесть и возмущает порядочность».

Следует быть далеким от мысли Гоббса³⁸⁴, полагающего войну естественным состоянием человека, но при этом, не стоит разделять и благодушные мечты аббата Сен-Пьера, который верил в возможность вечного мира. Те мыслители, которые стремились доказать, что в основе политической системы лежит физическая природа животных, устанавливали прямую зависимость между сферой разума и сферой, принадлежащей исключительно инстинкту. Однако ошибочно полагать, что животные находятся в физическом состоянии войны. Правда, один вид животных может находиться в естественном состоянии войны с другим видом, но при этом никогда животные не воюют внутри одного вида. Если это и происходит, то происходит случайно или под воздействием особой страсти.

Склонность к войне имеет тот, кому с детства насилие доставляло удовольствие, и кто испытывает острую потребность постоянно ощущать собственное бытие. Самое эту склонность следует поддерживать, потому что от нее рождаются героические добродетели, которые могут быть использованы в мирное время и даже в частной жизни. Однако из этого вовсе не следует, что не надо стараться предупредить губительные злоупотребления этой склонностью. Война не является для человека такой же необходимостью, как воздух, сон, или пища. Склонность к размножению должна брать верх над склонностью к взаимному уничтожению. Между тем добрые нравы и мудрые законы, ставящие преграду первой, получают от этого глубокое нравственное удовлетворение. Почему же отчаиваются найти способ обуздать злоупотребления второй?

Феодалы-сеньоры (которые, воспользовавшись слабостью преемников Карла Великого, покрыли почти всю Европу острями башен своих замков, определенно придерживались мнения Гоббса, что война необходима человеку и что людям, носящим оружие, следует решать свои споры не иначе, как с оружием в руках) были бы бесконечно удивлены, увидев своих потомков подчиняющихся мирным законам, пользующихся их благотворной защитой и не испытывающих при этом необходимости прибегать к оружию. Они были бы также удивлены, при виде окрестностей своих замков, некогда опустошаемых бесконечными войнами, теперь превращенными в плодородные земли.

В истории мы находим немало примеров того, как в одной и той же стране почти бесконечные войны сменяются периодами длительного и прочного мира. Это доказывает, что, если нельзя полностью разделять мнение Гоббса, тем более нельзя отбросить возможность мира, если не вечного, как того хотели аббат Сен-Пьер и философ Кант, то, по крайней мере, более или менее продолжительного.

Правда, при общем взгляде на всемирную историю предстает печальная картина убийств, сражений и кровавых завоеваний. И если некоторые народы пользовались в интервале покоем, то это бывало лишь вследствие усталости и обессиливания. Даже введение суда амфикиона³⁸⁵ не надолго защитило древних греков от бедствий войны.

Но стоит ли приходить в отчаяние и считать что-то невозможным только лишь потому, что оно было невозможно до сегодняшнего дня? Нет, не стоит, так как есть системы, которые казались невозможными в одну эпоху и стали легко осуществимы в другую.

Если бы, до установления христианства, кто-нибудь осмелился предложить самым цивилизованным народам отменить рабство, его предложение встретило бы намного худший прием, чем предложение аббата Сен-Пьера. Ему бы привели в пример, что издревле, со времен первобытного общества, без рабства нигде не обходилось. Он был бы обвинен в незнании основ политики не только государственными людьми, но и самыми либеральными философами, так как все они, исходя из системы их великого учителя Аристотеля, твердо были уверены в том, что одна часть людей рождается, для того чтобы быть рабами, а другая — для того, чтобы ими повелевать. И, тем не менее, в настоящее время большая часть Европы пользуется драгоценными плодами этого благородного деяния — отмены рабства.

Когда христианство преследовалось в Риме, его первые епископы не имели иного средства для выживания, кроме безвестности. И если бы кто-то осмелился предсказать могущественным владыкам Рима и мира, что преемники этих униженных епископов будут властвовать в Капитолии, поставив ногу на голову римского императора, или что папа Григорий VII³⁸⁶ и другие папы будут пользоваться безграничной властью над государями римского вероисповедания, и если бы им предсказали все то зло, которое выпадет на долю их преемников, то все эти пророчества сочли бы безумием.

Было время, когда религиозная нетерпимость внушала твердую уверенность, что без истребления еретиков правительства не смогут

существовать. Однако они благополучно существуют, и их существование будет еще более счастливо, когда они перестанут истреблять соседей.

Действительно, отмена рабства как следствие крестовых походов³⁸⁷, установление и упадок власти пап как результат слабости, вытекающей из злоупотребления неограниченной властью, не могли способствовать увековечиванию славы отдельных героев, руководствующихся исключительно гуманностью, подавивших в себе самолюбивые устремления и нашедших силу служить только народным интересам. Это надо ясно понимать, для того чтобы принести народам мир, которого до сих пор у них не было. Такое действие высшей силы, если и, правда, было невозможным до наших дней, то не в силу невозможности самого порядка вещей, но из-за трудности подняться на уровень истинного величия, на котором единственно можно его осуществить. Мы, свидетели великих событий, способных служить этому самому полезному для человечества делу, увидим его воплощенным в тот момент, когда произойдет беспрецедентное соединение величайшей мощи с величайшей умеренностью.

Мы обязаны нашему просвещенному веку тем, что многие источники войны уже иссякли. Феодалная система или уничтожена, или лишена возможности приносить вред. Распри между членами монархической семьи погашены. Соперничество между папской и императорской властями уже не возобновится, фанатизм религиозных и политических страстей разоблачен. Поддержание политического равновесия как противовеса всеобщей монархии, свобода морей и торговли — вот последние и почти единственные вопли войны. Если бы можно было сократить на треть войны, производимые этими причинами, какое неоценимое благодеяние было бы сделано для будущих веков! Какая бессмертная признательность ожидала бы главы великих народов, обретших в своих душах величие, необходимое для объединения взаимных усилий по сокращению количества проливаемой крови.

Кардинал Флери³⁸⁸, говоря о необходимости послать миссионеров к государям Европы, чтобы убедить их согласиться на проект вечного мира, был прав в том, что не ждал его установление в условиях своего времени, когда из десяти — двенадцати монархов, имеющих примерно равную силу, наиболее слабые стремились сравняться с сильными, остальные же желали достигнуть заметного преимущества.

Таким образом, все ожидали для себя выгод от удачной войны. И так, для того, чтобы их соединить, следовало лишить их самолюбия и внушить им героический энтузиазм.

Если бы в эпоху существования разрозненных первобытных семей к ним бы послали миссионеров, для того чтобы убедить их согласиться объединиться в нацию, мы бы и сейчас оставались на уровне дикарей Америки. Но когда появляются верховные гении и получают высшую власть, тогда невозможное становится возможным, и тогда нации образуются.

Однако если для образования наций и установления мира между семьями требовались верховные гении, то вполне достаточно было, чтобы эти основатели империй руководствовались себялюбием и стремились к славе скорее обманчивой, чем истинной. Основывая империи, они на самом деле устанавливали мир между отдельными семьями, но государства создавали они для себя и своего потомства, подобно тому как частное лицо приобретает имущество для себя и своей семьи. Общее благо человечества никогда не было их целью, но оно нечувствительным образом вытекало и укоренялось под эгидой их корыстных интересов так же, как отмена крепостного права произошла от фанатизма и жадности крестоносцев. Однако для того, чтобы установить мир между народами никакой личный интерес не может служить мотивом. Мир не может быть установлен без самолюбивых помыслов каждого могущественного государя, этому способствующего. Но разве нельзя само слово «самолюбие» понимать в смысле истинного величия, когда кто-то ищет не личной выгоды, а стремится к тому, что наиболее полезно для всего человечества? Напротив, это как раз то, что и позволяет приобрести истинную славу.

Итак, не миссионеры, а высшая сила, соединенная с самыми отменными добродетелями, а именно умеренностью, смогла бы добиться согласия на реализацию данного проекта. Чем обширнее препятствия, тем больше славы в их преодолении. Надо достичь высшего могущества и при этом суметь себя ограничить. Надо победить все препятствия и, наконец, добиться самой блестящей победы — победы над собственным могуществом.

Всеобщее примирение, которое может быть достигнуто в наш век, является следствием всеобщего порабощения, ибо на континенте господствует противостояние держав. Предположим, что одна из них установит свое господство. Вся история доказывает со всей очевидностью,

что самые могущественные победители рано или поздно поменяются местами с побежденными, и никто никогда не сможет слишком продолжительное время пользоваться своими завоеваниями. Потому что, когда какой-либо народ путем завоеваний и присоединений других народов, ежедневно расширяет свою территорию, патриотизм становится не более чем словарным словом. Необходима сдержанность, необходимы границы, нужно сравнивать себя с другими, чтобы почувствовать собственную индивидуальность. Если граждане какой-нибудь страны утрачивают всякий интерес к политике, любовь к отечеству становится всего лишь пустым звуком.

Римские императоры, вынужденные из-за обширности их империи брать себе соправителей³⁸⁹, закончили тем, что разделили государство. Не сумев предвидеть разрыв всех связей, не организовав должным образом взаимную помощь, они тем самым ускорили свое падение. Но континент, разделенный на великие империи и тесно соединенный единым политическим устройством, будет похож на ту умеренную монархию, когда народ добровольно подчиняется государю, когда государь добровольно подчиняется законам. Они признают власть друг друга и соединяются во имя спокойствия и общественной безопасности.

Правда, в истории мы не находим примеров, чтобы могущественное государство не старалось бы все больше и больше увеличивать свое могущество, чтобы оно желало соотносить свои интересы с интересами соседей, и чтобы при этом оно не имело с равными по силе государствами другого общего интереса, кроме незыблемого сохранения взаимного могущества и постоянного соревнования в умеренности амбициозных планов.

Иными словами, мы не находим примеров героизма, заключающегося в мирном сосуществовании как с равными по силе, так и с более слабыми, несмотря на имеющуюся возможность их порабощения, в стремлении получать истинное удовольствие от соревнования в умеренности, от поддержания государственной мощи и одновременно незлоупотребления ею.

Политика, считающая, что безопасность страны состоит в ослаблении и разрушении соседних держав, при всем ее предельном аморализме, полностью оправдывалась в те времена, когда многие равные по силе государства, вполне способные эту силу уменьшить, напротив, вынуждены были всяческими путями ее увеличивать.

Эта политика должна естественным образом измениться между великими державами, видящими, как падение одной из них неизбежно влечет за собой падения другой. Чем меньше становятся размеры государства, тем ничтожней, мелочней и лживей становится его политика, как об этом сказано в «Государе» Макиавелли³⁹⁰. И наоборот, увеличение размеров государства делает его политику величественной и справедливой. Истинно великими будут государи, которые отныне оставят все виды и все лукавства старой дипломатии и смогут открыто являться и перед своими подданными и перед своими врагами, ибо ничто не вызывает у людей больше доверия, чем благородный и бескорыстный характер.

Целью учреждения, которое мы берем на себя смелость, предложить, является поддержание всеми возможными средствами нерасторжимого союза народов. Оно должно неминуемо сотворить это высшее благодеяние, на которое только может претендовать человеческое сообщество. Столетия будут бесконечно признательны правителям великих держав, решивших скрепить такой союз.

Правда, может показаться, что интересы морской державы несовместимы с интересами континентальной. Но это не так, и так быть не может. Если это правда, то напрасно было мучиться, чтобы расширять торговые операции и увеличивать промышленное производство. Сухопутная держава может производить все новые предметы потребления, но если для их доставки необходим морской транспорт, то спрос не будет расти. С основанием было сказано следующее:

«Как только заставят замолчать закоренелую ревность, разделяющую народы, то все признают следующие истины: ревность в коммерции есть только тайный сговор разорить всех, не обогатив при этом никого; часто лучше поддерживать соперников, чем их уничтожать, чем больше нация склонна к торговле, тем более она должна желать, чтобы все люди, с которыми она имеет отношения, были богаты, ибо уничтожив своих соперников, она впадет в оцепенение обманчивой роскоши и лишит своих мореплавателей необходимой им конкуренции.

Человеческое сообщество смогло бы предотвратить эти злоупотребления. Но кто осмелится это предложить? Вполне возможно, что государство, выступившее с таким предложением, заставит других думать, что оно признается в собственной слабости, и это воодушевит его врагов. Итак, если власти боятся подобным предложением

скомпрометировать свое достоинство, то надо, чтобы его сделало частное лицо, и тогда никакое государство не окажется в положении первого предложившего. И как только найдется некоторое число людей, готовых принять это предложение, несмотря на то, что их частные интересы могут оказаться противоположными, исчезнет опасность быть скомпрометированным, и счастье человечества прольется во вселенной, подобно тому как вода проливается на поля из шлюзов, построенных благотворным соединением рук. Чем значительнее будет сила, преобладающая над корыстными интересами, противостоящими этому труду, тем больше будет признательность настоящих и будущих времен.

Но это предложение, не будучи опасным, будет, возможно, неприятным. Давайте посмотрим, кто будет недоволен проектом, о котором здесь идет речь? Я полагаю, что это будут скорее частные лица, чем правители. Правительства тех стран, которые в последних войнах понесли наиболее значительные потери, естественно, будут вынашивать замыслы их возместить. Однако еще слишком свежи примеры, когда желая возместить первую потерю, несут еще более значительную, так что никто не захочет рисковать последним. Правители победивших стран заинтересованы в сохранении своих владений путем создания прочного союза. Но еще остаются правительства, чувствующие себя в полной силе, и вынашивающие замыслы, противоположные всеобщему примирению. Из-за этого проект не может осуществиться, но в то же время нельзя не заметить, что война будет носить исключительно оборонительный характер, для того чтобы добиться длительного мира и принести счастье человечеству. Ни один могущественный государь Европы не нуждается в том, чтобы очаровывать мир этими великими словами. Также можно надеяться, что не со стороны государей появятся препятствия миру. Поэтому не следует ли соединить усилия против отдельных лиц, желающих войны?

Собственно говоря, если этот союз осуществится, то это будет союз государей против частных лиц, которые слишком часто вовлекают их в войны, потому что выигрыш частных лиц слишком очевиден, в то время, как выигрыш государей сомнителен. Государь, даже если в результате самой блестящей военной победы, приобретет одну или несколько провинций, тотчас вынужден будет направить доходы с этих провинций на содержание войск, повышение их боеспособ-

ности, снабжение магазинов, арсеналов; он вынужден будет постоянно увеличивать казну, если только хочет быть в состоянии защищать свои завоевания. Итак, лично он ничего не выигрывает. Вся его прибыль состоит в значительном увеличении силовых структур. Число его врагов при этом увеличивается в соответствии с системой равновесия. Даже если он победит всех, то само пространство его державы станет для него самым опасным врагом.

Зато состояния отдельных лиц, умеющих использовать войну в собственных интересах, возрастает в два, три, а то и в десять раз. Война предшествует и следует торговле — вот главный источник обогащения частных лиц. Достаточно упомянуть то, что говорит знаменитый автор «Антимакиавелли»³⁹¹: «Послы при иностранных дворах — привилегированные шпионы. Они наблюдают за поведением государей, которым они посланы, они должны быть в курсе их намерений, вникать в их действия, предвидеть их поступки, для того чтобы вовремя оповещать своих хозяев. Главная цель их миссии в том, чтобы укреплять дружеские связи между государями, но вместо того, чтобы быть творцами мира, они часто становятся орудием войны. Они используют лесть, хитрость, подкуп, чтобы выведать у министров государственные секреты. Они побеждают слабых своей ловкостью, гордых — льстивыми словами, жадных — подарками, словом, они всякий раз делают все то зло, на которое способны, потому что грешить — это их долг, и потому что они уверены в собственной безнаказанности.

Против хитрости этих шпионов государи должны принимать надлежащие меры. При особо важных переговорах, правители должны неукоснительно следить за поведением своих министров, чтобы какой-нибудь дождь Данаи³⁹² не смягчил их строгую добродетель».

Выражения этого короля-философа значительно умереннее, чем выскопарные фразы Ж. Ж. Руссо в его «Суждении о вечном мире»³⁹³. С. 68:

«Непрестанно обманываясь видимостью вещей, государи, следовательно, отбросили бы этот мир, если бы они сами взвесили бы свои интересы; что же будет, если они предоставят делать это своим министрам, чьи интересы всегда противоположны интересам государя³⁹⁴. Министрам война нужна для того, чтобы сделаться необходимыми, ставить государя в затруднительное положение, из которого он не мог бы выйти без их помощи, и, если потребуется погубить государство, лишь бы только не погубить свою карьеру; война нужна им

для того, чтобы притеснять народ под предлогом удовлетворения общественных нужд, для того, чтобы выдвигать своих ставленников, наживаться на рыночных спекуляциях и в тайне создавать тысячи отвратительных монополий; война нужна им для того, чтобы удовлетворять свои страсти и вытеснять друг друга; война необходима им для того, чтобы захватить в свои руки государя, вырывая его из придворного окружения, когда там ведутся против них опасные интриги. Они потеряли бы все эти возможности при установлении вечного мира. И люди еще не перестают спрашивать, почему этот проект не принят, коль скоро он осуществим! Они не видят, что в этом проекте нет ничего невозможного, кроме того, что министры не могут его принять. Что же сделают они, чтобы помешать принять этот проект? То же, что делали всегда, они выставят его в смешном виде».

Для того, чтобы со всей очевидностью показать, откуда происходит упрямство в стремлении к войне, сошлемся различие между Кольбером³⁹⁵ и Лувуа³⁹⁶ в правление Людовика XIV, которое стало непосредственной причиной многих войн или, по крайней мере, продолжения войн, вызванных другими государственными причинами.

Пусть военачальники по окончании войны будут удовлетворены дарами судьбы. Они это заслуживают своими военными талантами, из которых государство извлекает неисчислимые преимущества. Но для этого необходимо, чтобы война имела счастливый исход, и чтобы она была абсолютно необходимой. И хотя этих двух пунктов часто недостает, тем не менее, всегда есть лица, наживающиеся на войне.

Третья группа врагов всеобщего мира, самая многочисленная и самая страшная, — это те, кто занимаются торговыми спекуляциями. Разве мы не видим, что, не говоря уже о прибылях, приносимых военными поставками, каждая война производит изменения в торговле и отдельные ловкачи, особенно после открытия мыса Доброй Надежды и Западной Индии, извлекают из нее огромную пользу для себя. Это почувствовал Вольтер, когда в середине прошлого века писал в своем «Опыте о нравах»³⁹⁷: «Каждое государство в Европе разрушено после семи-восьмилетней войны; каждое государство сделало больше, чем допускают его обычные силы. Государства, как и отдельные люди, влезают в долги для удовлетворения своих амбиций, все хотят превзойти собственное могущество. Часто спрашивали, куда деваются богатства, расточаемые в ходе войны и отвечали, что они погребены в сундуках двух или трех тысяч лиц, нажившихся

на бедствиях людей. Эти две или три тысячи лиц пользуются в мирное время своим огромным состоянием, в то время когда остальные люди вынуждены стонать от новых налогов, чтобы оплатить часть национального долга.

Англия — единственная страна, где частные лица обогащались вывозом оружия. То, что простые судовладельцы выиграли в результате захвата, то что остров Куба и великая Индия принесли адмиралам, намного превосходит всю наличность, циркулирующую в Англии в тринадцатом и четырнадцатом веках». Но какое различие между барышами того времени и барышами, полученными английскими коммерсантами во время последних войн, заливших Европу кровью!

Эта несчастная жажда наживы, поглощающая все другие страсти и политические соображения, сотрясает целую Европу. И каким жертвам и опасностям подвергает она все страны, не зависимо от того, свои они или чужие! Америка, отделенная от Англии, Турция, толкаемая против России, Франция, наполненная жестокостями и ужасом, Италия, наблюдающая исчезновения своих древних государей, самые могущественные народы Германии поставленные на край пропасти, Дания, дважды пережившая вторжение, Дом Браганса³⁹⁸, вынужденный искать убежище за тридевять земель, две противоположности Европы: Испания и Россия, ставшие жертвами военных пожаров — вот следствия этой ненастной жажды наживы, хотя моралисты всегда подчеркивали: «Напрасно мы стараемся обогатиться, наша жадность всегда превосходит наше состояние. Если бы каждый из нас стремился захватить вещи, которые нужны другим, и брал бы вдоволь все, что он может, человеческое общество было бы невозможным.

Природа бы не противилась, если бы каждый предпочитал приобретать для себя только то, что является жизненно необходимым, но она не может не страдать, когда входит в привычку обогащаться путем ограбления другого».

Хотя и принято причины всех современных войн выводить из разницы в системах, принятых каждым государством в качестве основы своей политики, будь то: система расширения, военная система, мирная система, система протекционизма, система ослабления грозных держав и т. д., — на самом деле непосредственно для войны есть только две причины, а именно: любовь к славе и любовь к богатству. Первая является стимулом для государей, вторая — для подданных. Если верховная власть принадлежит корпорации, примером которой

может служить римский сенат, то амбиции этой корпорации более опасны для мира, чем амбиции одного государя, так как корпоративный дух способен довольно длительное время сохраняться без изменений. Довольно редко бывает, чтобы амбициозные монархи бесценно шли друг за другом, в то время как любовь к богатству у подданных никогда не затухает. Поэтому последние и стремятся всеми силами внушить государям любовь к славе, которая производит чудеса, потому что движет гордыми умами, в то время как любовь к деньгам не производит ничего кроме низости, потому что овладевает только низкими душами.

Если к несчастью для человечества на трон восходит государь, находящийся во власти неумеренных амбиций, то это означает болезнь политического тела, единственным средством от которой являются время и терпение. Смерть государя-завоевателя кладет конец его замыслам. Один несчастный случай разрушает его завоевания, и даже сама старость заставляет его изменить систему. Карл V, Людовик XIV, Карл XII и многие другие служат тому подтверждением. Ни одно человеческое учреждение не способно остановить это несчастье, когда оно приходит, если само искусство воспитывать самых совершенных государей в равной степени насылает на правителей и народы эту болезнь. Но главная цель учреждения, предлагаемого с вашего позволения, заключается в том, чтобы отныне и навсегда положить конец союзу частных людей, заинтересованных в постоянном поддержании войны.

В настоящих условиях война является необходимостью только для двух типов частных коммерсантов. Одни уже овладели мировыми ресурсами и стараются любыми возможными средствами сохранить свое положение. Другие, напротив, лишились доступа к этим ресурсам и не принимают в их распределении никакого участия. Поэтому они стремятся разжечь и поддерживать пламя войны, видя в ней единственную возможность возместить свои убытки и получить доступ к мировым богатствам.

Самая значительная и самая большая трудность, бросающаяся в глаза, состоит в том, как сократить количество людей, занимающихся мировой торговлей? Если они господствуют на море, то считается, что следует их разорять на континенте. Для этого предлагают три способа: или закрыть им все порты, или высадиться на их острове или сухим путем идти завоевывать Индию³⁹⁹. Все три способа оз-

начают только войну, войну, последствия которой непредсказуемы и к которой должно прибегать, когда все другие средства безуспешны.

Несмотря на многочисленные примеры того, как французы на суше, а англичане на море имели часто преимущество один над другим, кто может поручиться, что так будет всегда? Англичане повсюду на континенте, где бы они ни высаживались и ни сражались, стремились только к тому, чтобы продолжать войну, а не защищать свои непосредственные и сокровенные интересы. У какого народа мира имелись бы причины для защиты собственных очагов защищать очаги британцев? Торговые компании сумели так тесно соединить свои дела не только с делами правительства, но и с делами почти всех людей, что их разорение повлечет за собой разорение всех остальных. Я очень сомневаюсь, чтобы фанатизм свободы или религии смог победить энтузиазм личного интереса. Отсюда следует, что, теряя все, эти компании будут вынуждены ставить под угрозы интересы всех.

Поскольку этот риск всегда обоюдосторонний, то сделанное предложение одной стороне и заключение союза с другой не могло бы повредить обеим, и, может быть, привело бы, в конце концов, к справедливому посредничеству. Обладатели Индии, увидев, что весь континент соединен более прочными связями, чем обычные договоры и союзы, столь легко нарушающиеся, может быть, почувствуют великую трудность производить новые потрясения и разглядят в европейском сообществе не только народ, являющийся предметом их национальной ревности, но и все другие народы, дружбою которых они пользовались. Может быть, тогда они согласятся примирить свои интересы с интересами других народов, не неся при этом значительных потерь, и нечувствительным образом подготовят себя к тому, что никто не будет исключен из торговли.

Умеренность, признаваемая современными властителями мира, позволяет надеяться, что они склонны любить человечество. Все ошибки обычно являются следствием заблуждений; исправить их — вот героическая цель. Народ Англии, связанный биржевой игрой с судьбой ее правительства, может существовать только благодаря преимуществу в торговле. Чтобы ее поддерживать, он невольно стремится отделиться от остального мира. Последствия этой изоляции будут чересчур губительными для обеих сторон, и они обе будут подвергаться опасности, если не найдут средства это исправить. Предлагаемый институт может стать стимулом для поиска этого

средства, и оно, возможно, будет, наконец, найдено, так как всем известно, что если все устремления разума и интересов направлены в одну цель, то в конечном счете эта цель должна быть достигнута. Однако необходимо время и спокойствие, чтобы это произошло. Слишком длительный период ненависть владела всеми партиями, поэтому необходимо время, чтобы успокоить далеко зашедшие пред-
рассудки и мнения.

О флорентинцах говорили, что они являют собой первый и может быть единственный пример народа, не отупевшего от коммерции настолько, чтобы не видеть пределов своего отечества за пределами своих магазинов, или что барыши не раздули настолько их гордость, чтобы презирать человеческий род и считать себе подобных выючными животными, предназначенными обогащать единственный народ, что они, сделавшись владыками морей, не жаждали одних лишь завоеваний, колоний, торгового баланса, преобладания на море.

Но поскольку торговля Англии превосходит торговлю республики Флоренции, то и слава англичан превзойдет славу флорентинцев, когда первые продемонстрируют доказательства своей умеренности. Как известно, культура, состоящая исключительно из полезных и приятных искусств и лишенная продуктивного политического опыта, стремится к уединению для умственных занятий или наслаждений, которым каждый предается на свой манер: одни стремятся что-то понять, другие почувствовать и получить удовольствие, но в любом случае с такой культурой не связаны активные классы общества. Следовало бы, чтобы общественный дух Англии понизился до степени такой культуры, но ее граждане, как нигде более, далеки от этого не только потому, что об этом позаботились законодательные и исполнительные ветви просвещенной власти, но также и потому, что активные классы там уважаемы надлежащим образом. Нация, чьи философы первыми начали исследовать природу человека, раскрыли его права и обязанности, наиболее способны воспринимать обязанности и права народов.

Почему международное право держится сегодня на весьма хрупких основаниях, а договоры между странами подобны ленте, колеблющейся на ветру? Почему не думают о том, чтобы создать совместную и принудительную силу для поддержания этого права? Потому что мысли о торговле и деньгах порождают своего рода политический

фанатизм, и потому что этот фанатизм заставляет два народа, у которого эти мысли преобладают, считать, что во всем виноват только его соперник, и что опасность одному исходит только от другого, и этот же фанатизм внушает им обоим губительное желание искать собственного благополучия в уничтожении другого.

Сен-Ламбер⁴⁰⁰ в своем «Всеобщем катехизисе» (т. III, с. 283) показывает, что то же самое действие производит национальная зависть: «потому что зависть действует на народы в целом так же, как и на отдельных людей. Соперничество между народами возникает еще до того, как один народ начинает бояться другого. Эта страсть, боязливая и скрытная, когда речь идет об одном человеке, проявляется со всей наглостью, когда речь заходит о народах. Она украшает себя словом *любовь к отечеству* и в тот момент, когда все граждане ею заражены, она начинает мнить себя героизмом. Общественный энтузиазм доходит до крайней степени. Эта страсть приводит к войнам сколь же жестоким, сколь и частым. Она заставляет вкушать отвратительное удовольствие проливать кровь. Она веселится при криках причиняемых ею же страданий. Наименее развитые и наиболее бедные народы чаще всего самые агрессивные. Они с радостью участвуют в военных походах, обещающих им добычу и жертвы».

Изложим вкратце обвинения, которые соперничающие народы взаимно выдвигают друг против друга. Франция говорит: «Как два самые просвещенные в Европе народа, чьи могущество и сила превосходят требования их безопасности и независимости, как могут они жертвовать идее пустого величия доходами от торговли, внутренним процветанием, счастьем семейств? Как не чувствуют они, что мир есть и первая необходимость, и наивысшая слава?.. Отнюдь не Франция стала причиной войны. Вспомним, что с момента своей революции она торжественно провозгласила любовь к миру, отказ от завоеваний, уважение к независимости всех правительств... Но какое европейское государство согласилось бы поставить себя в неравные условия и примириться с тем, чтобы подчинить себя желаниям другого без обсуждения прав, без обращения к принципам справедливости? Если интересы Англии должны, наконец, объяснить смысл политических договоров, то каким будет предел уступок, ожидаемых от обессиленной Франции? Какой будет мера требуемых от нее жертв и унижений? Сегодня в интересах Англии сохранить Мальту! Раньше ее интересы требовали гарантий против Франции

и разрушения Дании⁴⁰¹! И английский комиссар предписывал законы стране, над которой развивались знамена Франции! Завтра интересы Англии потребуют гарантии против успехов французской промышленности, и англичане предложат такой торговый тариф, который остановит наше индустриальное развитие. Если мы восстановим наши порты, если мы построим дамбу, если мы пророем канал, если с чьей-либо помощьюотремонтируем наши фабрики и т. д. и т. д., то от нас потребуют, чтобы мы закрыли наши порты, зарыли наши каналы, разрушили наши фабрики. Потребуют, чтобы Франция стала бедной и безоружной в соответствии с интересами Англии и предоставила бы достаточные гарантии этого ее правительству... Английский морской флот, этот грозный и страшный колосс, даже без поддержки континентальных стран может одержать верх над любой морской конфедерацией. Если в ненависти к нему поклялись все народы, заинтересованные в свободе морей, то пусть подобный союз будет угрожающим для Англии, пусть в то же время она будет вынуждена опасаться роста котировок на торговые суда, мятежей в Ирландии, высадки десанта на своих берегах, отпадения Португалии, и, следовательно, истощения металлических запасов, восстания американских колоний, разорения рыбаков на Новой Земле, революций в Индии, финансового кризиса и одновременно потрясения как политической, так и экономической систем, во всех составляющих ее частях.

Главная цель врагов Англии всегда должна заключаться в ее торговле. Если ее щадить, то война вместе со всеми ее бедами будет продолжаться, сохранение английской торговли позволит этому государству пользоваться всеми ресурсами и бесконечно продолжать военные действия... Торговля питает финансы Англии, финансы укрепляют ее флот, флот приносит новые освоения ее торговле и финансам.

Могущество Англии поддерживается искусственным путем. Она, в отличие от других великих государств континента, не имеет ни обширной территории, и многочисленного населения. Она существует в большей степени благодаря слабости континентальных держав, чем собственной силе, и не может продолжать играть взятую на себя роль без постоянного стремления ослабить континентальные страны. Но так как она не может ослабить их своей собственной силой, она стремится ослаблять их поодиночке, так сказать, их собственными силами.

Ее деньги, а также беспокойный и воинственный по своей природе дух европейских народов благоприятствуют этим замыслам и доставляют ей средства их исполнить. Таким образом, Англия раздувает пламя войны на континенте, а сама в силу своего островного положения остается в стороне от пожара, вызванного ее действиями. Мир на континенте — для нее бедствие, война — источник ее процветания... Плоды, которыми эта нация питается, она снимает бережно, никогда не повреждая корней этого смертоносного растения. Они бывают иногда подрезанными, но никогда не вырываются целиком... Она несомненно желает, чтобы народы сохраняли своих государей, подобно тому, как Фабий оставил Таренту его разгневанных богов⁴⁰², для того чтобы его богатства и земледельческая продукция жителей города были в его распоряжении. Таким же манером Англия царствует и над государями и над народами. Внешние атрибуты власти ее мало интересуют, так как она обладает ею в реальности. Ей не надо свергать королей, ей достаточно их унижить. Деньги, которые она забирает у народов, она использует на подкуп их государей, которых превращает в инструменты своей политики».

«Как нация воинственная она любит завоевания, как нация амбициозная она страстно желает господствовать, и как нация торговая она жаждет исключительных барышей» — это определение дал Франклин⁴⁰³ в письме к лорду Хау⁴⁰⁴.

Свои разглагольствования против Англии Франция заключает следующим образом: «Англичанин благодаря своему золоту был бы в Европе тем, чем был римский гражданин в завоеванных провинциях. Несомненно, если бы всеобщая монархия воплотилась в жизнь, Европа имела бы самого жесткого и самого безжалостного в его островном эгоизме хозяина из всех, каких только она могла бы иметь, и при этом она бы навязала его сама себе».

Теперь посмотрим, что Англия скажет со своей стороны против Франции. Она начнет с того, что процитирует философа из Сан-Суси⁴⁰⁵, который, описывая французов, говорил, «что их основной принцип постоянно заключался в том, чтобы захватывать все вокруг для собственного непрерывного расширения, и что их мудрость состояла в том, чтобы хитрить со своими врагами и предупреждать их происки».

Затем Англия приведет письмо французского короля английскому королю от 1792 г., в котором тот признается, что ревность Франции

причинила зло Англии, несмотря на то, что последняя давала доказательства своей дружбы. В письме говорилось: «Я пользуюсь случаем, для того чтобы сообщить Вашему Величеству, сколь высоко я ценю многократно доказанную вами дружбу. Я вас благодарю за то, что вы не захотели присоединиться к коалиции против Франции. Я вижу, что вы имеете верное суждение как о моих собственных интересах, так и о позиции, занимаемой Францией. Пусть новые связи скрепляют наши страны, и будем считать, что ревность, которая так долго царила между нами и принесла столько зла, будет постепенно утрачивать свою силу».

Для того, чтобы продемонстрировать, до какой степени Франция забыла свои торжественные обещания, Англия процитирует ноту французского посла в Лондоне в мае 1792 г., где говорится: «1) что Франция решительным образом отбрасывает всякую мысль о завоевании и расширении, 2) что она ни в коей мере не собирается вмешиваться во внутренние дела других народов». В то же время в Англии стало известно обращение, принятое Национальным конвентом 21 декабря 1792 г. к президенту Соединенных штатов Америки, где содержалось следующее место: «Соединенные Штаты Америки с трудом поверили бы, что поддержка, которую старый двор Франции был готов оказать их освобождению, была всего лишь следствием *низкого расчета*». Мы доказали перед лицом всего мира, что французский народ «во все времена был врагом Англии, что он использовал все возможности, чтобы ее сокрушить, что он всегда использовал затруднения британского правительства для нападков на него, что он всегда проявлял себя по отношению к Англии столь же враждебным, сколь и коварным».

Здесь уместно вспомнить слова Бриссо⁴⁰⁶, сказанные им сначала, 29 декабря 1791 г., в Национальном конвенте, а затем своим доверителям: «В настоящее время война благотворна для нации... надо зажечь Европу со всех сторон, только в этом, — говорил он, — наше спасение».

Для того, чтобы раздуть этот пожар, — говорят в Англии, — сначала приняли декрет от 19 ноября 1792 г., в котором «Национальный конвент от имени французского народа объявляет, что он предоставит братскую помощь и поддержку всем народам, желающим стать свободными, и поручает исполнительной власти отдать полководцами приказы, необходимые для того, чтобы оказать помощь народам

и защитить граждан, которые восстали, или могли восстать, за дело свободы».

Англичане также отмечают, что роялисты Вандеи были поддержаны ими только после объявления войны⁴⁰⁷. В Англии также замечают, что роялисты Вандеи были поддержаны англичанами только после того, как война была объявлена, в то время как Национальный конвент, напротив, поддерживал партию недовольных в Англии в мирный период.

Если бы в Лондоне стали обсуждать природу связей, существующих между Англией и Голландией, то мы бы сказали, «что легко увидеть, что завоевание Англии должно повлечь за собой падение Голландии, точно так же, как завоевание Голландии повергнет Англию как минимум величайшей опасности».

Заявленная господином Фоксом⁴⁰⁸ дружба к французскому народу не могла, однако, помешать ему самому признать 5 января 1793 г. в речи, опубликованной в «Монитере»⁴⁰⁹, следующее: «Я отнюдь не скрываю, что тот же самый дух, который при Людовике XIV угрожал всей Европе, ныне снова господствует во Франции. Я скажу больше, я нахожу его сегодня более активным, чем когда-либо».

Зато Керсен⁴¹⁰ в речи, произнесенной в Национальном собрании 1 января 1793 г. после слов: «Питт таким образом не хочет войны», он добавил в следующей части своей речи: «только на руинах Лондонской башни вы можете подписать с прозревшим английским народом договор, который определит судьбу народов».

Что до остального, то англичане читают в сочинениях Оссара (с. 13–30), «что для Франции было бы важно поднять и овладеть торговлей бельгийских провинций, подчиненных и ослабленных торговлей Голландии, угрожать Соединенным провинциям, размещать французские ассигнации в их банках, разорить лондонский банк и, наконец, завершить революцию в денежной системе. Для Франции было бы важно захватить, так сказать, в свои руки обширные торговые предприятия, эти фабрики национального процветания.., чтобы с помощью торговли Голландии сокрушить окончательно торговлю Англии, а с помощью морских сил Голландии господствовать на Балтике. Тогда для Франции стало бы необходимым заключить союз северных государств, и после ее тесного сближения с Голландией превосходство английской торговли в обеих Индиях быстро бы рассеялось».

Из этого делается вывод: «Никто с учетом всего этого не имел бы право осуждать английское правительство за то, что оно, не откладывая в долгий ящик, объявило в январе 1793 г. войну Франции. Англия была опорочена, велась работа по уничтожению ее государственности, и уже были приведены в действие все ресурсы той машины, которая должна была ее поглотить».

Не только обязанности по отношению к союзникам, которых французское правительство отдало официальный приказ атаковать 10 января 1793 г., но и сам долг по сохранению собственного политического существования (долг, для англичан во всех случаях столь же обязателен, сколь и для французов) оправдал бы в глазах целого мира объявление Англией войны против Франции. Тем не менее, британское правительство медлило и ожидало, пока чаша терпения не только наполнится, но и перельется через край, и если в данном случае в чем-то можно упрекать английское правительство, так это в излишней терпеливости.

Здесь нельзя не вспомнить окружное письмо, в котором морской министр Франции Монж⁴¹¹ угрожал английскому правительству высадкой десанта во время переговоров в 1792 г., и обещал отправить в Англию 50 000 штыков, несущих свободу.

Все эти обстоятельства продиктовали лорду Гренвиллю⁴¹² в его ответе от 31 декабря 1792 г. следующую фразу: «Если Франция действительно желает сохранить мир и дружбу с Англией, надо чтобы она продемонстрировала готовность отказаться от планов агрессии и расширения, и чтобы оставалась в пределах своей собственной территории, не нанося ущерба другим государствам, не возмущая их покой и не нарушая их прав».

Повсюду говорят: «Англия вооружилась, потому что Франция вынашивала замыслы завоевания и расширения и хотела вмешиваться во внутренние дела других народов. Все, вплоть до переговоров (не будем останавливаться на множестве фактов, разоблачающих предательскую систему правительства Франции) со всей очевидностью доказывает, что французы скорее предпочитали удовлетворять свои завоевательные амбиции и иметь войну с Англией, чем умерить свою жадность ради достижения мира».

Таковы взаимные жалобы, за которыми, несомненно, скрывается застарелая ревность, исключаяющая возможность примирения и заставляющая пылких энтузиастов желать, чтобы Англия и Франция

разделили судьбу Карфагена и Рима. В тени этой ревности, для большинства хорошо обоснованной, жадность и гордость устраивают свои дела и заливают кровью вселенную. Между тем жадность, преобладающая лишь в низких душах, стала бы бессильной, если бы гордость, которая может прорасти только в свободных умах, пожелала бы уважать справедливость, и если повсеместно было бы признано, что истинная политика в действительности может быть только вопросом справедливости, но не гордости.

Все эти жалобы и споры, как и взаимные упреки, можно свести к двум словам, что любой народ не только не желает довольствоваться дележом торговых прибылей, но напротив стремится сделаться абсолютным хозяином.

Итак, можно сделать следующее заключение: «Положение вещей таково, что ни Англия не может требовать мира, ни Франция на него согласиться».

Должна ли, в соответствии с этим заключением, настоящая война быть вечной? Об Англии всегда можно сказать, что «в данное время она не богаче, чем в иное, так как война на континенте забирает у нее те деньги, которые она же ей приносит. В этой ужасной сделке она ничего не выигрывает, а только является поставщиком демона войны».

Стоит ли терзаться жестокими сомнениями о том, какой из двух народов разделит судьбу Карфагена, а какой Рима?

Если один из них упорствует и не желает ничем поступиться ради всеобщего примирения, если все попытки бережно относиться к его интересам не могут заставить его так же бережно относиться к интересам других народов, и если тем самым он объявляет себя врагом всех, то все будут вынуждены смотреть на него как на всеобщего врага, из чего следует абсолютная необходимость самого тесного союза между континентальными державами.

Но если судить по справедливости о том, какие уступки морская держава может сделать другим народам, и насколько бережно она вынуждена относиться к ним, то здесь не следует исходить из полного равенства. Так, после войны за независимость Америки, политик, преданный интересам Франции, открыто признал следующее:

«Мы не можем полностью осуждать действия некоторых европейских дворов, направленные на расширение их торговли — это заставляет их делать соответствующая ситуация. Но их правительства

считают возможным полностью отнять торговлю у Англии и прибрать ее к своим рукам. Это самая большая ошибка, в которую впали правители после американской революции. Не всем предназначено заниматься большой торговлей, поэтому следует ограничить себя тем, что предписано, как представляется, самой природой.

Вероятно, в общих интересах отнять у гордых британцев приобретенное ими морское превосходство, но из этого не следует, что все державы станут морскими, и, тем не менее, к этому всегда стремятся кабинеты Европы. Франция — единственное государство, которое, несмотря на более чем восьмивековое соперничество с Англией, была и далее сможет быть одновременно и военной, и торговой державой, хотя по нашему мнению (если мы осмелимся его высказать), последнее ей подошло бы лучше».

Однако в то время как Европа обогащается и ослабляется (потому что каждая преобладающая держава стремится овладеть морями, хотя вначале кажется, что она всего лишь требует свободы судоходства), она полностью забывает угрозу со стороны Америки, о чем предупреждает тот же автор:

«Когда конгресс воспользуется своей независимостью и доведет свое творение до степени великолепия и прочности, как предсказывают его почитатели, новая республика, образованная его стараниями, будет населена, увеличена, укреплена, обогащена за счет всей Европы, и в первую очередь за счет народов, торгующих в этой части света. Каждая степень процветания американцев будет ударом, нанесенным процветанию народов, чьими соперниками они окажутся. Все государства должны осознать эту истину. Их соединенные усилия не помешают американцам стряхнуть (скорее, чем, может быть, считают) ярмо, наложенное на них Европой. Все, будь то поселенцы или аборигены, все стремятся к одной и той же цели, и рано или поздно ее достигнут».

Но все эти возможные революции в торговле и в колониальной системе опасны лишь тогда, когда они составляют предмет дискуссий, разделяющих в настоящее время народы, и когда являются следствием монополий, которыми страны-основательницы обременяют колонии.

Как раньше в Европе, крепостные, приписанные к земле, были поставлены лицом к лицу с собственниками земли, так и теперь ко-

лонии вынуждены работать и потреблять в интересах их страны-основательницы. Все собственники считают, что они станут жертвой вопиющей несправедливости, если крепостные получают свободу, даже если при этом они добровольно будут продолжать работать на них. Собственники земли забывают, что класс крепостных принадлежит к человеческому роду, что он не может быть низведен до уровня животных, которых мы используем для нашего удобства, и заботимся о них ровно столько, чтобы поддерживать их существование. Что же касается самих собственников, то они очень хорошо понимают, что человек не может использоваться как средство в интересах другого человека, и что целью его действий должно быть счастье, совместимое со счастьем других. И тем не менее они не руководствуются этим принципом в отношении к своим крепостным. Крепостное право было отменено в большинстве стран Европы, несмотря на упорную борьбу частного и общественного интересов, когда верховная власть пришла на помощь просвещению, и сами собственники, лучше осознавшие свои истинные интересы, теперь признали, что экономически они только выиграют, если свободные руки будут стремиться к усовершенствованию земледелия как в своих собственных интересах, так и в интересах собственников земли.

Как только идеи меркантилизма перестанут преобладать над общим интересом, как только правители равным образом разделят метрополии и колонии, последним не надо будет избавляться от европейского ярма, потому что они не будут больше угнетены. Первые расходы по учреждению колоний должны быть возмещены, и монополия страны-учредительницы или компании, которая потратилась на их основание, является вполне заслуженным вознаграждением. Но если от них требовать большего, то колонии вынуждены будут подражать примеру англо-американцев.

Но этот акт справедливости почти невозможен при разобщении народов. В то время как одна из наций увеличивает свои силы благодаря колониальной системе, другие при виде опасности, исходящей от ее превосходства, вынуждены подражать ее примеру и всеми средствами стараться отнять у нее этот ресурс. Итак, продолжение гнета может сделать колонии грозными и опасными для Европы.

Зато прочный союз между народами, обеспечивающий каждому стабильность его положения, не сможет заставить никого из них искать безопасности в притеснительной системе. Тогда сила отдельных

государств будет зависеть от общей силы союза. При континентальных войнах, уменьшающих общую силу, могущество отдельного народа уменьшается пропорционально общему ослаблению. В настоящее время победы порождают в обществе такие же предрассудки, как и поражения, и государства становятся относительно сильнее только тогда, когда они перестают ослаблять друг друга.

Этот союз народов абсолютно необходим для того, чтобы защитить Европу от угрожающей ей опасности. Когда одна страна привлекает богатства другой страны через торговлю или промышленность, число ее жителей увеличивается, а число жителей другой страны уменьшается, но при этом общая сила Европы ничего не теряет, разница только в месте. Но разобщенные народы трясутся за свою собственную безопасность, и при виде все большего процветания своих соседей они вынуждены стремиться к их ослаблению. Зато в мирном союзе не будет никаких оснований бояться процветания соседей. Если какой-нибудь народ теряет какую-нибудь из отраслей промышленности или торговли, то он старается компенсировать эти потери за счет развития другой отрасли. В результате открытия мыса Доброй Надежды итальянцы, и главным образом, венецианцы потеряли преимущества в торговле с восточной Индией, и, не будучи достаточно сильными, чтобы разрушить торговлю португальцев и испанцев, они занялись развитием шелковой промышленности. Их потери были возмещены без ослабления общеевропейских сил.

Когда все единодушно сходятся в том, что обязательства, налагаемые силой, не имеют никакого или почти никакого значения, то что можно ждать от заключаемых доселе договоров, основанных на временном силовом превосходстве? Правы те, кто полагают, что действовать по принуждению — удел животных и рабов. Соглашения между самыми величественными образованиями в человеческом сообществе, коими являются нации, должны перестать носить принудительный характер.

Однако нельзя сказать, что каждое принуждение основано на физической силе. Есть и моральное принуждение, обусловленное страхом или преступным желанием достичь какой-либо цели. Если размышлять о приказе, выполнение которого связано с риском для жизни, и который одновременно получили влюбленный и раб, то следует признать, что первый исполнит этот приказ быстрее. Почему бы из этого не заключить, что осторожность и любовь к отечеству,

способные породить чисто нравственную силу для внушения твердого и нерушимого обязательства, станут единственным мотивом свободной и добровольной подписи договаривающихся сторон?

Если общепризнанной истиной является то, что правительство государства, в котором царит только ужас, ошибочное и опасное, и что образцом доброго правительства, умеющего внушать гражданам любовь к мудрым законам, охраняемым с надлежащей силой, может служить дом частного лица, в котором хозяин добр по отношению к верным слугам и суров по отношению к преступным, готовым взбунтоваться, то из этого следует вывод: для того, чтобы политические связи между народами были стабильны и нерушимы, необходимо, чтобы их взаимные обязанности были внушены им не силой, безотносительной к справедливости, но справедливостью, подержанной силой.

Мир, налагающий на народы обязательства, является результатом либо полной победы одной из сторон, либо взаимной усталости, либо умеренности. Только в последнем случае он является желанным, потому что только в этом случае он основан на справедливости. Мир, являющийся следствием усталости, есть только перемирие, а мир, являющийся результатом полной победы, когда победитель получает все, есть следствие чрезмерной силы, и победитель, будь он даже истинным героем, будет злоупотреблять этим миром даже помимо своей воли.

Кажется, последнее возражение, которое можно было бы привести против задуманного союза, состоит в следующем: каждое правительство, являясь членом союза, будет вынуждено естественным образом подчиняться воле большинства, и в силу этого оно утратит часть своей независимости, обычно столь ревностно оберегаемой.

Независимость, безусловно, составляет одну из наиболее ценных прерогатив каждого государя. Вся его политика направлена главным образом на ее защиту, и, в условиях разобщенности народов, она является единственным защитником безопасности державы. Но лишить себя и других возможности приносить вред и добровольно уступить что-то, прежде чем несчастные обстоятельства заставят это сделать из-под силы, разве это означает действовать против интересов своего государства? Сколько было случаев, когда государь, злоупотребляя своей независимостью, навлек на себя самые ужасные бедствия? И нередко в несчастье такой государь думал, насколько было бы

для него полезнее хотя бы незначительное ограничение собственной независимости! А сколько можно насчитать монархов самых могущественных и самых удачливых, которые порой вынуждены были действовать против собственного желания и соглашаться на самые неприятные условия? Филипп II, владыка почти половины света, вынужден был признать мятежную провинцию независимой республикой⁴¹³. Людовик XIV, самый могущественный и самый удачливый из всех монархов своего времени, вынужден был лишиться престола своего собственного внука⁴¹⁴. Англия, эта владычица морей, для того чтобы успокоить свои восставшие колонии, вынуждена была предоставить им свободу на суше и на море. Являлись ли все эти действия проявлением независимости? Нет или да, не имеет значения, так как в любом случае слабость или умеренность заставляют согласиться с желаниями других. Слабость имеет только название независимости и умеренности. Наиболее славной представляется умеренность победителя, но эта умеренность поистине будет еще в большей степени достойна почитания вселенной, если она восторжествует, прежде чем война опустошит землю.

Можно сказать, есть две независимости: одна по праву, другая по факту. Первая принадлежит всем народам, свободным от клятв в верности сеньору. Фактическая независимость обладает множеством модификаций от *максимума*, когда порой она может безнаказанно оскорблять другие народы, до *минимума*, когда она низводится до того, чтобы терпеть оскорбления других.

Печальным обстоятельством для политики является то, что самые могущественные империи мира обычно стремятся присвоить себе максимальную степень независимости, а кончают тем, что вынуждены довольствоваться минимальной. Какой урок Провидение дает народам, показывая воочию, что процветание государства заключается не в безмерности его могущества, а в его умеренности! Если все злоупотребления вредны, то разве не вредно злоупотребление могуществом? Следовательно, всякая независимость есть только счастливая возможность не наносить и не получать оскорбления. Но этого нельзя достичь ни без союза, который мы берем на себя смелость предлагать, ни без небольших уступок, которые требуются самой природой вещей.

Мы говорим о независимости, не задаваясь предварительно вопросом, что такое независимость? Я придерживаюсь того мнения, что

она есть не что иное, как свободная воля. Кто даст мне определение свободной воли, получит определение независимости.

Независимость предполагает возможность делать все, что хочешь, но это право есть у всех и не может принадлежать кому-то в отдельности. По крайней мере, поскольку всякое государство есть всего лишь собрание людей, то высшая степень совершенства, на которую может претендовать человек, есть в точной мере высшая степень совершенства, на которую должно претендовать государство. Никто не сомневается больше в том, что ни при какой форме правления человек не может быть независимым. Поэтому следовало бы претензии государства на независимость сравнить с претензиями на независимость дикаря. В состоянии дикости или в положении цивилизованного человека совершенствуется человеческая природа? Женевский гражданин⁴¹⁵, известный краснойбай, выступающий против общественных связей, несмотря на собственное идолопоклонство свободе, вряд ли бы захотел сделаться готтентотом или ирокезом⁴¹⁶.

С того момента, когда государства смогут создать сообщество народов, они больше не будут думать о своей воображаемой независимости. Цивилизованные отношения предполагают наложение обязанностей, но широко возмещают их правами, которые гарантированы каждому индивидууму строгим соблюдением первых.

Народы, желающие пользоваться безопасностью, целостностью и независимостью, вынуждены по справедливости уважать безопасность, целостность и независимость других народов. Пользоваться правами и считать себя при этом свободным от обязанностей, значит претендовать на невозможное. Теперь даже правители не имеют претензий к своим подданным, так как же народы, не имеющие верховенства друг над другом, могут иметь друг к другу что-то подобное?

Посмотрим, что говорит знаменитый Кант⁴¹⁷: «Народы, в качестве государств, можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т. е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга и каждый из них в целях своей личной безопасности может и должен требовать от другого совместного вступления в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право. Это был бы союз народов, который однако, не должен быть государством народов. Последнее означало бы противоречие, ибо всякое государство содержит в себе отношение высшего

(законодателя) к низшему (повинующемуся, т. е. народу). Многие народы в государстве (так как здесь мы рассматриваем право народов по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) образовали бы только один народ, что противоречит предпосылке.

Уже из того, что мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают вести бесконечные распри, а не подчиниться законному, ими же самими организованному принуждению, тем самым предпочитая безрассудную свободу свободе разумной, и считаем это грубостью, невежеством и скотским унижением человечества, следовало бы заключить, что культурные народы (каждый сам по себе объединенные в государство) поспешат как можно скорее выйти из столь порочного состояния. Но вместо этого каждое государство видит свой суверенитет именно в том, чтобы не быть подчиненному никакому внешнему законному принуждению.

В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из незаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватило бы все народы Земли.

Но исходя из своего понимания международного права, они решительно не хотят этого, отвергая тем самым *in hypothesis*⁴¹⁸ то, что верно *in thesis*⁴¹⁹. Поэтому не позитивная идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, устраняющего войны, постоянного и непрерывно расширяющегося, может сдерживать поток антиправовых враждебных намерений, сохраняя, однако, постоянную опасность их проявления.

Но разум с высоты морально законодательной власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, вменяет в непосредственный долг мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам

и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться (подобно людям в естественном состоянии) публичным законам и их принуждению... Нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, но необходимое дополнение неписаного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человека вообще и, таким образом к вечному миру. И только при этом условии можно льстить себя надеждой, что мы постепенно приближаемся к нему.

Некоторое количество разумных существ в своей совокупности для поддержания жизни нуждаются в общих законах, но каждое из них втайне склонно уклоняться от них. Речь идет о том, чтобы так организовать их устройство, чтобы, несмотря на противоположность их личных побуждений, последние настолько парализовали друг друга, что в публичном поведении людей результат был бы примерно таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений. Такая проблема должна быть разрешимой. Ведь дело идет не о моральном улучшении людей, а только о механизме природы, о котором, согласно задаче, требуется узнать, как можно было бы воспользоваться им применительно к людям, чтобы так направить в народе столкновение немирных побуждений, что они сами заставят друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом необходимо осуществят состояние мира, в котором законы имеют силу».

Но если в силу самой природы предполагаемого союза одно государство вынуждено будет уступать желанию большинства, и, так сказать, по справедливости возмещать некоторым образом оскорбление, которое этим наносится главам государств, то разве кто-нибудь сочтет, что такого рода возмещения делают их достойными презрения? Напротив, каждое правительство, втайне уверенное в том, что справедливость зависит от силы государства, не дожидаясь решения большинства, само согласится на все, что справедливо.

В любом случае этот пункт представляется важным только для тех народов, которые довольствуются в своей практике применением силы, другие же от этого только выиграют. К тому же державы, которые ныне действительно сильны и независимы, имеют перед глазами

многочисленные примеры (как из древности, так и из нового времени) того, что, если видеть вещи такими, какие они есть, то ни одна власть не является несокрушимой.

Даже если не придавать значения мнению Макиавелли, утверждавшего: «После блистательного начала слабый государь вполне способен сохранить власть, но после слабого государя, если ему наследует другой такой же слабый правитель, последний не сможет уберечь государство», — следует согласиться с тем, что любая подлинная независимость страны не может заключаться ни в превосходстве ее армии, ни в слабости соседей, но только в удачном соединении физических и нравственных сил и только при том условии, что все соседи заинтересованы в сохранении незыблемости положения этой страны.

В любой державе, основывающей собственное процветание на слабости соседей, только черед великих гениев и добротность строго соблюдаемых законов могут обеспечить этот необходимый для укрепления ее независимости союз физических и нравственных сил. И хотя история крайне редко представляет нам подобные примеры, еще печальнее видеть, что лучшие законы, люди, наделенные величайшими талантами, не в состоянии объединить нравственные и физические силы в стране, давно находящейся под угрозой со стороны соседей.

Но как только эта опасность исчезает, и процветание достигает высшей степени, в тот момент начинается порча нравов, разобщение сил, наглое угнетение слабых, поднимается всеобщее недовольство и государство разрушается. Это подтверждает замечание философа Канта: «Законы всегда теряют в своей силе по мере того, как правительство выигрывает в пространстве. Деспотизм, убивающий души и душащий зародыш добра, рано или поздно вырождается в анархию».

Автор покорнейше требует снисхождения за то, что его любовь к человечеству позволяет ему льстить себя надеждой, что осуществление его проекта надолго предупредит все несчастные катастрофы, и позволит смертным наслаждаться самым прочным и нерушимым спокойствием, к которому они, кажется, теперь проложили себе путь, работая над возделыванием всеобщего духа.

Какое действие на умы должно производить созерцание развалин империй? Можно ли их уподобить человеческому телу и утверждать, что они так же рождаются, растут и, наконец, приходят в упадок? Нет.

Потому что аналогия между общественным телом и телом человека несправедлива. Самый воздержанный из людей, избегая всех излишеств и всех несчастных случаев, способных нанести вред его телу, может только на некоторое время отодвинуть свою старость, но в итоге в его изношенном теле жизненные силы затухают, и он умирает. Отчего это происходит? Оттого, что его тело не обладает способностью к обновлению. В то же время общественное тело также может вырождаться, но подобно величественной реке, постоянно обновляющей свои воды, оно не может полностью угаснуть. Глядя на могилы людей, мы видим только неизбежный финал их жизни, тогда как обломки империй говорят нашему созерцанию об ошибках, которых можно было избежать. Их причиной всегда является вырождение духа в социальном теле. Китай нам являет пример того, что всегда остается возможность возрождения, и даже тогда, когда предупредить разрушение слишком поздно или невозможно. Итак, для того чтобы возродить державу из руин, не следует прибегать ни к расширению ее территории, ни к ослаблению соседей, ни к чрезмерному количеству войск, ни к сокровищам, ни к заполненным до предела оружейным складам. Но следует стремиться к сочетанию процветания одного государства с процветанием всех остальных, к тому, чтобы истинный дух в социальном теле никогда бы не вырождался или по крайней мере был в состоянии энергично восстанавливаться.

Если бы в союзе народов кто-то осмелился предложить уловку, способную ослабить единство физических и нравственных сил мощного государства, то для такого государства было бы опасным уступать союзу какую бы то ни было часть своей независимости. И кто сможет его к этому принудить, если он всегда с достаточными силами стоит на страже своих интересов и умеет их увязывать с интересами соседей? Тем более что все самые слабые народы, допущенные в союз, не могут и не должны иметь большого веса, при неперменном условии, что две или три мощные державы, превосходящие их в силе, будут во всем с ними равны. Равное преимущество в силах будет, безусловно, выгодно для слабых, так как угрожаемые с одной стороны, они будут иметь опору с другой. Для сильных оно будет также выгодно в том отношении, что они с трудом смогут решиться на применение силы с учетом того, что присоединение слабых государств к тому, на чьей стороне будет справедливость, ослабит их силы.

Против того, что самые сильные объединяются для уничтожения самых слабых, нет никакого средства, кроме внутренней убежденности, что они тем самым делают шаг к собственной гибели. Когда между двумя или тремя великими империями нет государств средней силы, то где искать народы, заинтересованные в их процветании? Предоставленные сами себе, они могут только бояться, как бы другие не превзошли их в могуществе. Отсюда рождается зависть, приводящая к войне, которая заканчивается уничтожением одной из них. Уничтожение предмета зависти приносит вместо безопасности возрождение духа в общественном теле, и в итоге оборачивается для победителя таким же поражением.

Наиболее могущественные державы вместо того, чтобы ревниво заботиться о взаимном паритете сил, могут и должны следить за тем, чтобы средние государства не достигли бы равного с ними положения. Прежде всего потому, что это дает заразительный пример для новых войн, а также и потому что, как справедливо замечено, «маленькие государства надеются увеличиться за счет больших, и опыт доказывает что когда играют все против всех, слабым везет больше, чем сильным. Так Пруссия, Сардиния, Голландия из маленьких провинций, какими они когда-то были, превратились в самостоятельные государства. Их возвышали храбрость, удача, иногда отчаяние, и большие державы способствовали их формированию и округлению». Эта легкость расширения сможет привести, в конечном счете, к системе равновесия, при которой Европа уже испытала столько бедствий. Вместо вышеупомянутой взаимной ревности сильные государства должны поддерживать между собой дружбу и убедиться, что гарантией этой дружбы является существование между ними средних государств, и что следует воздерживаться от того, чтобы их присоединять или уничтожать. Тогда в новом свете предстанет замечание Мирабо⁴²⁰, сказавшего, «что во все известные периоды истории самыми прочными союзами всегда были союзы, соединяющие народы, разделенные большими расстояниями».

Подобно тому, как любой человек, если он не является слабоумным, должен испытывать некоторый страх и надежду при демонстрации своих способностей и добродетелей, также и каждое государство вместо того, чтоб стремиться к абсолютной безопасности, должно оставаться в таком положении, когда ему есть чего бояться и есть на что надеяться. Где еще патриотический дух может показать себя, как

не в событиях, последствия которых не предсказуемы? Где героический дух может проявить себя во всем блеске, если нет ни сильных, ни слабых? Пожертвовать своим могуществом, своим состоянием, своей жизнью во имя общих интересов человечества — вот героизм! вот патриотизм! Только в этом случае, а не в условиях разобщения народов, когда герой одной страны был бичом для другой, можно проявить все свое истинное величие.

Почему такая разница между патриотизмом Леонида⁴²¹ и патриотизмом Сципиона младшего⁴²², разрушителя Карфагена!? Потому что Греции грозила гибель, а Рим следовал только своим амбициям. Леонид со своими товарищами пожертвовал жизнью не только во имя своего отечества, Спарты, но и всей Греции, героически защитив жизни других греков. Сципион, почти уверенный в собственном превосходстве, под развалинами Карфагена похоронил независимость всех народов мира, и этим самым подкопал фундамент римской империи.

Но не только амбиции разжигали между карфагенянами и римлянами смертоносное пламя, которое могло погасить только уничтожение одной из сторон. Зависть, и главным образом желание мстить за истинную или воображаемую вину усиливали их взаимную вражду. Эта жестокая и ужасная страсть оборачивалась кровавыми катастрофами в древнем мире. Это была не только ярость одного народа против другого, но и личная неприязнь между семьями, стремящимися, подобно хищным животным, утолить свою ярость. Ганнибал⁴²³ почти с материнским молоком впитал в себя желание отомстить римлянам, и те же причины породили аналогичное желание у юного Сципиона.

Чем дальше мы углубляемся в древность народа, тем более мстительный характер мы у него обнаруживаем. Дикарь по ярости не отличается от животного, варвар не знает границ необходимой обороны, простирая их до мести, полудивилизованный человек считает, что поступает справедливо, предаваясь мстительному бешенству, и только культура развитого ума доказывает со всей очевидностью, что поскольку месть из всех страстей является самой губительной как для гражданских, так и для политических обществ, то ее можно назвать антиобщественной страстью.

Все другие страсти, более или менее обузданные, могут из разрушительных для общества превратиться в полезные. Но месть, ставшая принципом политической системы и внушаемая одному народу против

другого, способна лишь навсегда сохранять мстительные побуждения в народе, который сам в свою очередь стал жертвой чужой мести. Итак, нет конца этой ярости; каждый народ мстит за нанесенное ему оскорбление, и это оскорбление является в свою очередь мстостью за еще более раннее оскорбление, заставляющее народ, которому мстят, набравшись достаточных сил, мстить в свою очередь.

Этой чумной страсти можно, однако, положить конец очень простым способом. Для этого надо, чтобы о поведении одного народа сказали то, что в свое время говорили о Генрихе IV: «Он умел побеждать и прощать»⁴²⁴. Кто не почувствует, сколь возвышено это высказывание и сколь возвышено такое деяние? Цезарь и некоторые знаменитые люди древности прощали некоторых из своих врагов. Генрих IV простил целый народ. Древние считали, что доблесть требует иногда прощать обезоруженных врагов. Генрих IV, прежде чем простить, сделал добро городу, который он осаждал⁴²⁵.

Вот различие между христианством и язычеством. Богоизбранный народ был далек от этого совершенства. Он часто поддавался мстительному бешенству, пока, наконец, не пал в этой нескончаемой борьбе, отвечая мстостью на мечь, и пал он таким образом, чтобы никогда уже не подняться. Ни этот народ, ни другие его современники еще не созрели до того, что принять за религиозную догму, и тем более следовать ей, выражение: «прощать обиды».

Божественный законодатель, давший эту заповедь, напрасно учил тому, что высшая степень душевного величия должна являть себя в действии. Он терпеливо сносил самые кровные обиды и подтвердил свою божественную миссию, прося за своих палачей: «*Parce illis, quia ne sciunt quid faciunt*».

Народы, следующие Евангелию, уже пользуются бесчисленными благами христианской религии. Единственно ей они обязаны уровнем своей цивилизации и просвещения, отличающим их от других народов. Однажды они достигнут той высшей степени совершенства, которая предполагает «всепрощение взаимных обид».

Зачем откладывать этот день! Зачем оставлять потомству честь, которая может прославить наш век! Что мешает этому? Ничто, кроме ничтожных страстей, над которыми великие души всегда способны восторжествовать.

До образования общества человек не имел других обязательств, кроме как перед самим собой. Он был и естественным образом дол-

жен был быть эгоистом. Также и в отношении народов: пока они не соединятся нерасторжимыми связями, пока не определятся в своих взаимных обязательствах и не обеспечат всем и каждому незыблемое положение, все договоры, все союзы будут уступать национальному эгоизму. Пока не угаснет закоренелая зависть, будет существовать озлобленный дух патриотизма, который с праведной любовью к отечеству соединяет ненависть ко всем другим народам.

Поскольку очевидно, что в гражданском обществе любовь к самому себе уступает любви к общественному благу только у малого числа просвещенных граждан, то из этого можно заключить, что при ассоциации народов национальный эгоизм полностью не угаснет, хотя небольшое количество просвещенных умов от него избавится. В обычном обществе каждый гражданин имеет возможность действовать как в общих, так и в личных интересах. Большая часть, как правило, плохо воспитанная, имеет ложные понятия (личное благо для них слишком близко, а общественное слишком далеко), легко склоняющие их к ошибкам. Сообщество народов, идущее вслед за человеческим обществом, сильно от него отличается. Там, где действующей силой является элита народа, там, где искусное воспитание идеальных государей удаляет их от рифов лести, там личное благо правителей находится в тесной и ощутимой связи с народными сообществами.

Зачем отчаиваться в приверженности правителей к общественному благу, если еще до образования союза народов мы в наши дни видели могущественного правителя, использовавшего свои главные силы для защиты своих союзников. Усилия, которые он прилагает для того, чтобы принести самый что ни на есть прочный мир, должны увековечить славу его имени, и самое отдаленное потомство будет иметь больше почтения к имени «Первый», чем имени «Великий».

Мы восхищаемся героизмом Горация Коклеса⁴²⁶, закрывшим перед врагом проход через мост, и героизмом Леонида, закрывшим проход через ущелье. Но другой могущественный государь рисковал своей жизнью всюду, где он считал, что может спасти Европу. Когда неодолимая буря грозила ему катастрофой, он сумел встать выше личных интересов и пожертвовать ими, для того чтобы спасти страждущее человечество от ужасов войны. Хорошо известно, в силу каких роковых обстоятельств этому двору невозможно было сохранить мир. Но даже открытые декларации врагов свидетельствуют о его мирных

намерениях. Бриссо, видевший в войне благо для Франции, говорил об этом на открытом заседании 20 и 29 декабря 1792 г.: «Я должен вас заверить, — говорил он о поведении австрийского двора — его глава любит мир, хочет мира... колебания венского кабинета не грозят нам войной со стороны императора. Как государь он хочет мира, как глава германской империи он делает вид, что хочет войны».

Несчастье — испытание для любой добродетели. В выигрышной ситуации она особенно отчетливо проявляется, если не забывают, что сила должна руководствоваться справедливостью.

Несмотря на любовь к миру, несмотря на преданность счастью человечества, естественное состояние, в котором все еще остаются народы по отношению друг к другу, недостаток их союзов и сообществ ставят даже самые могущественные из них перед ужасной альтернативой: или постыдно ожидать собственную гибель, или подвергнуть себя риску войны, стараясь предотвратить гибель. Пример единственного исключения из этого правила являет нам Дания. Посреди угроз, потрясений и разрушений, оставаясь неизменной в своих миролюбивых принципах, она сумела избежать наступательной войны, и мужественно защищая свои очаги, заслужила должное уважение. Правда, этому немало способствовало то, что Дания по счастью относится к державам средней силы. Могущественные государства, как и высокие строения, наиболее подвержены ударам молний.

Если мы посмотрим на Швецию, некогда поддавшуюся демону войны, то ее современное поведение со всей очевидностью показывает, что она умеет ценить мир. Этот народ при Густаве Адольфе⁴²⁷ взялся за оружие, чтобы защитить человечество, угнетаемое религиозной нетерпимостью. Несмотря на то, что Швеция быстро потеряла героев, приведших ее к победе, она счастливо окончила эту справедливую войну, которая в течение тридцати лет была источником бедствий Германии, и принесла мир, представляющий в миниатюре то, что народы должны сделать в общеевропейском масштабе⁴²⁸. Этот мир стал бесполезным и даже предосудительным, когда неистовство Карла XII, подражавшего Александру Македонскому, пролило кровь шведских подданных. Подобные испытания, несомненно, подскажут этой уважаемой нации не проливать свою кровь против всеобщего примирения, но скорее принести жертву ради уничтожения политической нетерпимости. Ведь именно Швеция

была первой страной, которая эффективно противостояла нетерпимости религиозной.

Если говорить о Германии в целом, то ее склонность к миру не вызывает ни малейшего сомнения. Были даже авторы, которые позволяли себе выступать против безразличного отношения к угрожающему ей политическому рабству. Они говорили: «В этой империи холодная философия гасит любовь к отечеству, заменяет эгоизм пышным словом “космополитизм” и даже воздаст хвалу врагу, под гнетом которого томится отечество». Но ошибка отдельных людей не может отражаться на всем достойном уважения народе, который некогда в течение тридцати лет защищал свою независимость, который с того момента, как Максимилиан I⁴²⁹ установил в Германии общественный мир, служил самой надежной опорой в старом европейском балансе сил. Приведенные выше упреки имеют другую более реальную причину, и объясняются не ошибкой, а самим устройством германской нации. Один уважаемый государственный деятель⁴³⁰ этой страны отмечал: «Мы перестали, — говорит он, — быть немцами, потому что мы разделились и хотим быть баварцами, ганноверцами, саксонцами и т. д. Сила Германии ушла из ее тела в члены, потому что ей не хватало души, чтобы держать их в повиновении. Зависть одной части к другой сильнее, чем настроенность по отношению к иностранцам. Народы Германии больше боятся уступить что-то друг другу, чем потерять независимость Германии».

Приводят еще и другую столь же важную причину. В то время как Германия давала себе законы, сама думала о своих национальных делах и сама их решала, заключала мир и объявляла войну, каждый свободный немец считал своим долгом защищать отечество на собственные средства. Если бы направление всех сил было сосредоточено в одних руках, тогда достижение главной цели такого союза — мира, свободы и независимости — было обеспечено.

Но главная ошибка в устройстве германской империи состояла в полном отсутствии принципов, которыми должны были руководствоваться ее отдельные части в своем стремлении к общему благу. Отсюда появилось множество непоследовательностей, противоречий, а также частный интерес все больше терял из виду общее благо. Каждое отдельное государство, весьма далекое от общего интереса, думало только о самом себе и не только не стремилось помогать другому государству, соединенному с ним самой судьбой, но и старалось

вредить ему и даже осмеливалось открыто объявлять себя его врагом. Государства, образующие союз, и их главы стремились только к тому, чтобы наложить на себя новые цепи и освободиться от тех, которые были обусловлены их союзом.

Германия может и должна так же благотворно влиять на судьбу Европы, как, по словам Мирабо, Бранденбург влиял на судьбу Германии: «Существование прусской монархии, — говорит он, — кажется мне необходимым для политической свободы Европы, и единственное государство с германскими законами, которое дает ей двадцать миллионов человек, а также бесчисленные преимущества жить в маленьких государствах, достойно того, чтобы советники дали обещание сохранить его неприкосновенность».

Мы сделали обзор той части Европы, которая не подвергалась гнету римлян, той части, откуда вышли народы, уничтожившие господство завоевателей мира. Суровость климата наделила их силой характера и возможно сделала бы их бичом человечества, если бы они были погружены в такое же состояние варварства, как и их далекие предки. Но благодаря превосходным гениям, вышедшим из их среды, благодаря героизму их новых правителей, достигшее их просвещение заставляет их с ужасом смотреть на такую возможность. Человечеству нечего их бояться. Посмотрим, что можно ожидать, от тех, кого называют югом Европы и которые были под властью римлян.

Предпочтут ли на иберийском и португальском западе, где современное положение вещей требует борьбы, систему мирного союза? Эти народы ненавидят любое иностранное господство. Карфаген и Рим никогда не могли полностью ими овладеть. Мавры дали тому еще более кровавое доказательство. Они могли обеспечить свою политическую независимость только за счет независимости тех народов, которые представляли угрозу их собственной независимости. Они начали с завоеваний обеих Индий и, благодаря своей беспримерной храбрости, став хозяевами богатств этой огромной страны, решили, что скоро смогут купить господство над миром.

Обманчивая надежда! Богатство, которого они жаждали, привело их к бедности. Расширение границ их владений уменьшило их относительные силы! Все страдания, причиненные ими обеим Индиям, не спасли их от катастроф, и они вынуждены были страдать в свою очередь. Точно так же это было у народов, с некогда преобладающим

духом рыцарства, достойным уважения и предписывающим всем жертвовать во имя чести, справедливости и защиты слабых. Можно было ожидать, что они будут такими же жертвами подобных несчастий, как и мавры, но только в еще большем масштабе.

Когда же речь заходит о двух народах, уже много веков соперничающих между собой, то на этот счет мнения европейцев разделяются. Одна часть считает, что Франция, а другая утверждает, что Англия, всегда хочет войны. Мы приводили их взаимные обвинения и делаем вывод, что причиной, заставляющей их не признавать никаких мирных договоров, является то, что они открыто говорят о тщетности любого из подписанных до сих пор договоров.

Но именно этим двум народам мир особенно необходим, потому что они больше всего заняты торговлей, требующей свободы, несовместимой с яростью войны. Ни к кому в большей степени, чем к этим народам не подходит суждение знаменитого Ламимеди, который говорил: «Обмен есть основание торговли и легко увидеть, что люди и народы вообще не только имеют право его осуществлять, но и вынуждены это делать законами самой природы, так как это единственное средство сохранить и усовершенствовать свое существование и существование своих людей. Я говорю “вообще”, потому что, если бы какая-нибудь нация была достаточно богата, для того чтобы обеспечить себя, свое счастье и процветание, как природной, так и промышленной продукцией, она не нуждалась бы в том, чтобы заниматься торговлей. Эта обязанность является не абсолютной, но гипотетической и условной, основанной, так сказать, на нуждах, которые испытывает народ, но не на законе, которые его к этому принуждают. Побуждая меня беречь или улучшать свою жизнь в той мере, в какой мне позволяют мои силы, эта обязанность дает мне еще и права, без которых я не могу исполнить ее предписаний. Не имея другого средства удовлетворить свои нужды, кроме обмена излишка путем торговли, необходимо, чтобы я еще имел право это сделать. Право торговли вообще есть естественное и полное право, его нельзя отнять у человека, не совершив при этом величайшей несправедливости».

Торговля требует взаимных жертв, но должна быть защищена самым прочным учреждением, каким до сегодняшнего дня была система политического равновесия, о которой Мирабо говорил: «Она еще и сегодня остается приманкой, которой пользуются интриганы для обеспечения собственных корыстных интересов, и дежурной

фразой, за которой глупцы пытаются скрыть свою глупость. Европа опустела и разрушилась в преследовании этой фантастической цели».

Необходимо, чтобы международные права гарантировали государствам возможность развивать свою торговлю и управлять ею. И если мирный союз должен иметь главной целью безопасность каждого входящего в него государства, чтобы никакое государство не достигало могущества, позволяющего ему подавлять другие государства, из этого вовсе не следует, что когда какое-нибудь государство под мудрым правлением увеличивает свои силы и свое процветание и не захватывает при этом соседние страны, ему необходимо поставить препятствия, или, еще хуже, объединиться для того, чтобы понизить степень его процветания. Напротив, союз должен защищать такое государство так же, как в гражданском обществе правительство защищает всех людей, вне зависимости от того, богаты они или бедны. И когда другие народы будут стараться подражать тем народам, которые лучше управляются, их соотносительная ситуация останется прежней.

Я не считаю, что соперничество между Англией и Францией должно быть вечным. При Филиппе, победителе Бувине⁴³¹, они чуть было не объединили свои интересы и не ввели управления одними и теми же законами. Мнение, что француз и испанец являются антиподами по отношению друг к другу, кажется совершенно ложным. Семейный договор примиряет интересы, которые раньше казались непримиримыми. Я не считаю, что дух рыцарства, воспламенявший души древних, частично не передался их потомкам. Но я вижу, что эти два народа изобилуют зодчими, и вплоть до наших дней Эдинбург и другие подобные места знают произведения их труда. Всеобщий архитектор предназначил эти народы работать над воплощением самого великого труда — приближать Его царствие...

Величие, на которое претендуют эти два народа, опережающие друг друга во зле, проливаемом ими на человечество, вместо этого начнет между ними доблестное соревнование в пользу, которую они смогут принести. Недалек момент, когда они воплотят в жизнь аксиому, признаваемую их философами: «Для того чтобы стать великим, надо быть хозяином самого себя. У нас нет более страшных врагов, чем мы сами, и кто сумеет их победить, тот, по мнению мудрецов, сделает больше для славы, чем, если бы он завоевал вселенную».

Впрочем, каждый народ должен или завоевать весь мир, или вместе с другими народами создать федеративную систему, потому что его богатства, превосходящие его силы, подвергают его опасности, исходящей от других народов, более многочисленных и более бедных, чем он. Так было с Тиром, Сидоном и Карфагеном.

Тому, что швейцарцы радуются проекту мирного союза, никто не удивится, узнав, что основополагающая доктрина их политики была: «никогда не думать о расширении своих границ, но оставаться такими, какие они есть». Какое удовольствие для них видеть, что после тысячи испытаний народы признают мудрость их системы! Какое другое, более благородное, применение могут они найти излишку своего населения, как не предназначение защищать всеобщий мир, вместо того, чтобы, как раньше, предоставляя своим войскам сдаваться иностранным державам, они могли удовлетворять свою доктрину, всегда соблюдая строгий нейтралитет и, не давая никому повода для жалоб и зависти.

Их честолюбие должно стремиться к тому, чтобы о них говорили так, как говорили о древних лакедемонянах: «Благословенная республика Ликурга⁴³², отныне использующая свои силы только для защиты слабых и обеспечения прав справедливости, заслужит вскоре уважение и дружбу всей Греции».

Сама природа, поместив швейцарцев на самой высокой горе в Европе, казалось, предназначила им быть блюстителями спокойствия и всеобщей безопасности. Несмотря на мудрость их системы, несмотря на укрепления, которыми они окружены и защищены, они убедились в том, что всего этого недостаточно для защиты их мирных очагов. Несмотря на их отвагу и любовь к отечеству, они вынуждены были уступить, когда их разделили, сказав, что война объявлена только олигархам Берна. Даже в этом случае они, полагаясь на прямоту своего поведения, слишком доверились своей старой политике и пренебрегли тем, чтобы соединить еще теснее свою судьбу с судьбами других народов.

Основополагающая доктрина их политики, хотя она и единственная в своем роде, является, лучшей из всех, но можно предположить, что она станет всеобщей, когда будет принята всеми народами. Кровавый опыт, который эти народы имели, долго считая эту доктрину ложной, заставляет их сильно способствовать тому, чтобы она была принята всеми.

Несправедливость древних угнетателей вынуждает швейцарцев стать независимым народом. Последующие потрясения, которые они испытали, вменяют им священную обязанность предупреждать бедствия, которые могут им грозить. И если умеренность преобладающих держав согласится принять фундаментальную доктрину их политики в качестве всеобщей доктрины для всех народов, они первыми поддержат ее извне, чтобы быть спокойными изнутри.

Древнее изречение, что любовь и власть не терпят соперничества, противоречило бы той доктрине швейцарцев, которая пока еще не стала общей. Любовь и власть не терпят соперничества только в претензиях непомерного себялюбия, в то время как природа хотела обратного. Поэтому там, где она искажается, там любовь и власть склонны производить вредительские действия.

Последнюю побудительную причину, от которой автор ожидает много пользы для установления спокойствия народов, он основывает на наказаниях и вознаграждениях, определенных большинству правителей за их заслуги или провинности перед всем миром. На это могут возразить, что такое распределение может стать следствием интриги. Что касается наказаний, то надо, чтобы им предшествовали злоупотребление или очевидные проступки. Невиновные не смогут никогда им подвергнуться, и если незначительные провинности сумеют искусно избежать наказания, это наименьшее зло в настоящей ситуации, когда и самые виновные уверены в своей безнаказанности. При распределении наград должно давать объяснения об истинной пользе, принесенной всему миру. Если интриги и смогут в это вмешаться, то только в случаях, имеющих минимальные последствия, потому что при происшествии огромной важности народы, вынужденные согласиться на лучший из советов или признать наиболее блистательное из деяний, согласятся в то же время вознаградить истинную заслугу.

Если бы такое сообщество было возможным, наивысшим из всех благ для всех народов была бы общая польза. Какая польза, скажут, для государей, которые понесли потери и видят, что у них отнята возможность их возместить! Большая польза в том, чтобы не подвергать себя еще более бедственным утратам, от которых, как показывает новейший опыт, ничто не может предохранить. Какая польза для правителей маленьких государств, не имеющих возможности их увеличить! Но что составляет благополучие государства: увеличение территории или безопасность?

На протяжении века мы видели несколько народов, прилагающих чрезвычайные усилия для того, чтобы перескочить из состояния счастливой середины в ранг первых держав, причиняющих несчастье другим и в конечном счете навлекающие на себя еще более печальные катастрофы, в то время как рядом с ними другие государства, руководимые героической умеренностью их правителей, не желали приносить счастье своих подданных в жертву мимолетному блеску величия. Под защитой соблюдаемых договоров процветали все отрасли общественного управления, и жизнь в таких государствах изобиловала приятностями, как материального, так и нравственного порядка.

Какое преимущество для больших государств, если, будучи в полной силе, они почти вынуждены связывать себе руки! Нет, мир достаточно обширен для того, чтобы их могущество не могло пролиться на другие страны дождем благоденствия. Почти половину земного шара составляют пустыни, стоянки дикарей, хотя и объединенных в общества, но в общества варварские. Эти державы станут другими, воссоздадутся заново, и в своем новом существовании без стремления омрачить жизнь друг другу, построить собственное благополучие на разрушении благополучия другого, без национальной розни они будут пригодны для человеческого общества. Предоставление равно удобных условий для торговли и равное распределение полученных прибылей для того, чтобы обеспечить равное могущество — все это может осуществить союз, и все это способно обеспечить ни с чем не сравненное благоденствие для человечества.

Если величие могло состоять только в военных триумфах, а прочное благосостояние держав — только в завоевании других народов, мирный союз был бы крайне неудобен для каждого сильного государства.

Большое количество исторических примеров показывает, что умеренность в величии является наиважнейшей целью каждого правительства, обладающего величием. И для этого в его же истинных интересах, чтобы окружающие его средние государства не впадали бы в еще худшее положение. Тогда политика, прежде столь запутанная, смогла бы стать абсолютно открытой, искренней и величественной. Основой всеобщего счастья было бы равное стремление поровну распределять преимущества и случайные неудобства для того, чтобы взаимное положение оставалось прежним.

Новый оракул севера⁴³³ говорит: «Так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы, которые воля каждого государства на основе самого международного права подчинило бы своей власти хитростью или силой, так с другой стороны она соединяет силою взаимного корыстолюбивого интереса те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны. Дух торговли, который рано или поздно овладеет каждым народом, — вот что не может существовать рядом с войной.

Различие языков и религий ведет к взаимопониманию и миру, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме (на кладбище свободы), но их равновесием, их активнейшим соревнованием.

Звучащая несколько неправдоподобно, но все же истинное изречение, ставшее поговоркой *fiat justitia, pereat mundus*⁴³⁴, означает по-немецки: «Да воцарится справедливость, даже если при этом погибнут на свете все плуты»; представляет собой отважное правовое положение, отвергающее все окольные пути, на которые указывают коварство и сила. Нельзя только ошибочно толковать его как разрешение пользоваться своим правом с величайшей строгостью (что противоречит этическому долгу). Оно налагает на власть имущих обязанность не устранять и не ущемлять ничьих прав из-за недоброжелательства или сочувствия к другим. Для этого прежде всего необходимо внутреннее устройство государства, опирающееся на чистые принципы права и, кроме того объединение государства с соседними или даже отдаленными государствами (по аналогии с всеобщим государством) для законного разрешения споров. Это положение означает только то, что политические максимы должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства, ожидаемых от их соблюдения, следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга (из долженствования, принцип которого дается a priori чистым разумом), какие бы ни были из этого физические последствия. Мир никоим образом не погибнет от того, что злых людей станет меньше. Моральное зло имеет то неотделимое от своей природы свойство, что по своим собственным намерениям оно самопротиворечиво и саморазрушительно (особенно в отношении других, одинаково мыслящих), и таким образом, хотя и медленно, но уступает место моральному принципу добра.

Ищите прежде всего царство чистого практического разума, и его справедливость, и ваша цель (благодать вечного мира) приложится сама собой. Ведь мораль сама по себе и, конечно, в применении ее принципов к публичному праву (следовательно, к политике, познаваемой а priori), имеет ту особенность, что чем менее оно делает поведение зависимым от намеченной цели — будь то физическая или нравственная выгода, — тем более оно согласуется в целом с последней. Это происходит оттого, что именно данная а priori общая воля (в одном народе или в отношениях различных народов между собою) есть как раз то, что всецело определяет право среди людей. Но это соединение воли всех, если только оно проводится последовательно, может в то же время и по механизму природы быть причиной, порождающей замышленное действие и придающей действительность понятию права.

Объективно (в теории) не существует спора между политикой и моралью. Напротив, субъективно (в эгоистических склонностях людей, которые, однако, поскольку они не основаны на максимах разума, не следует называть практикой) это противоречие остается и может оставаться всегда, потому что оно есть оселок добродетели, истинная сила которого по принципу *tu ne cede malis, sed contra audentior ito*⁴³⁵ состоит не столько в твердой решимости противостоять неизбежным при этом несчастьям и жертвам, сколько в том, чтобы смело взглянуть в глаза гораздо более опасному, лживому, предательскому, лукаво мудрствующему злему принципу в нас самих, оправдывающему под предлогом слабостей человеческой природы все преступления, а также в том, чтобы победить его коварство.

Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали, и хотя политика сама по себе — трудное искусство, однако, соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрушает узел, который политики не в состоянии распутать до тех пор, пока они спорят друг с другом. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти. Здесь нет середины, и нельзя придумывать прагматически обусловленное право (нечто промежуточное между правом и пользой); вся политика обязана преклонить колени перед правом, тогда она может надеяться, что достигнет, хотя и медленно, той ступени, где воссияет надолго.

Политика легко согласуется с моралью в первом смысле (как этикой), подчиняя право людей их повелителю, но с моралью во втором значении (как учением о праве), перед которой ей следовало бы преклонить колени, она находит целесообразным не вступать в соглашение, предпочитая оспаривать ее реальность, а долг во всех его видах истолковать только как благое намерение. Такое коварство политики, пугающейся света, легко устранила бы философия, обнародовав ее максимы, если бы политика решилась на то, чтобы обеспечить философу необходимую гласность».

Я вижу, приближается то счастливое время, когда мораль и политика будут иметь одни и те же правила, когда усилиями первостепенных держав совершится объединение народов и установится прочный мир.

Если бы подобное предложение сделали римскому сенату, когда он занимался великими делами, то его принятие могло бы предотвратить падение империи. Но все красноречие самых знаменитых ораторов было бы неспособно примирить амбиции сенаторов. Сколько прелести для покорителей мира в том, чтобы все короли и все народы смотрели на них как на идолов, в том, чтобы собственно-ручно распределять прибыли себе и своим клиентам, в том, чтобы добиться далекого проконсульства и обогатиться за счет его угнетения, словом, в том, чтобы оскорблять безнаказанно все другие народы! И в наши дни нет никакой возможности, если на деле возобладает аристократическое правление, прийти к героической умеренности. Но монархи как истинные представители всех народов, личные дела которых и есть дела народов, а их ошибки — результат частных интересов, хорошо знают, что чрезмерное величие выгодно только отдельным лицам и может быть опасно для самих монархов. Верховный правитель мира находится под угрозой заговоров, потому что у него нет соседей, которые могли бы его защитить. Если такой правитель допустит хотя бы малейшую ошибку в выборе представителей своей власти, то они, злоупотребив его доверием, начнут подавать пример дерзости, который скоро станет заразительным, и раздраженные народы приведут империю к гибели.

Будем молить небо, чтобы в мире не происходило больше подобных катастроф, чтобы самое отдаленное потомство узнавало о них только из исторических повествований о прошедших веках, чтобы оно слышало о них как о потопе, который к счастью больше не пов-

торится и как о других бедствиях земли, либо исчезнувших полностью, либо уменьшенных до бесконечно малых размеров!

Августейшие правители великих народов! Проявленная вами умеренность доказывает всем, что ваши сердца готовы исполнить это великое дело человечества, если оно только возможно. Кроме этого слабого проекта, который автор взял на себя смелость представить вашему вниманию, вы располагаете тысячью других более действенных. Но может быть, вы только ждете, когда наступит время, подходящее для их воплощения. Соизвольте вспомнить, что вы, к несчастью для человечества, смертны! Несчастный случай может сделать неосуществимыми лучшие надежды мира, в то время как проект, подготовленный таким образом, чтобы его можно было усовершенствовать, сможет лечь в основание самого необходимого воздействия на счастье мира.

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНО К НАРОДНОМУ ВОСПИТАНИЮ

Quod munus reipublicae afferre majus
Meilius possumus quam si docemus atque erudimus juventutem?
Cicer. de Divin. 11, 4

Какая дань, приносимая человечеству, приятнее
или полезнее воспитания юношества.

Цицерон

Господину министру народного просвещения
посвящает попечитель Санкт-петербургского учебного округа

§ 1

Один из главнейших недостатков в нашей системе народного воспитания состоит в несовершенном разделении училищ. *Постепенность* необходимо нужна между ними, так, чтоб народные училища приутоговляли к гимназиям, а гимназии к университетам⁴³⁶. При первоначальном учреждении училищ, сие правило не было соблюдено. Сие самое причинило уже министерству просвещения большие затруднения в преподавании одного из главнейших предметов учения, как то история.

История, говорит Цицерон, есть свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, наставница жизни, глагол древности (1). Обширность и важность сей науки всеми признаны, но найти способ отделить истину от лжи, Божественное от человеческого, событие от догадок, найти нити происшествий, и проложить дорогу верную, которая бы каждого гражданина вела к лучшему познанию прав и обязанностей своих — вот что везде и всегда почитаемо было большою трудностью в изучении истории. Если в тишине кабинета ученый иногда заблуждается в исследовании исторических истин, то на кафедре сие исследование становится стократ затруднительнее, с тою разницею, что на кафедре заблуждение увлекает не одного его, но и учащихся. В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное.

Не каждому гражданину нужно читать Тацита⁴³⁷, но каждому необходимо ясное понятие о главнейших происшествиях истории. Хорошая система народного воспитания есть богатое древо, в котором с самого корня до последних листьев все одним благотворным соком оживляется. Искусство основателя таковой системы состоит в мудром расположении всех частей, до общего образования касающихся. Ему известно, что учреждение хорошего народного училища еще труднее, нежели основание хорошего университета.

§ 2

Итак, предполагая ту постепенность, о которой я упоминал в начале, расположить можно преподавание исторических наук следующим образом:

1-е. В народных училищах, Священная история и История России.

2-е. В Гимназиях, начальный курс Всеобщей истории.

3-е. В университетах, окончательный курс Всеобщей истории.

Теперь станем разбирать способы, представляемые преподающему.

В народных училищах, в которых образуются поселянин, ремесленник и купец, следует преподавать одно необходимое. К изучению Закона Божия можно по части истории присоединить историю Священную и историю России. Если обучавшийся в народном училище рожден необыкновенным человеком, то и сие откроет ему путь далее. Но здесь говорю я о таком только, который, посещая училище, останется, наконец, в первобытном состоянии своего семейства.

Нельзя не упомянуть здесь о необходимости искоренить вообще из наших училищ пагубную методу, в оных донныне употребляемую, методу, единственно на памяти учащих основанную, которая не только не развивается, но даже убивает их способности. Сия счастливая перемена в преподавании не может без большого напряжения последовать и не иначе, как по изобретении другого, удобнейшего способа преподавания. В таком случае нужно сперва заняться учителями, а потом уже приступить к учащимся.

§ 3

Обратимся к нашему предмету. Преподавание Священной и Российской истории в народных училищах достаточно, но конечно

не по книгам, ныне употребляемым. Правительство могло бы обещать большое награждение тому, кто напишет лучший исторический *компендиум* или *руководство* для народных училищ; таковой книги у нас еще нет. Я разделил бы оную на две части: первая заключала бы Священную, вторая Российскую историю.

В первой части можно бы следовать некоторым весьма полезным книгам, давно уже в других землях Европы изданным (2). Не нужно мешать с Священною историею историю веры или догматов; сие принадлежит к изучению Закона Божия, а не к истории; но можно бы присоединить историю нашей церкви, которая обыкновенно остается в забвении. Таковой *компендиум* должен быть написан слогом простым и ясным, соблюдая сколько можно хронологический порядок, также не вопросами и ответами, ибо от сего происходит пагубная метода все учить наизусть. Само собою разумеется, что вся книга, а особенно отделение, заключающее Священную историю, должна быть написана в кратком духе религии и благонравия.

Определяя вторую часть на историю России, предполагаю я, что сочинитель сего руководства или *компендиума* всегда сохранит в виду главную цель правительства. Большие затруднения, существующие донныне в образовании отечественной истории, не будут для него так ощутительны. Конечно, легче было бы написать таковой *компендиум*, если бы вместо «Истории» Щербатова⁴³⁸, читали мы «Историю» Карамзина⁴³⁹, но и теперь можно начертать без затруднения главные происшествя нашей истории. Благоразумному писателю принадлежит избрать достоверное и полезное, и сообразить оное с предполагаемою целью правительства.

Итак, в народных училищах обширный круг исторических наук, может заключать единственно *два* предмета. Возвратившийся из народных училищ к первобытному состоянию семейства, принесет ему не накопление громких слов, а истинное просвещение, состоящее для него в правильном изучении таких предметов, которые на всю его жизнь влияние иметь будут. Кто же предназначен идти далее, тот найдет открытый путь до самого святилища наук.

§ 4

В гимназии предполагаю я, или требовать познаний, почерпнутых в историческом руководстве, для народных училищ изготовленном,

или начинать курс истории всеобщей с сего самого руководства. Это служило бы связью между народными училищами и гимназиями.

Если б предполагаемая постепенность между училищами вообще существовала, то цель гимназий не могла бы быть другая, как служить переходом из народных училищ в университеты.

В гимназиях следует развернуть огромную картину исторических наук. Здесь наука берет другой вид. Здесь (по крайней мере, в моем предположении) образуется не трудолюбивый крестьянин или искусный ремесленник; здесь образуется юноша, долженствующий со временем произносить приговоры касательно чести и имущества сограждан своих, или вести их по пути воинской славы, или творениями своими образовать и восхищать сердца их.

Давно уже сказано, что хронология и география суть очи истории, и для того правильное изучение географии и ясное понятие о хронологии должны одной предшествовать.

Начиная с древней истории, преподающий должен, сколько можно, следовать лучшим путеводителям. Трудно конечно открыть способ для избежания вместе легковерия и исторического пирронизма⁴⁴⁰. Здесь преподающий должен сперва знакомить учащихся с главными происшествиями истории, и отнюдь не вперять в них охоты к лишней разборчивости. Сия разборчивость не принадлежит летам мечтательной юности, но летам зрелого и опытного возраста. Историческую критику предоставить должно единственно самому преподающему.

Занимаясь таким образом древнею историею, он будет стараться открыть учащимся древние источники; сим способом он не только даст им точное понятие о происшествиях, но укрепит их в знании древних языков, служащих основою всему просвещению (4). Пусть юноша пленяется живостью красок, богатством слога, силою выражений! При чтении таковых подлинников возвышается дух, а вместе с ним образуется и вкус.

Преподающий, пользуясь оригинальными источниками до времен варварства, изобразит постепенно всех древних народов в истинном их виде. Весьма полезно было бы заимствовать у Робертсона⁴⁴¹ принятое им правило, чтоб, при конце каждой эпохи, начертывать обозрение или живую картину нравов, обычаев, просвещения и проч.

§ 5

Приступая к новой истории, преподающий начнет отечественною историею и пройдет потом историю других европейских держав. Нужно или в начале, или при окончании курса, показать *синхронический* ход истории таким образом, чтоб учащийся мог следовать современным происшествиям во всех частях мира.

Что же касается до новой истории, то здесь преподающий должен употребить большую осторожность в выборе материалов. Все, что было написано о сем, составляет на всех европейских языках ужасную громаду книг, и сия громада каждый день умножается. В сем изобилии легко ему выбрать хороших и достоверных путеводителей.

Не надобно думать, однако ж, чтоб одно слушание лекций преподающего достаточно было к изучению истории. Учащийся должен оным заниматься не на одних лекциях, но дома по плану, начертанному преподающим. Еще весьма полезно требовать от учащихся письменного отчета в лекциях; сей способ учения давно уже признан успешным.

Преподавание истории в гимназиях, составляя, по моему мнению, только начальный курс, должно особенно в себе заключать картину происшествий и исторических деяний. Обширность истории такова, что одно сие исследование требует уже большого напряжения умственных сил. Высшему окончательному курсу предоставлено пролить свет философии на сей хаос, и показать вместе все последствия тех больших перемен, о которых повествует история.

Хотя исследование философических истин, из истории почерпнутых, не входит в гимназический курс истории, но не менее того, преподающий должен всегда наблюдать, дабы для учащихся не была вовсе скрыта истина и связь исторических происшествий. От самого начала должен преподающий везде показывать упорное сопротивление человеческого ума, быстрый его бег, многочисленные заблуждения, и, наконец, тайное влияние Провидения на все его действия и покушения.

§ 6

В университетах и высших училищах преподается окончательный курс Всеобщей истории. Здесь предстоит преподающему усовершенствование учащихся.

Нелегко, конечно, выполнить все обязанности, лежащие на преподающем историю в высших училищах, если, как говорит английский поэт и философ, человек есть благороднейший предмет учения для человека (5), то он вместе и самый трудный.

Всеобщая история разделяется сама собою на две части. Древняя имеет для преподающего большое преимущество над новейшею. В древней мы обретаем начало и конец. В новейшей только первая часть истории нам известна, ибо отдаленные последствия происшествий скрыты в будущем.

Приступим теперь к образу преподавания. Здесь преподающий, означив в древности средоточие, из которого изобильно истекали лучи света, покажет в богатом, таинственном Востоке колыбель человеческого рода и первого свидетеля его падения. Представив слушателям картину Священной истории, показав им Моисея в виде вдохновенного историка, законодателя, пиита (6), обратится преподающий к Египту, где законы были сильны, а народ слаб, где он трепетал под игом рабства и суеверия в то время, когда в храмах сокрыты были истинное просвещение и глубокая мудрость. Потом представится глазам его народ, всеми умственными способностями одаренный, первый на ратном поле, первый в поэзии, первый в философии — греки.

Изъяснив политическое состояние Греции, должен преподающий вникнуть в причины ее силы, блеска и падения, показать ее влияние на весь политический мир, изобилие в великих мужах, в великих художниках, и когда он, наконец, откроет всепожирающую беспредельную Империю римлян, то связь происшествий принудит его открыть и начало столь огромного государства.

Здесь следует ему углубиться в изыскание истинных пружин, силою которых Рим восшел на первую степень в истории. Сие изыскание нетрудно: великие писатели, искусные политики, первейшие историки открыли нам существенность и действие сих пружин.

С падающим Римом видим мы и падающий мир. Под игом деспотов, под мечом завоевателей сильный народный характер изглаживается, луч науки гаснет, слава воинская исчезает, занавес опускается — и мы видим конец древней истории.

Обязанность преподающего гораздо еще пространнее. Я не могу начертать здесь всех частей, входящих в курс древней истории. Не только военные действия, хронологический ход происшествий, падение государств, явление новых народов, но всего более должны

занять нас: внутреннее устройство, религия, политические сношения, торговля, законодательство, просвещение древнего мира. Сия часть исторических наук с большим успехом обрабатывается в Германии. Нельзя между прочим не упомянуть здесь о превосходном творении Герена⁴⁴² (7).

§ 7

С историею новейших времен предстоит преподающему новый затруднительный путь, о котором я скажу теперь несколько слов.

Падение Восточной империи под властью и религиею Магомета пробудило Европу, и сие новое стремление к восстановлению, или лучше сказать, к основанию европейской системы, означает первую эпоху новой истории.

Но прежде падения Константинополя, *крестовые походы* были первым движением дремлющих сил Европы. О сих походах было много писано. Ныне мы привыкаем смотреть не теми уже глазами, какими мы на них смотрели за несколько тому лет. Последствия крестовых походов еще и теперь ощутительны; но дух, оживлявший тогда Европу, исчез вероятно навсегда.

Доныне, так называемые *средние века* почитаемы были временами варварства и грубости, но и они теперь показываются в другом виде. Преподающий должен, по моему мнению, не иначе изображать их, как временами *борьбы и развития*, как временами детства и юности Европы (8).

Легко может каждый здравомыслящий знаток истории показать во всех заведениях средних времен, а особливо в рыцарстве, глубокое чувство, пленительную силу, высокое стремление к полезному и изящному.

Когда преподающий приступит к XIV и XV столетиям, тогда откроется перед ним обильное и блистательное поле. Никогда гений Европы не являлся с таким блеском и с такою силою. Америка, мыс Доброй надежды, книгопечатание, порох, торговля в Индии — суть трофеи сих знаменитых веков.

Здесь следует преподающему предназначить влияние сих больших перемен на будущее состояние Европы.

Теперь путь разделяется; я не могу сопутствовать преподающему по всем отделениям истории Европы. Некоторые большие эпохи

будут требовать от него особенного внимания, как то Реформация и последствия ее, и здесь он легко найдет много материалов, соображая их с собственными своими размышлениями и с здравым рассудком.

С царствованием Людовика XIV сближается еще другая эпоха, для русских столь достопамятная — эпоха Петра Великого.

Хотя каждому известно, как трудно основательное изучение отечественной нашей истории, но не менее того преподающий в высшем училище должен особенное употребить старание, дабы дать слушателям здоровое понятие о происшествиях русской истории, и о связи ее с историею Европы. Многие писатели показали сию связь, начинающуюся с Петра Великого; но легко можно увериться, что многими столетиями ранее Россия имела тесные сношения с Европою.

§ 8

Преподающий, находя в древней истории столь много затруднений, найдет в новейшей затруднения другого рода. В древней истории обретает он, как я уже сказал, начало и конец. Все происшествия объяснены временем, все последствия известны, все предприятия решены; похвала не ложная и не подкупленная, хула свободная, удивление не на страхе, любовь не на собственной пользе основаны. Одним словом, историк древних времен может сказать вместе с Тацитом: «Я Гальбы и Вителлия не знаю ни по благоденствию, ни по обиде» (9).

Но в новейшей истории все сии затруднения окружают преподающего, и часто отвлекают его от истинного пути. История последних времен есть отрывок, а не целое. Таинственное направление происшествий скрыто от глаз наших. Мы мечтаем видеть цель Провидения, тогда, когда оно еще избирает способы к достижению оной.

Новое образование системы европейских государств дало новый вид всем сношениям народов. Сии сношения стали многочисленнее и труднее. Быстрый ход наук и художеств, сильное распространение роскоши и общежития, направление к торговле сблизили между собою все государства Европы. Сей порядок вещей, искоренив малопомалу почти в каждом государстве народный дух, готовил медленную пагубу всей Европе.

Со временем переменялось также внутреннее устройство каждой державы: новые пружины дали повод новому искусству. Финансы, политическая экономия, народное просвещение, торговая система стали главными занятиями каждого европейского государства.

Преподающий, сколько можно, должен вникнуть вместе с слушателями в политическую часть новейшей истории, и познакомить их постепенно с наружным и внутренним положением Европы. Изобилие материалов облегчит его труд.

§ 9

Теперь остается изъявить желание, дабы, представляя общую картину истории во всем ее пространстве, преподающий проливал на сей огромный хаос благодетельный луч религии и философии. С сими двумя светилами может человеческий ум найти везде успокоение и достигнуть до той степени убеждения, на которой человек почитает сию жизнь переходом к другому совершеннейшему бытию.

Наконец, нельзя мне не представить преподающему историю еще другой, важнейшей обязанности, которую он со тщанием выполнять должен: распространяя между согражданами луч наук и просвещения, должно возбуждать и сохранять, сколько можно, народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши. Сие правило должно особенно быть чтимо преподающим историю. Он в сем отношении делается прямо орудием правительства, и исполнителем его высоких намерений.

История, на таком основании преподаваемая, образует граждан умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей.

Примечания

- (1) «*Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuncia vetustatis*» (*Cicer. De Orat. L. 11, 56*).
- (2) Одна из лучших книг в сем роде есть «Исторический катехизис» аббата Флери (*Catéchisme historique, par l'Abbé de Fleury*).
- (3) С 1811 года новый курс учения введен в Санкт-петербургскую гимназию. Он состоит ныне в следующих предметах: Закон Божий, отечественный

и классические языки, история, география, математические науки, грамматика, логика, риторика, отечественная и иностранная словесность. Все другие предметы, донныне в курс гимназический входившие, как то политическая экономия финансы, коммерческие науки, эстетика, предоставлены университетам и высшим училищам. Можно надеяться, что под бдительным оком монарха и попечительным управлением господина министра народного просвещения, другие губернские гимназии, по всему пространству империи рассеянные, возвратятся наконец в свои истинные пределы.

- (4) Хотя я уверен, что чтение древних историков есть лучший способ научиться истории, но не менее того полагаю полезным знакомить молодых людей и с новыми историками, которые писали в духе древности, как то Роллен⁴⁴³ и другие.
- (5) The noblest study of mankind is man. (*Pope*).
- (6) "Moÿse le plus ancien des historiens, le plus sublime des philisophes, et le plus sage des legislateurs". (*Bossuet*).
- (7) Ideen über die Politik, den Verkehr der alten Welt. Von Heeren. Göttingen, 1803.
- (8) Средние века разделяются на две части: первая содержит *падение*, а вторая *восстановление* Европы; или, лучше сказать, основание новой Европейской системы над развалинами Западной Империи.
- (9) Mihi Galba, mihi Vitellius nec injuria, nec beneficio cogniti. *Hist. L. 1.*

НАДГРОБНОЕ СЛОВО МОРО

*Intaminatis sulget honoribus*⁴⁴⁴

Первое действие этой великой катастрофы вызывает тайное оцепление и немое удивление, охлаждающие умы и повергающие в отчаяние самые бодрые души. Это беспокойство сердца, это глубокое уныние, эта зловещая тревога вскоре уступают место страданию более мужественному и более осмысленному. Тогда человек обращает взоры к небу и старается отыскать там признаки высшей воли. Он пытается воссоединить цепь событий, только что разорванных молнией. Он хотел бы измерить глубину пропасти, которую вырыла ему эта сила и той мудрости, которая его карает. И если, проливая слезы, он обращается к Всевышнему, то для того, чтобы потребовать у него отчета в своих слезах, своих обманутых надеждах и в самой жизни, от тяжести которой он бы хотел однажды избавиться.

Но когда на крыльях мысли человек воспаряет над земной юдолью, когда он созерцает нравственный порядок, царящий во вселенной во всей его красоте, он сразу же с удивлением распознает за этим состязанием самых причудливых стихий руку, всем управляющую, начертавшую приговор Вавилону и взвешивающую судьбы народов и королей. И тогда он чувствует, как спокойствие медленно рождается в его душе. Он приучается без трепета встречать обрушившиеся на него катастрофы. Его слезы утрачивают горечь, и его скорбь сменяется смирением. Луч освещает ему путь, тьма рассеивается, и он оканчивает на Небе читать книгу событий, начатую на земле.

Не для того, чтобы без толку напоминать о горечи утраты, я воздаю дань памяти знаменитому герою, на которого одного был возложен груз стольких надежд. Он имел в своей жизни все. Его слава была полной и неомраченной, но я хотел бы ради торжества истины показать всем тайную и ужасную связь между несчастьями народов и их преступлениями, между человеческой гордостью и человеческой ничтожностью. Я хотел бы пролить во все бессмертные сердца утешения, возвышающие человека над человечеством. Я хотел бы сказать всем друзьям Моро: «плачьте только об убийцах и их отечестве».

Итак, оставим заурядным умам повторять слова о неизбежности, роке, случайности — пустые слова, за которыми скрывается сухость

души и слабость мысли. Перенесем более уверенный взгляд на великие несчастья и рассмотрим с более высокой точки зрения чудесное течение жизни, отмеченной всеми видами человеческой славы.

Жан Виктор Моро, прежде чем избрать военную карьеру, довольно долгое время занимал мирную должность адвоката. Беспорядки во Франции пробудили гений Моро, и эта достопамятная эпоха быстро вознесла его во главу французских армий. Франция и история хранят память об этой глубокой прозорливости, о спокойной храбрости духа, рожденного для того, чтобы командовать, о его мудрой осмотрительности, о бесчисленных битвах и об отступлениях, еще более восхитительных, чем сами сражения. Друг человечества пожалеет, может быть, что столь великолепные качества сначала были использованы для торжества дела, принесшего столько несчастий миру. Но, оплакав эти ужасные времена (дух помутнения нашел на людей), воздадим должные почести добродетелям Моро. Кто еще из военачальников на деле воплотил в войсках эту простоту античных нравов, эту столь трогательную скромность, эту восхитительную верность — качества, которые в эпоху распушенности блистают во всей их великолепной силе? Спросите его товарищей по оружию, спросите страны, которые он прошел как победитель, и вы услышите со всех сторон возгласы восхищения и признательности! Спросите армию, сражаясь против которой, он умер, армию, которая не была ему родной, и она вам скажет: «Моро был честью французской армии, отцом солдат, гордостью и тайной надеждой Франции!»

Военное дело, часто ожесточающее людей, сделало душу Моро восприимчивой ко всем приятным и чувствительным впечатлениям. Никогда его не видели придающимся суетному властолюбию, которое сам он называл *безумным и бесчеловечным*. На войну он смотрел как на разрушительное бедствие, и в вечер сражения при Гогенлиндене⁴⁴⁵ от него слышали замечательные слова: «Мы пролили достаточно крови, подумаем теперь о мире».

Я повторяю, история подвигов Моро слишком тесно связана с военными победами Франции, и однажды она развернется во всей своей достойной восхищения широте, которую тирания не сможет больше замалчивать. Я ограничусь беглым наброском картины начального периода истории Моро, истории пользующейся столь заслуженной известностью.

Первым театром его славы была Бельгия. Под его началом французские армии овладели Мененом, Ипром, Остендом и Ниепортом. Варварский и бессмысленный закон повелевал убивать всех подданных Англии. Моро пощадил гарнизон Ниепорта, состоящий из ганноверцев, и этот первый мужественный и человеколюбивый поступок стоил бы ему жизни, если бы в то самое время Комитет общественного спасения⁴⁴⁶ не был низвергнут другими мятежниками. Тирания пережила тиранов, и в тот самый день, когда Моро с отважным духом и храбрыми своими солдатами бросился на остров Катзанд под артиллерийским огнем из форта Эклюз, его отец кончал свою жизнь на эшафоте. В отчаянии Моро хотел бежать из отечества. Друзья удержали его. Так, обреченный на жертву, напрасно пытался он уклониться от злой судьбы, превратности которой ему еще предстояло испытать.

В первую кампанию на Рейне, Моро много раз переправлялся через эту реку с бесстрашием солдата и искусством великого полководца. В его военных операциях отмечали искусную находчивость и восхитительную точность, усвоенные им благодаря упорному изучению военного искусства. Он демонстрировал, казалось бы, противоположные качества: осторожность и отвагу, силу и умеренность, жажду славы и человечность. Перейдя через Рейн, он шел от победы к победе, но войска, посланные ему в подкрепление, были разбиты. Предоставленный своим собственным силам, Моро был тесним со всех сторон превосходящим по численности и ужасным в своей храбрости противником. Там, новый Ксенофонт⁴⁴⁷, совершил свое известное отступление через черные горы к берегам Рейна. Там продемонстрировал он возможности своего военного гения. Запертый в тесных ущельях, лишенный удобного выхода, он выбрался благодаря своему искусству и мужеству, победоносный и преодолевший все преграды⁴⁴⁸. Так ученые соображения полководца спасли армию, которая, судя по всему, должна была сдаться целиком. Так окончилось это знаменитое отступление, которое вся Европа признает *классическим*, и которому враги Франции до сих пор воздают должное.

Эта кампания, поставившая Моро в ранг первых полководцев века, закончилась сражением при Шлингине и осадой Келькской крепости. Вторая кампания началась с перехода через Рейн, самого отважного из всех, какие помнит история. Моро готов был уже пожинать новые лавры, когда подписанный в Леобене прелиминарный мирный договор⁴⁴⁹, приостановил течение его подвигов.

После двух блестящих кампаний Моро был отозван Директорией⁴⁵⁰ и пропал для своих армий. 18 фрюктидора⁴⁵¹ внесло окончательный беспорядок в слабое и беспутное управление Францией. И если суровая справедливость потомства однажды упомянет имя Моро, замешанное в этих скорбных и смутных обстоятельствах, оно учтет и то, что вовлеченный в круговорот событий, он, наделенный величием души и благородством, на которое не были способны его враги, не умел быть достаточно осторожным. И эта единственная страница, которую потомство, может быть, захочет вырвать из биографии Моро, не повредит ни его славе, ни его добродетели.

Всеобщее уважение сопровождало Моро и в его отставке. Однако положение дел в Италии вскоре заставило Директорию вернуть ему командование армиями⁴⁵². Общественное мнение видело в нем единственно способного остановить победоносное шествие австро-русских войск и подвиги бессмертного Суворова. После Шерера⁴⁵³ Моро принял командование итальянскими армиями. Однако несмотря на все свои усилия и все свое искусство он так и не смог перейти в наступление. В промежуток времени между отставкой Шерера и назначением Жубера⁴⁵⁴, Моро искусными отступлениями смог спасти часть французской армии, и отстрочить ее поражение. Это отступление сам Моро ставил выше своего первого отступления через Шварцвальд как по сложности своей позиции, так и по дезорганизации и упадку армейского духа. Суворов выиграл сражение при Нови, в котором был убит Жубер. Тогда все генералы единодушно вручили командование Моро. Оставшийся до тех пор простым зрителем, он снова спас остатки французской армии.

Между тем Франция стремительно приближалась к полному низвержению ее правительства. Директория уже давно стояла на краю пропасти. Моро, поддерживаемый всеми партиями, а также собственными добродетелями и славой, тем не менее отказался от предложенной ему власти (1). 18 брюмера⁴⁵⁵ власть перешла в другие руки.

Можно ли, вспоминая эти события, удержаться от мучительного возвращения в ту эпоху. От какого зла было бы избавлено человечество, сколько крови не было бы пролито, если бы Моро, имея больше честолюбия, согласился бы принять верховную власть в своем отечестве! Никакого сомнения в том, что он распорядился бы ею в соответствии с желаниями и нуждами Франции, и всеобщее умиротворение было бы первым его намерением и первым проявлением его власти.

Моро, отказавшись управлять страной, по-прежнему был готов ей служить. В превосходной речи, обращенной к своим судьям, которой французы внимали, не простираясь перед ним на коленях, Моро сказал замечательные слова: «Я считаю, что мое дело командовать армиями, и совсем не желаю командовать республикой»*. Назначенный командовать рейнскими армиями, он проделал две кампании, ставшие вершиной его боевой славы. Первая была ознаменована рядом непрерывных побед: переходом через Рейн, переходом через Дунай под Ульмом и заключением перемирия, обещавшего, как тогда казалось, мир. Однако это перемирие было прервано, и вторая кампания началась с победы под Гогенлинденом и последовавшим за ней переходом через реку Инн. Подписанное в Стейере соглашение положило конец подвигам Моро и стало прелюдией к Люневильскому миру.

Здесь кончается рассказ о кампаниях Моро. Его славные военные деяния принадлежат Франции. Когда утихнет голос страстей, и в этой несчастной стране установится более спокойная жизнь, она услышит вокруг одинокой могилы Моро всеобщий хор сожалений и восхищений. Тогда может быть затребует она бранные останки этого великого человека, который мог бы разбить ее узы и возвратить ей вместе с древней славой ее нравы, искусства и законы, которые скоро исчезнут, и память о которых сохранят лишь предания и развалины.

Генерал Моро давно и глубоко размышлял о своем искусстве. Его военный талант имел осмысленный и спокойный характер, соответствующий образу его жизни. В нем одном соединялись счастливые качества, которые природа обычно разделяет между многими полководцами. Способный на столь же *глубокие размышления* и *внезапные прозрения*, он шел по жизни в сопровождении чудесных предзнаменований. Как Тюренн⁴⁵⁶, и как победитель Рокруа⁴⁵⁷, он казался человеком, вдохновленным своим первым сражением**. Это редкое согласие, эта двойная способность его гения, казалось, имели отношение к характеру его души, способной воспринимать все воздействия энтузиазма и пылкого рвения, а также подчинять все неисчерпаемой доброте, и величию, распространяющемуся на всю его жизнь.

Усердное изучение военного искусства развило в Моро задатки, столь щедро отпущенные ему природой. Он дополнил глазомер, ко-

* Речь Моро к его судьям 10 пририала XII года (1804).

** Боссюэ.

торый природа дает всем полководцам, глубокими знаниями, прекрасными мыслями, без которых великий полководец всего лишь удачливый авантюрист (2). Осторожность и отвага одновременно! Переходя от блистательного удара к отступлению по правилам военной науки, спокойный и строгий в лагере, хладнокровный и оживленный на поле боя, и при этом всегда полностью владеющий собой, Моро ни в чем не полагался на случай. Малейшее движение войск он рассчитывал умно и точно, можно сказать, математически. Жалея людей и кровь, он добился полного права сказать: «Война под моим командованием была бичом только на поле боя».

Точность ума заставляла Моро увлеченно изучать историю. Он судил о великих полководцах так же, как мог рассчитывать, что когда-нибудь будут судить о нем самом (3). Приученный с ранних пор наблюдать людей, он естественным образом был расположен смотреть на общественное мнение и исторические предания как на суд, почти всегда неизбежный и особенно суровый для репутации военных. Далекий от мнения тех, кто приписывал концу XVIII века изобретение новой тактики, он часто повторял, что со времен Тридцатилетней войны военное искусство в Европе постоянно совершенствовалось.

Еще в высшей отличает степени генерала Моро умение покидать суету военных лагерей для удовольствий частной жизни. Он обладал особым складом ума, позволяющим ему легко переходить от командования победоносными армиями к покою гражданской жизни, к тому покою, который, следуя его возвышенному выражению, *не был лишен славы*. После Люневильского мира он вернулся в свое уединение, и был возвращен оттуда самым неожиданным образом — постановлением об изгнании, которое в глазах потомства всегда будет свидетельствовать против Франции.

Мы подошли к зловещему периоду, когда генерал Моро, преданный, преследуемый, принял ссылку Аристид⁴⁵⁸ точно так же, как принял бы он и чашу Сократа⁴⁵⁹. Я в нескольких словах представлю точную и быструю картину его изгнания. Моро был другом и товарищем по оружию Пишегрю⁴⁶⁰. Моро принял от него командование армиями. Еще до 18 фрюктидора в его руки случайным образом попала переписка, в которой речь шла о многочисленных партиях, готовящих контрреволюционный переворот во Франции. Пишегрю был привлечен по этому делу без единого юридического доказательства против него. Благородный Моро возмущился при одной мысли стать

доносчиком на своего старого начальника, к тому же долгое время бывшего его другом. Прошел год с того момента, когда должен был разразиться заговор. Моро выиграл двадцать сражений во главе армии, которую Пишегрю, как говорили, должен был предать. Таково было положение вещей, когда Моро, узнав, что это дело получило огласку, решился написать 19 фрюктидора, то есть на следующий день после катастрофы, конфиденциальное письмо директору Бартелеми⁴⁶¹, обвиняемому вместе с Пишегрю. Это письмо, пришедшее, когда директор был уже арестован, попало в руки Директории. От Моро потребовали, чтобы он выдал свои бумаги и известил бы об этом событии армию в духе того оборота, какой стремились придать этому делу (4).

Все обстоятельства дела, полностью прояснившиеся только в ходе судебного разбирательства, поначалу восстановили против Моро всю Францию. Его обвиняли в том, что он донес на своего старого командира и сделал это только лишь собственного спасения от мести правительства. На это Моро отвечал новыми военными победами. Но когда в 1804 г. Пишегрю, так же, как и Жорж⁴⁶², тайно появился во Франции, и когда они оба были арестованы, тогда намеренно припомнили старые отношения Пишегрю с Моро.

Правительству было важно отделаться от Пишегрю, искусного генерала, наделенного неустрашимой душой, предприимчивым и смелым умом. Не менее важно было отделаться и от Жоржа. Огромные силы его души и тела, соединенные с необыкновенной ловкостью, делали его способным к исполнению вынашиваемых им великих замыслов. Но наибольшей ловкости требовалось для того, чтобы приплести Моро к их заговору, уронить его в глазах армии, для которой он был идолом, и отправить на эшафот как единственного человека, способного помешать установлению консульской тирании. Старые отношения Моро и Пишегрю с предательским искусством были увязаны с их двумя встречами и речами, якобы произнесенными Моро. Откровенно некомпетентные судьи передали дело специальному трибуналу, и имя победителя при Гогенлиндене было внесено в список *разбойников и заговорщиков*.

Насильственная смерть Пишегрю перенесла на Моро весь интерес этого грандиозного спектакля. На него обрушились за то, что он не донес на Пишегрю подобно тому, как раньше, 18 фрюктидора, его упрекали в том, что он на него донес. Моро обвиняли в том, что он хотел установить диктатуру роялистов. Однако выступление его

адвоката блестяще опровергло показания второстепенных лиц, полученные в ходе неопределенных и юридически несостоятельных допросов. Правительство тайно позаботилось о том, чтобы главный обвинитель не смягчил никому наказания, но его ожидания оказались обманутыми. Моро вызывал невольное уважение суда. Речи, произнесенные им перед судьями, дышат возвышенным духом. Порожденный ими энтузиазм и пробужденные воспоминания были бы достаточными, чтобы свергнуть правительство и дать новый поворот европейским делам. Но Моро хранил молчание, и с невозмутимой гордостью он принял приговор, осудивший его на двухлетнее заключение, замененное пожизненным изгнанием. Моро отправился в Испанию, чтобы там вместе с семьей сесть на корабль, отплывающий в Америку.

Этот абсолютно точный рассказ представляет собой краткое изложение самых беспристрастных и подлинных мнений. Моро упрекали в заговорничестве на предварительном этапе следствия, в нерешительном поведении в начале дела, в чрезмерном уважении к гнетущей и незаконной судебной процедуре. Его злобно осуждали за то, что он написал письмо первому консулу. Это письмо, фигурирующее среди судебных доказательств, отличается спокойным тоном и благородством. Наконец, Моро упрекали в том, что он позволил преследовать себя, не проявив при этом ни малейшего желания отомстить, не попытавшись поднять армии и захватить власть. Между тем такое поведение полностью соответствовало характеру, принципам и всей жизни Моро. Всегда великий в искусстве мира и войны, но не умеющий составлять заговоры и ненавидящий гражданскую войну, он так мало рвался к верховной власти, что без сожаления и почти что с радостью отдал ее в другие руки.

Но если мы посмотрим с более высокой точки зрения на особые обстоятельства, сопровождавшие изгнание Моро, то увидим, с одной стороны, неблагодарность, свойственную людям, забывающим бывшие услуги, оскорбляемым одним видом чужой славы, а с другой, обнаружим, видимую защиту Провидения, которое, спасая героя от губительной опасности, забирает его с театра его подвигов, чтобы забросить в леса Нового света. Мы увидим теперь знаменитого человека, скрывшегося, исчезнувшего, вернувшегося к самому себе, чтобы подолгу размышлять о своей жизни и *путем одной из тех мыслей, что посылает Небо*,* выйти возрожденным из своего одиночества, снова

* Боссюэ.

появиться на мировой сцене, чтобы вспыхнуть на мгновение и унести в могилу сожаления и надежду вселенной. Кто не воскликнет при виде столь таинственной судьбы: «Вот перст Божий»*.

Но прежде чем я опишу эту великую катастрофу во всем ее гибельном проявлении, я хотел бы последовать за Моро в его глушь и, так сказать, во внутренний мир его души, так же как я следовал за ним, находящимся во главе победоносных армий.

Теперь, когда возгласы мятежей и голос лжи затихли вдалеке, а сам Моро отступил, прежде чем осуществить великие надежды мира, мы должны противопоставить его наиболее характерные черты, *всю его жизнь* возведенной на него самой абсурдной клевете.

В человеке, описание которого я хотел представить всеобщему обозрению, восхищает соединение талантов общественного деятеля с добродетелями частного лица. Даже изгнанный из родной страны, лишенный титулов, воинских почестей, известный своими несчастьями, Моро все еще вызывал интерес и восхищение, делающие честь и приносящие утешение человечеству.

Жизнь Моро в американской глуши скрашивали любовь к наукам, нежные заботы о своей семье, а также вкус к простым и чистым удовольствиям, никогда им не забываемым. Скромное и уединенное место на берегах *Делавары* (5) служило ему приютом с наступлением сезона. Он получал удовольствие от работы в саду, любил охоту и рыбную ловлю. Почитаемый и любимый своими спокойными и мирными соседями, он, казалось, бежал от собственной славы. Соседи в своем большинстве знали победителя при Гогенлиндене только по его домашним добродетелям и относились к нему с доверием и уважением, искупающими в его глазах все людские несправедливости и неблагодарность отечества. Его проживание в сельском доме соответствовало своеобразной жизни всего местечка. Жители Морисвиля и его окрестностей переживали в то время промышленный подъем. Пока Моро размышлял или работал в саду, его жена занималась воспитанием их дочери, которая была предметом нежности, соединявшей супругов. Небольшое число друзей разделяло одиночество Моро, протекавшее среди счастливых и мирных занятий, за которыми вскоре последовали бесконечные мучения и самая разительная катастрофа!

* Исход. VIII, 19.

Как ни драгоценны эти детали, они не дают, я полагаю, полной картины жизни Моро в Америке. Но было бы напрасно пытаться снять покров, накиннутый им на свое уединение. Сколько различных мыслей должно было посещать его по мере того, как шум европейских бедствий достигал берегов Америки! Какое глубокое негодование поднималось в его возвышенной душе, при виде издалека ярма, давящего его отечество! Какие внутренние битвы ему приходилось выдерживать! И какое было внезапное побуждение, какая мужская отвага, какое восхитительное и трогательное самопожертвование!

Новость о вторжении в Россию в 1812 г., наконец, достигла берегов Делавары. Из писем Моро за это время можно видеть, с каким вниманием следил он за этой войной (6), вынося строгие, но справедливые суждения об этом предприятии, задуманном с дерзостью, исполненном со злым безумием и неосторожностью и закончившемся позором. Моро решил, что пришло время ему снова появиться в Европе. Нет никакого сомнения, что чудесные события этой войны много способствовали такому решению. Он увидел, что пришло время спасти Европу и уничтожить бич, который он называл *самым жестоким из всех когда-либо существовавших*. Кто еще, кроме Моро, мог считать себя призванным это совершить? К этой мысли добавлялись и другие соображения. В молчаливом уединении долгие размышления генерала Моро о человеческой природе, внушили ему мысль, что нет отечества там, где нет добродетели и чести, что Франция может быть спасена только, если она будет побеждена, что сам он будет навсегда в ответе перед ней, если не примет активного участия в ее освобождении (7). Наконец, пришло время встать выше всякого личного благополучия и присоединиться к делу спасения Европы и всего человечества. Благородная мысль, заставляющая весь мир сожалеть о потере Моро, и дающая каждому народу Европы право считать его своим соотечественником!

Пока Моро размышлял об этом в намерении последовать движению собственного духа, само Провидение *призывало его от краев земли** и решило *перенести его на другой край света*. Оно устранило перед ним все препятствия. Он выходит из своего уединения, покидает объятия семьи, садится на корабль и отплывает. Все, кажется, благоприятствует этому опасному путешествию. Попутный ветер

* Исаия. Ц, 9–10.

дует в паруса корабля, несущего человека, *избранного из многих**. Волны океана стихают перед этой великой жертвой, обреченной искупить беззакония своего народа. Едва коснувшись берега Европы, Моро услышал идущий издалека радостный гул восторгов, которому вскоре предстоит превратиться в крик скорби и отчаяния.

Прибытие генерала Моро на континент было триумфальным. Среди союзных армий он казался высшим гением, предназначенным примирить желания и одобрить намерения Европы. Его проезд повсеместно сопровождался приветственными возгласами. Отважные воины радовались при виде рядом с собой одного из крупнейших полководцев Европы. И душа Моро наполнялась самыми прекрасными надеждами, когда он видел силу и храбрость войск, преданность и искусство военачальников и тот чудесный энтузиазм, который, имея своим истоком избыток зла, внезапно вознес народы на такую высоту, где возможно все, кроме стыда.

Но это было главным образом уже тогда, когда Моро, облеченный доверием монархов, был допущен в совет, руководящий огромными массами, которые, как он предвидел, должны были увенчать успехом это святое дело. Когда Моро видел, с одной стороны, Европу, соединенную во имя возвращения своей свободы, а с другой, Францию, сражающуюся, чтобы разбить свои оковы, он не сомневался в исходе этой великой борьбы. Победоносные войска Севера, преследуя с быстротой молнии остатки некогда неисчислимой армии, чьи кости еще белели на обширных равнинах России, руководимые великим полководцем, похищенным преждевременной смертью у освобожденного им отечества, снова разожгли в Германии тот огонь, которому суждено будет пожрать ее врагов. Все независимые правительства на глазах мудрого и отважного монарха вступили в этот великий союз. В то же время объединенные армии явили собой мощнейшее единство такого количества различных народов, что с удивлением обнаружилось, что все они направлены против одного лишь человека.

Моро, появившись в рядах союзных войск со свойственными ему бескорыстием и безупречностью, был в то время *человеком Европы*. Еще никогда более великие побуждения не управляли более благородными решениями (8). Он говорил: «Когда после восьми лет размышлений и одиночества в такой стране, как Америка, выходишь из

* Исаия. Ц, 9–10.

своего уединения, то делаешь это только с твердым намерением или способствовать восстановлению мира в Европе, или погибнуть». Решив не принимать никакого командования, он принес в дань общему делу свое имя и свои руки. О своих намерениях он говорил с искренностью и простотой, свойственными великим душам. Глубокое негодование овладевало им, когда он говорил о французском правительстве, о ярме, угнетающем его отечество, о его бедствиях и бедствиях всего мира. Но справедливая надежда вернуть Францию на то место, которое ей по праву принадлежит, вернуть ей ее свободу, ее нравы и ее славу, придавала всем его решениям необычайную ясность. Великодушные намерения императора Александра подтвердили его благородные надежды.

В простом и правдивом характере редко стираются первые впечатления души. Моро до самой смерти своей сохранил иллюзии своей молодости и неистребимую склонность к политическим идеям, которые по его собственному признанию, могут быть только умозрительными. Долгое пребывание в Соединенных Штатах еще сильнее укрепило в нем принципы, которых он постоянно придерживался с такой умеренностью и чистосердечием. В лагере союзников Моро говорил на том же языке, но время и главным образом пример Франции научили его тому, что мечты человека никогда не должны влиять на его поведение в политике. Он признавал, что республиканское правление, требующее от людей идеальной добродетели, не может быть принято современными большими государствами Европы. Он признавал также и то, что в глазах большинства людей эта форма правления дискредитирована ужасами и бедами Французской революции. Но целостность его характера, его жизнь произвольно увлекали его в возвышенные области, где его душа чувствовала себя непринужденно. Среди самых прекрасных гениев древности он чувствовал себя как среди своего истинного семейства. Изучение истории ставило его в постоянные отношения с лучшими и величайшими людьми. Он воспламенялся при рассказах о Левктрах⁴⁶³, и Марэфоне⁴⁶⁴. Он следовал за Демосфеном на трибуну, он умирал вместе с Леонидом при Фермопилах.

Но когда он покидал эти возвышенные области и этот порядок вещей, составляющий вечную славу человечества, его спокойный и суровый рассудок снова получал все свое влияние. Глубоко осознав неизбежность монархического правления, он считал республику

возможной только для небольшого количества душ, соответствующих тому, что он называл *своим воображаемым государством*. Когда он наблюдал положение дел в Европе и изучал потребности этого изнуренного тела, он желал для Франции законного правительства, способного предоставить твердые гарантии гражданской и личной свободы. Он хотел, чтобы в нее вернулись внутренняя стабильность и умеренная политика. Счастье Франции, если бы он смог исполнить все то, что задумал сделать для славы и благополучия!

Каким было удивление вражеской армии, какой ужас объял ее командующего, когда тот узнал, что генерал Моро находится в рядах союзных войск! От французов попытались скрыть эту важную новость, но она быстро распространилась. Скоро смутное чувство удивления и восторга пробудило воспоминания, связанные с именем Моро. Память о его подвигах, о его добродетелях, о его человечности привела в волнение души, уставшие от рабства, и должна была дать удивительные результаты, если бы зловещая катастрофа не похитила бы внезапно у нас героя, в одном имени которого было столько силы.

Кампания началась самым блестящим образом. Союз России, Австрии, Англии, Пруссии и Швеции представлял грозную силу, заставляющую бледнеть угнетателей Европы. Это славное воинство ни в чем не имело недостатка. Моро, поддержанный и уважаемый всеми армиями, был общей надеждой. К нему были устремлены все желания и все сердца открывались при его появлении. Моро — единственный, кто среди такого количества чужих народов сохранил и удивительный авторитет, и благородную простоту, внушающую любовь к выдающимся дарованиям.

Но приближался час жертвы, и таинственные судьбы этого знаменитого человека должны были свершиться. Боевые действия начались 17 августа*. 27-ая армия союзников была перед Дрезденом. Моро находился рядом с всемогущим монархом. Он сумел снискать его уважение и доверие и разделял все опасности, с которыми великая душа государя имела удовольствие не считаться. Сразу же оказавшись под смертоносным огнем, под которым он так часто овладевал фортуной и вел армии к победе, Моро следил за движением армий и быстро соображал диспозиции и намерения обеих сторон. Ничто

* По новому стилю.

не предвещало чрезмерной опасности, но, о неисповедимые пути Провидения! о неожиданность! о мука! Внезапный пушечный выстрел из окопа неприятеля поражает Моро. Он падает, растерянность овладевает всеми, и только он один остается спокойным, как будто выстрел не настиг его. Он утешает, он ободряет, он обнадеживает...

Вмиг носилки готовы. Окровавленного Моро относят в то место, где накануне размещалась главная квартира. Там было принято решение сделать ампутацию. Я не буду пытаться описать все детали этой болезненной и смертельной операции, исчерпавшей все его силы, но не поколебавшей его души (9). Никогда еще самообладание неустрашимого духа не проявлялось с таким спокойствием, и сила души не была настолько очевидна. Обманчивая видимость вселяла во все сердца надежду, тогда как его мгновения были уже сочтены. Невидимая рука влекла его к небу, которому он был предназначен в жертву.

В тот же вечер скорбный кортеж отправился в путь. По мере того, как распространялось известие об этом несчастье, страдание проявлялось на всех лицах. Правители, генералы, офицеры, солдаты всех национальностей и всех армий с трепетом приближались к носилкам, на которых лежал генерал Моро, и все возвращались, получив вечный урок мужества и терпения. 30 дня вступили в Лауен через Рабенау, Альтенбург и Дукс. Моро начал слабеть, но ни слова жалобы не слетело с его уст. Его чело сохраняло спокойствие. Он говорил мало, но твердым и уверенным голосом. В Лауене он написал несколько строк г-же Моро, силы его иссякали. Он попросил воды у своего старого адъютанта полковника Рапателя, и когда тот поднес стакан в его губам, Моро мягко пожал ему руку и без агонии испустил дух. Это случилось 2 сентября в 7 часов утра.

Приближающаяся смерть накладывает на последние слова великих людей трогательный и пророческий отпечаток, проникающий в души и смягчающий их. Священный долг передать эти слова потомству. Все, что говорил Моро на смертном одре, носит характер спокойствия и сердечности, свойственный ему в высшей степени. Проливающему слезы императору Александру он сказал: «Государь, вам останется только ствол, но в нем сердце и оно все ваше» (10). Полковнику Рапателю: «Нет, я перестал страдать, но я страдал столько, сколько только может страдать человек. Это очень болезненная вещь — ампутация, а две подряд — это уже слишком!» Тому же Рапателю об императоре России: «Мужайся, мой друг, разве не прекрасно умереть

за такого человека, и особенно за такое дело?». Одному военному, удивившемуся его твердости: «Ни в чем не могу себя упрекнуть, моя душа спокойна, я не боюсь смерти, и это, может быть, спасет меня».

Теперь, если какой-нибудь легкомысленный гордец осмелился бы спросить, что сделал Моро для общего дела, я поместил бы его перед этим ложем скорби и показал бы ему зрелище, которое древние сочли бы достойным божества — человека, боровшегося со смертью, и сказал бы следующее: «Взгляните на эти изуродованные и окровавленные члены, угасший взор, окоченевшие руки и отяжелевшую голову! Имя этого человека потрясло империи, нет ни единой, даже малейшей добродетели, которой бы он не обладал. Все виды человеческой славы украшали его жизненное поприще, и мученический венец стал его достойным завершением. Он пересек океан, чтобы своей кровью скрепить дело, триумф которого ему не суждено было увидеть. Он умер в ужасных мучениях, вдали от семьи, от своей приемной родины, посреди народов чуждых его судьбе, знавших его только по имени, видевших его гибель и не осознавших в полной мере всего того, что он унес с собой в могилу. Скажите, безжалостные критики, привычны ли для вас человеческие добродетели, которые вы не приписывали бы ни благородному самопожертвованию, ни неподкупной вере, ни строгой честности, ни состоянию, когда внутри человека все переворачивается при виде несчастий мира, ни священному энтузиазму, сияющему бессмертным ореолом над головой? Хватит ли у вас дерзости, прежде чем постигнуть намерения Бога, возвышать голос и требовать от слабого и хрупкого инструмента его воли больше того, чем Божественная мудрость позволила ему совершить? Верите ли вы чистосердечно, чтобы Тот, кто будет считать каждый *вдох и стакан воды во имя себя*^{*}, не бросил бы добрый взгляд на страждущую добродетель, на смиренное величие, на благородное терпение, на готовность посвятить всего себя делу справедливости и человечности? Ах! поверьте мне, воздержитесь от того, чтобы демонтировать напрасные усилия, которые вас только унижают. Не позволяйте срываться с ваших губ бессмысленным словам, которые вас выдают. И если при виде этого скорбного ложа, на котором покоится горе, добродетель и мужество не смогут вас смягчить, довольствуйтесь тем, чтобы тайно по капле выдавливать из себя убивающую вас желчь, и роптать

* Боссюэ.

внутри себя против этого досаждающего вам со всех сторон вам величия. Только вам благородные и возвышенные умы, только вам, нежные и щедрые души, доверяю я хранить эту священную память! Следите за славой великого человека, которого больше нет, и будьте уверены, что колыбель политической свободы в Европе, так же, как и колыбель христианской религии, должна быть полита самой драгоценной кровью. Придет день, и этот день уже недалек, когда возрожденная Европа, как и Христианство, будет считать своих мучеников и апостолов!

И ты, виновный и несчастный народ, оплативший чрезмерную распушенность чрезмерным рабством, раздвинувший некогда границы человеческого разума, и стремящийся теперь погрузить его во мрак, народ исключительный и странный, являющийся поочередно то жертвой, то палачом, предмет ненависти и сочувствия, превосходящий все другие народы преступлениями, удивляющий всех мужеством, озадачивающий всех ученостью, не терпящий законной власти и в то же время мягкий и послушный перед тиранами, жадный до триумфов и не выносящий побед, французы, к вам обращаюсь я с последними словами! Я говорил от имени истины и добродетели; я показал Моро таким, каким он был! Осмейтесь закрыть ваши уши для преследующей вас клеветы, и вводящей в заблуждение лжи. Прислушайтесь к голосу, взывающему к вам из сокровенных уголков вашей совести: «Моро никогда не был врагом Франции. Моро желал ей только спокойствия и счастья. Он пал, как мученик при выходе на арену!» Взгляните на его трофеи, его добродетели, его подвиги; и, опережая позднейший голос потомства, вы увидите, что его слава связана с вашим счастьем, что его намерения были так же чисты, как и его жизнь, что его смерть есть, в конечном счете, самая большая из всех ваших бед. При чрезвычайных бедствиях Провидение по своему желанию распоряжается людьми и ведет их только Ему одному ведомыми путями. Моро на мгновение предстал перед вами, но час вашего освобождения еще не пробил. Он пал под вашими ударами как последний монумент славы, который вам еще оставалось разрушить. Печальная и ужасная жертва! Провидение, как оказалось, предоставило совершить ее теми же руками, что осквернили прах Генриха IV и могилу Тюренна! Французы, этот мрамор давит на вашу судьбу и кладет конец вашим надеждам! Под ним лежит освободитель, на которого вы подняли руки, тот, кто должен был, напоминая вам

о человечности, донести до вас священные правила, что ни один еще народ не изменял безнаказанно. Придет день, когда вы польете слезами эту чужую землю, когда вы толпой будете тесниться вокруг этой одинокой могилы, когда этот святой портик услышит ваши возгласы, но напрасны будут ваши сожаления, ваши слезы не смягчат ваши страдания, эти останки пребудут холодны, могила будет молчалива. И если вдруг, нарушая гробовое молчание, изнутри этого монумента послышится голос, то он скажет вам: «Повергните в прах чело перед Вечным судом! Поклонитесь его законам! Ожидайте в слезах и страхе, пока ваши беды не растрогают Провидения, действиями которого вы так часто были недовольны».

Исторические примечания

- (1) «Мне предложили, как известно, возглавить нечто подобное Брюмеру. Мое честолюбие, если бы я имел его достаточно, могло бы легко прикрыться внешними признаками патриотизма и даже снискать уважение». — Речь генерала Моро, среда 16 прериала XII года, (5 июня 1804).
- (2) Вероятно, будет очень интересно прочитать следующий отрывок из рукописи Моро, подлинность которого гарантируется:

«Я считаю, что никогда не стоит начинать сражения без почти полной уверенности в успехе. Фридрих нередко бывал в виду неприятеля и умел себя сдерживать. Одно сражение, неосторожно данное русским, поставило его в двух пальцах от поражения. Битва при Гохштете, которую не следовало бы начинать, давала о себе знать на протяжении десяти военных лет, ставших ее следствием. Крайне редко случается, чтобы оба полководца были заинтересованы в сражении. Обычно наиболее искусный из них принуждает к этому противника. Равно великое искусство в том, чтобы дать сражение и в том, чтобы его не получить, так как крайне редко силы бывают равны. Армия, рассчитывающая на кавалерию, пытается заманить противника на соответствующее пространство. Тот в свою очередь должен уклониться от этого. Армия, которой не повезло в начале кампании, должна с большой осмотрительностью подвергать себя случайностям битв, и только тогда вступать в них, когда солдаты, получившие достаточное подкрепление, будут уверены в победе. Государство, которое держит на границе множество армий, должно заставлять их проводить учения, как будто они действуют на линии военной операции. Когда они вступают в сражение, то почти всегда какая-то часть отводится назад, чтобы другая часть могла действовать более эффективно. Когда государство предназначает одним армиям приложить большое усилие, то оно делает это за счет тех армий, которым предназначено быть в обо-

роне. Последние должны воздерживаться от того, чтобы начинать сражение, первые же, наоборот, должны сражаться. Это единственное средство побеждать, но разве армии противника делают это иначе? Не надо ли обладать большим мастерством, чтобы не ставить себя под угрозу армии вторжения и ограничиться для замедления ее продвижения хорошо обеспеченными диверсиями, разрывом коммуникаций, и нападением на корпуса, оказавшиеся в опасном положении, словом, осуществлять маневренную войну, которая дала бы время государству, подвергнутому агрессии, укрепить свою оборонительную армию и быть в состоянии испытать судьбу сражения с надеждой на успех».

- (3) Я приведу из той же рукописи, доверенной мне полковником Рапателем, следующее суждение о Карле XII, суждение поразительное и написанное рукой мастера: «Я считаю, что о Карле XII судили слишком строго. Я думаю, что он был бы самым великим полководцем своего века, если бы проиграл сражение под Нарвой. Победа внушила ему и излишнее презрение к своим врагам, и излишнее доверие к своим войскам. Он стал жертвой избытка тех качеств, которые создают великих полководцев».
- (4) Все, что касается 18 фрюктидора и доноса на Пишегрю, было отличным образом прояснено в речи г-на Бонне, произнесенной в защиту Моро. Из нее мы узнали истинные все препятствия, стоящие на пути свободного выражения душевных чувств и раскрытия самых неопровержимых истин. Но не меньшую честь следует отдать перу и сердцу г. Бонне. Незадолго до катастрофы первый консул предложил Моро орден Почетного легиона. Моро ответил сообщившему ему об этом: «Этот человек с ума сошел, вот уже десять лет, как я его начальник».
- (5) Морисвиль, в Пенсильвании, на реке Делаваре, рядом с Трентоном, в 30 милях от Филадельфии и в 80 от Нью-Йорка.
- (6) Моро писал 11 февраля 1813 г. из Нью-Йорка полковнику Рапателю: «В России только что случилось нечто необыкновенное. *Великий человек уменьшился в своих размерах*. Не говоря уже о безумии, которое он совершил, пойдя на Москву и оставаясь там три с лишним недели, как я мог это увидеть из бюллетеней и донесений Кутузова, мне кажется, что Бонапарт потерял голову в Смоленске. Он должен был, не оставаясь там ни единого дня, поспешить переправиться обратно через Днепр и скрыться за этой рекой, если он имел хоть малейшую необходимость в картировании. Это, как я полагаю, было еще одной его ошибкой». Моро добавляет: «Говорят, Бонапарт мертв. Это лучшее, что могло с ним произойти в подобных обстоятельствах. Тот, кто не способен покончить с собой, недостойн той славы, на которую он претендует. Он не находится в положении зависимого генерала, которому приходится подчиняться подобным безумствам, но сам все задумывает и осуществляет. Вся слава, если был

он ее добился, он приписал бы себе, а значит, должен разделить и позор, и будет подлецом, если его переживет. Остается только оплакивать слабые и несчастные жертвы *этого безумного и бесчеловечного честолюбия*. Это должно бы стать уроком, но этот урок ничему не послужит». Моро писал еще 17 февраля: «Вся русская кампания отличается особой неосторожностью и ошибочностью. Поход как туда, так и обратно, мне особенно трудно совместить с военным опытом Бонапарта. Он показал себя избалованным ребенком, считающим, что для его звезды нет ничего невозможного. Но звезда Севера обманула его. Я не могу даже вообразить себе, — добавляет Моро, — чем закончится эта ужасная трагедия».

- (7) Отрывок из письма Моро, написанного за несколько дней до его смерти, дает точное представление о его намерениях в этом отношении. 21 августа 1813 г. он писал из Главной императорской квартиры: «И вот я в армии, готовой разбить Бонапарта, и делаю это, уверяю вас, без малейшего отвращения, будучи полностью уверенным в том, что если я смогу способствовать его падению я заслужу благодарность Франции и всего мира. Неважно, под каким знаменем будет свергнут Бонапарт. Если бы роялисты убили Робеспьера, республиканцы их благодарили бы все двадцать четыре часа».
- (8) Если ко всем великим намерениям, определившим судьбу Моро, добавилось бы чье-нибудь личное злопамятство, то это было бы, может быть, негодование, вызванное тем недостойным обращением, которое испытала на себе Мадам Моро во время двух своих вынужденных поездок во Францию. Во время первой она была под непрерывным наблюдением жандармов. Во время второй, в августе 1812 г., ей не позволили даже ступить на землю. В декабре, в самый сезон бурь на море, она была посажена обратно на корабль и отправлена в Англию. Подробности этих обид и страданий глубоко оскорбили душу ее супруга.
- (9) Когда ампутировали левую ногу, и доктор Вилье осмотрел правую, он не смог сдержать содрогание от ужаса. Заметив это, Моро тотчас сказал: «Итак, надо отрезать еще и эту. Давайте, режьте!»
- (10) Письмо Его императорского величества Александра к г-же Моро, делает столько чести ее супругу, что невозможно его здесь не привести. Оно также дает точное представление о благородных отношениях, естественным образом связавших эти две прекрасные и чистые души.

«Мадам,

Когда ужасное несчастье на моих глазах постигло генерала Моро и лишило меня знаний и опыта этого великого человека, я питал надежду, что мои заботы сохраняют его для семьи и моей дружбы. Но Провидение распорядилось иначе. Он умер, как и жил, с душой, полной энергии и силы. В великих несчастьях есть только одно утешение — видеть, что кто-то

их разделяет. В России, Мадам, вы повсюду найдете чувство сострадания, и если вам будет угодно у нас поселиться, я изыщу все средства, чтобы скрасить жизнь той, чьим утешителем и опорой почитаю быть своим священным долгом. Я вас прошу, Мадам, полностью на это рассчитывать и не оставлять меня в неведении тех обстоятельств, в которых я мог бы быть для вас хоть чем-то полезен и писать всегда прямо мне. Буду рад предупреждать ваши желания. Дружба, обещанная мной вашему супругу, простирается за пределы гроба, и я не имею другого средства исполнить свой долг перед ним, хоть в малейшей степени, как обеспечить благосостояние его семьи. Примите, Мадам, в этих печальных и жестоких обстоятельствах свидетельства дружбы и заверения в моих чувствах.

Теплиц, 6 сентября 1813

Александр

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ И БОНАПАРТЕ

1814

..Jam non ad culmina rerum
Injustos reuuisse; tolluntur in altum,
Ut lapsu graviore ruant.

Claudian

Ее императорскому величеству
государыне императрице Марии Федоровне
с благоговением сочинитель

Последнее сочинение г. Шатобриана⁴⁶⁵ подало мысль к написанию сих строк. Не имею тщеславия становиться рядом с сим знаменитым писателем, которого редкому таланту никто больше меня не удивляется, но благодарю его, что он не писал о сем предмете. Радуюсь, что предоставлено русскому, хотя и в неравных силах, принести жертву благоговения беспримерной славе монарха, который, можно сказать, душою своею принадлежит многим векам, и который с таким достоинством соединяет в себе свойства христианина, философа и воина.

Радостные восклицания, раздающиеся от Кадикса до Камчатки, свидетельствуют, что все народы принимают равное участие в общем освобождении своем; но, смею сказать, должно быть русским, чтоб чувствовать во всей полноте неизреченную радость, внушаемую характером и поступками великого государя, бывшего Агамемноном⁴⁶⁶ в сем ополчении царей; [должно быть русским, чтоб выразить чувство славы иметь такого монарха] должно быть русским, говорю, чтоб вознестись на степень сей добродетельной души, воздающей благодеянием за поношение, свободою за рабство, и освобождающей Францию от тех бедствий, которые она излила на Россию.

Посреди тысячи голосов, громко изображающих все злодеяния издыхающего тиранства, принимаюсь я за перо, чтоб представить, если успею, в истинном виде удивительное поведение императора Всероссийского, его характер, твердость, политические его правила, рыцарские добродетели — это наше достояние! Надеюсь, что меня не станут упрекать в лести: никакая сила человеческая не имеет власти

над пером моим. Знаю, что молчание бывает иногда обязанностью, но ложь никогда!

Чтоб изобразить поведение императора нашего во всей его красоте, должно противопоставить ему поведение его противника. Обращусь к самой колыбели сего исполинского могущества, рассыпавшегося с толиким бесстыдством и подлостью, и говоря о начальных делах Бонапарта, постараюсь сохранить хладнокровие историка. Мужество повелевало снимать с него личину, нападать на него прямо, доколе он притеснял Европу, возвышать пред ним глас чести и истины, когда он имел над нами некоторую власть, но великодушные повелевают не оскорблять его после падения, говорить о нем отныне строгим и умеренным языком потомства, и сей преступной главе предоставить священное право, приобретаемое несчастьем. Писатель может отныне оказывать милосердие свое: ему позволено подражать великодушию победителей, и умерять, не без труда, негодование, которое, против воли, вырывается из сердца его!

В происшествиях царств и в жизни людей, находим постоянный закон, который можно б было назвать судьбою, если б он не был действием вечного, непостижимого Провидения. Сей закон, существующий в нравственном мире, равно как и в физическом, является наиболее в те бурные времена, когда, посреди сильных волнений, выходят на поприще необыкновенные люди, которым история придает название завоевателей, и хищников трона. Против них обращены были в течение четырех веков все усилия просвещенного мира: повсему казалось, что отныне положена непреборимая преграда пред мечтою о всемирной монархии, единственною целью и вместе камнем преткновения великих славолюбцев всех веков. Политическое устройство Европы казалось достаточною защитою против всех подобных опасностей. И если, с одной стороны, Французская революция открыла всю слабость прежней системы европейских государств, то с другой, надеялись найти в ходе и следствиях сей революции верное средство против ее начал. Политики, считавшие, что твердое и законное основание вещей произойдет, наконец, из бездны толиких бедствий и ужасов, везде находили последователей! Они не страшились сооружать на зыбком краю огнедышащего жерла то здание, которое хотели увековечить!

Но революция сия, потрясая общественный мир в основаниях его, должнаствовала произвести самое странное из всех явлений.

Истории предлежит изобразить, каким образом, по ниспровержении всех понятий нравственных и политических, один человек вдруг получил несметное наследство революции. Она скажет, по какому стечению неслыханных обстоятельств, Европа способствовала первым его шагам к верховной власти, и каким образом надежды и мечтания целого мира увенчали сею властью главу, вмещавшую уже в себе начало всех бедствий, распространенных с того времени по шару земному!

[Быстрые и бурные успехи Французской революции, причинив несметные и бесполезные преступления и бедствия, превратились, наконец, в медленное, мрачное тиранство, которое неосновательностью и слабостью своею угрожало существованию государства.] Утомленные умы чувствовали необходимость мира, и сие неопределенное, но общее желание преимущественно господствовало во Франции, когда Бонапарте, на развалинах могущества различных партий, принял бразды правления. Казалось, что все обстоятельства споспешествовали к возвышению его на такую степень, на которой он не нашел бы ни одного соучастника и мало совместников во всей истории; но сия слава не могла быть его уделом — Бонапарте дерзко бросился на обыкновенную стезю, на которой многие славолюбцы уже прежде него нашли свою погибель!

Победы при Маренго⁴⁶⁷ и Гогенлидене укрепили рождающееся величие, но Бонапарте, ни мало не обращая внимания на внутреннее управление Франции, занялся единственно личною своею славою. Он сделался консулом по смерти⁴⁶⁸, императором французов⁴⁶⁹, королем Италии⁴⁷⁰ и вскоре потом покровителем Рейнского союза⁴⁷¹ на развалинах германской конституции. Между тем необыкновенное сие счастье не могло его удовлетворить, и он протек по степеням исполинского величия своего с поспешностью и беспокойством, которые доказывали, что он, кроме похищения корон, имеет обширнейшие замыслы. Сия коварная душа испускала из облакавшего ее мрака лучи, которые приводили в ужас самые твердые души. Кровь герцога Энгиенского⁴⁷² обагрила ступени Бонапартова трона. Европа содрогнулась, узнав о сем преступлении: она почувствовала в то же время, что не может отомстить за умерщвление сей жертвы, и в последний раз воспользовалась правом изъявить свое негодование.

Тогда Бонапарте начал обнаруживать свои правила. Он старался привести свои предприятия в систему; сильная ненависть, притворная

или истинная, к английскому правительству, послужила ей личиною, и он положил основание системы, которую по справедливости назвал *континентальною*, если желал сим словом выразить совершенное отделение твердой земли от океана и вечное расторжение обоих полушарий. Сия система разрушала всякое просвещение, промышленность, народное богатство, и столь была безрассудна, что старалась заменить великие соображения 15 века жалкими изобретениями химии, и под предлогом отнятия у англичан владычества над морями, должнаствовала вручить Бонапарту обладание твердою землею.

В то время, когда Бонапарте хотел исполнить мечтательное свое предприятие против Англии, Европа, узнав об угрожающих ей опасностях и рассеяв долговременные свои мечтания, сделала усилие, чтоб лишить Францию обладания твердою землею. Сие усилие не было счастливо. Бонапарте дерзостью своею приобрел при Аустерлице⁴⁷³ право подписать Пресбургский мирный трактат⁴⁷⁴. Тогда мог он даровать Европе мир, а Франции нетленную славу, но ожидание вселенной и в сем случае не исполнилось!

Пруссия, которую Бонапарте щадил в 1805 году, вскоре после того сделалась его добычею⁴⁷⁵. Тень Фридриха II не бодрствовала над творением его. Падение принца Людовика Фердинанда⁴⁷⁶ было началом бедствий. Иенское сражение отдало всю северную Германию во власть победителя, но Бонапарте не мог помыслить, что она со временем, подобно Фениксу, вознесется в новом блеске из своего пепла! Уже в то время начали примечать странное бесплодие, которым Богу угодно было ознаменовать самые сокровенные предприятия Бонапарта. Уже в то время, нападая на врагов своих, он споспешествовал их восстановлению, и залогом благоденствия сделались, по чудесной превратности, залогом его падения и стыда!

Полились ручьи крови человеческой при Пултуске⁴⁷⁷, Эйлау⁴⁷⁸, Гейльсберге⁴⁷⁹. Бонапарте узнал, что может совершить храбрость великого народа, ополчившегося за правду, но еще не наступило время, в которое народ сей долженствовал явиться глазам его во всем своем блеске. Тильзитский трактат⁴⁸⁰ в 1807 году прекратил сию войну. Бонапарте, подписав его, открыл пред собою длинный ряд битв, — и он, конечно, улыбнулся, при помышлении, что несчастья рода человеческого еще продолжаются!

По первому взгляду казалось, что Тильзитский мир возвел Францию на высшую степень политической силы, но она сама сделалась жертвою

бедствий, которые изливала на вселенную, лишилась религии, освящающей народы, и законов, которые созидают их благоденствие. Она лишилась морской силы своей, которой Нельсон нанес смертельный удар при Трафальгаре, и богатых колоний, которые потеряны были мало-помалу безмерным тщеславием Бонапарта. Она взирала с ужасом на колосс Британии, которая, будучи естественным перевесом французской силы, сим самым принуждена была выйти из своего положения, и приобретать силою сокровища обоих полушарий. Наконец, она чувствовала необходимость в продолжительном мире, чтоб исцелить свои раны, и изгладить из памяти Европы кровавые волнения, которых она была жертвою. В то время, может быть, сама Европа согласилась бы забыть несправедливость, оказанную Неаполитанскому трону и многим немецким государям, изгнание, которым он поразил чужестранного министра, не могли ни утратить, ни развратить его* и умерщвление несчастного Пальма⁴⁸¹, которого кровь вопияла о мщении. Бонапарте, воспользовавшись общим расположением умов и прикрыв прежнее свое поведение, был бы, может статься, в состоянии присоединить к воинской славе своей другую, которая беспорочнее и тверже первой, но сей поступок был противен его характеру: ему казалось невозможностью остановиться, и без сомнения, в законах Предвечного начертано было, чтоб он не останавливался.

Поступки его с Испаниею были первым злодеянием, которое непосредственно обратилось на собственную его главу. Не довольствуясь беспредельным влиянием своим на правительство Испании, не стараясь продолжить дремоты, в которую, по видимому, погружена была нация, Бонапарте ниспроверг правительство, в котором имел нужду, и пробудил народ, которого силы надлежало ему страшиться. Он хотел сначала лишить его употребления могущества, которым он ему столь хорошо служил, и прибегнул к обману. Европа с негодованием увидела, что он самыми постыдными коварствами сначала пос-

* Барона Штейна, который, при просвещении нынешнего века имеет душу Римлянина.

..... Non ego te meis
Chartis inornatum silebo.

Norat.

[Мои стихи

Тебя без славы не оставят (*лат.*).

Гораций. Кн. 4. Ода 9. (перевод Н. С. Гинцбурга)].

сорил, а потом похитил королевскую фамилию, увидела с изумлением, что корона Филиппа II перешла на главу Иосифа Бонапарта⁴⁸², и несколько времени страшились, что спокойное покорение Испании откроет французам путь в Новый Свет.

Но сии опасения были напрасны: сильное мщение овладело народом, которого характер был неизвестен Бонапарту (Вера, любовь к Отечеству и народная честь возбудили весь полуостров. Сии сильные побуждения, неослабленные излишним умствованием в сей пламенной земле, были тройственным союзом, соединившим всех испанцев. Они сделались непобедимыми; полились реки крови человеческой; необходимость принудила принести несметные жертвы; — имена сообщников Бонапарта давно уже будут преданы забвению, когда не престанут ходить на поклонение развалинам Сарагоссы!⁴⁸³

Сия гнусная и дерзкая война с Испаниею доказала, что французы *не безошибочны* в политике и *не непобедимы* на поле брани. Она нанесла первый удар имени их предводителя. Англия, никогда не совращавшаяся с пути, которым идет с начала Французской революции, вспомоществовала усилиям испанцев с могуществом и постоянством, которые не изнемогали ни от затруднений внутреннего ее управления, ни от мгновенных успехов Бонапарта. Правительство британское даровало Испании в лице Веллингтона⁴⁸⁴ поруку в ее независимости и славе.

К войне Испанской надлежит присовокупить поступки Бонапарта с папою, чтоб понять две величайшие ошибки, которые дерзость заставила его сделать в политике. Пий VII возложил на главу Бонапарта венец Карла Великого, но дорого заплатил за сие пагубное снисхождение⁴⁸⁵. Вскоре Бонапарте сам наказал его. Руководствуемый во всякое время беспокойным духом своим, надеялся он с таким же успехом поработить владычество понятий о вере, с каким удалось ему покорить Европу. Но — дело удивительное! В Ватикане свободный папа был главою Римской церкви, а в Фонтенбло был он слабым старцем, которого без успеха терзали искусные в коварстве преследователи. Созвали собор, и победитель Европы не мог преклонить на свою сторону малого числа духовных особ. Религия, удалявшаяся от служителей своих по мере того, как Бонапарте коварством или силою, привлекал к себе, скрылась в убежище, неприступное его могуществу — и он, подобно баснословному Иксиону⁴⁸⁶, обнимал облако и дым!

Каково бы в то время ни было влияние политических поступков его, но Бонапарте пользовался еще доверенностию своей армии.

Война 1809 года⁴⁸⁷ восстановила его воинскую славу. При всех усилиях великодушного народа, несмотря на победу, одержанную австрийцами при Аспарне⁴⁸⁸, Венский трактат⁴⁸⁹ открыл новое поприще славолюбию Бонапарта. Союз, им вскоре после того заключенный, казался подпорою политического бытия его; но ничто не могло укротить сей упорной души.

В самом деле, время, протекшее между заключением Венского трактата и вступлением французов в Россию, было одною из блистательных эпох Бонапарта⁴⁹⁰. Вся твердая земля была поработана или угрожаемая поработанием. Всемирная монархия быстро приближалась. Несчастья вселенной дошли до высшей степени, но Бонапарте был властелином Европы, и личное тщеславие заставляло его желать единственно утверждения сей исполинской силы.

Александр, руководимый умеренностью, происходящею от характера и правил его, принес самые тягостные жертвы для утверждения мира, который казался необходимым для России. С самого вступления на престол он изъявлял пламенное желание восстановить порядок в Европе. Дважды являлся он на поприще брани⁴⁹¹, но Бонапарту предоставлено было прейти все степени счастья, чтоб упасть с большей высоты. Император Всероссийский, уверенный в силе и приверженности своих народов, обратил все внимание на внутреннее устройство обширного государства своего, но в 1812 году увидел себя принужденным взяться за оружие. Дело шло не о восстановлении Европы, но о спасении России.

Бонапарте, ни мало не признавая, сколь благотворны были верный союз и великодушное терпение российского государя, воспользовался оными для начатия одного из тех *огромных* походов, которые, по военной системе новых народов, казались баснословными и невозможными. Сему вооружению предшествовали всякие оскорбления, какие только можно было оказать России. Он старался произвести мятежи на границах ее, продлить ведомые ею войны, лишил владений государя, соединенного узами родства со всеросийским императором⁴⁹² — словом, употребил все средства раздражить государя, и оскорбить народ, управляемый им с толикою славою.

Для поддержания и довершения своих политических злодеяний, ввел он в Россию войско, состоявшее из 600 000 человек французов и союзников или данников Франции. При сей армии были бесчисленная конница, несметная артиллерия, всякие ремесленники, даже

женщины и дети. По всему казалось, что новый Ксеркс питался чудовищною мыслию простереть завоевания свои до Азии, или, по крайней мере, предписать в Москве мир, который, разрушив здание Петра и Екатерины, доставил бы Франции спокойное обладание твердою землею.

Здесь начали обнаруживаться великие законы судьбы, управляющей важнейшими происшествиями в свете. Взгляните на пространство и силу держав, подвластных Франции — и увидите союз целой Европы против одной державы, союз, сделавшийся после того, по чудесной превратности дел, орудием, которое Бог уготовал для наказания Франции. Бонапарте быстро вошел в Россию, и русские отступили, чтоб соединить силы свои⁴⁹³. Пал Смоленск⁴⁹⁴, преграда Москвы, и сие подало знак к начатию новой брани, брани народной, в которой возобновились чудеса войны испанской⁴⁹⁵. Бородинская битва⁴⁹⁶, которую французы назвали исполинскою, явилась первым оплотом потока, угрожавшему поглотить всю империю. Выполняя великую мысль, внушенную великими обстоятельствами, Кутузов впустил неприятеля в Москву, и сия славная жертва спасла Россию и Европу⁴⁹⁷.

Поведение Бонапарта в Москве вовсе не показывает того искусства, которого неоднократно мы видели примеры. Привыкнув к спокойной покорности занимаемых столиц, к правильному грабежу областей, к похвальным речам городских чиновников, к холодности народного духа, он крайне изумился, нашед совершенно пустой город. Лишь только принял он его во владение, как столпы пламени и дыма поднимаются со всех сторон и в несколько дней пожирают произведения многих веков. Дворцы и храмы, памятники искусств и чудеса роскоши, остатки веков протекших и произведения новейших времен, гробы праотцев и колыбели настоящего поколения — все было предано пламени: не осталось ничего, кроме чести народной и свободы⁴⁹⁸!

Между тем, как Бонапарте, расстроенный во всех предприятиях, обманутый силою мужественного и верного народа, и по-видимому пораженный сумасшествием, предавался безумному бешенству, подрывал Кремль. Император Александр, сильно тронутый несчастиями своего народа, но уважавший в сердце характер его, подавал ему пример истинно геройской твердости. Он провозгласил, что отказывается от всех мирных предложений⁴⁹⁹. Он решился испить всю чашу бедствий, а не изменить чувствам своим. Он положился на помощь

Божию и на меч свой, и, вооружась, выступил на поприще в твердом намерении победить или умереть*.

Сия решимость положила начало бедствиям французской армии, бедствиям, которых ужаса никакой язык выразить не может. Все возможные несчастья облегли французов в Москве, и преследовали их в достопамятном отступлении. Стужа, голод, отчаяние, пламя истребляли избегавших русского меча. Несметное число врагов, которых существование неизвестно было Бонапарту, напало на него со всех сторон. Всякий русский крестьянин сделался героем, каждый имел причину мстить врагам, каждый лишился отца, сына, брата, видел осквернение святыни, сожжение дворцов и хижин. Народный восторг дошел до высочайшей степени. Все восстали по одному мановению, и двинулись в *крестовый поход*, которого свойство и блистательные подвиги история предаст потомству.

Она возвестит в то же время всю славу русского оружия: сражения при Таругине⁵⁰⁰, Малом Ярославце⁵⁰¹ и Вязьме⁵⁰², искусный поход на Красной⁵⁰³, бедствия французской армии при Березине⁵⁰⁴ и в Вильне⁵⁰⁵. Она не забудет Клястиц⁵⁰⁶, Полоцка⁵⁰⁷ и Витебска⁵⁰⁸ — все сии подвиги принадлежат нашим летописям.

Александр изгнал из пределов своих вероломного врага, возмущившего их спокойствие. Он истребил армию в шесть сот тысяч человек — цвет Европы, против него ополченной. Он мог бы с гор-

* Ничто не может сравниться с объявлением Императора Всероссийского в то время, когда Французы вошли в Москву. Ни один из новых народов не имеет в архивах своих столь знаменитого памятника. Все содержание сего объявления совершенно исполнилось: выпишем некоторые места: «Россия не привыкла покорствоваться, не потерпит порабощения, не предаст законов своих, веры, свободы, имущества. Она с последнею в груди каплею крови станет защищать их. Всеобщее, повсюду видимое усердие и ревность в охотном и вольном против врага ополчении свидетельствуют ясно, сколь крепко и неколебимо Отечество наше, ограждаемое верным духом его сынов. — При бедственном состоянии всего рода человеческого, не прославится ли тот народ, который, перенеся все неизбежные с войною разорения, наконец, терпеливостью своею и мужеством достигнет до того, что не токмо приобретет сам себе прочное и нерушимое спокойствие, но и другим державам доставит оное, и даже тем самым, которые, против воли своей, с ним воюют? — Приятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добром. Боже всемогущий! обрати милосердные очи Твои на молящую Тебе с коленопреклонением Российскую церковь. Даруй поборающему по правде верному народу твоему бодрость духа и терпение. Сими да восторжествует он над врагом своим, и спасая себя, спасет свободу и независимость Царей и Царств!»

достью опустить меч во влагалище, и ждать неприятелей; но другая, высокая мысль втайне его занимала. Он видел, что союзники Франции сражались с ним против воли, видел, что Европа стонала под тяжким игом и изнемогала от угнетающих ее бедствий. Александр решился освободить побежденные народы, вознамерился отомстить за оскорбление народных прав, и в самом независимом монархе вселенная явит защитника тех высоких, благодетельных правил, которым свет обязан был четыремя веками славы и благоденствия!

Первый государь, с которым Александр разделил свой благородный восторг, был король Прусский⁵⁰⁹. Сии царские души не представляли разуместь друг друга: все прежние сношения доверенности и дружбы были восстановлены. Наученные несчастиями, оба монарха простерли с взаимною нежностью братскую руку. Между ими возникло благородное дружество тех чудесных времен, когда венец царский украшал шлем великодушных рыцарей.

Народы последовали примеру монархов. Россияне и прусаки составили одну армию. Россия и Пруссия соединились в государство, движимое одною мыслию, и направляемое к одной цели. Ход правления Пруссии в сие время достоин величайшего удивления. Все было сделано, все было предуготовлено в безмолвии, все государственные средства в тайне приведены в действо. Пруссия вмиг вооружилась, и, пребывая верною своим обязанностям, явила толикую честность, неустрашимость и твердость, что в течение одного похода возвратила славу, утраченную десятилетними бедствиями.

Совершенное и постоянное участие Пруссии в системе России и Англии было верною порукою в успехе, но всего не было еще сделано: для отражения Франции в законные ее пределы, надлежало одушевить всю Германию теми же правилами, но положение ее представляло сему множество препятствий. (Германия, разделенная на части пользами, верою, можно сказать и языком своих жителей, в течение многих веков была жертвою самых бедственных политических смятений.) Пагубное влияние Бонапарта довершило расстройство сей земли, которою он всячески старался овладеть, и несколько времени в самом деле казалось, что река Эльба отделяет свободную Европу от Европы порабощенной*.

* Полит. картина Европы после Лейпцигского сражения, стр. 57 в подлин.

В сем положении дел, император Александр почувствовал, что наступил час решительный. Он усмотрел, что для оживления всей Германии одним духом, надлежит произвести общую опасность и возжечь общую войну. При Лютцене⁵¹⁰ союзные армии удержали за собою поле битвы, но увидели необходимость уступить на время превосходной числом и пособиями неприятельской силе. Отступление произведено было так искусно, что не потеряно ни одной пушки. При Бауцене⁵¹¹ Бонапарте не мог сбить союзной армии ни на одном пункте; но надлежало предуготовить великие удары, открыть глаза всей Германии — и заключено было перемирие.

Германские государи ясно увидели, что освобождение их находится в собственных их руках. Австрия, уверясь в том, что не должно терять времени на рассуждения, и что надлежит жертвовать священнейшими чувствами природы обязанностям государя, не ожидала важнейших успехов. Император Франц⁵¹², помня должности царя, забыл чувства отцовские⁵¹³. Сие решение, которого надлежало ожидать от государя, царствовавшего по правилам отца в течение 25 лет, присоединило к союзу 100 000 человек и всю южную Германию. По прекращении Пражского конгресса⁵¹⁴, воспылала война с новыми силами и новыми надеждами!

Полководец, призванный на ступени престола Вазы желанием воинственного народа, прибыл из Скандинавии⁵¹⁵, услышав глас славы и свободы. Душевное чувство влекло его на равнины Германии. Он желал, чтоб Великий Густав⁵¹⁶ на гробнице своей признал его преемником шведской славы, желал заключить союз с его тенью!

Не стану изображать военных действий, ознаменовавших открытие сей кампании: битвы при Дрездене⁵¹⁷, где пал Моро, Кульма⁵¹⁸, где воины Леонида нашли преемников, Денневица⁵¹⁹, берегов Кацбаха⁵²⁰, где и теперь раздается имя Блюхера⁵²¹, всех сиз достопамятных мест, где союзные державы победами, дорого искупленными, научились расторгать оковы вселенной; но при Лейпциге Бонапарте лишился скипетра Германии, при Лейпциге, где все германские государи соединились, наконец, под одною хоругвию, на общую брань в священном союзе Европы.

Победа при Лейпциге⁵²² привела союзников мгновенно на берега Рейна. Бонапарте никогда не претерпевал подобного поражения. Равнины Лейпцигские сделались Каталаунскими полями нового Аттилы⁵²³. Он впал там в ошибки, подобные тем, которые погубили

его в России. Он непременно хотел остаться в Дрездене, как оставался в Москве. Провидение вознамерилось снять с него личину искусства и воинской славы, служившую ему покровом, а потом представило его свету во всей ужасной нагоде, дабы народы рекли в изумлении: «се человек раздражаяй землю, потрясаяй Цари?»*

Между тем, как Бонапарте спешил унести за Рейн стыд свой и поражение, Союзные государи явились на берегу сей реки и перешли без препятствий сию мнимую естественную преграду Франции⁵²⁴. Она не лучше была защищаема тремя рядами крепостей, приобретенных веком славы и двадцатью годами революции. Союзные монархи, пребывая верными своему правилу, предложили еще раз мир Бонапарту, но он, пораженный слепотою, почел себя обиженным, что ему между Рейном и Пиренейскими горами соглашались дать более, нежели имел Людовик XIV, хотя — «Королевская французская корона, как сказал один мужественный чиновник, блистала славою и величеством посреди всех диадем»**.

Союзные армии заняли области французские. Не стану следовать за ними на сем победоносном шествии. Бриенна⁵²⁵, Труа⁵²⁶, Лаон⁵²⁷, Суассон⁵²⁸, Фер-Шампенуаз⁵²⁹ сохраняют память о их подвигах. Спешу созерцать в стенах парижских великого монарха⁵³⁰, который долженствовал расторгнуть оковы Франции, возвратить наследие Св. Людовика⁵³¹ его праправнуку, и даровать мир вселенной!

Бонапарту предоставлено было совершить еще одно безумное дело. Он приказал защищать Париж; но блистательная победа под стенами сей столицы послужила единственно к возвышению храбрости и великодушия Всероссийского императора: пламя Москвы освещало первые шаги его, но в сей великой душе замирает всякое

* Исайи гл. XVI. 16.

** Речь депутата Лене. История сохранила имена Лене, Ренуара, Мера города Бордо и чиновников Парижского магистрата, которые впервые провозгласили истину и подали великий пример всей Франции. Сия честь тем приличнее для них, что тиранство Бонапарта не нашло почти никакого сопротивления во Франции. Этот человек так был искусен в порабощении, что успел оковать во всех смыслах самую непостоянную нацию в свете. Мы не знаем ни одного государственного человека, который смел бы возвысить голос в правление Бонапарта, ни одного писателя, которого наказали бы за открытие какого-нибудь из злодеяний. Надлежало, чтоб десятилетние несчастья и присутствие победоносных армий всей Европы покровительствовали первые совещания законных властей, и дали силу самым справедливым требованиям!

чувство мщения. Александр платит за зло благодеяниями, и сии полчища *варваров*, которые Бонапарте грозился *отразить в степи Азии*, сии полчища, послушные гласу ведущего их государя, на улицах Парижа смешиваются с народом, против которого воевали, и почитают освобожденных от тирана французов жертвами, а не врагами!

История не представляет нам государя, который приобрел бы подобную славу; никогда правила государственные не согласовались так счастливо с благороднейшими ощущениями сердца! — Одерживать победы, возбуждать междоусобия, принуждать к миру — вот дела обыкновенных завоевателей! Освобождать народы, свергать гнусных тиранов, восстанавливать повсюду законную власть, действовать в звании царя, исполнив долг рыцаря на бранном поле, быть человеком на самом неограниченном троне вселенной, на вершине величия преклоняться пред Провидением, в скромности и простоте отвергать раболепство, убегать собственной своей славы — вот подвиги Александра!

Сравните его с делами мнимого восстановителя Франции. Бонапарте, отягощенный добычею Европы, упоенный ложным величием и десятилетним счастьем, сокрушился о северный колосс. Александр, видя нападение на земли свои без объявления войны, принимает в виду Европы вызов корсиканца, и, преследуя мечом свирепого врага своего от Москвы до Парижа, принуждает его признаться в своем поражении, и на коленях умолять победителя о помиловании. Бонапарте принес в Россию все язвы египетские; Александр явился посреди французов в виде ангела-хранителя; Бонапарте в России старался по обыкновенному правилу своему отделить народ от законного правления; Александр возвратил французам единственного государя, могшего примирить кровь Людовика XVI с Франциею и загладить двадцатилетние бедствия, и по удивительному великодушию, предоставив Франции честь сего великого раскаяния. Бонапарте в Москве посрамил величие престолов и нарушил спокойствие гробов. Первое деяние Александра в Париже было благородное уважение прав человечества, в самом упоении победы. Бонапарте, истощая свое государство, предавая воинов неизбежной смерти, пожертвовал всем собственному сохранению; Александр, увлекаемый храбростью, участвовал в трудах и опасностях последнего из воинов своих, и председатель в совете царей и полководцев. Бонапарте презирает людей и притесняет их, Александр утешает и облагораживает. Бонапарте, наконец, довершая оскорбление насмешками, посрамил наши алтари,

нарушил наши нравы и законы. Александр, являя французам великодушие Генриха IV, говорил с ними его языком!

Картина трогательная и удивительная! Французы видели, как сей герой, юностью и красотою Ринальдо⁵³², храбростию Танкред⁵³³, опускал, подобно им, острие грозного меча своего пред священным образом Искупителя мира; они видели его, подобно Готфриду Бульонскому⁵³⁴, пред рядом крестоносных государей, повергающегося пред Господом Сил в местах, обгаренных кровью мучеников, и превосходящего счастьем сего французского героя, примиряющего с Небом народ, побежденный им на земле!

Наступил день искупления. Моро на смертном одре говорил верному и несчастному своему другу*: «Не забудь сказать всем французам, которые будут говорить с тобою обо мне, что надеялся еще принести некоторые услуги Отечеству; скажи, что вся Франция должна согласиться, в необходимости низринуть Бонапарта. Скажи им, прибавил он трепещущим голосом, что я посвятил себя делу человечества, но что сердце мое всегда принадлежало Франции». Сии пророческие слова исполнились — тень Моро успокоилась; Франция свободна, и самая важная из всех бывших когда-либо революций совершена с удивительным единодушием. Она, подобно утренней заре, предвещает новый порядок вещей; царствование расстройства прекратилось; все вступает обратно в естественные свои пределы. Обгаренные кровью хищники уже не будут дерзостно садиться за столы царские, не будут разделять с ними могил. Воля Всемогущего очевидна. Царские поколения не будут пресечены. Он подверг сии поколения долговременным, тягостным опытам: они победили их, и достояние веков не сделается добычею одного счастливого, смелого дня!

Но если, с одной стороны, право Царей утверждено двадцатилетнею революциею, то с другой, народы узнали свои силы: они вспомнят, что были последним оплотом человечества; они имеют право на благодарность государей, которых столь храбро защищали. Исполненные взаимного уважения, и наученные, в чем состоит истинная их польза, государи и народы принесут на могиле Бонапарта взаимную жертву самовластия и народного безначалия.

* Полковнику *Ранателю*, убитому в сражении при Фер-Шампенуазе в глазах Государя Императора.

Европа не представляла никогда столь величественной картины, никогда не подавала столь великих надежд: во Франции вновь расцветут лилии⁵³⁵, согбенные долговременною бурей, и земля примет прежний свой характер. Германия, наученная несчастьями, будет наслаждаться плодом своих подвигов и просвещения. Россия, главная виновница восстановления Европы, успокоится после долговременных трудов, под сенью славы, беспримерной в летописях мира! Испания, возвратившая короля своего, Португалия, сохранившая наследие дому Браганского, величественная и спокойная Англия поклялись во взаимной верности на развалинах Сарагоссы и на равнинах Витории⁵³⁶. Град Кесарей не мог пребыть в рабстве: отеческое правление исцелит его раны. Полуостров Скандинавский не преминет соединиться под правлением государя, призванного для его счастья. Словом: Европейская республика готовится выйти из хаоса и утвердить вновь свое основание. Безумное тиранство не будет противиться усилиям разума человеческого; позволено будет мыслить на всей поверхности шара земного; науки и словесность, изгнанные с свободою и добродетелью, оживут вместе с ними. Торговля соединит все народы; пределы, сооруженные безрассудством между двумя полушариями, разрушатся сами собою. Разум человеческий, исцеленный от заблуждений своих, образованный препятствиями, примет ход, приличный истинному его величию; удаляясь от всех разрушительных средств, он потщится восстановить здание общества; светильник ложной философии потушен кровью целого поколения; истинные понятия о вере и верховной власти возникли из бедствий народных, и утвердились падением царей: начинается новый период истории — да именуется он Александровым!

Один Бонапарте будет трепетать в ярости. Зрелище всеобщего благоденствия — казнь, предопределенная ему Богом — есть величайшая из всех казней. С печатью отвержения на челе, сидя на скале дикой, где осужден слышать проклятия народов, вздохи матерей, требующих у него первенцев своих, Бонапарте ежедневно будет чувствовать муки ада, изобразить которые в силах одно страшное перо Данте. Умерший для Франции и света, живой, он будет слышать произносимые над могилою его проклятия истории, которым цари египетские подвергли свои бездушные трупы!

ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРОПЕ

Quem discordiae, quem caedes, quem bellum civil delectat,
eum ex numero hominum, ex finibus humanae naturae censeo
exterminandum.

Cicer. Philipp.

Самая быстрая и дерзкая революция⁵³⁷ вновь погрузила Францию и Европу в пропасть неисчислимого зла. Бонапарте, бежавший из своей ссылки и тайком высадившийся во Франции, снова занял трон, на который обрушились проклятия мира⁵³⁸. Ни одна рука не поднялась, чтобы защитить короля, которого французы окружали таким уважением и одобрением. Ни одна капля крови не была пролита в защиту хартии⁵³⁹, которой они так гордились и которой они считали себя достойными. Вместо законных средств защиты король нашел измену, неблагодарность и непостижимое оцепенение, лишившие его оружия, которое еще могло бы спасти Францию⁵⁴⁰. Нельзя без содрогания думать об этой ужасной и необычной катастрофе. Кажется, что мы внезапно отброшены в мрачные века Римской империи, когда необузданная солдатня торговала властью, и когда пурпур цезарей, раздираемый в мелкие клочья, был знаменем мятежа и призывом к гражданской войне.

Какое зрелище представляет нам Франция! Едва прах Людовика XVI обрел приют⁵⁴¹, как Людовик XVIII вынужден был принять посох и плащ странника!⁵⁴² Еще шли поиски останков короля-ребенка⁵⁴³ в земле, которая все вынесла, как узурпатор снова осквернил ее своим присутствием! Чудовищная путаница всех мыслей! Король, который дал Франции мир и свободу, лучший и самый подходящий король, из всех правящих когда-либо во Франции, вынужден отправиться в изгнание из земли, столь жадной до королевской крови⁵⁴⁴, а безумный тиран, которого сами французы осыпали оскорблениями и проклятиями, спокойно возвращается в столицу Франции и садится на свой мерзкий престол, как сатана Мильтона⁵⁴⁵, носящий на своем лбу шрамы небесного отмщения, погружается в вечную бездну, созывая вокруг себя толпу гнусных духов, которых он увлекает вместе с собой и чьи судьбы связаны с его преступлением.

Но даже видимость законности Наполеону не нужна. Когда-то он хвалился, что сверг с престола *только анархию*, но теперь он сам

стал ее орудием и *сверг с престола своего короля*. Нет такого клейма узурпатора, которым бы он не обладал. Последнее, совершенное им преступление, уже отпечатало на нем новую укоризну. Напрасно желал бы он спрятать под увядшими лаврами позорный колпак, которым он не боится замарать свою голову. Из-под пурпурной мантии виднеются чуждые и варварские формы. Напрасно произносит он слова «конституция», «свобода», «мир»⁵⁴⁶. Эта ужасная насмешка есть несомненный знак его слабости. Он провозглашает свободомыслие, но хотел бы погрузить Европу во мрак варварства, которого апостолом и наследником он является! Бонапарте стремится начать революцию, которою мы считали законченной. Он бросил перчатку Европе и считает, что все способы хороши для того, чтобы укрепить нарождающуюся силу этой революции. Он заключил пакт со всеми страстями, всеми заблуждениями, всем малодушием. Он естественный союзник всего дурного в человеческой природе. Каких людей призвал он к себе? Негодяев, опозоренных во мнении всеми живыми свидетельствами милосердия короля. Одни из них — грязные обломки мятежей, уничтоживших монархию, другие — подлые сеиды⁵⁴⁷, которых сам тиран научил преступлению и тупому послушанию. Разбой, святотатство, измена, предательство, клятвопреступление окружают этот наспех возведенный престол. И под покровом этих ужасов он обещает Франции: славу, мир и процветание.

Тем не менее, в самом этом глубоком падении, посреди этого печального и постыдного зрелища мы видим и появление некоторых великодушных характеров, и принятие благородных и трогательных решений. Честь этой горстке храбрецов, которая, находясь между изгнанием и бесчестьем, поддержала дело, против которого многие из них недавно сражались, но тогда они не клялись его защищать! В то время как армия изменила белому знамени, с французской трибуны звучали мужественные и верные слова, литература также не краснела за тех, кто ей занимался. В день отъезда короля Бенжамен Констан⁵⁴⁸ напечатал под своим именем статью, полную блеска и силы. Это обрекло его на изгнание. Шатобриан и Лакретель⁵⁴⁹ покинули родную землю. Союз мужества и гения, эта торжественность несчастья, это великолепное зрелище седовласого короля борющегося против всех невзгод, это медленное и молчаливое шествие среди народа, который его приветствовал, но который не отважился за него умереть, эти разбежавшиеся солдаты, внезапно проникшиеся уважением

при виде его, это небольшое число верных слуг, сохранивших честь Франции, — вся эта религиозная и торжественная церемония поражает воображение и предоставляет душе самое величественное зрелище. Говорили, что вместе с Людовиком XVIII Францию покинули сорок поколений королей, и что этот невидимый и огромный кортеж разоружил преступные руки и размягчил железо убийц.

Но Провидение не позволит полностью восторжествовать преступлению. Узурпатор, поставленный по единодушному согласию европейских властей *вне всех гражданских и общественных отношений*, лучше кого бы то ни было знает опасность своего положения.

Юг и запад Франции, придя в себя от первого оцепенения, объединились вокруг благородной дочери Людовика XVI⁵⁰. Белое знамя еще развевается на всем побережье Франции. Угрызение совести, стыд, тяжесть тирании приведут, может быть, под сень лилий большое число легковверных и обманутых людей, одумавшихся после осознания всей глубины пропасти, в которую они вовлекли Францию. И глубокое раскаяние овладеет всеми сердцами, если земля Франции не поглотит негодя, несущего ей разрушение и позор, и если рука француза не освободит вселенную от отвратительного тирана. Вооруженная Европа совершит это великое дело. Со берегов Средиземного моря до берегов Атлантики, все народы поднялись, все короли взяли шлем и меч. Общий интерес и общая опасность объединяют все умы. Франция будет наводнена солдатами. Великодушный Александр призвал свои храбрые легионы, и вся его обширная империя ответила триумфальными возгласами. Армии союзников знают дорогу в Париж. Они не замедлят водрузить на его стенах священное знамя, под которым Европа всегда будет держать все свои силы, и о которые всегда разобьются все усилия мятежа и анархии.

**РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
ПОПЕЧИТЕЛЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УЧЕБНОГО ОКРУГА,
В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ГЛАВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
22 МАРТА, 1818 ГОДА**

Τό πέρας ὡς ἂν ὁ δαίμων βουλευθῆ
γίγνεται, ἡ δέ προαιρεσις αὐτῆ τὴν τέ
συμβέλε διάνοιαν δηλοί.

Demosth.

Министерство духовных дел и народного просвещения⁵⁵¹, учредив в Главном педагогическом институте⁵⁵² две кафедры для преподавания восточных языков, по Высочайшему повелению призвало из Парижа господ Деманжа⁵⁵³ и Шармуа⁵⁵⁴, образовавшихся там наставлениями известных ориенталистов: Сильвестра де Саси, Ланглеса, Шези⁵⁵⁵ и других.

Приличным казалось ознаменовать открытие сих кафедр особенным торжеством, вместе с возобновлением кафедры истории, порученной профессору Раупаху⁵⁵⁶.

Президент Императорской Академии наук, по должности попечителя Санкт-петербургского учебного округа, нашел себя тем более обязанным участвовать в сем торжестве, что он давно желал преподавания восточных языков в России, основанного на твердых и прочных началах; а преподавание истории почитал всегда главным делом народного воспитания.

Рассуждая о предметах, равно важных для всех, президент Академии наук говорил, как мыслил. Слава монарху, благоприятствующему беспристрастным исследованиям всех истин и скромному излиянию каждого чувства души!

Государь император, великодушный покровитель всех общепользных знаний, ныне щедрою рукою открывает новое поприще, новые пути в святилище наук и просвещения. Да будет наша первая мысль, наше первое чувство, признательность к нему, к нашему великому мо-

нарху, который герой в порфире, гражданин на троне, миротворец на поле брани, законодатель и просветитель, блистает под эгидою святой веры и святого человеколюбия; к монарху, коего глава украшена первою диадемою в свете, и который в древнем Риме заслужил бы от равных скромный, но славный венок гражданской доблести⁵⁵⁷.

Но как можем мы достойно изобразить наши чувства? Чем можете вы, юные питомцы, заплатить ему за столь великие милости? Чего требует он от нас в замену толиких щедрот? — Он требует вашего собственного благополучия; он требует свободного стремления к добру, благородного порыва ко всему прекрасному и полезному. Он хочет вложить в ваши сердца глубокое чувство вашего будущего звания в обществе. Он желает, чтобы, прирав по мере ваших сил искру того дивного огня, коим горит Его высокий дух, вы с обновленною душою рассылались по пределам отечества, и чтобы следуя данному вам направлению, сообщая другим поколениям здесь почерпнутое образование, вы всегда показывали вашим будущим писателям соединение всех лучей религии и наук в один благодетельный источник истины и света.

Я не почитаю нужным пространно излагать пред вами, милостивые государи, всю важность открываемого ныне курса восточных языков. Вы знаете, какое место Восток занимает в истории, Восток первая колыбель, первое поприще лучшего бытия, первый свидетель падения рода человеческого. Из Азии проистекали все религии, все науки, вся философия. Она одна сохранила чудесный дар производить все большие явления морального мира; там находили мы истинный единственный источник всеобщего просвещения, и кто мог бы не гореть желанием созерцать вблизи богатства сего неисчерпаемого рудника ума человеческого?

К сему имеем мы один способ: *восточные языки*. Вообще языки суть памятники времен, предшествовавших истории. Узнать язык народа, значит узнать весь ход его образования. В недрах сих дивных составов лежит, так сказать, печать, отличающая один народ от другого. Чем совершеннее язык, тем народ ближе к просвещению. Сличение языков может изъяснить происхождение и сродство народов между собой; и если б, по непредвиденному случаю, могли когда-либо исчезнуть с лица земли все памятники истории, тогда следы времен прошедших остались бы только в самых диалектах,

в их взаимных сношениях, в их внутреннем образовании; и тогда б мы судили о политической судьбе народа по совершенству грамматических форм ему принадлежавшего языка.

Но знание языков остается без цели и без важности, если мы ограничиваемся сравнительною номенклатурою или собранием пустых звуков. В нынешнем состоянии общих познаний, *слова* суть ничто иное, как *знаки мыслей*; следовательно *языки* только средства к достижению новых познаний, или, лучше сказать, путеводители к новым понятиям. Высшая филология стремится к единству. Только те языки заслуживают наше внимание, которые имеют свою собственную словесность. В большом количестве языков мира, весьма немногие могут назваться *коренными*, не столько потому, что от них произошли другие языки, как потому, что они сильно действовали на просвещение всего мира. Язык без литературы то же самое, что народ без истории. Не все люди в сложности составляют человечество; не все языки принадлежат к филологии. Один греческий язык с происходящим от него латинским, дает нам ключ к познанию всего западного мира; таким же образом арабский язык в соединении с языком Персии, ключ всей западной Азии, и был долго ключом к познанию всей восточной древности. С тех пор, как мы обогатились знанием *санскрита* и всех диалектов Индии, средняя сфера азиатских языков, без сомнения изо всех важнейшая, каждый день более и более привлекает любопытство и внимание. Если к сим коренным языкам мы прибавим, с одной стороны, еврейский, а с другой, наречия племен татарских, и, наконец, языки Японии и Китая, то одним взглядом обнимем всю систему древних, поистине *коренных языков* Азии. Теперь окинем быстрым взором главные литературы, из них происшедшие.

Словесность еврейская ограничивается книгами Ветхого Завета. Она отличается от других словесностей Азии тем, что не обещает ни дальних открытий, ни дальних усовершенствований. Язык еврейский был первым поводом к изучению других восточных языков. Знание его процветало в Европе посредством богословия, задолго перед другими. Творения Моисея, могут в своем роде равняться с совершеннейшими памятниками древней поэзии. Язык евреев не богат ни выражениями, ни оборотами, но смел и силен. Их поэзия, о которой древние не ведали, имела великое влияние на все новейшие литературы Европы.

Словесность арабов, коей обозрение господин профессор Деманж ныне представит в особой речи, имеет свой отличительный характер. Их поэзия пылает, как их степь; она чудесна, как их история. Посреди империи персов и империи римлян лежит Аравия, коею ни Александр, ни римляне не могли овладеть. Жители ее были независимы и храбры; они любили поэзию, как свободу. Сама природа защищала их от внешних властителей. В VII столетии явился Магомет, полководец, законодатель и поэт, и большая половина древнего мира повиновалась *Исламу*, когда он оставил с жизнью завет обращать народы посредством Корана и меча. Сто лет после смерти Магомета, владение арабов простиралось от Ганга до Пиренейских гор. Константинополь трепетал, и трон Персии распался на части. *Гарун Аль-Рашид*⁵⁵⁸ и сын его *Ал-Мамун*⁵⁵⁹, покровительствовали наукам. Под их скипетром процветали: Восток, Африка, Испания. *Тысяча и одна ночь*⁵⁶⁰ сделала Гаруна славнее, чем его поход на Царьград⁵⁶¹. Творения греков, особенно философов и врачей, были переведены на арабский язык. В Багдаде, в Бассоре и во многих других городах, халифы основали высшие училища. Арабы первые познакомили Европу с Аристотелем. Вместе с науками процветали художества и мануфактуры. Архитектура арабов, которую мы ошибочно называем готическою, носит печать их гения. В великолепных чертогах Багдада, под тенью лимонных деревьев на берегах Тага и Гвадалквивира, раздавался звук оружия, вместе с звуком лютен и гитар. Арабы не уступали ни одному народу в любви к турнирам, к рыцарству, к поэзии. Следы пребывания их в Испании, произвели Ариосто и рыцарскую литературу (1). Весь их исторический ход чудесен; но мы узнаем те же черты характера в арабе и посреди знойных степей в сопровождении верного верблюда, и в вышних ристалищах царей гренадских. С Магометом исчезла поэзия арабов; слабые ее отголоски были едва слышны. Тогда арабы славно владычествовали над двумя третями просвещенного мира. С независимостью, с бедностью, с жизнью патриархов, лишились они оригинальности в произведениях ума. Магомет, сын степи, заключает круг их поэтов.

Переходя к литературе Персии, я должен сказать, что господин профессор Шармуа представит в своей речи несколько подробностей о сем предмете. Я покажу только связь словесности персидской с другими словесностями Востока.

Происхождение языка Персии, равно как и происхождение империи персов, теряется во мраке веков. Он богат и приятен; не так выразителен и не так силен, как язык арабов; но звучнее и привлекательнее. Формы поэзии верно определены. Персы имеют во всех родах превосходных поэтов: *Фирдоуси* их Гомер, *Хафиз* их Пиндар и Анакреон; первый написал большую эпическую поэму под названием «Шохнаме»; другой прославился одами и легкими стихотворениями, которые дышат негою. Сверх того принадлежат к первой степени: *Саади*⁵⁶², его подражатель *Джами*, *Джелаледин* и несколько других. Литература Персии самая приятная и самая обработанная. Ориенталисты сравнивают ее с литературою французскою, так же как путешественники дают жителям Персии название *французов Азии*. Поэзия арабов и поэзия персов различны в духе и формах; но заслуживают равное внимание. Их отличительные черты особливо приметны в произведениях, предшествовавших Магомету. Он дал всем умам такой вид рабства и единообразия, что присоединив к литературам Аравии и Персии бедную словесность турецкую, мы можем назвать словесностью магометанскою произведения народов между собою совершенно различных, но угнетаемых игом одних законов и одной религии.

Но из всех литератур Востока, первая, важнейшая, обширнейшая, есть без сомнения литература Индии. Она до сих пор менее всех других известна, и ни в чем с ними не сходствует. Если верить свидетельству знаменитого В. Джонса, (основателя Азиатского общества в Бенгале), *санскрит* (древний коренной язык Индии), превосходит все известные языки света: «Санскритский язык, — говорит Джонс, — совершеннее греческого, изобильнее латинского, и обработан лучше обоих; но санскрит имеет с греческим и латинским разительное сходство, как в происхождении слов, так и в формах грамматики, которое не могло быть произведено единственно случаем; такое сходство, что ни один филолог не может рассматривать сих трех языков, не уверясь в том, что все три имеют один источник, которого следы, может быть, более не существуют». Положим, что энтузиазм увлек здесь слишком далеко почтенного Джонса; но и в сем случае какое достоинство должны мы предполагать в языке, родившем столь сильное предубеждение в первом знатоке восточных и классических языков; в ученом, с которым никто в XVIII столетии не мог равняться в обширности знаний, в страстной любви

к своему предмету, во вкусе и в фантазии, и который разбирал языки, как филолог, а чувствовал, как поэт?

Мы можем даже положить, что сходство санскрита с греческим и латинским языком не так близко, или, лучше сказать, не так разительное, как предполагал президент Калькуттского общества; не менее того мы наверное знаем, что сие сходство действительно существует, и тем более удивительно, что санскрит имеет в своем составе, в своем духе, в своих формах совершенную противоположность с другими языками Азии. Ни одно грамматическое правило не сходствует с правилами других наречий. Поэзия (сколько мы знаем), носит печать какой-то изящной простоты, чуждой всему Востоку, и вместе совершенной зрелости ума и души. Кто хотя в переводе читал прелестную «Саконталу», тот, конечно, согласится со мною (2).

Можно ли не желать страстно распространения сих прекрасных познаний? Кто не захочет познакомиться с сим богатым рудником; вникнуть в философию, в законодательство, в поэзию, в науки народа, столь еще мало известного, но которому может быть принадлежит первое место в просвещенном мире; пройти сквозь сей безмолвный ряд веков; внести светильник в мрачное жилище давно излетевших племен и поколений; одним словом, привязать свой ничтожный, быстротечный век к сим неподвижным памятникам отцветшего просвещения и забытой, но чудесной славы?

Если б можно было во всем пространстве представить *влияние* образованнейшего народа Азии на весь мир, тогда, конечно, пролился бы неожиданный свет на всю историю человечества. Но сей народ, занятый единственно собою, тогда только вступал в сношения с другими, когда делался их жертвою; сам о себе оставил он немного сведений. В сем недостатке исторических преданий любопытство наше может воспользоваться еще одним только обстоятельством: сей народ существует до сих пор; он сохранил *свой язык*, и с ним свою религию, свою мудрость, свою поэзию. Он существует, но более в прошедших веках, чем в настоящем. Для него эпоха, к которой мы принадлежим (а сия эпоха начинается для Индии вместе с нашими историческими временами), представляет в его глазах образ совершенного хаоса. Брамин смотрит на нас с презрением. Он ожидает обещанного возобновления мира; он единственно мечтает о прошедшем,

о тех чудесных временах, когда великий *Вишну*, в виде *Рамы*⁵⁶³, сражался со злыми духами, или в образе героя *Кришны*⁵⁶⁴ водворял на земле мир и тишину. Напрасно будем мы ожидать от народа, в таком расположении ума, тех критических сведений, коих жаждет Европа. Остается нам только вопрошать его художественные памятники, его просвещение, его законы, его природу; делаться на берегах Ганга жителем Индии и вместе оставаться европейцем, дабы соединить в одно целое те отрывки познаний, которые жители Индии нам передавать будут посредством своего языка и своей литературы.

Древнейшее произведение индийской словесности, источник их понятий о религии, о философии и о законодательстве, суть их священные книги, так называемые *Веды*. Дух, содержание формы, слог — все указывает на глубокую древность. Веды составлены из небольших трактатов или отрывков, принадлежащих, вероятно, разным авторам. Мы почти ничего не знаем о сих достопамятных книгах. Они составили тайную религию священников. Религия народа имеет свое начало в больших эпических поэмах Индии так, как греческий простонародный политеизм весь проистекал из Гомера.

Собрание законов *Ману* есть второй памятник Индийской литературы. Сии законы приписывают Ману; но он более принадлежит баснословию, чем истории. Они в тесной связи с Ведами и на них основаны. Хотя законодательство Индии в иных частях имеет еще знаки душевного младенчества, но оно во многих отношениях доказывает удивительное просвещение нации, для которой сии законы были составлены.

Торжество санскритского языка: поэзия. Все роды ее доведены до совершенства: эпопея, лирическая, дидактическая и нравоучительная поэзия; но первенство между ними, по мнению самой Индии, принадлежит эпопее. Большие их народные эпические творения уважаются наряду с священными книгами. Литература Индии изобильна в эпопеях; но — как творения Гомера в Греции — две поэмы занимают и здесь первое место: «*Рамаяна*»⁵⁶⁵ и «*Махабхарата*»⁵⁶⁶.

Предмет первой из сих поэм есть победа божественного героя *Рамы* над *Равуною*, вождем злых духов. «*Махабхарата*» изображает войну двух непрязненных племен: *курусов* и *пандосов*. Думают, что «*Махабхарат*» новее «*Рамаяны*»; по крайней мере, он описывает происшествия, более принадлежащие к историческим временам.

Дух индийской эпопеи состоит особенно в том, что она не оживляется ни чувствами, ни деяниями человеческими. Греческая эпопея сводила с небес своих богов и уподобляла их человекам; эпопея Индии, если не исключительно представляет одних богов, то возвышает смертных к богам и сближает их чудесным жезлом своим. Греки влагали в душу бессмертных свои ощущения; индийцы делают из человека в эпопее какое-то отвлеченное существо, совершенно чуждое человечеству. Большая пружина их поэм — явление богов в виде *человеков*; но сие перерождение так свободно, что боги, действующие на земле как люди, остаются богами в своих высоких жилищах. Греки придавали своим богам идеальную красоту людей; индийцы и тут пренебрегают человеческое. Их синий *Вишну* со многими головами и руками, в сравнении с *Аполлоном Бельведерским*⁵⁶⁷, живо означает характер той и другой поэзии, но греческий Олимп пред блистательными жилищами, в коих покоятся *Индра*⁵⁶⁸ и *Вишну*. Здесь чудесные чертоги, коих высокие стены, пылающие в огнях, теряются в высоте небес; божественная музыка раздается со всех сторон; воздух — благоухание, каждая капля росы — бриллиант, хор молодых нимф оживляет волшебные гроты, украшение душистыми цветами голубого лотуса, перлами и пестрыми раковинами. Их блеск отражается на кристалле лазурных вод, тихо волнуемых стройным движением белоснежного лебедя. Какая картина! Какое чародейство! Какая пышная игра фантазии!

Желание представить быстрое, некоторым образом полное обозрение литературы Индии, к коей ныне стремятся все умы в Европе, увлекло меня, может быть, за пределы сего рассуждения. Оно лишает меня возможности продолжить мое странствование по богатому полю литературы Востока. Я должен оставить без внимания словесность Китая, столь же странную, как все его политическое образование, которое и слишком хвалили, и слишком унижали, и которое поистине не должно бы возбуждать ни энтузиазма, ни презрения. Я могу только назвать малоизвестную, но, конечно, важную словесность Тибета и большое разнообразное семейство татарских диалектов, в коем иные отрасли имеют уже литературу, а другие еще нуждаются в письменах.

Остается мне теперь показать, какое участие Россия должна принимать в распространении восточных языков, и какую пользу она из их источников извлечь себе может.

Если будем смотреть на сии занятия с политической стороны, то один взгляд на карту докажет уже ясно, сколь сии познания для нас важны и даже необходимы. Должна ли Россия, опирающаяся на Азию, повелевающая целою третью сего пространного края, Россия в непрерывных сношениях с Турциею, Китаем и Персиею, овладеть, наконец, великим орудием восточных языков? Сей вопрос кажется излишним. Нет сомнения, что твердейшая, может быть, опора великобританского владычества в Индии, состоит именно в том, что английское правительство образует жителей Индии посредством собственной их словесности; что оно предоставило им право быть судимыми своими законами и на своем языке; что оно, соединив дух английского законодательства с остатками древних предписаний и обрядов Индии, мало-помалу возбуждает во всех умах стремление к национальной славе и к древнейшим памятникам наук и словесности, и чрез сие прекрасное, может быть, *хитрое* почтение к Индии, присваивает себе каждый день более прав на уважение и на признательность покоренного народа.

Времена завоеваний протекли. Можно нарушить мир; можно внести огонь и меч в пределы собственных государств: но основать или удержать свое владычество одною силою меча — сей ужасный подвиг не принадлежит нашему веку. Мы видели, с какою быстротою рушилось огромное здание, недавно воздвигнутое в Европе. Никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы. В общем просвещении находится залог общей независимости. Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных — тщетная, кровавая мечта; но побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных — вот единственный способ завоевания, от коего можно ныне ожидать прочности вековой, и который может некоторым образом *освятить* право сильного и народное славолубие.

Когда же мы будем смотреть на восточную литературу в отношении к нашей, то каждый беспристрастный судия постигнет, сколь благотворно может быть ее влияние на произведения ума и на образование вкуса. Наша словесность есть некоторым образом поздний цвет нового политического образования России. Везде корень

народной словесности теряется в колыбели народной истории. У нас просвещение и законы были жертвой долговременного порабощения под игом варваров. Римляне сперва овладели миром, и впоследствии уже начали думать о просвещении. Из сего следует, что их литература, как и наша, не отличается оригинальностью; но их литература имеет, по крайней мере, свой характер; и сей характер заимствован от греков. За 50 лет пред сим советовал нам славный Хейне взять в основание нашей словесности словесность греческую; и тогда успели ли бы мы, может быть, заменить недостаток собственного народного вкуса, чистым вкусом древних, верными правилами классической литературы. Она не могла бы дать нам оригинальности; но она защитила бы нас от слабости к подражанию, от слепого пристрастия к той или к другой словесности новых времен. Мы не колебались бы в выборе между подлинниками, равно для нас чуждыми; мы не истощали бы своих сил в трудных, но неблагодарных опытах без цели, в прихотливых играх бесплодного воображения. Если же с распространением классической литературы совокупить познание восточной, то мы и теперь в полном праве ожидать обновления нашей словесности в сих свежих, доныне неприкосновенных источниках*.

Обратимся теперь к истории — к предмету, заслуживающему по своей важности первое место в народном воспитании; по своему пространству — долговременных и постоянных трудов.

Истинное просвещение, которое ничто иное, как точное познание наших прав и наших обязанностей, то есть обязанностей и прав человека и гражданина, — истинное просвещение ожидает от вас, юные питомцы, подвига жизни и жертвы всех сил душевных! Но одна история может нас образовать в сем двояком отношении к обществу. Первейший из ораторов Рима, падший вместе с его свободою, называет сию науку «свидетельницею времен, светом истины, жизнью памяти, наставницею жизни, глаголом древности»⁵⁶⁹. История оставляет мечтательной метафизике изыскания о каком-то первоначальном состоянии человеческого рода прежде основания общества. Религия и философия согласны в том, что падение человека содержит в себе

* ...Juvat integros fontes
Atque haurire...

первое основание гражданской жизни. Дивное сочетание бессмертной души и брэнного тела объясняет тайну политических обществ лучше всех умствований физиологов и метафизиков. История представляет нам человека в обществе; она принимает свое начало на равнинах Азии, под сенью патриархов, в мирном кругу семейственной жизни. Святая простота нравов, под влиянием которой власть отца представляла власть монарха, а человек и гражданин были еще неразлучны в одном лице!

Выступая за пределы младенчества, общества развивают постепенно свои силы и переходят от простого семейственного правления к образованию форм правительства, сложных в своем существе и разнообразных по своим действиям. Но сколько бедствий должен испытать род человеческий! Какой мрак покрывает первые порывы его умственных сил! Едва он оставил свою колыбель, как уже влачет тяжкие узы. Природа Востока усыпляет своих изнемогающих сынов; они дремлют под свинцовым скипетром обладателей. Гармония поэзии прерывается стоном страждущих племен. Светильник наук освещает их цепи. Утратив познание истинного Бога, которого следы видны только в учреждениях Моисея, пророка, законодателя и поэта, человек лишается чувства своего собственного достоинства. Он перестает обращаться к единственному началу жизни; ищет сего начала во всех явлениях внешней природы и находит везде мерцающие призраки страха и фантазии. Он погружается в грубую чувственность, ведая, что боги его столько же безжалостны, как и его тираны; те и другие требуют от него слепого повиновения; те и другие наслаждаются его страданием и не внемлют его жалобам; трон и алтарь равно обагрены кровью. Между тем небольшое число мудрых скрывает в мрачной внутренности храмов Индии и Египта последнюю искру человечества и просвещения, последний дар Востока. Они затмевают глаза профанов странными обрядами, они таятся под непроницаемым покровом эмблем и аллегорий; они говорят языком, непонятным для народа. Законодательство в их руках принимает вид грозный и надменный; формы правительства жестоки и неумолимы. Верховная власть сама склоняет голову под иго теократов; но врожденная сила человеческого ума побеждает, наконец, все препятствия. Он стремится к другой части мира. Через Египет текут науки в Грецию; она тогда же образуется чрез сношения с финикийцами. Между берегом Аттики и берегом малой Азии сосредотачиваются все движения человеческого ума.

История мира делается историею Греции. Египет и Финикия передают ей просвещение, мудрость и торговлю. Восток угасает; вселенная изменяется; человеческий ум возрождается в новом виде под чудесным небом Греции. Достояние всех веков делается собственностью одного народа. Он налагает свою печать на историю. От судьбы двух или трех городов Аттики и Лаконии будет отныне зависеть моральная судьба вселенной.

Воображение отдыхает, переходя к сей эпохе истории, которую поистине назвать можно *юношеством* человеческого ума. Кто не увлекался произведениями Греции? Чье сердце не билось при чтении Гомера или Софокла? Кто не плакал над падшими при Фермопилах? Кто не торжествовал с победителями Марафона? Но сей век очарований исчез навсегда и не оставил нам следов. Религия греков при всем своем превосходстве над всеми другими религиями политеизма, представляет еще странное сочетание нравственности и разврата, высокого полета и постыдных обрядов; она, по словам Монтескье⁵⁷⁰, останавливала руку, а забывала сердце. Она не могла образовать гражданской жизни греков. Формы их правительств приличны только им. Города, рассеянные на берегах моря, могли процветать каждый особенно под республиканским правлением; но республиканское правление занимает в истории то самое место, которое занимают в жизни прекрасные мечты юности. Человечество возмужало; и если феномен республиканских правлений возобновился и в новых временах в некоторых небольших государствах, то можно сказать, что ни аристократические республики Италии в средних веках, ни федеральное правление Гельветции⁵⁷¹, ни в чем не сходствуют с республиками древнего мира. Вообще нельзя довольно часто повторять, что древний мир с своею поэзиею и с своими законами для нас отцвел навсегда*. Сравнение форм древних правительств с нынешними весьма ложно; политическое образование древних колебалось между самовластием и безначалием. Все другие оттенки им чужды. Мир древних делился на две неравные между собою части: с одной стороны, *свободнорожденные*, с другой, *рабы* (3). Все правительства были основаны на сем начале. Оно господствовало везде: у подошвы Кавказа, на берегах Ганга, под тенью пирамид, на площади Афинской, в Сенате

* ...Ἀκταίων ἄνθος ἔφυρε κονίς.
Meleager

Рима и в его кровавых играх. Мир повиновался и безмолвствовал; никто не изыскивал происхождения сего порядка; он терялся во мраке веков. Право свободных над рабами, основанное на состоянии *военнопленных*, имело у древних ужасное, в наши времена к счастью неизвестное, пространство. Оно было выше законов; оно попирало ногами самые светлые чувства природы. *Горе побежденным!* (Vae victis!) — вот эпитафия народного права у древних. В древнем мире рабы не почитались горестными жертвами строгой судьбы. Древние видели в них особый род людей, природою на вечное рабство осужденный, издавна лишенный не только всех своих прав, но даже всей способности ими когда-либо пользоваться. Ни один философ древности не восстал против сей мысли. Иные проповедовали снисходительность в обхождении с рабами; но ни Платон, ни Сенека не внимали гласу природы и не защищали прав человечества (4). Грозная *вековая давность* укрепляла систему древних правительств, всех на рабстве основанных. Никакая власть земная не могла коснуться сих твердых начал, христианская религия обратила их в прах; от ее светильника рассыпались все умственные и все телесные узы. Христианская религия есть великий урок *морального равенства*, Богом миру преподанный. Не народы Германии, не воины Севера и Востока, даже не пороки тиранов и не разврат народа разрушили колосс Римской империи; христианская религия нанесла ему смертельный удар⁵⁷². Он пал под десницею Того, *чье царство несть от мира сего!*

Нет нужды кажется доказывать, что рабство, какое было у древних, имеет мало сходства с состоянием подданных, которое называется рабством в новой истории (5). Дух христианской религии и самые учреждения германских народов, противны духу древних законов. Феодальная система, из которой более или менее сей род рабства принял свое начало, коей влияние ощущается даже в самых отдаленных странах, феодальная система не имеет никакого сходства с народным правом древних. Сей порядок служил приуготовлением к новейшей системе государств, и я предоставляю себе сказать впоследствии несколько слов о причинах, истребивших мало-помалу в Европе последние остатки феодального рабства, основанного на состоянии *притисанных к земле*, так как рабство древних основано на состоянии *военнопленных*.

Когда ваше внимание, юные питомцы, обратится на огромное здание Рима, тогда вы постигнете истинный переход человеческого ума к летам опыта и зрелости. Там вы увидите в первый раз, что значит слово: *человек*, а еще более, что значит слово *гражданин*. В Греции сии два понятия почти всегда сливались в одно; или лучше сказать, что человек всегда торжествовал над гражданином. Где *прекрасное* (*το κάλον*) было верховный закон, там строгое понятие о должностях гражданских не могло существовать. Буйный дух греческих республик всегда увлекался страстями и первым впечатлением. Афины осуждали на смерть Сократа и Фокиона⁵⁷³, на изгнание Аристиды и Демосфена. Греки в одно время боготворили и казнили великих мужей. Минута решила их судьбу, как и судьбу республики. Пылкая фантазия управляла греками, строгий и наблюдательный рассудок царствовал в Риме; там вы увидите верх воображения и искусств, здесь верх политической мудрости и пронизательности; в Афинах гражданин уступал человеку; в Риме человек был жертвою гражданина; но в Риме вы изумитесь, увидя чудесное влияние сильной воли и постоянного славолубия; вы узнаете в Римской республике, в самой колыбели ее, будущую обладательницу мира*. Поколения изменяются; Капитолий бодрствует. Какой ряд государственных людей великих в делах мира и войны! Какая цепь важных происшествий! Какое торжество глубокого и неослабевающего разума! И когда после осьми столетий счастливый Октавий⁵⁷⁴ садится на трон вселенной, то при блеске такого величия мы почти забываем, что две трети человеческого рода стонали под игом жесточайшего рабства; что римляне, гиганты в доблести и пороках, пили в золотых чашах слезы и кровь вселенной, и в беспечном упоении не ведали, что *Освободитель мира* родился под соломенным кровом в забытом краю их огромной империи...

Падение Рима, возраставшего восемь столетий, продолжалось около 600 лет. Сие одно доказывает твердость сего политического состава, единственного в летописях истории. Рим упал не от внешних политических происшествий; ни даже от собственных раздоров. Главная причина его падения было давно ожидаемое преобразование морального мира, которое совершилось посредством христианской

* Tu regere imperio populos, romane, memento!
Virgil

религии. Европа, удрученная под игом самовластия, переходила от высочайшей степени силы к совершенному изнеможению старости; Европа без нравственности и без религии устремляла взоры на Восток и ожидала звезды, явившейся там, на краю неба, но коей блеск не отражался еще на Западе. Политеизм лежал во прахе; все основания гражданской жизни древних колебались; светильник философии гаснул; поэзия и красноречие исчезали безвозвратно; властители предавались всем порокам, народы стонали и развращались. Каждый день варвары наносили глубокие удары дотоле невредимому колоссу Рима; о когда, наконец, сей тысячетлетний дуб, воспетый Горацием, пал пораженный громами, тогда густой мрак распространился по лицу земли; все умолкло, слабые лучи света побледнели; завеса опустилась — и мы видим конец древней истории.

Но пробуждение Европы было предназначено Промыслом. Оно сокрыло в лесах Германии залог ее политического возобновления; три главные причины произвели постепенное сие возобновление: *появление германских народов, феодальная система* и, наконец, *крестовые походы*. Народы, завоеватели и рушители Римской империи, выходили из Германии; чрез длинный ряд веков они сохраняли характер, коего черты изобразили Юлий Кесарь и Тацит. Сим народам определено было разрушать и животворить, покрывать Европу кровавыми следами опустошения и вместе бросать повсюду семена будущего благоустройства, повергать поколения в рабство и воспламенять дух народный, распространять мрак и без ведома готовить торжество просвещения*; вы увидите в их полудиких учреждениях и нравах изумительные следы какого-то высокого политического образования, основанного на незыблемых правах человечества и гражданства, о коих не ведали просвещеннейшие народы древнего мира (5). Мы по примеру Европы начинаем помышлять о *свободных понятиях*; если же вы спросите, где тот народ, у коего являются первые их признаки, история не назовет ни римлян, ни афинян, ни карфагенцев, ни спартанцев; она укажет вам на германцев Тацита! Гений германских народов воссел на дымящиеся развалины всемирной империи римлян, и с того времени начинается новая история. Германские народы, феодальная система и крес-

* Montesquieu, Gibbon, Iohannes Müller, Shiller.

товые походы, а выше всего тайное, но сильное влияние христианской религии — вот степени перерождения мира, тесно между собою связуемые и одна от другой происходящие! Из германских учреждений, смешанных с обычаями Рима и Галлии, проистекает *феодалная система*, о которой было много написано, но которую не многие разумели. Феодалная система, составленная из многочисленных разнообразных начал, требует особого внимания и заслуживает наше удивление. Оставьте софистам XVIII столетия надутые жалобы на времена варварства и фанатизма! С высшей точки зрения, на которую вас возведет история, вы увидите, что сей ряд веков, носящих в самом деле печать невежества и суеверия, есть одно из необходимых условий образования, одно из испытаний, предназначенных роду человеческому. Он необходимо должен был пробиться сквозь сей хаос, чтобы мало-помалу привыкнуть к блеску истинного света. Дабы узнать свои права и свои обязанности, он должен был истощить сперва необузданную силу юности. Политические общества не скоро созревают. Дух народов находит в своих заблуждениях сугубую страсть к истине; но сколько пропавших мореплавателей прежде Колумба! Сколько неудачных опытов прежде английской конституции! Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без трудов. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Эрскина⁵⁷⁵), есть *последний и прекраснейший дар Бога*; но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами. В опасностях, в бурях, сопровождающих политическую свободу, находится вернейший призрак всех великих и полезных явлений одушевленного и бездушного мира, и мы должны, по совету того же оратора, или не страшиться опасностей, или вовсе отказаться от сих великолепных даров природы. Естественный ход политической свободы, видимый в истории Европы, удостоверяет нас в сей истине. Человеческий ум идет не всегда прямым твердо означенным путем. То смелым порывом подается вперед, то вдруг останавливается; часто увлекаемый обманчивыми призраками, он прерывает свое стремление и, подобно задумчивому гению на памятниках древней пластики, он обращает своей факел к земле. Но успокойтесь! — Факел не может погаснуть; он бессмертен, как душа человеческая, как вечное правосудие, как истина и добродетель!

Феодальная система, хотя необходимая степень в образовании Европы, могла только служить *переходом* к другому совершеннейшему составу государств; и когда она стала угнетать возникающий дух и противиться его предначертанному ходу, тогда Промысел родил в недрах феодальных законов способ и случай их навсегда уничтожить. Сей способ — *крестовые походы*. Они последнее испытание юной Европы; последний ее порыв, последняя ее поэзия. Под стенами Иерусалима, пред гробом Спасителя, положен, наконец, (без ведома строителей и, конечно, против их воли), первый камень будущего политического здания Европы. *Рыцари креста*⁵⁷⁶ погребли в степях Сирии лучшую часть своих воинств, свою славу и свои богатства; они предали на жертву жизнь нескольких миллионов, они пролили реки крови и слез; но исполнители неизвестного им закона, они в замену толиких бед принесли в Европу новую искру свободы и просвещения!

Феодальное рабство, проистекающее не столько из германских законов, сколько из смешения их с нравами Галлии и даже с римскими учреждениями, — феодальное рабство начало мало-помалу исчезать от крестовых походов. В сем обороте участвовали религия, дух времен исамыевнутренниеобстоятельствагосударств. Гордый Гогенштауфен⁵⁷⁷ и последний его подданный, делались равным образом *рыцарями креста*. Вот первый знак ослабления прав властителей! (7)

Под знаменами Спасителя все воины были свободны и равны. Сверх того *коронные вассалы*, отправляясь на войну и нуждаясь в деньгах, иногда продавали или закладывали свои поместья и отпускали на волю рабов, иногда по условию отказывались от некоторых прав своих; иные освобождали рабов для спасения души своей (pro redemptione animæ). *Среднее состояние* (tiers-état), в руках коего была вся промышленность, образовалось тогда под покровительством королевской власти, в виде городских обществ (communes). Сии общества откупали права властителей в больших городах, делавшихся таким образом приютами свободы и торговли. Сверх того власть монархов, находившая всегда препоны в преимуществах непокорных больших *вассалов* и *баронов*, искусно воспользовалась их ослеплением и мало помалу укреплялась в самовластии.

Мы видели, что у древних все люди делились на два класса: на *свободнорожденных* и на *рабов*. После падения западной империи

и торжества германских законов, возникло три рода людей: *рабы* или *повинные*, которые служили другим; *свободные*, или воины, поселенные на завоеванных землях, и, наконец, *владельцы*, вожди на поле сражения и коим покорялись победитель и побежденный. Из сего разделения на три рода людей проистекало также разделение земель на три класса, и вообще все оттенки публичного права в феодальном образовании, которого подробности не могут входить в пределы сего рассуждения. История нам покажет, юные слушатели, как сии три класса людей, образовавшихся, наконец, в виде трех различных состояний в государстве, стремились под влиянием крестовых походов расширять каждый сферу своего могущества, сверх монархической власти, алкавшей тогда самодержавия. Не думайте, чтобы в сем смешении прав, в сей борьбе неприязненных страстей каждое государственное состояние было движимо великою мыслию общественного блага! Нет! Ни одно из них не простирало взоров далее тесного круга своих собственных выгод. Цари стремились к самовластию, бароны и большие вассалы искали упражнения в воинском ремесле, славы и добычи; среднее состояние, разбогатевшее от своего просвещения, покушалось сбросить свои оковы и в своих руках сосредоточить промышленность и торговлю. Каждый действовал собственно для себя, и ни один не ведал, что он, слепое орудие в руках Промысла, действовал единственно для основания равновесия всех политических сил, и что из всех частных, ограниченных намерений, должен был составиться согласный порыв к общему благоустройству Европы.

Нельзя приписать разрушения феодального рабства одним крестовым походам. Главным доказательством сему служит то, что крестовые походы не образовали *свободных поселян* (8). И если вы спросите, какая могла тому быть причина, то история вам скажет, что большие политические перемены сего рода суть медленный плод времен, свободное действие духа народного, обмен взаимных выгод всех государственных сословий; она вам скажет, что освобождение *души* чрез просвещение, должно предшествовать освобождению *тела* чрез законодательство; и что в жизни народов, как в жизни частного человека, свобода гражданская и политическая походит на ту драгоценную одежду, в которую римляне облекались, переходя от бурных лет неопытности к летам зрелого и совершенного возраста.

Я не буду следовать далее ходу истории. Мы видели, каким образом возникла новая система государств. Из германских законов возродилась феодальная система, а сия система произвела крестовые походы, которые в первый раз представляют Европу в виде одного великого семейства, занятого одним общим делом, имеющего в виду одинакую цель. Пятнадцатое столетие довершило здание европейской системы. Сей дивный век блистает всеми родами славы и величия. Америка, мыс Доброй Надежды, книгопечатание, реформация, порох, торговля в Индии — вот его трофеи. Отныне система европейских государств, заключающая их взаимные сношения, их публичное право, их общее просвещение, их всемирную торговлю, течет беспрепятственно на высшую степень образованности. Права человечества всеми признаны; права гражданства везде определены. Исчезла их неприязненная противоположность; ныне каждый должен хранить святой пламень любви к человечеству, чтоб сделаться достойным гражданином. Сии две обязанности соединяются в одну. Евангелие, залог свободы и просвещения, примирило в образе христианина человека с гражданином.

Кто может ласкаться надеждою окинуть взором все неизмеримое пространство истории? Один бесконечный разум обнимает огромную картину времен, пред ним открытую. Мы должны довольствоваться уверением, что каждое явление в истории относится к своему началу и входит в состав морального мира, и что все большие политические перевороты подлежат вечным законам необходимого. Так, например, если, вспомнив о предмете сего рассуждения, вы захотите знать, почему народ, не участвовавший ни в одном из общих переворотов Европы, ныне владеет ее жребием? Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном Европейском семействе, в течение одного столетия превзошел своих братьев, и сохранив в своих учреждениях, в своих нравах, след душевной юности, ныне алкает просвещения и стремится похитить у других и лавр воинской славы и пальму гражданской доблести? По какому дивному сплетению происшествий, правнук Петра Великого на берегах Сены восстановил трон Св. Людовика? И если, наконец, обращая мысль на самих себя, на окружающие вас памятники, на великолепную столицу, Пальмиру Севера, на сию мирную обитель наук, на предмет и на дух сегодняшнего собрания, вы с удивлением спросите,

как природа могла произвести сии чудеса на том самом месте, где за сто лет перед сим дремало болото, столь же далекое от образованной Европы, как вечные степи Северной Америки? Тогда мы вам скажем: «Внимайте гласу истории! Она вам отвечать будет; она объяснит все ваши сомнения, решит все ваши вопросы; она вам скажет, сколь завидна участь народа, коему Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий. Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость. Наблюдение сих больших перемен, первый долг попечительного правительства. Желание продолжить один из сих возрастов далее времени, назначенного природою, столь же суетно и безрассудно, как желание заключить возмужающего юношу в тесные пределы младенческой колыбели. Теория правительства в сем случае походит на теорию воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы одного возраста к другому, охранило неопытность, заранее открыло способности ума, предупредило опасности и заблуждения, и, повинувшись закону необходимого, возрастало и зрело вместе с народом или с человеком. Все сии важные истины содержатся в истории. Она верховное судилище народов и царей. Горе тем, кои не следуют ее наставлениям! Дух времен, подобно грозному Сфинксу, пожирает не постигающих смысла его прорицаний!»

Теперь мне остается только изъявить сердечное желание, чтоб каждый из тех, которые в сем храме просвещения будут образоваться великими примерами истории, нашел в них новые побуждения более любить свое отечество, свою веру, своего государя; чтоб каждый из них посредством истории, особенно истории отечественной, коей мы видим, наконец, достойный памятник⁵⁷⁸, благодаря твердости духа и таланту великого писателя, научался предпочитать честь народную своей собственной жизни; благородство чувств и независимость духа, всем благам мира; истину и добродетель, всем обольщениям страстей; чтоб каждый из них, к какому бы сословию он ни принадлежал, где бы он ни был поставлен судьбою, имел всегда в виду, что и он звено неизмеримой цепи, объемлющей в своем составе все народы, все племена, все человечество.

Примечания

- (1) Поэзия Европы имеет, как кажется, два источника: *поэзию северных народов*, привыкших к войне и наслаждающихся одним только повествованием об ней — и *поэзией востока*, переданную нам частью крестовыми походами, частью испанскими маврами. *Ариосту* удалось прекрасно слить сии два рода поэзии в своем блестящем творении; *Боярдо*⁵⁷⁹ еще ближе подражает духу восточной поэзии; *Тассо* более напитан древними.
- (2) Санскрит понятен ученому только жителю Индии; для народа он язык мертвый. Что он некогда был живым, то доказывается его литературою. Она образуется только тогда, когда язык в полном цвете жизни. Джонс полагал, что санскрит происходит от древнего потерянного языка Персии. Многие ему противоречили; но все сие исследование суетно: место рождения языка там, где он образовался. К санскриту восходит *пракрит*, который ни что иное, как смягченный диалект санскрита (Jones works. T. VI. P. 206). *Бхаша* также простонародное наречие того же языка, по свидетельству Кольбука⁵⁸⁰ (Asiat. Res. T. VII. P. 225).
- (3) «Summa itaque divisio de jure personarum haec est: quod omnes homines aut liberi sunt, aut servi» *Institut. L. I. Tit. III. de jure personarum.* — «Servi autem ex eo appellati sunt quod Imperatores captivos vendere ac per hoc *servare*, nec occidere solent; qui etiam mancilia dicti sunt, eo, quod ab hostibus manu capiuntur» *Ibid. § III.*
- (4) Сенека в 48 письме к другу дает ему наставление касательно до обхождения с рабами: «Этот человек, — говорит он, — которого ты называешь рабом, также родился в свет, как ты. Он наслаждается тем же небом, питается тем же воздухом, живет и кончит жизнь подобно тебе. Он может со временем видеть тебя в рабстве, а ты видеть его свободным. Они рабы, но они люди; они рабы, но они живут под одним кровом с тобою. Они рабы?.. Нет ... друзья в низкой доле, товарищи в рабстве: ибо и ты повинешься судьбе, как они!». В другом месте того же письма Сенека говорит: «Как безрассудно судить о человеке по одежде или по ремеслу, которое также ничто иное, как одежда? — Он раб — но может быть он свободен духом; он раб, — но можно ли его обвинять в этом? Не все ли люди рабы? Один раб сладострастия, другой скупости, третий честолюбия; все суть рабы боязни!» Посреди сих красноречивых порывов рассуждение Сенеки ограничивается следующей дилеммой: «Будь снисходителен к рабам, ибо сам можешь лишиться свободы!» Сенека остановился на сей точке благоразумного эгоизма; но и тут он чудесен. Достоинно замечания, что его необыкновенное уважение к человечеству, его чистая и возвышенная мораль, его смелая борьба с предрассудками, заставили думать, что он знал Евангелие. Какое торжество религии! Оттого только, что писатель начинает как будто сквозь туман постигать достоинство и права человечества,

уже называют его тайным последователем Христа! Мы имеем и донныне мнимую переписку Сенеки с Св. Павлом; я говорю *мнимую*: ибо нельзя думать, чтобы сии 14 писем были те самые, о которых упоминают Св. Иероним и Св. Августин (см. S. Hieronymi de Script. Eccles. c. 12 и S. Augustini Epist. ad Maced. 153. § 14, последний с сомнением). Если сия переписка когда—либо существовала, то она, конечно, не дошла до наших времен; та, которую мы ныне имеем, есть слабый опыт ученика. Так думали *Юст-Липсий*⁵⁸¹, славный издатель Сенеки и все лучшие критики. Впрочем, Сенека имел случай слышать о Св. Павле, ибо его брат Галлион⁵⁸² был проконсулом Ахее и в Коринфе защитил Св. Павла от иудеев, изгнав их из судилища (см. Деяния Апостол. Гл. XVIII. 12). Полагают по преданию, что Сенека познакомился с Св. Павлом во время его заточения в Риме. Сходство некоторых мест из его посланий с мыслями и выражениями Сенеки удивительно (см. любопытную статью в Schoell Hust. de la litt. romane. T. II. Pag. 445 et seqq.). Кроткое, по тогдашним временам смелое суждение о рабстве и рабах, могло бы оправдать предположение, что религия христианская имела влияние на мораль Сенеки.

- (5) Где *понятия* между собою существенно различествуют, там следовало бы различествовать и *названиям*. Поллион⁵⁸³, друг Августа⁵⁸⁴, мог приказать в присутствии самого императора бросить в воду на съедение кровожадных рыб слугу, разбившего хрустальный сосуд, и Август, приказав разбить все прочие сосуды сего рода, удовольствовался просить Поллиона о помиловании преступника, обнимавшего с воплем его колена. Вот рабство древних! Рабство в новых временах при всех своих заблуждениях не знало сих неистовств. Оно скрывало с трепетом свои случайные преступления и везде подвергалось справедливому мщению законов. Право *жизни и смерти* над рабами было в Риме ограничено двумя законами: в 673 году от основания законом Суллы⁵⁸⁵, *Lege Cornelia de sicariis*, и в 813 году законом консула Петрония⁵⁸⁶, *Lege Petronia de Servis*. Император Адриан в первый раз уничтожил совершенно сие право, которое по признанию римских законоучителей существовало везде: *apud omnes fere gentes animadvertere, dominis in servos vitae necisque potestatem fuisse. Institut. L. I. Tit. VIII. § 1.*
- (6) Наши древние законы от скандинавского происхождения имеют свой корень в законах германских. «Заметим, — говорит Карамзин, — что древние свободные россияне не терпели никаких телесных наказаний; виновный платил или жизнью, или вольностью, или деньгами — и скажем о сих законах, что Монтестье говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти» (Ист. Госуд. Росс. Т. II. стр. 63). Прибавим, что в сем отношении *Правда Русская* есть без сомнения драгоценнейший памятник

нашей истории: *Avi atque atavi nostri quum allium ac caepe verba eorum olerent tamen optime animati erant (Varro fragm)*. Наши предки посреди своей грубости могли славиться глубоким чувством священных прав человечества и гражданства, нашедших ныне красноречивого защитника в могущественном монархе Севера. Кто мог без благоговения читать следующее место Его достопамятной речи? «*Prouvez à vos contemporains, que les institutions libérales, dont on prétend confondre les principes à jamais sacré avec les doctrines subversives qui ont menacé des nos jours le système social d'une épouvantable catastrophe, ne sont point un prestige dangereux, mais que réalisées avec bonne foi et dirigées surtout avec pureté d'intention vers un but conservateur et utile à l'humanité, elle s'allient parfaitement avec l'ordre, et produisent d'un commun accord la prospérité védes des nations*» (*Discours prononcé à l'ouverture de la Diète de Pologne le 15/27 Mars 1818*)⁵⁸⁷. Сии слова содержат обет всех благомыслящих, и краткое, но сильное начертание обязанностей всех и каждого из них.

- (7) Уже в римских законах находим мы следы освобождения чрез военное ремесло, см. *Nov. 81. Tit. X. de Emancipatione*.
- (8) Одним из любопытнейших памятников крестовых походов есть кодекс, составленный Готфридом Бульонским для королевства Иерусалимского: *Assises de Jerusalem* или *Lettres de St. Sépulcre*. В сем кодексе видно уже значительное усовершенствование феодальных понятий, как то учреждение трибуналов, в которых каждый был судим своими равными (первый зародыш *присяжных*, издревле известных в России, см. Карамзин Ист. Госуд. Росс. Ч. II, стр. 62). Но между тем в тех же законах Готфрида цена *раба* равнялась с ценою *ястреба*, а верховая лошадь ценилась против *поселянина* или *военнопленного*. (См. *Coutume de Beauvoisis, par Thaumas de la Thaumassière. Bourges, 1690. in-folio*).

ЭТЮД О ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Ум человеческий, привыкший к царящим в физическом мире стабильности и осязаемости, естественно, пытается применить к миру нравственному тот же закон прогресса, которому подчиняются все начала видимого и поступательного развития. Совершенно очевидно, что мы без труда обнаруживаем в истории так называемых *точных* наук непрерывную последовательность идей, все время обогащающих эти науки новыми исследованиями и наблюдениями, превосходящими своих предшественников. Но этого нельзя сказать об искусствах, основанных на воображении и духе. Подобно легким и блестящим метеорам, эпохи их бурного расцвета не могут быть точно рассчитаны. Фазы их движения не периодичны и не совпадают между собой. Все в истории искусства (взятого в самом широком смысле этого слова) непредсказуемо: шедевры подобны чуду, их триумф всегда неожидан. Мы не присутствуем при их развитии и, самое большее, можем лишь угадать их успех. Часто, едва родившись, они уже достигли совершенства. Они не влачатся тяжело к цели своего земного поприща, но летят к ней. История искусств доказывает со всей очевидностью, что обычный временной расчет не может быть применен к духовной стороне жизни, к той жизни чувств и мыслей, которая либо приостанавливает бег времени и заставляет его тянуться бесконечно медленно, либо, опережая само время, накладывает на него отпечаток скорости и новизны. В истории искусств преемственность не бывает непрерывной, и если современная живопись начинается с Рафаэля⁵⁸⁸, то античная поэзия начинается с Гомера.

И тем не менее вместо того, чтобы описывать отдельные явления в истории искусств, мы почти всегда стараемся определить общее движение. Принять гения как факт, выявить все самые скрытые отношения и провести самые тонкие аналогии — такова была задача, которую обычно ставили мы перед собой. В результате появлялось множество концепций и ошибочных характеристик, привычка к которым заставляла приписывать им силу закона. Различные эпохи в истории искусств связывались между собой силой условных домыслов и искусственных построений. Однако, тщательное рассмотрение всех этих гипотез показывает, как они рушатся под действием фактов и опровергаются самой историей. Дистанция между последними опытами Перуджино⁵⁸⁹ и первыми шедеврами Рафаэля столь же

велика, как и между дрезденской Богоматерью⁵⁹⁰ и произведениями современных художников. Что ни говори, тележка Фесписа⁵⁹¹ не объясняет «Прометейя»⁵⁹² Эсхила, и гений не раскрывает секретов своего происхождения. Кажется, что он играет временем и пространством, и что ему, как и скакунам гомеровских богов, стоит только сделать шаг, чтобы достичь линии горизонта.

История человеческого ума представляет слишком много примеров этой странной манеры рассуждать, когда с помощью нескольких слов искажают самые ясные и очевидные понятия. Мы без достаточной осмотрительности попадаем под влияние распространенных штампов, ставших привычными только лишь потому, что в них никто не удосужился усомниться. «Люди, — говорит Бэкон, — считают, что разум управляет словами, но часто случается обратное, когда слова выходят из подчинения и отблеск их силы действует на сам разум».

*Паралогизм*⁵⁹³ такого порядка имеет место в истории греческой трагедии. Обычно считается (и все это повторяют), что созданная Эсхилом, достигшая своего совершенства в творчестве Софокла, она выродилась в руках Еврипида⁵⁹⁴. Первую эпоху обозначают как период детства, еще варварского, но уже возвышенного, вторую как период наивысшего совершенства драматического искусства, третью как период упадка и склонности поэзии к философским идеям. Эта мысль ошибочна уже потому, что она предполагает довольно продолжительную эволюцию, в то время как Эсхил, Софокл и Еврипид были *современниками*. Первый успех Софокла заставил Эсхила удалиться в Сицилию, и ничто не доказывает, что еще молодой Еврипид не мог присутствовать на этом представлении, ведь Диодор вполне определенно говорит, что он умер в тот же год, что Софокл.

Хотя и существует большая неопределенность относительно дат рождения и смерти всех трех трагиков, тем не менее, достоверно, что их жизни охватывают очень близкие временные отрезки. Известно, что Эсхил родился в 525 или 526 году до Р. Х., в конце 63 Олимпиады. Что касается даты смерти, то одни относят ее к первому году 81 Олимпиады, т. е. 456 г. до Р. Х.; другие утверждают, что он умер во второй год 78 Олимпиады, 467 г. до Р. Х. Есть сведения, что Софокл был только на 17 лет моложе Эсхила, и что Еврипид появился на свет через 24 года после рождения Софокла, в день битвы при Саламине⁵⁹⁵, (20 день месяца Боздромион⁵⁹⁶, первый год 75 Олимпиады), битвы, в которой участвовал Эсхил и проявил там большую храбрость.

Софокл и Еврипид умерли оба в 406 г. до Р. Х., но при этом Еврипид раньше Софокла сошел в могилу, так как известно, что последний почтил память своего знаменитого соперника, воздав ему публично знаки скорби.

Бесполезно плутать в лабиринте этих маленьких хронологических трудностей. Вполне достаточно и данного короткого экскурса, чтобы не осталось никаких сомнений в существовании вопроса. Во всяком случае, простое сопоставление дат полностью меняет общую точку зрения, с которой следует рассматривать историю греческой трагедии. Итак, всякий раз, когда речь заходит о *золотом веке* греческой трагедии имеется в виду чрезвычайно короткий временной отрезок. Природа этой страны, необычайно щедрая на милости, произвела на свет трех самых прекрасных гениев, которые когда-либо существовали, гениев восхитительных каждый в своем роде, гениев творческих, представляющих в одно и то же время три разных вида. Если бы природа разместила их на дистанции в несколько веков, то можно было бы говорить о поступательном развитии античной трагедии, но, поспешив произвести их на свет в одно и то же время в одном и том же месте, она совершила чудо. Она сблизила начало, зрелость и конец без младенчества и дряхлости. Она предоставила этому необычному народу чудесное зрелище трех гениальных людей на небольшом пространстве одной и той же арены, претендующих на один и тот же лавровый венец, но идущих к нему совершенно противоположными путями*. Мы можем составить себе только слабое представление о радости, доставляемой таким зрелищем народу столь чудесно устроенному, который, по выражению Еврипида, «жил восхитительно, окруженный самой великолепной атмосферой»**. Однако справедливости ради следует заметить, что если природа так благоприятствовала в этом отношении афинянам, она также восхитительно устроила судьбы поэтов, дав им таких судей и таких зрителей.

Между Эсхилом, Софоклом и Еврипидом трагедия родилась, жила и умерла. Античные источники единодушны на этот счет. Количество драматических поэтов, чьи имена и несколько слабых фрагментов

* В качестве аргумента приведем свидетельство грамматика Аристофана о том, что «Медея» Еврипида была поставлена при архонте Питиодоре примерно в 87 Олимпиаду и что первый приз был присужден Эвфориону, второй Софоклу, а третий Еврипиду.

** Med. 829.

сохранила история, достаточно значительно, но никто из них даже отдаленно не сравнится с тремя мэтрами искусства. Триумф, представленный ими Греции, никогда не повторялся и никогда не повторится. То, что могло бы охватить многие века, здесь охватывает немногие годы. Они все трое представляют одну эпоху в ее настоящем. Какой момент!

Все тона, все оттенки драматического, или скорее поэтического в целом, искусства оказываются соединенными в произведениях Эсхила, Софокла и Еврипида. Начиная от торжественной гармонии слов и заканчивая богатством мысли, от грандиозных образов до волнующих положений, от грубой простоты первоначальных поэтических впечатлений до тончайших оттенков философской мысли, эти три человека все познали и все исчерпали.

Древние никогда не отдавали исключительного предпочтения никому из трех гениев. И вообще природа их представлений об искусстве позволяет мирно существовать рядом друг с другом диаметрально противоположным направлениям. Наша едкая и мелочная современная критика есть болезнь, никогда не поражавшая древних. Их высказывания о трех трагиках весьма различны. У каждого были свои страстные почитатели, но никогда эта страсть не принимала враждебного характера. Шутки Аристофана над Еврипидом⁵⁹⁷, столь оригинальные и иногда глубокие, несут на себе следы комической маски. Но сам Аристофан, ставя Эсхила в первый ряд и отдавая пальму первенства в искусстве Софоклу⁵⁹⁸, выражал только мнение Греции в целом. Вот суть и правда его мысли*, все прочее — пристрастие.

Сотни раз пытались давать более или менее искусные сравнительные характеристики трем трагикам. Все европейские литературы изобилуют описаниями подобного рода, и этот предмет настолько обширен, он открывает столько различных сторон, что даже от самого искушенного взгляда ускользают некоторые суждения и некоторые нюансы. Главный недостаток всех этих разборов заключается в том, что каждый из трагиков изучается изолированно, следствием чего является, так сказать, *оптическая ошибка*, принимающая в качестве системного принципа рассмотрение греческой трагедии в эволюции, которой в действительности не было. Для того, чтобы оценить по достоинству Эсхила, Софокла и Еврипида надо рассмат-

* Cf. Ranae — Acharnesse — passim.

ривать их в тесном единстве и стараться увидеть в них не явления трех отдельных и не похожих друг на друга эпох, а три разновидности одной эпохи, как уже было отмечено выше. Только с этой точки зрения можно пролить истинный свет на их бессмертные произведения, установить связь между ними и, так сказать, интеллектуальную общность, соответствующую тому краткому временному отрезку, когда процветал афинский театр.

Прежде чем их рассматривать с этой новой точки зрения, необходимо бросить взгляд на общий характер и происхождение античной трагедии. Прежде всего, греческая поэзия представляет только две *первобытные формы*: эпопею и лирическую поэзию. Но при этом они обе не только полностью изолированы друг от друга, но и строятся на абсолютно разных принципах. Античная поэзия это не поздний плод, так сказать, *имплантированной* цивилизации. Она появилась из почвы вместе религиозными идеями и историческими преданиями, была их единственным хранителем и средством выражения. Если, как все об этом и свидетельствует, эти идеи и предания зародились на обширном азиатском континенте, откуда вышли все религии, то поэзия принимает еще более торжественный характер, потому что она становится конечным пунктом этой великой уходящей в глубину времен миграции, следы которой мы едва обнаруживаем. Вот чем была поэзия для древних, и только в этом отношении ее следует рассматривать, чтобы убедиться в ее чрезмерной важности для духовной жизни древних народов. У греков, как и у всех *девственных* народов, она имела вначале *повествовательный* характер, так как первобытное общество нуждается прежде всего в передаче религиозных или исторических преданий из уст вдохновенного человека, будь то *жрец*, или *рапсод*, или и то и другое в одном лице. Так рождается *эпопея*. Если в эпической форме, сохраняющей самые важные понятия, состояла главная потребность общества, то другая потребность, не менее насущная, заставила вскоре поэзию ощутить настойчивое желание воспарить к высшему порядку вещей. Этот поэтический восторг имел целью либо прославить богов в знак собственной слабости и признательности, либо он имел смелость превознести до их уровня необычайных людей, чьи подвиги вызывали всеобщее восхищение. Так появились *гимн* и *ода*. Лирическая поэзия изначально была воинственной и народной. Позже она становится украшением покоя и выражением сладострастия. Но при этом она всегда пользуется

достаточно большой степенью свободы, чтобы не замыкаться в узких рамках. Пиндар⁵⁹⁹, которого часто упоминают и которого почти не читают, — подлинный пример лирической поэзии в ее истоках. Помещая Пиндара рядом с Гомером, мы видим крайнюю точку исчезновения эти двух родов поэзии, исходящих из двух различных принципов. Они представляют собой резкую противоположность, как в *идейном отношении*, так и в *метрической системе*, и, кажется, это различие устанавливает непреодолимый барьер из двух *диалектов*, которыми пользовались Гомер и Пиндар.

Таково было положение греческой поэзии между двумя родами, которые в своих первобытных формах не могли найти точки соприкосновения и еще менее объединиться в одно целое. Но цивилизация шагнула вперед, и драматическое искусство представило, наконец, в самом привлекательном виде столь желанное объединение эпоса и лирики. Объединившись, каждый из этих родов поэзии отбросил свой собственный характер, приобрел новый, и вместе они через этот столь восхитительно рассчитанный союз моментально вознесли греческую поэзию на ту высоту, с которой она все еще господствует над завистливыми веками. Эпоса, внося в драматическое искусство свои черты, получила большую убедительность, так как перестала быть последовательным рассказом очевидца, и теперь рассказ принял форму действия, а рассказчик трансформировался в героя. Теперь это перестало быть воспоминанием о прошедшем событии и стало самим событием, ожившим, так сказать, перед глазами и слухом зрителей. Лирическая поэзия, со своей стороны, появившись на сцене, утратила свой туманный и странный характер, а также и чисто местный колорит, в который она облакалась до соединения с эпосом. Она перестала одновременно и теряться в облаках, и блуждать в мельчайших подробностях. Признав, наконец, законные границы и закрепившись в них, она открыла перед собой огромное будущее. Став неотъемлемой частью трагедии, лирическая поэзия приобрела большую возвышенность и большую ясность; ее полет стал выше и увереннее, облик более религиозным, но при этом не менее народным. Она достигла, наконец, истинного совершенства, потому что нет никакого сомнения в том, что подлинные шедевры лирической поэзии появились на греческой сцене. Не Пиндар, а Софокл придал лирической поэзии возвышенность чувств и мыслей, чарующую речь, величие образов, пленительную гармонию, — словом все, чем отличаются самые прекрасные места хоров трагедий.

Первые опыты драматического искусства также покрыты непроницаемой тьмой. Не будем приводить здесь все разбросанные в сочинениях древних авторов суждения по этой теме. Их можно найти повсюду. До Эсхила все неопределенно. Ему приписывают честь, что он первый придал правильную форму, стихийным сценическим представлениям на праздниках Бахуса. На него вообще смотрели как на «*personae, pullaeque repertor honestae*». Другие называют Софокла. Эпиграмма Диоскорида⁶⁰⁰ говорит, что Софокл «облек в золотые одежды еще грубое драматическое искусство, которое он взял на распутье»*. Это странное противоречие является еще одним доказательством чрезвычайной быстроты, с какой трагедия достигла своего совершенства в руках Эсхила и Софокла, современников и соперников по славе. История греческой трагедии доказывает, что ее создание было, так сказать, спонтанным и далеким от того, чтобы починяться тому правильному развитию, которое, как полагают, отличало ее уже с самых первых опытов. Напротив того, драматическое искусство пустило свои первые ростки с энергией и силой, ни в коей мере не соответствующими тому последовательному развитию, о котором мы читаем в научных трудах.

Поэт, ни словом не обмолвившийся в надписи на собственном памятнике^{**} о своих драматических произведениях и упомянувший только о своем участии в Марафонской битве⁶⁰¹, вполне обнаруживает тот суровый характер и мужественное величие, которым дышат его творения. Старый солдат, увидевший бегство *длинноволосой Медеи*^{***602}, был Шекспиром древности. Ни один поэт не изображает столь совершенно идею силы, можно сказать, колоссальной. Только он один осмелился взять сюжет из эпохи *титанических* богов, только его имя так часто ассоциируется с воспоминаниями о первобытных правителях, последнего отпрыска которых он изобразил прикованным к кавказским вершинам. Из трех трагедий Эсхила, посвященных истории Прометея, до нас дошла только вторая. Потеря двух других — самая значительная утрата из тех, которые когда-либо несла литература. Если бы эта восхитительная трилогия полностью дошла бы до нас, то мы бы имели образец драматического представления,

* Вр. Anall. T. I, p. 500. Ep. XVIII.

** Вр. Anall. T. II. 523.

*** Βαθυχατήεις Μήδος.

изложенного на столь высоком уровне художественного мастерства, что трудно себе представить. Пьеса, которой мы располагаем, прекрасная искра превосходного создания. «Прометей» — это то, что отличает Эсхила от его соперников по славе. Он создал это уникальное произведение, не имеющее ничего общего с остальными шедеврами греческой сцены. *Миф* о Прометее сам по себе очень важен, потому что больше нигде политеизм не изображает с такой силой идею великого падения человека, того первоначального падения, которое стало началом исторического развития. Человеческая натура, наказанная за злоупотребление силой, гордость человека, оскорбленная в своих истоках, символ человеческого гения, осужденного на страшные муки, который может все, «*кроме как избежать мучений*», замечательное понимание, что Бог-освободитель должен однажды спуститься в ад, чтобы разорвать цепи и прекратить зло, — все это способствовало тому, чтобы сделать *миф* о Прометее в трактовке одного из самых разносторонних гениев, столь же прекрасным, сколь и смелым драматургическим замыслом, и когда к этим идеям, заимствованным у величественного и вместе с тем таинственного порядка, добавляется эффект драматического представления, действие которого совершается на Кавказе, персонажами которого являются высшие божества, а сюжет — проявлением высшего интеллектуального порядка в мире, то мы распознаем в поэте, осуществившем все это, глубокого мыслителя, посвященного в самые важные религиозные верования элевсинских таинств, воспринимать которые еще был способен его век. Мы хорошо понимаем, что, обращаясь к этому сюжету, Эсхил должен был набросить покрывало на все, распространенные в его время предания, которыми он мог оскорбить власть. Может быть, поэт сам едва разглядел свой сюжет за облаками, и не мог еще полностью проникнуть в него.

Я позволил себе это отступление о «Прометее» Эсхила, потому что оно связано с размышлениями, сколь же значительными, сколь и обширными, часто становившимися предметом моих исследований. Следующие произведения Эсхила принесли ему самую единодушную похвалу: «Семеро против Фив», «Персы» и «Агамемнон». На всех этих произведениях Эсхила лежит печать простоты и величия. Строгие в своем замысле, они обладают энергичным и напряженным стилем. Их словесный рисунок смел до напыщенности. Но эта речь, столь красочная и образная, становится простой, мелодичной и трогатель-

ной, когда в ней выражаются страдания Антигоны⁶⁰³ и Исмены⁶⁰⁴ или плач Атоссы⁶⁰⁵. Сумрачные и грозные в силу врожденных свойств их творца, они, кажется, потрясают тем копьём, которым так гордился их автор. Эсхил доставлял радость тем, кто сожалел о людях *Марафона*, из которых Аристофан сделал особый класс и их наделил *четырьмя локтями в высоту**. Все, что комический поэт говорит об Эсхиле, поражает как из-за угла острием правды**.

В то время как Эсхил потрясал умы и действовал на воображение импозантностью своих постановок, Софокл всходил на греческую сцену. Софокл искал и находил все средства своего искусства в глубоком знании человеческого сердца. Вместо фурий Эсхила он вызвал на сцену не менее ужасные и более драматические человеческие страсти. На первый взгляд Софокл не поражает так, как поражает Эсхил, потому что у него есть спокойствие совершенства. Надо с тщательностью изучать все его неподражаемые произведения, чтобы почувствовать их очарование. Их высшее достоинство составляет тот же тип спокойной красоты, который нам являют шедевры греческой скульптуры. Одна и та же идея красоты, в представлении древних, водила рукой Фидия⁶⁰⁶ и воодушевляла гений Софокла. В ней заключается одна из величайших гармоний духовной жизни греков, которой мы никогда не перестанем восхищаться. То, что придает бессмертным творениям Софокла и Фидия особое впечатление покоя, происходит по большей части от уверенности, свойственной артисту, достигшему своей цели. Таким образом, древние, так хорошо знавшие все пружины человеческого сердца, искали в произведениях искусства, как в самой жизни, то гармоничное спокойствие, без которого не бывает совершенной красоты. В этом отношении он во главу всех искусств ставил искусство жить. Каждый непредвзятый человек, близко знакомый с античной литературой, легко признается, что только

* Acharn. 180. 565. Vesp. 1107. 1111.

** Фидиппид в «Облаках» (ст. 1393 и сл.) говорит своему отцу Стрепсиаду, который приглашает его спеть отрывок из Эсхила, что Эсхил на самом деле первый из поэтов, но полный шума, лишённого искусства, грубый и шероховатый. Он принимается петь отрывок из Еврипида. Это любопытное место позволяет нам увидеть моду, царящую в Афинах в то время, и мнения молодых людей, увлечённых новыми идеями, противоположными идеям стариков, страстных почитателей Эсхила. Современные воспоминания свидетельствуют, что такое же противостояние существовало между сторонниками Корнелия и сторонниками Расина, которого упрекали в том, что его трагедии вызывают тошноту.

прилежное изучение позволило ему проникнуть во все виды красот, но если Софокл не ослепляет с первого взгляда, то, когда мы начинаем об этом размышлять, мы только в нем одном обнаруживаем вершину драматического искусства. Шедевры двух его великих соперников, взятые как произведения искусства, находятся то по ту, то по эту сторону линии. И только один Софокл достигает везде той единственной точки, которая составляет совершенство. В нем нет ничего посредственного, но если, среди всего этого великолепия, позволено высказать предпочтение, то я отдал бы пальму первенства его «Электре». Ни в каком другом шедевре греческого театра мы не найдем этого великолепия мысли и выражений, этой согласованности всех частей, этого удачного сочетания всех трагических тонов. Первый хор, открывающийся лирической песней Электры в ее скорби, посылает к божествам света и воздуха (ὦ φάος ἄγνόν καί γῆς ἰσόμοῖρος, к. т. λ.) искру самой совершенной лирической красоты. Если к этим хорам самого значительного свойства добавить несколько хоров Аристофана, столь же блестящих и вместе с тем столь мелодичных, как, например, хоры из комедии «Птицы», то мы соберем все самое совершенное, что только может произвести лирическая поэзия. На определенном уровне талант становится восприимчивым ко всем формам. Если бы Софокл занялся жанром, прославленным Аристофаном, добился бы он успеха? На этот вопрос почти невозможно ответить. Но Аристофан, по крайней мере так кажется, от природы получил зародыш совершенно противоположных способностей. Его произведения свидетельствуют о чудесной способности схватывать все тона, овладевать всеми нюансами, о легкости, предполагающей гений столь живой и столь гибкий, что было бы трудно поставить ему границы и невозможно измерить его пределы.

Здесь было бы уместно заметить, какое редкое сочетание рождается из совокупности трех властелинов трагедии и самого удивительного из всех комических поэтов, единственного, можно сказать, кто отвечает всем условиям этого вида. Аристофан, если и не был в точном смысле этого слова современником Эсхила, жил в то же время, что и Софокл и Еврипид. Сила удовольствия, которое должны были испытывать греки от столь неожиданного и спонтанного сближения всех этих властителей разума, — не самое меньшее из всех благодеяний, отпущенных природой на этот народ, чьи триумфы и беды ни с чем не сравнимы. Никогда так называемое *правило прогресса*, которое

так часто прилагают к истории искусств, не нарушалось с такой очевидностью. Столь краткий промежуток времени, в который появились два полюса театрального искусства: три трагика и Аристофан, является феноменом того же порядка. Смешно видеть усилия тех, кто хотел бы подчинить своему циркулю нерегулярное движение разума. Гений как счастье не имеет расписания.

Примечательной чертой этого союза является враждебность, царящая между Аристофаном и Еврипидом. Искусство последнего в высшей степени философское. Наделенный самыми редкими талантами и подлинной чувствительностью, глубокий мыслитель, гармонический, трогательный и патетический поэт Еврипид не мог защитить себя от избытка собственных достоинств. Часто в поисках глубины он впадал в софизмы, а стремясь произвести эффект, становился вычурным и манерным. Но Еврипид пленял как раз своими великолепными недостатками. Никто из трагиков не имел более пылких друзей. Аристофан, будучи сторонником старых идей и старинных обычаев, объявил ему непримиримую войну, под благовидным предлогом не изгнать новый вид трагедии, угрожающей заполнить сцену. Эта враждебность стала причиной самых колких сцен в большинстве пьес комического поэта, но при том ничуть не повредила заслуженной славе Еврипида, который был не последним украшением этой столь щедрой на таланты эпохи.

Предлагая снисходительному вниманию Академии этот сделанный в спешке эскиз о предмете, требующем более обширного развития, я вполне понимаю, насколько он слаб и бесцветен по сравнению с картиной, которая была у меня перед глазами. Но, подчиняясь желанию блестящего сообщества, председателем которого я имею честь состоять, я хотел бы засвидетельствовать ему, что словесность и все виды искусств всегда вызывали у меня высочайшее уважение: *ante omnia Musae*⁶⁰⁷. Материалы для данного рассуждения я извлек из моего портфеля, где они накапливались в течение многих лет. Может быть, когда-нибудь они лягут в основу труда о греческой поэзии, над планом которого я уже давно размышляю. Следует заметить, что темы, считающиеся исчерпанными, часто можно увидеть по-новому. К ним относится и история греческой поэзии. Эту тему изучали уже двадцать раз, но мы до сих пор не имеем точной и полной картины различных периодов в их верном свете. Сочинение подобного рода, в котором можно было бы позволить себе рассмотреть различные

произведения античной поэзии в целом со сдержанной и вызывающей уважение свободой ума, которая особо привлекает в литературных суждениях, и так мало представлена в научных трудах по античности, есть *desideratum*, что признается всеми учеными. Большая часть исследований, находящихся в нашем распоряжении, содержит только очень узкие взгляды, и не представляет иной альтернативы, кроме поверхностных суждений, с одной стороны, и необоснованно смелых, с другой; и при этом почти все они являются рабским повторением общих мнений. Таким, по крайней мере, представляется мне обширный предмет истории греческой поэзии. Посвятив его изучению многие годы, я собрал многочисленные материалы, которые со временем я мог бы использовать. Может быть, эти труды однажды послужат если не моей славе, то, по крайней мере, тому, чтобы скрасить манящее меня из далека уединение, как Тибур⁶⁰⁸ манил Горация. Тогда черта сходства с римским поэтом позволила бы мне сказать по окончании трудов: *Nos erat in votis*⁶⁰⁹, и мог бы добавить, как и он *Actius atque Di melius fecere*.

О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ В РОССИИ

Около середины 18-го столетия возникла под именем *экономистов*⁶¹⁰ секта писателей, принявших за основание в политической экономии особую теорию касательно народонаселения. Главная аксиома их состояла в том, чтобы всеми средствами способствовать всевозможному приумножению человеческого рода, как вернейшему залогу благосостояния и силы государственных. Сие правило согласовалось с общей системою сих писателей; они во всех предметах искали неограниченного усиления *производства* (production), предполагая, что число *потребителей* всегда равняется с числом *производителей* и что всякое новое *производство* находит *потребителей* новых. Сие начало распространилось столь быстро в Европе и столь сильно овладело умами, что никто не смел сомневаться в безошибочности оною. Тщетно несколько голосов скромно изъявляли свои сомнения; никто им не внимал. Министры, философы, писатели, все руководствовались одними умозрениями и начиная с ткания шерстяных и бумажных изделий постепенно и до воспитательных домов, все подчинилось одному правилу: «неограниченное производство всех предметов»; в сих словах заключалась общая мудрость государственных людей, и ни одно догматическое учение не находило никогда поборников столь непреклонных и столь упрямых.

Ныне, по пространному обороту в общем мнении, вопрос о *народонаселении* принял неожиданно вид новый и прежнему во всем противный. Теперь уже не ускоряют быстрое распространение оною; напротив, ищут все средства сему воспрепятствовать. Бесчисленные бедствия открыли, наконец, глаза и тем, кои наиболее ослеплялись теориею экономистов. По возвышении *политической экономии* на степень положительных наук, теперь должно признаться, что она нуждается в твердых основаниях и доселе более способствовала мечтательной игре воображения, чем узнанию истинных источников государственного богатства. Известнейшие и опытнейшие в науке политической объявляют, что она не существует. Г-н Сей⁶¹¹ сознается, что донныне она весьма мало известна. Г-н Сисмонди⁶¹² ясно говорит, что она давно уже потеряла свое направление. Г-н Мальтус⁶¹³ уничтожил все, что почитали основными определениями в экономии политической и даже сам г-н Рикардо⁶¹⁴, хотя по наружности принадлежащий к прежней школе, развивает понятия совершенно новые о началах, кои казались доселе не подлежащими сомнению.

Сие сотрясение во всем пространстве науки государственного благосостояния коснулось и до теории *народонаселения* и по обыкновенному ходу человеческих мнений, умы, уstraшенные вредными последствиями прежнего учения, быстро устремились к противоположной крайности, равно исключительной, равно чрезвычайной. За полвека и более Ф. Кене (Quesnay)⁶¹⁵ и его школа проповедовали, что ни один зародыш не должен пропадать во всем пространстве мира, ни мало не заботясь о том, что с ним станется, когда он получит существование. В нынешнее время предлагают правительствам самые странные и даже некоторым образом смешные средства* для приостановления избытков народонаселения. Сии разительные крайности достаточно показывают, сколь политическая экономия заблуждалась относительно одного сего предмета и сколь мало известны еще истинные границы ее исследований.

В настоящем положении сей науки, ничто не поражает удивлением так, как видимая несоразмерность способов к цели. Глубокомысленнейшие из государственных людей и политических писателей ежедневно это испытывают. Одаренные живым, пронизательным взором, необыкновенным искусством разлагать зло, от коего страдает гражданское общество, те, кои наилучше знают неудобства настоящего порядка вещей, сами предлагают средства недостаточные, неудобноисполнимые; предлагают их без жару, без убеждения и как бы для того только, чтобы угодить нетерпеливым требованиям раздраженного воображения. Человек, составленный из двух противоположных начал, человек, истинный представитель и отпечаток общества, едва ли может весь подлежать одному закону, одному истолкованию. Если, смотря на него как на математическую единицу, мы подчиняем его началам положительным, непреложным, отвлеченным, то другая его половина, вся чувственная, вся умственная, расстраивает лучшие расчеты и улетает из-под ножа *политических прозекторов*. Если, с другой стороны, мы увлекаемся теми утонченными, мистическими понятиями, кои не обращают внимания ни на состав общества, ни на его практические нужды и существенные недуги, то не только не приносим чрез сие никакой пользы обществу, но умножаем еще его бедствия, требуя от оногo, что выше его сил и не согласно с его многосложным естеством.

Таким образом, в числе затруднительных задач, принадлежащих к науке государственного устройства, находится и вопрос о *народона-*

* См. между прочими: Weinhold, von der Ueberbevölkerung von Mittel-Europa. 1828.

селении. Нужно было кратко изложить исторический ход оно́го, дабы дать основу тем замечаниям, которые составляют предмет сего рассуждения. Кто с настоящей точки зрения увидит, как ныне в Европе смотрят на сей важный вопрос, и в теории, и в практическом отношении, тот убедится в том, что, с одной стороны, предлагаемые средства для приостановления излишнего народонаселения тщетны и неудовлетворительны, с другой же стороны, что для большей части Европы предстоят неисчислимы́е бедствия от несоразмерного умножения жителей. Истина сего предложения признана всеми правительствами. В России государственные люди особенно обязаны обращать внимание на сей важный вопрос, обняв его со всех сторон. Тогда почувствуют они, сколь отечество наше должно почитаться счастливым, что оно не подлежит еще бедствию, грозящему древним государствам Европы. Тогда узнают, с каким тщанием они обязаны, сколько могут, сохранять Россию в том благоприятном положении, в коем земля и народ состоят во взаимном уравнении, в коем довольно земли для рук и довольно рук для потребностей государственных. Тогда увидят они, с какою предосторожностью должно избегать всех тех преждевременных мер, коими может нарушиться сие положение вещей, очевидное благодеяние Промысла и верный залог могущества и независимости России.

Число жителей ни в одном государстве не определяется безошибочно. Г-н Сей заметил, что лучшие для сего средства не полны и лучшие исчисления не совсем верны. Я не буду говорить об арифметическом числе жителей в России; я постараюсь изложить отношение числа жителей к пространству земли, как я имел случай наблюдать за оным почти во всех краях любезного отечества нашего; я хочу обозреть сей вопрос со стороны философической, не касаясь до цифр и не заботясь о разногласных показаниях статистики.

Всякой раз, когда надобно обнять Россию одним взглядом, ум затрудняется выводить одно общее положение и в подобных случаях общие положения делаются почти всегда неправильными и несправедливыми. Тысяча голосов твердит, что в России недостает жителей, и я не знаю ничего неосновательнее сего. Если б зависело от правительства рассаживать жителей по столько-то на квадратную версту, то, конечно, значительное количество земли в России оставалось бы необработанным; но если, глядя на сей предмет с высшей точки зрения, привести в известность сложное количество всех плодов земледелия, то увидим, что не только они достаточны для изобильного

продовольствия жителей империи, но еще, что умножение оных продуктов было бы совершенно в тягость для государства и вне всякой соразмерности с требованиями остальных держав европейских. Определять силу какой-либо страны по числу жителей или богатство народное по сложности всех *возможных* продуктов и произведений, есть остаток устарелого предрассудка *экономистов*, который не могли искоренить доселе ни опыт, ни время. Достоин замечания, что особенно в политических науках рождается между ложными понятиями какая-то искусственная связь, в коей посредственные умы едва в состоянии дать себе отчет, тем более, когда сия связь принимает в их глазах виды новых идей, новых соображений. Чем менее они в состоянии расширять свою умственную сферу, тем более дорожат понятиями, которые им кажутся плодами собственного усилия, и если иногда, следуя примеру людей отлично просвещенных, решаются оставить битый путь, коим дотоле шествовали, то всегда находятся в опасности тщетно кружиться в тесных своих пределах, не узнавая под новыми именами тех же обветшалых понятий, владычества коих они едва ли когда избегнуть могут.

Одно из главнейших заблуждений по части политической экономии состоит в том, чтоб ограничиться настоящим временем и не помышлять о будущем. Рассматривая карту Российского государства, если видят в отдаленных его краях большое пространство земель не обработанных плугом, то спешат заключить, что избыток жителей, поселенный на сих так называемых *степях*, должен умножить в геометрической пропорции силу и богатство империи, не заботясь впрочем о том, найдут ли сии новые поселяне и новый сбыт для своих произведений, или должны ли сии продукты стекаться к известным уже местам и обременять собою отяготительный сбыт ныне производимых продуктов земледелия? Развитие народонаселения тогда только полезно и желательно, когда *требование* превосходит *производство*, т. е. когда имеется более *потребителей*, нежели *производителей*; но когда сия соразмерность исчезла, то всякое умножение числа жителей есть ничто иное, как общее, неотвратимое бедствие. Ясно, что Россия имеет и ныне достаточное число рук, способных к земледелию и к военному ремеслу и что у нас народонаселение идет столь же быстрыми шагами (а может быть и быстрее), чем в прочих европейских государствах. Должны ли мы ускорять ту эпоху, когда избыток жителей сам собою перенесется в те богатые *степи*, которые

природою как будто оставлены в запасе, и кои образуют со временем земледельческий пояс империи, когда губернии, лежащие ближе к центру, достигнут той степени *мануфактурной промышленности*, на коей настанет для них необходимость сократить полевые работы и предоставить другим краям *промышленность земледельческую*.

Россия разделена природою на несколько обширных поясов, из коих каждый имеет свои особенные выгоды, свою отличительную печать. С одной стороны Губернии, составляющие центр империи, стремятся уже всеми силами к торговле и промышленности; с другой стороны, губернии юго-восточные, обогащенные плодородием земли и большими судоходными реками, посвятили себя земледелию на невероятном пространстве. Волга, Нил России, как будто связывает между собою сии два пояса и, следуя течению оной, находим мы на волжских берегах высокое развитие благосостояния народного, развитие, неизвестное иностранцам и для многих русских непонятное. В окрестностях Волги население достигло уже до высшей своей степени, по крайней мере от Тверской губернии до двух третей Саратовской. Во многих особенно плодородных местах число жителей дошло даже до излишества в сравнении с удобною к возделыванию землею. Где земля обилует в благословенном *черноземе*, там стекаются и толпятся люди. На нагорной стороне Волги цены на землю чрезмерно высоки; недавно в Симбирской губернии платили за годовой наем одной десятины от 20 до 30 руб. Какое сильное доказательство благосостояния народного и развития его умственных и телесных сил!

Между тем страны, окружающие Черное море, считая в числе их и Украину, достаточны бы были для составления сильного государства и, как мне кажется, могут в одно время стремиться и к промышленности торговой и к промышленности земледельческой. Свободное плавание по Черному морю будет лучшим венком наших блистательных побед над Портою Оттоманскою⁶¹⁶. Надеяться должно, что, открыв постоянный сбыт для своих продуктов, сей край империи почувствует новое движение и жизнь; одна пшеница, которую можно бы вывозить из портов Черного моря, достаточна для продовольствия всей Европы. Вероятно, что английские законы о торговле хлебом должны скоро подлежать значительному изменению и сие обстоятельство, присоединившись к свободному плаванью по Черному морю, откроет южному краю России необъятное поприще и много новых источников обогащения. Само собою разумеется, что для приведения внутренней

торговли в твердое и совершенное устройство, надобно ожидать эпохи, когда система водяных коммуникаций, доведенная до окончания, сблизит отдаленнейшие края России и способствовать будет их взаимному действию и беспрерывным сношениям.

Если принять в соображение войны, перенесенные отечеством с начала сего столетия, 1812 год и содержание под ружьем огромной армии, то объезжая Россию должно удивляться, видя ее населенною сильными и многочисленными племенами. Опустошения, произведенные в сем году холерою, не должны быть поставляемы в счет; во всяком случае сие гибельное явление есть явление неожиданное, мгновенное и при попечении правительства будет, уповательно, последнее сего рода. Между тем ничто в России не означает недостатка в жителях. Сделавшись торговою и мануфактурною, в такое время, когда система механических сил приняла уже совершенное развитие, Россия не отрывает от плуга работников для устроения фабрик и не будет впоследствии находиться в необходимости возвращать земледелию огромное число фабричных людей, сделавшихся ненужными от введения машин. Промышленности нашей не угрожает опасный переворот, от коего страдают просвещеннейшие государства в Европе. Промышленность явилась между нами в сопровождении тех механических изобретений, от коих сила человеческая приводится почти в ничтожество, и которым она уступать должна. Мы не знали промышленности мануфактурной в первобытном ее виде; мы узнали ее вместе с системою машин; в глазах русского она не отдельна от них. Нам нет нужды приносить в жертву одному классу народа другой класс, не менее достойный внимания правительства; потому то у нас фабричные люди и не разбивают машин, ибо они не лишили их последнего куса хлеба. В России машины благотворны и необходимы, и не только не возбуждают ненависти народа, но еще сильно и верно содействуют его благосостоянию и согласуются с числом людей, коих без вреда для земледелия можно отделить на фабрики. Последние происшествия во Франции, в Нидерландах, в Германии⁶¹⁷ ясно доказывают, что борьба механического производства с умножающимися нуждами низшего класса, содержит в себе зародыш величайших политических бедствий и самых непреоборимых затруднений. И в сем отношении Промысел благословил Россию, призвав ее последнюю в сонм просвещенных Государств!

Итак, в то время, когда одна часть империи, отличающаяся преимуществом познаний и капиталов, ближайшим сношением с Европою, посвятит себя торговой и мануфактурной промышленности, другая часть, пользуясь благоприятным небом и богатыми нивами, тем более устремится к земледелию, что найдет менее состязания в производстве, более сбыту для продуктов хлебопашества. Мы имеем полное право надеяться, что правительство под десницею великодушного монарха будет покровительствовать сему одновременному развитию двух различных сил государственных узаконениями простыми, твердыми, согласными с духом нашего народа и с обстоятельствами. Тогда Россия, в коей все ново, которая представляет в одно время отпечаток всех веков, Россия о коей нельзя судить ни по принятым правилам, ни по европейским теориям, Россия, сама себя обогащающая и сама потребляющая, посредством обмена, большую часть своих продуктов, укрепитя на прочной степени благосостояния и решит одну из затруднительнейших задач политической экономии.

Но для достижения сей возвышенной цели должны мы не только ожидать благотворных мер со стороны правительства, но еще сами обязаны всеми силами содействовать оному. Государственный человек у кормила правительства, писатель в тишине кабинета, помещик посреди своих поселян, торговец, фабрикант, крестьянин, все должны стремиться к возможному соединению пользы каждого с пользою всех. И здесь, как и во всем пространстве Государственного хозяйства и сельского домоводства, необходимо: *Русская система и Европейское образование*; система Русская — ибо то только полезно и плодовито, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование Европейское — ибо больше как когда-нибудь, мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти; но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего — и если нам не дано видеть полного успеха всех таковых предприятий, внушенных и любовью к отечеству, и даже гордостью народной, то, по крайней мере поколение, которое нас скоро заменит, соберет плоды наших трудов. Оно будет достойно высокого своего предназначения.

ОТЧЕТ ПО ОБОЗРЕНИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (4 декабря 1832 г.)

Во исполнение Высочайшей воли о подробном осмотре Московского Университета с подведомственными заведениями, руководствовался я преимущественно следующими двумя вопросами:

1) Может ли Московский университет оставаться в настоящем его виде? 2) Содержит ли Московский университет в себе средства к лучшему преобразованию и имеет ли Министерство народного просвещения возможность приступить к сему обновлению без чрезвычайных и, так сказать, насильственных мер?

Из сих двух вопросов проистекла, с одной стороны, необходимость вникнуть во все подробности нынешнего положения университета, с другой, обязанность сообразить и исследовать начала, из коих могло бы быть составлено обновление оною.

Таким образом, и самый отчет сей, который я имею счастье повергнуть к стопам Его Императорского Величества, разделяется на две части: в первой из них я представлю краткий обзор найденного мной порядка вещей, а во второй постараюсь изложить меры, которые, по моему убеждению, могли бы содействовать к лучшему устройству и предупредить дальнейший упадок сего важного отечественного заведения.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Главные предметы, на кои я обратил особое внимание, суть: *нравственность, ученье и общий дух университета.*

О нравственном положении

По части нравственности уверился я, при самом прибытии в Москву, что усердием и деятельностью помощника попечителя⁶¹⁸, статского советника Голохвастова⁶¹⁹, произведена в иных отношениях счастливая перемена, и во все время моего пребывания в Москве не произошло ничего, могущего нарушить устройство и полную тишину между студентами. Строгость при экзаменах как при вступлении в университет, так и при получении студенческого аттестата, в мое

присутствие усиленная, много содействовать будет к постепенному очищению университета, и, невзирая на некоторые неудовольствия со стороны публики и родителей, заслужила мое совершенное одобрение. Сию разборчивую строгость, полагаю я, необходимо нужным удержать и на будущее время.

Самая наружность студентов ясно доказала мне при первом взгляде, что начальство, наконец, обращает на них ближайшее внимание. При сем случае не могу я умолчать, что, когда я требовал, чтобы студенты были мне представлены каждый порознь и поименно, большую часть казенных наименовал мне Голохвастов, без помощи списков или инспектора, и что почти в каждом из них мог он мне дать некоторый отчет.

Вообще нашел я, что со стороны начальства приняты надлежащие меры как для пристойного содержания казенных студентов (в чем я уверился, бывши несколько раз при их обеде и вкушая их пищу), так и для надзора за ними, ныне порученного профессору Щепкину⁶²⁰, деятельному и надежному по должности инспектора.

В классах, где я присутствовал почти ежедневно, не заметил я никакой разницы между казенными и своекоштными студентами⁶²¹; предположение поместить сих последних в особом казенном здании составляет в моих глазах один из важнейших вопросов, до благосостояния университета относящихся, о коем я предоставляю себе изложить далее мое мнение с надлежащей подробностью.

Касательно помещения и содержания казенных студентов нашел я, что соблюдается надлежащая пристойность; но расположение аудиторий в довольно тесных и разбросанных комнатах весьма неудобно, по причине большого пространства, занимаемого библиотекой (впрочем, весьма посредственной), некоторыми, довольно любопытными кабинетами и огромной, но холодной залой, для публичных собраний определенной. Необходимо было бы отделить библиотеку и кабинеты или же аудитории в другое здание; при умножающемся числе студентов, теперешнее помещение становится ежедневно неудобнее.

О преподавании

Касательно преподавания должен я буду дозволить себе предварительно некоторое общее пояснение, дабы потом обнять одним взглядом все замечания, сделанные мной по внимательном и, как думаю, беспристрастном рассмотрении всех частей оногo.

Университетское преподавание имеет две разные стороны: одну — собственно *ученую* и *учебную*, другую — *моральную* и, так сказать, *политическую*.

В отношении к сей последней должен я положительно сказать, что, при близком и внимательном рассмотрении сего важного предмета, при ежедневном посещении лекций, при частых, непосредственных беседах с профессорами, не замечал я ни малейшего отступления от хорошего духа и от добрых начал; я совершенно уверен, что, с сей стороны, преподавание в Московском университете не подлежит никакому нареканию.

Но сия часть тесно связуется с ученой, или, лучше сказать, учебной. Влияние добрых начал и хороших намерений тогда только имеет полную силу над умами, особенно молодых людей, когда оно сопровождается основательным образованием, счастливым выражением мыслей и запасом твердых познаний в профессоре; требовать всех сих условий от каждого из них было бы дело несбыточное, но желать и стремиться к возможному уравниению сих достоинств может и должно быть целью министерства народного просвещения. Таким образом, находится и в Московском университете довольно неравное распределение способностей между преподающими: иные стоят на степени желаемого образования по своей науке и владеют способностью передавать свои познания; другие опоздали на собственном поприще, и сих опоздалых можно найти как между старыми, так и между младшими членами сего сословия. К первому разряду причисляю я по справедливости: ветерана Каченовского⁶²², трудолюбивого и даже остроумного знатока по своей части, не столько красноречивого, сколько прилежного преподавателя; Давыдова⁶²³, более всех прочих владеющего языком и даром выражать мысли, полезного на кафедре русской словесности, некогда может быть легкомысленного, но созревшего через опытность, любимого публикой и студентами и в готовности коего быть, при хорошем направлении, хорошим во всех случаях орудием правительства, я не имею никакого повода сомневаться; астронома Перевощикова⁶²⁴, образованного и умного профессора, с открытой головой и с благородным чувством, — человека, во всех отношениях заслуживающего внимание начальства; профессора математики Щепкина и восточных языков Болдырева⁶²⁵; много обещающих и даже уже сдержавших, профессора Александра Фишера⁶²⁶ и адъюнктов⁶²⁷: Погодина⁶²⁸, Максимовичей⁶²⁹, 1-го —

по части зоологии, 2-го — по части Русской истории и 3-го — по ботанике; в факультете медицинском усердных и полезных Альфонского⁶³⁰, отличного латиниста Рихтера⁶³¹ и Эйнбродта⁶³², лучшего ученика Лодера⁶³³. К разряду хороших преподавателей прибавлю профессора богословия, священника Терновского⁶³⁴, лекциями коего я был совершенно доволен как в отношении полноты и ясности, так и в отношении языка и методы преподавания.

В числе опоздавших, большей частью устаревших, заметил я по медицинскому факультету Мухина⁶³⁵ и Котельницкого⁶³⁶; в словесном — профессора греческой словесности Ивашковского⁶³⁷, с довольно хорошими, но несвоевременными познаниями; в нравственно-политическом — Василевского⁶³⁸, не способного к занятию кафедры, столь важной, политического и народного права и дипломатии, и который находился еще под моим начальством в бывшем Главном педагогическом институте и о благовидном удалении коего были приняты уже меры попечителем Московского университета; профессора латинской словесности Снегирева⁶³⁹, не имеющего достаточных познаний по сей части; профессора русского законодательства Смирнова⁶⁴⁰, едва ли обнимающего предмет, и несколько адъюнктов, отнюдь не обещающих быть отличными преподающими, и которые лишь по беспечности начальства могли быть допущены к сему званию; я не упоминаю здесь о прочих *заслуженных* профессорах, из коих большая часть не принимает участия в преподавании.

Здесь, как и везде, находится между сими двумя крайностями некоторое число людей, без отличных способностей и без разительных недостатков, как-то: молодой профессор археологии Надеждин⁶⁴¹, слишком рано возведенный в звание ординарного профессора, и который занимается изданием «Телескопа» и «Молвы»⁶⁴² — двух периодических изданий, не заслуживающих одобрения ни по содержанию, ни по духу, но, впрочем, не лишенный некоторой способности быть со временем хорошим преподающим; профессор Павлов⁶⁴³, который равномерно имеет дар выражаться правильно и даже приятно, но который содержит обширный вольный пансион и управляет училищем Земледельческого общества и хутором оною, каковые занятия едва могут оставить довольно времени, чтобы сделаться прилежным исследователем своей науки. К сему разряду принадлежат еще несколько других лиц, слишком рано и легко удостоенных звания профессорского.

Трудно, конечно, в непродолжительном времени собранные впечатления излагать в кратких и резких словах; легко даже или оценить иных свыше достоинства, или не отдать другим надлежащей справедливости, особенно в распределении умственных способностей; однако ж думаю, что я в своих суждениях о лицах не мог во многом отдалиться от истины, ибо смотрел с беспристрастием равнодушного посетителя и в отношении к некоторым следовал общепринятому мнению.

Из сего быстрого обозрения главнейших лиц, входящих в состав Московского университета, можно заключить, что по медицинскому отделению имеем мы несколько способных и усердных орудий; по отделению словесному — несколько отличных преподающих; по нравственно-политическому, сверх профессора богословия, из одного профессора Василевского с экстраординарными профессорами и адъюнктами составленного, совершенный обломок факультета, в котором все смешано, и юридические, столь обширные и необходимые науки, не имеют ни одного надежного преподавателя, а все политические, вместе с Римским правом, предоставлены адъюнкту Васильеву⁶⁴⁴, который, невзирая на его хорошие познания и усердие, не может выполнить столь противоположных требований, ниже возложенное на него поручение.

Из сего же можно вывести, сколь несоразмерны и несообразны между собой разнородные части, составляющие публичное преподавание в Московском университете; отсюда происходит во многих какой-то упадок духа, какая-то лень думать и идти вперед, какое-то внутреннее несогласие и неравенство, которые много содействовали к расстройству Университета и к недоверию общего мнения к оному.

В заключение прибавлю, что, во время моего пребывания в Москве, я не только посещал ежедневно лекции профессоров, но еще перед отъездом учредил на сей раз в каждом факультете новый род испытания для студентов, заставляя отличнейших из них отвечать с кафедр, в виде кратких лекций на заданные им письменно вопросы, приуроченные к пройденным ими предметам. Дабы лучше обозреть цель сих упражнений, скажу, что, выключая впечатление, произведенное робостью молодых людей и новостью сего образа испытания, к коему ни они, ни профессора не были нимало приготовлены, я во многих из молодых людей нашел весьма хорошие познания и дар выражать мысли правильно и даже приятно; прибавлю, что студенты медицинского факультета превзошли прочих в сих упражнениях или

беседах, коих применение могло бы быть повсюду полезно, ибо они служат для опытного наблюдателя лучшим мериллом к узнанию степени успехов и способностей каждого, и даже к исследованию образа мыслей предстоящего юношества. Сей новый способ, сначала испу- гавший некоторым образом не привыкших к оному студентов, возро- дил потом такое между ними соревнование, что они неотступно и толпой искали у профессоров соизволения явиться мгновенно на ка- федре в моем присутствии и в присутствии многих особ, привлечен- ных любопытством, как-то: князя Д. В. Голицына⁶⁴⁵, графа Румянцева⁶⁴⁶, И. И. Дмитриева⁶⁴⁷, князя С. И. Гагарина⁶⁴⁸ и многих других, удостоив- ших весьма часто в мою бытность университетские лекции своего посещения.

Много подобных распоряжений и усовершенствований, равно как и других мер, клонящихся к оживлению университета и к внут- реннему соглашению лиц, к оному принадлежащих, можно бы с поль- зой предпринять, если б мы имели в ректоре человека в полном зна- чении сего слова. Профессор Двигубский⁶⁴⁹, при всем усердии и бла- гонравности, не имеет довольно весу, не пользуется достаточно личным уважением, чтобы исполнить все обязанности, с его назначе- нием сопряженные. Можно бы без затруднения назвать двух или трех профессоров Московского университета, обещающих более успехов и, как мне кажется, более способных к сей должности.

Об общем духе университета

До осмотра Московского университета, лично мной произведен- ного, разделял я с многими некоторые предрассудки насчет духа, гос- подствующего в сем важном заведении; но, приняв оное в точнейшее наблюдение свое и исследовав вблизи истинное положение вещей, увидел я, что преждевременные, резкие о сем заключения неоснова- тельны, и что во всех отношениях глубокое спокойство и легкость следовать всем направлениям, данным правительством, составляют ныне отличительную черту молодежи, стекающейся в Московский университет; особенно убедился я в том, что прежние примеры неус- тойства и буйного расположения в некоторых молодых людях не были ими почерпнуты в университете, а внесены в оный под влияни- ем посторонних лиц, воспользовавшихся неопытностью и пылким воображением сих несчастных жертв их коварства, — чему могут

служить, кажется, неоспоримым доказательством следствие и приговор, учиненные прошлого года над некоторыми из них⁶⁵⁰.

Утверждая, что в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, дабы образовывать в большем числе оных полезных и усердных орудий правительства, что сей дух готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать их в сем желаемом равновесии между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и, к несчастью Европы, овладевшими ею, и теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние Отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имело полное право судить слишком строго о сделанных, может быть, ошибках со стороны тех, коим было некогда вверено наблюдение за сим заведением; но я твердо уповаю, что нам остаются средства сих ошибок не повторять и, постепенно завладевши умами юношества, столько же доверенностью и кротким назиданием, сколько строгим и проницательным надзором, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплой верой в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества.

Во все время моего пребывания в Москве обращался я свободно не только с учителями, но даже и с самими студентами; почти ежедневно открывался мне случай с ними беседовать, вместе и порознь; и всегда, при повторении священного имени государя, при объяснении его благодетельных видов, его великодушного внимания к их успехам и благосостоянию, видел я на всех лицах и слышал со всех сторон непритворное, юношеское изъявление любви к монарху и к Отечеству. Весьма часто случалось мне, прервав лекцию профессора, закончить оную собственным нравоучением, всегда приводя речь к лицу государя, к преданности трону и церкви, к необходимости быть русскими по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию, к возможности соединить вместе незыблемое чувство верноподданного с познаниями высшими, с просвещением, принадлежащим всем народам и векам, — и всегда, я смею сказать, общий

восторг встречал случайно и неожиданно произнесенные слова. Может быть, иные скажут, что я увлекался сим отголоском собственных убеждений; на сие довольствуюсь я отвечать, напоминая о тех предрассудках, с коими я вступил в Московский университет, и сверх того заметить, что я говорю положительно, что сии чувства *нашел* я между молодыми людьми; следовательно, *что не я их поселял*, и что, по сему случаю, услуга сия, буде может быть приписана кому-либо, должна быть приписана не мне. Что я радовался, нашедши сие расположение умов, в том я сознаюсь, равно как и в обязанности, в коей я себя почитаю довести до сведения Его Императорского Величества о сем предмете.

Конечно, могут скрываться и между студентами, в иных — некоторая черствая самонадеянность и недозрелая строптивость рассудка, в других — склонность к шалостям, к заблуждениям, даже к порокам, но и следов преступных помышлений найти я не мог; а так как сие заключение подтверждается мнением ближайших начальников университета и даже всех местных начальств, начиная с Московского военного генерал-губернатора, с коим я находился именно по сему в непрерывных сношениях, то полагать должно, что сие уверение есть общее между теми, коим ближе принадлежит удостоверяться в сем предмете. К сему должен я присовокупить, что никогда к точному узнанию университетской молодежи не было принято столько твердых и полезных мер: ибо не только затруднено посредством экзаменов вступление в университет, но и самый выпуск отныне подлежать будет строжайшей разборчивости.

Сюда относится предмет, имеющий равное влияние на общее спокойствие умов и на самый дух университета, — я говорю о периодических изданиях и журналах. С давнего времени разделял я с многими благомыслящими неприятное впечатление, производимое дерзкими, хотя отдельными усилиями журналистов, особенно московских, выступать за пределы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе. При вступлении в должность, думал я, что, укротив в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления, или вообще до правительства относящимися, можно было бы предоставить им полную свободу рассуждать о предметах литературных, не взирая на площадные их брани, на небрежный слог,

на совершенный недостаток вкуса и пристойности; но, вникнув ближе в сей предмет, усмотрел я, что влияние журналов на публику, особенно университетскую молодежь, небезвредно и с литературной стороны. Разврат нравов приуготовляется развратом вкуса; студент, не имеющий сообщения с обществом, бедный, одинокий студент с жадностью читает журналы и ищет в них пищи для ума и сердца. Что ж он в них находит? Незнание правил логики и языка, резкий и надменный тон в суждениях, насмешливое представление тех самых людей, от коих он должен получать образование. Какими глазами он будет смотреть на профессора, которого он видел накануне покрытого журнальной грязью? Какое уважение может он сохранить к человеку, обращенному в общий смех, и который тем более обязан молчать, чем более он достоин своего звания? Борьба с журналистами сего рода неравная: их крик берет верх над простым рассудком. Неопытный читатель блуждает во тьме и мало помалу свыкается с площадным духом и с грубыми формами противников, равно не достойных уважения.

Руководствуясь сими мыслями, обратил я в бытность мою в Москве особенное внимание на цензуру журналов и периодических листов; Комитету цензурному, для сего собранному, счел я нужным поставить пространно на вид его тесные к правительству обязанности, подкрепив мои замечания разными статьями, пропущенными им в журналах; издателей «Телеграфа»⁶⁵¹ и «Телескопа» призывал к себе и излагал им с умеренностью, но твердо все последствия, какие влечет за собой опасное направление их журналов, и, рассуждая с ними о сем предмете, получил от них торжественное обещание исправить сию ложную и вредную склонность; особенно издателю «Телескопа» и «Молвы», как профессору Московского университета, заметил, в присутствии Голохвастова, что его обязанность к правительству двоякого рода: ибо не только как журналист, но еще как профессор, должен он служить орудием здравого рассудка и хороших начал, и что из сей двоякой обязанности проистекает для него двоякая, весьма важная и тесная ответственность. Тому и другому из сих журналистов изъяснил я, что пора прекратить им не только дерзкое суждение о предметах, лежащих вне их круга, но также и облагородить их издания, положи конец ругательным критикам и дерзким личностям. По вниманию, кажется искреннему, с коим они слушали мои слова, должен я думать, что они, при бдительном надзоре цензуры, сдержат

данное слово; по крайней мере министерство, образумив их языком кротким, но твердым, предоставило ныне себе все средства требовать гласно и открыто то, что я внушал им в виде рассуждения и совета. Вообще, имея при сем случае непосредственное сношение с сими лицами, убедился я в том, что можно постепенно дать периодической литературе, сделавшей ныне столь уважительной и столь опасной, направление, сходственное с видами правительства; а сие, по моему мнению, несравненно лучше всякого вынужденного запрещения издавать листки, имеющие большое число приверженцев и с жадностью читаемые особенно в средних и даже низших классах общества. Здесь должен я сказать, что издатель «Телеграфа» Полевой скорее других повиновался моему наставлению, и что даже московская публика заметила перемену в тоне его журнала, хотя не ведала о причинах, побудивших его к оной.

Нельзя утверждать, чтобы и после сего не проявлялись в московских журналах, если не статьи уже, то, по крайней мере, выражения, носящие отпечаток давнишних браней, поселившихся в тамошних литераторах; но тут уже вину надобно отнести на счет цензоров, коим я беспрестанно показывал деланные ими ошибки и объяснял их собственную обязанность; так, например, должен я прибавить, что стороннего цензора Лазарева⁶⁵², коему поручена цензура периодических изданий, почитаю я слишком мягким и недовольно сметливым для сей должности, как я в том, по неоднократным случаям, убедился. Но сего было недовольно: усмирив несколько порывы буйного духа в существующих журналах, употребил я власть, так сказать, *отрицательную*: прямое, непосредственное влияние, особенно на университетскую молодежь (которую я всегда имел преимущественно в виду) может только проистекать от нового, чистейшего источника познаний и сведений. Кому более принадлежит право обращать речь к оной, как не сословию ее образователей, сословию профессоров Московского университета? Руководствуясь сим правилом, объяснил я профессорам, каких благоприятных последствий можно бы ожидать от журнала, ими издаваемого, в котором каждый из них принял бы участие по своей науке; что им следует, по словам устава и по смыслу их звания, в противоположность прочих журналов, доставлять читающей публике, особенно молодым людям, пищу чистую, зрелую, предохранительную, — пищу, сообразную с умственными силами молодых читателей и согласную с потребностями их возраста,

образования и будущего назначения в жизни. К сему я прибавил, что таковое издание служило бы новым, так сказать, живым средством сообщения между наставниками и слушателями, между наставниками и начальством. Наконец принял я смелость объявить, что я буду ходатаем за таковое полезное предприятие во всех случаях, где откроется нужда прибегнуть к щедрому вниманию Августейшего покровителя наук: ибо, вероятно, что журнал ученый и учебный, содержащий статьи серьезные, журнал без политических новостей и литературных ругательств, по избалованному журналистами вкусу публики, не найдет при появлении многочисленных подписчиков, и что сначала необходимо будет министерству обеспечить первое появление сего периодического издания.

Как о сем, единодушно принятом предложении, так и вообще о готовности, которую явили профессора Московского университета привести в исполнение мысль, коей они постигли и важность, и необходимость, представил я министру народного просвещения⁶⁵³ официальный отзыв профессоров. В ожидании надлежащего со стороны министерства народного просвещения разрешения, осмеливаюсь с своей стороны всеподданнейше обратить особое внимание и покровительство Его Императорского Величества на сие предприятие, как на предмет, могущий иметь ближайшую непосредственную пользу⁶⁵⁴.

Желая возобновить ученую деятельность профессоров, имел я еще в виду и то, чтобы, посредством сего журнала, внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах. Не только направление к отечественным предметам было бы полезно для лучшего объяснения оных, но оно отвлекало бы умы от таких путей, по коим шествовать им не следует; оно усмирляло бы бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии. Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным, служило бы некоторой опорой против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих, обманчивую для неопытных, переломить нельзя иначе, как через наклонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число *умственных плотин*. Не все оные кажутся, может быть, равно твердыми, равно способными к борьбе с разрушительными

понятиями, но каждая из них может иметь свое относительное достоинство, свой непосредственный успех.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О мерах восстановления Московского университета

Из всего предыдущего можно заключать о нынешнем состоянии Московского университета. Без малейшего сомнения требует он во многих отношениях преобразования, но вместе с тем не трудно и увериться, что элементы к оному частью находятся в самом составе Университета, частью должны происходить от тех мер, которые будут на сей конец приняты правительством.

Меры сии разделяются на меры *вещественные, административные* и на меры *умственные и моральные*. От сочетания тех и других, от совокупления обоих сих орудий, произойдет обновление в духе и в формах заведения, столь важного, столь драгоценного для России, столь ею некогда уважаемого.

Я постараюсь в коротких словах изложить главнейшие из сих мер, предоставляя всякое дальнейшее объяснение тому времени, когда таковые меры, в совокупности и отдельно, будут подлежать рассмотрению высшего правительства.

Вот к чему я полагаю необходимым приступить неотлагательно:

1) Московскому университету исходатайствовать утверждение нового штата*. Нет нужды распространяться о предмете, о котором неоднократно представляемо было на Высочайшее воззрение и через министра народного просвещения, и через попечителя Московского учебного округа. Скучное содержание профессоров влечет непосредственно за собой упадок духа, охлаждение к занятиям, необходимость искать других средств к пропитанию, словом, разрушение университета. В теперешних обстоятельствах профессора Московского университета, удерживаемые доселе на кафедрах врожденной преданностью к сему заведению, еще имеющему какой-то отголосок прежней своей славы, и надеждой на будущее, приняли бы сей опыт внимания правительства с живейшим восторгом, с глубоким чувством благодарности. Он необходим для них, но необходим и для нас,

* Против этого места собственной Его Императорского Величества рукою написано: «Кажется уже назначено».

особенно если министерство воспользуется сим случаем удалить благовидно некоторых преподающих, коих дальнейшее пребывание при университете служило бы непреоборимым затруднением в предстоящем преобразовании оногo*. Я осмеливаюсь думать, что представленный до моего отъезда устав университетский со штатами будет уповательно дарован, с наступающим годом, хотя Московскому и С.-Петербургскому университетам и учебным округам: ибо в Московском учебном округе остаются в действии прежние штаты и по гимназиям, и по училищам, так, что единогласно все губернские директора, которые съезжались в Москву для свидания со мной, утверждают, что ежедневно пресекаются все способы к поддержанию заведений, им вверенных, чего и опровергнуть невозможно. В самой Москве уездные училища, мной обозранные, состоят в самом жалком положении, тогда, когда требования со стороны публики ежеминутно умножаются.

2) К сему предмету, т. е. к требованиям общего мнения, отнести можно и положение университетского Благородного пансиона, — преобразованного в первую гимназию⁶⁵⁵, чем несомненно лишилась бóльшая часть родителей высшего сословия, в Москве проживающих, средства воспитывать детей в казенном заведении. Не касаясь до причин, побудивших правительство постепенно уничтожать специальную цель и права, некогда присвоенные Благородному пансиону, нельзя не согласиться в том, что гимназическое ученье едва ли приноровлено быть может к гражданским потребностям тех классов, из коих образуются будущие служители Отечества между дворянами; здесь надобно заметить, что с давних времен на специальность воспитания не было обращено достаточное внимание; конечно, план гимназического ученья соответствует образованию, приуготовительному для университетов; но, с другой стороны, нельзя не уважить, что резкая граница, отделяющая в гражданском быту сословия между собой, требует, чтобы и воспитание по сему мерилу распределено было; требует воспитания *специального*, без коего нельзя никогда будет дать право гражданства нашим учебным заведениям. Так, например, со всех сторон оглушали меня жалобы родителей, просящих единодушно о восстановлении бывшего Благородного пансиона,

* Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Исполнить».

хотя не на том же основании или не с одними правами, но, по крайней мере, в прежнем специальном направлении сего заведения. Все твердили, что они готовы платить по 1 500 руб. и более в год за сына, если только открыт будет вновь пансион, куда могли бы отдавать в Москве детей, под непосредственным наблюдением правительства, и цель коего была бы некоторым образом приспособлена к будущему назначению их в службе. Между тем, по собственному осмотру, по донесению директора 1-й гимназии и по свидетельству помощника попечителя, открывается, что гимназия сия, составленная из развалин бывшего пансиона, ежедневно приближается к упадку, по недостаточному числу пансионеров. Соображая таким образом общее требование высших классов в Москве, их гласную готовность содействовать всеми силами к учреждению или восстановлению специального учебного заведения, невероятные успехи некоторых частных пансионов, лично мной обозранных, в коих плата простирается до 2 000 руб. в год, с бедственным положением и постепенным упадком 1-й гимназии, увидел я необходимость обновить с некоторыми оттенками бывший Благородный пансион или под сим званием, или под иным подобным оному; в сей мере находится тем более удобства, что 1-я гимназия не имеет ничего гимназического, кроме названия и устава: ибо под сим, для общего мнения неприятным именем, она есть не что иное, как пансион, но пансион, ослабевший и лишенный всех средств получить какую-либо самобытность. Если сии предположения удостоятся уважения, то следует, по моему мнению, поручить исправляющему должность попечителя Московского учебного округа, вместе с некоторыми членами университета, составить подробный проект такового обращения 1-й гимназии в специальное дворянское заведение. Все, относящееся к сему, было предметом продолжительных совещаний с Голохвастовым и с многими другими особами, близко знакомыми с местностью Москвы*.

3) Губернская, так называемая 2-я гимназия, одна, по моему мнению, заслуживает звание гимназии, ибо третья еще не открыта. В губернской гимназии нашел я порядочное ученье, чистую наружность, благородное и твердое обхождение с детьми, и все сие подтвердилось

* Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Не вижу никакого сему препятствия; сверх того, можно бы было приготовить проект Лицея в Москве наподобие и по уставу Царскосельского и представить мне».

ныне на университетском экзамене, на коем воспитанники 2-й гимназии оказались лучшими, по свидетельству помощника попечителя и профессоров. Таковые успехи большей частью должны быть приписаны директору оной, надворному советнику Окулову⁶⁵⁶, в полтора года, с скудными средствами, преобразившего сие заведение, доведенное прежним директором до совершенной гибели; хорошему набору и усердию учителей, также и весьма похвальной деятельности инспектора Белякова, вполне заслужившего мое одобрение, не по поверхностному взгляду, а по внимательному и продолжительному разбору. Я считаю долгом заслуги как директора Окулова, так и инспектора Белякова и некоторых учителей сего заведения, имена коих мной замечены, всеподданнейше представить на Высочайшее Государя Императора воззрение, уверен будучи, что ознаменование монаршей милости воспламенит их к дальнейшему усердию*; вообще я считаю обязанностью присовокупить, что 2-я гимназия есть единственное московское учебное заведение, в коем я не нашел ни малейшего повода к упреку или замечаниям, и которое, если не все представило мне, чего бы я желал, то по крайней мере открыло мне надежду развития от времени и постепенное усовершенствование, не сопряженное с большими препятствиями.

4) Учреждение 3-й гимназии столь необходимо, что обратило уже на себя внимание местного начальства и министерства. Теперь из трех московских гимназий одна вовсе не существует, другая по званию только принадлежит к подобным заведениям, так что губернская (2-я) гимназия одна только соответствует своему назначению и удовлетворять обязана многочисленным требованиям правительства и публики. В мою бытность в Москве открылся случай купить для 3-й гимназии дом весьма удобный, бывший графа Пушкина⁶⁵⁷ на Басманной; просят за оный 140 000 руб., но можно еще надеяться на некоторую уступку**.

5) Но посреди всех сих мер остается одна важнейшая, я смею сказать, решительная для судьбы Московского университета, подробное и беспристрастное исследование коей во всех видах, во всех оттенках,

* Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Можно представить к награде».

** Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Из каких сумм?»

преимущественно озаботило меня во все время пребывания моего в Москве: не приведенное еще в исполнение помещение своекоштных студентов в особое здание под присмотром университетского начальства представляет, при первом взгляде, некоторое ожидание лучшего устройства и подчинения всех сих молодых людей одному закону порядка, одному действию надзора. Но сколько, с другой стороны, открывается, смею сказать, неудобств всякого рода! Покупка дома Пашкова⁶⁵⁸, не имеющего ни дверей, ни балок, ни окон, ни даже крыши твердой, обременило кассу университета ежегодным платежом 15 000 руб., кои взимаются из доходов типографии, весьма далекой от цветущего положения, как я то усмотрел из течения дел и по свидетельству начальства университетского. По смете и планам, представленным попечителем Московского учебного округа князем Голицыным, расходы на предполагаемые постройки, из коих (как увидим ниже) значительная часть относится на помещение своекоштных студентов, простираются до 1 855 975 рублей. Сверх сего существенного затруднения, надобно принять в уважение, что, по верному исчислению начальства, тогда только сей приют для вольных студентов может вознаграждать собственный расход и просто покрывать оный, когда непременно число студентов-пансионеров будет состоять из 350 человек, а на сем основании оказывается следующий расчет:

Капитал, употребленный на покупку дома Пашкова.	250 000 р.
Капитал, предполагаемый на отделку и пристройки (кроме клиники, библиотеки, церкви и всех построек, не касающихся до помещения студентов), круглым числом.	1 100 000 р.
На издержки обзаведения, кои для предполагаемого помещения своекоштных 350 человек, должны быть произведены прежде их принятия	50 000 р.
<hr/>	
Сумма капиталов, которые издержать должно, составит	1 400 000 р.
С сего капитала в год процентов по 4 со ста	56 000 р.
Издержки на отопление круглым числом.	20 000 р.

На освещение.....	1 000 р.
На ремонт строений и содержание чистоты.....	3 000 р.
На жалование Директору, Помощникам, эконому и тем из нижних чинов, кои должны состоять при доме, не смотря, весь ли предполагаемый комплект своекоштных студентов в оном будет	10 000 р.

Сумма процентов с издержанных
капиталов и ежегодных издержек.....90 000 р.

Число своекоштных студентов, коих предполагается поместить, есть 350; разделив на сие число сумму 90 000 р., выйдет на каждого круглым счетом 257 р. таких издержек, кои могут в течение долгого времени, при предполагаемом всегда полном комплекте, пополниться 50 р., вносимыми каждым при вступлении его в дом. Но дотоле, сколько человек будет недоставать до 350, столько раз ежегодно теряет правительство 257 рублей.

Здесь следует еще заметить, что дом Пашкова, считая по 15 000 р. в 36 лет, составит покупной ценой не 250 000 р., а 540 000 р., и что все расчеты должны бы быть произведены на сем основании, так что и вышеприведенный о своекоштных студентах едва ли не должен удвоиться по соразмерности.

Между тем затруднения другого рода, затруднения моральные, не могут быть тут упущены из вида: или сии пансионеры окажутся людьми благонадежными, и тогда по их возрасту они могли бы равномерно проживать скромно, как доселе, на разных квартирах, или они окажутся людьми вредными, хотя и в малом количестве, тогда какой надзор, какое наблюдение, вне университета производимое (ибо они не казеннокоштные и будут хотя жить вместе, но состоять на другом основании) могут обеспечить опасное ежеминутное их общество с прочими?

Если уроженцы Польских губерний, ныне лишенные средств оканчивать юридические и словесные курсы в Вильне⁶⁵⁹, будут стекаться в сию, так сказать, гостиницу, которая не может быть им заперта, кто может ручаться за дух, который они внесут с собой? Последуют ли они влиянию духа русского, или напротив распространят они дух своего племени, дух всегда враждебный во всех изменениях

и под всеми личинами? На сей вопрос едва ли кто найдет заблаговременно положительный ответ; прошлогодние же события в университете ведут, однако же, к заключению, что перевес может быть не на стороне нашей. Итак, огромные издержки, сопряженные с потерей пяти или шести лет, необыкновенные усилия, чтобы упрочить сие заведение в возможном устройстве, даже и в хозяйственном отношении, опасность видимая возбудить новые опасности, едва отвративши прежде бывшие неудобства, — вот что открывалось (по крайней мере, перед моими глазами), когда я обдумывал сей предмет. Нельзя также не упомянуть о том, что исполнение сей мысли, имевшей естественным источником великодушные щедроты государства, может некоторым образом остановить ожидаемое обновление Московского университета, обращая все денежные средства, все усилия начальства, все внимание министерства на предмет, косвенно только входящий в состав университета, в то самое время, когда университет и 1-я гимназия находятся в упадке и расстройстве и когда в московских уездных училищах, числом уменьшившихся со времен Екатерины II, скоро, за ветхостью зданий и недостатком средств, вероятно, прекратится самое ученье. Прибавим еще, что сия мера, коей истинный смысл был худо постигнут и еще хуже истолкован, произвела в публике впечатление неблагоприятное. Наконец, теперь, когда дух университетской молодежи, как будто новым жаром, новой покорностью оживленный, не являет, по единодушному свидетельству всех начальств, ни малейшего признака беспорядка или неповиновения, то не изменились ли частью те самые побуждения, которые прежде сего могли склонить правительство к таковым мерам и сами виды оного о сем предмете не ожидают ли нового рассмотрения и соображения?

Вникая в сей вопрос, открывается несомненно, что благотельное намерение правительства могло бы быть исполнено на других, легчайших началах; я не беру на себя именно обозначить оные во всей подробности, но я уверился, что другие средства к сему легко приисканы быть могут. Если бы, например, вместо того, чтобы употребить столь огромные суммы и столько усилий всякого рода на призрение одиноких своекоштных студентов, умножено бы было число казенных, то можно думать, что благотельная воля монарха достигла бы совершенно своей цели. В сем предположении покупка дома Пашкова могла бы обратиться в пользу университета: ибо, отделивши оный дом, однажды уже купленный, можно бы в оном соорудить церковь

и поместить все аудитории и все залы университетские и тем самым доставить им необходимое расширение; словом, полезное употребление легко бы нашлось для одного дома, коего местоположение является, конечно, удобность для всякого подобного плана. Впрочем, о сем последнем предмете составлена, вследствие высочайшего повеления, особая записка с надлежащим соображением. Вообще считал я долгом, долгом священным, откровенно изложить перед Его Императорским Величеством мои сомнения касательно своекоштных студентов, сомнения, основанные уже не на простых догадках, а на беспристрастном наблюдении местных обстоятельств, уверен будучи, что в сих строках находится если не *истина*, то по крайней мере убеждение*.

б) Говоря далее о моральных способах восстановить Московский университет, не смею я умолчать о том, какое неизъяснимое влияние на его восстановление могло бы иметь некоторое изъявление монаршего благоволения к настоящему его порыву, к готовности всех и каждого сделаться достойными высочайшего внимания; каковой порыв, каковая готовность могут быть доказаны не только моим свидетельством, но и свидетельством всех московских начальств, с коими я находился во всегдашних сношениях; все с умилением ожидают, что наконец взгляд милости будет обращен на них; все сколько я могу судить, стремятся загладить прежние впечатления; все, кажется, готовы быть орудиями Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем. С моей стороны, позволяю я себе чистосердечно изложить мое заключение по сему, ибо ничего нет легче, как поверить оное с показаниями других. В Москве, дело университета есть дело общее; оно составляет непрерывно главный предмет всех наблюдений, всех разговоров. Все принимают более или менее участия в нем; всем он близок к сердцу. Оттуда и нетрудно постигнуть, в какой мере ценят попечения правительства, особенно милостивое воззрение монарха; но и не трудно также постигнуть, с каким тщанием, с какой осмотрительностью, с каким сочетанием кротости с твердостью, следует приступить к трудному и многосложному делу восстановления Московского университета из-под развалин, его тяготящих.

* Против этого места собственной Его Императорского Величества рукой написано: «Все это может быть справедливо».

7) Сюда, с другой точки зрения, принадлежит также обязанность начальства иметь в непрерывном наблюдении все части сего заведения, дать каждой из них надлежащее движение, доставить учащим и учащимся более средств, более пособий, чем имелось донныне; пояснить их понятия о том, что требует от них правительство; следовать за всеми изменениями, за всеми изгибами важного вопроса, так сказать, олицетворенного в Московском университете, и коего удачное разрешение дало бы, без сомнения, и новый блеск благополучному царствованию возлюбленного монарха и новую прочность существующему порядку, показавши, что в краеугольном начале оно находится для нас, русских, источник всех тех умственных сил, служащих не к разрушению, не к беспорядку, не к вольнодумству политическому и религиозному, а к созиданию и утверждению отечественного блага на незыблемом подножии самодержавия твердого, просвещенного, человеколюбивого. Сюда принадлежит также целый ряд отвлеченных вопросов, частью о вещах, частью о лицах, вопросов, не могущих по своей важности, по обстоятельствам, по бдительному попечению государя императора скрываться от его прозорливости и, конечно, входящих в число его высоких размышлений.

Сверх замечаний, составивших сей отчет в осмотре Московского университета, мною по Высочайшей воле тщательно произведенном, собрал я значительное число разнородных сведений, долженствующих умножить запас опытности, в течение 22-х лет приобретенной. Дозволю себе только прибавить одно: более чем когда либо убедился я в пользе подобного строгого, аналитического, непосредственного осмотра, и смело скажу, что без сего предварительного испытания никто не может полагать себя в силах участвовать в управлении частью, окруженной столь великими затруднениями и требующей, едва ли не более всех прочих, способности не увлекаться своими собственными теориями и опытами и не слишком верить теориями и опытами других.

ЗАМЕТКА О ГЁТЕ

Amicus Plato...⁶⁶⁰

Прошедший год как для литературы, так и для Академии ознаменовался многочисленными и тяжелыми утратами. От нас ушли наши иностранные члены Кювье⁶⁶¹, Гете, Сестини⁶⁶², Ремюза⁶⁶³, Шампольон⁶⁶⁴, Зах, Шапгаль⁶⁶⁵, Лодер. Смерть, поразив лучших людей, подлинных европейцев, которых мы только что упомянули, кажется, произвела в интеллектуальном мире катастрофу, вполне сопоставимую политическим бедствиям. Она прошла по вершинам разума, в то время как другая сила не менее фатальная и не менее могущественная уничтожила вершины политического порядка⁶⁶⁶. И если еще не идет речи о спасении мировой цивилизации, если закон прогресса по-прежнему является неотъемлемым условием нашего общественного бытия, то по крайней мере очевидно, что мы во всех областях входим в одну из тех переходных эпох, которые бывали и раньше в истории человеческого духа, эпоху одновременно застойную и прогрессивную, когда желание аграрного закона разума⁶⁶⁷ становится в один и тот же момент и последним символом, и высшим инстинктом.

Я прошу прощения, милостивые государи, за то, что отклонился от первых строк данной заметки и обычного для данного вида сочинений тона. Но, согласитесь, что было бы трудно во время, в которое мы живем, не обращаться к общим идеям и не искать единого принципа, когда видимый порядок, связывающий события, кажется, скрылся под их странной непоследовательностью.

Из тех знаменитостей, кого смерть столь безжалостно похитила у литературы и Академии, есть один, кому я обязан в качестве академика отдать последний долг признательности и уважения. Я хочу говорить о Гете. Другие лучше меня смогут в этой аудитории охарактеризовать замечательный вклад Кювье в естественные науки, оценить обширные познания Шапильона, Ремюзы, Сестини. Мне же, полагаю, предстоит поговорить с вами о Гете. Я изучал его добросовестно и без предрассудков. Долгие и частые личные общения⁶⁶⁸ также позволили мне оценить его. Отныне о Гете можно судить, как о древних, которым мы обязаны только истиной, и чей спокойный и молчаливый образ требует уважения и не вызывает больше ни гнева, ни любви.

Не требуйте от меня, милостивые государи, биографических подробностей о жизни этого подлинно великого человека. Даты его рождения и смерти, основные события жизни столь же спокойной, сколь и насыщенной, известны повсюду. Эти подробности вы все знаете. Здесь нет никого, кто бы не находился под влиянием и не был очарован его блестящими и оригинальными творениями, в которых разносторонний гений, осмелюсь сказать, без труда играет всеми цветами радуги и поочередно отражает то самые сокровенные движения сердца, то причудливые порывы воображения, то тончайшие суждения философского ясновидения.

Я внимательно прочел, милостивые государи, большую часть из того, что опубликовано о Гете. Высказанные суждения в целом показались мне малоосновательными и неточными. Либо он возносится пером пристрастного биографа на воображаемые высоты, где личность писателя становится недоступной для анализа, либо мы находим его униженным до узких и мелких размеров, в которых едва смог бы поместиться самый обычный журналист. Одни сравнивают его с Шекспиром⁶⁶⁹, другие с Вольтером⁶⁷⁰, мне где-то даже попала параллель между Гете и Магометом или Наполеоном, — не помню точно кем из двух? Оставляю вам самим, милостивые государи, судить о степени убедительности этих претенциозных фраз, лишенных естественности и наблюдательности.

Для того чтобы судить о влиянии Гете на его страну, на его эпоху, сперва следует перенестись во время, когда он появился на литературном горизонте. Французское общество, стремительно движущееся к гибели в ослеплении своих сатурналий, еще оказывало влияние на все умы. Немецкая литература, изнывающая одновременно от неподвижности собственных первоначальных форм и систематического стремления подражать зарейнским образцам⁶⁷¹, соединяла в себе, так сказать, двойное неудобство от двух противоположных, почти враждебных систем. Школа Бодмера⁶⁷², считавшаяся в Германии швейцарскою, силилась воскресить древнюю эпопею, покрытую патриархальностью. Лейпцигская школа требовала национального театра и в ожидании его штамповала тяжелую ритмическую прозу, бесконечные причастия которой утомляли самое тугое ухо и самый терпеливый ум. Несколько замечательных авторов, главным образом Геллерт⁶⁷³ и Клопшток⁶⁷⁴, воспроизводили в лирических формах возвышенные мысли, которые, однако, барахтались в неправильной и неосновательной

метрической системе. Тогда захотели создать поэтику, руководствуясь теми же предрассудками, с какими искали национальные корни в баснословных преданиях Тацита о германцах. Только один Лессинг⁶⁷⁵ пролагал истинную дорогу, но исключительно критическая природа его таланта не смогла пролить свет там, где царили мешанина и беспорядок. И посреди этой литературной анархии человек превосходного дарования, Виланд⁶⁷⁶, открыл перед собой новый путь, по которому устремились его последователи в подражании французской литературной моде, но лишённые французского изящества, естественности и живости. Тяжелые и бесплодные усилия лишь удвоили тех элементов, которых следовало избегать. Результатом стало печальное явление, когда безнравственность не искупается изысканностью, а свойства национального духа приносятся в жертву пустому тщеславию украшать себя чужими пороками.

Заметим особо, милостивые государи, что в то время вся активность человеческого ума устремлялась на улучшение разума, и ничто из того, что сегодня владеет мнением, не становилось достоянием народных страстей. Разразившиеся вскоре революции, подготавливались, вероятно, в молчании. Но, будучи в большей степени плодами самой эпохи, ее идей и положения вещей, чем человеческих поступков или заговоров, они созревали вдали и появлялись как незаметные точки на горизонте, покрытом тучами. Тогда книга была событием, новая мысль явлением, философская система целой эпохой, произведение искусства выражением партийной принадлежности. Тогда театральное правило трех единств отстаивалось или, наоборот, подвергалось нападению, подобно социальному принципу. Глюк⁶⁷⁷ почитался новатором, Шекспир варваром, угрожающим социальной стабильности, на энциклопедистов⁶⁷⁸ возлагали ответственность за введение новой веры. Особенно Германия представляла странное зрелище деятельного и непрестанного развития мысли, заменявшей все другие признаки жизни, мысли, направленной на самое себя. Там от Рейна до Спрее, одно метафизическое умозаключение способно было возбуждать умы, какой-нибудь неожиданный вывод или новая категория разделяли общество, и сами государства делились не по степени их политической важности, но по степени культурной зрелости и интеллектуального влияния на остальную страну.

В этих обстоятельствах появился Гете, наделенный чудесной способностью соединять в себе самые противоречивые свойства. Благоприятствуемый своим веком и своим социальным положением,

он рано предвидел то место, которое должен был однажды занять. Он долго, казалось, колебался в выборе пути, но это колебание не только не удалило его цели, но и послужило развитию всех сокровищ его редкого интеллекта. Это колебание частично объясняется обстоятельствами того времени, частично особенностями характера писателя. Перед восторженной и чистосердечной публикой, ожидавшей с простодушным постоянством законодателя языка и оракула вкуса, Гете предстал без литературных убеждений, без веры в философские учения, без твердых убеждений, без энтузиазма и без национальности. Странная вещь, благодаря этим контрастам, которые он никогда не скрывал, его влияние ширилось и росло, на них он основал свою огромную интеллектуальную власть, скипетр, которой, что бы об этом ни говорили, оставался в его руках до последнего дня его жизни. Никогда Гете не опускался до того, чтобы льстить общему мнению. Волшебной силой своего таланта он увлекал его за собой и затем отталкивал в противоположную сторону. Уставшее от долгих блужданий, оно хотело отдыха, хотело остановиться на литературной системе, созданной самим Гете, но его капризному гению нравилось мгновенно разрушать собственное произведение, подобно тому, как араб посреди пустыни топчет ногами палатку, которая только что была пристанищем его каравана, и караван терпеливо и смиренно снова отправляется в путь. Когда общее мнение полагало, что оно, наконец, открыло истинное направление творчества своего любимого писателя, он тотчас же направлялся в другую сторону, и снова оказывался в том месте, откуда, казалось, ушел навсегда. Истинный Протей, но Протей свободный и своенравный, как Ариель и Мефистофель, всегда опережающий своих современников, всегда самый сильный и самый искусный, всегда неподражаемый, Гете никогда ничем не жертвовал своей популярности и всегда сохранял ее.

Когда немецкий дух, всегда мечтательный и страстный, доходит до отвращения к людям и вещам и в борьбе с реальной жизнью возносится в идеальные сферы любви, Гете пишет «Вертера», может быть самую великую драму своего века. Затем он останавливается. Совершенство произведения делает невозможным подражание. Писатель доволен тем, что закрыл этот путь перед другими, и если он к нему возвращается, то только для того, чтобы посмеяться над тем, что сам же внушил. Когда его соотечественники бросаются очертя голову в рыцарские века, когда театр и романы гибнут под тяжестью готических башен, железных кирас и копий, переходящих из одного произведения

в другое, лишенных искусства и истины, Гете раздражается и создает «Генца фон Берлихингена», шедевр полный естественности, драматической силы и местного колорита, который отвращает публику от всего того, что прежде ей нравилось в других. Шедевр завершен, и Гете больше никогда не возвращается на этот путь. Затем заходит речь о совершенной красоте греков, особенно о тонкости чувств, врожденном такте и утонченности, что делает их драматические произведения достойными подражания. Гете сбрасывает средневековую одежду и выдает «Ифигению», изящную и чистую как греческая статуя, мелодичная как песня Сапфо⁶⁷⁹, целомудренную и строгую, как неизданный папирус, найденный на пепелище Геркуланума⁶⁸⁰. Или он бросает публике «Римские элегии», сравнимые с самыми восхитительными элегиями Тибулла⁶⁸¹ и Проперция⁶⁸². Германия влюбляется в богатую литературу Италии и позволяет увлечь себя прелестями ее гармонии, избыточной как породившая ее почва, мягкой и сладострастной, как слушающий ее народ. Гете представляет в своем «Торквато Тассо» природу столь музыкальную, столь истинную, столь южную, язык его столь сладок и столь выразителен, что никто из его подражателей даже отдаленно не приблизился к этой прелестной импровизации его гения.

Перейдя в другую область идей, мы увидим, что и там Гете следует аналогичным образом. Если в «Эгмонте», он в свое время изобразил пророческую картину народного освобождения, ставшего следствием гибели одного человека, то позже, когда разразились революционные бури, и помутился разум у людей, в частности у немецких теоретиков, Гете, далекий от того, чтобы участвовать в этом всеобщем движении, замкнулся в гордом и пренебрежительном молчании⁶⁸³. Он не только проявил себя аристократом принципов, вкуса и чувств — это в то время, когда вся аристократия отступила, — но еще и открыто демонстрировал полное презрение к мнениям торжествующей черни. Итак, когда безверие проникло в Германию, когда страсть к абстрактным формулам потрясла все основания нравственных знаний, Гете сжалился над необузданной страстью своих соотечественников к метафизическим исследованиям и начал преследовать своими сарказмами их тяжкое безверие. Всплеск кантианств не вызвал у него особого интереса и он назвал нечитаемыми* туманные произведения кенигсбергского философа⁶⁸⁴, тогда считавшиеся пророческими, а теперь едва известные по заглавиям.

* Briefwechsel mit Schillerr [Переписка с Шиллером (нем.)] (passim).

Я не претендую, милостивые государи, в своей краткой речи охватить все многочисленные произведения Гете. Я упомянул некоторые из них единственно для того, чтобы показать направление его гения и пути, на которых он установил литературное диктаторство в своей стране, пути новые, причудливые, фантастические, которыми никогда бы никто не смог идти кроме него. Поэтому, обратите внимание на погрешность всех параллелей между Гете и Вольтером, или еще кем-нибудь той же закалки. Если он сумел овладеть духом своего века, то сделал это в постоянной неутомимой и открытой борьбе с ним. Может быть, такой образ действий был рассчитан с точностью, может быть, Гете с глубочайшей прозорливостью угадал особый характер своего народа, характер серьезный, созерцательный, страстный, искренний, нуждающийся, вероятно, в живом парадоксе для полного развития своих сил. Сорок лет, не заботясь о своей популярности, Гете был идолом и избалованным ребенком. Неуклонно и гордо он постоянно без передышки высказывался против злобы дня и всех сиюминутных тенденций. В противоположность Вольтеру он без лишних фраз объявлял, что аплодисменты черни ему внушают только презрение и ужас*, и что она в политике, как и в литературе, не способна управлять сама собой. «Фауст» — одно из самых восхитительных произведений его гения. Что же в действительности представляет собой эта суровая и глубокая ирония, грандиозная сатира в духе Рабле⁶⁸⁵ или Шекспира, это расположенность немецкого ума исследовать все глубины, погружаться во все таинственное и срывать все покрывала? Трансцендентальная философия Германии лишь усилила эту расположенность, придав ей неистовый характер, и все последующие философские системы ускорили разрушительное движение. Я был в Германии, когда вышел «Фауст». Непросто изобразить то двойственное впечатление восторга и гнева, вызванное этим произведением. Мы ощутили себя лишенными иллюзий, оскорбленными

* Mein Lied ertönt der unbekanntten Menge, —
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang...
Faust

[Непосвященных голос легковесен
И, признаюсь, мне страшно их похвал...
Фауст
(перевод Б. Л. Пастернака)].

и уязвленными со всех сторон. И, тем не менее, нанося удары этим мощным оружием, пророк (как тогда называли Гете) никогда раньше не проявлял более высокого вдохновения, более драматического воодушевления, и взгляд его никогда еще не был столь пронизателен. Никогда еще Гете не объявлял столь беспощадной войны своему веку и никогда его успех не таил в себе столько насмешливого неверия. Никто из современников, пораженных разнообразием впечатлений, не осмелился напасть на это творение гения, плод причудливости воображения. Мы смиренно приняли это интеллектуальное бичевание, приговаривая: *αὐτός ἔφα* «так сказал учитель».

Особые отношения, существовавшие между Гете и его читателями, породили множества недоразумений, которые только забавляли великого художника, доставившего удовольствие любопытным и искренним умам искать потаенный смысл в его словах и многозначительно угадывать тайные мотивы его поведения. Такой способ держать себя, такая театральная поза стали в конце концов привычной для Гете. Но в близком кругу естественность брала верх над позерством. Я вспоминаю, как старший из Шлегелей⁶⁸⁶ рассказывал мне, что, однажды переписывая в присутствии Гете стихотворный отрывок, он остановился и, набравшись смелости, волнующимся голосом с почтением попросил пояснить ему смысл некоторых стихов, о которых в Германии уже было высказано сотни противоречащих друг другу суждений. Гете и рассмеялся, и ответил: «Давайте оставим эти загадки. Когда я писал эти стихи, я полагал, что в них есть смысл, это все, что я могу вам ответить в настоящий момент».

Гете во всех предметах, вплоть до грамматики, проявлял полное пренебрежение к правилам и теориям. В тот период жизни, когда трудности служат стимулом, я пытался писать книгу на немецком языке. Эта книга, чье название*, может быть, еще помнят некоторые из присутствующих, была напечатана и вышла в свет под патронажем Гете, который был ее подлинным инициатором. В посвящении я писал, что лучшие плоды его гения, которые я со всем пылом молодости пожирал на немецкой земле, остаются для меня и в зрелом возрасте источником утешения и наслаждения, и что я адресую это сочинение великому учителю искусства и немецкого языка в надежде получить

* Nonnos von Panopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie. St. Petersburg, 1816.

однажды из его рук права гражданства в литературе его страны и т. д. Эта книга стала предметом длинной переписки моей с Гете. Когда я отправлял ему первый экземпляр, то я написал в личном письме, что он, возможно, найдет в этой книге варваризмы и может быть даже несколько солецизмов⁶⁸⁷, в которых мое ухо недостаточно искушено, и добавил, что я так и не смог найти человека, достаточно знающего немецкий язык, который бы согласился взять на себя труд просмотреть мою рукопись на предмет грамматики. На это Гете мне ответил следующим образом: «Я вас убедительно прошу, даже требую, чтобы вы пообещали мне никогда не доверять никакому немцу в том, что вы называете “просмотреть на предмет грамматики вашу рукопись”». Не сомневаюсь, что он лишит ваш стиль всего того, что придает ему ценность в моих глазах и добавит массу красивых вещей, о которых я почти не забочусь. Используйте в полной мере то преимущество, которое дает вам незнание немецкой грамматики. Вот уже тридцать лет, как я стараюсь ее забыть»⁶⁸⁸. Несмотря на очевидное расположение ко мне великого пророка, я мог бы заметить в его словах тонкий налет иронии, если бы он не высказал то же самое и теми же словами в вышедшем тогда сборнике под названием *Kunst und Alterthum*⁶⁸⁹.

Я легко мог бы, милостивые государи, роясь в моей памяти и длительной переписке⁶⁹⁰ со знаменитым человеком, о котором мы с вами беседуем, умножить подробности и сообщить вам еще не одно из его остроумных откровений, но это означало бы выйти за рамки данного сочинения. Поэтому, чтобы не злоупотреблять вашим терпением, я ограничусь лишь кратким обзором трудов Гете, имеющих прямое отношение к научным занятиям нашей Академии.

Чем дальше удалялся ум Гете от искусственных построений как в теории, так и на практике, тем больше склонялся он к изучению природы в самых мельчайших деталях. Этими деталями он занимался с любовью, но как и везде, не преклонялся ни перед какой системой и не позволял себе замыкаться ни в какой теории. Он действовал как наблюдатель и свободно сам по себе продвигался вперед. Так, в физике любимым предметом его изучения была теория света или точнее теория цвета⁶⁹¹. Гете не останавливался ни перед какими, даже самыми известными, учениями. Теория эманации ему казалась узкой и едва ли не смешной. Теория вибрации, которую он принимал лишь с точки зрения динамики, также не могла его полностью удовлетворить. По его мнению, источником цвета является либо паробразная

среда, через которую к нам приходит свет, либо освещенная среда, но находящаяся на темном фоне. Феномен призмы представлялся ему скорее в поэтической, чем дидактической форме (его взгляды следует извлекать из его поэтических произведениях, изложить же кратко и ясно — дело довольно трудное), как взаимное наложение света и тьмы, своего рода покров, набрасываемый ими друг на друга. Я не собираюсь, милостивые государи, выступать в качестве апологета взглядов, которые вы сочтете, может быть, скорее изобретательными, чем основательными, но я только добавлю, что если теории Гете не были приняты, его прекрасные и многочисленные опыты над цветом обеспечили ему уважение людей просвещенных и беспристрастных.

Перенесемся в эпоху, когда впервые появилась геогностическая теория Вернера⁶⁹², и посудите сами, какой задор должен был воодушевить такого гения, как Гете, при виде новых и привлекательных теорий! Таким образом, они стали одним из самых постоянных занятий в его жизни. Он собирал огромные коллекции, главным образом, для того чтобы уяснить для себя два особенно поразивших его феномена: образование металлов и влияние огня на внешнюю часть земной поверхности⁶⁹³. В отношении первого его взгляды были всего лишь предчувствиями, мнениями. Он еще не знал великих открытий, сделанных позже Дави⁶⁹⁴ и не охватил, может быть, всю последовательность фактов, составляющих основу научного знания. Что касается второго вопроса, то исследования Гете о вулканических остатках, найденных в Богемии, построенные на непротиворечивой системе идей, свидетельствуют о силе его ума и о редкой проницательности, особенно, если учесть, что они были выполнены в эпоху, когда в геологии господствовали теории нептунистов.

Гете в своей «Морфологии»⁶⁹⁵ говорит, имея в виду Линнея⁶⁹⁶, что огромное воздействие, произведенное на него бессмертными трудами шведского натуралиста, состояло в частности в том, что он ощутил необходимость соединить воедино все то, что тот отделял и разделял с такой тщательностью и обнаружить единство и аналогии там, где Линней видел только контрасты. Такое направление избрал он для своих занятий ботаникой. Все свои исследования в этой области он посвятил поискам первоначальной пластической формы в огромном разнообразии форм растительного мира. По мнению Гете, лист представляет эту первичную форму, и лист развивается в метаморфозе либо по восходящей, либо по нисходящей. Эта теория является об-

щепринятой в наши дни, и в последнее время ее разделяют известные ботаники*. Кстати, заметим, что Гете был, может быть, первым отдавшим справедливость одному из самых выдающихся психологов его времени Каспару Фредерику Вольфу⁶⁹⁷, члену нашей Академии. Вам известны, милостивые государи, его обширные труды и вы знаете им цену. Но вам также известно, что скромные и добросовестные качества этого ученого были затемнены более шумными знаменитостями, и в этом отношении вы будете благодарны Гете за то, что он признал достоинства Вольфа.

Зоология не осталась чуждой его пылу в изучении всех отраслей естественных наук⁶⁹⁸. Он привнес в нее тот же дух наблюдательности и ту же прозорливость. Гете изучил все части организма животного с такой же тщательностью и любознательностью, как и все мельчайшие подробности из жизни растений. И здесь он стремился вывести первоначальную пластическую форму. Он предположил, что сможет этого достичь только путем сравнительной анатомии. Отныне это норма и светильник науки. Особенно много Гете занимался остеологией⁶⁹⁹, и рано понял то, что с тех пор стало общим местом: черепная кость является всего лишь модификацией шейных позвонков. Заметим, милостивые государи, новое наблюдение, если не открытие, которым анатомия обязана Гете. Давно старательно искали органическое отличие человека от животного в отсутствии так называемой межчелюстной кости, в которой у животных помещаются резцы верхней челюсти и которая также заметно выдается у обезьян. Гете не принял эту мнимую демаркационную линию, и в результате многих опытов и поисков он доказал существование такой же кости в челюсти человека⁷⁰⁰. Нет ли в этом остеологическом исследовании чего-то большего, чем простое любопытство? Или я ошибаюсь, милостивые государи, или было какое-то внушение Мефистофеля в этом старании стереть мнимый материальный знак, который человеческая гордость стремилась добавить к своему интеллектуальному превосходству. Такой гений, как Гете, не продолжает столь долго простое исследование, если это исследование не содержит в себе какой-нибудь идеи.

Впрочем, милостивые государи, было бы совсем несправедливо рассматривать Гете в той или иной отдельно взятой области или в тот или иной отрезок времени. Только во всей совокупности его явления,

* Le professeur Ernest Meyer de Königsberg.

в соединении всех способностей столь же широких, сколь и блестящих, и, наконец, в проявлениях его общественной активности следует рассматривать этот чудесный ум, эту феноменальную способность к самым различным сферам человеческих знаний. Собранию столь просвещенных людей, как вы, милостивые государи, приличествует отдать последний долг памяти человека, чье влияние на Европу и на его страну, было столь велико, что его могила, помещенная между могилами Шиллера и Гердера, заключает в себе всю эпоху, весь век. Литературная слава соединена в пучке с другими видами славы, но высшим торжеством является изгнание из области духа любых безответственных суждений, всех субъективных впечатлений, любую узкую и пристрастную оценку. Империя разума, как и Елисейские поля древних, должна быть отделена от реального мира, рекой забвения.

Позволю себе еще только одно размышление: обратите внимание, милостивые государи, какую массу различных аналогий предоставляет сравнительное изучение истории государств и истории человеческого разума. Почти везде и во все времена можно по состоянию одного судить о состоянии другого. В большей части Европы эпоха аристократического правления, кажется, закончилась. Соответственно в литературе, как и в духовной сфере, закончилась власть одного или немногих. Для Европы началась эпоха, которую один остроумный писатель назвал *эпохой без имени*. Негативная реакция, наблюдаемая в последние годы жизни Гете на его сочинения и на его личность, имеет только одно основание: это мятеж, грохочущий у дверей храма, в котором ему так долго приносили жертвы. Потеряв этого великого человека, Германия потеряла единство и последнюю из монархических литератур, она потеряла монарха, возведенного на пьедестал по законному праву гения и по единодушному согласию его соотечественников, но монарха в высшей степени *неконституционного*, готового разгневаться, если начать с ним говорить о *хартии*, занимающегося самолично бесчисленными интеллектуальными делами и особенно далекого от того, чтобы допустить народный *суверенитет* в деле литературы и науки.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ФИЛОСОФИЮ СЛОВЕСНОСТИ

Литература в высшем значении этого слова и рассматриваемая в самом обширном философском отношении, представляет, как и всемирная история, только одну определительную эпоху, — эпоху полного преобразования, ярко возвышающуюся над всеми низшими подразделениями времен; я разумею: Христианство. Все другие искусственные подразделения могут служить к облегчению памяти о минувшем; но лишь Христианство, событие высшее, всеобъемлющее и вполне оконченное, повело глубокую черту разграничения в летописях умственной жизни между временами, ему предшествовавшими, и теми, которые за ним следовали.

И потому, собственно говоря, только две литературы, как и два только разряда идей и две цивилизации: — цивилизация древняя до Христа и новая цивилизация после Христа. Взирая с этой высоты на вопрос об истории литературы, мы должны показать в общем обзоре духовную жизнь человечества в двух противоположных ее проявлениях: в мире древнем и в мире христианском. Действительно, между этими двумя мирами замечен момент колебания, эпоха зарождения и труда, сумрак по обе стороны Христианства, по-видимому, равно принадлежащий и богам удаляющимся, и Слову грядущему или уже пришедшему, — любопытное и с трудом уловимое время, когда Платон, на заре Христианства, осиявался немногими ранними лучами, без сомнения ему самому непонятными и темно отразившимися в его сочинениях; а позднее Церковь соединяет в песнопениях своих имена Пифагора и божественного Платона с именами Апостолов; Юстин⁷⁰¹, в *милости* философов и с их поучениями на устах, идет на муки; Климент Александрийский расточает чудеса остроумия, доказывая происхождение новой религии от древней философии и уравнивая разделяющую их бездну. Здесь является и Сенека, знавший святого Павла или его учение, усвояемый Церковью в свое лоно за его мнимое обращение; встречаем в особенности гения римской империи, который, именуясь то Марком Аврелием, то Юлианом, властелин умирающего мира, хочет остановить пришествие неведомого Бога из стран беспредельности. Замечателен тот момент, когда два великие светила ума враждебно скрестили лучи свои, чтобы предоставить

навсегда солнцу Бога Живого власть озарять новое общество, потрясенное в своем основании и окончательно установленное на началах незыблемых и неожиданных. Рассмотрим же вместе с порядком древних идей, порядок идей новых, христианских, которым прогрессивная литература служит подлинным и верным выражением, если смотреть на ее величественные фазы.

Прежде всего, чтобы следовать методически, рассмотрим состояние нравственных идей у древних, и в их литературе отыщем пределы этого вопроса, из которого проистекают все прочие. Внимательное изучение древности покажет нам, что и те немногие первообразные идеи, в кругу которых вращается человечество, никогда не были для древних ни верованиями, ни убеждениями; невещественность мысли и ее бессмертие, строгое различие нравственного добра и зла, воздаяние за них, и даже самое существование Бога, никогда не являлись древнему миру в тех формах, в каких мы, христиане, призваны их рассматривать. Учение философов не выходило из ограниченного круга материалистических соображений; учение религиозное не могло существовать там, где политеизм, то как странная борьба, то как чудовищное совокупление материи и духа, представлял безграничное поле вымысла воображения, и не имел в противоположность себе ничего иного кроме пантеизма, учения, сколь неопределенного в своих началах, столь же ограниченного в приложениях, спиритуализма тесного от растянутости, и которого окончательный вывод отличался от политеизма только тем, что апотеоза материи совершалась в нем под другими условиями. Истинность божественного начала, в которой мы убеждены, никогда не существовала для древних; чистый монотеизм, единство Божества без атрибутов времени, пространства и материи, не были и не могли быть ими постигнуты. От того и бессмертие души, эта гармоническая тема для поэтов и проблема для философов, не составляла догмата ни в нравственности, ни в литературе; поэтому нигде не было проведено рубежа между добром и злом; некоторые из философских сект отдельно блуждали в исследовании этих великих вопросов; поздно и уже тогда, как древний мир чувствовал приближение перерождения, немногие из риторов и философов греческих, также Цицерон, пытались привести в порядок идеи спиритуализма, или, лучше сказать, пытались сами утвердиться в этих отвлеченных учениях, которые тщетно старались привести к какому-нибудь началу. Сочинения Цицерона, рассматри-

ваемые со стороны философии, не что иное, как набор пышных общих мест, неудовлетворительных для самого посредственного ума в наше время. Платон прозрел будущность нравственного и религиозного мира, как будто во сне; но каким странным символизмом облекла этот блуждающий луч аттическая пчела! Чтобы дать себе отчет в возвышенных вдохновениях Федона⁷⁰², должно прибегнуть к предвидению нового закона. Ясно, что во всей почве древнего мира не существовало ни одного дерева с подобными плодами. Сенека также прозревал вдаль; но какого пятна недоставало его жизни? Впрочем, Сократ, Платон, Цицерон, Сенека являются лишь исключениями из установленного порядка; их слово не имеет ни санкции, ни авторитета; неизвестно, откуда они и куда идут; у них нет ни решительного догмата, ни органического учения; голос их исчезает среди ужасающих треволнений, которые были нормальным состоянием древнего мира; они ни на одно мгновение не останавливали свой мир в его стремлении; он едва преклонял надменный слух свой к их красноречивым возгласам.

Никогда древние философы не могли противостать народным идеям, да никто из них и не осмеливался на то; немногие из этих великих умов довольствовались свободой, которую доставляло им всеобщее равнодушие, — свободой, которая, покровительствуя им, мертвила их влияние. Один из лучших граждан афинских, Аристофан, жертвует Сократом общественному посмеянию и думает, что совершает подвиг добросовестный и смелый, когда говорит: «К чему служат эти мечтатели? Они разнеживают век слабеющий, они уничтожают благоговение к богам, они поучают непостижимым нелепостям; цыкугу им!.. Граждане Марафона были лучше»⁷⁰³.

Если возразят мне, что я сказал где-то, что обломки первобытных истин должно отыскивать в глубине тайных учений Востока и во мраке великих Элевсинских таинств, то я отвечу, что рассматриваю здесь только состояние общества внешнего; из того, что эти учения не имели на него действия, ясно, что оно их не знало; массы двигались под влиянием других идей. Что значило малое число адептов, когда общность древнего мира оставалась чуждою этим сокровенным учениям, которые никогда не переступали за праг храма и которых существование признается лишь только по наведению? То же самое можно сказать и об учении *народа избранного*; оно никогда не выходило из тесных пределов еврейской теократии.

Явно, что древний мир был материалист; излишне бы было приводить этому доказательства; они представляются всюду. Следовательно, обожание действительности в настоящем, ничтожество в будущем, скептицизм для одних, суеверие для других, наслаждение для мудрых, власть для сильных, рабство для остальной части народа, никакого предназначения для человека за гробом, женщина — орудие наслаждения или воспроизводительности, меч — повелитель закона, личная прихоть — замена нравственности; неслыханное обилие ужасающих пороков и возвышенных дарований; рядом с изумительной доблестью гнусный разврат, о котором мы едва можем составить себе слабое понятие; наконец, ужасающее, как бы роковое неведение самых святых истин: таков был нравственный хаос общества, столь плотного, столь прекрасного и улыбающегося извне, столь мощно устроенного внутри, что лишь одна десница Божия могла его разрушить. Посмотрим, каким образом этот хаос преобразовывался в гражданственность, и откуда происходила эта высокая образованность, совершеннейшее явление в истории, самое величественное развитие духа человеческого на данном поприще.

Вознаградить такое общество за совершенное отсутствие самых необходимых его законов и заставить забыть при виде древнего мира нравственную бездну, в которую он беспрестанно погружался, может одно только зрелище его цивилизации и истории литературы. Никогда столько мощных дарований не дано было в удел огромному числу людей; никогда гений под формами самыми разнообразными не представлялся в одно время на пользу общества, тщетно искавшего точки исхода и конечной цели; с упорством шли эти люди против невозможного; невозможное же было условием, под которым они призваны были жить. Потребно большое напряжение духа, умов самых сильных, чтобы дать себе отчет в таком положении дел, совершенно противоположном обществу христианскому. Из этого древнего порядка видно, что материализм, который был в одно и то же время и родовым его характером и глубочайшею язвою, сосредоточивал в себе самом все пружины свободной и повелительной мысли; общество, без прошедшего и будущего, долженствовало по необходимости возвести *действительность* на степень ужасающего могущества; оно было предано этому обожанию внешних форм, так пламенно воспроизведенных в творениях его поэтов и созданиях художников; поэтому творчество и было исключительно принадлежностью древних.

Как иначе объяснить себе это обилие, эту непрерывность творческих созданий во всех родах, если не допустить, что жажда бесконечного, неотъемлемая принадлежность души человеческой, влекла ее могущественно к воспроизведению пластических форм, доведенных до самой высшей степени совершенства? Общество, как и каждый человек, по превосходному изречению Евангелия, не может жить одним насущным хлебом; но для древнего общества все источники, из которых черпает христианская мысль, были сокрыты. Что оставалось этому грустному и блистательному миру, кроме беспредельного поля искусства, в котором он обретал по крайней мере хотя слабые отломки нравственного, более возвышенного порядка, темные предчувствия о лучшем предназначении?

Боссюэ⁷⁰⁴ превосходно выразился, сказав, что для язычников все было богом, кроме самого Бога: и действительно, они боготворили все скоропреходящие формы, быв осуждены никогда не достигнуть единственной, негибнущей формы, которой полное постижение для них было недоступно. Тогда энергическая воля ума человеческого не дробилась, как у нас, на множество мыслей не только различных, но противоположных и противоречащих; древние далеки были от этой борьбы взаимно враждебных наклонностей, какие каждый из нас носит в глубине самого себя; они, подобно нам, не имели пред глазами незыблемого правила, явственного разграничения добра и зла; не могли знать и не знали того отвращения от житейских сует, которого не избегают самые сильные из нас: напротив, эти самые суеты и составляли их единственное обладание, и этим-то одним побуждением, возведенным до идеала, обозначали свое земное поприще Гомер и Александр; кроме искусства и власти ничто не существовало в нормальном положении. Материализм, абсолютный бог древнего общества, был истинным источником вдохновения в искусствах и в силе политической; он равно благоприятствовал и художнику, и завоевателю; оба упивались существованностью; обоим восклицали со всех сторон: *post mortem nihil*⁷⁰⁵; и эти мощные люди шли к своему предназначению, не затрудняясь в средствах и даже, может быть, без угрызений совести; если же они испытывали их, то испытывали лишь по врожденному в человеке чувству, слабому отблеску встревоженной совести, а не по строгой оценке своей безответственной жизни. Только в обществе, таким образом устроенном, и могла осуществиться химерическая *фантазия искусства для искусства*; такое общество

потому-то и ушло так далеко вперед во всем, что только относится к творениям восторженного ума, в искусствах, различных символах одного и того же идеала, в колоссальной величии индивидуального честолюбия. Недостаточно представлять себе эту чудную способность лишь в самом обширном ее значении; несчетные произведения греческого ваяния не более удивительны для опытных глаз знатока, как и утонченная, изящная отделка самой грубой, простой, домашней утвари.

От эпопеи, вмещающей в себя мир, до двустишия, заключавшего лишь мимолетное впечатление, вся поэзия древних запечатлена одинаковым совершенством. Пятьдесят тысяч человек принимали участие в удовольствиях повелителя мира, и царственный хозяин старался угодить своим гостям. Когда длинный слог изменялся на краткий в устах актера, эти пятьдесят тысяч гостей вставали с мест, и, подобно волнам моря рокотали цезуру. С какой бы стороны ни рассматривали мы искусство древних, увидим, что оно было у них существенно *демократическое*; никогда не было оно благородным отдохновением нескольких избранных, но всегда составляло пищу и высшую потребность бесчисленного большинства; искусство новейшее, вполне аристократическое, с языком, не знакомым толпе, с метафизическими своими теориями, с кабинетною отделкою и рукоплесканиями гостиных — это искусство не имеет ничего общего с древним великаном, с этим, говоря словами Паскаля⁷⁰⁶, «единством и множеством вместе», — который лежал, как неаполитанский лазарони, на солнце, окруженный бесчисленною толпою, прикованною к его слову и требовавшая, чтобы, подобно Нилу и Эридану, он изливал на нее полною волною чарующий напиток, заменявший народу все, даже Бога. Таинственна связь, в которой поэт был вместе законодатель, историк, и моралист и жрец. Нет сомнения, что поэт часто бывал одним из тех избранных, которые чувствовали себя одинокими и бедными пред лицом этой толпы, распростертой у их ног; еще более чем его слушатели, этот иерофант мысли силился разгадать таинственную догадку, ускользавшую от его взоров, приподнять край завесы, хотя бы, как в Саисе, ценою жизни или рассудка. Многие древние поэты носят в себе печать неизъяснимой грусти (и сокровенное учение таинств объясняет это); был не один пример удивительных усилий, чтобы уловить лучезарную точку в окружавшем их мраке, какую-нибудь надежду в будущности без исхода. В особенности Эсхил, старый воин

марафонский, поразительно изображает это восстание против незримого, мощный, но бесплодный порыв к бесконечному. Посмотрите, как прозревают греческие трагики, когда они влагают в уста своих хоров слова возмездия за преступление; но заметьте также, сколько удивительным словам этим недостает всюду небесного освящения. В великой трилогии «Прометея», которой мы имеем только часть, в каждом стихе открываешь болезненный страх, которым объята душа поэта; символическому гению рода человеческого, прикованному к Кавказу за то, что он во зло употребил силы свои и не познал своих прав, Эсхил обещает *избавителя*; но это обещание темно, как сон, неопределенно, как мечта. Самые сильные умы древности никогда не могли освободиться от условий их роковой эпохи; они никогда не выходили из круга, в котором были заключены, круга, тесного для нравственности, неизмеримого для мысли. Если несколько избранных могли хотя несколько расширить пределы своих понятий о предметах божественных, если другие в житейском быту, до самой смерти своей выказывали героические добродетели, то тем выше заслуга их, чем бескорыстнее была борьба. В этом отношении *жизнеописания Плутарха* представляют мартирологию благородных умов, борющихся с невозможным и ценою усилий и жестоких страданий, укрепляющих колеблющиеся основания совести, предоставленной собственному прозрению; этих плователей без компаса и путеводной звезды на море, грозном скалами, отважный перипл⁷⁰⁷ приводил всего чаще к мучительной смерти, самоубийству или богохульству; Катон⁷⁰⁸, Тразеа⁷⁰⁹, Брут⁷¹⁰, окончили поприще в сомнениях о божественном Провидении; иногда общество губило таких людей, как погубило Сократа, за возмущение его спокойствия. Они могли быть лишь жертвами среди порядка дел, существенно неприязненного призванию, на которое они были помазаны и которого конечное слово им было неведомо.

Картина древности, начертанная по такому плану, представляла бы литературные ее богатства и вместе нравственные силы; это было бы, смею думать, творением почти совершенно новым; но это творение будет не полно, если к картине древнего мира не присоединить на тех же основаниях картины мира нового: эти два мира связаны между собою чудесною и поразительною эпохою перехода, которую можно назвать эпохою платонической, по имени самого Платона, никогда не проникавшего так далеко, но по эклектизму Александрийской

школы, принявшей название этого философа и опередившей его учение. То была последняя борьба мира древнего с миром новым, спиритуалистического политеизма с хоругвью Христа, человеческой гордости с божественным смирением, наконец, отсутствия всякой положительной нравственности с новым уложением, которое, начиная с первого своего слова, разрушило прежний порядок.

Когда великое движение в человечестве вполне совершилось, когда Христианство проникло в нравы, совести и умы, законодательство, как и произведения ума человеческого, представляют наблюдателю огромную и новую картину; с этой минуты разрыв с миром древним решен окончательно; ум человеческий прокладывает себе дотоле неведомые пути; искусства изменяют цель и характер; никто уже не становится язычником добровольно. Напрасно Петрарка⁷¹¹ преклоняет колена пред рукописью Гомера, Виссарийон⁷¹² и Лоренцо Медичи⁷¹³ напрасно толкуют о богах бессмертных; напрасно Франция приносит козлице в жертву гению трагедии: Гомер остается навсегда лишь обширным тезисом для литературной критики; бессмертные боги не низойдут на помощь своим искусственным поклонникам, и новая трагедия будет христианскою вопреки именам, заимствуемым ею у древних, и котурну, который она надевает.

С другой стороны, воля человеческая может отклоняться от истин нравственных и религиозных, но ей не дозволено не знать этих истин. Отселе изменяется весь порядок вещей; народы, пораженные светом нового Слова; народы, которые поняли вдруг, что они были в прошедшем участниками в общей вине и должны быть ответчиками за настоящее в будущем; народы, которым внушают, что существование человеческое не что иное, как только несовершенная часть жизни синтетической, — народы повергаются в прах, и с слезами на глазах, с трепетом, будут ожидать близкого свершения грозных обетов.

Древняя философия не сойдет еще долго с поприща; но христианский спиритуализм разовьется в свою очередь в полную систему, и отцы положат основу науке, из которой истекли все новые философии — науке непонятной, часто оскорбляемой и которая между тем представляет самое обширное применение ума человеческого к разрешению приводящих их в трепет вопросов. При светоче христианского Откровения, она будет шествовать неизменная и в то же время всегда разнообразная; она не перестанет, под тысячами различных форм, стремиться к единству, которое отразится во всех ее произведениях;

литература новейших народов, смотря по времени и стране ее рождения, пройдет длинный ряд видоизменений: она будет итальянскою, испанскою, французскою, германскою, славянскою, но прежде всего она будет христианскою, станет носить отпечаток того нравственного порядка, который отовсюду проник в организм человека и современного общества. Литература, если вздумает свергнуть с себя это иго, свыше на нее наложенное, погубит себя собственными руками; насмешливое неверие Вольтера и страстное неверие Байрона и Жорж-Санда⁷¹⁴ не отклонят ее от влияния идей, без которых общество в настоящем своем виде не может существовать ни минуты. Самый скептицизм XIX века не ожесточается ли бесстыдным цинизмом в современных писателях?

Умственная картина нового мира требовала бы в начертанном мною плане не менее добросовестного изучения, чем картина мира древнего. Необходимо проследить дух христианской цивилизации на всех поприщах его развития; от великой мысли о католическом единстве до первого симптома восстания против этого обширного начала, от первых проблесков свободы совести до самых смелых ее доктрин в политике и литературе, от первых проявлений духа предприимчивости, торговой промышленной, до окончательного устройства новой социальной системы на тех же самых основаниях, большею частью — все должно входить в полную историю ума человеческого, все должно показать со всею очевидностью совершенную несовместимость времен, предшествовавших Христианству и за ним последовавших. Тогда будем мы иметь синтетическую картину всеобщей литературы, объяснение ее доктрин и перечень произведений, соответствующий обширности вопроса и важности предмета, рассматриваемого с подобающей ему высоты.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

В сущности говоря, кроме нас с вами, французов больше не осталось.

Князь де Линь Талейрану в 1805

Остроумные писатели уже некоторое время прилагают усилия к реабилитации восемнадцатого века, но не в его бросающейся в глаза безнравственности или филантропических мечтаниях, окончившихся кровавыми преступлениями, и еще менее в его несносных теориях, проливших потоки зла, но в его живой и привлекательной общественной физиономии, черты которой стираются все больше и больше. Умные и талантливые люди стараются разгадать погибшее общество восемнадцатого века подобно тому, как антиквар воссоздаст здание по нескольким разрозненным обломкам. Этому семейству любопытных я адресую мои воспоминания об одном из последних представителей этого очаровательно и невозвратно утраченного мира.

В 1807 г. в Вене я имел возможность видеть князя де Линя. Будучи еще молодым, но по традиции и вкусу страстно влюбленным в то, что называлось старым режимом, я не мог быть представлен ветерану элегантности без того, чтобы не испытать своего рода воодушевление. Я так часто слышал его имя и встречал его повсюду на страницах восемнадцатого века среди имен Вольтера, Людовика XV, Екатерины⁷¹⁵, Фридриха⁷¹⁶ и императора Иосифа⁷¹⁷!

Человек, который на протяжении столь долгого времени заставлял говорить о себе, казался мне, юноше, полуразвалившимся памятником, вроде дряхлого Нестора. Судите о моем удивлении, когда я увидел, что князь де Линь в свои 72 года сохранил почти всю бодрость зрелого возраста! Высокого роста, с прямой осанкой, сохранивший зрение, слух и, главное, превосходный желудок, необычайно широко известный в обществе, галантный с дамами, блистающий изящным легкомыслием, князь де Линь подчеркивал свое дружеское обхождение с молодыми людьми. Можете себе представить рвение, с каким я стремился оказаться в их числе. Он сохранил густые волосы и, поскольку он их пудрил, его красивое, хотя и с небольшими морщинами лицо не обнаруживало ни малейших следов дряхлости. Ему очень шла военная

форма и крест Марии-Терезы⁷¹⁸ благородно сочетался на его груди с орденом Золотого руна⁷¹⁹. Одну часть своего имущества он потерял в ходе бельгийских революций⁷²⁰, а другую промотал. Из своего огромного состояния, частично переданного младшему сыну, князь де Линь сохранил только скромный дом на городском валу Вены, который иносказательно называли дворцом де Линя. Каждый вечер там собиралась его милая семья, состоящая из двух замужних дочерей и третьей в то время воспитанницы монастыря. Туда периодически стекалось все наиболее изысканное, предоставляемое Веней: будь то старые дамы самого изысканного тона и великолепных манер, будь то молодые и приятные женщины. Иногда это были англичане, о которых князь де Линь говорил, что они путешествуют для собственного удовольствия, а не для удовольствия других, иногда русские, к которым князь был особенно расположен. Немцев бывало немного, разве что какие-то обломки времен императора Иосифа или несколько богатых вельмож из Нидерландов, таких же изгнанников, удаленных от домашних пенатов, как старик Вергилий, или как сам хозяин. К этим всегда усердным посетителям иногда присоединялись некоторые эмигранты высокого полета, как то граф Роже де Дамас⁷²¹, маркиз де Боннэ⁷²², но особенно в этой разношерстной компании выделялся человек с огненным взглядом и со смуглой южной физиономией — это был Поццо ди Борго⁷²³. Очарование его разговора, отличавшегося от разговора князя де Линя, привлекало к нему внимание, и на фоне его оригинального, пылкого и абсолютно современного ума рельефно выделялся в высшей степени принадлежащий восемнадцатому веку ум князя де Линя.

В этом маленьком сероватом скромно обставленном и тесном салоне, где трудно было разместиться даже стоя, когда бывали гости, в один из вечеров, подобно сверкающему метеору, появилась госпожа де Сталь⁷²⁴, которая вызвала всеобщее любопытство, от которой позже мы получили немалую пользу. Поначалу князь де Линь был не особенно расположен в ее пользу. Драматическая экзальтация Корины⁷²⁵ ему казалась несколько смешной, и ее нарочитое употребление новых слов в салонной беседе вызывало у него антипатию. Во Франции до революции князь де Линь почти не видел и очень мало ценил Неккера⁷²⁶. Госпожа Неккер⁷²⁷ была для него чрезмерно скучна, а о шведской посланнице⁷²⁸ он сохранил воспоминание как о женщине бесспорно некрасивой, вмешивающейся в политику и произносящую пышные фразы. Для князя де Линя, сильно привязанного

к королеве Марии-Антуанетте, и рыцарски в нее влюбленного, общение с женовским министром могло быть только неприятным. Нужна была вся любезность его характера, вся изысканность его манер, чтобы разглядеть в госпоже де Сталь, беглянке, а уже с 1808 г. изгнаннице, натуру избранную и исключительную, по своим выдающимся качествам сердца и высоте ума имеющую право на всеобщую благожелательность. По взаимному соглашению людей хорошего тона, между госпожой де Сталь и князем де Линем никогда не было произнесено ни одного серьезного слова о 1789 годе. В этом вопросе у них была полная несовместимость, никогда они не смогли бы понять друг друга в том, что касалось революции. Граф де Ла Марк (князь Огюст Д'Аренберг⁷²⁹), друг Мирабо и герцога Орлеанского⁷³⁰, симпатизирующий на этом основании идеям госпожи де Сталь, по своему социальному положению в прошлом был близок к князю де Линю, и казался точкой пересечения между этими двумя прямо противоположными умами. Подобно богу Терму⁷³¹, он следил, чтобы владения каждого из них были тщательно защищены.

Было бы трудно выразить то бесконечное удовольствие, которое доставляло нам это восхитительное зрелище: никогда князь де Линь не бывал более тонок, более элегантен, более изобретателен; никогда госпожа де Сталь не была столь блестяща. В нем был легкий, почти неуловимый налет иронии, который, не оскорбляя госпожи де Сталь, оказывал ей пассивное сопротивление, впрочем, не лишенное в ее глазах привлекательности. Когда Корина вспышкой неподражаемого красноречия возносилась на седьмое небо, князь де Линь исподволь возвращал ее в ее парижский салон. Когда же он, в свою очередь, очертя голову, бросался в болтовню, благоухающую Версалем и Трианоном, госпожа де Сталь спешила указать в нескольких кратких и энергичных словах в манере Тацита, на смертный приговор этому обществу, приведенный в исполнение его же собственными руками. Мы были увлечены то одним, то другим, не зная кому присудить награду, никто из нас и не хотел примирять противников, настолько борьба между ними была высокого уровня и хорошего тона. Поспешим добавить, что в этом очаровательном поединке не было ничего вычурного и ничего напускного. Это были различные натуры, непринужденно проявляющие себя, два искусных соперника, любезно перекидывающиеся мячом. Живость внезапных выражений, всегда вежливых и естественных, легкая, почти небрежная беседа,

свободно переходящая с одного на другое, тщательная забота избежать любой словесной шероховатости, взаимное простодушие, если можно употребить это слово, — такой была отличительная черта этого неслыханного фейерверка, великолепные вспышки которого все еще с наслаждением всплывают в моей памяти.

Венское общество поспешило чествовать госпожу де Сталь. В ход пошли салонные спектакли — наследие восемнадцатого века. Это имело вид пикантной причудливости: князь де Линь и госпожа де Сталь страстно любили играть в комедии, но оба играли плохо. Он исполнял роли нотариусов, появляющихся при развязке пьесы или лакеев, приносящих письмо. Если он играл роль нотариуса, то появлялся на сцене еще в середине пьесы, а если надевал на себя ливрею, чтобы принести письмо, то продолжал оставаться на сцене, шепча: «Но, Боже мой, я разве вам мешаю?». По приезде госпожи де Сталь было поставлено несколько пьес, и среди них «Ученые женщины»⁷³², в которой она играла роль Филиминты, граф Луи Кобенцль⁷³³, друг и соотечественник князя де Линя, известный своими посольствами в России и во Франции, и своим министерством 1805 г., играл Кризалья с такой живостью и талантом, каким позавидовал опытный актер. Его сестра, госпожа Ромбек (Rombeck), неподражаемое и изящное смешение сердца и ума, шалости и рассудка, играла роль Мартины. Артура Потоцкого⁷³⁴ и меня, самых молодых из всей компании, тщательным образом загримировали, вырядили в огромные парики, и мы появились на сцене как Вадиус и Триссотен. Пьеса была сыграна довольно стройно и доставила удовольствие. Некоторые лукавые намеки не пощадили госпожу де Сталь. Другой раз она играла в собственной пьесе «Агарь в пустыне», напечатанной, я полагаю, в сборнике ее сочинений. По этому случаю князь де Линь, отведя меня в сторону после представления мне сказал: «Дорогой малыш (он часто так меня называл), вы не в восторге и не находите эту пьесу превосходной? Да, кстати, как ее название?» — «Агарь в пустыне» — наивно отвечал я. — «Нет, нет, дорогой малыш, вы ошибаетесь, это “Оправдание Авраама”».

Столь тонко насмешливый и весело ироничный ум в князе де Лине сочетался мягкостью характера и бесподобной уравновешенностью. Важные рассуждения не задерживались у него подолгу. Скорее беспечный, чем здравомыслящий он, без сожаления тратил отпущенное ему время, и никто не осмеливался нарушить беспечность этого

старого и очаровательного ребенка. Политические идеи не очень его интересовали. Он ненавидел революцию, потому что она залила кровью салоны Парижа, разрушила замок Белель⁷³⁵ и занесла руку над предметами его поклонения и нежности. Но на этом он останавливался. Он даже проявлял некоторое расположение к Наполеону, который восстанавливал то, что разрушила революция. Правда, он говорил о нем Талейрану⁷³⁶ с легким аристократическим пренебрежением: «Но где вы познакомились с этим человеком. Я не помню, чтобы он когда-нибудь ужинал с нами».

Большую, неизлечимую и единственную рану носил князь де Линь в своем сердце — воспоминание о старшем сыне Шарле, убитом при отступлении из Шампани. Этот человек такой легкий, так знающий жизнь, так привыкший к несчастью — вы бы видели, как он размякает, спустя десять лет после этой катастрофы. Мы не осмеливались произносить имя его сына в его присутствии, но когда случалось о нем говорить, его голос выдавал страдание, и его глаза наполнялись слезами. Было что-то особенно трогательное в этом старике, одновременно вольтерьянце и жуире, как сказали бы сейчас, и кто бы не хотел быть утешенным, думая о своем любимом сыне, которого больше нет.

Как писатель князь де Линь не имел никакой заслуги, кроме исключительной легкости. Почти все его письма были остры, но типографская краска не шла его стилю. Он разорил своего книгопечатника в Дрездене, вынужденного по контракту печатать все, что выходило из-под его пера. Князь де Линь написал кое-как обо всем от тридцати до сорока томов. Из этой нечитаемой груды хлама, что он и сам признавал, талант госпожи де Сталь извлек очень приятный том, предваренный предисловием, исполненным вкуса и мысли⁷³⁷. От меня бы зависело увеличить литературный багаж князя де Линя, этот багаж, «который никогда не отправится к потомству» состоит из достаточно большого количества отдельных статей о королеве, о герцоге де Шуазёле⁷³⁸, о герцоге Орлеанском, которого князь де Линь имел манюю считать оклеветанным в его пороках, о французском обществе и т. д., всех тех неизданных отрывков, которые автор давал мне в ответ на бесчисленные вопросы, которыми я его беспрестанно осыпал, и которые фактически являются его письменными разговорами. У меня также хранится большое число писем и записок в прозе, но ничего из всего этого не смогло бы поднять репутацию автора.

Князь де Линь рассказывал мне иногда некоторые подробности из своего детства и юности, анекдоты о своем отце, самом возвышенном и самом странном из людей, всем сердцем ненавидящем своего сына. Когда последний в возрасте 16 лет был назначен полковником полка де Линя, то написал своему отцу следующее письмо:

«Монсеньер,

Я имею сообщить Вашей светлости, что я только что назначен полковником вашего полка. С глубоким уважением и т. д.»

Ответ не заставил себя ждать. Он был изложен в следующих словах:

«Мосье,

После несчастья иметь вас своим сыном, ничто не может быть для меня более мучительным, чем несчастье иметь вас своим полковником. Примите и пр.»

Я предоставляю другим позаботиться начертать биографию князя де Линя. Я же, как придется, на бегу, перескажу впечатления, оставшиеся у меня от общения с этим замечательным человеком, связанным с ранней юности со всеми этапами восемнадцатого века. Князь де Линь, бельгиец по рождению, наследственный испанский гранд, фельдмаршал на австрийской службе, был французом по уму и сердцу. Начиная с госпожи де Помпадур⁷³⁹, у которой, заметим мимоходом, он находил легкомысленный вид и мещанские манеры, до госпожи Дюбарри⁷⁴⁰, чьим счастливым избранником он стал после смерти Людовика XV, и ради которой он преодолел стены аббатства Понт-о-дам, куда его велел запереть Людовик XVI, и, наконец, при Марии-Антуаннете, князь де Линь в Версале, как и в Париже, поставил себя в положение абсолютной непринужденности, той изысканной непринужденности, секрет которой мы утратили, и которая не исключает, с одной стороны, достоинства, а с другой, уважения. Императрица Мария Терезия⁷⁴¹ относилась к нему с добротой, которую он расценивал как материнскую, Фридрих II искал его общества. Он был связан со всеми государями Европы, включая Вольтера. Известно, что Екатерина II допускала его в самый близкий круг и позволила ему путешествовать с ней. С каким упоением он нам рассказывал о прелестных вечерах в Эрмитаже и о блестящем дворе Петербурга! Князь де Линь сохранил подлинную привязанность к императрице. Он мне сто раз повторял, что это была одна из самых превосходных женщин, каких он когда-либо встречал. «Императрица, — говорил он, —

сдержанная, осмотрительная, когда надо величественная, императрица, взвешивающая все свои жесты и слова, была в то же время образцом изящества, естественности и доброты. Когда она отбрасывала в сторону свою напускную важность, с какой снисходительностью и какой очаровательной веселостью принимала она мои сумасбродные дурачества. Когда великий наследный принц прусский (позже король Фридрих Вильгельм II) — продолжал князь де Линь, — приехал в Петербург, его привели в Академию наук. Принц упал в обморок и его вынуждены были унести. Вечером императрица спросила меня о происшествии в Академии, я ответил, не подумав: «Все вполне естественно, Мадам; наследный принц оказался без сознания⁷⁴² посреди Академии». Императрица долго смеялась этой игре слов, и шутка пошла гулять среди придворных. Когда на следующий день я понял, что она может достичь ушей наследного принца, то побежал к нему и рассказал, что Ее величество меня спросила о сцене, случившейся накануне, и я ей ответил: «Наследный принц оказался без сознания посреди Академии». Он громко рассмеялся и стал спрашивать весь двор: «Знаете ли вы шутку принца де Линя?» Я поспешил посвятить императрицу в мою тайну, и ей стоило больших трудов сохранять серьезность, когда в свою очередь наследный принц спросил у нее вечером: Ваше величество, знаете ли вы шутку князя де Линя?. Все читали интересные письма к госпоже де Куаньи⁷⁴³, в которых князь де Линь описывает свое путешествие с императрицей в Крым и турецкую кампанию с князем Потемкиным⁷⁴⁴.

Часть своей жизни князь де Линь провел на войне, где проявил, если и не большие таланты, то по крайней мере самую блестящую храбрость. Он принимал участие в семилетней войне. Друг Лаудона⁷⁴⁵ и Ласси⁷⁴⁶, в то время он сошелся с князем Генрихом Прусским⁷⁴⁷, которого он спустя долгое время посетил в его философском уединении. Там герой-ветеран охотно предавался долгим отступлениям о своей военной жизни, отступлениям, которые, часто повторяясь, сильно утомляли слушателей. Также князь де Линь говорил: «Поистине, когда князь Генрих начинает рассказывать о семилетней войне, то она тут же становится войной тридцатилетней».

Было бы невозможным вместить в рамки нашего эссе все этапы столь долгой и столь богатой приключениями жизни, которую всю мог поведать только один князь де Линь. Со смертью императора Иосифа⁷⁴⁸ закончилась политическая карьера князя де Линя. Он оказался не у дел,

но сохранил свое высокое общественное положение, титулы и звания. В глазах всей цивилизованной Европы он делал честь Вене, и, бесспорно, был центром сообщества, аналог которому напрасно было бы искать в наши дни. Самый неутомимый из *праздношатающихся* князь де Линь бывал повсюду: в театре, в кабачках, в Пратере⁷⁴⁹, часто в гостиных и редко при дворе. Вся Вена: народ и вельможи — с удовольствием приветствовали его. Его появление было заметно издали: он либо шел пешком завернутый в полувоенный плащ, либо ехал в серой карете под княжеской короной, запряженной парой белых лошадей и разукрашенной широким гербом его предков: красная вертикальная полоса на золотом поле внизу девиз дома Эгмонта, от которого происходит дом де Линя: *Quocumque res cadunt, semper linea recta*. На запятках кареты находился турок, которого ему подарил Потемкин при штурме Измаила, и который по этому случаю носил имя этого города. Когда турок умер, маркиз де Бонне написал ему следующую эпитафию:

Repose en paix, bon Ismaël,
 Tu seras pleuré par ton maître ;
 Il se consolera peut-être
 Avec les filles d'Israël⁷⁵⁰.

Этими дочерьми Израиля были две очень хорошенькие еврейки, которых князь де Линь часто посещал, но однажды он внезапно покинул их, оставив им следующую записку: «Вы знаете, дамы, что я всегда был одним из самых усердных ваших поклонников. То, что у вас нет ни детей, ни собак, сразу же расположило меня в вашу пользу, но мои ноги отказываются взбираться по вашей лестнице. Прощайте. Решительно, вы последние, кого я обожал на третьем этаже».

Однажды вечером дома у де Линя играли в эпитафии. Господин Бонне написал эпитафию, которая нас долго забавляла:

Ici gît le prince de Ligne,
 Il est tout de son long couché ;
 Jadis il a beaucoup péché,
 Mais ce n'était pas à ligne⁷⁵¹.

Маркиз де Бонне, умерший пером Франции, был, насколько я могу судить, одним из самых близких завсегдатаев в доме Линя. Это был

человек высокого роста, с виду очень холодный и очень суровый. Но под этой пуританской оболочкой скрывался живой и язвительный ум. Сделавшись набожным, он забыл «Взятие аннонсиад» и другие мелкие грешки в том же роде. Это о нем князь де Линь сказал: «Вот и верьте после этого внешности. Маркиз, смотрящийся холостяком и атеистом, женат и набожен».

Князю де Линю приписывали массу остроумий, большая часть которых ему не принадлежала. Но забыли самые пикантные, известные только в узком кругу. Когда герцог Альберт Саксен-Тешенский⁷⁵², проигравший сражение при Жемаппе⁷⁵³ и тяжело заболевший вернулся в Вену, он спросил у князя де Линя, как тот его находит. «Клянусь честью, — ответил тот — я нахожу вас довольно бледным⁷⁵⁴».

Когда, во время революции в Нидерландах, повстанцы прислали к де Линю депутацию с предложением командовать тем, что они называли национальной гвардией, князь их горячо поблагодарил, и, спроваживая, сказал: «Соблаговолите, господа, передать пославшим вас, что не могу бунтовать зимой».

Император Франц приказал прорыть канал, но в нем оказалось недостаточно воды. Распространился слух, что какой-то человек утонул в этом канале. «Льстец!» — воскликнул князь де Линь.

«С 20 лет, — писал он мне как-то, — я принял окончательное решение. Я стремился играть первые роли на войне, но при дворе я довольствовался ролями наперсников или статистов. Когда пьеса столь коротка, а партер так плох, надо быть сумасшедшим, чтобы желать чего-то другого!»

Я снова возвращаюсь к письменным отрывкам князя де Линя, о которых я упоминал выше и среди которых находится документ, озаглавленный «Заметка о Франции». Привожу из нее достаточно острое место: «Маршал Люксембургский⁷⁵⁵, который говорил, что во Франции есть только три добродетели: черт возьми, черт возьми и фижмы⁷⁵⁶, воспитал ангела чистоты и совершенства, свою внучку герцогиню Лозен. Это условная добродетель, состоящая в том, чтобы не иметь любовника, то появлялась, то исчезала во Франции. Она часто перепрыгивала через поколение. Самое лучшее воспитание давали матери, отличавшиеся легким поведением. После поколения госпожи Люксембургской во Франции появился целый ряд молодых женщин, хорошеньких и любезных. Они ввели моду на добродетель и насмеялись над влюбленными, но эта добродетель имела то отри-

цательное последствие, что заставила мужчин усвоить английские нравы, с их вечерними обедами, скачками, пари, кутежами и манерами конюхов. Добродетель губила добродетели, и Франция втянулась в пороки. В отличие от других, не имеющих ни пороков, ни добродетелей, она не может оставаться неподвижной. Во Франции галантность облагораживает, а не портит нравы. Никогда не стремились приобрести столько уважения и благопристойности, нигде не уважали так приличия, как в Париже, считающемся ветреным. Желание нравиться было высшим законом; новых успехов искали с такой же готовностью, с какой устремлялись в новые сражения. После перехода через Рейн бежали в Оперу, а три дня спустя с удовольствием покидали своих любовниц, и отправлялись завоевывать Голландию. Во Франции посреди того, что называли распутством, было много изысканности, было много хорошо отлаженных поведенческих стереотипов, была семейная кастовость. Общество имело свой «парламент» и его постановления строго исполнялись. Никогда во Франции даже близко не было с виду плохих отцов, плохих сыновей, плохих матерей (я имею в виду за 30 лет до революции). Мужья не все были верны, но все они были любезны и внимательны. Ничего не стоило щеголять хорошим видом и все прощать себе ради приличия. То же самое было и в религии. Атеизм оставили академиям и передним. В салоне никто не осмеливался вольнодумничать. И хотя религиозными обязанностями обычно пренебрегали, никто не нападал на религиозные догмы. Король Франции, доставлявшей своему народу празднества и победы, тешивший его самолюбие, никогда бы не столкнулся с революцией. Франция стала неуправляемой с тех пор, как она перестала быть легкомысленной».

Во время нашего пребывания в Пресбурге по случаю коронации императрицы Луизы князь де Линь сказал мне однажды: «Будьте готовы в такой-то час, я вам покажу последнюю великую даму Франции и Европы». Можно догадаться, что я был пунктуален. В восемь часов вечера мы сели в экипаж, и, проехав темными и извилистами улицами, прибыли к достаточно мрачному на вид зданию. Не без труда смогли мы подняться друг за другом по лестнице, и, наконец, в просторной, но бедно обставленной гостиной, едва освещенной двумя свечами, мы увидели графиню де Брионн, княгиню Лотарингскую⁷⁵⁷ присоединившую к белому горностаю Бретани и гордому девизу Роганов⁷⁵⁸ герб Генриха Гиза (Меченого)⁷⁵⁹, отмеченный цветами всех наиболее

знатных родов Европы. С парализованными руками и ногами, полулежащая в длинном кресле, госпожа де Брионн сохраняла, в свои почти 80 лет, следы ослепительной красоты. Ее негромкий голос, ее красивый правильный профиль, ее мягкий и величественный взгляд, глубоко отпечатался в моей памяти. Это было королева без трона, это была Гекуба⁷⁶⁰. После нескольких обычных слов я сделал так, что разговор перешел на старую Францию. И сразу же, по мановению волшебной палочки, мы перенеслись на пятьдесят лет назад и оказались посреди Версаля и посреди Трианона. Прошрое, это столь старое и полностью исчезнувшее прошрое, стало настоящим во всей его плоти и крови. Это был разговор мертвецов, но эти мертвецы были полны жизни и омолаживали друг друга. Закрыв глаза, можно было поверить, что мы находимся у слухового окна или в маленьких апартаментах. Весь старый Версаль, элегантний, очаровательный, радостный, воскрес в одно мгновение. И странная вещь, два восьмидесятилетних старика, сами опьяненные от этой воображаемой реальности, начали говорить так, как будто бы старая Франция и монархия еще были живы в их глазах. Людовик XV был все еще королем в этой блестящей феерии, он был сильно влюблен в госпожу де Брионн, но так и не добился от нее ничего кроме самой нежной дружбы. Во время несовершеннолетия его сына она выполняла должность обер-штальмейстера Франции. Не вышла ли она вот прямо сейчас, еще этим утром, из кабинета короля со своим портфелем в руке. Он был так прекрасен и так добр, победитель при Лоуфельде и Фонтенуа⁷⁶¹! От него перешли к герцогине Шатору⁷⁶², и не пощадили госпожу Помпадур. Что касается госпожи Дюбарри, то князь де Линь, к сведению, едва осмелился ее назвать. По этому случаю мы совершили путешествие в Шантелу, и было решено, что если герцог де Шуазель⁷⁶³, близкий друг княгини, не был бы изгнан в результате интриг герцога Лавангийонского, который заставил короля (заметим, просто «короля») поверить в то, что господин де Шуазель отравил дофина, и если бы он стоял во главе дел, то революция бы не произошла. Мы не пощадили ни судейских, ни парламентов, ни особенно энциклопедистов. Остро встал вопрос об ударе панье, нанесенном, как говорят, герцогиней де Гамон госпоже Дюбарри. Это стоило ей остроты князя де Линя: «Вот что значит иметь панье и не иметь осторожности». Порицали маленькую жену маршала (де Мирепуа⁷⁶⁴) за то, что она, знатная дама, согласилась угождать всем любовницам короля. Маршал

Ришелье⁷⁶⁵ был бы признан совершенством любезности, если бы только он один в Версале сохранил щегольство, слегка чопорный вид и комплименты последнего правления. Позаботились о том, чтобы обратить мое внимание на то, что герцог Шуазель обладал чудесным способом доставить себе голубую ленту⁷⁶⁶, заключающимся в том, чтобы особым образом класть руку на свою полурасстегнутую куртку. Все самое шикарное в Версале, знатные дамы с их прекрасными платьями, волочащимися по земле и панье, с их румянами и мушками, красивые молодые люди, напудренные, надушенные, усыпанные блестками, пришли посидеть с нами в эту бедную полуварварскую гостиную. Было что-то завораживающее и ослепительное, напоминающее действие «Роберта дьявола»⁷⁶⁷, когда мертвые выходят из могил и начинают танцевать с живыми. Моя голова в буквальном смысле слова кружилась от этого вызывания духов. Я пришел в себя только когда после двух часов, проведенных в этом фантастическом кружке, выходя от госпожи Брионн, я спросил князя де Линя, кто была та молодая персона, не очень симпатичная и очень молчаливая, держащая все время глаза, опущенные на свое шитье, и не принимавшая никакого участия в разговоре. Он мне ответил, что это княгиня Шарлота де Роган⁷⁶⁸, племянница госпожи де Брионн, она была тайно обвенчана с несчастным герцогом Энгийенским, совсем недавно расстрелянным во рву Венсенского замка. Это слово как раскат грома развеяло все призраки, с которыми я только что прожил в течение двух-трех часов. Невыразимое волнение овладело моим умом при мысли о том, что в одном из венгерских городов три человека, по-разному испытавшие на себе удары судьбы, соединились как будто бы для того, чтобы рельефно представить мне, молодому иностранцу, приехавшему с севера, сжатое изложение двух веков, на рубеже которых мне выпало родиться.

Князь де Линь умер в возрасте старше 80 лет, 13 января 1815 года в Вене, во время конгресса⁷⁶⁹, швырнув в него свою последнюю эпиграмму: «Конгресс не идет, а танцует».

ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. 1833–1843

**(Записка, представленная Государю Императору
Николаю Павловичу Министром Народного Просвещения
графом Уваровым в 1843 году, и возвращения
с собственноручною надписью Его Величества:
«Читал с удовольствием».)**

Его Императорскому Величеству
Всеподданнейше подносит
Министр Народного Просвещения

ВСТУПЛЕНИЕ

При истечении десятилетия моих занятий по заведыванию министерством народного просвещения, я считаю себя обязанным и чувствую необходимость пройти внимательным взглядом все, что в продолжение этого периода сделано по учебному ведомству, волею Вашего Величества мне вверенному. В образовании народном, в этой многосложной ветви государственного управления, где цель, к которой стремиться должно, поставлена так высоко и отдаленно, где все начинания и действия, по самому свойству вещей, созревают медленно и требуют терпеливости неизменной, было бы неосторожно стремиться вперед, не обращая взира назад и не соображая прошедшего с будущим. Чем позднее достигаются последние и окончательные результаты, тем необходимее беспристрастным исследованием приобретенных выгод, равно как и встреченных неудач, убеждаться в правильности избранного пути и подкреплять надежды на приближение к мете далекой, почти невидимой.

Всеподданнейше представляя Вашему Императорскому Величеству обзор последнего десятилетия министерства народного просвещения, я не решаюсь, или лучше сказать, я не считаю себя вправе вступительно изобразить положение министерства в то время, когда

Вашему Величеству благоугодно было возложить на меня это важное и трудное управление. Да будет мне позволено начать это изложение тем днем, в который, осмотрев все части, мне вверенные, и обдумав все средства, мне открытые, я удостоился получить от Вашего Величества в главных началах наставление, которому непрерывно следовало министерство с тех пор и доныне. Этот день, незабвенный для министерства и для меня, — есть 19 ноября 1833 года.

Начертание главных начал. Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, задачи, тесно связанной с самою судьбою отечества, — независимо от внутренних и местных трудностей этого дела, — разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью⁷⁷⁰. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова⁷⁷¹. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее

сильное: *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительств, особенно в отношении к отечественному воспитанию.

Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей, и было не чуждо европейского духа. Просвещение настоящего и будущего поколений, в соединенном духе этих трех начал, составляет бесспорно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени и тот священный труд, который доверенность Вашего Величества возложила на мое усердие и рвение^{*772}.

Следующий обзор должен показать, какими способами министерство стремилось к осуществлению сих основных понятий. *В четырех отделах* я изложу сначала систему учебную в целом Империи, потом представлю видоизменения ее в практическом применении к некоторым отдельным краям, как то: в губерниях западных, остзейских, в Царстве Польском. Затем последует взгляд на учреждения ученые, ход наук и словесности вообще; наконец, особое отделение вместит в себе выводы численные и статистические.

Отделение первое

ГЛАВНЫЕ НАЧАЛА И РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ИМПЕРИИ С 1833 ГОДА

Приступ к делу. В первую обязанность вменил я себе передать мысли, изложенные выше, в руководство сотрудникам моим в деле народного просвещения, вразумить их в высоких видах Вашего

* Всеподданнейший доклад 19 ноября 1833 года.

Императорского Величества, в направлении и духе, в каком отныне, по Августейшей воле Вашей, должно совершаться образование юношества на всем пространстве обширного нашего отечества и призвать их к содействию единодушному и усердному. (Окружное предписание 21 марта 1833 года)⁷⁷³.

Приступая к выполнению важного своего призвания, я желал основать дальнейшие свои действия на данных, сколько можно верных и подробных. Наперед нужно было собрать положительные сведения о всех учреждениях, принадлежащих к ведомству народного просвещения, ознакомиться в подробности с теми материалами, которые еще можно было употребить в дело, и с теми, которые надлежало устранить, как помеху бесполезную. Мерой приготовительной служило приглашение всех начальников учебных округов внимательно осмотреть подведомственные им учебные заведения во всех отношениях, как в отношении собственно учебном и нравственно-наблюдательном, так и в хозяйственном и административном. На сей конец попечители и помощники их были снабжены подробными инструкциями.

Разделение учебных округов. При введении в систему публичного воспитания желаемой стройности и правильности, одной из самых настоятельных потребностей было — устранить несоразмерность в разделении и составе учебных округов и облегчить надзор за ними со стороны главных их начальств. Сообразно с географическим положением и местными удобствами сделано (30 мая 1833 и 26 марта 1839 г.) новое разделение округов⁷⁷⁴.

Управление средними и низшими заведениями. Прежний порядок управления средних и низших учебных заведений сопряжен был с несообразностями и неудобствами очевидными. Непосредственная зависимость их от университетов возлагала административные и хозяйственные дела на лиц ученого сословия, по большей части чуждых обязанностей этого рода, и без существенной пользы для успешности управления, отвлекало профессоров от настоящих и главных их занятий науками и преподаванием. Чем быстрее распространялись средние учебные заведения, чем больше возрастало число их, тем заметнее и ощутительнее становились эти неудобства и вредные их последствия: медленность в распоряжениях, многосложность административных форм и затруднительность совещательного образа управления. 25 июня 1835 года издано новое Положение об управлении учебными округами. Гимназии и прочие училища, изъятые от заведывания

университетского, поступили под непосредственное управление попечителей; прежние излишние инстанции управления уменьшены; польза совещательного порядка сохранена, но все неудобства оно устранили. Мера сия оказалась столь полезной, что на следующий год она распространена и на Дерптский учебный округ.

Преобразование гимназий и уездных училищ. Изыскивая способы поставить гимназии и уездные училища на высшую степень значения в системе народного просвещения и в общественном мнении, министерство не могло надеяться достигнуть этой цели прежде, чем ему удастся возвысить звание начальников их, усилить обучение при возрастающем числе учеников, сделать эти заведения доступными одним знающим свое дело преподавателям и ограничить прием детей в оные только достаточно к тому приготовленными; учредить правильный и бдительный надзор за учащимися, и, наконец, по возможности, распространить попечительность свою даже на телесное здоровье учащихся и бедных. К осуществлению этих видов стремилось министерство народного просвещения: учебные заведения расписаны по разрядам и должности ведомства министерства по классам. Высшим и даже средним училищам предоставлены значительные преимущества относительно производства чины по гражданской службе. В этой мере юношество приобрело важное поощрение искать образования себе в общественных заведениях. Из возвышения звания директоров и инспекторов гимназий в общем порядке государственной службы, сама собой истекла возможность замещать эти должности только людьми способными и благонадежными и потому предписаны правила строгого выбора в оные (8 марта 1834). Число учащихся возросло быстро и повсеместно; министерство расширило способы к удовлетворению новых, отсюда возникавших потребностей (27 апреля 1837)⁷⁷⁵. Правила для испытания детей, поступающих в гимназии и уездные училища (29 января 1837), отвратили от учебных заведений прилив учеников, неспособных извлечь всю пользу из даруемых им правительством средств к приобретению полезных знаний. Внутренний порядок в заведениях упрочен дозволением определять особых надзирателей за приходящими учениками (15 февраля 1838). Разрешено также иметь при сих заведениях врачей на общем основании государственной службы и с правами медицинских чиновников (12 мая 1836). В порядке преподавания Закона Божия по уездным училищам сделано необходимое улучшение,

согласно с мнением Комиссии духовных училищ (18 октября 1836). Ныне оно расположено так, чтобы даже и недокончившие курса ученики выносили с собою из училища главнейшие познания в правилах веры и в Священной истории.

Различие потребностей разных сословий народа и разных состояний неминуемо ведет к надлежащему разграничению предметов учения между ними. Система общественного образования тогда только может назваться правильно расположенной, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду жизни его и будущему призванию в гражданском обществе⁷⁷⁶.

Благородные пансионы для дворянства. Благородное юношество, лучший цвет возрастающего поколения, предназначенное самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве, должно, по возможности, иметь и воспитание отдельное. Разделяя в уездных училищах, гимназиях и университетах выгоды публичного образования с юношеством других свободных сословий, оно получило еще и особые способы к воспитанию: в Москве в дворянском институте⁷⁷⁷, в С.-Петербурге и в Киеве — в определенных на то гимназиях, в Вильне — в дворянском институте⁷⁷⁸; в других же городах — в благородных пансионах, заводимых не только при гимназиях, но и при некоторых уездных училищах. С самого начала вступления моего в управление министерством народного просвещения (11 мая 1833), я обратил внимание попечителей учебных округов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства на эти полезные учреждения. Я объяснил им в подробности прямую цель пансионов, которые, по преимуществу, должны сосредоточивать в себе благородное юношество, но при всем том не дают окончательного образования молодым людям, а только приготовительное к слушанию лекций университетских. Сии внушения не замедлили принести плоды самые утешительные. Дворянство с готовностью приняло на себя обязанность устроить и содержать своим иждивением благородные пансионы, и ныне число их возросло уже до 46. Министерство озабочилось составлением для них положений, которые, сходствуя между собой в общих чертах, разнятся одно от другого в некоторых подробностях, согласно с местными нуждами. Дворянский институт в Москве преобразован в основании и получил новое устройство. Питомцам дворянского института в Вильне, образованного из гимназии, которая имела такое же назначение — обучение благородного юношества, —

даны преимущества университетских студентов, при вступлении военную службу. Воспитание, даруемое таким образом и недостаточным юношам, не оставлено бесплодным для тех губерний, в которых юношеству доставляется учение на счет казны или жертвуемых дворянским сословием сумм. Чтобы снабдить губернии и правительственные места в них чиновниками образованными, вменено (27 августа 1835) всем воспитывающимся на счет казны молодым людям в обязанность оставаться на службе в тех же губерниях по *шести лет*, а воспитываемые на счет дворянства — по стольку же лет и после окончания ими курса в университетах, если там они будут довершать свое образование на счет тех же пожертвований.

При учебных заведениях западных губерний, доставлено воспитание детям местных дворян и чиновников недостаточного состояния устройством пансионеров на счет приказов общественного призрения; в замене того, правительство налагает на них обязанность прослужить там 8 лет (2 декабря 1838).

Меры к образованию прочих сословий. Сословию купеческому, мещанскому, и по мере возможности, самым поселянам открыты различные способы к образованию, сообразному с их потребностями, образом жизни и положением в государстве. Им, особенно двум первым классам, представлено пользоваться учением в приходских, уездных училищах и гимназиях; детям почетных граждан открыт беспрепятственно, наравне с дворянскими, доступ к университетским курсам. Непринимая на себя обязанности учреждать на свой счет учебные заведения для мещан и поселян там, где в самих жителях еще не пробудилось стремление к образованию, правительство разрешает открывать приходские училища всюду, где это желание развивается успехами промышленности и другими местными причинами. Со своей стороны оно обеспечивает содержание 51-го из них ежегодным назначением достаточных на то сумм. Но там, где успехи просвещения показали нужду в учреждении училищ уездных, министерство само поспешило открыть их. В Казанском округе, где при многих уездных училищах не имелось приходских, заменены они приготовительными классами. В Москве учреждено особое училище для бедных купеческих и мещанских детей⁷⁷⁹. Для ближайшего попечения о благосостоянии приходских училищ в столицах определены почетные блюстители, преимущественно из людей купеческого сословия, пользующихся общим доверием (1 ноября 1839 и 23 апреля 1840).

Лица крепостного состояния. Не исключая даже лиц крепостного состояния от участия в благотворных плодах знаний и просвещения, министерство, однако, считало необходимой обязанностью для себя привести их в меру истинных нужд и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословия. Объем их обучения ограничен одними приходскими и уездными училищами. Переход из низших в средние учебные заведения, а из сих в высшие, везде и для всех состояний, подчинен определенным правилам, всегда соблюдаемым в точности, в отношении же к людям крепостного состояния эта строгость еще более усилена: они не иначе допускаются в эти заведения, как когда, по воле помещиков, получают увольнение от сего состояния. Согласно с тем, и частные заведения, в которых круг учения соответствует гимназиям, сделаны недоступны для лиц крепостного состояния, а в тех реальных училищах, в которые допускаются ученики всех состояний, круг наук словесных приведен в соразмерность с приходскими и уездными училищами и из них исключено все, что не относится прямо и непосредственно к техническим наукам. Сельские школы в остзейских губерниях поставлены под ближайший надзор лиц и мест, определенных для того положением о лифляндских крестьянах⁷⁸⁰, и министерство ежегодно получает срочные сведения о положении и ходе сих школ. Для наблюдения за училищами общества Моравских братьев⁷⁸¹, начертаны особые положительные правила (13 апреля 1838). Мещан, свободных поселян, вообще людей податного состояния разрешено допускать в высшие учебные заведения и даже в университеты, но не иначе, как по представлении ими свидетельств об увольнении от тех обществ, к которым они принадлежат.

Воспитательные заведения в Сибири. Независимо от этих главных оснований, на которых утверждалось общественное воспитание в средних учебных заведениях, некоторые местные обстоятельства, в отдаленных частях Империи, породили необходимость особых распоряжений. Вблизи центра правительства и просвещения следовало сохранить в строгой определительности и без всякого смещения отдельный характер каждого рода учебных заведений; но в отдаленности от средоточия необходимость указывает иногда отступать от строгости сих форм, по уважению местных требований и по тому, что действуя на огромном пространстве Империи, тщетно было бы искать неподвижности учреждений посреди разнородных элементов и многообразных степеней гражданской образованности. В таком

положении были учебные заведения Сибири, рассеянные на пространстве, несоразмерном, по обширности своей, с прочими учебными округами, отдаленные и друг от друга и от главнейших университетов.

Преобразовав все учебные заведения Сибирские, на основании нового Устава, и расширив финансовые способы их содержания по новым штатам, министерство народного просвещения, подчинением оных главному ведению генерал-губернаторов, пригласило их к постоянному участию во всех движениях учебной части и открыло себе возможность действовать совокупно с высшим местным начальством. В Томске открыта новая гимназия; гимназическое учение в других городах распространено добавочными курсами о некоторых предметах, указанных местными потребностями. Так, во всех сибирских гимназиях введено преподавание Русского законовещения и судопроизводства; в Иркутской — учрежден класс бухгалтерии. Это расширение плана учебного простирается даже на некоторые уездные училища в Томской, Тобольской и Иркутской губерниях.

Для доставления служащим в сих отдаленных странах чиновникам способов к образованию детей своих, изысканы средства к преимущественному помещению их в казенные учебные заведения. При каждой из трех сибирских гимназий, сверх воспитанников, приготовляемых к учительскому званию, еще 20 учеников, из детей чиновников, получают образование на казенном содержании; до открытия гимназии в Красноярске, 10 детей чиновников Енисейской губернии обучаются в Иркутской гимназии; по окончании гимназического курса, ежегодно отправляется по одному воспитаннику из каждой гимназии в Казанский университет. Выслушав там полный курс, они вступают потом в гражданскую службу в своей губернии.

В Закавказском Крае. Еще теснее связует с Азией ее Закавказье; там отдаления от средоточия Империи и сопредельность с племенами полуобразованными и дикими, породили меры, подобные принятым для Сибири. В 1835 году все училища Закавказские получили новое Положение и штат, обширнейший прежнего.

Ставропольское высшее уездное училище преобразовано в гимназию с введением преподавания отечественного законовещения и судопроизводства. При нем учрежден пансион на 20 казенных воспитанников; при тифлисском благородном пансионе увеличено число воспитанников из детей служащих там чиновников. Отличнейшие из них посылаются для довершения своего образования в Харьковский

университет. Таким образом, служащие в этом крае чиновники обеспечены так же, как и в Сибири, в отношении к приличному образованию детей своих. Министерство народного просвещения, со своей стороны, принимало все меры к возведению учебной части в этой стране на равную степень совершенства, как в других округах, ему подведомственных. Но при отдаленности края, при особом положении оно, оно не могло действовать непосредственно и прямо. Успех его мер зависел более или менее от участия главных местных начальств тамошних. К сожалению, некоторые послабления и вкравшиеся злоупотребления остановили успешный ход учебной части в Закавказских областях и сделали теперь необходимым новое, радикальное преобразование. Замешательства эти тем прискорбнее, что министерство, употребив и время, и значительные капиталы, принуждено выжидать дальнейших благоприятных плодов, которые пока еще не представляются явственно и определительно.

Воспитание домашнее и частное. Воспитание общественное, в заведениях правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа. Но рядом с ним идет воспитание домашнее или частное, которое также простирает свою силу на разные состояния в государстве, на разные возрасты и на оба пола. Министерство не должно было оставить без ближайшего и тщательного внимания, оно не могло упустить из виду великого вреда, который может производить учение, предоставленное произволу людей, которые или не обладают необходимыми познаниями и нравственными свойствами для дела столь великой важности, или не умеют и не хотят действовать в духе правительства и для целей, им указываемых. Эта ветвь народного образования тем большего заслуживала попечения, чем упорнее были предрассудки, издавна у нас укоренившиеся об этом предмете. Хотя сила их значительно уже ослаблена пробудившимся народным самосознанием, однако все еще обнаруживали они власть свою в некоторых слоях общества, и особенно высших, и отдавали в руки иноземцев воспитание не малой части русского юношества. Надлежало, не взирая на все это, включить и эту ветвь народного образования в общую систему, распространить и на нее усугубленный надзор свой, привести ее в соответствие и связь с воспитанием общественным, доставив перевес отечественному образованию пред иноземным. Беспрерывное умножение

частных заведений и прибывающих из чужих краев учителей и воспитателей сделали необходимым принять, наконец, особые меры осторожности. После того, как отечественному юношеству открыты были обильные способы к приобретению всех нужных познаний, министерство не поколебалось ограничить число вновь заводимых частных пансионеров в столицах (4-го ноября 1833 г.)⁷⁸².

Надзор над частными заведениями. Назначив для постоянного надзора за ними особых инспекторов, оно снабдило их подробными наставлениями. Положение и число этих заведений приведено в совершенную известность. Достоинства каждого из них взвешены и оценены министерством и согласно с тем, одни из них, вовсе не достигавшие своей цели, закрыты, а другие улучшены⁷⁸³. Чтоб более приспособить предлагаемое в них воспитание к воспитанию в казенных заведениях, все мужские пансионы разделены на три степени, соответственно кругу познаний, приобретаемых в приходских, уездных училищах и гимназиях. Женские пансионы подведены также под разряды, сообразно внутреннему достоинству их и степени образования, в них приобретаемому. Теперь содержатели частных пансионеров могут и должны иметь постоянно в виду свои обязанности, а местные начальства руководствоваться однообразными началами; для этого собраны и изданы правила, существующие для заведений этого рода. Против учреждения их без дозволения правительства установлены меры наказания и училищные и гражданские начальства обязаны бдительно наблюдать, чтобы не вкрадывались никакие подобные злоупотребления.

Положение о домашних учителях. Еще неуловимее, еще недоступнее было для министерства воспитание, совершаемое в домах, и укрывающееся от непосредственного влияния правительства за святину семейного крова и родительской власти. Министерству оставались тут средства косвенные. Положение о домашних наставниках и учителях (1-го июля 1834), даровав им права и преимущества государственной службы, взамен того определило с точностью все их обязанности и ответственность за нарушение их. Правительство признало заслугой отечеству и государству труды людей, в безвестности подвигающихся на этом скромном поприще и приманкой сильной вызвало на это полезное служение природных русских, которые по укоренившимся понятиям, привыкли предпочитать государственную службу всякой иной. Бессильная старость и беспомощность их

сирот уже не устрашают их: для пенсий составлен особый капитал, непрерывно возрастающий.

Испытание частных преподавателей. Даровав столько выгод всем посвящающим себя домашнему воспитанию, справедливо было допускать в это сословие лишь достойных и благонадежных. Право обучать в частных домах первоначальным сведениям предоставлено только тем, кто выдержит надлежащее испытание, в местах, определенных для того от правительства, и не прежде, как по совершенном удостоверении в его показаниях и нравственных качествах. Частное преподавание без законного дозволения подвергнуто ответственности, и от оногo удалены все иностранцы, прибывающие в Россию без удовлетворительных свидетельств об их благонадежности. Время усилить в частных домах образование истинно отечественное и заменить им то, которое доселе приобреталось нередко в духе иноземном, от людей чуждых нашим верованиям, законам и обычаям.

Постепенность учебных заведений. В такой постепенности развивалось устройство низших и средних учебных заведений министерства народного просвещения. Между ними и университетами посредствующим звеном в некоторых частях империи служат отдельные заведения, обязанные своим учреждением щедрым пожертвованиям и рвению о благе просвещения некоторых частных лиц. Нежинский лицей князя Безбородко⁷⁸⁴ получил новый устав. При Лазаревском институте восточных языков⁷⁸⁵, в Москве, имеющем свое специальное назначение, открыто особое отделение для образования юношества духовного звания, и курс распространен двумя новыми классами (31-го января 1841). 2-го августа 1833 преобразован ярославский Демидовский лицей⁷⁸⁶. Ришельевский лицей в Одессе⁷⁸⁷, служа средоточием учебной системы особого округа, постепенно возводился на высшую степень ученого значения и почти приблизился к полноте университета. Совершенное обновление его произошло с введением нового устава (29-го мая 1837).

Главные виды при преобразовании университетов. Предмет обширных и самых тщательных соображений представляло преобразование университетов, как высших учебных заведений, в которых юношество разных состояний получает окончательное образование; откуда, обогащенное знаниями основательными, оно должно выходить готовое для выполнения обязанностей, возлагаемых на него государственной службой и жизнью общественной. Министерство

имело при этом две главные цели: во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы, и, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего класса в империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти к иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и, наконец, водворить как между молодыми людьми высших сословий, так и вообще в университетском юношестве, стремление к образованию народному, самостоятельному. Высочайше утвержденным 26-го июля 1835 года общим университетским уставом полное преподавание высших знаний введено в три факультета: философский, юридический и медицинский. Число кафедр по этим трем ветвям наук умножено и курсам дана надлежащая обширность. С началом 1836 года новое образование введено в университеты С.-Петербургский и Московский; вслед за ними, через год, Харьковский и Казанский вступили в эпоху своего возрождения. Особые правила, начертанные для испытания желающих поступить в университеты (29-го января 1837 г.)⁷⁸⁸, удалили от университетского учения молодых людей, еще неприготовленных к нему предварительным обучением. Постановив 16-ти летний возраст необходимым условием для принятия в число студентов, эти правила определили в точности степень познаний, без которых посещение университета было бы для молодого человека бесполезной тратой времени, для самого заведения — невыгодным обременением. Продолжительность курсов определена: в медицинском факультете пятилетняя; для прочих же положено 4 года. Воспрещение оставлять студентов более двух лет в одном курсе понуждает их пользоваться учебным временем с рачительностью и прилежанием. Положение об испытании на ученые степени в течение пяти лет поверялось опытами всех университетов, и можно с достоверностью ожидать, что оно составит в полной мере удовлетворительное постановление, соответствующее настоящему требованию наук и ходу общественного образования. Особыми распоряжениями университетские курсы сделаны доступными как не служащим, так и находящимся уже на службе чиновникам (23-го января 1834 г.), также людям, которые пожелают совершенствоваться в медицинских науках (2-го января 1834 г.).

По установлении таким образом единства в университетском преподавании в Империи, оказалось возможным дозволить студентам переходить из одного университета в другой для пользы своего образования, с зачетом времени, проведенного в прежнем; однако свободе этой, особыми условиями для таких переходов, постановлены должны границы (3-го ноября 1837 г. и 27-го января 1838 г.)⁷⁸⁹. При неудобстве иметь за студентами надлежащий надзор инспекторам из профессоров, положено определять в С.-Петербурге инспектора из посторонних чиновников (5-го декабря 1833 г.); такие же инспекторы введены при университетах Московском, Казанском, Харьковском и Св. Владимира; и им дана особая инструкция, по образцу высочайше утвержденной для первого из сих заведений.

Обучение специальное. Учебные заведения министерства народного просвещения, по самому свойству своему, истекающему из особенности целого устройства учебной части по всем отраслям государственного управления, предназначены преимущественно для распространения образования общего, равно пригодного во всех положениях жизни, без прямого отношения к какому-либо частному призванию и роду занятий. Заведения *специальные*, будучи учреждаемы и содержимы, по большей части, теми ведомствами, к которым они непосредственно относятся, как бы по необходимости, отделили от училищ министерства народного просвещения все, что не относится особенно к образованию общему. Опыты многих веков и примеры просвещеннейших народов единогласно признают классическое учение самым превосходнейшим и действительным способом к такому умственному развитию. До того в заведениях министерства народного просвещения, при преобразовании учебного плана, усилено, сколько того требовала и позволяла общая соразмерность, преподавание классических языков. Стараясь привлечь к изучению греческого языка и словесности, министерство руководствовалось не только убеждением в дознанном превосходстве этого способа к умственному усовершенствованию, но и в необходимости основать новейшее русское образование тверже и глубже на древней образованности той нации, от которой Россия получила и святое учение веры и первые начатки своего просвещения⁷⁹⁰. Основательное изучение древних классических языков утвердилось прочно не только в гимназиях, где юношество готовится к окончательному ученому образованию в университете, но введено во многие даже уездные училища.

Однако министерство не могло и не желало оставить без удовлетворения обнаружившееся повсеместно общее стремление к *промышленности*. Не отрекаясь от главного филологического характера обучения в его заведениях, оно не упорствовало в направлении одностороннем и исключительном. Для того в число задач, которых разрешение предлежало его попечительности, оно включило решение вопроса о приспособлении главнейших начал наук общих к техническим потребностям *ремесленной, фабричной и земледельческой* промышленности. К улучшению земледелия в России открываются, по мере приготовления преподавателей, кафедры агрономических наук в университетах; в значительных городах, где нет университетов, учреждаются публичные лекции об этих предметах. К усилению фабрик устроены при некоторых гимназиях и уездных училищах реальные классы, а в университетах публичные чтения технических наук. При С.-Петербургском университете введены лекции о сельском хозяйстве, лесоводстве и торговом счетоводстве; при Московском — курсы сельского хозяйства, агрономии и технической химии и курс построения машин, практической механики и начертательной геометрии. При Дерптском университете, кроме публичных чтений о практической химии, механике и о прочих частях технологии, учреждено практическое учебное заведение сельского хозяйства в Альткустофе⁷⁹¹. Такие же публичные лекции открыты при университете Св. Владимира и предположено учредить образцовые хутора по крайней мере при некоторых университетах. С преобразованием Ришельевского лицея учреждены при нем также кафедры сельского хозяйства и лесоводства. Открытие в Москве новой гимназии с реальным при ней отделением было первым приступом к распространению технического учения и на средние и низшие учебные заведения. Кроме того, для наставления промышленного сословия в полезных ему познаниях, открыты реальные классы в Туле, Вильне и Курске, а в Риге и Керчи при уездных училищах. При митавской гимназии открыт курс лесоводства. Москва, как центр русской промышленности, требовала больших учебных пособий; потому при втором уездном и Алексеевском приходском училищах учреждены воскресные классы технического рисования для всех сословий и преимущественно для ремесленных и мануфактурных промышленников. В Коломенском уездном училище преподается курс сокращенной технологии и бухгалтерии. В Екатеринбурге, одном из центральных пунктов горной промышленности и торговли с Сибирью, учреждены, при уездном

училище, дополнительные курсы коммерческих наук, бухгалтерии, минералогии и геогнозии⁷⁹². Для доставления торговому сословию в Архангельске средств к приобретению нужных для него познаний, учрежден еще реальный курс. В Таганрогской гимназии открыто преподавание коммерции и бухгалтерии. Не оставлены без внимания и дети женского пола, предназначенные к ремесленному быту: при главном немецком училище в Петербурге учрежден класс для безмездного обучения их.

После учреждения сих классов заботы министерства обращены были на снабжение их надлежащими учебными пособиями: лучшие учебные руководства по реальным наукам на немецком языке рассмотрены в С.-Петербургском университете и приступлено к переводу нужнейших на русский язык. В преподавании технических наук водворен порядок данным на сей конец особым наставлением и приняты меры к снабжению реальных отделений собраниями моделей, машин и химических принадлежностей.

Восточные языки и словесность. К предметам обучения *специального* можно, в некотором смысле, причислить восточные языки и ориентальную филологию. Россия, господствующая над значительной частью Азии, сохраняя под державой своей многочисленные и различные письмена азиатские, избрана судьбой, пред всеми другими просвещенными народами, на изучение Востока, его наречий, литератур, памятников его истории и верований. Подробное и основательное знакомство с сею колыбелью рода человеческого и заветных его преданий было постоянным предметом усиленного внимания министерства народного просвещения. Общим уставом университетов русских в 1835 году, высочайше им дарованным, положены при них кафедры восточной словесности, в круг которых входят языки: арабский, турецкий и персидский; в Дерптском университете, для слушателей богословия, преподается еще язык сирийский; в С.-Петербурге читаются публичные лекции сравнительной филологии и санскритского языка. В Москве Лазаревский институт восточных языков получил особые права и старается о распространении познаний о Востоке, успешно образуя для армянского народа чиновников военных и гражданских, переводчиков и учителей. Географическое положение Казани на рубеже Европы и Азии в соседстве с народами, не доступными для прочих европейцев, делало этот город самым удобным

средоточием для ученых исследований наречий и племен востока, для передачи Европе познаний о сей любопытной части света и постепенного сближения ее жителей с образованностью и науками европейцев. Между тем как в Европе ориентальная филология не может переступить за пределы кабинетного изучения, наравне с мертвыми языками древности, — там изучение разных наречий азиатских вступает в разряд практических занятий ими как языком живым, посредством обращения и сношений с народами, которые ими говорят. Восточное отделение в Казанском университете предоставляет самый полный объем наук для познания Востока. В состав его входят: словесность арабская, персидская, турецкая, татарская, китайская, монгольская, санскритская и армянская. Между всеми университетами европейскими, Казанский есть первый, в котором учреждена кафедра монгольского языка; сверх того, предположена кафедра тибетского. Для преподавания и практических упражнений определены коренные жители восточных стран; в сословии учащихся университет Казанский и гимназия считают уроженцев Мазандерана, Дербена, Адербиджана, турецких хаджи⁷⁹³ и бурятских лам⁷⁹⁴. В особенности обращено внимание на применение некоторых училищ Казанского учебного округа к умственным способностям восточных народов и уроженцев того края, и к государственной надобности иметь людей, основательно знающих его языки, для определения их не только учителями по ведомству министерства народного просвещения, но и в качестве должностных лиц по ведомству других министерств: иностранных дел, внутренних дел и финансов. При университете в Казани значительное число воспитанников на казенном содержании изучают восточную словесность с обязанностью прослужить шесть лет по назначению начальства. Обучение восточным языкам начинается там с гимназий и средних учебных заведений. В первую Казанскую гимназию введено преподавание языков: арабского, персидского, турецкого, татарского, монгольского и китайского. Из 80-ти казенно-коштных воспитанников 14 получают в ней это образование на казенном иждивении (2-го января 1836 г.), и к оному допущены дети татар, бурят и других уроженцев Сибири. Полудикие сыны степей Монголии охотно воспринимают благотворные семена просвещения. Один из забайкальских бурят, окончив полный гимназический курс, перешел уже в университет⁷⁹⁵. По довершении образования своего, поступив на службу на родине, этот молодой бурят уповательно

будет иметь самое полезное влияние на своих соплеменников; пример его не останется без подражания. Окончившие курс в заведениях Казанского округа с пользой занимают уже разные должности в столице, в Казани, Тобольске, Омске, Оренбурге, Астрахани, Одессе, Тифлисе, Иркутске, при посольствах и миссиях в Азии. В Астраханской гимназии открыты, сверх классов татарского, классы языков персидского и армянского. Сей последний язык преподается там также в Агабабовском училище⁷⁹⁶, которое 21-го мая 1838 года получило коренное преобразование. В Одесском округе Ришельевский лицей имеет кафедры языков: арабского, турецкого и персидского. Татарскому отделению Симферопольской гимназии дано новое положение (15-го мая 1838 г.) и открыты татарские классы в уездных училищах: Бахчисарайском, Перекопском и Карасубазарском. В гимназии Кавказской преподаются языки: татарский и армянский; на преподавание первого обращено особенное внимание и изучение его требуется непременно от всех вообще учеников; а за Кавказом, в Тифлисской гимназии, языки: грузинский, татарский, армянский и персидский; то же и в тамошних уездных училищах, по усмотрению местных нужд, например, в Кутаисском — татарский. В отдаленной Сибири, в училище Нерчинском, введен монгольский язык, по желанию торгового сословия этого города.

Для довершения общей картины всего, что доселе сделано для ученого исследования азиатских языков в России, я упомяну здесь же, мимоходом, о заслугах Императорской Академии наук по этой ветви человеческих познаний. Как Казань служит средоточием для *обучения* восточным языкам, так восточное отделение академии есть первый рассадник *ученых трудов* над изъяснением Востока. Ее азиатский музей, постепенно обогащавшийся значительными приобретениями то от щедрот правительства, то на счет собственных средств академии, принадлежит уже к лучшим учреждениям этого рода, представляя самые обильные материалы для ученых изысканий о народах востока. В сословии членов Академии литературы магометанские: монгольская и тибетская, санскритская, грузинская и армянская имеют достойных представителей, заслуживших справедливое уважение ученого мира. Трудами их магометанская нумизматика, в связи с отечественной историей, поставлена на высокую степень совершенства; словесность грузин и армян приобрела право гражданства в кругу ориентальной филологии; исследованы азиатские источники

истории славяноруссов и племен средней Азии. Россия может с неоспоримым правом похвалиться водворением и пояснением языка и словесности монгольской, дотоле недоступной и неизвестной для остальной Европы. Учебные пособия, изданные Академией для тибетского языка, который составляет священное наречие многочисленных обитателей средней Азии, рассеивает уже густой мрак, который доселе скрывал исторические судьбы этих обширных стран от взоров исследователей. Иностранцы ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом.

Приготовление учителей и профессоров. Быстрое развитие учебных заведений породило потребность особого рода, к удовлетворению которой министерство народного просвещения должно было изыскивать средства новые и обширные, я разумею наполнение всех заведений, начиная с низших до высших наставниками способными и достойными сего звания и доверия к ним. Правительство призывало все сословия Русского народа к полезному образованию чрез училища, открываемые на пользу общую; постигнув благодатные следствия просвещения, все сословия убедились в необходимости познаний; училища умножаются, наполняются, приспособляются к общежитию. Увеличение числа заведений требовало новых преподавателей, усовершенствование и возвышение достоинства училищ требовало преподавателей лучших. Заботы министерства об этом предмете простирались равно на все роды учебных заведений. Одним из самых действительных средств к улучшению состава сословия учащих министерство считало улучшение и обеспечение их положения. Прежнее, довольно ограниченное их содержание заменено на всех степенях училищной системы новым, освобождающим их от забот о безбедном существовании. Положением о производстве в чины, пенсиях и пособиях по учебной части (18 ноября 1836 г.) профессора, учителя и все служащие собственно по учебной части, обеспеченные в повышении в порядке государственной службы, этими выгодами удержаны надолго на учебном поприще. Преимущества 25-летней выслуги определены еще с большей точностью в особых Высочайших повелениях (13 апреля и 23 ноября 1837 г.)⁷⁹⁷. Служащие в отдаленных краях

Империи, на Кавказе, в Грузии и в Сибири, нуждались и прежде в особенном ободрении за утрату тех важных удобств жизни, которые представляло им пребывание во внутренних областях государства. Они не забыты при общем возвышении выгод учебного звания и при новых правилах для производства в чины по гражданской части. Для них издано новое положение (12 февраля 1836 г.) и преимущества их распространены и на Астраханскую дирекцию (указом 3 марта 1837 г.). Учителя приходские исключаются из подушного оклада и дозволено считать их в службе; скромная деятельность их поощряется производством отличнейшим из них, и по смерти их семействам единовременных пособий. Подробное наставление об испытании кандидатов на места уездных учителей (16 и 30 ноября 1835 г.) оградило учебные заведения от преподавателей, не соответствующих обязанностям, на них возлагаемым⁷⁹⁸. Для усиления в Одесском округе способов к замещению учительских вакансий в уездных училищах (28 ноября 1838 г.) содержатся в пансионе при гимназии Ришельевского лицея казенные воспитанники, приготавливаемые собственно на службу по учебному ведомству, сверх находящихся уже в пансионах при гимназиях Кишиневской и Херсонской. При Архангельской гимназии воспитывается 10 казеннокоштных учеников для звания уездных учителей. В Сибири определение учителей в гимназии облегчено дозволением испытывать кандидатов на месте, по вопросам, даваемым от Казанского университета, и представлять в оный на утверждение один лишь протокол испытания (21 августа 1833 г.). Впоследствии высочайше одобрены еще действительнейшие меры (9 декабря 1835 г.): в сибирских гимназиях образуются воспитанники на казенном содержании для поступления в звание уездных учителей, а предназначенные из них в учителя гимназии, доканчивают свое образование на иждивении казны уже в Казанском университете. Для приготовления учителей агрономии, послано было 8 человек в Дерптский университет для предварительных занятий семи науками и довершения своего образования за границей. При С.-Петербургском университете приготавливались 6 студентов для занятия потом мест учителей технических наук. Для приготовления преподавателей сельского хозяйства Высочайше повелено образовать в том же университете 3-х студентов и послать потом в чужие края. Отделение Симферопольской гимназии для приготовления татарских учителей преобразовано; сверх 20 казенных воспитанников принимаются и своекоштные пансионеры из детей

татар. Для возбуждения ученой деятельности между преподавателями гимназий поставлено им в обязанность представлять опыты их трудов. Университеты, подвергая сии опыты своему рассмотрению и оценке, лучшее из них издают в свет.

Главный Педагогический институт. Между всеми отечественными учебными заведениями преимущественное назначение удовлетворять существенным требованиям распространяющегося у нас просвещения дано *Главному Педагогическому институту*. Ни одно учебное заведение не имеет в таком объеме столь положительной цели — готовить наставников чрез практическое упражнение в преподавании, создать и укоренить в отечестве нашем самостоятельное ученое сословие, независимое в развитии умственной деятельности от влияния чуждых систем и примеров. Со времени учреждения своего, институт совершил уже три полных курса⁷⁹⁹. Первый, оконченный в 1835 году, доставил учебным заведениям 92 наставника, из которых 11 тогда же были отправлены в чужие края; возвратившись в отечество обогатившие познаниями, они распределены адъюнктами в университеты наши. До окончания второго курса выпущены были некоторые из окончательного курса, из среднего, большей частью в Киевский, С.-Петербургский и Казанский округи. Все число приготовленных Главным Педагогическим институтом, в течение трех курсов, преподавателей простирается уже до 230. Даже и те молодые люди, которые, не окончив курса, поступают в уездные и приходские училища, приносят туда, хотя не совершенно еще зрелые, но при всем том лучшие методы, составляющие отличительную черту сего заведения. Издавна уже был ощутителен недостаток в заведении, предназначенном собственно для образования учителей начальных училищ. Еще в 1817 году, в бытность мою попечителем С.-Петербургского учебного округа, сделан был мной первый опыт — и не без успеха — к удовлетворению этой существенной потребности; но учреждение это существовало недолго после моего увольнения от должности попечителя⁸⁰⁰. Время потеряно безвозвратно; но тем необходимее надлежало поспешить вознаградить его. В 1838 году учреждено при Главном Педагогическом институте под названием второго разряда особое отделение на 30 воспитанников, приготовляемых в учителя уездных училищ. Заведение сие, после четырехлетнего существования в виде опыта, получило окончательное устройство, соответствующее ближайшей его цели. Оно уже приготовило

30 молодых людей, которые вскоре будут распределены по разным учебным заведениям и начнут свою полезную деятельность во многих отдаленных пунктах Империи. По особому распоряжению моему в институте всегда содержатся для изучения русского языка несколько воспитанников из окончивших курс в Дерптской учительской семинарии. Они определяются учителями русского языка в остзейские губернии, как скоро оказываются надлежащим образом к тому приготовленными, и заменяются новыми.

Высшие ученые учреждения наши, университеты, нередко находились в необходимости приглашать для занятия в оных кафедр разных наук преподавателей иностранных. Эта необходимость, если не устранена вполне, по крайней мере значительно умалена учреждением при Дерптском университете профессорского института, в виде временной меры. Все университеты наши доставили для этого призвания самых отличных из своих воспитанников. Приготовив себя там для профессорского звания, они довершили свое образование в лучших иностранных университетах, под руководством знаменитейших ученых Европы. Заняв потом кафедры профессорские, они с честью действуют во благо науки и просвещения и многие из них учеными трудами своими уже снискали справедливую и заслуженную известность не только в отечестве нашем, но и в ученом свете вообще. После двукратного выпуска из профессорского института, Ваше Императорское Величество высочайше соизволили на прекращение дальнейшего существования этого учреждения⁸⁰¹. Университеты, обновленные и преобразованные, уже сами готовят будущих своих преподавателей, которые, по получении высших ученых степеней, вступают на ученое свое поприще на несколько лет, по крайней мере на два года. Испытав и доказав свои силы и способности для этих занятий по приобретении надлежащей предварительной опытности, они после того в виде поощрения отправляются в такие заграничные места, где с наибольшей пользой могут основательно изучать науки, избранные ими предметом своей деятельности и жизни. Ученые путешествия сих молодых людей служат непрерывной и живой связью между образованностью отечественной и развитием наук в Европе и постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования.

Общий взгляд на учебную часть. Представив в общем обзоре все действия министерства народного просвещения в течение последнего

десятилетия относительно заведений собственно учебных, мне остается еще в кратких чертах указать главные результаты, к достижению которых оно стремилось. Первая задача, по воле Вашего Величества ему предлежавшая, состояла в следующем: «Преобразовать и согласить между собой все дотоле учрежденные учебные заведения и привести их, так сказать, к одному началу, поставляя это начало в образовании учебной системы, которая с одной стороны, возрастала бы из самых оснований нашего быта, а с другой, шла бы рядом с современным неизбежным развитием наук и просвещения в Европе; вместе с этим, расположить все части публичного воспитания так, чтобы оно привлекло к себе не только юношество среднего сословия в государстве, но и юношество высшего, образование коего совершалось до тех пор наудачу, посредством иностранных воспитателей и в тесном кругу домашних предубеждений».

В отношении к этому вопросу, без преувеличения и тщеславия можно сказать, что та и другая цель достигнута. Русские университеты, преобразованные в духе и в форме преподавания, составляют нечто целое, которое соответствует требованию времени и видам правительства. Я не скажу, чтоб университеты вполне уже приняли развитие, им принадлежащее, но смею думать, что всякий, кто беспристрастно уважит материалы, из коих надлежало почти вновь соорудить эти высшие учебные заведения, который внимательно рассмотрит нравственное их положение в сравнении с предыдущим, увидит все, что отличает их настоящий вид от прежнего. Он увидит на скамьях университетских детей высшего сословия, отцы коих находились на службе в тех летах, когда сынам предстоит еще подвергнуться экзамену, дабы получить право сделаться питомцами университетскими. Он увидит на кафедрах профессоров русских младшего поколения, не уступающих ни в чем лучшим иностранным преподавателям с тем только различием, что природное чувство привязанности ко всему народному укрепляет между ими и слушателями благородную связь, дотоле небывалую или, по крайности, не в этой мере утвержденную. Можно с гордостью сказать, что в течение десятилетия, ни один из сих молодых преподавателей не дал правительству ни малейшего повода к сомнению или недоверию; прибавим даже, что кто из них отличнее по таланту, тот и замечательнее по чувству русскому и по непорочности мнений.

В ближайшем отношении к сему предмету состояло преобразование и расширение всех *второстепенных* училищ в Империи. Не ос-

танавливаясь на том, что число их, посредством губернских благородных пансионеров, удвоено в десять лет, я не затрудняюсь доложить Вашему Величеству, что в совокупности средние заведения, может быть, еще более явили успехов, чем высшие. Развитие их многосложное, разнovidное, затруднительное по недостаточному числу учителей и учебных книг, по материальному недостатку помещения и пособий, это развитие совершилось как будто чудом, от одного приглашения Вашего Величества дворянству Империи. Монаршая воля везде исполнена с радушием, с щедростью, с самоотвержением. Ныне едва ли не каждая губерния, кроме хорошо устроенной гимназии, имеет и свой благородный пансион, который освобождает родителей от необходимости посылать толпой детей своих в столицу для предварительного образования. Я дозволю себе прибавить, что по всем сим огромным пожертвованиям дворянства никогда не возникало, в продолжение десяти лет, никакого недоумения с той или с другой стороны, и что все отношения министерства к разным дворянским сословиям в Империи основаны на обоюдном доверии и согласии.

Между тем домашнее воспитание, приведенное в устройство и которое министерство подчинило себе непосредственно во всех движениях от размножения и укоренения средних воспитательных заведений, мало-помалу было поглощено воспитанием публичным. Ныне частные училища или пансионы составляют малейшую частицу в средствах народного образования.

Отделение второе

ОТДЕЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЧАСТЕЙ УЧЕБНОГО ВЕДОМСТВА

А. По западным губерниям

Общий взгляд. Взаимные отношения России к Польше, продолжавшиеся более трех столетий в разных, резко изменявшихся видах, общее их происхождение из одного корня и враждебное чувство, поселившееся между ими в этой непрерывной междоусобной борьбе, произвели порядок вещей беспримерный, можно сказать, в истории и неизвестный в ряду государственных соображений иных правительств. Это веками приуготовленное положение связало судьбу сих двух наро-

дов столь твердыми узами, что каждая эпоха, каждое мгновение политической жизни того и другого носит на себе отпечаток этого совокупления тяжкого, неразрывного, может быть нежеланного. События, давшие одному из сих государств решительный перевес перед другим и подчинив окончательно одно из этих племен владычеству другого, не могли совершиться без потрясений всякого рода⁸⁰². Это судорожное движение отразилось на каждой странице нашей прошедшей и современной истории, на каждой сокровеннейшей струне сердца, на каждом явлении ума и мышления. Оно сильнее всего выразилось в долговременной, взаимной ненависти одного языка к другому, римской церкви к православной, западной цивилизации к восточной. В мерах, принятых в последние 60 лет к исцелению этой глубокой язвы, заметны, к сожалению, та же неопределимость, та же шаткость, как и в прочих опытах сего рода. То быстро и смело в губерниях, от Польши отпадающих, водворяются начала единства умственного и законодательного; то, обращаясь к противоположности, эти учреждения забываются, и наоборот, туземный дух, торжествующий и усиливающийся, усваивает себе и приспособляет к своим тайным мечтам отступления от мудрых начинаний прежнего времени. Посреди сей борьбы двух начал, одного сильного числительным могуществом, другого ухитрившегося слабостью и угнетением своим и ловкого к уловлению собственных выгод, посреди этой борьбы, сопровождаемой извне событиями кровавыми и бедствиями народными, после столь многих неудачных опытов, приступ к сближению этих двух враждебных стихий казался едва ли возможным; но Ваше Величество, обдумав глубоко уроки прошедшего и проникая в будущность, изволили признать, что в пользу грядущих поколений умственное слияние сих начал с надлежащим перевесом русского, должно считаться единственным путем к цели, столь тщетно искомой. Следуя великой мысли развить русскую национальность на истинных ее началах и тем поставить ее центром государственного быта и нравственной образованности, Вы повелели мне при вступлении в управление Министерством народного просвещения немедленно заняться соображением всех мер, ведущих к этой высокой, но отдаленной цели.

Приступ к преобразованию учебной части. Уничтожение Виленского университета и Волынского лицея⁸⁰³, обманувших ожидания правительства и под руководством горсти злонамеренных, употребивших во зло доверие, им оказанное, было естественным последствием

мятежа 1830 г. При вступлении в управление министерством, на всем пространстве от Немана до Днепра, не только не было высшего учебного заведения в полном объеме, но и весь состав второстепенных учреждений училищных или находился в развалинах, или подлежал изменению в главных основаниях и даже в географическом распределении. Мысль основать высшего звания лицей или университет в *Орше* не представляла никакого ручательства в пользе или успехе одного. Везде воспитание и учение юношества следовали прежнему превратному направлению. Язык русский едва был слышен на этом огромном пространстве; даже в близкой, родственной Литве звуки его были чужды и незнакомы. Словом, образование юношества было устроено не в видах общей государственной пользы, но под влиянием местных страстей и предрассудков.

Таким образом, первой обязанностью министерства явилось полное и коренное преобразование всего существующего в том крае по учебной части: необходимость коснуться в одно время всех степеней народного воспитания проистекала из самого положения вещей.

Белорусский учебный округ. Вследствие сего, начиная с белорусского учебного округа, заключающего в себе северную часть губерний, от Польши возвращенных⁸⁰⁴, министерство озаботилось приличным образованием средних и низших училищ по пространству шести губерний, именно: Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской и области Белостокской.

Так утверждены штаты для сих заведений (3 января 1834 и 14 октября 1836 г.); в Гродне и Вильне открыты гимназии немедленно; при Виленской гимназии благородный пансион, во многих местах дворянские и приходские училища. Общий устав учебных заведений введен в училища Белорусского и Киевского округа (5 июня 1834 года). Повсюду назначены новые начальники, новые преподаватели. Преподавание польского языка прекращено в 1836 г.⁸⁰⁵ Везде начертаны новые курсы; обновлены и очищены все средства образования, исправлены недостатки, и уже в 1837 году Виленские училища удостоились посещения Вашего Императорского Величества и осчастливились Вашим одобрением. В 1838 году по тщательном осмотре учебных заведений в Вильне, Гродне и Белостоке я мог донести Вашему Величеству, что водворение русского образования в литовских губерниях можно было считать решительно конченным.

Не останавливаясь на исчислении многочисленных разнородных распоряжений, наполняющих архивы министерства, и на объяснение

неослабно принятых мер, обращусь к одной из главных, к учреждению университета Св. Владимира в Киеве (последовавшему 8 ноября 1833 г.), который долженствовал служить центральным пунктом вновь образуемой учебной системы в западных губерниях. Дабы без предубеждения постигнуть виды министерства, следует принять во внимание следующее.

Университет Св. Владимира в Киеве. Намерение правительства, при учреждении этого высшего учебного заведения*, заменившего собой бывший Виленский университет и лицей Волынский, состояло в том, чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России и соответствующее особенным потребностям того края. Новый университет должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа.

Избранные средства к преобразованию юношества. Соединение польского юношества с русским в первопрестольном городе России⁸⁰⁶, основательное изучение русского языка и словесности, знакомство с учреждениями и установлениями русскими: вот главные средства, которые были в виду для достижения этой важной цели.

Но при самом приведении сего обширного плана в исполнение, естественно должны были встретиться препятствия сильные и разнообразные. Страсти, возбужденные беспорядками в западных губерниях, еще не вполне утихли, волнение умов продолжалось. Большая половина питомцев университета Св. Владимира должна была прийти с теми впечатлениями и чувствами, с тем расположением духа, какие почерпали они в домах своих родителей и родственников, из которых многие деятельно участвовали в мятеже, и, разве с малым исключением, были враждебно расположены к России. Дворянство западных губерний, привыкшее к преподаванию в училищах всех предметов на польском языке и к духу отдельной национальности, желало того же и во вновь открытых училищах. Напротив, с другой стороны требовали не только явного противодействия прежнему, но и непрерывного, резкого выражения оного во всех отношениях, — требовали, забывая, что

* Всеподданнейший доклад 8 ноября 1837 года.

эти насильственные меры остановили бы надолго исполнение главной цели правительства, когда бы жители того края перестали отдавать своих детей в публичные заведения, и тем сделали бы невозможным правильное образование возрастающего поколения. По сему заранее можно было ожидать и с той и с другой стороны предубеждений и недоверчивости к действиям университетского начальства. Наконец, одним из главных препятствий было влияние римско-католического духовенства, в руках коего находилось дотоле публичное и частное воспитание в губерниях, от Польши возвращенных⁸⁰⁷.

Замешательства в губерниях, от Польши возвращенных.

Эти рассуждения, почерпнутые из всеподданнейшего доклада 8 ноября 1837 года, ясно доказывают, что министерство, действуя по начертанию и в духе Вашего Величества, не скрывало от себя ни затруднений сего предприятия, ни временных неудач, коим оно силой вещей могло быть подвергнуто. И действительно эти опасения частью оправдались событиями 1838 года. Когда из-за пределов России внесен был в западные губернии преступный и долго обдуманый замысел горсти отчаянных врагов порядка, когда всеобщее воспламенение умов овладело едва ли не всеми сопредельными губерниями, одна искра этого огня была заброшена и в возникающий университет⁸⁰⁸. Это печальное событие, побудившее правительство приостановить временно деятельность университета, не менее того представило тогда же Вашему Величеству неоспоримое доказательство, сколь метко и безошибочно было Вами обдуманно и министерством приведено в действие предприятие врачевать дух возрастающего в тех губерниях поколения, и тем положить решительную преграду между сим поколением и предшествующими.

Цель заговорщиков. Захваченные у *Конарского*⁸⁰⁹ бумаги вполне обнаружили, что все почти усилия революционного духа были устремлены на новые учебные заведения наши. «Пока народ дышит, есть жизнь, — писал князь Чарторыйский⁸¹⁰ к эмиссарам от 20 июня 1836 года, — можно ручаться за стечение благоприятных обстоятельств; но когда жизнь народа оцепенеет, то напрасно будут представляться оные: к бездыханному телу никто не прострет руки. Это весьма хорошо понимают наши враги и потому завели жаркую борьбу против краеугольного начала нашей гражданской жизни; не столь-

* Всеподданнейший доклад 23 сентября 1838 года.

ко было опасения о жизни народа, когда русские сражались с мечом в руках. Матери должны вливать в сердца детей это чувство вместе с чувством любви к отечеству и к отечественному языку, к искоренению коего стремятся наши притеснители»*.

Но буря, грозившая ниспровергнуть в западном крае все начинания правительства касательно публичного воспитания, встретила дремлющими исполнителей Монаршей воли. К счастью, она пронеслась мимо учебных заведений в Литве, в Белорусских и южных губерниях, где число воспитанников простиралось от 15 000 до 20 000. В университете Св. Владимира несколько незрелых юношей, зараженных извне политическими мечтаниями родителей и их сообщников, сделались жертвами этого отчаянного покушения революционного духа. Некоторые из сих студентов подверглись наказанию, от коего, впоследствии, многие получили помилование от щедрот Вашего Величества; это событие служило поводом к некоторому изменению в плане университета и в лицах, к оному принадлежащих. Указом 9 января 1839 г. повелено приостановить чтение лекций в университете. По совершении надлежащих перемен в уставе университета и вследствие удостоверения и ходатайства главного местного начальства, 26 апреля того же года было разрешено восстановить чтение лекций с 3 сентября.

Принятие мер по университету Св. Владимира. Временные замешательства, обнаружившие сокровитное направление умов, послужили министерству народного просвещения побуждением усугубить наблюдение свое за общественным воспитанием в том крае. Почерпая в современных обстоятельствах назидания и указания для дальнейших своих действий, оно увидело необходимость сделать новый шаг для того, чтобы еще решительнее и резче отделить поколение взрослое, вышедшее уже за черту его влияния, от юного возраста, который министерство стремилось усвоить правительству и охранительному действию его распоряжений. Положением особого Комитета, высочайше утвержденным (23 апреля 1840 года) дано постоянное образование закрытым учебным заведениям, в которых значительное число

* В инструкции, князем Чарторыйским же данной, в коей он упрекает жителей литовских губерний в том, что они далеко отстали в патриотизме от галицийян, мазуров и жителей Царства Польского, строго предписывается собирать подобные сведения о состоянии училищ, ныне открытых, об образе мыслей учеников и учителей, о языке, на котором преподаются учебные предметы, о духе, в коем действует это преподавание, о закрытых правительством училищах и т. п.

детей достаточного класса уже ограждается непрерывным наблюдением учебного начальства от внешних неблагоприятных влияний⁸¹¹. Министерство распространило это наблюдение и на вольноприходящих воспитанников учебных заведений. Живя дотоле в частных домах, у людей большей частью бедного сословия, которые ни своими понятиями, ни мыслями, ни образом жизни не могли служить примером для детского возраста, ученики гимназий и уездных училищ все внеклассное время оставались без надзора и под влиянием, всегда невыгодным для нравственного их усовершенствования. Министерство учредило для них общие квартиры, под присмотром особых надзирательей. Заведения эти, разделенные на несколько разрядов, устроены по образцу благородных пансионов и учреждаются при всех гимназиях и уездных училищах западных губерний, где только окажется возможность, и уже 1-я и 2-я Киевские, Каменец-Подольская, Житомирская, Ровенская, Винницкая и Немировская гимназии, Меджибожское и Златопольское дворянские уездные училища пользуются ими. По Белорусскому учебному округу также приступлено к учреждению сих заведений на том же основании, на каком они устроены в Киевском. Везде принимаются они большинством жителей с готовностью и убеждением в несомненной пользе, и министерство считает себя вправе ожидать самых благоприятных последствий от этой меры, соединяющей материальные выгоды с нравственной пользой воспитывающегося юношества. Ежели местные обстоятельства не везде, может быть, и не вскоре приведут правительство к желаемой цели, по крайней мере, оно значительно приблизится к оной.

Женское воспитание. Министерство не оставило без внимания и женское воспитание в западных губерниях. Преобразование его встречало преграды особого рода: с давних пор жители того края привыкли видеть образование своих дочерей в руках некоторых женских монашеских орденов, которые в этом занятии полагали исполнение церковного обета и способы к существованию. Нелегко было преодолеть вместе и народные предубеждения, и чувство религиозное. По самому свойству вещей это дело могло совершаться медленно и трудно. Надеяться на успех можно было не прежде, как когда жители края удостоверятся собственным наблюдением в превосходстве заведений, учрежденных правительством, и в строгости нравственного в них надзора за воспитанием девиц. При всех сих затруднениях, заведения министерства наполнились вскоре воспитанницами

и быстро достигли замечательного процветания; благородный институт в Белостоке занял первую степень между учреждениями этого рода. Затем последовали такие же институты в Киеве и близ Могилева (на даче Пипенберг), и целый ряд образцовых частных пансионатов в Витебске, Полоцке, Минске, Гродно и Вильне. Подобные же пансионаты возникают в Житомире, Виннице, Каменец-Подольске и проч. Во всех частных девичьих пансионатах введено — и введено с успехом, превзойшедшим ожидания, — преподавание русского языка. Содержимые при римско-католических девичьих монастырях пансионаты, ныне уже упраздненные, подчинены были гражданскому училищному начальству.

Виленская медико-хирургическая академия. В начале 1840 года подчинена министерству народного просвещения существовавшая в Вильне Медико-хирургическая академия. Не принадлежа к учебной системе вверенного мне министерства, она не могла в том виде, в каком поступила в ведомство учебного начальства, быть слита с прочими заведениями того края и общим их устройством. Министерство видело себя принужденным немедленно уничтожить это заведение, которое хотели сделать последним убежищем ложного патриотизма. Мера эта связана с общим преобразованием медицинского обучения, о котором с большей подробностью я буду говорить в своем месте; здесь ограничусь замечанием, что Медико-хирургическую академию заменил вновь образованный медицинский факультет при университете Св. Владимира, который, когда достигнет своего окончательного и полного развития и станет на степень, ему принадлежащую, несомненно будет иметь столько же сильное, сколько благотворное влияние на умственное образование всего западного края.

Общие выводы. В этом быстром обзоре деятельности министерства народного просвещения при учреждении в западных губерниях учебной системы в видах правительства и в духе умственного примирения двух враждебных стихий, помещены только главные действия и выведены одни общие результаты. В архивах министерства сосредоточены: переписка, документы, материальная разработка этого обширного предприятия. Высшие соображения, разум избранных мер изложены частью в моих всеподданнейших докладных записках, частью почерпнуты из бесед моих с Вашим Величеством. В этом запасе фактов и наблюдений найдется довольно доказательств, встреченных министерством затруднений и противодействий, необходимости идти, так сказать, *средним путем* между двух крайних

мнений, равно односторонних и опасных; принуждений согласоваться с обстоятельствами, иногда с людьми, уступая во всем, что не относится до самого начала; то изменять собственные соображения, то упорствовать в охранении избранных мер. Там же изображена в опытах непрерывных обязанность — в деле новом и трудном искать новых и понятливых орудий. Смею думать, что окончательным выводом из беспристрастного уважения всего вышеизложенного будет ясное убеждение, что под неусыпным наблюдением Вашего Величества и при помощи Божьей, всегда осеняющей Россию, вопрос о народном воспитании в губерниях, от Польши возвращенных, решен в видах государственной пользы.

Ксемуосмеливаюсь прибавить, что основания, Вашим Величеством с таким трудом положенные, должны ежедневно утверждаться, если только министерство и впредь будет руководствоваться теми же началами. Тут, как и в некоторых других отвлеченных вопросах, обязанность министерства народного просвещения состояла в том, чтобы идти в главе других частей высшей администрации, прокладывать путь для прочих, совершать для их наблюдений первые опыты над собой и тем облегчать прочим ветвям правительства постепенное их развитие и дружное приближение каждой к общей цели.

По прошествии 10-ти лет, Ваше Величество имеете от Днепра до Немана полный ряд заведений для воспитания туземного юношества, кои общественным мнением причисляются к лучшим европейским училищам, хотя они и ожидают еще разных усовершенствований и нуждаются в особом наблюдении. В сих училищах, с твердостью, но без угроз и без преследования, не выказывая даже без нужды направления, им данного, образование молодого поколения обеспечено, сколько дано человеческому уму предусмотреть будущее. Язык русский, этот великий двигатель русской народности, получил в том крае неоспоримое первенство. Там, где его звуки, за десять лет, были чужды и ненавистны, он изучается с любовью, с радушием, с успехами необыкновенными. Из рук духовенства, закоснелого в политических заблуждениях, воспитание невидимо, нечувствительно перешло в руки наставников, избираемых правительством и действующих по его указаниям; даже частное воспитание почти исчезло от того только, что вновь учрежденные училища лучше прежних, и что воспитание, в оных получаемое, превосходит воспитание детей в кругу домашнем. Неоцененным для меня выводом служит убеждение, что этот

огромный перелом в мыслях, обычаях, чувствах, может быть, еще не окончательно довершенный, не требовал в пределах министерства народного просвещения, ни одной жертвы; что если в роковую минуту пострадало несколько юношей, то никакое подозрение не пало на наставников, под руководством министерства действующих, и что последние плевелы уже исторгнуты из почвы, столь долго для нас неприступной. Наконец, доверие самых жителей того края, кои незадолго пред сим возмущались одной мыслью видеть своих детей и судьбу грядущего поколения зависящими прямо от правительства, это доверие дошло до того, что западные губернии считают ныне учебные заведения, вновь правительством учрежденные, лучшим достоянием того края и вернейшим залогом отеческих забот Вашего Величества. Нельзя не прибавить, что в этом примиренном доверии общего духа к нашим учреждениям, находится и главное ручательство дальнейших успехов по сей части.

Обязан будучи обозначать в быстрых чертах высшие политические виды преобразования учебной системы в западных губерниях, я не мог вместить тут же материальные выводы о числе преобразованных и вновь учрежденных заведений, о числе воспитываемых, о зданиях, учебных пособиях и т. п. Ваше Величество изволите найти все эти данные под особой рубрикой, посвященной статистике министерства, в сравнительном его положении.

В. По остзейским губерниям

Общий взгляд. Постоянно направляя все ветви учебного ведомства к единству и стройности системы общей, министерство, однако, соразмеряло свои действия с местными, и так сказать, историческими особенностями государства и его жителей, разноплеменных, удаленных друг от друга и происхождением и степенями образованности. Всегда и везде цель его была одна: водворение образования отечественного, соответственного потребностям нашего века, образования самобытного и русского по превосходству; но условия и способы к достижению этой цели разнообразились обстоятельствами и положением вещей; от них зависели и самый успех и быстрота его.

В западном крае, где ошибки прежнего времени и самая сила вещей требовали изменений безотлагательных, меры министерства были обширны и решительны. В другой части государства, которая

также представляла свою особенную, отличную от прочего состава его, физиономию, в губерниях остзейских, учебная система, по необходимости, должна была принять ход совершенно отличный от соседственных губерний бывшей Литвы. В сих последних политические обстоятельства дали все средства действовать верно, смело, и с самого начала открыть план правительства во всем его объеме, объявив, что русский язык признается единственным языком публичного воспитания, и что все предметы будут на оном преподаваться.

Различие немецких губерний от польских. В немецких губерниях⁸¹², напротив, необходима большая осмотрительность, некоторое даже снисхождение к предрассудкам, вкоренившимся с давних лет в том крае. В губерниях, от Польши возвращенных, мы видим пред собой племя, неоднократно покоренное силой меча, племя, которое в недавних еще случаях не сохранило святости присяги и нарушило свои верноподданнические обязанности. Всякое изъяснение власти, когда оно сопровождается некоторым вниманием к настоящему благу края, является этому племени не только естественным последствием хода вещей, но еще знаком великодушия. Победители, которые взамен вероломства, несут с собой моральное усовершенствование грядущих поколений и предписывают побежденным иметь попечение о судьбе своих детей и об их нравственном и умственном обогащении, — такие победители могут беспрепятственно оглашать свою волю, и эта воля, с некоторой твердостью и умением, обращается в действие и быстро осуществляется на деле.

Прежнее влияние немецких губерний на государственное управление. Но там, где политическая верность сопутствует политическим предрассудкам, где чувство преданности законному государю большей частью покрывает, так сказать, странности обветшалых понятий; там, где врожденная недоверчивость, пополам с природной гордостью и расчетливостью, ищет и находит в нашей истории несколько поводов думать, что просвещением и талантами жители Балтийских городов, некогда превышая нас, имели прямое влияние на судьбу Империи — там вопрос принимает совершенно другой оборот. Истинное и главное заблуждение немецких губерний состоит в том, что они до сих пор не постигают, *что Россия возмужала*; они видели в пеленах наш государственный быт; весьма часто были призваны в пестуны к его колыбели и в свидетели всех недоумений, всех ошибок, всех колебаний нашего внутреннего образования. В течение

прошедшего и вначале настоящего столетий, влияние этих губерний видимо отражается на каждой странице нашей политической истории. Нет сомнения, что эта горсть людей другого происхождения, но людей умных, предприимчивых, образованных, много способствовала к нашему развитию, не щадя, впрочем, в иных случаях, ни крови, ни чести России. В общем смысле, их государственные люди расширили пределы Империи; их воины проливали кровь за Дом Романовых; их художники и ученые сообщали нам сведения о европейском образовании⁸¹³. Все это неоспоримо и все это заслуживает нашу признательность; но тем и оканчивается всякое справедливое с их стороны притязание на наше уважение, всякое чистосердечное сочувствие между ими и нами. Оттого что они угнетали Россию императрицы Анны⁸¹⁴; оттого что они вблизи видели Россию Елизаветы⁸¹⁵ и Екатерины II, они упорно заключают, что Россия тот же младенец, к охранению коего и они платили дань усердия, не всегда беспристрастного, не всегда бескорыстного. Словом, — *они не постигают России Николая I*; и этот обман почти оптический, эта суеверная неподвижность в понятиях, это тайное отрицание всего существующего теперь у нас, этот холодный, мелкий дух протестантизма в приложении к делам государственным — вот что отличает и некоторым образом отталкивает от нас это поколение людей одаренных душевными доблестями и некоторым прямодушием; но то же самое отталкивает их и от Европы, или лучше сказать, от Германии, из которой они выводят беспрестанно свое прямое происхождение.

Отношение остзейских губерний к Германии и России. С одной стороны, Германия изменилась, с другой, Россия возмужала. Тщетно дух остзейских губерний считает себя представителем немецкого просвещения в России; мы это просвещение понимаем и ценим вернее их. Тщетно ищут они отголоска в Германии, где все столь же быстро изменилось, сколько и у нас. В чистосердечном с ними совещании, в благонамеренных беседах наедине, можно довольно легко достичь этого сознания; можно даже найти в них нераскрытое убеждение, что собственное их благо требует ныне, чтоб они ближе и теснее слились с Россией, по крайней мере, духом и связями общего образования; но все это для них еще сомнительно, еще темно; они, без сомнения, преданы государям, но умственное равенство едва ли соглашаются признать в русских, коих видели в возрастах столь различных, не всегда достойных уважения и коих они целое столетие снабжали своими административными идеями,

своими формами и преданиями. Оттого-то и самое знакомство с русским языком им столь тягостно; для того только и медлят они решиться на изучение оногo. Здравый рассудок давно уверяет их, что вместе с Россией выросли и возмужали язык и словесность отечественные; они это чувствуют, знают; даже тому радуются; но надменность и природная упругость заставляет их как будто бороться, в сем отношении, против распоряжений правительства. Мысль, что их мнимая национальность есть национальность *германская*, сильно укоренилась между ними, и хотя эта мысль не имеет ныне, поистине, никакого значения, но и теперь нельзя и не нужно открыто спорить с ней. Пусть добрые жители Балтийских берегов мечтают, что они германцы *Арминия*⁸¹⁶ или *Карла Великого*⁸¹⁷: эта мечта не вредит ходу и успеху наших мер. Если б содействие местных начальств в смысле правительства с совершенным сознанием нашего направления равнялось с хорошим намерением главнейших учебных начальств, то юношество в тех местах было бы давно, все без исключения, в руках правительства. И теперь, не останавливаясь сказать, юношество, очевидно, склонилось к нашим началам и сближается с нашим образом мыслей. Но и тут встречается опять резкая черта различия между жителями литовских и немецких губерний: там, невзирая на все неприязненное и ненавистное, одна и та же живость славянской крови, та же быстрота в понятиях, та же раздражительность в соображении; там можно уловить толпу, не знаю надолго ли, одним ловким движением, несколькими заветными словами; немцев налету схватить невозможно; против них надобно вести, так сказать, осаду. Они сдадутся, но не вдруг*.

Таков был мой отзыв, когда, осмотрев положение учебных заведений в прибалтийских губерниях, я доносил Вашему Величеству о своих наблюдениях; но сверх тех затруднений, о коих упоминается выше, надобно для полного обзора действий правительства присоединить к этой картине несколько важных обстоятельств.

Два рода неустройств. В губерниях остзейских, кроме провинциального духа, имеющего свои резкие черты, являются еще два замечательные источника внутренних несогласий: разъединение церкви на чистых *протестантов* и *пиетистов*⁸¹⁸, и противоборство среднего и низшего классов с туземным дворянством. Эти две язвы живо обнаружались в недавних событиях; здесь было бы неуместно входить в исследование оных. Между тем, это положение вещей имело и продол-

* Всеподданнейший доклад 9 октября 1838.

жает иметь столь тесную связь с распоряжениями Министерства народного просвещения, что нельзя умолчать о сих обстоятельствах.

Неустройство политическое. Первое основано на отношении, в коем состоит *дворянство* тех губерний к прочим состояниям. Это отношение неприязненно: дворянство, усиливаясь удержать за собой несколько прав, обветшалых и притеснительных, исключительно ему приносящих некоторые выгоды, вооружило против себя и *низший класс*, бедствующий — в полном смысле слова, и *средний*, притянувший между тем к себе большую часть богатства, познаний и промышленности того края. Эти привилегии, проистекающие первоначально из прав рыцарства германского, уничтожены везде в Германии и без сомнения не существовали бы уже давно, если б остзейские губернии, вместо русской державы, были подвластны, например, прусскому правительству. Здесь не предстоит нужды входить в рассмотрение сих прав; скажем только, что эти привилегии противоречат нынешнему положению дворянства в Германии и не согласны с духом русского законодательства⁸¹⁹. Сверх того должно заметить, что эти привилегии далее тесного круга, пользующегося ими малочисленного сословия, возбуждают ненависть во всех прочих состояниях. Из сего довольно сложного положения происходит, что тамошнее дворянство считает себя обязанным защищать свои так называемые права:

- 1) от влияния иностранных соседних понятий,
- 2) от влияния русских начал и русского духа, — и наконец —
- 3) от противодействий всех средних и низших сословий, составляющих большинство жителей в губерниях остзейских.

Неустройство религиозное. Второе начало несогласия в порядке религиозном состоит в шатком положении протестантской церкви и в быстром распространении некоторых религиозных сект, из коих сильнейшая и деятельнейшая является под именем *Моравских братьев*. В иных государствах, именно у нас, отношение господствующей церкви к расколам разрешается, по крайней мере, в теории, весьма ясно: ибо, имея в виду твердый состав церкви, можно заключить, что всякое от нее явное отступление составляет раскол; в протестантизме это наоборот: там церковь не вмещает в себе правоверия протестантского, ибо главное протестантское начало: «*что каждый судит по совести о предметах верования своего*» поставляет церковь как будто в вечное брожение. Тщетно искала бы она себе якоря посреди этого бесконечного волнения; этот якорь переломлен в первый день плаванья.

Нельзя не признать, что дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. *Рационализм*, т. е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый разряд сект, испуганных заблуждением протестантского духовенства, и которые, по естественному порядку вещей, бросились в противоположную крайность. Из общего отрицания, или, по крайней мере, из сомнения всеобщего, умы искали убежища и успокоения в таинственной недоступности *мистицизма*, иногда довольно чувственного и грубого. Моравские братья, как и все прочие отщепенцы, провозглашают себя восстановителями протестантской веры, и нет сомнения, что во многих отношениях их образ мыслей ближе подходит к христианским догматам. С другой стороны, хотя не вся евангелическая церковь была причастна заблуждениям рационализма, но вся она понесла наказание за оный; и это пятно, как будто неизгладимое, обессилив церковь, лишает оную всех средств справедливой обороны. В этом странном положении трудно правительству найти опору для своих соображений. Правоверие протестантское, поистине, не существует нигде. Обязанность правительства защищать господствующую церковь может принять свое действие там, где церковь сама защищает себя. Здесь, напротив, две крайности: истощенная церковь, которая не считает себя даже за правоверную, в своем смысле, и фанатические секты, которые стремятся занять ее место. Определить между ними *справедливую середину* — есть ближайшее понятие, особенно для правительства, не принадлежащего ни к той, ни к другой стороне; но этот опыт оказывается тщетным. По мере, как Моравские братья там усиливаются, ослабевают протестантская *официальная* церковь. В одной партии заметно фанатическое стремление к обладанию умами; в другой вялость, охлаждение, и как будто собственное предчувствие своего близкого падения.

Православие. К сим двум началам присоединилось с некоторых пор новое, не вполне разгаданное явление: сильное влечение простого народа к православию русскому. Это неоспоримое влечение, несомненное для беспристрастных, родилось, вероятно, более от глубокого чувства неудовольствия к существующему порядку, чем от убеждения в превосходстве церкви, которая известна туземному простолудию единственно по внешним обрядам; во всяком случае, это факт важный, многосторонний, последствия коего неисчислимы. Смотри на оный только с гражданской стороны, открывается, что

низшее и большей частью *среднее сословия*, побуждаясь различными видами, расположены ближе соединиться с государством, войти в теснейший союз с нашей верой, с нашими понятиями, нашим бытом; тогда как *высшее сословие* упорствует в своем разъединении и опасается умственного движения, могущего увлечь за собой тщетные преграды и бессильную оппозицию.

Посреди сего волнения умов, колеблемых предрассудками разного рода и большей частью еще не пришедших к сознанию своих собственных выгод, надлежало соорудить новое и прочное здание общественного воспитания.

Действия министерства. В двукратный личный мой осмотр Дерптского университета и других заведений Дерптского округа, узнав и поверив на месте положение учебной части в остзейских губерниях и существенные потребности их, я принял эти опыты и наблюдения в постоянное руководство в дальнейших действиях министерства, мне высочайше вверенного. При всех затруднениях, которые представлялись тут для успешности новых распоряжений, последствия их увенчали труды министерства замечательным успехом. Не исчисляя в подробности всех событий по Дерптскому учебному округу, я ограничусь взглядом на принятые меры в двух отношениях. Во-первых, в отношении к устранению некоторых застарелых предрассудков края, которые были издавна источником разного рода беспорядков в учебных заведениях и в особенности в университете Дерптском, и, во-вторых, к сближению тамошней учебной системы с общим образованием в Империи и к распространению русского языка и словесности отечественной.

Преобразование Дерптского университета. С самого начала, для водворения порядка между учащимися в Дерптском университете, составлены были высочайше утвержденные правила (в 1834 г.), которыми сокращены излишние права университета и течение судебных дел приведено ближе к общему устройству; определены с точностью обязанности студентов и отношения их к университетскому начальству и к профессорам, и мера их ответственности за нарушение благочиния и общественной тишины. Правила сии поверены предварительно трехлетними опытами и потом уже, дополненные и измененные, окончательно удостоены в 1838 г. высочайшего утверждения и приведены в действие. Для прекращения поединков между студентами Дерптского университета (28 июня 1837) подчинены военному суду

при Рижском ордонанс-гаузе⁸²⁰ все, которые окажутся виновными в сих проступках. Производству исследований по оным положены в основание общие российские, а не местные лифляндские узаконения. Тайные поводы и как бы приготовления к оным предупреждены уничтожением между воспитанниками дерптских гимназий собраний для упражнения в фехтовании и запрещением жителям города Дерпта открывать у себя партикулярные для того залы, без дозволения учебного начальства. Этими мерами, строгими и решительными, пресеклись прежние своевольство и буйства студентов, и хотя перелом не обошелся без некоторого противодействия, которое, может быть, еще таится, но уже ослабленное и бесплодное, — однако дерптская молодежь вообще подчинила себя требованиям дисциплины и доброго порядка. Не видать столпления праздных юношей, не слышать их шумных песен и криков; все тихо, благопристойно. Нельзя сказать, чтоб в числе 600 студентов не было шалостей, или даже иногда тайного разгула; по крайней мере, безнравственность не торжествует, и общее спокойствие не нарушается.

Преобразование прочих учебных заведений. Преобразование учебных заведений Дерптского округа и сближение их с русскими училищами равномерно подвинулось вперед значительно. В Дерпте учреждено русское начальное училище для детей тамошних обывателей русского происхождения; такие же заведения возникли потом в Якобштате, для детей русского и польского происхождения, и в Митаве. При первом осмотре учебных заведений Дерптского округа, заметив недостаток преподавания закона Божия православного исповедания для обучающегося в оных русского юношества, я испросил высочайшее повеление о назначении для тамошнего университета и других учебных заведений православных законоучителей. Обучение русскому языку начинается с низших училищ, и постепенно переходя в гимназии, достигает до университета. Не ограничиваясь учителями собственно для этого предмета, определяются учителя и для других наук из русских, преимущественно из воспитанников Главного Педагогического института, и по мере того вводится постепенно преподавание на русском языке. Для определения учителем в гимназию или в училище постановлено условием способность преподавать свой предмет по-русски; мало-помалу вводится и производство училищных дел на русском языке. Способы к его изучению в 1839 году еще более усилены назначением вновь учителей дополнительных классов в гимназиях округа, в Ревельском, Домском и в некоторых

уездных училищах, с определением достаточной суммы на приобретение учебных пособий по части русского языка. В следующем году, к 10 воспитанникам начальной учительской семинарии в Дерпте присоединены еще 4, предназначенные в учителя русского языка, с тем, чтобы по окончании курса семинарского, они поступали на два года в Главный Педагогический институт для окончательного образования. При сей семинарии определен особый учитель русского языка. Эстляндское дворянство учредило на свой счет стипендию для приготовления в Дерптском и потом в одном из Великороссийских университетов, в учителя русского языка, одного из воспитанников Домского дворянского училища в Ревеле. Для неослабного наблюдения за введением и исполнением мер, принимаемых правительством, и для направления учебных заведений к цели, оным указываемой, Министерство народного просвещения приняло за правило впредь на свободные места директоров гимназий, их помощников и начальников училищ определять чиновников, преимущественно из русских, с исключением только в пользу тех уроженцев остзейских губерний, которые, при требуемых для того качествах, и способностях, хорошо знают русский язык.

Истекут еще три года, и все вступающие в учебные заведения Дерптского округа и все приобретающие в университете ученые степени будут уже являться к сему необходимыми отныне и в достаточной степени приобретенными познаниями в русском языке.

Русский язык. Будучи, по утвержденному мной плану университетского учения, во всех факультетах необходимым предметом занятий всех учащихся, русский язык изучается ими с любовью и прилежанием. Уже и ныне он составляет не преходящую только необходимость для полноты курса, но предмет изучения добровольного и основательного. Несколько лет тому назад, по приглашению профессора русской словесности, студенты университета составили, по лучшим иностранным источникам, курс древней истории на русском языке, который печатается и вскоре появится в свет. В конце прошлого года философский факультет предложил на разрешение один из самых трудных грамматических вопросов русского языка, и задача эта, на которую доселе не находили удовлетворительного ответа и в лучших грамматиках отечественного слова, решена с необыкновенной отчетливостью и с основательным знанием предмета, двумя студентами Дерптского университета.

Процветание университета и училищ. Попечения о распространении русского образования, которое министерство считало одной из существенных потребностей остзейских губерний и своей неотклонимой обязанностью, не ограничивали его действий исключительно и односторонне. Это была та часть его трудов, которая представляла наиболее затруднений, препятствий и борьбы. Как древние строители Иерусалима, оно принуждено было, созидавая одной рукой, отражать другой нападения врагов. Но министерство не отделяло сих трудов от постоянной заботливости о возведении всей учебной части вообще на высшую степень развития и возможного совершенства. Прежняя затруднительность внутреннего управления или устранена изъятием гимназий и других училищ от непосредственного влияния университета и поручением их заведыванию попечителя, по примеру русских средних учебных заведений. С сею целью распространено на Дерптский учебный округ высочайше утвержденное в 1835 году Положение об учебных округах Великороссийских, и упразднена состоявшая при университете училищная комиссия, взамен которой придан попечителю особый совет. Учреждением при гимназиях почетных попечителей по выбору дворянства призвано сие последнее к участию и содействию в пользах и материальном состоянии этих заведений. Все гимназии Дерптского учебного округа, более или менее, преобразованы в важнейших частях своих; во всех введен новый учебный план, исправленный по назиданиям опытов нескольких лет. По требованиям местных обстоятельств допущены в курсах необходимые изменения. С возрастанием наружного благочиния в университете Дерптском возросло и его благоденствие: число студентов постепенно умножается; отличные профессора, вызванные из чужих краев, приняли охотно сделанное им предложение и с честью занимают свои кафедры. В прошлом году высочайше утвержденным дополнительным штатом Дерптского университета расширен до той полноты, какой только можно желать, объем факультетов: медицинского, философского и юридического. Щедрость истинно царская Вашего Императорского Величества поставила его в ряд первых учреждений в этом роде, с которым не многие из существующих в Германии могут сравниться. Самые упорные противники министерства народного просвещения в Остзейских губерниях невольно принуждены сознаться, что настоящее устройство и процветание учебных заведений в том крае не допускают никакого сравнения с положением их в прежнее время.

С. По Царству Польскому

Присоединение учебной части в Царстве к ведомству Министерства народного просвещения. Высочайшим указом 20-го ноября 1839 года повелено: из находящихся в Царстве Польском учебных и ученых заведений образовать Варшавский округ и причислить оный к Министерству народного просвещения на главных началах, в Империи по сей части существующих.

Взгляд на положение оной. Беглый взгляд на прежний ход народного образования в Царстве покажет, что министерство могло ожидать найти там и какие предстояли ему обязанности.

Не подлежит сомнению, что одна из коренных причин всех неустойчивостей в Польше находилась и находится в небрежении отечественного воспитания. Долго *иезуиты*⁸²¹ заведывали всеми училищами в духе одностороннем и пристрастном, но с умением и не без успеха. Когда *тиары*⁸²², под влиянием новых идей, сменили иезуитов и когда *Игнатий Потоцкий*⁸²³ с *аббатом Колонтаем*⁸²⁴ внесли в эти училища зародыш вольнодумства религиозного и политического, то старое, во многом еще твердое, рушилось и ничем не было заменено. Король Станислав Август⁸²⁵, постигая этот вред, по совету своего брата, при-маса королевства⁸²⁶, учредил в 1773 г. комиссию народного просвещения. Эта комиссия начертала превосходный план, который, на беду Польши, остался без исполнения⁸²⁷. В таких обстоятельствах настигнули Польшу сперва французская, потом польская революции⁸²⁸; с 1794 до 1815 года переходила она из рук в руки, посреди различных происшествий, беспокойных и бурных, не являвших возможности твердого основания⁸²⁹. С 1815 до 1820 года училищная часть в Царстве была поручена *Станиславу Потоцкому*⁸³⁰, известному главе всех тайных обществ и представителю всех разрушительных политических понятий в том крае. Потоцкий был сменен *Станиславом Грабовским*⁸³¹, но и этот промежуток времени не означен действиями успешными. В событиях 1830 года вновь учрежденный Варшавский университет нашел и должен был найти свой конец⁸³². Впоследствии при всех усилиях благонамеренного начальства училища не соответствовали, должно сказать, ни потребностям края, ни обеспечению правительства.

Приступ к делу. При исполнении Высочайшей воли, на меня возложенной, три главных предмета обратили на себя внимание министерства:

Управление округом.

Устройство общих учебных заведений.

Частное домашнее воспитание.

Для управления округом назначен попечитель, учреждено при департаменте народного просвещения особое отделение (18 декабря 1839 года), издано положение о Варшавском округе, определяющее права и пределы власти: попечителя, совета народного просвещения и правления округа (19 июня 1840), и, наконец, составлено новое, внутреннее образование совета, соответствующее порядку делопроизводства в Империи (1840 марта 31). Учебная система Царства требовала коренного преобразования. Объем наук в уездных училищах не соответствовал цели оных; в гимназиях общее филологическое образование смешано было с учением специальным, техническим; для высшего образования учреждены были дополнительные курсы с экзаменационным комитетом, заменявшие некоторым образом упраздненный Варшавский университет и снабжение учителями и наставниками общие и частные заведения Царства.

Распоряжения. Для устранения сих неудобств, и с целью устройства учебной системы, в виде приговорительного перехода в русские университеты, изданы:

Устав гимназий, уездных и первоначальных училищ Варшавского округа, применительно к уставу учебных заведений Империи, с допущением только самых необходимых, по местным обстоятельствам, изменений (31 августа 1840).

Положение о реальной гимназии, сосредотачивающей обучение технических предметов, для доставления детям среднего сословия средств приобретать познания в практическом приложении наук к ремеслам и промышленности (28 ноября 1840).

Положение о педагогических курсах, ограничивающее прежние дополнительные курсы повторением гимназических наук и практическим педагогическим усовершенствованием учителей для уездных училищ и соответствующих оным частных учебных заведений (2 апреля 1840).

Для точного определения в сих заведениях как объема наук, так и направления, коему обучение должно следовать, утверждены министерством программы и инструкции для гимназий и уездных училищ (2 марта 1842) и для педагогических курсов (31 ноября 1842).

В учебных заведениях обновлен состав преподавателей; причем только отличнейшие и благонадежнейшие оставлены на своих

местах, а несколько начальников заменены людьми способнейшими (распоряжение в бытность в Варшаве).

Озабочиваясь приисканием способов к теснейшему соединению учебных заведений того и другого края, равно как и к облегчению воспитанникам Царства перехода в университеты Империи, министерство приняло следующие меры: 1) Вслед за изданием устава учебных заведений округа предложено составить в Варшаве особый комитет для рассмотрения, какие из учебных книг Империи могут быть введены в учебные заведения Царства без изменений, и какие с переменами по недостаточному знанию русского языка учениками низших классов, с тем чтобы последняя мера была только временная, впредь до открытия возможности усвоить тем заведениям все учебные книги Империи; вследствие чего некоторые учебные русские книги введены уже в употребление, а иные вводятся постепенно (14 ноября 1841). 2) Усилено преподавание славянского языка с распоряжением: а) чтобы впредь учителями русского языка в гимназии и уездные училища определять только таких кандидатов, которые могут обучать с пользой и славянскому языку, и б) вменено в непрременную обязанность пансионерам Царства, обучающимся в университетах Империи, слушать лекции славянского языка и подвергаться в сем предмете испытанию (18 января 1841). 3) Предписано наблюдать неукоснительно за успехами в русском языке пансионеров Царства, воспитывающихся в университетах Империи, подвергая их в сем случае особому строжайшему испытанию (16 января 1842 г.)*. С другой стороны, для ободрения пансионеров Царства, приготавлиющихся в сих университетах к учительскому званию, кроме общих прав университетских воспитанников, предоставлено еще тем из них, кои посещали дополнительные курсы в Варшаве, поступать, по испытании, во 2-й и даже 3-й курсы университета (14 марта 1840 г.), выпускаемых же из университетов с кандидатскими званиями, положено определять в гимназии Царства прямо на высшие оклады, или, в случае неимения вакансии, переводить на оные при первой возможности (26 ноября 1841 г.). Для отвращения недостатка в хороших учителях, согласно высочайшей воле, имеются всегда в запасе в Варшаве 5 русских сверхкомплектных учителей, отправляемых туда из Империи,

* Сим воспитанникам поставлено в обязанность преподавать учебные предметы в Царстве на русском языке.

по мере поступления прежних на учительские места; в гимназии же определяются учителями пансионеры царства, кончившие курс наук в университетах Империи. Из университетов выпущено доселе в учебные заведения царства 40 учителей и обучается в них еще 48. По истечении, в 1841 году, четырехлетнего срока, назначенного по Высочайшему повелению на присылку пансионеров в университеты Империи, для приготовления к учительскому званию, положено продолжать такое отправление по 15 воспитанников ежегодно еще на 4 года (15 июля 1842 г.).

Между тем, сообразно с местными потребностями Польского края, изданы еще другие для специальных заведений положения, а именно:

Для юридического образования юношества, при Варшавской губернской гимназии открыты юридические классы, из коих молодые люди, желающие приспособить себя к высшим судебным должностям, могут переходить в университеты Московский и С.-Петербургский, где для окончательного образования их, учреждены по две отдельные кафедры законов Царства. Положение о сем, составленное совместно с министром статс-секретарем Царства Польского, удостоилось Высочайшего утверждения 10-го (22-го) апреля 1840 года.

Для приготовления хороших хозяев и лесоводов, преобразован существовавший прежде Маримонтский институт сельского хозяйства и лесоводства (31-го августа 1840), для внутреннего управления коим по учебной и хозяйственной частям издано впоследствии особое наставление на один полный курс (5-го июня 1840 г.). В дополнение к сим преобразованиям необходимо было озаботиться доставлением округу важного учебного пособия — книг, как русских, так и иностранных языках, в чем замечен был ощутительный недостаток. Вследствие того, с высочайшего соизволения, отобрано из дублетов Публичной библиотеки по разным отраслям наук и литературы в 1840 году до 13 000 и в 1842 г. до 12 000 томов иностранных книг.

Не менее предметом забот министерства было преобразование частного и домашнего воспитания, которое оставалось без надлежащего надзора и не только находилось в руках людей, не подчиненных учебному ведомству, но по обширному объему наук в некоторых пансионах, делало излишним посещение казенных учебных заведений. Эти неудобства отстранены изданием положения о частных учебных заведениях, домашних наставниках и учителях в Царстве Польском (18-го января 1841 г.), основанного на точных началах узаконений, введенных по сей части в Империи.

Общее наблюдение за учебными заведениями Царства и осмотры возложены были на трех генеральных визитаторов училищ, которые оставлены и по новому положению о Варшавском округе при своих должностях. Но для руководства их при исполнении обязанностей не было постоянных правил. По распоряжению министерства, собраны все изданные по сей части в разное время постановления и по соображении с существующими правилами в Империи, составлен общий наказ визитаторам (в конце 1842 года).

Оставалось устроить важную часть народного просвещения — первоначальное обучение низших классов народа. С этой целью министерство обратило внимание на существующий в Ловиче институт первоначальных учителей, который, не имея ни определительного положения, ни даже приличного помещения и внутреннего устройства, не соответствовал своему назначению. Проект положения об институте уже утвержден.

В этом кратком начертании мер, приведенных к концу в Царстве Польском, в течение трех лет Ваше Величество изволите усмотреть главные основания начатого перерождения учебной части в Царстве. Сверх собственных наблюдений министерства, можно заключить из достоверных мнений посторонних лиц, что перемены, последовавшие по сей части в Царстве, удовлетворили желаниям благомыслящих, успокоили ожидания родителей, и в самом крае произвели вообще благоприятное впечатление. Я могу, по крайней мере, свидетельствовать, что в Царстве Польском министерство встретило менее противодействий, чем в иных частях Империи. Нет нужды исчислять здесь все затруднения, коими должно было сопровождаться исполнение Высочайшей воли, когда Ваше Величество рассудили за благо распространить на Царство Польское влияние Министерства народного просвещения и учебную систему, принятую в губерниях, от Польши возвращенных. Уже и оттого должны были удвоиться сии затруднения, что эту систему невозможно было приложить к Царству без некоторых значительных изменений. Так, например, по важному вопросу о способе введения русского языка, я, при самом вступлении моем в управление учебной частью в Царстве, доводил до сведения Вашего Величества (29 декабря 1839 г.), что по моему убеждению меры, которые дотоле принимались, мало соответствовали цели, потому что слишком резко и слишком преждевременно обнаруживали виды правительства. В политическом смысле, язык можно уподобить

оружию, которое должно нанести рану руке, неопытно им владеющей. В бывших польских и даже остзейских губерниях можно не запинаясь сказать *русским* подданным: *Учитесь по-русски*. В Царстве введение языка русского требует других условий. Самый ход публичного образования должен во многом представлять отличительные черты и разниться от мер, принятых в западных и остзейских губерниях. Чем определительнее мысль указа 20 ноября 1839 г., присоединившего учебную часть Царства к ведомству Министерства народного просвещения, тем осторожнее и беспристрастнее должны были быть первый приступ к делу и самый выбор пути. Этот путь лежит между двумя крайностями: между *ультра-русским*, понятным, но бесплодным и бесполезным чувством явного презрения к народу, имевшему доселе мало прав на наше сочувствие, и между *ультра-европейской* склонностью сделаться в глазах этого народа предметом его слепого энтузиазма. Тут, как и во всех почти действиях государственных, средняя стезя одна являла твердость и обеспечивала успехи.

Русский язык. Такой взгляд на эти предметы, удостоившись Высочайшего одобрения Вашего Императорского Величества, руководил министерство в его действиях в отношении к Царству: вместо притеснительного, безусловного повеления о введении русского языка, я старался, удовлетворяя справедливым требованиям местности, поселить в умах уважение к русскому образованию, доверие к видам правительства, и точное, хотя неявное, сознание добрых намерений министерства; эти распоряжения остались не без плодов; все публичные заведения, как прежде бывшие, так и вновь устроенные, сделали уже несколько значительных шагов вперед; и когда в герцогстве Познанском было провозглашено от имени прусского правительства, что оно дарует жителям право беспрепятственно заниматься обработыванием природного их языка и литературы⁸³³, отголосок этих слов не произвел действия в Царстве, ибо жители оного пользовались еще до возгласа прусского правительства выгодами, сопряженными с свободным употреблением того и другого наречия, и сами уже убеждены были в необходимости изучения русского языка, имеющего кроме политического значения, общий источник и близкое сродство с польским.

Допущение студентов Царства в русские университеты. Другое распоряжение министерства, повеленное Вашим Величеством, обратило на себя особое внимание и возбудило в иных благонамеренных между русскими некоторую степень опасения: я говорю об откры-

тии русских университетов студентам из Польского Царства. По упразднении университетов Варшавского и Виленского и при явной невозможности приступить к их возобновлению (по крайней мере, на несколько десятков лет), правительство не имело в руках другого средства, кроме допущения польских студентов к окончательному образованию в университетах Империи. Против сей меры нетрудно было возражать с разных сторон, указывать на опасности этого приобщения польской молодежи к русской, и в будущем предугадывать последствия неблагоприятные; но Ваше Величество, не смущаясь подобными мнениями и убедившись в том, что чем решительнее эта мера, тем ближе она может привести к желаемому слиянию двух противоположных доселе стихий, разрешили мне идти осмотрительно и твердо определенным путем*. К счастью, предвещенные опасения не сбываются; студенты, поступающие в наши университеты, как из западных губерний, так и из Царства, ведут себя благовидно, скромно; прилежно занимаются учением и не подают доселе никакого повода к сомнению; надзор за ними устроен бдительный и строгий; но вместе с этим не выказывается начальством никакого особого опасения насчет сих молодых людей. Успехи каждого из них по своей части уважаются преподавателями. Русский язык изучается ими в совершенстве. В заключение прибавлю, что лучшие из них, по мере окончания курсов, изъявляют наперерыв желание остаться в Империи, и единогласно предпочитают службу в оной службе в Царстве. Но, говоря о других побудительных причинах, достаточно указать на то, что, будучи воспитаны в ненависти и презрении к России, вид ее могущества, ее устройства, ее образования, непосредственно действует на умы юношества и поселяет в них нечувствительно какое-то уважение к ее первенству между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-помалу, переменить до корня все их понятия. Спешу прибавить, что это замечание относится до лучших; здесь, как и во всех других опытах государственных, теряется несколько *процентов*; счастливым можно назвать то правительство, которое обеспечивает *капитал*.

Д. Части, вновь поступившие в ведомство министерства

Одновременно с введением учебной части по Царству Польскому в ведомство министерства народного просвещения расширился

* Журнал Комитета по делам западных губерний 22 сентября 1842 года.

круг его занятий присоединением к оному некоторых учреждений, находившихся в управлении других ведомств. Я имел счастье изложить пред сим действия министерства по устройству учебной части в Царстве Польском; здесь я осмелюсь обратить внимание Вашего Императорского Величества на медицинскую часть, на близкие к ней — фармацевтическую и ветеринарную, и на образование евреев.

Новое устройство медицинского учения. 1840 год (27 апреля) ознаменован поступлением в ведомство министерства народного просвещения Московской и Виленской медико-хирургических академий⁸³⁴; причем состоялась Высочайшая воля о приведении в ближайшую связь и постепенное слияние Московской медико-хирургической академии с тамошним университетом и о присоединении Виленской, по преобразовании в медицинский факультет, к университету Св. Владимира.

Передавая в управление министра народного просвещения медико-хирургические академии Московскую и Виленскую, Ваше императорское Величество изволили указать необходимость дать целой медицинской учебной части направление, согласное с совершенным состоянием врачебных наук в Европе. При приведении в исполнение этой Высочайшей воли, Министерство народного просвещения встретило множество вопросов, разрешение которых могло быть поручено лишь лицам, занимающимся разнородными частями медицинских наук. На сей конец, с Высочайшего соизволения, учрежден при министерстве временный медицинский комитет, как ученое совещательное место, в котором обсуживаются разные вопросы, возникающие в министерстве по ученой и учебной медицинской части. Комитет, открыв свои заседания 8 февраля 1841 г., продолжает и ныне усердно заниматься, под руководством министерства и по его указаниям.

В 1841 году в учрежденном при университете Св. Владимира взамен Виленской медико-хирургической академии медицинском факультете, открыт первый медицинский курс.

Из числа мер, принятых по этой части в течение 1842 года, достойны внимания следующие:

Устройство медицинского факультета при университете Св. Владимира. Устройство этого факультета, вполне удовлетворяющее всем требованиям современного состояния врачебных наук,

вошло в состав Высочайше утвержденного, 9 июня, устава и штата университета Св. Владимира⁸³⁵.

Удостоившееся Высочайшего соизволения, 14 октября, предположение об учреждении при Московском университете образцового клинического заведения из трех отделений: терапевтического, хирургического и акушерского. Для помещения этой огромной клиники предназначается здание, занимаемое Московской медико-хирургической академией.

Расширение Дерптского медицинского факультета и образование при Дерптском университете фармацевтического института (Высочайше утверждено 19 октября).

Сверх того начертаны правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, зубных врачей и повивальных бабок и составлены положения о предоставлении врачам, фармацевтам и ветеринарам преимуществ гражданских и служебных. Этот труд с следующими к нему приложениями, окончательно рассмотренный и одобренный медицинским советом при Министерстве внутренних дел в непродолжительном времени получит дальнейший законный ход.

Наконец, изготовлен проект о преобразовании учебных ветеринарных заведений и всей вообще ветеринарной части в России.

1 августа истекшего года, упразднена Виленская медико-хирургическая академия, взамен которой учрежден медицинский факультет при университете Св. Владимира.

В Московской медико-хирургической академии закрыты 1-й и 2-й медицинские курсы, а в конце истекшего года упразднены находившиеся при ней ветеринарное и фармацевтическое отделения. Таким образом, и сия академия постепенно приближается к будущему ее значению, к слиянию с Московским университетом.

Образование евреев. От сих соображений я обращаюсь к действиям Министерства народного просвещения относительно преобразования евреев и их нравственного и гражданского возрождения. При общем порыве к образованности высшей, это стремление пробудилось в еврейском населении. Учреждение еврейского училища в Риге в 1839 году, вместе с некоторыми подобными заведениями в Одессе и Кишиневе, было первым шагом к водворению между евреями правильной системы обучения. Впоследствии открыты в Вильне и Гольдингене два частных еврейских училища; другие два

заведения предположены в Вильне. Мысль сделать евреев причастными благ просвещения издавна уже была источником различных мер, которые, однако, не приводили к желаемой цели, частью по недостатку общих постановлений о воспитании евреев, частью по неизвестности средств к учреждению еврейских учебных заведений в видах правительства. В январе 1841 г. начертаны министерством народного просвещения общие начала устройства училищ для еврейского юношества; по одобрению этих начал приступлено к составлению проекта устава для еврейских училищ. Между тем, по распоряжению моему, собраны на месте определительные сведения о настоящем положении евреев, о способах к образованию ныне ими употребляемых и представляющих верный источник для содержания предполагаемых правительством заведений. Высочайшим повелением, последовавшим в 22 день июня 1842 года, распространен надзор Министерства народного просвещения на все еврейские ученые и учебные заведения и учреждена здесь в Петербурге комиссия для положения главных оснований дальнейшим действиям по устройству образования евреев и начертания правил для всех занимающихся частным обучением еврейского юношества⁸³⁶. Необходимые для успешного выполнения сей Высочайшей воли данные собраны вторично в губерниях, населенных евреями. Министерство приобрело достоверные сведения о нынешнем воспитании евреев и о лицах, которых правительство может с пользой употребить в деле образования этого народа, о денежных способах которыми располагать оно получит возможность. Более 35 еврейских обществ письменно вызвались содействовать предположениям министерства народного просвещения. Благотворные лучи просвещения кроткого, сопровождаемого сознанием истинных начал нравственной и гражданской жизни, должны проникнуть во все условия этого племени, над которым доселе тяготеет время векового угнетения. Затруднения, противопоставляющиеся сему обширному предприятию, конечно, многочисленны и велики; но благодетельные виды Вашего Величества постигаются всеми благонамереннейшими из евреев, и при восприимчивости этого народа, при усердии избираемых на выполнение великодушной мысли Вашего Величества, можно надеяться, что все препятствия будут преодолены и усилия министерства увенчаются желанным успехом.

Отделение третье ВЗГЛЯД НА УСПЕХИ УЧЕНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, НА ХОД НАУК И СЛОВЕСНОСТИ

Представив действия Министерства народного просвещения за истекшее десятилетие по части *учебной*, обращаюсь теперь к успехам наук и знаний, к деятельности собственно *ученой*, в продолжение того же времени. Там министерство, в некотором смысле, лишь поверяло грядущему времени семена, которые должны взойти и разрастись впоследствии; будущность, от нас еще закрытая, увидит и пожнет плоды настоящих его начинаний; она же произнесет им и последний приговор, когда дозреют и разовьются молодые поколения, которые в заведениях министерства получали свое образование и готовились на жизнь и службу государственную. Но здесь, в ходе и развитии наук и умственного бытия народа, оно может ныне же указать на успехи положительные, очевидные, на участие прямое и неоспоримое. Как там, так и здесь министерство руководилось одной главной мыслью; усилия его направлены были к той же цели, к которой оно старалось привести общественное образование: сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвинув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, оно желало дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства.

Академия наук. В ряду действователей в этой области первое место, бесспорно, принадлежит *Императорской Академии наук*, которая со времени учреждения своего, по мысли великого преобразователя России, в продолжение слишком столетнего существования, принесла уже столь великую пользу отечеству и наукам⁸³⁷. Устав и штат, на основании которых действовала дотоле Академия, были вновь пересмотрены. Высочайше утвержденный 8 января 1836 года устав расширил значительно круг занятий сего ученого сословия и усилил самые способы его деятельности. Музеи и академические ученые собрания, приведенные в отличное устройство, обогащенные новыми приобретениями и расположенные в систематическом порядке, представляют превосходнейшие пособия для отечественных ученых, посвящающих себя обработке отдельных ветвей наук. Сокровища восточной нумизматики и письменности, собрание европейских монет древних и новейших, обогатились еще приобретением

превосходного нумизматического кабинета, принадлежавшего графу Сухтелену⁸³⁸. Ваше Императорское Величество даровали Академии полное собрание русских медалей, выбитых из серебра. Азиатский музей приобрел любопытную коллекцию искусственных произведений Китая и мануфактурной промышленности этой страны, составленную в Пекине полковником Лодыженским⁸³⁹. Кабинеты естественной истории, кроме богатых даров, полученных от щедрот Вашего Величества, увеличены значительными покупками. Так Академии достались знаменитые гербарии графа Разумовского⁸⁴⁰, Гофмана, Зибера, богатое ученое наследие маршала Биберштейна⁸⁴¹ и энтомологический кабинет Гуммеля. Школа препараторов, учрежденная при зоологическом музее, обеспечивает успехи этого заведения. Плодом ее должно считать обширное зоологическое собрание, составляющее одну из замечательнейших частей музея Академии. Физический кабинет, который в течение 30 лет несколько не приумножался, извлечен из своего неподвижного состояния; заведена химическая лаборатория и учреждена механическая мастерская. Из-под станков типографии академии, неоднократно обогащавшейся новыми шрифтами, выходят книги на всех почти главнейших языках азиатских, даже на таких, на которых в состоянии печатать весьма не многие заведения этого рода в Европе. Я осмелился остановить внимание Вашего Величества на настоящем цветущем положении этих учреждений потому, что они составляют не бесплодное только украшение и роскошь Академии, но орудие для ее ученой деятельности. При помощи сих обширных средств, Академия постепенно сделалась учреждением вполне национальным. Немало способствовало к такому сближению учреждение Демидовских премий⁸⁴². Трудная обязанность возложена была на академию этим учреждением; но она вознаграждена была за то влиянием, которое доставило ей поручение обсуживать произведения отечественных ученых и назначать им цену и награды.

Присоединение Академии наук к Академии Российской.

В 19 день октября 1841 года бывшая Императорская Российская академия, после пятидесятивосьмилетнего существования своего, присоединена к Императорской Академии наук в виде особого отделения Русского языка и словесности. Ваше Императорское Величество повелели привести в единство и совокупность занятия двух высших ученых учреждений в Империи. Составляя как бы среднее звено двух частей Академии наук, отделение русского языка и словесности при-

обрело назначение совершенно сообразное с целью ученого сословия, занимающегося обработыванием языка. Отныне объем деятельности его на пользу отечественного слова расширяется, включая в круг исследований своих и все ветви славянских наречий, возникших из одного корня с языком русским. Отделению русского языка и словесности предстоят занятия важные, и оно уже приступило с ревностью к выполнению одного из главнейших трудов своих — к изданию полного словаря, который соответствовал бы требованиям времени и степени нашего образования.

Ученые путешествия от Академии наук. Мы можем с основательностью сказать, что деятельностью Академия наук не уступает никакому другому сословию, и что ученый совет отдает справедливость ее трудам.

Уже Великий Петр, начертывая первые основания устава для этого ученого учреждения, указал ему высокое назначение заботиться об основательном исследовании самых отдаленных и наименее известных краев государства. Ученые экспедиции, предпринятые Академией или совершенные под ее руководством, пролили новый свет на географию, физическое строение и естественные произведения, на историю, древности и на производительные силы нашего отечества и других стран. Те части Империи, которые менее других известны, составляли главнейший предмет изысканий; но не менее тщательные и подробные исследования посвящаются и другим прежде уже посещенным странам внутри России.

Еще *Кланрот* заметил тождество нынешних осетинцев с ассами и аланами⁸⁴³ средних веков. Академик *Шегрен*⁸⁴⁴, посвящавший постоянное внимание на изучение столь важных для древней истории русской и для сравнительной лингвистики наречий финского племени, предпринимал путешествие на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ. Изучив языки, народный быт и предания тамошних горных племен, и в особенности осетинцев, он собрал доводы в подкрепление этой гипотезы о происхождении скандинавских языков и преданий из сей колыбели народов, и о связи с древним скандинавским наречия осетинского, важнейшего из всех кавказских, по его решительному сродству с главными европейскими и азиатскими языками. Результаты сих исследований будут содержаться в дальнейших трудах академика Шегрена, а между тем мы уже обязаны ему грамматикой и словарем осетинского языка.

Вопрос о соотношении уровней Черного и Каспийского морей сделался предметом живого любопытства европейских ученых, особенно по разногласию всех результатов произведенных дотоле наблюдений. Барон Гумбольдт⁸⁴⁵ вызывал русских ученых на решение этой геодезической задачи. С высочайшего соизволения снаряжена была от Академии наук экспедиция для измерения разности высот морей Черного и Каспийского. Молодые астрономы: *Фус*, *Савич* и *Заблер* определили, посредством тригонометрического нивелирования, страны между обоими морями, настоящую их высоту⁸⁴⁶. Эта затруднительная геодезическая операция показала, что поверхность Каспийского моря действительно ниже Черного моря 101, 2 русскими или 94, 9 парижскими футами⁸⁴⁷.

Геология обогатилась достоверным открытием на твердой земле старого света площади, которой поверхность ниже уровня океана. На целом земном шаре, по всей вероятности, не встречается другого подобного факта. В географическом отношении особенную важность придает экспедиции произведенное ею нивелирование между Азовским и Каспийским морями, на пространстве 800 верст⁸⁴⁸, где значительное число пунктов, и особенно главные вершины Кавказских гор астрономически определены в отношении к географическому положению и к возвышению их над океаном.

На крайнем севере Империи исследование берегов Лапландии и Новой Земли было предметом усугубленных усилий моряков и ученых. В мае месяце 1836 года Академия наук отправила в эти столь мало еще разведанные в ученом отношении страны экспедицию, под управлением академика *Бэра*⁸⁴⁹. Она проникла до 74° северной широты, пробыв целых полтора месяца на Новой Земле. Усилия ее увенчались таким успехом, что эту экспедицию можно считать одной из самых удачных, какие только были предприняты в тот суровый край. Значительность привезенных Бэром естественных предметов дает нам полное право считать природу Новой Земли столь же основательно исследованной, как и другие страны отдаленного севера, многократно уже посещенные учеными. В 1840 году академик Бэр предпринял вторичную поездку в Новую Землю и к северному берегу Русской Лапландии, для исследования естественных произведений Ледовитого моря близ этого берега и сравнения их с теми, которые он собрал на берегах Новой Земли. Хотя сильный и продолжительный ураган заставил экспедицию отказаться от предположения

проникнуть вновь до Новой Земли, зато она привезла с собой собрание естественных предметов и произвела наблюдения, обильнее и важнее тех, которые были плодом первой поездки в 1837 году. Географический результат этой экспедиции состоит в достоверном исправлении прежних карт Лапландии, на которых течение рек Туломы и Колы показывалось ошибочно.

В 1838 году, по побуждению и на счет Академии наук исследована флора в окрестностях Иртыша и Зайсанг-Нора. Эти исследования доставили около 330 пород растений и в том числе 18 совершенно новых.

Весной 1839 года, поощряемый участием Академии наук молодой путешественник Вильгельм *Бётлинг* предпринимал странствие на север. Он совершил до Торнео и Колы путешествие, которому мы обязаны любопытными сведениями относительно к горным формациям и новейшему периоду истории земной поверхности.

В том же году Академия наук воспользовалась отправлением корабля Российско-американской компании, чтоб послать в Америку препаратора зоологического музеума *Вознесенского*⁸⁵⁰, для собирания естественных произведений в пользу академических музеумов. Вознесенский представил Академии обильные собрания естественных предметов южной Америки, равно как и из российско-американских колоний.

Академик *Кеттен*⁸⁵¹ предпринимал в 1840 году статистическое путешествие по С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской и Московской губерниям, и при ревностном содействии местных начальств, собрал многочисленные материалы для статистики этих частей Империи. Предполагаемый к изданию в свет сборник статистических сведений о России доставит новые материалы для познания отечества нашего.

Показав главнейшие ученые предприятия, совершенные членами Академии наук, наиболее замечательные по последствиям своим, я только в кратких словах упомяну о геологических исследованиях, произведенных академиком *Парротом*⁸⁵² в окрестностях Вуртнекского озера в Лифляндии и Финляндии, близ реки Вуоксы; о геогностическом путешествии *Пандера*⁸⁵³ в полуденные губернии России, о путешествиях *Рупрехта*⁸⁵⁴ и *Савельева*⁸⁵⁵ на Канинском полуострове; о второй геогностической поездке в Финляндию *Бетлинга*, столь рано похищенного у наук смертью; о путешествии академика *Кунфера*⁸⁵⁶ в Сибирь до Нерчинска.

Нельзя также оставить без внимания астрономически-географическую экспедицию, совершенную в прошлом году для наблюдения над полным солнечным затмением 26 июня. По распоряжению моему, в этой экспедиции участвовали, кроме академии, университеты Московский, Казанский, Киевский и Виленская обсерватория; от них посланы были астрономы в разные места, где затмение видимо было полное, именно: в Липецк, в Дубно, в Чернигов, в Курск и Пензу. сверх определения широты и долготы в Москве, Новгороде, Рязани, Липецке, Воронеже, Туле, Чернигове и других пунктах, мы обязаны им точным описанием редко возобновляющегося небесного явления.

Путешествия от университетов. В полезных ученых предприятиях соревновали с Академией наук и все высшие наши учебные учреждения. Кандидат Дерптского университета *Федоров*⁸⁵⁷ (ныне профессор астрономии в университете Св. Владимира), послан был для определения в юго-западной Сибири географического положения разных пунктов между 50 и 60° широты, между Уральским хребтом и Енисеем. Путешествие Федорова продолжалось пять лет с половиной и доставило непрерывный ряд замечательных астрономических и магнетических наблюдений. В 1833 году исследован Крым профессором *Ратке*⁸⁵⁸ в отношении к анатомии и развитию животных; в следующем году другой ученый, Дерптского университета профессор *Гебель*⁸⁵⁹, совершил поездку по степям южной России. Профессор *Шмалыц*⁸⁶⁰ предпринимал путешествие по средним губерниям европейской России и обозревал колонии по Волге и в Крыму в отношении к сельскому хозяйству. сверх геогностических исследований профессора *Гофмана*⁸⁶¹ на Гохланде и других островах Финского залива, также в южной Финляндии, сверх ученого путешествия профессора *Паррота*⁸⁶² к Нордкапу для наблюдения над магнетизмом земли и астрономического определения мест, надлежит упомянуть в особенности об археологических путешествиях, предпринятых вследствие Высочайшей воли Вашего Величества профессором *Крузе*⁸⁶³ по остзейским губерниям для открытия древнеисторических памятников и для обозрения древностей Пскова и Изборска. Плоды этих исследований, весьма любопытные и важные для объяснения вопроса о варягах, сообщены уже профессором Крузе ученому свету в особом сочинении.

Университеты Московский и Харьковский с своей стороны принесли также дань усилий к познанию России; *Щуровский*⁸⁶⁴, профессор

первого, обозрел Уральский хребет на всем его протяжении. Следствия его наблюдений изложены в книге, которую он издал в 1841 году⁸⁶⁵. Адъюнкт Харьковского университета *Гордеенко*⁸⁶⁶ химически исследовал соляные озера в Изюмском уезде, близ Славянска; профессор *Чернаев*⁸⁶⁷ и адъюнкт *Калениченко*⁸⁶⁸ описали Курскую губернию в оологическом, ботаническом и минералогическом отношениях. Новгородская, Тверская, Московская, Тульская и Калужская губернии исследованы геогностом *Борисяком*⁸⁶⁹. Особенно замечательно путешествие профессора *Криницкого*⁸⁷⁰ в 1837 году в Крым и на Кавказ для обозрения берегов Таврического полуострова, преимущественно местностей около Анапы. Укажу еще на геогностические изыскания профессора университета Св. Владимира *Гофмана* в губерниях: Киевской, Подольской и Таврической; на двукратное путешествие профессора Ришельевского лицея *Нордмана*⁸⁷¹ в 1833 году в Крым и в Бессарабию, для исследований по части естественной истории, и в 1837 году в страны по восточному берегу Черного моря, в Абхазию, Гуриель, Мингрелию и Имеретию. Другой преподаватель Ришельевского лицея *Мурзакевич*⁸⁷² совершил поездку для статистического описания Бессарабской области.

Не исчисляя всех путешествий, предпринятых преподавателями разных университетов, для усовершенствования познаний своих в тех науках, обрабатыванием коих они занимаются, мне остается еще обратить внимание на ученые предприятия Казанского университета. Он принимал также участие в ученом исследовании отдельных стран России. Профессоры *Эверсман*⁸⁷³ и *Бунге*⁸⁷⁴ посетили Саратовскую и Астраханскую губернии для зоологических и ботанических изысканий. Адъюнкт *Клаус*⁸⁷⁵ подвергал ученому разложению Сергиевские минеральные воды⁸⁷⁶, а профессор *Горлов*⁸⁷⁷ объехал для статистических исследований губернии: Пермскую, Оренбургскую, Астраханскую, Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Землю Войска Донского и область Кавказскую. Но важнее всех были путешествия, которые имели целью познание востока, его наречий и племен. Два молодые ученые, *Ковалевский*⁸⁷⁸ и *Попов*⁸⁷⁹, отправлены были для изучения монгольского языка в Иркутск; первый из них совершил потом путешествие в Пекин, а второй в Ургу, главный город Китайской Монголии, для довершения там своего образования. В 1838 году профессор *Попов* послан был в калмыцкие улусы в Астраханской и Саратовской губерниях, для собрания материалов к сравни-

тельной грамматике и словарю монгольского и калмыцкого языков. Я не войду здесь в подробное рассмотрение ученых трудов, которые были следствием этих предварительных занятий обоих ученых; довольно указать на важные пособия к познанию монгольского языка, которыми мы обязаны им. Отправленный с духовной миссией в Пекин магистр *Васильев*⁸⁸⁰, для изучения тибетского и санскритского языков, с замечательным успехом приготавливает себя к занятию впоследствии профессорского звания сих языков. Для такого же назначения по части языков магометанских, два другие молодые ученые, магистры *Березин* и *Диттель* посланы на три года в европейскую Турцию, Малую Азию, Персию, Сирию и Египет и прилежно изучают сии страны и языки их⁸⁸¹.

Не могу прейти молчанием еще одного рода ученых путешествий, важных для России, ее истории, и в особенности для дальнейшего развития отечественного языка и словесности; я говорю о путешествиях молодых славянистов, отправляемых нашими университетами в славянские земли для основательнейшего изучения на месте тамошних наречий и литератур. В 1838 году Харьковский университет отправил адъюнкта своего *Срезневского*⁸⁸² на несколько лет в Австрию, Германию, Италию и Турцию для собирания материалов по части истории и литературы славян. С той же целью путешествовали по южнославянским землям магистр Московского университета *Бодянский*⁸⁸³ и готовившийся для занятия кафедры при С.-Петербургском университете *Прейс*⁸⁸⁴. Все эти молодые ученые возвратились в отечество обогащенные познаниями основательными и с пользой передают их своим слушателям при университетах, где они назначены действовать. Эти прямые, личные сношения русских ученых с славянами укрепляют нашу умственную связь с народами нам соплеменными, родственными по единству происхождения и речи, нередко даже по вероисповеданию.

Метеорологические наблюдения. Еще следует упомянуть о метеорологических наблюдениях, которыми постоянно занимаются на всем пространстве Империи преподаватели учебных заведений Министерства народного просвещения. Будучи производимы по общему плану, с возможной верностью и единообразием, по наставлениям, начертанным Академией наук, — эти наблюдения готовят обильные материалы для теории науки, доселе еще столь неопределятельной и мало обработанной. В этот же разряд должно включить наблюдения, произведенные в Якутске над глубиной подземных

льдов, — наблюдения, которые обогатили наши познания о природе новыми фактами, возбудив внимание и соревнование Европы. Окончательного решения всех вопросов, которым дало бытие это открытие, надлежит ожидать после приведения в действие ученой экспедиции, отправленной уже от Академии наук в самые северные страны Сибири.

Комиссия приложения электромагнетической силы. Науки обязаны России и другими, в высшей степени важными опытами, которых дальнейшее развитие и пользу теперь даже определить в точности невозможно. Задача об употреблении электромагнитности, как силы двигательной, открытой лишь в очень недавнее время, требовала для разрешения своего усилий самых напряженных. Щедрое средство, дарованное Вашим Величеством, доставило возможность к производству опытов над этой механической силой в обширном объеме. Ежели ученые труды комиссии, учрежденной с высочайшего соизволения, не увенчались совершенным успехом, ежели сокровенная сущность этой неразгаданной силы природы еще не подчиняется полной власти ума человеческого, по крайней мере мы опередили другие государства важностью произведенных исследований и приблизились к решительным выводам, которые не только могут быть положены в основании будущих практических работ, но и существенно подвинули прежние познания о магнетизме и электричестве.

Гальванопластика. Слава прекрасного открытия *гальванопластики*⁸⁸⁵ принадлежит России исключительно; быстрое усовершенствование сего искусства, получающего с каждым годом все новые приложения к различным родам ремесел и художеств, не оставляют ни малейшего сомнения в неисчислимой пользе этого изобретения и в важности последствий от дальнейшего его развития.

Главная обсерватория. Ваше Императорское Величество повелели соорудить, под ведением Академии наук, обсерваторию, снабженную лучшими инструментами. Новая обсерватория, по Высочайшему указанию сооруженная в окрестностях столицы на горе Пулковой, получила наименование главной и назначена быть средоточием астрономических занятий по всему государству⁸⁸⁶. По живительному призыву Вашего Величества, необыкновенная деятельность пробудилась в первых мастерах Европы, и самые знаменитые художники наперерыв старались довести свои работы до беспримерной степени совершенства. Приготовление инструментов

для Пулковской обсерватории составило эпоху в летописях механического и оптического искусства. Замечательные плоды, которые это заведение уже принесло науке в недавнее еще существование свое, вполне соответствуют тем необыкновенным средствам, которыми наделила его щедрость царская. Вековая задача о быстроте движения света разрешена на Пулковской обсерватории с точностью, которая допускает только возможность самого незначительного исправления. Новейшая проблема о движении солнечной системы и направлении оно доведена до определительности факта несомненного, подведенного под математические исчисления. Рефрактор пулковский необычайно ускорил новый обзор северного полушария в отношении к числу неподвижных звезд, которых каталог включает ныне в себе 17 тыс. светил. Сведения наши о двойных звездах, о сложных системах светил получили определительность, которая превзошла ожидания. Гершелем-отцом⁸⁸⁷ открыто было только 183; Дерптский рефрактор прибавил к этому числу еще 471. Кратковременные наблюдения на Пулковской обсерватории умножили это число еще 461 новой двойной звездой. Из тех групп звездных, в которых эти светила так близки друг к другу, что отделенными представляются только в самых совершенных телескопах, Гершелю было известно 9; Дерптский каталог прибавил к тому 38; труды же Пулковской обсерватории доставили еще 168 новых систем. Таким образом, мы можем сказать, что знаменитый Гершель сделал только первый шаг в познании этих замечательных групп звездных; обсерватория в Дерпте упятерила его открытия, а новые труды главной обсерватории в пять раз превзошли и эти успехи, так что открытия Гершеля составляют самую малую часть, хотя все еще драгоценную, наших познаний в сей ветви астрономии.

Ученые и литературные общества. Полезная деятельность умственная и стремление к образованию, разливаясь по всем пределам государства и по разным степеням жителей оно, находят некоторого рода средоточие своих усилий в учебных и литературных обществах, существующих в разных городах и для разнообразных целей. Простираясь числом до двенадцати, они усердно продолжают свои занятия, частью действуя собственными, более или менее значительными средствами, частью будучи поддерживаемые ежегодными пособиями правительства. Учрежденные в губернских городах губернские библиотеки открывают безвозмездные способы к удовлетворению живой любознательности и к приобретению общепользных

сведений по всем ветвям наук и искусств. Число подобных учреждений, заводимых и поддерживаемых добровольными приношениями всех сословий, простирается уже до 41, не только в губернских городах, но и в некоторых уездных. Многие из них успели стать на замечательную степень процветания. Так, библиотека Тамбовская одна вмещает в себе до 13 тыс. томов; вообще же в публичных библиотеках можно полагать до 100 тыс. томов. Первенство между всеми заведениями этого рода принадлежит, бесспорно, Императорской Публичной библиотеке, которая лишь немногим из замечательнейших книгохранилищ уступает в числе и достоинстве книг и рукописей.

Принужден будучи втеснить в пределы краткого очерка изобилие фактов, относящихся к успехам ученой части в последнее десятилетие, я не могу перейти молчанием важнейший из всех, по крайней мере для России; открытие и обнародование документов и актов касательно ее истории. Это предприятие можно без преувеличения назвать обновлением народной нашей истории в ее источниках.

Археографическая комиссия. До начала XVIII столетия никто не думал об издании исторических материалов в России. Указ Петра I о приведении в известность летописей в монастырских библиотеках едва ли был исполнен. Императрица Екатерина II два раза повторяла изъявление воли своей о собирании древних государственных бумаг и актов. Первым издателем исторических материалов был *Миллер*⁸⁸⁸. Со времени трудов его, *Шлецера*⁸⁸⁹ и *Башилова*⁸⁹⁰, начался ряд изданий летописей; но о печатании государственных актов еще никто не помышлял. Материалы исторические до Карамзина были не только не обработаны, но даже не приведены в известность; он принужден был сам и отыскивать, и обрабатывать источники для своего обширного труда. По предложению моему, Академия наук отправила археографическую экспедицию для приведения в известность всех письменных памятников отечественной истории и для извлечения из них важнейших выписок. С 1829 по 1834 год экспедиция осмотрела четырнадцать губерний, которые составляли некогда коренную Русь. — Приобретением экспедиции было около 300 снимков в 10 томах in folio, грамот, наказов, отписок и проч. с XIV по XVIII век, и каталоги рукописей, хранящихся в монастырских библиотеках. По всеподданнейшему докладу моему, Ваше Императорское Величество, в 24 день декабря 1834 года повелели, для издания в свет собранных актов, учредить комиссию при департаменте народного просвещения. Умножив при-

обретение экспедиции новыми выписками из С.-Петербургских библиотек, комиссия издала в свет, в 1836 году, четыре тома in 4°. Вскоре затем ей указано было новое поприще, с расширением круга ее деятельности: на нее возложено издание систематического собрания источников отечественной истории. Обозревая действия комиссии по обрабатыванию этих разнородных материалов, прежде всего надлежит упомянуть об издании летописей. Всех рукописных летописей поступило в нее 160. Комиссия составила конспект издания полного собрания русских летописей. В первых трех томах заключаются: временник Нестора⁸⁹¹, сличенный по 50 спискам, летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородские. Все издание составит с лишком 20 томов. Собранные комиссией памятники делопроизводства русских удельных княжеств и Московского царства, от XIV до XVIII века, составили пять томов, независимо от изданных в 1836 году. Первые три вышли в 1841 году, остальные два окончены.

Сверх того комиссия, имея в виду продолжающуюся присылку актов из Великороссийских губерний, предположила издать несколько томов дополнений к актам историческим, и составить особое издание под заглавием: *Акты, относящиеся к истории западной России*. Из собранных археографической комиссией юридических документов и форм старинного делопроизводства, комиссия, дополнив оные многими недостававшими формами, напечатала в 1838 году том *актов юридических*. Они составляют ключ к познанию обрядов, форм и слога древнего русского судопроизводства.

В 1837 году, с высочайшего разрешения, отправлен был для археографических поисков в Швецию корреспондент комиссии *Саловьев*⁸⁹². Плодом троекратных его поездок было приобретение столбцов, принадлежавших некогда Смоленскому воеводскому приказу, Сапеге⁸⁹³ и Тушинскому самозванцу⁸⁹⁴ и списков с грамот, везенных Делгардием⁸⁹⁵ в начале XVII века и отысканных в Стокгольмском архиве. Найденная в библиотеке Упсальского университета и напечатанная комиссией в 1840 году рукопись о России в царствование Алексея Михайловича⁸⁹⁶, которая сочинена подьячим посольского приказа *Кошихиным*⁸⁹⁷ в 1666 году, пролила совершенно неожиданный свет на внутренний состав и управление государства, на дипломатические и судебные обряды, на публичные и частные обычаи России.

В 1839 году Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть передать в археографическую комиссию представленные тайным советником *Тургеневым*⁸⁹⁸ выписки из Ватиканского тайного архива с XI по XVIII век, выписки Альбертрандиевы и извлечения из туринской, французской и английских библиотек и архивов. Первый том этого собрания, наполненный любопытными актами об отношениях Римского двора к России, Литве, Польше и Ливонии, издан в 1841 году, второй так же окончен печатанием. Находящийся в Москве член комиссии *Строев*⁸⁹⁹, по распоряжению ее, печатает там *выходные книги царей* и выписки из *расходных*. Он рассмотрел государственный архив старых дел при московском Сенате, в котором хранится до 17 тыс. грамот. Сверх того, он составил свод Судебника царя Иоанна Васильевича⁹⁰⁰ по трем манускриптам XVI и XVII века. Сличенный в комиссии в 15-ю рукописными списками, Судебник вошел в состав первого тома актов исторических, изданных в 1841 году.

Комиссии было вменено в обязанность, для усовершенствования отечественной нумизматики, издавать снимки и составить описание русских монет и медалей. Исполняя эту обязанность, комиссия уже издала в 1840 и 1841 годах три первые выпуска, относящиеся к царствованиям от Петра I до Императора Павла I; четвертый выпуск уже отпечатан, а последний, который будет состоять из медалей, выбитых в честь достопамятных людей русских, готовится к изданию. К этому надобно прибавить, что для изданий сего рода министерство отправило в Англию особого художника, который на месте изучил изобретенный *Колласом* и усовершенствованный *Бетом* способ гравирования, и потом усвоил это искусство России⁹⁰¹.

До археографической экспедиции объем источников отечественной истории был неизвестен. Осмотрев библиотеки и составив каталоги рукописей, экспедиция окончательно решила вопрос о количестве и свойстве уцелевших до нашего времени летописей; она указала ученым, *где* и *чего* должно искать. Обнародование огромной историко-юридической письменности, таившейся в Московских архивах, в монастырях и городах, раскрыло будущим историкам внутреннюю жизнь государства в различные эпохи его существования. Доселе у нас не было издания Несторовой летописи по древнему Лаврентьевскому списку, кроме начала, напечатанного Тимковским⁹⁰². Приготавливаемое археографической комиссией издание должно восстановить, сколько

возможно, подлинник единственного нашего летописца, открыть способ к объяснению первого периода нашей истории и решить вопрос о древности этого памятника русского бытописания. То же должно разуметь об отдельных временниках и летописных сборниках, относящихся к XIV–XVII столетиям. Археографическая комиссия по приведении к концу полного собрания летописей по лучшим спискам, утвердит достоверность временников и укажет путь, по которому должна впредь идти историческая критика в своих разысканиях.

Подобные издания хронографов, сказаний и других рукописей, в непосредственной связи с историей состоящих, принесут не менее счастливые результаты, что доказывает издание рукописи Кошихина, которую можно назвать превосходным комментарием на грамоты и акты XVI и XVII столетий и указателем достоверным государственно-го быта до Петра Великого.

Таким образом, можно со справедливостью сказать, что в течение последних десяти лет все виды отечественной истории изменились. Акты и документы, изданные министерством, поставляют отныне будущего историка России в необходимость расширить круг наблюдений и проникнуть далее в пределы, недоступные Карамзину. Вся слава последней эпохи нашего бытописания принадлежит несомненно этому знаменитому писателю. Ныне русская история ожидает нового делателя, с новым взглядом на предметы и готовит ему обильный запас сведений, коими Карамзин не мог воспользоваться, и от соображения коих история нашего отечества во многом должна переродиться и стать наряду с памятниками прочих европейских государств.

Здесь прилично упомянуть о предпринятом в Париже с соизволения Вашего Императорского Величества издании одного из древнейших памятников славянской письменности — *Реймского Славянского Евангелия*, на котором французские короли присягали в прежнее время и которого язык, составлявший для французов неразрешимую загадку, лишь императором Петром I признан славянским⁹⁰³. Это Евангелие считали утраченным во время французской революции; открытие оно в недавнее время и описание корреспондентом археографической комиссии *Строевым*, обратило на него живейшее любопытство всего славянского мира.

Мне остается заключить это отделение взглядом на успехи отечественной словесности, в которой отражались все изменчивые черты современного развития умов. Спешествуя входящими

в круг влияния министерства способами полезному направлению литературы, оно, поистине, могло лишь наблюдать над общим ходом ее, исправлять и предупреждать ее временные уклонения. Не будучи в состоянии прямо действовать на процветание словесности, неразрывно связанное с появлением отличных талантов, — правительство открывало способы к деятельности литературной везде, где успехи ума обещали ее развитие. При цензурном комитете в С.-Петербурге, по причине увеличивавшегося количества печатаемых книг и периодических изданий, число цензоров увеличено двумя сторонними цензорами; в Киеве учрежден новый комитет. В Тифлисе, для рассматривания книг на восточных языках, печатаемых в том крае, учреждена особая цензура под наблюдением тамошнего главного местного начальства. Десятилетие с 1833—1843 год к итогу книг отечественной словесности прибавило 8 246 названий. Вместе с журналами они составляют, в одном экземпляре, 142 973 печатные листа. Если положить круглым числом каждый том в 20 листов и полный завод каждого издания в 1 000 экземпляров, то следует, что в этот период типографии русские произвели 7 149 000 томов. Книжная производительность возрастала в постепенности по 1838, 1839 и 1840 годы. В эти три года было самое большое число изданий и объем книг самый значительный. Вместе с сим надлежит заметить, что периодические издания неизменно получали с каждым годом все большую и большую обширность.

Рассматривая умственную деятельность России в явлениях отечественной словесности, не должно терять из вида и книжную торговлю произведениями литературы иностранной. Наша образованность и наша словесность суть плод ума народного и иноземного просвещения, нас предупредившего. Едва ли в какой другой земле занимаются столько, как в России, языками и словесностью чужих стран. Ввоз иностранных книг возрастал постоянно с каждым годом и от 280 000 томов, ввезенных в 1833 году, возрос к 1843 г. до 600 000. Несмотря на то, в общем итоге количество ввезенных книг, в целое десятилетие менее в половину числа томов, напечатанных в России: они составляют около 4 470 000.

Наблюдая десять лет за трудным и сложным делом цензуры, я старался определить середину между изысканной строгостью цензоров, могущей нечувствительно сделаться стеснительной, и легковерной их беспечностью, которую не замедлили бы обратить во зло. В этот

промежуток времени министерство не избегнуло, конечно, всех нареканий, как в том, так и в другом смысле. Между тем мы видим на опыте, что по цензурной части не оказалось в это время никаких особенно замечательных случаев или затруднительных явлений. Обуздав единожды твердыми мерами врожденную строптивость периодических изданий, наблюдая постоянно за их духом и направлением, — министерство редко встречало необходимость подвергать гласному взысканию эту ветвь литературной промышленности, которая, к сожалению, более прочих действует на массу читателей. Заметить можно, что оказавшиеся в прежнее время уклонения периодической литературы от правильного смысла, могут быть большей частью приписаны вредному влиянию тогдашних политических идей, извне к нам перешедших. С тех пор, как в кругу наших писателей возродилась мысль о народности даже в литературе, — большая часть иноземных идей, в политическом смысле, лишилась своей приманки. Мысль об умственной самостоятельности сильно распространилась в течение последних 10 лет; и если эта мысль подлежит, может быть, некоторому преувеличению в умах незрелых и пристрастных, то по крайней мере она исцеляет их и не без успеха, от чрезмерного предубеждения в пользу других понятий, более опасных и противных существующему порядку в государстве. Это изменение в направлении умов доказывается даже цифрой *переведенных* и *оригинальных* сочинений. Число первых уменьшалось по мере того, как умножалось количество других; и теперь на 757 оригинальных произведений, переведенных приходится только 36, между тем как в 1832 году было первых 672, а последних 134.

Учебные книги. Говоря о движении литературном и ученом, укажу мимоходом на число *учебных книг*, явившихся в этот промежуток времени, в коих недостаток был столь ощутителен. Многие части обработаны с особым тщанием и успехом: математические, физические, исторические науки являют несколько отличных учебников, из коих назову только *Русскую Историю Устрялова*⁹⁰⁴. За 10 лет преподавание сего важного предмета было столь же сухо и неудовлетворительно, сколько и взгляд на предмет был односторонний и запоздалый. Повсюду требовался учебник, который мог бы с одной стороны приманить к науке внимание юношей; с другой привести их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории. Министерство поставило во главе своих попечений эту задачу, которую реши-

ла, по возможности, книга Устрялова. По ней преподается повсюду, даже вне пределов министерства, отечественная история; эту книгу нельзя не почтить весьма значительным орудием министерства при образовании училищ в западных губерниях: там особенно приняла она отличительное достоинство от местных обстоятельств и содействовала к сближению умов и к распространению в юношестве основательных сведений о России и о ее истории, раскрывая на непреложном ряду фактов, что западная Русь, в особенности Литва, составляла интересную часть Российского государства⁹⁰⁵.

Отделение четвертое

РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И КАПИТАЛОВ. ЗДАНИЯ. ЧИСЛО УЧАЩИХ И УЧАЩИХСЯ

Вступив в управление министерством народного просвещения, я обязан был, при попечении об умственном образовании юношества, одновременно заботиться о материальных способах к достижению указанной Вами, Всемилостивейший Государь, цели.

Постройка, починка и приобретение зданий. С постепенным умножением числа училищ и учащихся, необходимо было умножение числа училищных зданий и перестройка существовавших до того ветхих уже домов. Способы к тому представляли: государственное казначейство, которое, по соизволению Вашего Величества, ежегодно ассигнует по 200 000 руб. ас. или 57 142 р. 85 к. сер.; часть общего экономического капитала гражданских учебных заведений, проценты с коего исключительно предназначены на постройки, и добровольные приношения лиц разных сословий, преимущественно дворянства. Таким образом, в течение десяти лет, приобретено домов покупкою, на счет показанных источников, на 2 422 463 р. ас. (сер. 692 132 р. 41 к.); построено вновь разного рода зданий на 8 695 726 р. 44 к. ас. (сер. 2 484 493 р. 27 к.); перестроено домов по ветхости и неудобству помещения на 4 623 806 р. 32 к. ас. (сер. 1 321 087 р. 52 к.); принесено разными лицами в дар 80 домов по оценке на 1 481 358 р. 97 к. ас. (сер. 423 245 р. 42 к.). Главнейшие постройки были: созданные Вашим Величеством: университет Св. Владимира и главная обсерватория на Пулковской горе, разные постройки в Казанском университете, в бывшем здании 12 коллегий, отданном под С.-Петербургский университет и Глав-

ный Педагогический институт, и в купленном для Московского дворянского института доме. Вся строительная операция простирается до 17 223 353 р. 87 к. ас. (*сер. 4 920 958 р. 25 к.*).

Приношения дворянства на благородные пансионы. Благородное дворянство, как я доносил Вашему Императорскому Величеству, явило и в деле образования юношества новые доказательства всегдешней готовности содействовать пользе общей. Уразумев необходимость учреждения благородных при гимназиях пансионов, оно сделало значительные приношения, как для устройства, так и для самого содержания сих заведений. Сумма сих пожертвований, в течение десяти лет, составляет: ежегодных до 120 445 р. ас. (*34 413 р. сер.*), единовременных 1 126 384 р. ас. (*321 824 р. сер.*) и срочных, из которых некоторые не вполне еще внесены, по не наступлению для того определенных сроков, 9 094 204 р. ас. (*2 598 344 р. сер.*); все же вообще приношения дворянства простираются до 10 341 033 р. ас. (*2 954 581 р. сер.*). Приведа ежегодный доход от пожертвований 34 413 р. в соответствующий оному капитал 860 330 р. и присоединив к нему капиталы срочные и единовременно внесенные, вся пожертвованная дворянством на благородные пансионы сумма составит капитал в 13 231 743 р. ас. или в *3 780 498 р. сер.*

Годовые сметы расходов. По мере расширения круга действий министерства, распространялись и финансовые средства. В 1833 году оно имело по государственной росписи только 1 633 516 р. 3 к. сер.; с тех пор бюджет онога возрастал постепенно, по мере умножения числа учебных заведений. В 1834 году ассигновано было 1 822 287 р. сер.; чрез пять лет, в 1838 году эта сумма составляла 2 489 519 р. сер., а в 1842 г. 2 765 380 р. сер. Итак, смета министерства, в течение десятилетия возросла на 3 961 564 р. ас. (*1 131 864 р. сер.*).

Главнейшие капиталы. Но одних вышепоказанных способов государственного казначейства было бы недостаточно на покрытие всех необходимых расходов. Надобно было употребить собственные средства министерства, и средства эти указаны Высочайшим повелением 1836 года, по которому все экономические суммы университетов, лицеев, гимназий и уездных училищ соединены в один капитал, названный *общим экономическим капиталом учебных гражданских заведений*. По повелению 1837 года находившиеся в кредитных установлениях суммы включены в состав неприкосновенного капитала,

а проценты с оного обращаются в особую массу процентов. Из процентов сих удовлетворяются отчасти расходы на покупку, постройку и починку строений учебного ведомства, также на приобретение кабинетов, библиотек и на другие чрезвычайные издержки. При образовании сего капитала в 1837 году он составлял 11 529 962 р. 50 к. ас. (*сер.* 3 294 275 р.); к 1843 году капитал с процентами простирается до 3 946 096 р. ас. (*серебром* 1 127 456 р.).

К вспомогательным средствам министерства следует отнести также капиталы, в прежнее время пожертвованные купцом Лариным⁹⁰⁶ и Судиенковым на учебные заведения; первый из них, составлявший в 1833 году 1 096 427 р. 50 к. ас. (*313 265 р. сер.*) и в следующие за тем годы усилившийся до 1 183 677 р. ас. (*338 193 р. сер.*), к 1843 г. уменьшился до 355 551 р. ас. (*101 586 р. сер.*), быв употреблен на устройство в С.-Петербурге Ларинской гимназии, на пристройку к Публичной библиотеке, на переделку музеума Академии наук и проч., а другой, составляя 157 132 р. 50 к. ас. (*44 895 р. сер.*), предназначается на надобности учебных заведений Полтавской и Черниговской губерний, для которых и был первоначально жертвуем.

При заботливости правительства о возможном обеспечении судьбы преподавателей пенсиями за выслугу установленных лет, невозможно было подвести под общие по учебной части пенсионные правила учителей приходских училищ, и потому (25 апреля 1834) Высочайше повелено продолжать производившийся до того вычет из их жалования для составления пенсионного капитала, и капитал сей хранить впредь до издания положительных правил *о пенсиях учителям приходских училищ*. Этот капитал к началу 1843 года простирается уже до 262 965 р. 50 к. ас. (*75 133 р. сер.*). Другой подобный капитал образовался, на основании Положения 1 июля 1834 года, *для призрения домашних наставников и учителей*, от взимания определенного количества денег за выдаваемые им на то свидетельства. При издании вышеупомянутого Положения, капитал сей составлял только 49 532 р. ас. (*14 152 р. с.*), к 1843 году оный простирается уже до 122 790 р. 50 к. ас. (*35 083 р. серебром*).

Счетоводство и отчетность. К сему считаю нужным присовокупить, что хотя для правильного употребления ассигнуемых на министерство сумм и отчетности оных еще в 1831 году были высочайше учреждены правила и формы; но правила сии слишком общие, не определяли всех подробностей принятия и расходования разного

рода сумм. От этого происходили многосложное производство и разного рода затруднения, замеченные вскоре по вступлении моем в управление министерством.

Для устранения сего, в сентябре 1834 г., даны мною единообразные, точные правила и формы для наблюдения по приходу и расходу сумм и счетоводству по всем местам ведомства министерства народного просвещения, и с того времени счетная часть упрощена и приведена в такое положение, что генеральные отчеты вносятся в государственный контроль постоянно в определенный законом срок.

Число учебных заведений. Сообразно со средствами, возрастало и число учебных заведений, как видно из следующей таблицы:

1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842
Университетов										
5	5	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Главный Педагогический институт										
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Медико-хирургических академий										
—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	1
Лицеев										
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Гимназий										
64	65	65	68	69	70	72	74	75	76	76
Благородных при гимназиях пансионов										
6	12	21	25	28	31	36	42	43	45	46
Уездных училищ										
393	406	410	418	422	427	430	435	439	442	445
Приходских										
552	583	661	756	799	839	873	911	983	1021	1067
Частных пансионов и школ										
358	400	398	430	444	462	485	485	486	481	521
Всего										
1382	1475	1565	1707	1772	1839	1906	1957	2038	2077	2166

Таким образом, с начала 1833 года прибыло в Империи учебных заведений 784, т. е. 1 университет, 1 академия, 12 гимназий, 40 благородных пансионов, 52 уездных, 515 приходских и 163 частных училищ.

Число учащихся и других должностных лиц. В соразмерности с тем должно было увеличиться и число лиц, которым правительство вверило образование и воспитание юношества. В 1833 году учащихся и других должностных лиц было 4 836; чрез пять лет после того цифра восходила уже до 6 208, а в 1842 возвысилась до 6 767.

Получившие ученые степени. Число получивших ученые степени и звания, бывшее в 1833 году 477, в 1842 году составляло 742. Общий итог с 1833 по 1843 получившим ученые степени и звания 5 723.

Свидетельства на право частного обучения. Со времени издания в 1834 году Положения о домашних наставниках и учителей выдано свидетельств 4 483.

Число учащихся. В заключении следует обратить внимание на число учащихся, постепенно возраставшее с умножением числа учебных заведений. Следующая таблица показывает эту постепенность.

Годы										
1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842
Число учащихся в университетах, академиях и лицеях										
2153	2725	2648	2649	2641	2900	2843	2764	3809	3464	3488
Число учащихся в гимназиях и низших учебных заведениях										
69 246	69 555	75 448	83 058	89 159	92 666	95 069	95 119	97 561	97 490	99 755
Всего										
71 399	72 280	77 096	85 707	91 800	95 566	97 910	97 883	101 570	100 954	203 243

Следовательно, с 1833 года в числе учащихся прибыль составляет около 32 000. Но это количество принадлежит только Империи, и единственно учебным заведениям ведомства министерства народного просвещения, и не заключает в себе огромного числа учащихся в военных, духовных и других училищах. Впрочем, к показанному в таблице числу следует отнести число учащихся в Варшавском учебном округе. Там в 1839 году, при включении округа в состав министерства, учащихся было 64 350; в 1840 — 62 080; в 1841 — 60 865 и в 1842 — 66 708. И так вся масса учащихся составляла к 1843 году 169 951.

Общие выводы. Таким образом, развитие Министерства народного просвещения, в течение десяти лет, представляет следующие главные цифры:

Вновь учреждено учебных заведений.....	784
Число учащихся увеличилось.....	32 000
Число учащихся без малого.....	2 000
На строительную часть употреблено более.....	17 000 000 р. ас.
Дворянством пожертвовано свыше.....	13 000 000 » »
Бюджет министерства возвысился почти на.....	4 000 000 » »
Напечатано русских книг в Империи более.....	7 000 000 томов
Ввезено иностранных книг до.....	4 500 000 »
Ученых экспедиций совершено.....	40

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных ушах радушно уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу, может принести истинные плоды всем и каждому; потом обнять верным взглядом огромное поприще, открытое пред любезным отечеством, оценить с точностью все противоположные элементы нашего гражданского образования, все исторические данные, которые стекаются в обширный состав Империи, обратить сии развивающиеся элементы и пробужденные силы, по мере возможности, к одному знаменателю; наконец, искать этого знаменателя в тройственном понятии *православия, самодержавия и народности**, — такова была цель, к коей министерство народного просвещения приближалось десять лет; таков план, коему я следовал во всех моих распоряжениях.

Естественно, что направление, данное Вашим Величеством министерству и его тройственная формула — должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток

* Общий отчет министра народного просвещения за 1837 год.

либеральных и мистических идей: *либеральных* — ибо министерство, провозглашая *самодержавие*, заявило твердое намерение возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу, во всем его объеме; *мистических* потому, что выражение «православие» довольно ясно обнаружило стремление министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий церкви. Наконец и слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за мелкое утверждение, что министерство считало Россию возмужалой и достойной идти не *позади*, а, по крайней мере, *рядом* с прочими европейскими национальностями. Если б нужно было еще ближе увериться в справедливости избранных начал, то это удостоверение можно было бы найти и в порицании их противниками величия России, и в общем, радостном сочувствии, с коим эти заветные слова были приняты в отечестве всеми приверженцами существующего порядка. В царствование Вашего Величества главная задача по министерству народного просвещения состояла в том, чтобы собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем. После десятилетнего периода можно безошибочно сказать, что начала, избранные Вашим Величеством, и управлявшие непрерывно, под моим руководством министерством народного просвещения, выдержали опыт времени и обстоятельств, явили в себе залог безопасности, оплот порядка и верное врачевание случайных недугов.

Представляя Вашему Императорскому Величеству этот очерк истории вверенного мне министерства в течение десяти лет, я имел преимущественно в виду утвердиться в мысли, что это десятилетие протекло не без заметных следов, и что усердием лиц, принадлежащих к министерству, достигнуто несколько результатов утешительных для всех и каждого и оправдывающих неусыпное попечение Вашего Величества о сей важной ветви государственного управления. Сверх того, нахожу себя обязанным оставить на будущее время неоспоримое свидетельство, что лица, коим Ваше Величество поручили,

под Вашим наблюдением, распоряжение этой частью управления, руководствовались не слепым подражанием иноземному, не изменчивым проявлением той или другой мысли, еще менее прихотливой оценкой случайных событий; но рационально, твердо и неотступно покоряясь во всех движениях коренным началам, стремились ежедневно ближе и ближе к цели, систематически определенной.

В заключение всеподданнейше осмеливаюсь с умилением выразить пред Вашим Величеством, что я считаю себя, в полном значении слова, счастливым, что удостоился быть, в продолжении 10-ти лет, орудием Ваших высоких видов, исполнение коих не могло бы иметь успеха, если б непрерывное внимание Вашего Императорского Величества, Ваш опытный взгляд, Ваше драгоценное, никогда не изменяемое доверие не осеняли меня и министерство на каждом шагу и во всех оборотах служебной деятельности.

Приложение 1

ОБ ОСМОТРЕ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТОМ ГРАФОМ ПРОТАСОВЫМ В 1834 И 1835 ГОДАХ

По всеподданнейшему докладу Министра народного просвещения Высочайше повелено было в 1834 году члену главного правления училищ флигель-адъютанту графу Протасову⁹⁰⁷ обозреть учебные заведения в западных губерниях. Граф Протасов снабжен был от министерства инструкцией, главнейшие мысли которой состояли в следующем:

По несомненном удостоверении, что в возвращенных от Польши русских областях посеивались издавна семена непокорности законной власти посредством превратного воспитания юношества, все попечение правительства должно стремиться к тому, чтобы воспрепятствовать на будущее время подобной пропаганде. Необходимо поэтому обратить внимание на состав существующих там учебных заведений, устройство их в образе преподавания наук и в выборе учебных пособий. Замечая, с одной стороны, новое направление общественного воспитания, следует, с другой, — усмотреть, не укрылись ли остатки прежнего порядка вещей, столь губительного по своим последствиям. На графа Протасова возложена была обязанность собрать сведения об образе мыслей чиновников, которым вверено образование

юношества, о содержателях частных училищ и пансионеров, о направлении молодежи и учебных пособиях, принятых за руководство в преподавании.

К инструкции этой присоединена была историческая записка об учебных заведениях в Западном крае. Из содержания ее оказывалось, что со времени учреждения Белорусского учебного округа в 1829 году, в состав которого входили вначале только губернии Витебская и Могилевская, а впоследствии включены были постепенно и все остальные губернии Западного края⁹⁰⁸, заботы правительства направлены были к следующим целям: к учреждению в достаточном количестве казенных училищ, как для дворянского, так и для других сословий, и к изъятию образования из рук католического духовенства. Деятельные меры, принятые для достижения первой из этих целей, не увенчались полным успехом, потому что пятиклассные уездные училища для дворянских детей привлекали весьма малое количество воспитанников. Преподавание наук оказалось в них недостаточным, преимущественно же возникали жалобы на совершенное отсутствие новейших языков в учебном курсе. Что касается закрытия духовных заведений, то при исполнении этого плана встречались затруднения с различных сторон: греко-униатская коллегия⁹⁰⁹ ревностно отстаивала многие из них на том основании, что находились они в удовлетворительном состоянии и приносили большую пользу, а начальство округа не решалось приступить к подобной мере до тех пор, пока учреждением в достаточном количестве светских училищ, возможно будет заменить училища духовные без всякого стеснения для воспитанников и их родителей.

По окончании возложенного на него поручения, граф Протасов представил 15-го августа 1834 года отчет об учебных заведениях в западных губерниях, который состоял из двух частей: 1) из заметок о состоянии этих заведений и 2) из мер, предложенных им для того, чтобы утвердить общественное образование на основах, соответствовавших истинным потребностям населения и видам правительства.

Направление учащейся молодежи обращало на себя главнейшее внимание графа Протасова. Он мог убедиться, что в тех губерниях, где сильнее чувствовалось присутствие польского элемента, как например в Виленской, образ мыслей молодых людей был весьма не надежен, но учебное начальство, по его мнению, не в состоянии было

противиться этому печальному явлению. «Можно смело сказать, — замечает граф Протасов, — что не в училищах почерпается этот дух, но в домах родительских, и что в сем отношении сами отцы развращают детей, стараясь искоренить из них чувства, наставниками внушаемые». Учебные заведения, основанные правительством, находились, более или менее, в удовлетворительном состоянии; на преподавание в них русского языка обращено было особенное внимание и если не всегда достигаемы были при этом желаемые результаты, то причина подобного недостатка заключалась в трудности приискать сведущих природных русских учителей. Впрочем, некоторые гимназии, и во главе их Киевская, не оставляли желать ничего лучшего в этом отношении. Не таково было положение уездных и приходских училищ, находившихся в ведении католического и униатского духовенства: надзор за ними отличался крайней небрежностью; преподавание наук было вообще слабо, преимущественно преподавание русского языка, которым занимались сами монахи, имевшие в нем весьма неудовлетворительные познания. В Базилианском уездном училище⁹¹⁰, в местечке Лядах (Минской губернии) воспитанники не обучались даже вовсе по-русски; в уездном училище города Лиды, принадлежавшем ордену пиаров, не находилось ни одной русской книги, и монахи пользовались самым вредным влиянием на молодежь как в отношении нравственности, так и образа мыслей. Вообще дух, враждебный правительству и русской национальности, был сильно распространен во всех упомянутых заведениях. По словам графа Протасова, замечание это относилось еще в более значительной степени к женским школам. В восьми пансионах для девиц, существовавших в Вильне, господствовало совершенно польское направление, и, несмотря на то, что образование, сообщаемое ими, было крайне жалко, пансионы эти пользовались доверием лучших фамилий. Даже в Киеве находилось одно из подобных заведений, известное своим исключительно польским характером. Но особенное зло причиняли воспитательные заведения для девиц при монастырях, которые были изъяты от всякого влияния учебного начальства, и где дух вредной пропаганды мог развиваться беспрепятственно.

Изобразив состояние учебных заведений в западном крае, граф Протасов предлагал различные меры для искоренения их недостатков. Прежде всего, казалось ему необходимым усилить число русских учителей в гимназиях; в каждом из этих заведений было не более как

по одному или по два природных русских преподавателя, которые хотя и оправдывали выбор и доверие начальства, но усилия их оставались тщетными среди толпы людей неблагонамеренных. Второй полезной мерой могло быть распространение учебных книг на русском языке, недостаток которых чувствовался очень сильно во всех Западных губерниях. Учебники, изданные Виленским университетом, оказались неудобны к употреблению и противны политическим целям правительства. В высшей степени было необходимо, по замечанию графа Протасова, издать особое руководство для единообразного преподавания истории в училищах западных губерний, и к этому руководству присоединить подробный отдельный очерк истории Литвы и Волыни, в котором было бы уяснено, что край этот составлял издревле коренное достояние России. Касательно духовных училищ, коих в Литве оставалось еще много, граф Протасов утверждал, что дальнейшее существование их не соответствует новому направлению общественного воспитания и не оправдывается никакими соображениями, что в отношении нравственном и учебном, заведения эти уступают всем светским школам. «Закрытие их при настоящих обстоятельствах, — говорит граф Протасов, — нисколько не удивит жителей, ибо все умы к тому приготовлены, но через несколько лет, когда новое образование возвращенных от Польши губерний будет приведено к концу, мера сего рода может породить некоторое потрясение. Только непременно нужно наблюдать, дабы по мере закрытия духовных училищ, возникали немедленно в тех же местах или по близости оных светские заведения в должной соразмерности с населением и потребностями страны, куда бы юноши могли тотчас переходить из упраздненных школ». Учреждение университета Св. Владимира должно было, по мнению графа Протасова, принести огромную пользу для западного края, ибо польское юношество, будучи окружено в Киеве русскими жителями и памятниками, невольно начнет изучать язык наш и откажется от сепаративных своих стремлений.

«Дабы произнести беспристрастное суждение о действиях учебных начальств в западных губерниях, — говорит в заключение своего отчета граф Протасов, — должно принять в расчет все трудности, сопряженные с исполнением их обязанностей в такой стране, где дух вражды старается исказить лучшие предприятия и перетолковать чистейшие намерения; где воспитание должно внушать детям правила

и чувства, противные тем, кои они почерпнули с ребяческих лет в доме родительском и приготовить их к борьбе непрерывно по возвращении из училища в семейный круг».

Озаботившись принятием различных мер, сообразно указаниям, сделанным графом Протасовым, Министерство народного просвещения сочло необходимым осведомиться о результатах, которые принесены были ими. С этой целью, в следующем 1835 году, графу Протасову поручено было снова осмотреть Белорусский учебный округ: на этот раз не дано было ему никакой особой инструкции, ибо из прежнего своего путешествия он ознакомился с учебными заведениями в западном краю, а, заняв в последнее время должность товарища министра народного просвещения, имел сведения обо всех распоряжениях и действиях учебного начальства.

Состояние заведений вообще значительно улучшилось, по словам графа Протасова, в течение года. Во всех гимназиях, за исключением лишь Свислоческой и Белостокской, русский язык преподавался весьма удовлетворительно; даже в Витебской гимназии оказались поразительные успехи в этом отношении, между тем, как польский язык видимо ослабевал, вследствие чего и последовала на записке графа Протасова Высочайшая резолюция: «С 1836 года польский язык более в Витебске не преподавать», и подобная же мера немедленно распространена была на Могилев. В уездных училищах преподавание русского языка так же подвинулось вперед, за исключением, впрочем, тех, которые принадлежали еще духовенству. Некоторые из этих школ, как например Несвижская, содержащая доминиканцами⁹¹¹, и Хвайлонская, надзор над которой принадлежал ксендзам — кармелитам⁹¹², находились в крайнем упадке, а потому высочайше повелено было безотлагательно закрыть их. Состояние женских учебных заведений все еще не удовлетворяло вполне требованиям правительства: хотя монастырские училища и подчинены были надзору светского учебного начальства, но лишь те из них, которые устроены были в виде школ для призрения и первоначального обучения бедных девиц, соответствовали своей цели, но в так называемых монастырских пансионах для девиц высшего сословия господствовал, по-прежнему, предосудительный дух. Содержатели частных пансионов обязаны были в исходе 1834 года ввести у себя преподавание русского языка, и граф Протасов озаботился, в силу предоставленной ему власти, закрытием всех тех

пансионов, которые довольствовались лишь внешним формальным выполнением этого распоряжения.

В ряду мер, необходимых для того, чтобы установить на прочных основах дело общественного образования в западном крае, граф Протасов настаивал преимущественно на следующих:

1) Сократить срок вакансий во всех училищах, ибо замечено было, что дети, возвращаясь в дома родителей, скоро забывали там внушения начальства и наставников и потому требовались впоследствии новые усилия, дабы направить их на должный путь.

2) Необходимо было заботиться о распространении учебников и руководств на русском языке, в которых ощущался по-прежнему большой недостаток.

3) Мещанские училища находились повсюду в крайнем упадке, потому что в мещанском сословии христиан считалось весьма немного; класс этот состоял почти исключительно из евреев; дворянство же, даже самое мелкое, чуждалось подобных заведений, находя, что число учебных предметов слишком в них ограничено. Граф Протасов полагал полезным закрыть большую часть мещанских школ как бесполезных для края и озаботился, взамен того, учреждением дворянских пятиклассных уездных училищ.

4) Распределение учебных предметов в гимназиях отличалось большими неудобствами: так, например, преподавание истории России начиналось с VII класса, которого достигали лишь немногие, лучшие воспитанники. Вследствие сего три четверти детей, покидая гимназии, не имели ни малейшего понятия об истории России, между тем как изучение этого предмета имело особенную важность для западных губерний, где оно много могло споспешествовать политическим целям воспитания, уничтожая в молодежи предрассудки относительно общего отечества. Граф Протасов предлагал начать преподавание истории с III класса гимназий.

5) В заключение своего отчета, граф Протасов выражал мысль о необходимости не останавливаться в принятых уже распоряжениях касательно закрытия училищ духовного ведомства.

Представляя этот отчет на Высочайшее усмотрение, министр народного просвещения всеподданнейше доносил, что большая часть предлагаемых в нем мер была уже исполнена графом Протасовым на месте, другие же приготавливаются к осуществлению.

Приложение 2

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ НОВЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КИЕВЕ

Его Императорского Величества собственной рукой написано карандашом: «Неоспоримо полезное дело; но столь же, а может быть, более пользы было усилить способы русского женского воспитания, без которого другое по духу края, не будет достаточно».

19 сентября 1836

В то время, когда заведения публичного воспитания, расцветающие, наконец, на берегах Камы и Волги, получают от отеческого, прощительного взора Вашего Императорского Величества новое движение, новую жизнь, в то самое время проявляются на другом крае Империи благоприятные знаки усиленного стремления юношества юго-западных губерний к образованию народному, по путям Вашим Величеством открытым.

Попечитель Киевского учебного округа донес мне, что, наблюдая за ходом общественного воспитания, он усматривает, что наполнение вновь учрежденных русских учебных заведений столь поспешно, что принимаемые усиленные меры к увеличению способов образования едва только могут следовать за быстрым стремлением местных потребностей.

На сей конец, принимая в уважение, что число воспитанников благородного пансиона при 1-й Киевской гимназии увеличилось в кратчайшее время до 121 человека, что в сей гимназии имеется до 300 учеников, во 2-й 347, а в Киевоподольском дворянском уездном училище 180, попечитель, в дополнение к принятым мерам, испрашивает разрешения:

1) Открыть при 1-й Киевской гимназии *второй благородный пансион* для тех, кои не могут поместиться в первом, и коих число весьма значительно.

2) Открыть в Киеве *2-е уездное дворянское училище* вместо того, которое полагалось учредить в городе Умани, но которое, вследствие Высочайшего повеления, сообщенного военным министром, в минувшем августе месяце, отменено по случаю поступления г. Умани в управление военного министерства.

3) Учредить сверх того, при 1-й Киевской гимназии *особое воспитательное заведение для детей от 7 до 10-летнего возраста*, приготавливаемых к поступлению в нижние классы гимназии.

К исполнению сих предположений, (кои были вообще предметом продолжительной переписки с попечителем) открываются следующие средства:

Во-1-х, второй пансион при 1-й Киевской гимназии может быть учрежден на 60 воспитанников; для непосредственного заведывания оным, под начальством директора 1-й гимназии, нужно определить особого инспектора с жалованием из сумм пансиона и с преимуществами инспекторов гимназий. Расходы на первое обзаведение сего пансиона употребить заимообразно из сумм 1-го пансиона.

Во-2-х, на содержание второго дворянского в Киеве училища обратит 8 000 руб., назначенные по штату на училище в г. Умани, с дополнением по 2 500 руб. в год на наем для училища дома из того же источника, из коего положено отпускать сумму на содержание училища, то есть, из доходов с имений упраздненных в 1832 году римско-католических монастырей. На первое обзаведение сего училища мебелью и другими потребностями понадобится незначительная издержка, которую можно с удобностью позаимствовать из суммы, вырученной за дом, пожертвованный генерал-майором Бегичевым⁹¹³; библиотеку и другие учебные пособия бывшего Уманского монастыря, предназначенные для тамошнего училища, надлежит предоставить Киевскому 2-му дворянскому училищу, с употреблением на их перевозку нужного количества денег из той же суммы.

В-3-х, наконец, воспитательное заведение для малолетних должно содержаться из платы воспитанников; на первое же обзаведение можно уделить нужную сумму из принадлежащей благородному пансиону при 1-й Киевской гимназии. Сие новое, дополнительное к принятой у нас доселе системе училищ, заведение обещает, по моему мнению, обильные хорошими последствиями плоды для того края. Доставляя детям нежного возраста способы приобрести прочное и правильное начало физического и нравственного образования, на котором с большей благонадежностью может быть основано дальнейшее развитие и ход их воспитания, это заведение вполне будет соответствовать воле Вашего Императорского Величества и главной потребности вновь введенной системы, чтобы оградить тамошнее юношество от вредного влияния закоренелых предрассудков и не-

благонамеренных внушений домашнего воспитания, и дать ему с самого малолетства истинно отечественное направление в публичных заведениях. Я не могу довольно одобрить сию мысль попечителя и полагаю даже со временем распространить подобные заведения и по прочим частям Киевского и Белорусского учебных округов.

Сими распоряжениями, кои могут все быть приведены в действие без малейшего обременения казны, укрепляется связь общей системы в юго-западных губерниях, успех коей столь тесно сопряжен с видами Вашего Императорского Величества. Самый состав оной приобретет более единства и прочности, и мы можем, хотя издалика, прозреть время, в которое будущее поколение того края, мало-помалу отвлеченного от своего прежнего, неприязненного направления, займет в кругу верноподданных место, Вашим Величеством ему приуготовляемое.

Имея счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству о таковых соображениях министерства, я осмеливаюсь испрашивать Высочайшего соизволения на приведение в действие первых двух мер и на представление проекта образования в Киеве воспитательного заведения для малолетних.

Приложение 3

ОБЩИЙ ОТЧЕТ В ОСМОТРЕ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА

В исполнение Высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, окончив осмотр университета Св. Владимира и вникнув во все подробности настоящего положения оногo, имею счастье всеподданнейше представить Вашему Величеству полный отчет⁹¹⁴ как в наблюдениях, так и в распоряжениях моих. Да будет мне позволено сперва напомнить в коротких словах о главных видах, коими руководствовало правительство при учреждении сего университета и о том положении вещей, под влиянием коего это предприятие приняло свое начало и ныне продолжается непрерывно. Этим легче обозначится связь моих наблюдений и действий с общими предначертаниями, Вашим Величеством утвержденными.

После того, как высшие учебные заведения, существовавшие в западных губерниях, вследствие происшедших беспорядков, были закрыты, правительство вознамерилось учредить университет Св. Владимира в Киеве.

Намерение правительства при учреждении этого высшего учебного заведения, заменившего собою бывший университет Виленский и лицей Волынский, состояло в том, чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России и соответствующее особым потребностям того края. Поэтому новый университет должен был иметь своим предназначением:

1) Сглаживать, по возможности, те особенные характеристические черты, которыми польское юношество так резко отличается от русского и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, породившую пустое стремление к восстановлению давно утраченной самобытности.

2) Знакомить его более и более с русскими понятиями, сближать с русскими нравами, передавать ему общий дух русского народа и поселять в нем чувства признательности к государю, от коего оно получает все способы к достижению своего образования.

Соединение польского юношества с русским в Киеве, в этом некогда первопрестольном городе России, основательное изучение русского языка и словесности, знакомство с учреждениями и установлениями русскими: вот главные средства, которые были в виду для достижения этой важной цели.

Но при самом приведении этого обширного плана в исполнение естественно должны были встретиться самые сильные и разнообразные препятствия. Важнейшие из них были следующие:

а) Открытие университета Св. Владимира последовало тогда, когда беспорядки, господствовавшие в западных губерниях, едва только миновались; страсти, породившие возмущение, еще не вполне утихли; волнение умов еще продолжалось.

б) Во время беспорядков все учебные заведения в западных губерниях были закрыты; их воспитанники, быв распущены по домам, находились при своих родителях и родственниках, из которых многие принимали деятельное участие в мятежах и с малым разве исключением были враждебно расположены к России. Из сего можно заключить о тех впечатлениях и чувствах, о том расположении духа, которые должна была принести первоначально в университет Св. Владимира большая половина его питомцев.

в) Из соединения польского юношества с русским в одном учебном заведении, по необходимости, должна была возникнуть борьба двух противоположных элементов, и как в самом университете, так и вне его, обнаружиться, так сказать, двойственность понятий с односторонностью взглядов и требований. Дворянство западных губерний, привыкшее к существовавшему пред мятежом во всех его училищах польскому языку, преподаванию на оном всех предметов и к отдельному духу национальности, желало того же и во вновь открытых училищах. Напротив, с другой стороны требовали не только явного противодействия прежнему вредному направлению, но и беспрерывно резкого выражения этого духа во всех отношениях. Не хотя видеть, что воспитание не есть полицейская мера, для исполнения которой достаточно одного наружного повиновения, не хотели видеть и того, что резкие движения, при существовавшем волнении умов, остановили бы на долгое время исполнение главной цели правительства, возбудив явное противодействие в жителях того края, которые, имея свободу не отдавать своих детей в публичные заведения, соделали бы тем невозможным правильное образование возрастающего поколения.

г) Посему заранее можно было предугадывать, что та и другая сторона будет смотреть на действия университетского начальства с предубеждением и недоверчивостью.

д) Наконец, нельзя терять из виду, что одно из главных препятствий было влияние римско-католического духовенства, в руках коего находилось воспитание публичное и частное, в губерниях, от Польши возвращенных.

При таких трудных, неблагоприятных обстоятельствах университет Св. Владимира был открыт назад тому три года. В продолжение трехлетнего существования своего, несмотря на все препятствия, он успел уже достигнуть некоторых немаловажных результатов, а именно:

а) Польский язык употребляется ныне при преподавании одного богословия римско-католического исповедания; все прочие предметы учения, как в университете, так и во всех училищах округа, читаются на русском языке*.

* В Могилевской гимназии сделал я удачный опыт, побудив римско-католического законоучителя употребить в моем присутствии русский язык для экзамена католиков в католическом катехизисе; то же самое повторил я в *Витебске*. Ученики отвечали прекрасно. Можно думать, что с некоторой ловкостью со стороны начальства этот опыт может мало-помалу повториться и в других местах. Таким средством будет польский язык вытеснен из последнего своего убежища в училищах западных губерний.

b) Преподавание на русском языке сделалось до того обыкновенным, что ныне уже ни для кого не представляется ни странным, ни затруднительным. Отсюда само собой открывается,

с) Что употребление русского языка в западном крае входит в обычай и знание его распространяется как в университете, так и вне оно.

d) Русское положительное право изучается в таком обширном объеме, в каком не изучается оно донныне в некоторых Великороссийских университетах. Таким образом, большая часть студентов университета Св. Владимира, по необходимости знакомится и мало-помалу свыкается с бытом русского народа.

e) Русские профессоры оправдали вполне надежды правительства: своими способностями и усердием к службе они успели заслужить общее доверие всего университетского сословия и приобрести уважение края и студентов. Дворянство и студенты видят в сих русских профессорах явное доказательство тому, что просвещение России идет вперед быстрыми шагами и таким образом в них явно утверждается уважение к русской образованности. Сие чувство утверждается и невольным сознанием, что все училища округа ныне находятся в лучшем состоянии, чем они были в прежнем своем быту, и что избранные вновь русские учителя, как своим образованием, так и педагогическим достоинством стоят выше прежних польских.

f) Главный же результат действий правительства, в отношении воспитания юношества западного края, состоит в том, что училища, в отношении к краю, приобрели уже ныне полную самостоятельность. Дворянство убедилось в необходимости воспитывать в них своих детей, а домашнее воспитание в умах родителей начинает терять предпочтение. Из сего выходит то важное последствие, что правительство ныне может действовать совершенно твердо и решительно для достижения своих видов, не вредя тем общему стремлению юношества к публичным заведениям. Сего результата едва ли мог ожидать в такое короткое время тот, кто пять лет тому назад следил внимательно за состоянием умов в западном крае России, и кому известно, с каким чувством родители отдавали в училища своих детей, предпочитая часто оставлять их в руках невежд, чем поручать образованию русскому.

Смело можно сказать, что особенное благословение свыше споспешествовало первым действиям министерства к ближайшему соединению западного края в один общий русский быт. Но при всем том

вековые предубеждения и многолетние действия правительства в противном духе нельзя было преодолеть в столь короткое время. Еще остается много новой борьбы, еще выразится много новых страстей и новых противодействий, и коренной дух ложной национальности, слившийся с самыми сильными и тайными чувствами сердца, можно изгладить совсем разве только в новом поколении.

Смею сказать, что сия самая двойственность элементов, до крайности затрудняющая управление университетом, вместе с тем, содействует Киев лучшим пунктом, какой мог быть избран для учреждения университета, и что едва ли есть в России другой пункт, в котором предположенное уничтожение польской национальности пред общим русским духом могло быть произведено с равным успехом. Истина сего подтверждается опытом. Несмотря на усиленную строгость испытаний, число студентов возрастало ежегодно, несмотря на то, что университет открыт только спустя три года после бывшего мятежа, и что направление поступающих в университет студентов, как выше изложено, должно было быть самое неблагоприятное; мало видно духа партий между студентами русскими и жителями западного края: в первые два года не было со стороны студентов ни одного предосудительного действия и только в третий год, четыре студента сделались виновными в хранении и переписке подкинутых и полученных извне университета возмутительных сочинений, не распространяя их даже далее между своими товарищами и тем не исполняя предположений злоумышленных лиц, имевших гнусное намерение уронить университет в глазах правительства и сделать воспитанников оного первыми жертвами своих преступных намерений.

Напротив, если бы университет не был открыт, и те самые молодые люди, которые ныне находятся в нем, оставались дома и проживали в праздности, то несомненно, что окруженные дурными влияниями, волнуемые праздностью и вынужденным бездействием, они в полной мере сделались бы вредными для края; тогда как ныне они, более или менее, познали свою настоящую пользу, получили основательнейший образ мыслей, свыклись с русским духом и невольно восчувствовали, более или менее, привязанность к тому месту, в котором они воспитываются. Часто упрекают университет в ложном направлении умов его студентов, но разве в университете приобрели они это ложное направление? Нет, оно принесено в университет; и здесь, если не совсем, то наверное отчасти изменилось. Университет

не дает, а отнимает вредный образ мыслей; но он не может принять на себя ответственности в том, что не все *умственно* и *душевно* больные получают в нем полного исцеления, и что никогда не будут являться в иных признаки прежних припадков.

Все вышеизложенное может в глазах беспристрастных служить доказательством, что университет в Киеве достигает предназначенной правительством цели, что он один в состоянии подавить дух отдельной польской национальности и слить его с общим русским духом; что ежели это великое дело и потребует еще многого времени и трудов, то несомненно однако ж, развивается постоянно в своих последствиях; что ежели и много еще предстоит для сего борьбы, то однако ж правительство в сем деле несравненно сильнее; что сама сия борьба и самые противодействия революционного духа и все его усилия еще более ручаются за правильность принятых правительством мер.

Обозначив таким образом общую точку зрения, с коей следовало мне смотреть на университет Св. Владимира, я обращаюсь к частностям моего обзора и к изложению мер, ведущих, по моему мнению, к отвращению всякого дальнейшего расстройств в развитии этого важного заведения.

О студентах

Университет Св. Владимира не находится ныне, как я выше сказал, в своем *нормальном* положении, ибо большей частью наполнен не тем юношеством, для коего он учрежден. В нормальном своем положении университет будет состоять тогда только, когда воспитанники наших гимназий поступят в оный. Теперешняя эпоха есть для университета *эпохой переходящей*, эпохой трудной, но из коей нельзя, по справедливости, вывести ни одного правильного довода против системы, правительством принятой. Эта *умственная крепость*, которая строится вблизи *военной*, не может созревать торопливо. Равномерно нельзя сделать, чтобы не было в губерниях, от Польши возвращенных, поколения, коего первые впечатления почерпнуты в мятеже, а первое образование принято из рук раздраженных отцов и неприязненного духовенства. Не всех этих несчастных удастся нам совершенно исцелить, но кто оттолкнет от дверей больницы, где врачуют, больного, который ищет врачевания? Впрочем, справедливость

требует определительно сказать, что в течение трех полных лет происшествие, о коем я представлял из Киева всеподданнейшую докладную записку Вашему Императорскому Величеству, есть первое и единственное в своем роде. Имена четырех студентов, провинившихся в сем деле, ныне известны всем⁹¹⁵, но кто знает об именах студентов благонравных и благонадежных, составляющих значительное большинство между студентами университета Св. Владимира? Ваше Величество изволили видеть, сколь твердо и даже строго было мое заключение на счет виновных. Да будет мне позволено быть не ходатаем за прочих, ибо пред Вашим Величеством ходатайство за невинных не может иметь места, а просто холодным ценителем той покорности и того безусловного повиновения, с коим университетское юношество приняло мои резкие наставления и меры, коих направление было, как Ваше Величество изволите усмотреть ниже, несомненно противно тайному чувству многих из этих молодых людей, изменяя некоторым образом прежние снисходительные распоряжения и недостаточный за студентами надзор.

Между тем, убедясь совершенно в том, что настало время и удобный случай приблизить университет к истинному своему назначению, уважив, что противодействие частного воспитания, внушенное местным духом, должно быть решительно пресечено, я счел нужным постановить следующие правила, предписав попечителю:

1) Обратить особенное внимание на то, чтобы студенты имели квартиры в таких частях города, где они менее подвержены примерам разврата.

2) Дабы оказать пособие в сем случае нуждающимся в средствах содержания, нанять особый дом для помещения, за умеренную плату (15 р. в месяц) студентов, не имеющих родителей или ближайших родственников в Киеве.

3) Если некоторые студенты откажутся от помещения в наемном доме под предлогом недостатка средств, то таких увольнять из университета на том основании, что если и при таком пособии правительства они не находят возможности содержать себя в университете, то без сего пособия еще менее могут иметь способы к дальнейшему прохождению университетского курса.

4) Всем студентам поставить в неперемennую обязанность неупустительно посещать лекции. Кто в продолжение двух лет, без уважи-

тельной причины, не окажет успехов для перевода в высший курс, того увольнять из университета.

5) Строго наблюдать, чтобы студенты в точности исполняли все предписания начальства и постановленные для них правила, как то: присутствовали при отправлении богослужения, носили установленную для них форменную одежду, всем старшим себя оказывали должное уважение и вежливость и т. д. В случае несоблюдения сих правил по истощении всех домашних мер наказания, исключать из университета.

6) За все поступки, обнаруживающие неблагонамеренность, своеволие, дерзость и неповиновение начальству, подвергать студентов строжайшему взысканию, и в случае недействительности, исключать из университета, а о тех, которые заслуживают большего наказания, представлять мне с заключением попечителя о мере их виновности, для доклада Вашему Императорскому Величеству.

Это распоряжение по части университетской полиции вело к другому распоряжению, более уважительному и общему, имеющему целью изменить, некоторым образом неприметно, состав университетского юношества на будущее время, в том крае. От 30 сентября предложил я попечителю, что для достижения стройного и однообразного приготовления юношества, вступающего в университет Св. Владимира, требуется некоторых особых, по местности, распоряжений, почему и поставил университетскому начальству на вид к надлежащему исполнению:

1) Начиная с приема студентов в 1839 году, принимать в университет Св. Владимира студентами только тех, которые окончили свое образование в гимназиях и прочих казенных заведениях, наравне с гимназиями состоящих.

2) Вместе с этим принять за правило, чтобы к тому же сроку во всех гимназиях Киевского учебного округа поступили впредь воспитанники не иначе, как в низшие классы и отнюдь не свыше 4-го. Сие положение, которое было бы стеснительно и даже вредно в прочих университетах Империи, представляет в университете Св. Владимира важнейшие, по моему убеждению, выгоды. Во-1-х, сближает, по возможности, время, когда университет примет свой нормальный вид; во-2-х, наносит последний удар домашнему воспитанию, столь опасному в том крае; наконец, в-3-х, доставит в училища воспитанников не старше 10 или 12 лет, а не возмужалых юношей, как это было доселе.

Полезные последствия этой общей меры явились мне столь разительными, а благоприятность обстоятельств столь очевидной, что я решился приступить к оной на месте, не выезжая из Киева, с одной стороны, дабы увериться в точнейшем исполнении следующих распоряжений, с другой стороны, считая малодушным не действовать открыто, действуя от высшего правительства и не подвергаться лично в сем случае ропоту, если б могли роптать некоторые из жителей того края. Это ожидание оправдалось успехом: вышеизложенное распоряжение показалось всем естественным последствием моего пребывания в Киеве от Имени Вашего Величества и, по крайней мере, не произвело наружно никакого особого раздражения в умах.

В совокупности с этими распоряжениями состоит еще следующая мера, на которую, равно как и на прочие, имею счастье всеподданнейше испрашивать Высочайшего Вашего императорского Величества утверждения.

Для усиления надзора за студентами университета Св. Владимира необходимо увеличить число помощников инспектора студентов и педелей⁹¹⁶. Полагая первых по одному на 60 студентов, а вторых при инспекторе 2, и при каждом помощнике по одному, по настоящему числу студентов 277 человек, потребуется к имеющимся ныне на лицо, вновь определить: 2-х помощников инспектора и 5 педелей, с производством жалования помощникам, по примеру двух штатных, по 1 500 руб. в год каждому, следовательно, трем сверхштатным 4 500 руб. и разъездных денег инспектору по 500 руб. и помощникам по 300 руб., а педелям жалованья по 600 руб. в год каждому, всего же 10 700 руб. асс.

На наем дома для бедных или неблагонадежных студентов примерно потребуется до 6 000 руб. в год. Все сии издержки до 16 700 руб. ежегодно могут быть отнесены впредь, до окончательного утверждения проекта штата университета Св. Владимира, на счет процентов общего экономического капитала гражданских учебных заведений.

К сему обязываюсь всеподданнейше присовокупить, что, узнав, что многие неэкзаменованные домашние учителя проживают у помещиков того края под разными званиями, занимаясь воспитанием детей, не имея узаконенного свидетельства, я отнесся к господину Киевскому военному, Волынскому и Подольскому ге-

нерал-губернатору с просьбой о содействии в том случае Министерству народного просвещения и о предписании местным начальствам, чтоб во всей строгости наблюдали положения 1 июля 1834 года о домашних наставниках, по коему о каждом родителе, принявшем в свой дом наставника без надлежащего свидетельства, доводимо будет мною до Высочайшего Вашего Величества сведения; в сем же смысле дано мною предписание и попечителю Киевского учебного округа.

О профессорах и наставниках

При переводе Кременецкого лицея в Киев и по присоединении оного ко вновь учрежденному университету, несколько из прежних профессоров лицея, ни в чем не обнаруживших вредного направления, напротив, известных хорошим образом мыслям и поведением, поступили в состав профессоров университета⁹¹⁷. К сему служила поводом необходимость иметь на первый случай в своем распоряжении некоторых преподавателей, известных и любимых в том крае, долженствующих привлечь за собою учащееся юношество; ибо полный набор профессоров, из русских университетов переведенных, не мог сначала достигнуть этой цели. При сем случае было поставлено министерством в обязанность кременецким профессорам не только изучить русский язык, но еще сделаться в кратчайшем времени способными преподавать каждый свой предмет на русском языке. Сколь затруднительно ни казалось это условие, но оно было исполнено с величайшим усердием и с самого открытия университета эти профессора преподают на русском языке внятно, правильно и даже с некоторой приятной легкостью.

Между тем, профессора, призванные из Кременецкого лицея, не смотря на беспорочную их жизнь, и на непрерывную осмотрительность, остаются для многих предметом соблазна и недоверия; по тщательнейшему разбору всех обстоятельств дела, на которое обращено было мое внимание, я убедился, что не только ни один из них не имел малейшего отношения к известному событию, но даже не подлежит ни какому юридическому обвинению, ибо *все* исполнили в точности *все* предписанные им обязанности.

Это засвидетельствование имею счастье изложить пред Вашим Императорским Величеством, присовокупляя, что с этой стороны

я не могу не разделять вполне мнения попечителя Киевского учебного округа.

Но с другой стороны, принимая в уважение, что государственная предусмотрительность не может подчиняться всегда упрямству одно-сторонней логики; что *польза* общая имеет свои особые требования, столь же уважительные, как и требования общего *правосудия*, я считаю себя обязанным доложить, что, по зрелому размышлению о сем предмете, я нахожу, что приспело время, когда этих профессоров можно удалить из университета Св. Владимира по следующим уважениям:

Во-1-х, преимущество над ними русских профессоров, при университете Св. Владимира находящихся, по способностям и дарованию, столь разительно, что как профессора, они лишились своего значения, даже в глазах туземцев. Ни один из них не может равняться с нашими: Максимовичем⁹¹⁸, Неволыным⁹¹⁹, Новицким⁹²⁰ и т. д.

Во-2-х, с удалением польского элемента, усилится русский и университет приобретет чрез это более стройности, более единодушия и сделает новый значительный шаг к усовершенствованию.

В-3-х, затруднительное отношение профессоров из лица поступивших, к студентам университета, требует от первых такой утонченной осторожности (чтобы не дать малейшего повода к сомнению, всегда готовому), что эта самая осторожность, необходимое обеспечение их безопасности, сделала их безответными и страдательными лицами в кругу университетской деятельности. Нельзя упрекать их в этой чрезмерной осторожности, напротив, она заслуживает похвалу; но какое влияние может иметь над юношеством профессор, который не допускает к себе ни одного из студентов, выдается с ними только на лекциях, избегая тщательно даже всякого с ними частного разговора? Профессор, который не находит твердой опоры в начальстве, ниже откровенного обхождения с товарищами? Таковые профессора, конечно, весьма слабые, ненадежные орудия в руках правительства, и в этом отношении открывается ясно, по моему мнению, бесполезность дальнейшего их пребывания при университете Св. Владимира.

Но находя таким образом, что польза, которую министерство хотело получить от сих преподавателей, ныне уже истощена и что по утверждении русской системы в западных губерниях, оно более

не нуждается в этом мгновенном содействии, я не менее того остаюсь совершенно уверенным, что удаление этих лиц должно, по справедливости, быть произведено со всевозможною бережливостью и без малейшего нареkania; ибо, повторяю, они в юридическом смысле *беспорочны* и ни в чем не нарушили данного обещания.

Если этот взгляд на вопрос, о котором многие говорят, но существо и причины коего едва ли кому известны, удостоился бы Высочайшего Вашего Величества одобрения, то я предполагаю постепенно иных из числа профессоров перевести в другие университеты, заменив их в Киеве преподавателями русскими; иных употребить к другим должностям по министерству, иных наконец уволить с заслуженным ими пенсионом, к сроку коего недоставало бы немногих лет. В случае, если это предположение удостоится внимания Вашего Величества, я не замедлю всеподданнейше представить мое соображение о возможности окончить это перемещение безобидно для вышесказанных лиц и даже без особой огласки.

Говоря о профессорах университета Св. Владимира, я считаю долгом донести Вашему Императорскому Величеству, что постоянное усердие, отличные дарования и прекрасный дух русских профессоров в Киеве заслужили особенную мою признательность.

Ваше Величество изволили неоднократно в пользу русских учителей и чиновников, находящихся в западных губерниях, снисходить на некоторое облегчение в строгости правил, вообще о наградах существующих. Я совершенно уверен, что такое поощрение тем необходимее, что чем отличнее преподаватель или чиновник, тем живее желание его возвратиться на родину с переменной места служения. Вследствие сего и в уважение пользы, получаемой от пребывания этих достойных и благородных профессоров в тамошнем крае, осмеливаюсь всеподданнейше ходатайствовать о награждении некоторых знаками отличия; с своей стороны, полагал бы:

Ординарному профессору *Максимовичу* (бывшему уже профессором в Московском университете и первым ректором университета Св. Владимира) орден Св. Владимира 4 степени.

Ординарному профессору, ректору *Неволину* орден Св. Анны 3 степени.

Ординарному профессору *Новицкому* орден Св. Анны 3 степени.
Сверх сего, осмеливаюсь всеподданнейше просить о дозволении

объявить Высочайшее благоволение законоучителю ординарному профессору *Скворцову*⁹²¹, профессорам *Орнатскому*⁹²² и *Богородскому*⁹²³, адъютанту *Цветкову*⁹²⁴, директору 1-й Киевской гимназии *Петрову*⁹²⁵ и инспектору казенных заведений *Люце*.

Я не решился бы утруждать Ваше Величество подобным ходатайством, если б сверх награждения сих отличных чиновников, не имел в виду утвердить их, таковым знаком монаршего внимания, в благом намерении оставаться в университете Св. Владимира истинным ручательством его благосостояния и тем воспламенить их к новым подвигам усердия на трудном и заботливом поприще.

О прочих учебных заведениях в Киеве

Я не буду утруждать Ваше Величество подробностями моего осмотра прочих Киевских учебных заведений, известных и Вам, Всемилостивейший Государь, с хорошей стороны. Ограничиваюсь объяснением, что я их нашел в совершенно удовлетворительном положении. 1-я Киевская гимназия с благородным пансионом, конвиктом⁹²⁶ и школой землемеров, может почитаться образцовым заведением. 2-я гимназия со вторым пансионом, недавно открытые, подают основательнейшие надежды. Во всех этих второклассных заведениях господствуют дух кротости и тишины, примерная дисциплина и отличное прилежание. Цветущие лица воспитанников, непринужденное их обхождение, ребяческая их радость при виде начальствующих, свидетельствуют об их физическом и моральном благосостоянии. Я смею сказать, что осмотр сих заведений содержит в себе лучший ответ на предубеждения тех, кои сомневаются в успехе или даже в возможности вводить систему русского воспитания в Юго-западных губерниях.

В этих заведениях, содержащих ныне до 1 000 человек в одном Киеве, нельзя не видеть плодов отличного усердия и деятельности попечителя фон Брадке⁹²⁷. Если в течение последнего полугодия деятельность попечителя и ослабела несколько в отношении к университету, то это следует отнести, по справедливости, к его недугам и к видимому истощению здоровья, на службе утраченного. К сему же следует присовокупить, что вместе с развитием Киевских учебных заведений, вместе с их успехами, растут и противодействия *внешние* и ненависть недоброжелателей проницательных и пред-

рассудки близоруких друзей. Борьба увеличилась до размера, превышающего иногда силу и присутствие духа местного начальника. Из совокупности принятых и предлагаемых мною мер, Ваше Величество изволите Всемиловитвейшее усмотреть, что я не ослеплялся насчет недостатков учреждения мною любимого, не ослеплялся даже (что гораздо труднее) личным уважением к подчиненному, исполнившему столь успешно предначертание министерства. Где надо было действовать, я действовал неотлагательно, без лицемерия, и как я надеюсь, без слабости, не скрывая от себя, еще менее от Вашего Императорского Величества, то, что нуждалось в моем исправлении; то, что требовало изменений моих; но я считал бы себя совершенно недостойным высокого доверия Вашего, драгоценнейшего моего достояния на поприще многотрудной службы, если б не отдавал должной справедливости чужим трудам, даже и тогда, когда я нахожусь в обязанности что-либо в этих трудах исправить и дополнить. Впрочем, назначение помощника попечителя, усиление всех полицейских по университету распоряжений, принятие бездомных студентов в особый надзор, сугубые затруднения поступать на будущее время в университет, изгнание, по мере возможности, воспитания частного, постепенное удаление польского элемента в составе преподавателей; может быть, личные мои наставления и самые сведения, кои я почерпнул от бытности в Киеве — ручаются, уповательно, на сей раз за обновление университетского управления и за благоуспешное течение оною к предназначенной цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но к достижению этой цели, для многих гадательной, для иных ненавистной, требуется и время, и терпение, и безбоязливый взгляд на предметы, особенно же ясное, полное сознание, что в запутанном отношении того края к центру Империи, оставалось одно неприкосновенное средство к сближению умов, и что это средство употреблено правительством как плод необходимости вековой, как последствие *данных*, от его воли не зависящих. Будущность русских учебных заведений в губерниях, от Польши возвращенных, состоит в теснейшем союзе с будущностью всего края (и эту истину имел я случай повторять ежечасно во время моего пребывания в тех губерниях

и даже при официальных посещениях дворянства киевского и во-лынского). Каждое прикосновение к частному вопросу рождает вопрос общий; каждое движение принимает смысл политический. Легко исчислить все затруднения и опасения, кои для неопытного, поверхностного взора, встречаются на первом плане этого обширного предприятия. В этих замечаниях иное может иметь свою относительную справедливость, но опровержение их, ответы на сомнения, находятся очевидно на каждой странице истории прежних сношений с тем краем. Эти сношения оставили глубокие следы и произвели порядок вещей, может быть беспримерный в истории, коего бесконечное продолжение несовместно с безопасностью Империи. Вот те *данные*, неизбежные последствия коих составляют заботливую часть наследия минувших лет. Вот те неприязненные элементы, среди которых правительство принуждено проложить путь к успокоению умов: ибо слияние *политическое* не может иметь другого начала, кроме слияния *морального* и *умственного*. Эта мысль не новая; она принадлежала, от римлян до Наполеона, всем гениальным правителям, которые имели в виду соединить покоренные племена с племенем победителей, отнеся все свои труды и надежды к будущему поколению, а не к настоящему. Этот опыт не новый и в России, ибо Екатерина II руководствовалась тем же началом. Оно составляет во всех направлениях отличительную черту Вашего, Всемилостивейший Государь, твердого и благополучного царствования. Ваша предусмотрительность не допускает, чтобы будущий продолжатель Ваших великих трудов был некогда принужден идти, подобно Вам, по терновому пути, доведшему Ваше Величество, сквозь столько опасностей и бурь, до самостоятельности высокого предопределения Вашего. Из сего следует, что и в отношении к народному воспитанию, Ваше Величество стремитесь связать едиными узами законов, духа и образования общего, враждующие дотоле племена. Эта мысль терпеливая и обдуманная, неблагоприятствующая минутным порывам страстей, трудная для исполнителей, непостижимая для большинства, но безошибочная в последствиях, олицетворяется, под руководством Вашим, в губерниях, от Польши возвращенных, вручая в духе милосердия и просвещения эту столетнюю язву нашего народного быта. Четыре года, посвященные подобному предприятию, далеко недостаточны, чтоб утвердиться в полном успехе, но эти годы не остались, как иные думают, бесплодными. В течение этого кратковременного действия

достигнуты уже следующие общие результаты, существенность коих не подлежит сомнению, даже в глазах предупрежденных судей:

1) Юношество в учебных округах Белорусском и Киевском, числом более 20 000 человек, находится в руках правительства, и этот шаг совершен без насильственных мер, без принуждения, без всякого выражения власти. В самом низшем смысле, подобных *заложников* мы доселе не имели. Оттолкнуть от себя возрастающее в том крае поколение — это было бы бросить оное прямо в открытые объятия пропаганды, домашних польских воспитателей, римско-католических ксендзов и европейских клубистов. Кто мог бы подумать без ужаса о таком событии?

2) Вместе с поступлением юношества Западных губерний в русские училища, утратилось влияние римско-католического духовенства на публичное воспитание и, согласно желанию Вашего величества, эта подпора мнимой национальности того края, это непреодолимое, таинственное орудие, взято без насилия из рук тех, кои оным владели доселе безотчетно.

3) Домашнее воспитание, верный союзник местных предрассудков, исчезло или исчезает в тех губерниях.

4) От северной Литвы до полуденной Волыни, язык русский распространил впервые свое владычество, расширяя ежедневно круг своего действия. И тут исполнены предначертания Вашего Величества с неожиданной, можно сказать, быстротой, так что *профессор русского правоведения*, окруженный уроженцами западных губерний, находит уже в них не только современную способность следовать с пером в руках, за преподаванием *свода русских законов*, но еще обретает в них страсть к предмету и всемерное желание присвоить себе все тонкости диалекта, дотоле ими презираемого и ненавистного. Есть люди, кои, видя этот успех, полагают, что может быть это знание русского языка, русского духа и быта, обратится когда-нибудь во вред русскому правительству; спрашиваю: какой залог верноподданнической преданности находился в западных губерниях в то время, когда тамошнее юношество знало один *польский язык*, изучало один *польский быт*, и когда под вывеской и на счет правительства русского публичные училища там были *не русские, а польские*?

Всепоподданнейше изложив пред Вашим Величеством, с обычной откровенностью, и наблюдения, и распоряжения, мною сделанные во время осмотра Киевских учебных заведений, я буду совершенно счастлив, если удостоюсь узнать, что, исполнив в точности Высо-

чайшую волю, я действовал в сем случае согласно с видами и намерениями вашего Императорского Величества.

Меры, принятые по Киевскому учебному округу

Предписано по всем дирекциям обращать впредь ближайшее внимание на тех, кои, скрываясь под разными званиями, занимаются домашним воспитанием, не имея законного на то права, и при представившихся случаях приступить к надлежащим мерам взыскания.

Предписано обратить особое внимание на то, чтобы студенты имели квартиры в таких частях города, где бы они были менее подвержены влиянию разврата и связям с людьми неблагонадежными; также поставить им в обязанность неупустительно посещать лекции; а тех, кои в течение двух лет не окажут успехов, увольнять. Наконец, наблюдать за исполнением ими всех предписаний начальства, и в случае проступков, обнаруживающих своевольство и неповиновение — подвергать строгости наказания.

Для усиления надзора за студентами университета Св. Владимира: 1) увеличено число помощников инспектора студентов (2-мя) и педделей (5-ю). 2) Нанят для бедных или неблагонадежных студентов дом, и предписано тех, которые под предлогом недостаточности денежных средств будут отказываться от принятия казенной квартиры, увольнять из университета.

Начиная с приема студентов в 1839 году, принимать в университет Св. Владимира студентами только тех, кои окончили свое образование в гимназиях.

Принять за правило, что бы к тому же сроку во всех гимназиях Киевского округа поступали воспитанники не иначе как в низшие классы и отнюдь не свыше 4-го.

Предположено постепенно заменить русскими преподавателями профессоров, призванных из Кременецкого лицея в университет Св. Владимира и из них иных перевести в другие университеты, иных употребить к другим должностям по министерству, иных, наконец, уволить с заслуженным ими пенсионом. На сем основании *Мицкевич* перемещен в Харьковский университет, адъюнкт *Корженевский* определен директором училищ Харьковской губернии, а профессор *Зенович* уволен от сей должности²²⁸. На открывшиеся чрез сие вакансии и на бывшие еще не замещенными кафед-

ры определены: бакалавр Киевской духовной академии *Авсеньев*⁹²⁹, профессора: *Федотов-Чеховский*⁹³⁰, *Федоров*, *Гофман*, *Нейкирх*⁹³¹, *Траутфеттер*⁹³² и *Деллен*⁹³³.

Об осмотре учебных заведений в Пскове, Динабурге, Вильне, Гродне и Белостоке

Его Императорское Величество
собственною рукою написал карандашом:
«согласен».

2 октября 1838.

Уваров

По окончании осмотра учебных заведений в разных губерниях, имею счастье всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству отчет в моей поездке.

Псков. Отправившись 12 августа в Вильну, заехал я сперва в Псков для осмотра гимназии и благородного пансиона. Как по составу учителей, так и по внутреннему устройству этих учебных заведений, нашел я их в надлежащем порядке. Экзамен, произведенный мною по разным классам, удостоверил меня в прилежании учащих и учащихся. В наружном обмундировании юношества соблюдаются все предписания, на сей конец данные. Я воспользовался сим случаем осмотреть место, на котором предполагается возвести по желанию и на счет дворянства здание для благородного пансиона. Так как самое гимназическое здание довольно тесно и неудобно, а всего неудобнее было бы помещение пансиона отдельно от гимназии, то мне представилась мысль соединить их в одно здание, что могло бы быть вероятно исполнено, если б к сумме, жертвующей дворянством, прибавить примерно до 50 т. р.; в таком случае нынешний дом гимназии обращен бы был на квартиры учителей и чиновников училищных. Я полагал бы выстроить новое здание так, чтоб оно соответствовало церкви Св. Георгия, всемилостивейшее пожалованной Вашим Императорским Величеством Псковской гимназии. На всякий случай приказал я составить план и смету и в свое время представляю о сем особо на усмотрение Вашего Величества.

Динабург. В Динабурге нашел я гимназию в удовлетворительном виде, касательно состава учителей, почти всех поступивших из Глав-

ного Педагогического института; учение во всех классах весьма тщательно, и, по отзыву главных тамошних чиновников, гимназия пользуется уважением жителей. Тут осматривал я новое здание, которое производится для оной по Высочайшему повелению, под руководством Динабургской строительной комиссии. Это здание будет соответствовать цели и даже служить украшением для города.

Вильно. До приезда в Вильну, я питал, откровенно сказать, некоторое сомнение в том, чтоб тамошние учебные заведения, в особенности благородный пансион, заслуживали в полной мере всю молву, о них распространенную. Эта молва казалась мне несоразмерной с недавним существованием этих заведений. Ныне, по продолжительному, обдуманному, строгому осмотру оных даже в мелочах, обяываюсь доложить Вашему Императорскому Величеству, что обе виленские гимназии имеют, каждая в своем роде, несомненное право на общее уважение и на полное одобрение мое. Не затрудняюсь изъяснить даже, что Виленский благородный пансион есть, может быть, то гражданское училище в Империи, которое ближе подходит, сколько я могу судить, к совершенству, по крайней мере, в главных основаниях*. 1-я гимназия, соединяя детей всего населения Вильны, открытая для всех сословий, и составлена будучи из вольноприходящих, должна почитаться заведением, во всех отношениях весьма важным. В директоре *Устинове* я нашел человека, способного двигать этой массой, простирающейся от 700 до 800 человек, способного в одно время одушевлять и удерживать оную и соединяющего с пламенной любовью к питомцам и к своей обязанности, непреклонную бдительность и строгость благоразумную. Вашему Величеству вполне известно, какое затруднение встречает начальник учебного заведения по мере как умножается число учащихся. Тут, как и во всех родах службы, не каждый в состоянии обнять пространное поле, и весьма часто хороший исполнитель в тесном кругу становится неспособным, когда этот круг деятельности расширяется около него. Если же взять в уважение, что это заведение состоит посреди Вильны из всех, без разбора, детей тамошних жителей, то конечно благоприятное засвидетельствование мое пред Вашим Величеством о директоре *Устинове* не может показаться преувеличенным. Осмелюсь приба-

* С Виленским благородным пансионом могу только сравнить *Киевский*, не решаясь определить, которому из них принадлежит первенство.

вить, что в нынешних, несколько смутных обстоятельствах, не только никто из этой массы, в коей встречаются в большом числе юноши 18 и 20 лет, не замешан и слегка в преступных мыслях, но что даже эти вольно приходящие, имеющие по распоряжению родителей, жительство в разных частях города и у разных лиц, известны таким твердым направлением, что хотя многие из них неоднократно бывали пансионерами у жителей, арестованных ныне вследствие политических заблуждений, никто из этих лиц не смел иметь к гимназистам малейшего прикосновения. Многие из арестантов, будучи спрошены: почему не вовлекли или не старались вовлечь в свое предприятие юношей, живущих вместе с ними? — отвечали, что не могли на это решиться, ибо были уверены, что гимназисты откроют начальству всякое подобное им сделанное предложение. Об этом обстоятельстве знает весьма хорошо князь Долгоруков⁹³⁴, и так сказать вся Вильна.

Переходя ко 2-й гимназии, или, лучше сказать, к благородному пансиону, я не могу без умиления донести Вашему Величеству, что память о Вашем прошлогоднем посещении, о милостивом взгляде Вашем, о Ваших благосклонных словах, живет в полной силе слова, посреди сего заведения. Ваше Величество конечно уверены, что не лезть руководит моим пером и что я слишком проникнут важностью и ответственностью возложенного на меня звания, чтобы позволить себе в чем-либо малейшее отступление от строгой истины, и потому смею сказать, что при имени Вашего Величества это цветущее, отборное юношество всегда отвечало мне изъявлением радости непритворной, восклицанием младенческой приверженности и любви. Когда для испытания их в русском языке я задал тему «*Посещение Вашего Величества в прошлом году*», 56 сочинений, писанных, так сказать, пред моими глазами, посыпались со всех сторон, все дышали одним чувством, изображенным в самых различных формах. Когда, в день моего отъезда, я приказал собрать на дворцовом дворе всех питомцев, подведомых мне Виленских заведений числом около 1000 человек, воспитанник благородного пансиона *Бронский*, выступив из рядов, приветствовал меня краткой речью от имени товарищей; сказав прекрасным русским языком, что благодарят меня за приезд, благодарят за отеческое обхождение, прибавил наконец: «Будьте и пред всемилостивейшим государем всегда нашим заступником; скажите ему, что мы помним, что мы любим его, что мы будем достойны его, что и мы его добрые дети...» Тут сей 13-ти летний юноша залился сле-

зами и бросился меня обнимать. Не было, конечно, ни одного зрителя, который остался бы не тронутым этим излиянием чувств, бесспорно неподдельных и прямо из души текущих.

Представив Виленский благородный пансион с этой стороны, не могу не признаться, что после этого морального достоинства, всякую другую похвалу я считаю второстепенной и даже маловажной. Я не буду утруждать Ваше Величество отчетом во всех подробностях обзора, который я как уже объяснил, простираю до самых мелочей и который дает мне уповательно некоторое право сказать ныне, что это заведение мне вполне известно. Не могу однако же умолчать о неимоверных успехах в русском языке, об успехах, которые делали бы честь и лучшему Великороссийскому училищу. Повсюду этот предмет обращал на себя в продолжение моей поездки мое особое внимание, но нигде не был я так удовлетворен сколько в Виленском благородном пансионе. Я смею даже сказать, что не только русский язык совершенно изучен воспитанниками, но что поистине он сделался их собственным языком; мне случалось часто прислушиваться со стороны к разговорам воспитанников между собой даже в часы увеселения и резвости, и никогда никакой другой звук не достигал моего уха, кроме звуков чистого и правильного языка русского. Не запинаясь, можно утверждать, что этот вопрос решен *безвозвратно*. Он и в том крае почитается решенным, даже по мнению тех из настоящего поколения, коим это нововведение внутренне тягостно и, может быть, противно.

Дабы дать сему прекрасному заведению еще более прочности и вместе с этим умножить число воспитанников, особенно, дабы сколько можно удалить от оного всякое влияние извне, столь опасное в том крае, я решился перевести окончательно вольноприходящих, числом не более 20, в 1-ю гимназию, и таким образом, отделив благородный пансион, сделать из него, так сказать, *закрытое заведение* (collège). По изменении существа оного, следует изменить и название, почему всеподданнейше представляю вашему Величеству о переименовании оного по примеру подобных отдельных благородных пансионов в *Виленский дворянский институт*. Впоследствии может открыться удобность возвести оный и до степени *лицея*. Причины, по коим я позволяю себе предвидеть в будущем это дальнейшее распространение, я предоставляю себе изустно изложить пред Вашим Величеством.

Между тем, по совещании с князем Долгоруковым, принимающим столь живое и постоянное участие в этом заведении и к попечению коего следует, по справедливости, отнести большую часть приобретенных успехов, находили мы весьма удобным, пристроить во внутренних дворах еще флигель в занимаемом благородным пансионом здании. Это даст возможность поместить еще до 50 воспитанников. Число желающих столь велико, что несомненно комплект в 150 человек будет всегда полон. Я ожидаю о сей предполагаемой постройке дальнейших местных соображений, считая, что оную можно будет отнести на счет капитала гражданских учебных заведений, в распоряжении министерства находящегося.

Директора благородного пансиона *Кислова* я не застал в Вильне: он находился на Кавказских минеральных водах для поправления тяжко расстроенного здоровья, но следы его деятельности встречены мною по всем частям пансиона. Сверх сего, Кислов приобрел себе в Вильне общее уважение, и кроме самых хороших отзывов, я о нем ничего другого не слыхал. Почему считаю себя обязанным особо повергнуть этого полезного человека в милостивое внимание Вашего Величества. Должность Кислова исправляет инспектор *Бякстер*⁹³⁵, коим я остался совершенно доволен. В составе учителей надобно будет сделать некоторое перемещение и назначить несколько новых преподавателей. К исполнению сего я принял уже все меры.

В бытность в Вильне осматривал я астрономическую обсерваторию, отрывок бывшего университета, переданный по воле Вашего Величества в ведение Министерства народного просвещения, Базилианское уездное училище, состоящее на иждивении сего ордена; обители: греко-униатскую — базилианок, римско-католическую — визиток, бенедиктинскую и сестер милосердия, кои все, более или менее, занимаются воспитанием девиц. Везде уже введен русский язык; с преимущественным успехом и усердием у базилианок и бенедиктинок. Осматривал также образцовый вновь устроенный женский пансион г-жи *Рабцевич*, несколько частных женских пансионатов, в числе коих заслуживает особое одобрение пансион *Германа*, в коем с редким бескорытием воспитываются иногда без всякого возмездия, дети малоимущих семейств, и в котором русский язык сделался предметом всех усилий содержательницы. Дабы поощрить это благонамеренное направление, я, приняв в основание 3-й пункт последовавшего в 1-й день февраля 1837 года высочайшего повеления, опре-

делил выдать г-же Герман от имени Вашего Величества в награждение оказанных в ее заведении успехов в русском языке, 500 р. серебром, о чем всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Гродно. В Гродне посетил я вместе с князем Долгоруковым губернскую гимназию и благородный при оной пансион. Устройством того и другого заведения я остался доволен. В гимназии находится 220 учеников; в пансионе до 40 воспитанников, число коих и в мое уже присутствие умножилось несколькими, вновь поступившими. Гродненская гимназия, как недавно образованная из Доминиканского училища, находится посреди развития, но представляет между тем речительство в достижении цели, ей назначенной; таким же образом и благородный пансион растет постепенно. Директор *Ястребцов*⁹³⁶ и инспектор *Покровский* заслужили мое одобрение, особенно по хорошему их нравственному направлению в крае, где русские чиновники встречали доселе противодействия всякого рода. Успехи в русском языке весьма замечательны. Нельзя также не похвалить хорошую наружность детей и их непринужденное обращение.

Вновь открытый образцовый женский пансион г-жи *Савич* считает уже до 50 и более воспитанниц⁹³⁷. Это заведение обещает скорое и полное устройство. В самый день моего посещения привезены были несколько воспитанниц для поступления в этот пансион. Таким образом, сделан уже, по воле Вашего Императорского Величества, с некоторой удачей первый приступ к преобразованию женских училищ в тех губерниях.

Белосток. В радушном приветствии Белостокского юношества, в отличном прилежании, в благонравной оною наружности, можно видеть утешительный залог совершенного его предания в волю правительства. Экзамен в Белостокской гимназии, в которой я нашел 430 человек, продолжался, как и в других сего рода заведениях, не менее трех или четырех часов сряду. Русский язык сделал тут быстрые шаги и вполне водворен. Прочие части преподавания в удовлетворительном виде. Там имеется вакансия директорская, которую я постараюсь пополнить выбором человека верного и способного. Не могу умолчать, что в день моего отъезда, я собрал всех питомцев гимназии в дворцовом саду и, прощаясь обращался к ним с некоторыми наставлениями, которые были приняты ими со знаком живейшей благодарности, и что, наконец, священное имя Вашего Величества радостно гремело со всех сторон, когда я выезжал из пределов этого мирного и опрятного городка.

Во время бытности в Белостоке занимался я с кн. Долгоруковым соображением предполагаемых мер для перестройки Белостокского дворца в институт благородных девиц, на основании общего доклада нашего, высочайше утвержденного 1 февраля 1837 года. Хотя с тех пор дело сие вышло некоторым образом из наблюдения министерства народного просвещения, но не менее того я считал себя обязанным собрать о сем на месте несколько сведений, кои могли бы, в случае нужды, быть представлены Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице.

Остается мне донести Вашему Величеству о некоторых распоряжениях, кои я нахожу полезными для усовершенствования учебной части в осмотренных мной заведениях Белорусского округа.

Касательно распространения русского языка, я счел нужным постановить, чтобы лучшие произведения на этом языке, писанные воспитанниками, тщательно разобранные особым комитетом из учителей, были напечатаны на счет министерства. Сверх сего, определил я на сей раз, по числу гимназий, по одной золотой и по двум серебряным медалям, кои будущего 6 декабря будут присуждены ученикам гимназии, написавшим лучшие сочинения на русском языке. Можно полагать, что и это средство сильно подействует к возбуждению общего соревнования между училищным юношеством в том крае.

Но для утверждения оного на благом пути усовершенствования морального и умственного, предстоит другая, более общая мера, на которую имею счастье обратить милостивое внимание Вашего Величества. Всегда и повсюду министерство имело в виду, сколько можно, удерживать воспитанников в гимназиях до совершенного окончания курса; но сему повсюду препятствуют много различных обстоятельств, и в числе оных — неимущество родителей. В губерниях, от Польши возвращенных, ничто не может ближе согласоваться с духом нашей системы, как продолжительное удержание юношества в публичных заведениях. На сей конец, казалось бы мне необходимым, по примеру, некоторым образом, Могилевской и Витебской гимназий, определить по 1 000 рублей сер. ежегодно на Виленскую, Гроденскую, Белостокскую и Минскую гимназии, дабы бедные, но благонадежные и прилежные воспитанники могли до окончания курса, получать ежегодно *стипендии* не ниже 25 руб. сер. и не свыше 50. Эта издержка принесет, очевидно, столь много хороших плодов, что если бы государственное казначейство не соглашалось принять

сей расход на первый раз на свой счет, то я думал бы, хотя временно, отнести оный на счет собственных сумм Министерства народного просвещения. На сие всеподданейше испрашиваю всемилостивейшего разрешения Вашего Величества.

К сей предполагаемой мере присоединяет другая, не менее важная для дальнейшего развития училищ того края. При окончании учения Белорусский округ не имеет иного средства, кроме отправления гимназистов в разные университеты Империи; но и тут встречается опять неимение средств со стороны родителей. Ваше величество не найдете ли удобным Всемилостивейше соизволить на учреждение в университетах: С.-Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском по пяти казенных мест (всего 20) для помещения туда на казенный счет лучших учеников Белорусского учебного округа. Каждый казенный студент обходится казне в 500 руб. ассигнациями, следовательно, ежегодная прибавка составила бы по 2 500 р. на каждый университет, на четыре — 10 000 рублей. При первом случае я предоставляю себе доложить лично Вашему Величеству, почему в число означенных университетов я не включаю на первый раз Дерптский и Киевский Св. Владимира. Впрочем, распределение этих казенных мест могло бы быть предоставлено министру. Само собой разумеется, что эти казенные студенты будут касательно выслуги лет в службе, подчинены тем же правилам, как и прочие. Эта мера, благодетельная для этих юношей, будет и мерой, полезной для министерства, ибо увеличит число будущих способных учителей, коих недостаток становится всякий день чувствительнее, при быстром распространении учебной части.

Обращаясь теперь к главному выводу из всех наблюдений, сделанных мной о духе и нравственном направлении важнейших учебных заведений в западном крае Империи, я считаю долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что все эти заведения без исключения найдены мной в наилучшем положении. При усиленных действиях министерства, после перелома, последовавшего в тех губерниях, можно было конечно ожидать некоторого успеха; но успех, смею сказать, превзошел ожидание в том, что система, введенная вновь, пустила там в короткое время столь глубокие корни, что как будто слилась с бытом и с духом по крайней мере юных поколений. Недостатки, в некоторых местах еще не устраненные, не ускользнули от моего внимания, и исправление оных не превышает меры моей

власти. Потому и не буду утруждать Ваше Величество изложением подробных сделанных мной местных замечаний и распоряжений. Ограничиваюсь, так сказать, общим выводом, и этот вывод не может не быть в пользу учебных заведений и в пользу юношества, видимо, спасаемого от влияния страстей, проявляющихся вокруг него. В нынешних обстоятельствах, злой дух самоуправства политического пронесся, как будто чудом, мимо этих многочисленных заведений и мимо пылкой молодежи, в оных собираемой. В Белорусском учебном округе, в котором числится теперь до 267 училищ, до 12 000 и более учащихся и до 1 200 учителей и чиновников всякого рода, ни одно лицо не оказалось, даже издалека, прикосновенным к преступным замыслам горсти отряженных мятежников, коих главное нападение (как уже доказано из перехваченных бумаг и из сознания участвовавших) было устремлено именно на наши новые учебные заведения⁹³⁸. Если к сему прибавить, что и в Киевском учебном округе, где сложность заведений, учащихся и учащихся равняется почти вышепоказанным, нашлось только небольшое число возмужалых юношей, которые, живучи в разных губерниях у родителей и знакомых, были там вовлечены в гибель неумолимой пропагандой, на них со всех сторон направленной, и внесли с собой в университет эти зловерные заблуждения, то нельзя, кажется, не увериться в том, что великое дело, задуманное Вашим Величеством, идет быстрыми шагами к полному успеху. Сожалея о тех, кои не избежали сетей, для них уготовленных, и кои сами себя обрекли наказанию необходимому и справедливому, можно с некоторым спокойствием предвидеть, что сии жертвы врожденного легкомыслия и давнишних раздоров, будут по всему вероятию последние. На попрание вековой борьбы с духом Польши, правительство дает ныне, так сказать, «генеральное сражение». Убитых и раненых может оказаться довольно; но поле самого сражения, по собственному сознанию врагов, остается в руках правительства; ежедневно усиливаются его действия, между тем как все более и более истощаются и силы и надежды противников. «Мы были принуждены, — говорил один из главных мятежников, — торопиться действовать: правительство русское нас опередило; еще несколько лет, и не было бы больше здесь ни одного элемента для революции». Если же к сему прибавить, что все эти замыслы, проистекая из одного источника, внесены в тот несчастный край толпой мятежников, подстрекаемых общим революционным духом, может быть даже тайным

влиянием некоторых правительств, то печальная картина этих событий или, вернее сказать, этих преступных покушений, является в свете истины и может быть исследована без слабости и без преувеличения, с точностью и хладнокровием.

В заключение сего всеподданнейшего донесения приемлю смелость по прежде бывшим примерам, ходатайствовать о Всемилостивейшем награждении помощника попечителя Белорусского учебного округа *Грубера* единовременной выдачей годового оклада 6 000 руб. из сумм государственного казначейства; директора 1-й Виленской гимназии *Устинова* подарком в 2 000 руб., а инспектора благородного пансиона *Бякстера* в 1 000 р.; инспектору казенных училищ Белорусского учебного округа коллежскому советнику *Галлеру*, почетному попечителю обеих Виленских гимназий действительному статскому советнику графу *Хрептовичу*, весьма полезному по усердию к учебным заведениям, и бывшему почетному попечителю Гродненской гимназии камергеру князю *Константину Радзивиллу*, который много содействовал к открытию Гродненского благородного пансиона, отличаясь во всех случаях твердой преданностью к престолу — испрашиваю Всемилостивейшего повеления объявить Высочайшее благоволение; наконец, старшим учителям в Белостокской гимназии: русской словесности — *Александрю Мухину*, истории и статистики — *Евгению Бобановскому*, осмеливаюсь испрашивать награждения орденом Св. Станислава 4-й степени. Особенное внимание, всегда обращаемое Вашим Величеством на учебные заведения Западных губерний, и известная уже Вам, Всемилостивейший Государь, трудность удержать отличных чиновников в том крае, где неуклонное исполнение ими своих обязанностей встречает столько препятствий и неприятностей, побуждают меня всеподданнейше ходатайствовать о милостивом их ободрении сими знаками Высочайшего благоволения, а скромность наград, которые позволяю себе испрашивать, дает мне смелость надеяться, что представление сие удостоится Всемилостивейшего Вашего Величества утверждения.

РИМ И ВЕНЕЦИЯ В 1843 ГОДУ

Kennst du das Land wo die Citronen blühn
In dun keln Laub die Gold-Orangen glühn,
Ein sanfter Wind von blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorber steht...

*Goethe*⁹³⁹

РИМ

...Che sola a se somiglia...

Petrarca

Чего не писали о Риме, и где книга, представляющая полный его образ? Впечатления, оттуда приносимые, во все времена были более или менее личны; они зависят, особенно, от предрассудков наблюдателя и от точки зрения, на которой он стоит. Рим есть неподвижный берег, мимо коего бегут волны. Он неизменен, они сменяют одна другую.

Есть два способа смотреть на Рим и Италию: надо посвятить им значительную часть жизни, разбирая их, с любовью, в подробностях, или довольствоваться общим видом, с высоты. Кто должен ограничиться последним, должен также ограничиться приблизительно верным выводом из его целостности. Может статься, этот взгляд поспешный, этот взор пронизательный и страстный, брошенный на Италию, и, преимущественно, на Рим, выражает в окончательном заключении более чувства, более точности, нежели долгое и трудное изучение, часто теряющееся в мелочах. Я не знаю ничего суше утонченных изысканий антиквариев о том или ином темном месте римской топографии: что важного в названии здания, определении разрушенной дороги, в разбитом камне кенотафа⁹⁴⁰, когда полная мысль от вас ускользает, когда не схватываете безмерной сложности объема, когда деревья, как сказал один германский поэт, мешают вам различать лес?

Изумительная страница Шатобриана в письме к господину Фонтану⁹⁴¹ живописует чудесно влияние римских полей на душу; мне

хотелось бы, однако ж, исключить оттуда «запустение Тира и Вавилона»: по моему мнению, поля римские не степь, они только не возделаны и безмолвны; это земля, уставшая производить и отдыхающая, естественная рама такой картины, важный и мирный саркофаг, где назначено покоиться великому трупу города, которому не суждено умереть.

Шатобриан говорит с восхищением о красоте очерков римского небосклона, о необыкновенном блеске воздуха; он замечает весьма справедливо, что тени никогда там не ложатся тяжело, не сгущаются до черноты; действительно эфирное волшебство, обвивающее город и окрестности, в какой бы час дня ни созерцали их, есть явление, превосходящее все усилия кисти и пера; мне не знакомы ни одна картина, ни одна страница, где бы подобное действие было воспроизведено; лишь римские художники умеют, вернее других, понимать свет и мрак своей родины, как иногда в небрежно сказанных словах любого неизвестного римского обывателя находите оценку более разительную памятников, вас окружающих, нежели в трудно выработанных описаниях наших путешественников.

Единогласно толкуют о печали, царствующей в Риме; не знаю, исказила ли мое суждение радость, испытанная мною при въезде туда, но Рим не показался мне печальным. Когда после я проходил дорогу Аппиеву⁹⁴² до гробницы Цецилии Метеллы⁹⁴³, или, достигнув дорогой Нументанской⁹⁴⁴ Нарзесова моста на Анио, при заходящем солнце, с священной горы, бросал взор на римские поля, я чувствовал себя глубоко растроганным; но это чувство — напрасно бы старался я определить его; во всяком случае, пошлое слово «печаль» весьма дурно выражает упоительное ощущение тишины и душевного наслаждения, порождаемое развертывающеюся великолепною картиной.

Нет ничего досаднее, и ничто столько не возмущает, как стереотипные изречения касательно Италии. По свидетельству большей части повествователей, Италия есть род звенящего острова, разгульной страны, где народонаселение беспечное и легкомысленное предается вещественным удовольствиям. Итальянцев привыкли почитать племенем изнеженным, племенем скоморохов, выплясывающих тарантеллу и повторяющих напевы Россини⁹⁴⁵. Мнение ложное! — все переменилось в Италии; нынешние итальянцы начинают уже не походить на итальянцев Гете⁹⁴⁶, самого добросовестного живописца этой прекрасной страны. Италия Казановы⁹⁴⁷, вертлявая, беззаботная, веселая,

умерла, вместе с черными и красными платьями Каналетто⁹⁴⁸. Теперь итальянец степенен, раздумчив, почти уныл; Италия — край порядка, размышления, жизни внутренней; край, ищущий разгадать довольно темную тайну своих исторических судеб. Такое направление отражается в духе высших сословий, на облике сословий средних и простых. Порода граждан римских есть еще и теперь самая итальянская из всех; и когда тамошний *facchino*⁹⁴⁹, с прелестными своими волосами, как смоль лоснящимися на солнце, со смуглым цветом своего лица, не румяным и не бурым, с умным своим взором и станом крепким, но легким, по меткому чутью художника, накидывает себе на плечи бархатную куртку, выражение его черт принимает отпечаток гордости и спокойствия, исключаяющий даже мысль о пошлом. В первенствующих кругах общества, не упоминая о первенствующем духовенстве, есть люди, которых бы я мог назвать, прилежно, успешно занимающиеся науками и словесностью; только они освящают свои труды искренностью, обнаруживаемую ими во всех делах жизни. Если они увлекаются любимыми науками, то без хвастовства, с единой целью личного усовершенствования. Пренебрегая шумом толпы, не позволяя господствовать над собою журнализму, который угнетает Европу, они никогда не приноравливаются к молве. Надо употребить усилие, чтобы открыть, сколько эта благородная простота обращения и понятий заключает в себе высокой образованности и зрелого просвещения.

Переходя от сих общих, слегка очеркнутых соображений к тому, что собственно касается Рима, встретим недоразумения еще разительные. Здесь, принятые положения опровергаются на каждом шагу. Так церковь, Святого Петра, хвалимая или унижаемая обыкновенными путешественниками по печатным книгам, далеко не изучена с настоящей точки зрения. Все уже сказано о несообразностях распределения, о дурном вкусе Мадерны⁹⁵⁰ и Бернини⁹⁵¹, о недостатке связи и проч., и проч.; подобным разборы отзываются ребячеством. Горе тому, кто будет судить об этом чуде, не вникая глубоко в смысл искусства и Италии! Рассматривая здание прежде только со стороны художественной, вы невольно сознаетесь, что погрешности, заметные в подробностях, совершенно поглощаются великолепием объема. Без сомнения витые столбы балдахина, состав кафедры — странны, не принадлежат ни к какому ордену; изваяния Бернини и его учеников необыкновенно изысканы, стиля ложного,

причудливого; многие памятники посредственны; но станьте в средоточии творения, я бы даже сказал, в завязке поэмы, ибо собор Св. Петра — великая поэма, и увидите, что самые ошибки и смелости возвышают, действительно, совершенную красоту целого. Нет ни одного художнического глаза, который бы позволил себе желать иного на месте того, что есть. Мерить храм Св. Петра по правилам Витрувия⁹⁵², значит порицать Ариосто, основываясь на каком-либо руководстве к риторике. Кто глядит на вещи свыше взором пронизательным, для того сия дивная базилика выражает, ощутительно, перерождение католических понятий в XVI веке. Стиль церковного зодчества в Италии разнообразен до бесконечности; оно облекалось во все стили, оно испытало, оно показало все изменения великой мысли, коей представляет постепенное развитие. Картезианский монастырь в Павии, соборы Миланский и Пизанский, храмы Св. Зенона в Вероне, Св. Петрония в Болоньи, Св. Марка в Венеции⁹⁵³ принадлежат очевидно эпохам, когда художник строил свое произведение, как поэт сочиняет поэму, эпохам, когда искусство было без пределов, и воображение, еще свободное, играло правилами или не знало их. Что ни говори, а созидания, нами теперь поименованные, не относятся ни к какому стилю, или, скорее каждое из них отличается собственным; этот период архитектуры, заслуживающий названия *дантовского*, проявлял, конечно, идею веры и политики тогдашнего времени. Нет ничего прекраснее, ничего величественнее, ничего благочестивее монастыря Картезианского, ничего волшебнее внутренности Миланского собора, ничего важнее храмов Пизанского и Флорентийского, ничего блестящее, ничего причудливее храма Св. Марка. Никогда чувство христианское не возносились на такую высоту, никогда сила государственная не обнаруживалась могущественнее, никогда, также, учение западной Церкви не утверждалось державнее, никогда не действовало живее и торжественнее, как в пору воздвижения сих зданий. Но после години переходной, коей следы можно бы означить шаг за шагом, дух сомнения, под самыми различными видами, проник в сердца; идея иерархии, громимая Реформацией, утратила власть, и искусство, подвергшись крутому перевороту, лишилось своей свободы. Нельзя войти в храм Св. Петра, не мечтая о Лютере⁹⁵⁴, коего тень, кажется, бродит под портиками Льва X⁹⁵⁵. Это святилище есть сделка религиозная и сделка художественная. Убеждение свежее, пламенное

исчезло, строгость догмата поколебалась, со всех сторон умы, при шумных воплях, порывались к неизвестному; надо было помириться с подобным движением, поспешить на помощь изнемогающей веры, окружить ее обаяниями, мирскою пышностью искусства. И храм Св. Петра, изумляя, пленяет воображение, как поэт Феррары⁹⁵⁶, а Картезианский монастырь в Павии поражает ужасом и трогает душу, как песнь Данте⁹⁵⁷. Каждому своя очередь; обе громады представляют выпукло господствующую мысль эпох, им свойственных. XVI век, смелый и блестящий, благочестивый и разборчивый, падкий к нововведениям и охранительный, кажется, весь воплощен, с редкою отчетливостью, в творениях Микеланджело, Браманта⁹⁵⁸ и Бернини.

В Риме возбуждают особенное внимание несметные услуги, оказанные папами художествам. Из двух Римов, стоящих рядом, и без сомнения уже мертвых, не менее другого изумителен великий святительский град средних времен. Верховные сановники католичества, очевидно, спасли остатки мира древнего; Ватикан есть убежище, ими открытое для него; и, точно, ничто не может сравниться с впечатлением, которое производит сей обширный полузапустелый дворец. Начиная с изящного внутреннего портика (Cortile), воздвигнутого по рисункам Рафаэля; начиная с караульных, одетых еще по прихоти Микеланджело, до богатых галерей, обитаемых бесчисленной толпою превосходных созданий, — все мерцает минувшим величием, восторженной любовью к родине и искусствам; и, когда, наконец, после Пия VI⁹⁵⁹ и Пия VII не осталось более ничего делать в недрах Ватикана, Григорий XVI⁹⁶⁰, несмотря на затруднения настоящие, преобразил чертог Св. Иоанна Латранского в новый музей и восстановил из пепла базилику Св. Павла⁹⁶¹. Я имел счастье слышать, как мастиный, царственный пастырь немногими простыми и важными словами выражал наследственную обязанность, возложенную на его престол — быть последним стражем последней римской славы.

Из наслаждений, предлагаемых Римом поклоннику искусств, самое упоительное, самое неожиданное, по моему мнению — посещение Ватикана, при зареве факелов. Ночь, проведенная среди древнего мира, пох Vaticana, не дорого покупается годами усилий и лишений. Уже вблизи палат, торжественное ощущение объемлет сердце: над головами темная синева итальянского неба, искристое отражение светил в куполе Св. Петра и дивных водометов, целые столетия

брызжущих вверх и ниспадающих с шумом; у подножия портика — швейцары папы, или скорее Микеланджело, встречающие чужеземца с пламенниками в руках и провожающие его в галереи; здесь избранные прошедшего, вызванные из мрака и принужденные, так сказать, дружно предстать жадным взорам любопытного — все согласно дает заветному посещению оттенок думы почти умилительной. Мрамор несравненно прекраснее, обольщение разительнее, действие важнее, нежели днем; мысль неотступно обращается к роскошному видению; ничто не возмущает ее: лишь журчит, разливая слабый плеск, прелестный Бельведерский фонтан, и лунный луч, украдкой проникая сквозь портики, словно принимает участие в ночном празднестве. Между мною и тремя особами моего общества в течение нашей медленной прогулки по Ватикану едва ли обменен и один звук: мало-помалу возникает боязнь нарушить невыразимое очарование, вас окружающее; чрезвычайное умение располагать факелы, их блеск, ловко рассчитанный и возможность изменять по воле точку зрения, навевают на изваяния степень одушевления неописанную; они кажутся пробужденными ото сна, и, не знаю, какая-то стыдливость туманит их божественные формы, разоблаченные в сокровенных изгибах. Не только чувство художническое раскрывается тут с внезапною силою, нет, все воспоминания жизни, все размышления зрелых лет, все беглые мечты юности воскресают разом; в этой волшебной толпе воображение, тихо растроганное, ловит прозрачные черты, неопределенные облики предметов самых милых, таинственный отголосок самых глубоких пристрастий сердца; невольно глаза увлажняются слезами, и никто не оставляет сей ограды, не благословляя судьбы, которая уделяет умам счастливым незаменимое блаженство, полное вознаграждение за усталость долгого странствования, скажу даже за недочеты минувшего бытия.

В поздний осмотр Ватикана Фавн, держащий на руках маленького Вакха, Целомудрие, Демосфен, Нил, Дискомет, присевшая Венера, Мелеагр, колоссальный Юпитер, бюст Юпитера, бюст Августа в молодости, и наконец, и особенно, Аполлон с Лаокооном, две статуи по преимуществу были поочередно целями нашего пристального внимания. На другой день утром первой заботой моей было поспешить в Ватикан... Прелестно! Разумеется, блистательно! Великолепно! Но уже не стало ночного обаяния, не стало вчерашнего набожного вызывания обитателей из протекшего мира неземной красоты.

Единственное зрелище, несколько сходственное с предыдущим, есть вид Колизея при сиянии месяца. Вообще, и никто, лучше древних, не знал этого, памятники зодчества, ваяния, живописи весьма много выигрывают, если созерцать их в раме темноты. Озаренные естественно или искусственно, здания принимают важный отпечаток величия; можно увериться в том, подходя в сумерках к собору Св. Петра, или Колизею. Сей последний, днем трудно восстанавливаемый в понятии, оттеняется мраком и озаряется дивно лучами итальянской луны, которую аббат Галиани⁹⁶² справедливо предпочитал солнцу наших стран; огромное горнило света, утверждающееся тогда в средоточии арены, постепенное ослабление его сквозь распавшиеся галереи и своды, и легкие пары, смягчающие очерк дальних мест, производят самое усладительное действие. То же замечу о фасаде церкви Святого Петра: при луне он будто разрастается, принимая наружность спокойную и громадную, в коей отказывают ему другой порой, его формы, порядочно вычурные. Божественная колоннада еще божественнее, когда месяц вырезывается и рисует ее изящные чудеса.

Но, говоря о Ватикане, я, кажется, упомянул только о музее скульптуры; музей живописи не менее превосходен; он содержит в себе картин шестьдесят; из них, однако, тридцать — творения отличные, а четыре или пять — верх совершенства; впереди всех блестит «Преображение», изумительное создание Рафаэля, завещавшего потомству лишь создания изумительные; его «Богородица» Фолиньо⁹⁶³ и Доминикиново⁹⁶⁴ знаменитое «Причащение Святого Иеронима» красуется в той же зале. Рафаэль имеет право на изучение отдельное, и подобным изучением можно заняться, исключительно, между Флоренциею и Римом. Напрасно старались разнять его художническую жизнь на три последовательные направления; тщетные хлопоты: у Рафаэля открываем не три направления, а разве тридцать, разве все. Рисовщик, каким никто не сделался в равной степени, каким не сделался даже сам Леонардо да Винчи⁹⁶⁵, достойный еще спорить с ним в этом отношении; колорист такой же, как и Тициан⁹⁶⁶, но колорист совестливый, не натянутый, не изысканный; сочинитель выпрениний во фресках Ватикана; потом, вдруг, живописец ежедневного быта, заботящийся о подробностях, о мелочах: стоит взглянуть на восхитительного *suonatore di violino* дворца Скиара-Колоннского⁹⁶⁷, где изображению меха и бархата позавидовал бы любой фламандец,

и где голова затмевает самые яркие головы Веласкеса⁹⁶⁸, — Рафаэль покорил себе все части искусства.

Фрески Ватикана, одни, заслуживают путешествия в Рим; надо торопиться их видеть, пока время не изгладило дотла их следов; его опустошение бросается в глаза; уже лучшая из них, Афинская школа, к сожалению, стирается: угадываешь скорее, нежели обнимаешь связь целого; очерки неопределенны, сбивчивы, краски портятся с каждым днем, явнее. Но и в настоящем положении она замечательнейшая фреска в мире, последнее слово этого рода живописи, как «Преображение» есть последнее слово живописи на масле. Чтобы убедиться в высоте, достигнутой Рафаэлем касательно колорита, взгляните, в сих палатах, на «Освобождение Святого Петра», на «Спор об Евхаристии», на «Встречу папы Льва Св. с Атилою» — три картины, свежее прочих сохраненные. Помышляя, что фрески Рафаэля исчезают, что «Тайная Вечеря» Леонардо да Винчи в Милане теперь почти призрак, который через двадцать лет пропадет, что «Страшный суд» в Сикстинском приделе с часу на час тускнеет, что в большей половине италийских церквей работы славных художников, от нерадения, быстро повреждаются, с прискорбием ожидаешь эпохи довольно близкой, когда от пышной новейшей живописи останется немое письменное предание; когда Рафаэль, Микеланджело, Леонардо очутятся наряду с Парразиём⁹⁶⁹ и Апеллесом⁹⁷⁰, насильно воскрешаемыми ученостью и коих деяния освещаются только немногими греческими эпиграммами да редкими строками в книгах Плиния⁹⁷¹. Труды Рафаэля в галерее внешней, милая придача к его милой зодческой поэме, венчают величественную идею художественного гения в полном его развитии; так, при выходе из Сикстинского предела должно спешить к Святому Петру-Вериг⁹⁷² — поклониться Микеланджелову Моисею, превосходнейшему мраморному произведению новейшего ваяния. Всюду, в Риме, чувствуешь необходимость ловить каждый день на лету, *carpere diem*⁹⁷³, по выражению Горация: но ко всему примешивается невольный страх, смутная угроза будущего.

Из частных галерей, самая блестящая, здесь, без сомнения, галерея Боргезе, а дворец Боргезе⁹⁷⁴ самое богатое из жилищ; оно единственное в своем роде, не кажущееся покинутым; единственное, возвещающее присутствие хозяев ощутительно, шаг за шагом. Я не позволю себе исчислять сокровищ этого собрания, где есть первостепенная картина Рафаэля и другие чудесные Тициана; нужно

сказать несколько слов о знаменитой вилле Боргезе⁹⁷⁵, любимом гульбище, Елисейских полях Рима, одном из тех исполинских имений, которые римское дворянство громоздило во времена своего могущества. Народный праздник, даваемый там ежегодно в начале октября, живо впечатлелся в моих воспоминаниях. Тогда князь Боргезе приглашает Римских обывателей на свой прием, и обыватели римские едва занимают треть садов, окаймляющих виллу; меня только же поразило радушие хозяина к гостям, сколько и радушие гостей относительно хозяина. Вообразите — в ограде, усыпанной песком, устланной дерном, окруженной деревьями, от двадцати до тридцати тысяч человек, любующихся на конские скачки, на пляски гаеров, на выставку зверей, и князь Боргезе докажет вам, что ни ветви, ни цветы ничего не потерпели; представьте себе такое многолюдство — я не решаюсь назвать его чернью, такое многолюдство, говорю, почти целиком состоящее из мужчин прекрасных, чисто одетых со взорами светлыми, умными, из статных затеверинцев (*transteverains*)⁹⁷⁶ и их смуглых, черноглазых жен, купно наслаждающихся, словно по наследственному чутью, игрищами, страстно нравившимися их праотцам. Тут не происходит ни малейшего замешательства, ибо тут каждый простой гражданин почитает себя лично приглашенным: столь общее убеждение выражается осанкой, какую принимает житель Рима, чрезвычайной учтивостью, им расточаемой, свободой, с какою вместо плаща набрасывает он на плечи бархатную куртку, лентою, развевающеюся на его шляпе. Не должно забывать, что стража, вооруженная сила, заключается в пяти или шести жандармах; и когда по окончании увеселений, вы услышите почтительные восклицания толпы, приветствующей ласкового, тороватого владельца, а потом расходящейся в порядке, без шума, вы ощутите в глубине сердца искреннее сочувствие к благородному племени, которого ни унижение политическое, ни нравственная порча не могли уронить, и которое сохраняет несокрушимую основу, подобное в этом медалям своих предков, не сглаженным от трения и под ржавчиною являющим заглавные буквы имени Цесаря или профиль Марка Аврелия.

Другие богатые усадьбы рассыпаны около города; я ограничусь, назвав виллу *Дория-Памфили*⁹⁷⁷, мрачное великолепное обиталище, уже не находящее места в нынешней римской жизни. Но нельзя промолчать о вилле *Альбани*, убежище мудреца и вельможи⁹⁷⁸, ук-

рашенном живописью Менгса⁹⁷⁹, где родилась новейшая археология, где Винкельман⁹⁸⁰ занимался своими превосходными исследованиями? Влияние ученого антиквара на ученого кардинала и связь музея Альбани с учреждением музеев ватиканских представляют любопытную эпоху в истории памятников древности. Никогда собиратель не бывал в благоприятнейших обстоятельствах, как кардинал Александр, и его коллекция, отчасти перешедшая в руки правительства, содержит в себе еще множество драгоценнейших предметов: изящный базальтовый бюст Юпитера, несколько отличных изваяний, ваз, дивных треножников, прославленных Винкельманом. Распределение комнат, здоровый воздух, устройство сада в тогдашнем вкусе — все содействует к тому, чтобы сделать из виллы Альбани собственность, которой невольно завидуешь; ни одна, впрочем, не объясняет удовлетворительнее общественное положение римского кардинальского сана в середине последнего столетия. Прогуливаясь по дворцу и рощам, мне чудилось, будто вижу кардинала, в сонме путешественников, антиквариетов и художников, опирающегося запросто на руку своего друга Винкельмана и увлеченного оживленными беседами, которые теперь почитались бы назидательными, исполненными сведений, а в ту пору создавали новую науку. Все особы, их окружавшие, нам коротко известны, и воображение без усилия восстанавливает картину, где рядом с широкой и, пожалуй, чопорной роскошью князя церкви развивались просвещение ума, уточенность взглядов и страстная любовь к искусствам, неотъемлемое достояние привычны посетителей виллы Альбани, любовь, доведенная знаменитым помещением до восторга самого своеобразного. Ослепнув в преклонных летах, старец еще остался так опытен осязанием, что, прикасаясь к статуе, определял ее качества и красоты; нередко его встречали в большом экипаже, сидящего о бок с греческим торсом; однажды, сказывают, он не мог отвезти домой товарища из Ватикана: помешал обломок от Дианы Звероловицы, занимавший часть кареты. Смотря еще теперь на виллу Альбани, теперь, когда одушевление к художествам остыло; когда римская багряница легко падает на плечи мещан, в рядах коих западное духовенство всегда по преимуществу избирало себе сослуживцев, кардинал Александр, кажется, только что покинул свои сияющие чертоги, отправившись искать замечательный мрамор, или надпись, разборком коей он намерен позабавиться. Вилла Альбани

кроме того поддерживается лучше других: она досталась графу Кастельбарко (Castelbarco), и он, конечно, дорожит обязанностями, налагаемыми подобным наследством.

Я пишу эти строки перед восхитительным трофеем поездки моей в Италию, прекрасной урной дворца Альтемпского⁹⁸¹. Созерцая этот пышный плод греческого искусства, охотно убеждаюсь, что Винкельман, говорящий о нем в своих сочинениях, наблюдал его вместе с кардиналом Альбани, и что замысловатые барельефы, отличающие наружную сторону памятника, порождали случаи к разным совещаниям между двумя великими знатоками, коих имена пребудут незабвенны поклонникам художеств и древности. Ваятель, некогда иссекший столь совершенное произведение, далеко не подозревал, что оно попадет, сначала, к одному из римлян, слывших порядочными варварами, а через много веков спустя, украсит ученый приют еще варвара в стране гиперборейской, неизвестной грекам даже по названию. Странная судьба творений искусства! — переходить из края в край, от поколения к поколению, как скоробеги Лукреция⁹⁸², которые, раз пустившись, передавали из рук в руки зажженные факелы; в таком-то смысле особенно можно присовокупить с поэтом: *et vitae lampada tradunt*⁹⁸³. Существование народа не слагается ли наполовину из искусства, наполовину из политического могущества? Когда любой из сих стихий недостает, жизнь общественная неполна; племена, лишенные обеих, не подлежат ведению истории.

Кроме своих обширных музеев, назначенных для искусств, Рим обладает первостепенными учеными заведениями: библиотека ватиканская по весьма значительному количеству манускриптов и выбору книг наряду прекраснейших в мире и самая прекрасная из всех по великолепию помещения. Вопреки принятому мнению, она легко отвергается иностранцам, и учтивость зрителей равняется их познаниям. Я видел там превосходный экземпляр на веленовой бумаге «Полиглоты» Хименеса⁹⁸⁴, экземпляр, при посвящении подаренный лично Льву X, творения Гомера, изданные во Флоренции, *princeps*⁹⁸⁵, также на веленовой бумаге, прелестные; очаровательные рукописи, испещренные миниатюрами дона Джулио Кловио⁹⁸⁶, именуемого итальянцами Рафаэлем миниатюры; с ними может соперничать лишь часослов того же художника, удививший меня в Неаполе, — истинная драгоценность! После книг и рукописей Ватикана, на кои, боясь моей страсти к библиографии, я взглянул мимоходом, нет ничего занима-

тельное старинных церковных греко-итальянских образов; их собрание составляет неоценимое сокровище. Для подробного исследования библиотеки и редкостей Ватикана едва достаточно длинной цепи годов.

Коллегиум Пропаганды, основанный Урбаном VIII⁹⁸⁷, есть учреждение, стоящее уважения человека благочестивого и мыслящего, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал. Исключая возвышенной цели распространять Евангелие по лицу земли, нет сомнения, что в отношении филологическом только, никакое светское заведение в Европе не может спорить с этим. Число воспитанников простирается до ста или ста двадцати; они содержатся очень попечительно и хорошо; там вы заметите китайца возле ирландца, абиссинского, почти черного мальчика возле русоволосого обитателя Германии. Начальники училища радушно пригласили меня осмотреть оное пристально, начиная с музея Борджиа, богатого арабийскими, коптскими, сирийскими манускриптами, до спален и внутренних комнат. Общая трапеза молодых людей, сошедшихся с четырех концов мира, отзывается чем-то набожным, трогательным; они были мне названы поочередно, и принадлежат всем известным племенам, кроме славянского, осуществленного единственно двумя или тремя булгарами. Порядок устройства показался мне превосходным; на лицах юношей блистают здоровье и довольство, невольно поражающие наблюдателя.

В окрестностях Рима рассеяно множество маленьких городков, славных именами, и мест живописных, прелестных: Фраскати, Альбано, в особенности же Тиволи, древний Тибур. Последнему, музам незабвенному, надо посвятить целый день; прогулка, нами туда предпринятая, оставила во мне самые приятные воспоминания. До Тиволи поля бесплодны, и не слишком разнообразны; но, достигая высот, чувствуешь странное ощущение, когда попираешь почву, которая носит на себе отпечаток великого Августова века⁹⁸⁸. Сперва должно посетить огромные сооружения, исполненные в нынешнее время с целью свратить русло Анио и предохранить Тиволи от неминуемой гибели, сооружения исполинские, ставящие Григория XVI вровень с его знаменитейшими предшественниками. Из середины подземных сводов, тут воздвигнутых, открываются перед вами в одном направлении храмы Весты и Сивиллы, в другом — водопад, коего пена, играя лучами солнца, разбивается на тысячу радужных цветов. Потом обыкновенно

оправляются на осях вдоль противоположного берега около каска-телл⁹⁸⁹. Нет ничего упоительнее, как совокупный вид водопада, больших и малых горных потоков, увенчанных развалинами, еще не распавшимися, палат Меценатовых, превращенных в завод промышленностью, одною из язв новейшего общества. На пути вас приводят к остаткам домов Катулла и Горация⁹⁹⁰; но, дабы проникнуться таким убеждением, нужно иметь, не скажу глаза веры, по крайней мере глаза поэзии, и воображение, здесь обязано восстанавливать то, что с трудом могла бы определить наука антиквария. Наконец, в заключение очаровательного дня, взбираются к *villa d'Este*, пышному созданию кардинала Ипполита д'Эсте⁹⁹¹, покровителя Ариостова, царственному жилищу, оставленному столетие тому назад, герцогами Моденскими⁹⁹², в добычу запустения, на которое жаловался уже президент де Бросс⁹⁹³. Лицевая сторона зámка обсажена огромными кипарисами, теперь, отчасти, срубленными; уцелевшие составляют еще величавый подъезд; чертог построен в возвышенном стиле Браманта. Охотно представляешь себе в этих храминах и садах кардинала Ипполита и его роскошный двор, слушающими, под тенью сих дерев, сладостные мечты *Messer Lodovico*⁹⁹⁴, и превозносящими, по свидетельству самого кардинала, преимущественно, забавные их намеки. Если *villa Albani* напоминает общественное положение князя церкви в XVIII веке, *villa d'Este* дает меру его могущества в XVI. Нельзя проходить подобные развалины, ибо, действительно, дворец и сады скоро поникнут грудю обломков, без печальных дум и не сказав себе, что, достанься вилла д'Эсте не моденским герцогам, а папам, она сохранялась бы с набожной попечительностью, какую прилагает римское правительство — беречь, коли оно не созидает — род достоинства, ясно понятого только в Италии. Такое мнение внушают *villa d'Este* и *Фарнезина*⁹⁹⁵; они разрушаются лишь потому, что власть главы католичества перестала их поддерживать.

Надо сознаться, отеческая заботливость, благочестивые обязанности, принимаемые наследственно каждым первосвященником, блюсти для других, а не для себя, *urbi et orbi*, сокровища искусств среди следов бытия, невозвратно исчезнувшего, невыразимые красоты неба, отголоски прошедшего, роем вырывающиеся из почвы, приятность жизни, наконец, обширное веяние покоя и терпимости, обдающие иностранца, делают из Рима собственность образованного мира и отечество тех, кто уже не имеет отечества. Рим — тихое убежище,

беспреданно отверстое падшему величию и умам разочарованным, самым ярким и самым неизвестным скорбям; там не забываешь своих несчастий, но несешь их бремя с большим мужеством; горесть облекается стыдливостью на земле, смоченной кровью и слезами. Тут, где столько людей страдало, где пало столько поколений, предаешься с какой-то осмотрительностью впечатлениям чисто личным. Человек, мыслящий и чувствительный, человек, приготовленный занятиями и вкусом к этому возвышенному зрелищу, скоро с ним роднится. Посетить Рим — есть почетное воспоминание; оставить его без глубокого сожаления — дело невозможное. Хотя и не покидать там никакой привязанности, хотя оттуда никакой не выносишь, сердце сжимается, когда снова проезжаешь *porta del Popolo*⁹⁹⁶, для возвращения под свой далекий кров. В роковое мгновение расставания Рим весь предстает глазам вашим, как особа нежно любимая; вы простираете к нему руки, и он издали, кажется, бросает прощальный взгляд на иноземного странника, которого лелеял в стенах своих и осенял свою тенью.

Поречье, близ Москвы, август, 1844

ВЕНЕЦИЯ

Tibi rident aeqora ponti.

Lucretius

Оставляя Рим, уносите с собою впечатление, что великая книга Италии для вас закрылась; все, обольстившее с первого взгляда, слабеет при возвращении. Сама Флоренция, прелестный город, не ускользает от разочарования, которое преследует путешественника. Чудеса дворцов Питти⁹⁹⁷ и трибуны едва поддерживают пробужденное любопытство; Ниобее⁹⁹⁸ приносится только дань умственная, и мысль еще перестанавливает ее в Ватикан, отчизну возвышенных созданий ваяния; находящиеся в других местах кажутся изгнанными их родины.

После Рима и Флоренции все является бледным и холодным. За Апеннином нет Италии; напрасно Болонья отворяет вам свой оча-

ровательный музей, Феррара разворачивает воспоминания об Ариосте и Тассо, — вы словно касаетесь крайних пределов страны: с печалью видите небо менее голубое, дышите воздухом менее чистым. Воображение, растроганное и усталое, мало-помалу свивает свои крылья и решается на скорбь сказать последнее прости земле Итальянской.

Затем порою, когда чувствуешь себя под гнетом грусти, отовсюду стесняющей разумение, в день сероватый и туманный, в час мечты и томления, вдруг возникает перед вами из-среди моря что-то похожее на город, что-то, растущее по мере приближения, что-то, изумляющее вас сначала и потом вам нравящееся. Венеция, одним словом, Венеция прекрасная, богатая, могущественная, самовластная; Венеция ныне страждущая, обобранная, и подвергшаяся оскорблениям времени более жестоким, нежели иго ее победителей.

Нет ничего столь печального, как первый облик новейшей Помпеи, которую называют Венецией. Представьте себе город, пораженный недавним бедствием, пощадившим стены и сгубившим жителей, тогда поймете ощущение, сжимающее сердце; не то животворное ощущение, какое внушают развалины римские, а ту грусть неопределенную, ту глубокую тоску, овладевающую вами при виде храмин пышных и запустелых, коих обитатели были тут, кажется, сейчас или театра полуосвященного, лишенного зрителей, или бальной залы на другой день после пиршества.

Венеция, действительно, отражает сии разные отличительные черты: обширное могущество ее составлялось искусственно, как почва из свай, служащая ей подножием; она была подозрительна и жестока, но вместе игрива и великолепна. *Мост Вздохов*⁹⁹⁹ рядом с картинами Павла Веронезе¹⁰⁰⁰; между *Колодцами* Герцогского дворца¹⁰⁰¹ и свинцовыми кельями, где стонали государственные узники, цвели чудеса искусств и кипели наслаждения жизни. Там умирали тихомолком, но жили шумно. Половина Европы сделалась денницею города, рожденного из лона лагун; ничего не останавливало исплинского честолюбия горсти людей, трепетавших перед излишеством собственного могущества; когда же издалека валил великий флот левантский, нагруженный сокровищами мира, тогда забывались жертвы глухой, непреклонной тирании: целая Венеция увешивалась флагами, при воплях народа, упоенного радостью и располагавшего по воле всею роскошью, всеми богатствами земли.

Берега Большого канала украшены дворцами один другого изящнее, но молчаливыми и полупокинутыми. Несколько гондол, черных подобно гробам, редко и быстро скользят между волн; от времени до времени отворяется ставень, и взор украдкой падает оттуда на иностранца, взор любопытства, без занимательности, без жизни; иногда милая ножка, обутая венецианскою сандалией, приподнимает занавес балкона, наклоненного на воды, и ничто не прерывает молчания, кроме однообразного крика перекликающихся гондольщиков. Эти громадные жилища, эти пышные здания, полуитальянские, полумавританские, просят милостыню воспоминания. Нынешняя Венеция знаменуется австрийским часовым, медленно расхаживающим у подошвы дворца Пизани или дворца Фоскари, и под ружьем, кажется, ожидающим последнего вздоха изнывающего города.

Таково начальное впечатление; впрочем не останавливайтесь на нем! Спешите сесть в гондолу, носитесь по набережной Славян; по мере приближения все облекается в новый вид. Если луч нежного солнца Италии осветит лицевую сторону церкви Св. Георгия Старшего и остров Джуудекки с дивным святилищем, лучшим произведением Паладия¹⁰⁰², — перед вами развернется очаровательнейшая картина, и когда сойдете на сушу у Пиацетти, печаль, сжимавшая вам сердце, рассеется, — вы остановитесь, пораженные изумлением и восторгом: на правом углу Палаты дождей — огромное строение средних времен, любопытный образец венецианского зодчества, самостоятельного, не похожего на иное; далее, слева, — продолжение сводов Прокурация¹⁰⁰³; в глубине — бок базилики, коей вид тогда только полон, когда смотришь на нее с середины площади. Довольно заметить, что после чудес Италии, после соборов Миланского и Св. Петра в Риме, с церквями, его останавливающими, после картезианского монастыря в Павии, храм Св. Марка ослепляет вас внезапностью причудливостью создания, возникшего под обоюдным влиянием стиля византийского и аравийского, волшебным перебитым изяществом итальянским, подобно восточной поэме, переложенной на европейский язык. Если бы позволено было прибегать к ветхой противоположности слога классического и слога романтического, противоположности изношенной, ничего не объясняющей, я бы сказал, что здание Св. Марка содержится к зданию Св. Петра, как песнь персиянина Фирдоуси к «освобожденному Иерусалиму» Тассо; и такое пошрое

сближение еще не выразит относительного достоинства двух различных произведений, равно громадных, равно удивительных.

Базилика принадлежит к X веку. Она не подчинена определенному ордену; никогда не являлось смешения столь смелого и странного всех вкусов, слитых воедино. Архитектура Св. Марка вместе и греческая, и римская, и готическая, в особенности же мавританская и византийская, но аравийская стихия господствует снаружи, а византийская, явно, в распределении внутреннем. Нет ничего живописнее этой совокупности Рима, Каира, Константинополя и Ахена. Богатство составных частей бесценно: на каждом шагу сияют порфир, яшма, мозаика, бронза, дорогой самоцветный мрамор; целое дышит теплотою, прелестью неподражаемыми.

Повторяли досыта, что собор Св. Марка темен, низок; мнение несправедливое! Размеры — совершенство; церковь представляется даже больше, и место перед ней просторнее, нежели обыкновенно полагают. Каналетто¹⁰⁰⁴, по преимуществу, живописец Венеции, далеко не дает удовлетворительного понятия о величии объемов; конечно, площадь Св. Марка, озаренная ярким солнцем Италии, раскидывается картиной пышной, много превосходящей ожидание, и восхитительной еще после памятников Рима, именно потому, что храм, на ней воздвигнутый, находится на другом полюсе искусства и что всякое сличение на поверке отозвалось бы нелепостью.

Жизнь Венеции, сколько ее есть, приютилась к собору Св. Марка и окрестностям его. Тут сердце, кажется, покамест бьется, между тем как около все или оцепенело уже, или цепенеет. Перешед стесненное пространство, заключающее столько возвышенных предметов, вы встретите поразительное запустение, томящее прочие отделения города и подумаете, что дневное светило с радостью сосредоточивает свои лучи в сем округе деятельном, а за недостатком солнца, мерцание газа, истинно *à giorno*¹⁰⁰⁵, продолжает обаяние во время ночи. Когда роковой час прозвучит для Венеции, собор Св. Марка умрет последний; с ним погрузятся в бездну трофеи ее минувшего величия, выпренинные творения ее художников, и от гордого усилия воли человеческой, развившей и одушевлявшей могущественную республику, останется лишь несколько свай, которые корыстолюбие отыщет на дне морском.

Дворец дожа с площадью Св. Марка — вот знаменья этого могущества. Нельзя вступить в чертоги, нельзя подняться на крыльцо

исполинов, не трогаясь глубоко воспоминаниями, возбуждаемыми самой обширностью здания. Слава и самовластие напечатлели там следы; в отношении художественном палаты являют везде роскошь картин, позолоты, украшений блеска необычайного: тут соединились первостепенные живописцы венецианской школы и бесчисленное поколение их учеников; тут отличаются в заглавном ряду Павел Веронезе, Тинторето¹⁰⁰⁶ и оба Пальма¹⁰⁰⁷ — колористы придворные, колористы очаровательные и неподражаемые; здесь только можно привыкнуть ценить их. В одной из зал находится лучшая картина Павла Веронеза «Похищение Европы».

Потом, если устанете, созерцая ослепительную громаду сокровищ искусства, вам предложат посетить чердаки, известные *свинцы* и сведут вас в ужасные темницы, лишенные воздуха и света, называемые *колодцами*. Тогда уму рисуются восторженные художники, занятые своими творениями в минуту, когда за немного метров вверх или вниз, жертвы венецианской политики гибли от удушья или воды, не испуская даже легкого крика, ничем не возмущая внешнего хода дел и веселья искусных, жестоких олигархов. Теперь *свинцы* выбелены, что дает им вид почти щеголеватый; мысль о государственной тюрьме возвращается, коли путешественник заметит окно, откуда ускользнул Казанова. При рассмотрении высоты дома и расположения кровель, это бегство кажется невозможным, но оно бесспорное событие, усвоенное местной историей.

В одной из зал дворца развешены портреты всех дождей; между их изображениями блестящими и богато оправленными, живо поражает взор рама пустая, задернутая черным покрывалом; на нем начертано имя дожа Марино Фальери¹⁰⁰⁸, обезглавленного за измену республике. Взглянув на странное знамение, невольно начинаешь мечтать; действительно, едва есть человек, коего тайная мысль, обращаясь к самой себе, не встретила бы также в образах минувшего пустой рамы, черного покрывала и имени?

Ничто не дает столь ясного понятия о величавой роскоши венецианского правительства, в его полдень, как два дивные бронзовые водоема, поставленные близ Герцогского замка. Нет государя в Европе, который бы не украсил охотно своего музея этими изящными предметами; здесь они служили придворным кухням, прачечным, и еще стоят поныне, свидетельствуя об исполинской пышности и силе порядка вещей, невозвратно разрушенного.

Академия художеств владеет обильным собранием картин; по праву в нем первенствует венецианская школа. Мне чрезвычайно понравилось «Введение во Храм Богородицы», превосходное создание Тициана, предпочтительное даже славному его «Успению», весьма поврежденному в верхней части. Тинторетто отличается тут «Чудом Св. Марка»; Павел Веронезе — «Трапезою Иисуса Христа у Леви», обширным произведением, попортившимся во Франции. Непосредственно после сих возвышенных работ, следует восхитительный труд Париса Бордоне¹⁰⁰⁹ «Рыбарь, проносящий дожу его кольцо, найденное в рыбе». Нельзя простираť далее волшебства красок нежных, светлых, легких, совершенно венецианских.

Отказываясь от исчисления разных сокровищ живописи, там и сям рассеянных по церквям и во дворцах, невозможно удержаться от сожаления, помышляя о бесчисленном количестве художественных драгоценностей, постепенно похищенных у Венеции. Готовились вывозить поштучно самые чертоги, если бы правительство тому не воспротивилось; даже свои идут в расчет: все кедр, дуб или кипарис из Леванта, или с островов Мореи, — эти брусья доставили бы огромную выгоду тому, кто бы решился извлечь их из моря. Дух новейшей промышленности пользуется трупом Венеции, как у возглавия умирающего жадный преемник смекает про себя ожидаемое наследство.

Исполинские сооружения, истинно римские, скоро соединят с твердою землею Венецию; речь идет о том, чтобы связать ее с системою торговых и ремесленных сообщений северной Италии, но здесь полной удаче предположения мешает Триест. Он соперник Венеции, и юный купеческий город, наконец, поглотит древний град аристократов, которому и в отношении эстетическом угрожает жребий лишиться своей самобытности: когда полосы железной дороги будут доставлять путешественников к крыльцу таможни, тень старого Дандоло¹⁰¹⁰ перестанет носиться над Венецией, и льву Св. Марка придется только низойти с своего столба. Кофейня Флориана¹⁰¹¹ заведет сношения с кофейнями Милана, Лондона, Парижа и сплавление совершится: странная роковая льгота новейшего духа! — сглаживать противоположности, сближать нравы и расстояния, подчиняя тому же уровню людей и вещи, и начиная сызнова историю Европы, доведенную до простейшего выражения. Железные дороги, паровая машина dokonчат дело понятий, и более их могущественные прогонят самое образование под каудинскую дыбу успешного вещественного.

Но предоставим столь важное прение людям политики, людям науки; спешу опять надеть блузу художника и сесть в гондолу, которая обвезет нас около островов. Очаровательнейшая из прогулок имеет метою армянский монастырь Св. Лазаря¹⁰¹². Полулежа в открытой гондоле, замечаете, как возникает перед вами тысяча прекрасных точек зрения; тишина волн, блеск солнца, ловкость гондольщиков — все манит к неопределенной, беспредметной мечтательности, коей волшебство известно лишь на юге. Когда мы сошли на берег, иноки приняли нас радушно; один из них, отец Гавриил, показал нам библиотеку, типографию, церковь и сад. Монахи подчинены папской власти, однако не зависят от ее суда; божественная служба производится по-армянски, и внутренность храма отличается от храмов римского исповедания завесой, отделяющей алтарь от других частей, заимствованной первоначально с Востока. Двадцать пять юных армян посвящают себя в обители словесностям азийским и европейским, а отшельники продолжают издавать творения высшей литературы, справедливо уважаемые ученым миром. Чудесный вид, развертывающийся с вершины террасы, безмолвие, вокруг царствующее, здоровый воздух и свежесть моря, стеклянно гладкого, придают мирному уединению что-то нежное, сладостное. Устав не строг, и существование человека мыслящего, соскучившегося в свете было бы тут удобно и легко. В этом монастыре лорд Байрон¹⁰¹³ несколько лет занимался восточными языками.

Свойства народа в Венеции представляют мало резких черт; он кажется менее итальянским, нежели в других урочищах, от смеси с иностранцами, здесь изобилующими и от естественной гибкости местных нравов. Сия врожденная утонченность встречается и в венецианском наречии, наречии удивительно мягком, но ослабшем вследствие излишней мягкости. Одни гондольщики сохраняют покамест качества отличительные, состоящие в большой развязности, каком-то изяществе движений и скромности, вошедшей в пословицу. Потеряв теперь много своей важности в общественной жизни, они еще особое сословие, но число их убывает непрерывно. Скоро венецианский гондольщик присоединится к венецианской прелестнице, к неаполитанскому лаззарони, к разбойнику понтийских болот, к питомице, содержимой под ключом за окном решетчатом, к суровому духовнику, к неумолимому ревнивцу, с лицом, завернутым в плащ, с наточенным кинжалом в руке, — к образам уже исчезнувшим, типам

затерянным, которые попадают иногда в сочинениях романистов и в очерках Пинелли¹⁰¹⁴.

В Венеции, как и в иных городах Италии, надо уметь жить с самим собою. Сколь ни могущественны впечатления внешние, они все, вполне или вполовину, задумчивые призраки; нужно известное напряжение ума тому, кто хочет предаваться чудесам, его обступающим, и постигать их говор. Италия представляет обширное поле для дум, поручая вам самим труд возделывать его по воле; она не требует у наблюдателя ни пощады, ни сострадания: ей ли заботиться о его суде, ей, сколько раз побежденной, так долго попираемой и доселе неузнанной. В пренебрежении к мнению путешественников отзывается скорее гордость, нежели забвение; молчание удрученного народа красноречиво и действительно, что модно, с одной стороны, присовокупить к похвалам, расточаемым Италии веками, а с другой — к оскорблениям, коих она стала жертвой? Какое величие в прошедшем сравнится с ее величием, но, в то же время, какой скорби, какого унижения недостает ей?

В настоящем положении вещей, иностранец, посещающий Италию, должен искать точки опоры в ясности собственного сознания и находить внутри себя дополнение удовольствий, доставляемых сею заветною страной людям, искренно ее оценивающим. Венеция, преимущественно, во многих отношениях — приятно убежище, однако для пребывания там необходимо чужеземцу иметь перед глазами степенную цель, или питать в груди постоянное чувство: вид Италии, даруя разумению и сердцу меру их сил, располагает их изливаться наружу; развалины разных столетий рисуются и бремят вас отовсюду. Перед ними вселяется в вас смирение, и ощущение личной немощи оказывается стремлением — сосредоточиться тут, более нежели где-либо, или в строгом, издавна приготовленном, изучении, или в тихих радостях домашнего крова. После восхитительного дня, проведенного среди Рима, или на берегах Неаполитанского залива, или на спящих лагунах Венеции, когда глубокий мрак итальянской ночи покрывает небосклон, и толпа бродит туда и сюда, ища привычных, пошлых развлечений, ум, даже смело независимый, испытывает тайную власть печали и одиночества, приносящую с собой и память далекой родины, и образы отсутствующих друзей. Коли нет милой руки, чтоб поддержать поникающую вашу голову, самые высшие наслаждения уступают место мгновениям упадка душевного

и слабости. Потом лишь блестящее солнце введет вас опять в очарованный круг природы и искусства. Вы едва припомните мимолетные грустные ощущения, и, на нескольких часах расстояния, вчерашний мечтатель превращается в нынешнего космополита.

Подобные мысли занимали меня при выходе из гондолы, в Местре, откуда карета, запряженная четырьмя почтовыми лошадьми, быстро мчала меня к Тревизе, по дороге прелестной, окаймленной веселыми усадьбами, и первые желтые листья осени устилали уже этот путь, который касается последних пределов прекрасной Италии.

ШТЕЙН И ПОЦЦО-ДИ-БОРГО

Ceu, duo nubigenae quum vertice montis ab alto
Decendunt Centauri...

Virg.

Кто не встречал в жизни лиц выразительных, людей самобытных, оставляющих после себя впечатление тем более глубокое, чем беспристрастнее, чем пламеннее ум, его принимающий? Юность с ее увлечениями и врожденной прямою, способнее, нежели обыкновенно полагают, к наблюдениям тонким и определенным: так, переносясь в отдаленный ряд моих воспоминаний, я схожусь с четой мужей избранных, именами своими составляющих заглавие настоящих страниц — Штейном и Поццо-ди Борго. Начиная с последнего, замечу, что жизнь его распадается на два отдела, из коих первый знаком мне подробно, а второй совершенно чужд; я знаю только Поццо-изгнанника, скитальца, подобно Данте¹⁰¹⁵ или Макиавелли¹⁰¹⁶, лишнего убежища и отчизны, политического заговорщика, человека, бросаемого всеми волнами на все берега, но постоянно преданного служению единой цели и обладаемого решимостью верховною. Поццо, посол и граф российский, осыпанный орденовыми звездами целой Европы, зарывшийся в золото, — этот Поццо кажется мне несообразностью, о которой едва могу составить верное понятие. Мое повествование относится исключительно к поре, когда я с ним сблизился и когда он дышал резкой свежестью своих дум, полной силою своего нрава.

Во время Империи, высшее европейское сословие ненавидело Наполеона; нового вида крестовый поход сливал вместе и независимые гостиные, и знаменитости, не увлеченные движением великого полководца. Означенное мнение не нуждалось в языке козней: замыслы возникали на открытом воздухе, если можно означить подобным названием сочувствие общего отвращения к власти, подавлявшей вдруг несколько разных стран и столько противоположных убеждений. Всем известно, что такой род глухого восстания могущественно содействовал к постепенному разрушению Наполеонова господства и довел оное до окончательного падения. Поццо был, если не душой, по крайней мере, одним из самых ревностных, самых неуст-

рашимых двигателей огромного военного снаряда, коего важность признавал и победитель Франции. Не раз, своей железною рукою, он пытался раздробить его, но снаряд оказывался неуловимым: он проглядывал всюду и не выставлялся нигде; он не имел безусловного средоточия, а лишь несколько точек соединения. Орлиный взгляд Бонапарте различал очень хорошо, что, на твердой земле Поццо и Штейн являлись, каждый по себе, прочными осями системы, основанной с особенным искусством, ибо она не обнаруживалась ничем явным и не подчинялась никакому принятому символу, кроме ниспровержения его самовластительства, кроме клятвы *delenda Carthago*¹⁰¹⁷, которая обитала во всяком сердце, и вполголоса слышалась на всех устах. В те дни, когда Поццо наслаждался обилием своих дарований, скажу, даже, своего гения, я находился с ним в коротких связях непринужденной приязни, от разности лет тем искреннейшей, что он почитал меня своим учеником и питомцем. Черты его нравственного облика ярко рисуются в моей памяти; ум его, без сомнения, принадлежал к разряду выпренных, но отличительное свойство его разума выражалось, если можно так объясниться, внутри — необыкновенной точностью, извне — спокойствием невозмутимым. Страстный, пылкий, на все готовый, Поццо владел собою; мысль его легко разогревалась, звук же голоса притом изменялся едва; глаза его бросали уже молнии, а по челу мелькала еще улыбка. Речь его лилась стремительно, оттеняясь образами, развиваясь преимущественно с дивным отчетом и правильностью; вместе с тем он скупился на нее до того, что редко предавался влечению своих суждений, всегда сдерживаемых и которые, казалось, не ощущали надобности переходить в слова. Обращение его было просто и непринужденно, скорее английское, нежели французское или итальянское; в беседе он употреблял мало телодвижений и говорил с большой кротостью. Поздно выучившись французскому языку, он обратил его, несмотря на то, в свой природный, писал на нем и владел им с редкой ловкостью. Доброта его простиралась до чрезвычайности; она питалась огнем южного чувства, коего отблеск осиявал целое его существо; хотя он имел способность привязываться глубоко, но это, очевидно, отзывалось в нем стихией побочной: одна страсть, страсть политическая, отвлеченная, пожирала прочие его наклонности. Ненависть его к Наполеону не ведала пределов, однако ж облекалась умеренностью, я готов сказать, хладнокровием аксиомы или события исторического.

Никогда не унижал он необыкновенных качеств человека, которого почитал бичом мира и не терпел как личного врага. Еще более он не позволял, чтобы толковали слегка о его исполинском противнике: если, в его присутствии, кто-либо намекал, будто сомневается в дарованиях Наполеона, или старался отрицать его гений, Поццо, не обинуясь, прерывал совещание, иногда насмешкой, иногда кратким едким замечанием. Сколько раз, оставляя прения самые жаркие, ему случалось горько восклицать при мне: «Как ошибочно эти люди понимают того, с кем имеют дело! Коли бы они знали о нем знакомое мне, трепет объял бы их! Смотрите, присовокуплял он, карлики нагло верстаются с великаном! Безрассудные! Они готовы погубить все, и нас вместе с собою!»

Поццо неохотно касался своих детских и юношеских сношений с Наполеоном: известно, что оба, родом из Аяччо и корсиканцы чистой крови, они провели время жизни, совокупно, в тесной приязни; о прочем подробностей недостает, а пусть вообразят, сколь драгоценны были бы такие затерянные подробности. Кто не любил бы следить вдоль берегов океана и по расселинам скал за причудливыми прогулками двух отроков, из коих одному предназначалось властвовать над полвселенной, другому — заменить римского невольника, кричавшего триумфатору: «Помни, что и ты человек!» В высшей степени занимательно бы, думаю, проникнуть в глубину короткого обращения, восторженных излияний. Суровых и пылких споров, возникших между сими юными, скоро созревшими умами, могучими, дикими, подобно почве, на которой они развились. Когда вспыхнула революция, Поццо с ближними пристал к Паоли¹⁰¹⁸, Наполеон, верный родительским преданиям, усвоил себе мнение французов, каждый с неугасимой злобой в груди к товарищу и другу детских лет. Сквозь таинственный пролог их двух судеб и великую драму, в коей эти молодые люди позже участвовали, рядом с распрями политическими, нетрудно различить отвращение личное, вражду семейную и племенную; мы видим тут «вендетту» в большом размере, долженствовавшую кончиться лишь могилой. Едва ли со своей стороны Наполеон, достигнув вершины могущества, или в заточении, когда-либо откровенно объяснялся насчет клеветы своих ранних дней; в нескольких бюллетенях он назвал Поццо изменником, подкупленным Англией, но такой навет, слегка брошенной тени, не выражал сокровенной мысли Бонапарте. Их разделяли отношения непрони-

цаемые. Если Поццо, как говорят, оставил записки о своей жизни, может статься, они осветят столь темную главу его истории.

Каково ни есть происхождение подобных обстоятельств, Поццо принимал свой жребий за следствие, безусловно, роковое, создавшее из него естественную противоположность грозного соперника. Действительно, найдем ли зрелище разительнее поединка насмерть, ярой борьбы двух мужей, из коих один заставлял трепетать Европу, а другой, бедный изгнанник, без милых сердцу, без денег, без отечества, имел единственными пособиями лишь неистощимое свое терпение и твердость непоколебимую? При положении, раз упроченном, всякое оружие становилось годным, всякое покушение позволительным, всякое усилие приводилось в исполнение. Иным Поццо изображал Наполеона как ненаказанного нарушителя народных прав, иным — как predeterminedенного сокрушителя престолов. Обращаясь попеременно к разным правительствам Европы, иногда преследуемый, постоянно выслушиваемый; возбуждая беспрерывно новых неприятелей своему противнику, искусно растравляя негодования глубокие и сокрытые, проповедуя крестовый поход на общего врага; распространя хранительные правила с неукротимостью изувера и разборчивым благоразумием опытного сановника, Поццо, незаботливый об опасности, поглощенный однажды задуманным намерением, не отступал назад ни от какой преграды, не смущался никаким препятствием. Вера его в грядущее была несокрушима. Его упорная настойчивость не ослаблялась; когда он не действовал, он размышлял, и его размышления, предприятия стремились только к исключительной цели. Обнимая духом постепенные свои впечатления, спокойный или ретивый, смотря по надобности, кичливый и пылкий. Как Джибелин XI века, никогда Поццо не шел ложным путем; никогда, также он не отваживался на поступок, если побудительная к тому причина не достигла зрелости. Его политические сведения отличались чрезвычайною полнотою; в остальном обладал он познаниями достаточными. Древние бытописатели: Цезарь и в особенности Тацит составляли его наслаждения; их язык в его устах звучал живее, нежели в других. Он часто изумлял меня тонкой сметливостью, с какой следил за нежнейшими оттенками латинских оборотов, самыми недоступными даже людям науки; в поэзии предпочитал прочим стихотворцам Данте и Ариосто; объяснение декад Тита Ливия Макиавелли¹⁰¹⁹ называл молитвенником человека государственного, и постоянно

восхищался этой прекрасной книгой. Для Поццо, как и для Альфиери¹⁰²⁰, Макиавелли являлся мыслителем по преимуществу «il sovrano pensator»¹⁰²¹. В истории, говаривал он мне, есть два рода правительств, стоящие изучения: Римская империя и монархия французская. Новые виды гражданских учреждений еще не развились, и их будущность зависит от наступающих происшествий; конституция английская основывается на случайности ее аристократии; пусть ей удивляются, но стараться подражать ей — безумие. Аристократий, присовокуплял он, теперь нельзя более создавать: первоначальная сущность их истощилась. Потому, когда Наполеон пытался воскресить стихию высшего сословия, Поццо сказал: «Заметьте, великий ум заблуждается: что такое рыцарство, не участвовавшее в крестовых походах? Едва можно восстановить монархию; аристократия уже не восстанавливается». Кроме того, он вместе с Бонапарте питал непреодолимое отвращение к началу народному, хотя оба видели приближение силы его; подобно Наполеону, Поццо не иначе понимал власть, как в очерках резко положительных. Два любимые взгляда его на Римскую империю и монархию французскую беспрестанно просвечивали в его соображениях. Будучи, купно с Паоли, представителем Корсики в Учредительном собрании, он ознакомился с зачинщиками прежней революции, но уважал их мало. «Мирабо, — по его выражению, — рисовался просто гладиатором; если бы он с первого шага избрал иную дорогу, замечал Поццо, он бы еще мог спасти престол Людовика XVI; его главное, неискупимое преступление заключается в том, что он пожелал устранить беду, когда стало поздно».

Из государственных людей Англии Поццо благоговел пред Питтом¹⁰²²; но решительные его сочувствия имели предметом Берке¹⁰²³, который оставил в нем впечатление неизгладимое и которому он приписывал почти пророческое знание европейской политики, между тем как искуснейшие великобританские министры, по его мнению, никогда ясно не постигали отношений и выгод твердой земли.

В веселых окрестностях городка Троппау, где во время похода 1809 года¹⁰²⁴ поселилось порядочное число выходцев, нередко прохаживались два иностранца; из них один, с южным обликом, казался во цвете лет, а другой, престарелый, поражал неправильностью своих черт и взором, словно проникавшим в недра души; присовокупите к ним юношу, с жадностью внимавшего этим беседам, этим излияниям

искренним, в коих самые высшие вопросы непременно предлагались и рассматривались: чета мужей, спокойно разговаривавших при громе французских пушек, были Штейн и Поццо-ди-Борго, изгнанники с оцененными головами, находившимися в распоряжении любого наполеоновского подпоручика, которому бы удалось захватить их; излишне думаю, называть их товарища. Через день после несчастного сражения¹⁰²⁵, опальные толковали о будущем с доверием, спокойствием, убеждением невозмутимым; и, действительно, будущность не могла не достаться им в удел. Наименовав барона Штейна, я передам добросовестно несколько моих о нем воспоминаний, и, может статься, они возбудят внимание читателей, не довольствующихся тесными, поверхностными суждениями нынешних ведомостей.

Когда, вследствие происшествий 1806 года¹⁰²⁶, Пруссия, раздробленная, подавленная, разрушенная, низверглась в глубину бездны, один человек взялся воздвигнуть ее из праха. Мало того, он мечтал о независимости Германии в минуту беспрекословного господства ее надменного победителя. Штейн такую мысль, мысль целой своей жизни, стал приводить в исполнение при исчезновении последней надежды на успех, но он олицетворял собою лишь выражение и символ желания, укоренившегося в умах большей части тогдашних замечательных людей. История должна раскрыть нам эту подземную работу, начинающуюся с первых дней Империи и оканчивающуюся занятием Парижа в 1814 году, крамолу сложную, таинственную, сто раз прерванную, ни разу не покинутую, сеть неисходимую, в коей переплеталось множество особенностей, точек зрения, упований, направлений различных, но сеть железную, которая, сжимаясь, обвила гибельными петлями престол Наполеона и ускорила его падение.

Барон Штейн, труженик самый смысленный и опытный своей отчизны в деле освобождения, принадлежит к поколению государственных лиц, от коего едва существует еще несколько остатков. В старинных семействах непосредственного* дворянства, не австрийского, и не прусского, замечаем нечто вольное, даже республиканское, если бы с республиканскими наклонностями уживались понятия

* Непосредственным дворянством называлось то, которое зависело не от повелителей отдельных владений Германского союза, где оно имело поместья, а лично и поземельно прямо от немецкого императора. — *Примеч. перев.*

безусловно аристократические; происхождение школы касается колыбели рокового французского переворота, и ее развитие подвигалось с ним почти рядом. В Штейне, ее приверженце наиболее своеобразном, проявлялись качества и Геца Берлихингского¹⁰²⁷, и Лютера; высоко ценя свой герб, он, однако же устремился с жаром на новые пути. Я не позволю себе начертать объема его предположений о лучшем устройстве немецких стран; быть может и сам он не обрисовал его точно, но я скажу, что в связи с его выводом и в лестнице его чувств, Германия, Германия одухотворенная, слитая в целое, утопическая, занимала главное место; на втором витало правительство, которому он служил ревностно и мужественно. Труды Штейна, вероятно, имели целью укрепить покровительство союза за домом Бранденбургским с непременно условием — совокупить отечество, могущественное и свободное, под одно знамя, даровать ему постановления просторные, твердые, упрочить оное на основе протестантизма в подлинном смысле и собрать около себя полный сонм способных мужей родины. К настоящей программе он бы охотно прибавил знаменитое арагонское изречение: *коли нет, так нет*. За исключением этого, привязанность его к прусской монархии и его вождю не ведала пределов: сто раз ради них он подвергался опасности лишиться жизни, но, не колеблясь, отрекся бы от короля и королевства, если бы они, по его убеждению, удалились от выгод общих; тогда, по своим правилам и наклонностям, он отошел бы к дружине побежденных. Итак, прежде всего Германия, потом Австрия или Пруссия, вместе или порознь, смотря по отношениям и по мере их полезности благому делу; что касается владений разряда низшего, политики школы Штейна питали к ним отвращение непреодолимое, достигавшее в нем до предубеждений самых странных. Впрочем, упомянутое отчуждение обнаруживалось тяжбой начал, а не лиц; Германия, раздробленная на двадцать различных держав, казалась ему весьма дурно управляемою, и на притязания мелких властителей обращались постоянно его горькие насмешки, его резкая хула. Кроме того, между бароном Святой империи и незначительными дворами горела взаимная неприязнь родов: он подымал свой щит почти вровень с их гербами, и барская спесь примешивалась к строгому, независимому суждению мыслителя, к разборчивому взгляду человека государственного. Действительно, питомцы означенной школы, в их оболыстительных глазах, увидели объединение старинного

исторического рыцарства, не знаю, в каких-то свежих образах; они мечтали, правду сказать, скорее о положении вещей федеративном, скорее об аристократических республиках, нежели о монархиях; в итоге страсть, слывшая их свободолобием, дышала только предубеждениями исключительными и категориями каст.

Штейн принес тайному союзу европейских мнений против тогдашней Франции силу и бескорыстие удивительные, возвышенные гражданские намерения, самые благородные нравственные добродетели. Он, без околичностей, включил пружины и орудия, встреченные им на пути, в систему, коей был неутомимым поборником: негодование людей разумных, порывы юношества, горесть матерей выпрениие дарования Шарнгорста¹⁰²⁸ и Гнейзенау¹⁰²⁹, пылкость принца Людовика-Фердинанда, преданность Шилля¹⁰³⁰, красноречие Фихте¹⁰³¹, колкие сочинения Арндта¹⁰³², песни Кернера¹⁰³³ — все ему пригодилось, он употребил в дело все. Так попались ему дорбогой скрытые заговоры, и, хотя глубоко уверенный в их бессилии и неудобствах, он дал вольный ход ребяческим вздорам Тутендбунда¹⁰³⁴, который нередко украшался блеском его имени, и многие новейшие писатели даже решительно ставят Штейна во главу такого нескладного сборища. Сто раз я слышал от него, что в политике нет средств хуже тайных обществ; что меньший из них недостаток есть их совершенная ненадобность, и, однако же, он не пренебрег подобным средством: в его руках, оно значило лишний заряд на выстрел в неприятеля.

Кто не жил в ту лихорадочную эпоху, среди брожения глухого и непрерывного, никогда не составит себе ясного понятия о тогдашнем расположении умов и их необычайной раздражительности; каждый, казалось, приобретал право вмешиваться в каждое обстоятельство; никогда влияние сильно развитых особенностей не высказывалось столь явно. Брошенный случаем событий в этот вихрь, я зрителем присутствовал при некоторых из поразительнейших сцен разыгравшейся великой драмы, и они-то, еще живее остального, впечатлелись в моих воспоминаниях; я вижу еще Штейна и Поццо, и себя с ними, всех троих, бродящих по свежей зелени, по мирным тропинкам Силезии, и переносящих в природу, мещанскую, как идилия Фосса¹⁰³⁵, бурные волнения мира политического. Несколько подробностей, наудачу взятых из моих впечатлений, представят отчетливее облики рассматриваемых мною замечательных людей. Штейн и Поццо соприкасались друг с другом бесчисленными точками, относительно же

множества предметов они разнились между собою до противоположности резкой: оба совокупно стремились сокрушить ярмо, коим Франция отягощала Европу, но Штейн имел целью лишь Германию, свою милую Германию, юдоль прекрасную, идеальную, мечтательную, где рисовались ему попеременно владетельные бароны — царственные судьи, рыцари, защитники слабых и сирот, избранный император, независимые государства, устроенные от Эльзаса до Восточной Пруссии: рама безмерная, туманная, удобно совмещавшая понятия нашего времени с преданиями века Гогенштауфенов¹⁰³⁶, шпагу Фридриха с нагрудником Густава-Адольфа, из буйловой кожи, — очаровательное видение немецкой вольности в возвышенном ее значении, однако видение еще более недоступное демагогам настоящего юного поколения, нежели мятежным глашатаям французских ведомостей. Штейн вполне предался осуществлению явления, над коим могут посмеиваться нынешние бездушные скептики, явления, гадательно, даже в уме его не принимавшего постоянно неизменного очерка; впрочем, по преимуществу, муж действия, он желал освобождения отечества и стал беспрекословно главным двигателем этого предприятия. Никто не вносил в дела взора такого быстрого, таких зрелых плодов опыта. По наружности, — его лицо четырехугольное, его широкое чело, его пронизательные глаза, освещенные густыми бровями, его плечи неровные, немного поднятые и словно созданные для лат; с нравственной стороны, — его врожденная, гордая честность, его вера духовная, столь же несомненная, как и его вера политическая, красноречие неправильное, но непреоборимое, когда он одушевлялся одною из любимых своих мыслей, наконец, — его испытанная добросовестность, создавали вообще из Штейна человека первостепенного. Забудем ли непоколебимость, оказанную им в бедах, когда, отовсюду стрегомый, он говорил мне, что не знал, куда приютить головы своей жены, своих детей; о собственной он не заботился, и охотно бы ею пожертвовал, если б кровь его освежила древний дуб Германии, разбитый перунами¹⁰³⁷ до самых корней? Штейн выражал собою лицо истинно поэтическое, а вместе с тем и немецкое исключительно; о нем, о его учениках нельзя судить, основываясь на обыкновенной точке зрения отношений, называемых жизнью общественной: иначе, на расстоянии, в каком мы находимся от происшествий, эти грозные охранители подверглись бы опасности прослыть приверженцами возмущений, наравне с их соперниками.

Поццо, подобно Штейну, углубленный в свои политические убеждения, стоит под тем же оптическим углом, углом обаятельным, прилегающим к заблуждению. Единодушный с товарищем, он, во-первых, желал избавления Европы, но, по достижении вожденной мечты его начало раскрывалось обширнее, объемистее, всемирнее, нежели начало Штейна. Смотри по случайностям и внутреннему побуждению, в прямоте коего нельзя усомниться, Поццо хотел передать наследие европейского покровительства России, России, которой он неизменно служил с рвением и преданностью; союз Франции с нами казался ему неизбежным; потому он жаждал видеть Бурбонов на ее престоле, менее, может статься, по чувству, нежели по выводам логическим. Штейн мало беспокоился о грядущей судьбе упомянутого королевства, лишь бы оно ослабло и лишилось влияния. Здесь, как и в иных местах, заметим, что Поццо, плебей, возникший из одной школы с Наполеоном, был собственно мужем власти, питал отвращение к стихии демократической, а доверие только к постановлениям, крепко утвержденным, и даже охотно облек бы оные отличительными признаками самодержавия. Патриций Штейн, аристократ, дороживший своим гербом, обнаруживал, например, решительную наклонность доставить богатую долю преимуществ сословиям низшим. Пораженный упадком касты дворян, упадком княжеских семейств, Штейн, с государственными сановниками своей школы, восхищался любовью к отечеству, просвещением германского мещанства; в его-то добронравии, в его неустрашимости он искал блага отчизны и, естественно, более сострастия к средним разрядам граждан, умея приводить в содрогание их тайные думы, нежели к высшим, коим принужден был говорить в глаза горькие, кровавые упреки. Такая двоякая связь, зависевшая от известного положения вещей и вызванная их природой, заставила смотреть на Штейна, как на причину немецких демагогических смут, обвинение, понятное разве в устах людей, не имеющих никакого точного сведения о течении мыслей и дел тогдашнего времени. На взгляд Штейна, на взгляд Поццо, разрушение французского самовластительства составляло предварительное условие воссоздания Европы; достигнув раз главной цели, они расходились по разным путям и, странность! — тут-то именно выступало скользкое состояние вопроса почти для каждого, кто подвизался на поприще великого предприятия. Все соглашались касательно первого действия драмы, немногие уступали друг другу, когда речь зашла

о втором: поверия самые искренние разделились, сочетания мнений, самые прочные, расторглись, подвижники самые основательные те-рялись при исполнении своих предначертаний; так справедливо, что в существах избранных, сотворенных для борьбы, сила отпора одна берет перевес. Поццо участвовал в советах Бурбонов во Франции, в Испании, раздражаясь лишь неловкостью их правления и отчаиваясь в его успехах; Штейн умер с прискорбием в сердце, краснея от стыда, при взоре на Германию в том виде, какой она получила после; оба разочаровались в мечтах целой жизни, в заветных убеждениях, которым предавались телом и душой. Они, суровые защитники порядка, более искусные в битве, нежели в созидании, были, надо сказать, чистым произведением своего века. Когда буря утихла, когда улеглись разъяренные волны, труженики-богатыри очутились одинокими на берегу, спасенным ценою тысячи их доблестных порывов. Теперь, эти выпретенные умы, оставшиеся без плодов и отголоска, являются собою только предмет изучения и любопытства, или воскресают в простом воспоминании привязанности личной.

ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I О СЛАВЯНСТВЕ

Из сведений и бумаг, сообщенных мне конфиденциально Графом Орловым¹⁰³⁸, явствует, что несколько людей разного звания и происхождения осмелились под видом будто бы славянства, приступить к преступной мысли посягнуть на правительство и на общее спокойствие Отечества¹⁰³⁹.

Нет никакого сомнения, что для охранения духа народного от заразы возмутительных идей необходимо было раскрыть в самом зародыше замышляемое преступление и что с надлежащей строгостью, виновные понесут справедливое наказание, по мере степени вины каждого.

Не дозволяя себе в частности никакого преждевременного заключения насчет окончательного вывода, впрочем, как кажется, довольно близкого, я приемлю смелость обратиться к некоторым общим видам, коим это дело дает особую важность и которые состоят в ближайшей связи с министерством, высочайше вверенном моему управлению.

По внимательном соображении особых обстоятельств сего дела, сколько оные сделались мне ныне известными, осмеливаюсь думать, что наказывая в лице сих людей нарушителей закона, посягнувших на общественный порядок, следовало бы, по многим уважениям, избегать всякого прямого указания на то, что корень сих заблуждений мог, хотя косвенно, находиться в пределах славянских понятий, не разрешив предварительно следующих важных вопросов:

- 1) Что такое славянство в отношении к России?
- 2) В какой мере можно отнести подобные заблуждения к влиянию славянства?
- 3) Не служит ли слово «славянство» только предлогом и завесою замыслам этого рода?

Постараюсь, в кратких словах, изложить главный вопрос, представив несколько данных, к разрешению следующих.

Мысль что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и ныне принадлежащие разным государствам, должны когда-нибудь, слившись в одно целое, возродиться в виде чисто славянского государства, родилась в Богемии¹⁰⁴⁰, за полвека, и мало-помалу

овладела всеми ветвями славянского населения в Европе, сперва в литературном, потом в политическом смысле сего определения¹⁰⁴¹.

От этого движения усилилось повсюду стремление к языкам, истории, древностям, словом, ко всем остаткам славянской самобытности, взоры всех заграничных славян естественно обратились на единственное славянское государство, величие, могущество и процветание коего, как говорит один из Чехов, преданных России, «утешают и как будто вознаграждают прочих славян в раздробленном их угнетении».

Итак — не Россия пошла навстречу заграничным славянским идеям, эти понятия, пробудившись в других народах, приближались силою вещей к России, как к центру, в коем живет и бодрствует начало, давно умершее между прочими славянскими народами и которое они стараются воскресить и поставить в главе своих учреждений.

Но это стройное развитие соединенных ветвей одного обширно-го племени не могло долго оставаться в мирных пределах науки и чистого братства. Не касаясь изложения перемен и постепенного искажения этого благородного порыва, можно ограничиться фактом, что в настоящее время, частью от влияния общих тревожных идей, частью от возбужденных религиозных предрассудков, частью от собственных своих недоразумений европейское понятие о славянстве раздробилось на столько же отдельных ветвей, сколько состоит отдельных земель, в коих обитают славяне.

Еще должно заметить, что с тех пор, как начало колебаться и дробиться между западными славянами понятие об единстве главного вопроса, они более и более отделяются от русского начала, основанного на тождестве православия и самодержавия. Чехи частью хотят невозможное слияние славянства с западною церковью, и орган одной главной между ними партии Граф Лев Тун¹⁰⁴² утверждает на этом основании, что чехи, сделавшиеся славянами, должны искать подпору не в русском начале, а в германском. Иллирийцы, далматы¹⁰⁴³, венгерские славяне блуждают без ясной цели в тесном кругу туземных понятий и взаимных противодействий. Доказательством сему может служить прилагаемая при сем выписка из письма одного славянского литератора из венгров, в недавнем времени писанного.

От слишком тесных сношений со славянами, подвластными Австрийской империи, я неослабно предостерегал тех, на коих по долгу моего звания могу иметь прямое влияние. В бытность мою в Праге, я откровенно говорил корифеям туземного славянства, что

доколе их труды и разыскания ограничены областью языка и словесности, мы не можем не принимать живого в них участия, но что всякое присовокупление политических видов к этому делу не найдет в России ни отголоска, ни сочувствия, прибавя к тому, что, по моему убеждению, они вредили бы общему делу славянской образованности примесью политических начинаний и расчетов. Я имел случай слышать себе в Вене похвалу за добрые советы, данные представителям славянства, видимое охлаждение коих к моему образу мыслей было непосредственным последствием наших совещаний.

Что касается до славян, находящихся под владычеством или покровительством Оттоманской Порты, то они составляют как будто особое звено, близкое нам по родству духовному и умственному, но коего судьбы не имеют прямой связи с прочими западными славянами, увлеченными движением Европейских идей более, нежели мирным развитием славянского образования.

Некто Сургіен Robert¹⁰⁴⁴, путешествовавший по всем славянским землям для исследования славянского вопроса, написал книгу, в которой заметны недоброжелательство к России и множество ошибок всякого рода, между тем, каким-то чутьем непонятным он выводит следующее заключение: «Из всего что я видел, я заключаю, что есть два панславизма, один русский, другой антирусский, но первый, имея свой центр в понятии о самодержавном государе и все относя к нему, должен, если не помешает европейская политика, поглотить противный дух другого славянства, не имеющего ни единства, ни центра».

И действительно, эти два славянства существуют совокупно: русское, другое нам неприязненное. Отбросив слово *славянство*, — что найдем мы под этой оболочкой? — ничто иное, как русский дух, источник нашего государственного начала, тот краеугольный камень, на коем твердою пятою стоят трон и алтарь.

Еще в 1842 году, по поводу некоторых внушений австрийского правительства, я писал к графу Нессельроду¹⁰⁴⁵, с ведома Вашего Величества, что славянский вопрос представляет в отношении к нам две стороны: одну, которую можно употребить на возбуждение умов и к распространению опасной пропаганды, заслуживающей всю кару правительства, другая же сторона сего вопроса содержит святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах законного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность правительства.

И ныне осмеливаюсь повторить то же самое определение ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую сложность, но потому и требует особой предусмотрительности. В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и самодержавию, все, что выходит из этой черты, не принадлежит к этому славянству: оно или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленные стараются уловить незрелых юношей и увлечь мечтателей неопытных. С сей точки зрения можно бы положительно заключить, что в замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово *славянство* служило только недобросовестною завесою, под коею скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие *славянскую*, как сильнее действующую на сокровеннейшую струну русского сердца.

Доказательством сего могло бы служить не только печать украинского воззрения на всех перехваченных *бумагах*, в числе их и наизамечательнейший: *Закон Божий*¹⁰⁴⁶, но преимущественно, что наперекор господствующему славянскому направлению, мы видим здесь следы какого-то слепого стремления провинциального духа к *разъединению*, когда, напротив, славянство, не ставя в счет ни географические, ни политические препятствия, неуклонно хочет *соединения* всех частей в одно, уничтожение всякого провинциального духа, слияния всех местных патриотизмов в один общий патриотизм, сосредоточения всех сих, в руках одного вождя и в недрах одной церкви. Ничего подобного не находим мы в перехваченных бумагах и я осмеливаюсь утверждать, что ни один восторженный, добродушный московский *славянофил*¹⁰⁴⁷, кроме нравственного отвращения [к ним не проявил бы? и] не согласился бы, по своим понятиям вступить в тайный союз, цель которого были бы *раздробление* России или отделение *одной или нескольких* ветвей от корня обожаемого им *всеславянского единства*.

* *Примечание.* В этом злонамеренном и опасном произведении следует заметить, что первая половина, в коей говорится об Европейских народах, почти буквально взята из Ламине, Мицкевича и других писателей этого рода, соединивших революционные идеи с мистическим бредом, вторая же, главная часть посвящена Украине, тут трепещет так сказать, сердце сочинителя, слог оживляется и вся сила бешеного негодования обнаружена на страницах, в коих он описывает родимый край, в его мнимом угнетении.

Да будет засим мне позволено изложить, в немногих чертах, меру участия, принимаемого Министерством народного просвещения в развитии русского славянства.

Когда за четырнадцать лет Вашему Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня управление Министерством Народного Просвещения, Вы, Всемилостивейший Государь, изволили, при самом приступе к делу, поставить мне на вид недостаток в общих началах народного образования, нахождение воспитания высших классов общества в руках иноземцев, незнание всего русского в возрастающих поколениях, отсутствие твердой системы в учреждении разных степеней публичного воспитания, — и повелили мне избрать меры к достижению цели, Вашею мудростью указанной. Я не дерзаю безумно утверждать, что эта высокая цель вполне достигнута, но для собственного успокоения, памятуя о суждениях Вашего Величества, о доверенности Вашей, не изменившейся в течение четырнадцати лет, посреди борьбы жаркой и почти непрерывной, я имею смелость заключать, что несколько успехов увенчали перед Вами ревность и старание деятелей, подвизавшихся на поприще, Вашим Величеством определенном.

Если мое заключение не ошибочно, то позволяю себе одно только замечание: к какому прибегнули мы средству, и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле: православие, самодержавие и народность? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана, и далее, все заговорило по-русски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, *публичное* воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило *частное*, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа, Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного — к основательному

изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узнанию истории, обнародованы иждивением правительства, между тем непрерывное наблюдение Министерства было устремлено на охранение, по мере возможности, этого стройного движения в пределах законной свободы и благоустройства.

С другой стороны, одно из главнейших моих стараний от самого начала состояло в том, чтобы помирить с нашими гражданскими учебными заведениями духовные власти, дотоле смотревшие не только с недоверием, но можно сказать, с отвращением на учреждения, сближенные с духом западного просвещения. И тут цель была достигнута не иначе, как посредством убеждения, мало-помалу распространившегося между высшим духовенством, что Министерство народного просвещения действует в духе русском, с твердым направлением к православию и самодержавию. Ныне Министерство не встречает ни малейшего противодействия со стороны духовной власти, напротив, находит везде участие и доброжелательное к нему расположение.

Имеющиеся в настоящем деле сведения и показания достаточно, смею думать, утверждают, что если несколько лиц заразились вредными мечтами, то эту заразу они не почерпнули в университетском преподавании. Уповательно, что сведения, ожидаемые от генерал-адъютанта Бибикова¹⁰⁴⁸ вполне подкрепят эту истину. Тут по справедливости оканчивается область, к ответственности Министерства народного просвещения принадлежащая. Что могло происходить и происходит между частными людьми в сокровенных беседах, в тайных обществах, в излипании чувств и мыслей наедине — все это падает в удел гражданских и полицейских властей и подлежит судебному или административному взысканию. Вообще я льщусь надеждою, что окончательный вывод всего дела положит резкую черту между славянством, столь истинно *русским*, что и не следовало бы называть его славянством, и между безумными покушениями горсти заблудших, скрывающих, под личиною славянства, побуждения, ему и чуждые и неприязненные, ибо осмеливаюсь повторить, что мысль о Славянстве, даже в своих заблуждениях, не имеет ничего общего

с мелкими провинциальными мечтами нескольких лиц, тем более достойных наказания, что своим коварным безумием бросают тень на начало, в столь многих отношениях необходимое и священное.

Упомянув о *провинциальном духе*, нельзя не сказать открыто, что в брожениях, обнаруженных пред правительством, господствует не дух славянский, а какой-то отголосок украинских предрассудков. С полным чистосердечием приемлю смелость объяснить на сей счет мою мысль: Малороссия, верная престолу, непоколебимая в вере, питает действительно, в своих воспоминаниях, мысль о прошедшем, она на досуге жалеет о минувшей самобытности, о своем гетмане, о разгульном казачестве, об обращении в крепостное право вольных ее жителей, об утрате местных привилегий, может быть, об утрате вольной продажи горилки, но нельзя украинскому духу ставить в вину преступные замыслы нескольких безумцев, с коими, без сомнения, ни высшее сословие, ни туземное духовенство, еще менее неисчислимое большинство мирных и покорных жителей не имеют ничего общего. Дух Малороссии не причастен никакого коварного замысла; если он дорожит своей минувшей историей, то разделяет это чувство со всеми известными племенами, кои, по ходу вещей слившись с сильным племенем, потеряли свое отдельное значение и были принуждены признать над собою владычество другого, могущественнейшего начала. Легко молодым, неопытным умам плениться поэтическим этим воззрением и увлечь себя и других далее черты благоразумия, но тщетно было бы, без сомнения, усилие поколебать основную верность жителей края, столь часто являвшего опыты преданности и самоотвержения. Виновны те, которые прямо или косвенно раздражая эту сокровенную струну, употребляют во зло тайные мечты, неразлучные с утратою гражданской самобытности.

По соображении всех вышеприведенных обстоятельств, не отвергая, что в нынешнем положении вещей следует усугубить все меры предосторожности и, так сказать, воспользоваться этими печальными явлениями, дабы отделить от *плевел доброе семя*, я считаю долгом всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будет утвердить следующие меры в кругу Министерства народного просвещения:

1) Разрешить мне составить секретный циркуляр к начальникам учебных округов, в коем, в подтверждение прежних наставлений, будут им поставлены на вид меры предосторожности, коими они

имеют руководствоваться при наблюдении по предмету Славянства, определив границы, в коих должно это дело оставаться для достижения полезной своей цели и устранения неудобств и недоразумений, могущих овладеть умами как учащих, так и учащихся, этот циркуляр представив в проекте на просмотр Вашего Величества.

2) Дозволить мне, по временам, представлять Вашему Величеству особые донесения о ходе сего дела, не только в наших пределах, но и за границу, когда оно будет являть новые стороны, не без важности для нас; это наблюдение довольно трудно, но по имеющимся источникам, я полагаю, что и движение заграничных славян достаточно мне известно.

3) Когда настоящее дело будет приведено к концу и перестанет быть предметом некоторого беспокойства в общем мнении, — повелеть мне, если б открылась в том нужда, употребить вторую половину лета на осмотр, в виде обыкновенной ревизии, Московского, Харьковского и Киевского университетов и учебных заведений, дабы в последствии можно было иметь верный вывод и дополнить, в случае надобности, нынешние распоряжения другими мерами, на местах соображенными.

8 мая 1847

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОПЕЧИТЕЛЮ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Министерство Народного просвещения.
Канцелярия министра, 27 мая 1847. № 688-й.
Господину Попечителю Московского Учебного Округа¹⁰⁴⁹.
По Высочайшему повелению

В конце прошлого столетия родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить государство славянское¹⁰⁵⁰. Эта мысль мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе, сперва в литературном, потом и в политическом смысле.

От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен; но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских народов оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению, частью от влияния общих тревожных идей политических, частью от возбужденных предрассудков религиозных, частью и от собственных недоразумений каждого племени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько же ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помнящих единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиною чистого братства¹⁰⁵¹.

Эти идеи Запада о славянстве естественно тяготеют к России, как средоточию племен славянских; потому что и в языке русских, и в вере, и в законах дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не презревающих опасности своих мечтаний.

Для охранения преподавателей, принадлежащих к ведомству Министерства народного просвещения, долженствующих проливать

в юные умы учащихся благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере, от вредного влияния разрушительных начал, почитаю священным долгом, с Высочайшего соизволения государя императора, изложить значение *народного начала* в видах правительства и мысли о сем важном современном вопросе передать вашему сиятельству для конфиденциального сообщения их преподавателям, цензорам и некоторым из членов ученых обществ, в ведомстве Московского университета состоящим, в круг занятий коих входят преимущественно словесность и история отечественная.

Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства. Русское славянство в чистоте своей должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которой злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшим знакомством с церковнославянским языком, на котором чтение Священного Писания, недавно чуждое высшим слоям общества, ныне понятно юному поколению, одолжены знакомством и с другими славянскими наречиями, полезным и необходимым для ученых исследований языка отечественного. Этим же направлением главнейшие памятники нашей древней славянорусской словесности вышли из забвения, и множество актов и документов, служащих к разысканиям историческим, обнаружено на иждивение правительства.

Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенным, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно *русское начало, русский дух*, наша святыня.

В этом славянстве мы, русские, должны искать своего народного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ, в периоде самобытности своей, вмещает в себе два элемента: общий наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях,

и частный, составляющий *личность* народа. Общий элемент в нас есть родовой, Славянский, частный — наш, собственный русский. Посредством личности своей каждый народ развивает в жизни человечества особую мысль Провидения и содействует исполнению благих Его предначертаний. Так, все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроацция, Славония, Далмация, Босния, Польша¹⁰⁵². Многие Славяне даже потеряли язык свой вместе с воспоминаниями о прежней самобытности: в Померании, Мекленбурге, Саксонии и в других странах Германии славянское наречие вытеснено немецким, в Морее¹⁰⁵³ — Греческим, в Венгрии — Мадьярским¹⁰⁵⁴. Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле Провидения, выдержала удары судеб и приобрела *самобытность*, претерпев многоразличные, долговременные бедствия, внутренние и внешние, она одна возносится над могилами едиnorodных государств и своею собственною личностью представляет беспримерную историю по необъятности владений, многочисленности обитателей и могуществу народного духа, благоговейно преданная своей вере, своему государю, сохранившая свой язык, знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. Тогда как прочие славянские народы, в изнеможении своем от чуждого владычества, еще гордятся общим славянским происхождением, Россия, не помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим.

Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое *начало народное*, и не *славяно-русское*, а *чисто-русское*, непоколебимое в своем основании, собственно наша *народность*. Великий преобразователь России¹⁰⁵⁵ не все вновь в ней создал: стихии для его творения уже были приготовлены венценосными его предшественниками. Могучею волею Петр I совершил в свое царствование то, для чего потребны столетия; но он совершил то, до чего народы достигают

и в постепенном своем развитии. Какие следствия его преобразований? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились с европейцами в образованности. Ломоносов¹⁰⁵⁶ для пересоздания слова русского там же искал сокровищ науки, где Петр Великий находил их для пересоздания государства. Чего ж нам ожидать от соплеменных народов? Ответ мы находим в истории и прошедшей, и современной. Святая Русь бедствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна подвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития; одна ополчалась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечом в руках¹⁰⁵⁷. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма.

С таким воззрением на нашу народность я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но и трудный — русский язык и русскую словесность, с прочими соплеменными наречиями, как вспомогательными средствами для народного языка, русскую историю, историю русского законодательства. Им предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических. Преподаватели, следуя видам правительства и научая вверенное им юношество тому или другому предмету, да поучают его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этим способом будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством.

Таково воззрение правительства на славянство вообще и на славянство в отношении к России, таковы мысли о *начале народном и народности*, источнике народного просвещения, коими следует руководствоваться при направлении умов учащегося юношества.

Московский университет, старый блюститель отечественного языка, в сердце России, пред стенами священного Кремля, свидетеля и бедствий, и радостей народных, в особенности должен показать пламенное усердие в развитии русского просвещения из русского начала нашей народности. Разливая на учащихся свет истинных, по-

лезных знаний об отечественной истории и словесности, об отечественных законах и преданиях, университет, без сомнения, истребит влиянием своим необдуманые порывы некоторых из прежних его питомцев, отделивших себя от общих исторических мнений не столько по какому-либо убеждению, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности. Не славнее ли для нас имя русского, то знаменитое наше имя, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной? Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи, всю народность.

Я не скрываю пред собою, что вышеупомянутые уклонения от прямого пути науки возможны, но в то же время я уверен и имел счастье всеподданнейше выразить Всемилостивейшему Государю Императору уверение, что учащие и учащиеся, принадлежащие к ведомству Министерства народного просвещения, оправдают ожидания и надежды монаршие, и это уверение, с полным убеждением в точности его исполнения, передаю в настоящем случае самим делателям на ученом поприще.

Бог нам да поможет в великом деле *народного просвещения*, от которого зависят *настоящее и будущее России!*

В заключение я должен присовокупить, что это открытое и положительное изложение видов правительства в деле о началах Русского просвещения без сомнения возбудит во всех благонамеренных стремление, по мере сил, оправдать доверенность правительства и употребить все старания к сохранению духа учащегося юношества от соблазна понятий, нам неприятных и вредных. Между тем правительство, следя неослабно развитие сего важного по обстоятельствам дела, тогда только было бы вынуждено обратиться к мерам другого рода, когда ожидание его могло бы оказаться тщетным, и меры кротости и доверия не достигли бы благой его цели.

Ваше сиятельство не оставите обращать особое внимание на содержание сего предписания и повременно доносить мне о наблюдениях ваших по вышеизложенным предметам, равно как и о распоряжениях, кои, по местным соображениям, могли бы в последствии оказаться полезными.

ПОДВИГАЕТСЯ ЛИ ВПЕРЕД ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ?

Чтения господина Вильмена¹⁰⁵⁸ о литературе останутся навсегда образцом вкуса, ума и глубокого знания литературного. В одном из этих превосходных чтений, автор излагает, что существуют три главные вида истории: история *гадательная* (conjecturale), то есть история времен древних, история *критическая* или *ученая*, и та, которую этот знаменитый писатель называет *полною* (complète), разумея историю времен к нам ближайших, — времен, протекших от XV столетия и от изобретения книжной печати. «Начиная с той эпохи, — присовокупляет г. Вильмен, — цивилизация, хотя и сохранив некоторые следы варварства, усовершенствовалась настолько, пособия науки сделались так многочисленны, все факты народной жизни были так тщательно записываемы, что разум, вспоможествуемый трудом, может уже открывать истину; с этой же эпохи, высокая степень достоверности фактов обязывает писателя к великому множеству подробностей».

Это определение новейшей истории подлежит, как мне кажется, нескольким довольно важным возражениям. Конечно, история древних времен гадательна; это скорее дело веры, чем обсуждения. Поэтому и необходимо принимать ее почти в том самом виде, в каком передали ее нам поэты, историки и риторы. Прилагать светильник новейшей критики ко временам отдаленным — это один из тех подвигов учености, в которых только посвященные могут дать себе отчет; но если рассматривать историю в ее отношениях ко всей совокупности цивилизации, как пищу огромной массы, как цепь преданий, неразрывно переходящую из века в век и остающуюся навсегда в памяти народов, тогда, я думаю, будет ясно, что для последних условия новейшей истории почти точно таковы же, каковы условия истории древнейших времен для тесного круга ученых. Притом же ум человеческий, столько наклонный к синтезу, одарен природным инстинктом стремиться к положительному в области приобретенных знаний и подчиняться охотно только установившемуся авторитету, будь он, впрочем, и условный. К чему повели огромные труды Нибура¹⁰⁵⁹, который, вне всякой возможности возражения, разрушил все основы истории Рима? Они заняли собой трудолюбивые досуги небольшого

числа критиков и заслужили их одобрение — вот и все. Что было результатом критических изысканий Ф. А. Вольфа о Гомере, — изысканий, удивительных во всех отношениях, — изысканий, где остроумнейший из Гомеровых издателей победоносно подвергает ученому анализу сомнительную личность поэта, сначала вполне очистив его текст? Ни один филолог не дерзнет на борьбу с Вольфом; но после столь многих ученых трудов, оставшихся без ответа*, вопрос ни шагу не двинулся вперед: ни Ромул¹⁰⁶⁰, ни Гомер не исключены из списка живших; они существуют в воображении большинства по-прежнему, как будто два великие критика ровно ничего не писали. Сами ученые, видя малоуспешность этого мастерского приложения анализа, словно усомнились в пользе столь обширных розысканий. На их глаза, Гомер все-таки Гомер, жил ли он, или нет, в самом деле; им мало нужды, представляет ли это слово целую школу, или обозначает лично автора «Илиады». Точно так же, восходя к первым начаткам Рима, люди истинной науки не колеблются облекать исторические данные в общепринятые формы; они не отвергают педантски всего, что предшествовало Пуническим войнам¹⁰⁶¹, и говорят ни обвиняясь о Нуме¹⁰⁶² и Горации Коклесе, как говорят о Гомере и о преданиях, связанных с его именем. Нет, собственно, ни одного настоящего литератора, который не предпочел бы двадцати неизданных стихов «Илиады», или одной новооткрытой страницы Тита Ливия¹⁰⁶³ всем критическим трудам, подрывающим существование поэта, или подлинность историка.

Итак, если достоверность древней истории подлечит тем странным условиям, при которых правдоподобное становится истинным, и до которых едва касается искуснейший критический анализ, рассмотрим теперь условия истории новейшего времени, и какие представляются здесь вероятности, могущие придать ей большую достоверность. Конечно, источники истории, со времени открытия книгопечатания, размножились до бесконечности; критика сделалась настойчива и искусна; факты записываются тщательно до мелочей; но надежнее ли оттого их достоверность? Это положение вещей благоприятнее ли для разыскания истины? Ближе ли мы, наконец, к открытию света?

* Таково мнение знаменитого автора; мы же позволяем себе думать, что теория Вольфа повстречала опасного противника в лице англичанина В. Мьюра, автора «Критической истории языка и литературы древней Греции», явившейся несколько месяцев тому назад. — *Примеч. издателя.*

Этот вопрос, как и предыдущий, представляет две различные стороны: с одной — деятельный труд историка, который посвящает себя разъяснению бесконечного хаоса данных, избыточных в высшей степени, но в то же время пристрастных, неопределенных, противоречащих, — с другой стороны то, что из всех этих разысканий примется на веру народами и что действительно войдет в область общей массы познаний. Позволяю себе думать, что, в противоположность с историком древнего мира, историк новейший найдет себе в обилии подробностей, в чрезмерном разнообразии источников, равно как и в нынешнем настроении умов, такие препятствия, которые одолеть не всегда будет в его силах. Страсть века к разлагающему анализу, отвращение ко всем синтезам, религиозным, историческим, или нравственным, совершенное безверие, перенесенное в область более или менее таинственной действительности, представляют затруднения, неизвестные древним и по крайней мере равносильные недостатку верных источников и исторической критики для времен отдаленных. Этот недостаток, как бы встречавший себе противовесие в искренности убеждений, исчезал отчасти перед непреложным авторитетом, которым пользовался историк во всех тех случаях, где его существенно драматический рассказ соответствовал религиозным верованиям, чистосердечной добросовестности юных народов и даже их исконным предрассудкам. История имела у древних одно общее происхождение с религией и поэзией; тот же Vates¹⁰⁶⁴, тот же *вещий* человек, был и ее всечтимым и в некотором смысле божественным органом; и вот почему невозможно устранить предания, обступившие колыбель греческой поэзии, или первые начатки Рима, чтоб вместе с тем не сокрушить и всего синтеза древности, так, как он представляется нам в общепринятой и никакою другой незаменимой форме. Конечно, всякий из нас волен оспаривать истинность древней истории, с одним условием — обходиться без нее. Можно отрицать ее; но ничего не поставишь на ее место.

Начиная с XV века, все изменилось: не только факты принимают иной характер, но и идеи, которые могучее фактов, рождаются во множестве и дают цивилизации новое направление. Религиозные, правительственные, литературные, артистические, торговые, они не останавливаются ни перед чем бывшим и в своей беспредельной смелости нападают на самые основы всяческого авторитета. Книгопечатание благоприятствует этому чудному стремлению; множество

умов увлекается новым движением. Богословие, философия, история, правоведение, науки естественные и социальные, — все рождается и все разлагается в одно и то же время. Неутомимая любознательность, подстрекаемая самыми пылкими страстями, кидается на обширную область духа, как бы впервые открывшуюся глазам. Пятнадцатый век, сам по себе, составляет уже великий перелом в ходе ума человеческого, но что станет делать историк, или — лучше — что сделали историки, писавшие об этой эпохе, чтобы отыскать истину, или по крайней мере приблизиться к ней, среди этого так сказать анархического положения человеческой мысли? Кто из писателей успел хотя лишь в том, чтоб составить себе верное представление о Реформации и начертать более или менее прагматическую картину этого события? И можно ли, среди чудовищной массы взаимных обвинений, перекоров самых бешеных, очевидных клевет и аккредитованных басен, держать неуклонно весы справедливости и сообразить всю совокупность великой катастрофы? Новейший историк, подчиненный с самого начала закону строгого *беспристрастия*, не находит перед собой, для расспроса, других свидетелей, кроме пристрастных до нелепости; напрасно стал бы он искать какого-нибудь среднего выхода, какого-нибудь исторического *juste-milieu*¹⁰⁶⁵. Никакое соглашение невозможно между свидетельствами партий, тем более искренних, что они гордятся своим изуверством, и что заслуга их — одушевляющая их страсть. Бесспорно, важные труды были подготовлены с величайшим тщанием, совершены удивительные разыскания, другие источники только ожидают исследователей; но какое сочинение о реформации, из вышедших в целые два века, обнаружило нам историческую истину в том виде, в каком требуется она теперь? До сих пор мы видели только тяжёлые записки, изложение дела той или другой стороны, или общие своды во вкусе Вольтера или Юма¹⁰⁶⁶, очень занимательные, пожалуй, но очень равнодушные к истине, и вот — надобно заметить — почти неизбежный результат того закона, который обязывает историка быть беспристрастным, во что бы то ни обошлось. Отсюда этот исторический скептицизм, последняя форма новейшей истории, форма, весьма впрочем, соответственная духу сомнения, который овладел и идеями и совестями; отсюда или защитительные речи, без прямодушия, в пользу того или другого проигранного дела, или общие своды, где все расположено по числам, разделено методически на главы, но где не найдете ни одной положительной оценки, где

убеждение писателя подавлено боязнью высказать какое-нибудь нравственное начало. Эта форма истории тем более опасна, что она ведет более или менее непосредственно к отрицанию добра и зла, что она изгоняет Промысел из истории и ставит на место великих законов общественного порядка какой-то искусственный механизм, порожденный случаем и унижающий достоинство человека, отнимая у него лучшие его надежды.

Но, может быть, скажут нам, все становится яснее по мере того, как события приближаются к историку. Так ли это, однако ж, с французской революцией, величайшим и последним из событий, которое значительная часть нынешнего поколения видела сама, а остальная изучила из первых источников? В этой бездне сочинений о революции, сочинений всех возможных форм, всяких оттенков и всяких мнений, найдена ли до сих пор путеводная нить, которой бы мог по совести держаться историк при изображении этой достопамятной эпохи, вызвавшей на свет, изустно, письменно и печатно, все, что можно было сказать о ней, и не дозволившей затаить ни малейшей подробности? Ничуть не бывало: мрак будто густеет по мере того, как растет число обнаруженных сочинений. Скептицизм с каждым мгновением принимает все более решительный характер среди этих противоречивых прений, без выхода, этих свидетельств, диаметрально противоположных, и особенно среди неосторожных софизмов, накопляющихся с каждым днем, по милости расстроенного воображения компиляторов. Не говоря о тех вредных забавах остроумия, посредством которых затевают преобразить эту исполинскую и кровавую трагедию в тему для самых неожиданных восстановлений мнимой славы, разве не очевидно всем и каждому, что нет ни одного факта этой эпохи, ни одного характера, ни одной правительственной меры, которые принимались бы без противоречия и подвергались решительному суду? Все, даже до последнего фазиса революции, было изуродовано как по заказу и с каждым днем искажается все более и более. Посмотрите, что сделали из Наполеона. Из этого могучего, но упрямого, полудикого гения, из этого отъявленного врага революции, из этой резко очерченной и мускулистой фигуры, из этого положительного и неуклонного ума сделали распространителя либеральных мыслей, провозвестника демократии, какое-то символическое лицо, миф, наконец, годный разве стать наряду с туманными призраками Оссиана¹⁰⁶⁷. Не перед нашими ли глазами выросла

и распространилась эта историческая фантазмагория? Так что теперь у нас собственно два Наполеона, совершенно различные между собой: один, смастеренный для народного употребления из песен Беранже¹⁰⁶⁸ и рассказов г-на Марко-Сент-Илера¹⁰⁶⁹; другой, который жив еще, со своими великими качествами и великими заблуждениями, в памяти современников или в обдуманной оценке серьезных умов, привыкших к спокойному изучению людей и событий. Но за последним уже только меньшинство, и очень вероятно, что лет сотню спустя Наполеон мифический и революционный, Наполеон-Геркулес или солнце-бог будет выражением господствующего мнения, наперекор всем доводам исторической критики, ограниченной тогда кругом нескольких адептов, быть может, столь же малочисленных, как ныне адепты Вольфа и Нибура.

После двух столь разительных примеров, взятых из многого множества других, мы вправе спросить у себя, действительно ли подвигается вперед достоверность истории, благодаря тому, что, начиная с XV века, все было обнародовано, и с переменою условий, сопровождавших древнюю историю, не встретила ли эта достоверность новых препятствий, которые удаляли свет от фактов в обратном отношении и мешали прояснению их чрезмерным избытком материалов? История времен отдаленных лишена достоверности оттого, что нельзя аналитически доказать достоинство источников и опереться на непреложные свидетельства. История эта носит на себе очевидно печать условности; чувствуешь, что напрасно было бы искать в ней безусловную истинность, и что чем более освещена она единодушным согласием народов, тем менее она поддается глубокому критическому исследованию. Можно, как мы сказали, отрицать историю времен дальних, но то, что от нее осталось, например, уцелевшие до нас памятники древнего искусства, все бронза или гранит. Над этими неразрушимыми памятниками тщетно хлопочет пронизательность новейшего анализа. Геродот и Тит Ливий, бесспорно, принимают романтический колорит, восходят ли они к векам первобытным, или рассказывают даже современные происшествия; другие, как, например, Фукидид¹⁰⁷⁰ и Тацит, явно носят на себе печать политической страсти, печать, совершенно противоположную нашим идеям о философском беспристрастии, перенесенным на почву истории; но отнимите этих великих писателей, и древней истории у вас нет. То же самое, и еще в гораздо высшей степени, прилагается к истории

Востока; предания индейцев, китайцев, персиян и других народов Азии, сохранивших следы прошлого, наполнены таким множеством чудовищно-баснословных фактов, что во всем относящемся до первобытных времен они отнюдь не совместны ни с какой системой хронологии, ни с каким разумным историческим началом.

Есть еще одна странная перспектива в будущей судьбе историка новейших времен, на которую нельзя не обратить внимания. Соображая громадное число книг, которые печатный станок ежегодно передает общему любопытству, можно составить себе понятие о чудовищной цифре, какой достигнет этот непрерывный ряд изданий по прошествии двух или трех веков. Тогда положение историка будет еще хуже. Захочет ли он справиться с печатными документами, и вот перед ним сушая бездна, которую уразуметь мало целой жизни человеческой. Пренебреги он эти документы, он лишит свой рассказ всех прав на доверие, он погрешит перед существенным законом исторической науки. Можно, без лишней смелости, заключать, что в эпоху, более или менее отдаленную от нашей, пределы каждой науки в частности, расширяющиеся день от дня более, перейдут за пределы нашего ума, и тогда историк, подобно другим специальным людям, посвятившим себя какой-нибудь отрасли знания, изнемогая под бременем предшествовавших разысканий и наличных материалов, скорее встретит помеху, нежели подспорье своим трудам в огромной массе печатных произведений. Сомнительно, чтоб это положение вещей, приблизительно вероятное, послужило к усилению достоверности человеческих знаний вообще и истории в особенности.

Не простирая слишком склонности к парадоксу, можно бы, мне кажется, заключить из этих выводов, что изобретение типографического дела установило относительно истории и историка новые условия, но что условия эти для достоверности исторической отнюдь не благоприятнее той своеобразной и современной свободы, какую пользовались историки древности и даже средних веков до начала XV столетия. Трудности изменились в свойстве, но они тем не менее действительны, тем не менее очевидны. Если уму человека дано преодолеть их, то ему непозволительно ослепляться насчет положения вопроса. Нemoшь усилий новейшей критики над древностью, за исключением нескольких отдельных пунктов хронологии или какой-нибудь черты нравов, искусства и внешней жизни древних, достаточно признана всеми; но приложение критического ума к совре-

менной истории разве много принесло плодов? И если уж теперь чувствуется страшная несоразмерность приготовительных работ с результатами, которых домогается историк из множества открытых ему источников, то не угрожают ли эти трудности сделаться неодолимыми, когда, благодаря типографскому искусству, число книг, с одной стороны, возрастет в ужасающей пропорции, а с другой — дух сомнения, скептицизм, приведенный в систему, окончательно овладеет всеми отраслями знаний человеческих и сделается верховным законом и последним словом нашего разума?

Поречье.
Июнь 1850 г.

ОСЬМОЕ ЯНВАРЯ 1851 ГОДА

Января 8 нынешнего года родные и друзья праздновали юбилей пятидесятилетней службы отечеству графа Дмитрия Николаевича Блудова¹⁰⁷¹. Домашний праздник, выражавший воспоминания о прошлом и настоящие чувства людей, близких хозяину дома, должен бы остаться в семейном кругу; однако же, мы позволяем себе нарушить скромность и сказать несколько слов о празднике и для общего сведения. Имя графа Блудова принадлежит России, его заслуги тесно соединены с государственною и литературною нашею жизнью,

Он друг и брат певца Людмилы¹⁰⁷²,
Он другом был Карамзина.

Литературные воспоминания должны были занимать не последнее место на празднике, которого цель заключалась в том, чтобы воскресить прошлое, напомнить молодость тому, чье имя соединено с *последними страницами бессмертного творения Карамзина*¹⁰⁷³.

Вечер начался домашним спектаклем. Сцена представляла комнату, в которой собрались действующие лица, в костюмах, как бы для репетиции различных пьес, приготовляемых для домашнего спектакля. Между разговорами и приготовлениями повторили несколько сцен одну за другою. Так были разыграны сцены из старой оперы Буаельдьё¹⁰⁷⁴: «Ma tante Aurore»¹⁰⁷⁵, с известными куплетами: «non ma piéce vous n'aimez pas»¹⁰⁷⁶; три первые явления из «Бригадира» Фонвизина¹⁰⁷⁷, несколько сцен из комедии «Вертер»¹⁰⁷⁸ и, наконец, та сцена из «Дмитрия Донского»¹⁰⁷⁹, в которой русский воин рассказывает Ксении о поражении Мамая. Полнозвучные стихи Озерова¹⁰⁸⁰, прекрасно произнесенные, произвели сильное впечатление, и сами актеры, пользуясь тем, что они как бы только приготовляются к настоящему представлению, просили воина произнести и слова Дмитрия Донского, которыми оканчивается трагедия:

Но первый сердца долг Тебе, Царю Царей,
Все царства держатся десницею Твоей,
Прославь и укрепи и возвеличь Россию!
Как прах земной сотри врагов кичливых व्यю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
Языки, ведайте, велик Он, Русский Бог!

Прекрасная игра действовавших лиц, из которых многие с замечательным талантом исполнили свои роли, и выбор самых пьес не могли не произвести особенного действия. Все пьесы принадлежали к прошедшему времени, и, напоминая графу Д. Н. Блудову его молодость, они напомнили всем ту эпоху в нашей литературе, когда произведения Фонвизина еще были живы в памяти, когда уже занялась заря нового литературного дня — выступили на поприще действия Карамзин и Дмитриев¹⁰⁸¹ — и трагедии Озерова составляли явления современные.

Когда окончилось представление, на сцену вбежал молодой человек и, подавая письмо, сказал: «Я прямо из Арзамаса, то есть с Карповки¹⁰⁸²». Письмо было прочтено:

«С развалин Арзамаса, от *Старушки*, удрученной недугом, поклон и радушное приветствие давнишней подруге *Кассандре Приамовне*, сидящей не на развалинах Трои, а в кругу любимого семейства и преданных друзей. Старушка хотела бы включить в эту грамотку все воспоминания юности, все мечты минувших дней, словом — отголосок тех забавных и увлекательных бесед, о коих забыли безмолвные берега Карповки; но тот, *кто сидел впереди*¹⁰⁸³, умчался за *Светланой*¹⁰⁸⁴; бедная Старушка с трудом владеет стальным, заморским пером, ибо говорят, что на рынке не найдешь теперь ни одного *перушка Арзамасского*, а в привозе лишь *тух и потрох*. Как все изменилось!

Но вот что неизменно: посмотрите с умилением на этот кружок *немногих* уцелевших от времени и бурь, как будто в замену других и смертью и жизнью похищенных. Чем теснее кружок, тем чистосердечнее порыв, его соединяющий, тем живее привязанность к виновнику нашего собрания, тем признательнее мы должны быть к Провидению, дарующему нам на закате дней способность наслаждаться вместе и плодами полувековой опытности, и игрою фантазии младенческой.

Да будет сей день для нас, стариков, приятным воспоминанием молодости, а для окружающих нас молодых слушателей новым побуждением к благородным занятиям ума. Нам, ветеранам, следует говорить младшим товарищам, что и в нашу очередь, сбросивши шутливую оболочку Арзамасскую и собравшись некогда около *Карамзина*, он, как старший брат, с кроткою улыбкою и ясным взором, примером и советами научал нас трудиться, размышлять, писать. Счастлив, кому дано было привязать свое имя к последним страницам его бессмертного творения!

Извините, любезнейший *Юбиляр*, если послание, начатое в Арзамасе, невольно оканчивается Петербургом, среди истинно Вас уважающих и любящих, в числе коих я всегда занимал и занимать буду, и под личиною старушки и в собственном виде, не последнее место».

8 января 1851 г.
В Санкт-Петербурге

Вскоре после трудов и подвигов 12-го года, когда Россия уже наслаждалась плодами славного мира, в Петербурге, под влиянием того направления, которое гений Карамзина произвел на развитие нашей словесности, молодыми писателями того времени было учреждено литературное общество под названием «Арзамас». Карамзин считался его почетным членом. Давая направление литературным занятиям Общества, скромный и благодушный характер Карамзина не позволял ему выказывать того же авторитета в личных отношениях с молодыми писателями: он был первым между равными, *старшим братом* в литературной их семье, в которой занимали место В. А. Жуковский, Батюшков, Д. В. Дашков, кн. П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. Каждый член Общества назывался именем из баллад Жуковского. Граф Блудов именовался Кассандрою, граф Уваров — Старушкою.

После чтения письма кн. П. А. Вяземский произнес куплеты, которые после были пропеты в заключение представления:

Наш бойкий век парит и парит,
Пара́ми гонит он и жжет;
Он жизнь торопит, время старит
И все кричит: вперед, вперед!

Что день, то новое начало,
Что день — с вчерашним днем разрыв,
И что всех утром волновало,
То к вечеру сдано в Архив.

Делам и людям срок дан малый.
Вчерашний гений, поглядишь,
Уж нынче олух запоздалый
И век любимцу кажет шиш!

Преданий связь давно забыта,
С прошедшим справиться смешно,
И память наглухо забита,
Как в доме лишнее окно.

Одно в уме наш век имеет,
Приняв пословицу в закон:
Что кто о старом вспомнить смеет,
Тому глаз должно вырвать вон.

Ты не таков и, слава Богу!
Глаза не выколешь ты нам,
Когда на старую дорогу
Свернули к старым мы друзьям.

Твой разум чужд предубежденья,
Не враг он доброй новизне!
В благих успехах просвещенья
Идешь ты с веком наравне.

Но старине ты не изменник,
Не прилепляясь к новизнам,
Ты не минуте современник,
Но современник всем векам.

Ты в памяти своей обширной
Хранишь преданья всех веков,
Любуясь выставкой всемирной
Всех дарований и умов.

Фонвизина ты шулки любишь,
И Озерова звучный стих
Ты ныне лаской приголубишь,
Как сон и радость дней младых.

В сей день, друзьям твоим любезный,
Когда во цвете бодрых сил,
Ты жизни чистой и полезной
Полвека с честью совершил.

Друзья сошлись в твой круг семейный,
Чтоб без торжественных затей,
Украстить пир твой юбилейный
Живой картиной прежних дней.

Сложи трудов высоких бремя
И, освежившись стариной,
Ты обочи скупое время
И сбрось полвека прочь долой!

Сей вечер — радости и дружбе,
Сей вечер с нами отдохни,
А завтра труженик на службе
Полвека новые начни!

После пения куплетов, князь П. А. Вяземский прочел послание к графу Д. Н. Блудову:

Тому полвека начал ты
Служенье обществу и благу.
Им сердца светлые мечты,
Им смелого ума отвагу
От ранних дней ты посвятил.
И лет тебя не тронул холод:
Еще ты ныне сердцем молод
И бодрый ум твой не остыл.

Полвека — и сказать так страх!
А пережить куда как трудно:
Жизнь сеет щедро в юных днях,
Но часто осенью жнет скудно.
С началом ссорится конец
И вечер — утра вывод ложный,
Ты был и сеятель надежный
И много выручивший жнец.

Ты честью почести стяжал
Без постороннего участия.

Ты, запыхавшись, не бежал
За прыткой колесницей счастья,
Чтоб за подножку на авось
Рукою жадной уцепиться:
Ты счастья не искал добиться,
Оно в тебе за ум взялось.

И все прекрасное в тебе
От искушенья уцелело:
Друзьям ли, с недругом в борьбе
В глаза смотреть ты можешь смело.
Друзьям сберег ты цвет любви,
Не опаленный знойным счастьем:
Пред неприязненным пристрастьем
В поруку совесть призови.

Глупцам — глупцы есть и у нас —
Бывает солон ум твой едкой,
И мастерски не в бровь, а в глаз
Ты попадаешь шуткой меткой.
И счету нет твоим стрелам
В твоём запасливом колчане:
Стрелял ты в дедов и заранее,
Грозишь ты внучатым глупцам.

Тебя не поглотил поток,
Текущих дел поток чернильной:
В себе отвел ты уголок
Для жизни, чувствами обильной.
И вся проникнута она
Святым огнем духовной силы:
Ты друг и брат певцу Людмилы¹⁰⁸⁵,
Ты другом был Карамзина.

Ужин и тост за здоровье хозяина дома окончили вечер, который надолго останется в памяти всех в нем участвовавших.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(Редактору «Современника»)

Помещенная в «Современнике» статья «Осьмое января 1851 года» возбудила во многих читателях любопытство, а в некоторых воспоминание о бывшем литературном кружке, известном под именем *Арзамаса*. В этой статье помещено несколько сведений о самом обществе; эти сведения, по необходимости, довольно скудны, а пополнять их трудно, ибо Арзамас не имел собственно никакой определенной формы. Это было общество молодых людей (из которых некоторые достигли впоследствии высших степеней государственной службы¹⁰⁸⁶), связанных между собой одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории, и собиравшихся вокруг Карамзина, которого они признавали путеводителем и вождем своим. Направление этого общества, или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно *критическое*¹⁰⁸⁷. Лица, составлявшие его, занимались строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка и проч. Чем разнообразнее была цель общества, тем менее было последовательности в его занятиях. В то время и под влиянием *Арзамаса* писались стихи Жуковского, Батюшкова, Пушкина; и это влияние отразилось, может быть, и на иных страницах «Истории» Карамзина. Существование этого кружка было так кратковременно, что оно оставило по себе следы только в памяти современников¹⁰⁸⁸. Говорят, что Арзамасский кружок намеревался издавать журнал¹⁰⁸⁹, и что помещенная к сочинениям Батюшкова статья «О греческой антологии», была написана именно для этого журнала.

Еще прежде того подобные литературные беседы имели у нас замечательное в свое время влияние на развитие отечественной словесности, — влияние, не довольно уваженное писавшими историю ее.

Так, например, не восходя далее начала столетия и ограничиваясь одним Петербургом, скажем, что Г. Р. Державин собирал около себя многочисленных литературных приверженцев и почитателей его высоких дарований. Из них-то в 1811 году образовались в его доме и под его председательством так называемая *Беседа русского*

слова. Мاستитый старец Державин и в это время не переставал писать стихи, конечно, мало достойные певца «Фелицы», вообще довольно слабые, но показывавшие его неугасаемую любовь к поприщу своей прежней славы. В этом обществе после Державина занимали почетное место: А. С. Шишков¹⁰⁹⁰, которого книга: «О старом и новом слоге»¹⁰⁹¹, наделала в свое время много шума, возбудив важные вопросы касательно языка, — вопросы, впоследствии разрешившиеся обоюдным примирением, подобно войне *классиков* и *романтиков* во Франции и Германии, — и В. В. Капнист¹⁰⁹², одаренный остроумием, произведения которого как будто служили указанием позднейшим поэтам. Капнист на закате дней своих писал немного, но еще любил словесность. Сюда же должно включить лицо оригинальное — графа Д. И. Хвостова¹⁰⁹³, этого бездарного метромана, до конца жизни своей страстно преданного литературе и из любви к ней с твердостью переносившего остроты и колкие шутки, которыми осыпали его со всех сторон. К обществу Державина принадлежали еще А. С. Хвостов¹⁰⁹⁴, И. М. Муравьев-Апостол¹⁰⁹⁵, Князь А. А. Шаховской¹⁰⁹⁶, который для него написал неудачную поэму: «Расхищенные шубы», кн. С. А. Шихматов¹⁰⁹⁷, А. А. Писарев¹⁰⁹⁸ и С. Н. Марин¹⁰⁹⁹ — оба офицеры гвардии, — сверх того множество молодых поклонников Державина — парнасских кандидатов, имена которых, однако ж, не сохранились в парнасской летописи, — даже несколько дам, занимавшихся стихотворством¹¹⁰⁰. Словом, дом Державина был важным двигателем тогдашней литературной деятельности. Если это движение не принесло больших плодов, оно, по крайней мере, свидетельствует об общей в то время, на всех ступенях общества, склонности к занятиям литературным, особенно к поэзии лирической и драматической, — склонности, которою отличалась по преимуществу эпоха от Ломоносова до Державина.

В одно почти время, искусство и литература находили скромное, но постоянное убежище в доме А. Н. Оленина¹¹⁰¹. Этот достойный савонник, которого труды и усердие не вполне оценены, может быть, настоящим поколением, был от природы страстный любитель искусств и литературы. При долговременной службе, он все свободное время посвящал своим любимым предметам. Может быть, ему не доставало вполне этой быстрой наглядной сметливости, этого утонченного, пронизательного чувства, столь полезного в деле художеств, но пламенная его любовь ко всему, что клонилось к развитию отечественных

талантов, много содействовала успехам русских художников. *Кипренский*¹¹⁰² был им взыскан и поощряем; конечно, Егоров¹¹⁰³, Шебуев¹¹⁰⁴, оба Брюлловы¹¹⁰⁵ не забыли постоянного о них попечения А. Н. Оленина. Сверх того Оленин был одним из первых основателей русской археологии. Ревностный поборник отечественных древностей, он занимался постепенно всеми предметами, входящими в этот круг, начиная от тмутараканского камня¹¹⁰⁶ до драгоценностей керченских, от лаврентьевского Нестора до описания московских памятников.

Дому Оленина служила украшением его супруга Елизавета Марковна, урожденная Полторацкая. Образец женских добродетелей, нежнейшая из матерей, примерная жена, одаренная умом ясным и кротким нравом, — она оживляла и одушевляла общество в своем доме. Крылов¹¹⁰⁷ особенно находил в ней не только участие друга, но даже и попечительность доброй матери. Он с своею лафонтеновскою беспечностью нашел в Елизавете Марковне другую г-жу де ла Саблиер¹¹⁰⁸. Вообще, дом Оленина немало содействовал к известности Крылова, который Олениным был представлен ко двору и определен в Императорскую Публичную библиотеку. Лучшие произведения Крылова были читаны в первый раз в кругу друзей Оленина, к числу которых принадлежал *Н. И. Гнедич*¹¹⁰⁹, ревностный переводчик Гомера, чей замечательный труд и тщательное изучение греческого подлинника, к сожалению, не всегда встречают ныне достаточную оценку.

В доме Оленина явился в свою очередь *В. А. Озеров* с рукописным «Эдипом в Афинах», и тут была читана в первый раз эта трагедия, которую не затмили произведения позднейших наших драматургов. Эдип был представлен на сцене в первый раз в 1804 году. Роль Антигоны была написана Озеровым для дебюта *К. С. Семенов*¹¹¹⁰. Первоначальные репетиции этой трагедии происходили также в доме А. Н. Оленина. *Д. Н. Блудов* и *С. С. Уваров* были с ранней молодости в числе коротких приятелей семейства Олениных; *Капнист* часто посещал этот дом, постоянно открытый для немногих, всегда встречавших радушный прием со стороны хозяина и хозяйки. Часто к обеде собиралось незваных гостей человек до десяти или более; хлеб-соль была не причудливая, но сытная и вкусная. Вообще, тогда не было, как ныне, пристрастия к французской кухне. В лучших петербургских домах отличный даже стол, как-то у *А. Л. Нарышкина*¹¹¹¹

и у Д. А. Гурьева¹¹¹², был изготовляем русскими поварами и прино-
ровляем к русскому вкусу*.

Возвратимся в гостиную Олениных — в эту гостиную, где почти
ежедневно встречалось несколько литераторов и художников рус-
ских. Предметы литературы и искусств занимали и оживляли разго-
вор; совершенная свобода в обхождении, непринужденная откровен-
ность, добродушный прием хозяев давали этому кругу что-то патри-
архальное, семейное, что не может быть понято новым поколением.
Сюда обыкновенно привозились все литературные новости: вновь
появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о карти-
нах, — словом, все, что могло питать любопытство людей, более или
менее подвижных любовью к просвещению. Невзирая на грозные со-
бытия, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла глав-
ного предмета разговора, — она всегда уступала место литературе.
Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей
Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словеснос-
ти и склонность к мирным умственным занятиям именно в то время,
когда потрясение всех начал гражданского порядка и дух воинских
предприятий колебали все государства, стоявшие на краю гибели.

Оканчивая краткий очерк влияния некоторых частных, петер-
бургских обществ на язык и словесность нашу, прибавим, что этот
очерк следовало бы дополнить сведениями о литературных кружках,
существовавших в Москве; такого дополнения ожидаем мы от редак-
тора и сотрудников «Москвитянина»¹¹¹³, которым ближе известны
подробности литературной жизни нашей древней столицы, и кото-
рые находятся неподалеку от источников.

В заключение заметим, что частные, так сказать, домашние обще-
ства, состоящие из людей, соединенных между собой свободным
призванием и личными талантами, и наблюдающих за ходом литера-
туры, имели и имеют не только у нас, но и повсюду, ощутительное,
хотя некоторым образом невидимое влияние на современников.
В этом отношении академии и другие официальные учреждения
этого рода далеко не имеют подобной силы. Такие официальные
учреждения не дают знаменитым писателям, а частью заимствуют

* А. Н. Оленин жил у Красного моста, в доме, принадлежащем ныне Льву Ки-
рилловичу Нарышкину, а впоследствии в Большой Морской, в своем доме, ныне
принадлежащем г. Андрю.

от них жизнь и направление. Французская Академия при Людовике XIV, едва вышедшая из рук Шаплена¹¹¹⁴, подчинилась влиянию Буало¹¹¹⁵ и его друзей и чрез это, косвенно, видам *великого короля*. При Людовике XV Французская Академия не переставала действовать в духе Вольтера и его многочисленной школы. Гораздо более самостоятельности являлось в салонах герцогини Дю Мен¹¹¹⁶, г-ж Дюдефан¹¹¹⁷, Леспинас¹¹¹⁸, Жоффрен¹¹¹⁹ и других. В этих салонах происходили все перевороты во вкусе и в литературных произведениях. Фонтенель¹¹²⁰, Вольтер, Д'Аламбер¹¹²¹, Дидро¹¹²², Лагарп¹¹²³, Мармонтель¹¹²⁴ и другие почерпали здесь мысли и вдохновение, блистали красноречием и остроумием и искали гораздо более одобрения этого избранного общества, чем похвал и лавров академических. Критика этих остроумных женщин была для них страшнее всякой другой критики. Великие поэты Италии образовались также в пышных чертогах владетельных особ и там находили свой ареопаг. Скромные, незаметные беседы во Франкфурте нескольких молодых друзей, собиравшихся вокруг молодого Гете, произвели повсеместный переворот в языке и словесности Германии.

Можно вообще сказать, что развитие искусств и литературы не подлжит, подобно развитию наук, общему осязательному закону времени и постепенности. Эпохи их процветания составляют как будто неожиданные, мгновенные явления, и когда эти эпохи проходят, то уже никакое усилие, никакое пожертвование со стороны правительства не в силах их восстановить. Это обстоятельство делает любопытнее, может быть, самую историю литературы. Желательно, чтобы будущий историк русской словесности обратил внимание на все подробности и даже мелочи, означавшие и упадок ее, и успехи.

Eheu, Posthume, fugaces, fugaces¹¹²⁵...

МАДАМ ДЕ СТАЛЬ

В настоящее время я не собираюсь писать ни биографию Мадам де Сталь, ни критический обзор ее сочинений. Роясь в старинных воспоминаниях и находя нетронутыми вспоминая об этой замечательной женщине, я намерен просто изложить те впечатления, которые она произвела на меня в ту далекую, но незабываемую эпоху. Чем дольше живешь и чем больше стараешься сохранить следов быстро промчавшейся юности, тем отчетливее и яснее они выступают на длинном и монотонном холсте жизни.

В конце 1807 г. Мадам де Сталь жила в Вене, и там я имел возможность быть ей представленным в салоне графа Людовика Кобенцля. Но прежде чем перейти к рассказу о нашей первой встрече, я бы хотел сказать о любезном хозяине, у которого она состоялась. Кобенцль, старый австрийский посол в России и во Франции, старый вице-канцлер и министр иностранных дел, после подписания Пресбургского мира вернулся к частной жизни и жил в Вене вместе со своей сестрой графиней де Ромбек, самой оригинальной из женщин, точный портрет которой было бы трудно представить тем, кто ее не знал. Неисчерпаемая сердечная доброта, подлинная чувствительность, возвышенный ум, богатое воображение — все это в ней соединялось с веселым и шутливым, почти шутовским характером, впрочем, не вредящим приятности ее пола. Главным двигателем ее жизни была преданность брату. Не имеющая детей госпожа де Ромбек никогда с ним не разлучалась. В эпоху, о которой я говорю, она принимала гостей в своем салоне с изяществом и тактом, выделяющими ее на фоне остальных. Я был принят в этом гостеприимном для русских доме, и чувствовал там себя также непринужденно, как и под родной кровлей.

Итак, я был предупрежден, что в особняке Кобенцля ожидается визит Мадам де Сталь, прибывшей накануне в Вену. Действительно, около восьми часов вечера о ней доложили, и она появилась в гостиной, где находились только граф Людовик, госпожа Ромбек и я. Чтобы удостовериться в верности моих воспоминаний, я начну с подробного описания внешности и одежды Мадам де Сталь. Среднего роста, довольно полная, в тот день она была одета в зеленое платье, усеянное крупными золотыми блестками; на голове у нее был темно-красный тюрбан, из-под которого выбивались черные, как вороново крыло,

локоны; на груди — большая миниатюра-портрет господина Неккера; и, наконец, небрежно наброшенная на плечи шаль и веер в руках — любимая игрушка Мадам де Сталь, которую она заменяла при необходимости небольшим клочком бумаги, — дополняли этот несколько своеобразный туалет. Вдобавок, платье в стиле ампир с высокой, почти до груди, талией придавало всей ее фигуре что-то неуклюжее и массивное, мало напоминающее образ Корины на Мизенском мысу¹¹²⁶.

После принятых в подобных случаях первого обмена любезностями разговор пошел легко и приятно, благодаря такту мадам де Ромбек, исключительной любезности графа Людовика и, особенно, хорошему вкусу и уверенности в себе Мадам де Сталь, что повышало привлекательность ее ума. Наконец, чтобы завершить описание ее внешности, добавлю, что красота ее очень живых черных глаза и белых круглых рук не вызвала никаких сомнений, в то время как все остальное было вульгарно и почти безобразно.

С первого взгляда сильнее всего поражала естественная непринужденность ее разговора и простота ее выражений; ничего изысканного и искусственного не выдавало в ней женщину-писательницу. Она одинаково легко говорила на все темы, и разговор ее, как и подобает разговору хорошего общества, был лишен всякой посторонней примеси неологизмов. Мадам де Сталь даже старалась сменить тему беседы, если кто-нибудь из мало осведомленных собеседников позволял себе завести речь о ее литературной известности. Казалось, что она придает большое значение мельчайшим деталям жизни света и тысячам мелочей, служащим темами салонных бесед. Она редко когда позировала и всегда старалась отдалиться той привлекательной непринужденности, которая отбрасывает в сторону все личные проблемы. Такой я увидел Мадам де Сталь при первой встрече, такой я находил ее и в дальнейшем. Надо сказать, что только вовлекаемая в иной круг идей, когда речь заходила о высоких материях или животрепещущих событиях современности, она проявляла все разнообразие своего красноречия.

Мадам де Сталь встретила в Вене самый радушный прием. Даже самые закрытые салоны высшей аристократии распахнули перед ней свои двери. Возможно, ненависть, которую испытывали к Наполеону, способствовала дополнительной популярности его жертвы. Венское общество было предупредительно по отношению к Мадам де Сталь.

Жена князя Иоганна Лихтенштейна¹¹²⁷, княгиня Полина Шварценберг, впоследствии довольно точно названная Мадам де Сталь «святейшею из матерей»¹¹²⁸, графиня Флора Врбна¹¹²⁹, графиня Молли Зичи, целая группа польских дам, составляющих в то время ядро общества, начиная со старой импозантной графини Полоцкой¹¹³⁰, сохранившей, однако, молодую грацию и свежесть ума, и заканчивая графиней Софьей Замоиской¹¹³¹, — все были единомышленны в том, чтобы воздать честь Корине, не говоря уже о том, что в особняке князя де Линя¹¹³² она с первого же дня была принята как своя. Для нее устраивались многочисленные вечера и ставились комедии, причем ей давались лучшие роли. Общество охотно бывало в скромном салоне самой Мадам де Сталь. Она привезла с собой хозяйство и два или три раза в неделю давала обеды на шесть или семь персон, наиболее подходящих друг для друга; все находили эти обеды весьма приятными и скорее парижскими, чем венскими.

В Вену Мадам де Сталь сопровождали, кроме ее второго сына Альберта де Сталь¹¹³³, и ее дочери Альбертины¹¹³⁴, впоследствии герцогини де Брольи, а в то время очаровательного ребенка десяти — двенадцати лет, Сисмонди, историк итальянских республик¹¹³⁵, и Август Вильгельм Шлегель. Последний был учителем юного Сталя, а также секретарем и сотрудником его матери. Влияние господина Шлегеля на Мадам де Сталь было слишком велико, чтобы обойти молчанием его личность, тем более что со временем она приобрела прочную репутацию. Шлегель, после того как он отличился в качестве немецкого писателя, стремился стать писателем французским и действительно очень хорошо владел этим языком, обычно с трудом дающимся немцам. Он развернул знамя борьбы против французского классицизма и смело атаковал Расина в на шумевшей брошюре¹¹³⁶. В результате начался очень оживленный литературный спор, в котором приняли участие многие французские писатели и журналисты. Мадам де Сталь склонялась на сторону Шлегеля, чьи литературные взгляды оказали на нее немалое влияние. В то время он помогал ей в работе над большим сочинением о Германии. Большая часть материалов была подготовлена немецким профессором, а третий том, где речь идет о философии, был почти полностью написан им собственноручно. Сталь лишь осталось придать этим материалам литературную форму, доступную французскому читателю и окрасить их в тона собственной индивидуальности. Сама она говорила об этом так: «Рудник

Шлегеля богаче моего, но я чеканю монеты лучше, чем он». Действительно немецкий язык Мадам де Сталь знала лишь по инстинкту или по какому-то особому наитию. Она едва могла сказать два слова на этом языке или прочитывать полстраницы какой-нибудь газеты, а между тем я своими глазами видел, как она прямо с листа перевела одну сцену из Шиллера с удивительным пониманием и воодушевлением, которое, казалось, без особых усилий позволило ей проникнуть в самый сокровенный смысл этой высокой поэзии.

Сегодня может показаться странным, что такой человек, как Шлегель, стоящий в первом ряду писателей своей страны, решил некоторым образом покинуть свое с трудом достигнутое место, чтобы быть допущенным в число французских авторов. Для того, чтобы понять эту видимую аномалию, надо перенестись в то время, о котором я говорю. Новое поколение, сегодняшняя молодежь (я сознательно не говорю «молодые люди», потому что это было бы двойным варваризмом), не может себе представить настроение умов в начале века и в эпоху Империи. Никогда господство французского языка и французского остроумия не было более откровенным. Их любили и совершенствовались все, даже те, кто более всех ненавидел само французское правительство и его политику. Стихотворение, песенный куплет, прозаический отрывок циркулировали по всей Европе, и не было лучшего средства попасть в общество и преуспеть, будь то в Париже, в Вене, в Петербурге, в Неаполе. Двери всех салонов отворялись перед теми, кто занимался литературой и особенно литературой французской, безоговорочно царящей над остальными. Никогда ее влияние не было столь велико, как в то время, но уже тогда в глубинах сознания и в тайниках ума зарождалась и таинственным образом совершалась реакция, которая призвана была вывести на свет различные новые, мало ценимые прежде народности, и таким образом разрушить тот мощный синтез, посредством которого Франция господствовала в Европе на протяжении всего XVIII века.

Мне кажется, что еще не было замечено, с какой чрезмерной заботой Наполеон то ли по собственному вкусу, то ли по расчету, сумел оценить и значение этого влияния, и умел пользоваться им. Несомненно, что его правление было в высшей степени военное и воинственное, но, тем не менее, рядом с этим широчайшим проявлением духа завоеваний Наполеон с энтузиазмом покровительствовал литературе, лишь бы она оставалась в очерченных им границах

и не лезла бы в политику. Человек, который в начале своей карьеры подписывался: «член Национального института, главнокомандующий Итальянской армией» сам был увлечен цивилизаторскими идеями. Во время его правления интеллектуальные заслуги ценились наравне с воинской славой. Выдающиеся люди науки и литературы: Лаплас¹¹³⁷, Лагранж¹¹³⁸, Монж, Бертоле¹¹³⁹, Фуркруа¹¹⁴⁰, Шапталь, Фонтан — занимали первые места в Сенате и в правительстве. Дарю¹¹⁴¹, переводчик Горация, был главным интендантом в армии. Прочитав едва появившуюся книгу молодого Моле¹¹⁴², Наполеон призвал его к себе и вскоре дал ему портфель министра юстиции. Первый литературный опыт открыл перед Проспером де Барантом¹¹⁴³ перспективу высоких должностей. И многие другие также обязаны их возвышением собственным литературным или научным успехам.

Сам Наполеон много писал, его брат Люсьен¹¹⁴⁴, король Голландии, занимался исключительно изучением литературы. Люсьен одновременно дулся и рифмовал огромные эпопеи, даже названия которых уже забыты. Даже добряк Жозеф, бродячий король Неаполя и Испании, скромно выпускал сентиментальные повести. Короче говоря, заражение было всеобщим. За пределами Франции Наполеон наградил орденом Почетного Гете и Виланда. В Италии он назначил выдающегося физика Фоссомброни¹¹⁴⁵ на самые высокие государственные должности. Он щедро оплачивал Монти¹¹⁴⁶, воспевавшего его подвиги. Его артистический энтузиазм дошел до того, что он послал орден Железной короны¹¹⁴⁷ сопрано Крешентини¹¹⁴⁸ и заметил свою оплошность только когда Тальма¹¹⁴⁹ отказался принять такую же награду. Наполеон даже согласился забыть, что живописец Давид¹¹⁵⁰ был яростным членом Конвента, потому что ему понадобилась его кисть для изображения коронации и написания его портрета. Словом, в его правление интеллектуальные и артистические порывы сливались с порывами военными, лишь бы только и те, и другие подчинялись его воле, скорее произвольной и капризной, чем тиранической.

Несправедливо умаляли значение имперской литературы, если и не хватало гениев, то не потому, что не было должного стимулирования. Напротив, публиковались даже писатели второго ряда. С этой точки зрения понятно, насколько то, что Наполеон называл предательством Шатобриана и упрямством Мадам де Сталь, должно было оскорблять в нем гордость властелина. И действительно, достойно внимания, что оба этих французских писателей, чьи произведения

все еще сохраняют свое значение, начали с того, что произвели полную революцию в древнем владении французского духа, и совершали свою работу, не считаясь с намерениями Наполеона, и под знаменами, откровенно ему враждебными, в то время как видный стихотворец Делиль¹¹⁵¹ ограничился в своей оппозиционности тем, что посвятил свой перевод «Энеиды» императору Александру.

Вернемся к Мадам де Сталь. Когда было доказано, что под двойным покровом превосходной женщины и великого писателя не скрывается ни жеманница, ни педантка, когда все согласилось, что Мадам де Сталь — женщина умная и вполне светская, отличающаяся превосходным характером и большой добротой, тогда все салонные предубеждения рассеялись, и она была любезно принята даже теми, кто был далек от ее политических взглядов и не выносил имени ее отца.

Описывая привычную манеру Мадам де Сталь, я не берусь утверждать, что она всегда оставалась ей верна. Когда речь заходила о том, чтобы обратить в свою веру какого-нибудь политика или запрячь в свою колесницу того, кто, как ей казалось, расположен к нежному восхищению ее, Мадам де Сталь становилась Кориной, давая свободу течению своей увлекательной речи. Она то устремлялась в глубины политических и социальных проблем, то затрагивала метафизику чувств. В эти моменты вдохновения она была восхитительна своим воодушевлением и талантом. Не каждый мужчина мог оспорить у нее пальму первенства в импровизации. Ее красноречие, несмотря на некоторое несоответствие ее предвзятых идей, оставалось всегда в границах изящной корректности. Но, взявшись за перо, она допускала порой некоторые неологизмы (несомненно, очень скромные по сравнению с современными крайностями). Но когда Мадам де Сталь говорила, ее речь казалась более чистой, более отточенной, более простой. Она приобретала свойства языка хорошего общества, возведенного силой таланта на высшую ступень своего могущества, но при этом не оторванного от источника своего происхождения. Когда Мадам де Сталь отваживалась слишком близко подходить к вопросам, связанным с чувствами, которые занимают столь большое место в ее книгах, и о которых столь охотно говорили, то ее умение порой изменяло ей. Увлеченная своей говорливостью, Мадам де Сталь с трудом сохраняла равновесие и впадала в чувствительную туманность, часто лишавшую ее речь чистоты и определенности, и сама того не осознавая, она едва не становилась посмешищем. К тому же контраст

такой манеры выражаться с ее отнюдь не идеальным внешним обликом рождал невольную улыбку, и особенно женщины не были снисходительны к ней в подобных случаях. Это была своего рода месть, ведь еще Лафонтен¹¹⁵² заметил, что «что многие мужчины имеют женскую натуру».

Тем не менее стоит добавить, что когда Мадам де Сталь встречала достойного себя противника, чей характер и талант внушали ей уважение, как например, Поццо-ди-Борго или Генц¹¹⁵³, беседа становилась интересной и особо значимой. И все-таки разговоры Мадам де Сталь с князем де Линем более простые, более изящные и, если угодно, более фривольные, казались мне выше пылких импровизаций, мало соответствующих духу салона. Особую прелесть этим беседам, легким и блестящим, в которых каждый из них поочередно демонстрировал прелесть ума столь же тонкого, сколь и изысканного, придавало понимание, что эти пленительные разговоры были последним отголоском умирающего общества, последним излучением истинно французского остроумия, которое, начиная с Рабле и кончая Вольтером, давало властный импульс языку, литературе и даже политическим судьбам Франции, импульс, который рикошетом вдохнул жизнь в целую Европу.

Говорят, что некоторые эпизоды из молодости Мадам де Сталь не обошлись без того, чтобы произвести определенный шум. Когда я впервые увидел ее, она уже достигла того возраста, в котором серьезное отношение к жизни берет верх над юношескими иллюзиями. Таким образом, Мадам де Сталь, если пользоваться выражением госпожи де Севинье¹¹⁵⁴, «стремилась только к серьезному уходуванию». Уставшая от роли жертвы, боявшаяся, может быть, пасть в неравной борьбе, она вообразила, что изменив свое имя и скрывшись за чужим гербом, она в какой-то степени обезоружит своего безжалостного преследователя и сможет в новой форме начать, так сказать, новую жизнь. Во время своего пребывания в Вене Мадам де Сталь засматривалась на графа М<орица> О<Доннеля>¹¹⁵⁵, умершего несколько лет назад в чине фельдмаршала-лейтенанта на австрийской службе, с которым меня связывала общность научных интересов. Корина считала, что такой союз способен осуществить ее планы, но этот проект, тайну которого она тщательно оберегала, не осуществился. От него осталась только переписка, в которой, я, насколько помню, заметил тот же контраст между естественностью и позерством. Когда Мадам

де Сталь старалась возвысить свою речь до уровня страсти, ее стиль оставался холодным и напыщенным. Когда же она, уступая естественной склонности своего ума, оставалась в границах разумных чувств, ее письма становились очаровательными. Отъезд Мадам де Сталь, так же как и разразившаяся в 1809 г. война, покончил с этими планами, скорее химерическими, чем основательными. Позже романтический случай познакомил ее с господином Рокка¹¹⁵⁶, за которого она вышла замуж, сохранив свою прежнюю фамилию.

Теперь, будет ли мне позволено, описать в нескольких строках те отношения, которым разница в возрасте не помешала, установиться между знаменитой писательницей и мной? Даже по прошествии столь значительного количества лет я не могу без волнения вспоминать интерес и заботу, проявленную Мадам де Сталь по отношению к молодому человеку, не имевшему никакого права на ее доброжелательность. И тем не менее она горячо убеждала меня приняться за серьезные занятия и высокую литературу. Среди достаточно большого количества писем и записок, хранимых мною¹¹⁵⁷, я обнаружил одну и прошу прощения за что, что воспроизведу ее дословно, хотя она и содержит несколько похвальных слов. Вот что мне однажды написала Мадам де Сталь: «Я не сужу вас; вы избалованный ребенок, но ребенок очень талантливый. Между вами и мной слишком велика разница в возрасте для того, чтобы ничто не мешало нашей дружбе, но мой интерес к вам постоянен. Итак, я не перестану вам повторять, что пора вам стать мужчиной в силу вашего таланта и смело отдаться вашему естественному предназначению»¹¹⁵⁸. Когда господин де Барант опубликовал свое первое и весьма замечательное сочинение по французской литературе XVIII века, Мадам де Сталь подарила мне экземпляр, сказав: «Возьмите и читайте эту книгу, написанную молодым человеком примерно вашего возраста, и краснейте от того, что до сих пор не предприняли ничего серьезного». Много лет спустя, когда де Барант был посланником Франции в Петербурге, а я был министром, мы часто смеялись над этим совпадением и своего рода пугалом, которым Мадам де Сталь выставила для меня моего замечательного друга и собрата, память о котором *per varios casus et tot discrimina rerum*¹¹⁵⁹ никогда не перестанет быть для меня дорогой.

Сочинения Мадам де Сталь возможно не сохранили ту известность, которая сопровождала их первые публикации, тем не менее они по-прежнему занимают почетное место в литературе ее страны.

К тому же не стоит забывать, что она одновременно с Шатобрианом начала переворот в литературе с целью расширить языковые границы и увеличить возможности французской литературы, и каковы бы ни были результаты этого смелого предприятия, более удачные или менее, оба этих великих писателя, несомненно, были первыми прозаиками своего времени. По своему стилю Мадам де Сталь является прямым последователем Руссо, жизнь и творчество которого стали темой ее первых рассказов. «Дельфина»¹¹⁶⁰ также во многом относится к этой эпохе. Позже ее стиль приобрел большую ясность и гибкость. В «Корине»¹¹⁶¹ проявился ее восхитительный талант описания, обеспечивший этой книге привилегию быть с удовольствием прочитанной в той стране и в окружении тех памятников, которые в ней описываются.

Во время пребывания в Вене Мадам де Сталь окончила работу над произведением о Германии¹¹⁶². Вне всякого сомнения, эта книга способствовала распространению многих взаимных антипатий. В то время, когда она была опубликована, никто не смог бы с таким успехом ни написать об этом, ни сделать большего для установления отношений между двумя берегами Рейна. Наконец, рассуждение о Французской революции¹¹⁶³ показало полную зрелость этого чудесного таланта. По своим убеждениям Мадам де Сталь принадлежала к той фракции первой Ассамблеи, которая любой ценой хотела перенести во Францию английские общественные установления, в этой же фракции состоял и господин Неккер. Мадам де Сталь начала мыслить под влиянием этой клики, и никогда в дальнейшем она не отступала от ее принципов. Стиль этого последнего произведения Мадам де Сталь обрел наибольшую чистоту и твердость, не утратив при этом ни в малейшей степени своего блеска и живости. Он является отпечатком, если можно так выразиться, и воплощением мужественности ее мышления, не встречающегося в стиле никакой другой женщины, не исключая и самую знаменитую женщину, которая в наши дни расточительно поставила огромный талант, равный, а может быть, и превосходящий талан Мадам де Сталь, на службу самых скверных нравственных ересей и самых пагубных политических учений, не прибавивших славы их проповедникам, и не принесших людям обещанного порядка и мира¹¹⁶⁴.

В этом беглом перечне нельзя не упомянуть одно из главных произведений Мадам де Сталь — фрагмент ее записок, опубликованный

под названием «Десять лет в изгнании»¹¹⁶⁵. Никогда, может быть, ее стиль не был более изящным и более простым, а ее наблюдения более острыми, чем в этом сочинении. К его достоинствам к тому же следует отнести и глубоко правдивое описание характера и ума знаменитой беглянки, а также страданий, выпавших на ее долю. Несколько страниц, посвященных России, искрятся умом и проницательностью.

На этом я заканчиваю этот бесхитростный набросок в форме воспоминаний, оставляя более сведущим в дальнейшем подробно проанализировать произведения Мадам де Сталь или собрать подробности ее биографии. Эта выдающаяся женщина принадлежит отныне истории. Приподняв краешек занавеса, я довольствовался тем, что заплатил дань уважения и признательности ее памяти, и описал эпизод из собственной жизни, в котором Мадам де Сталь предстала сквозь доброжелательную, но искреннюю призму первых впечатлений моей юности.

Санкт-Петербург,
январь 1851

КОММЕНТАРИИ

Данное издание является первым сборником сочинений С. С. Уварова на русском языке. Оно включает в себя разные по жанру и по объему произведения: публицистику, научные проекты, мемуарные записки, путевые заметки, а также документы, связанные с его служебной деятельностью. В некоторых текстах у Уварова принята двойная система примечаний: построчные, обозначенные звездочками, и концевые, обозначенные арабской цифрой в скобках. В данном издании эта система сохраняется. Концевые примечания Уварова следуют непосредственно за тем текстом, к которому они относятся. Комментарий издателей имеет сплошную нумерацию и вынесен в конец тома.

Тексты печатаются, в основном, в соответствии с современным правописанием.

Отрывок из записок 1805 года

Опубликован в журнале «Сын отечества и Северный архив». 1829. № 47. С. 43–53; № 48. С. 109–116.

Летом 1805 г. С. С. Уваров, состоявший в то время на службе при Министерстве иностранных дел, был послан в Неаполь курьером. Его миссия, по всей видимости, была связана со складывавшейся в то время третьей антинаполеоновской коалицией в Европе, в которой должен был участвовать Неаполь. С 1799 г. на острове Корфу, входящем в архипелаг Ионических островов, постоянно находилась русская эскадра и отряд сухопутных войск, количество которых постоянно наращивалось и к 1804 г. составило целую дивизию. В январе 1805 г. в Корфу прибыло еще четыре русских военных корабля, а в конце того же года в Неаполе высадился русско-английский десант, доставленный туда на русских и английских кораблях. Уваров стал свидетелем этой высадки, произведенной 20 декабря 1806 г.

Однако не только политика интересует молодого «русского путешественника», как называет себя, вслед за Н. М. Карамзиным, Уваров. В не меньшей степени его привлекает природа и культура Италии. Если не считать высоких оценок, данных Уваровым неаполитанским музыкальным театрам и голосам, в целом его отношение к неаполитанскому быту было высокомерно и критично. Как отмечает Ц. Х. Виттекер, «Уваров отметил немного свысока, что даже люди в “обществе” не беседуют об умственных предметах, но заняты или азартными играми, или любовными сплетнями. Он учился благозвучному итальянскому языку и жил согласно своим наклонностям — посещал оперу, балет. Растущее в душе молодого Уварова чувство национальной гордости и даже превосходства заставило его смотреть на неаполитанцев как на полудикарей» (*Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время.* СПб., 1999. С. 25). К этому следует добавить, что пребывание Уварова в Италии способствовало росту его интереса к античной культуре, а сопоставление великого наследия прошлого с «полудиким» состоянием в настоящем, возможно, дало толчок для размышлений о сложности исторического прогресса, впоследствии занимавших Уварова.

Отрывок печатается по единственной публикации.

- 1 Имеется в виду землетрясение, произошедшее в феврале 1783 г. в Мессине, вызвавшее большие разрушения.
- 2 Имеется в виду *Татищев* Дмитрий Павлович (1767–1845), русский посланник в Неаполе, более сорока лет находившийся на дипломатической службе. В 1805 г. он был вторично назначен посланником в Неаполь, участвовал почти во всех международных конференциях и разработке дипломатических договоров, связанных с Италией. В его распоряжение Уваров был командирован летом 1805 г.
- 3 *Тассо* (Tasso) Торквато (1554–1595) — великий итальянский поэт, автор исторической поэмы «Освобожденный Иерусалим», а также сонетов, канцон и мадригалов.
- 4 *Ариосто* (Ariosto) Лудовико (1474–1533) — великий итальянский поэт и драматург, автор знаменитого рыцарского романа «Неистовый Роланд», а также комедий, сонетов, канцон и мадригалов.
- 5 сладкое ничегонеделание (*итал.*).
- 6 Сажень — старинная русская мера длины, равная 2,13 м.
- 7 В 1546 г. император Священной Римской империи Карл V решил учредить инквизицию в Неаполе. Инквизиторы должны были назначаться из местных жителей, главным инквизитором был назначен декан Сицилии, который вместе с секретарем должен был прибыть в Неаполь и установить там трибунал и прочие формы инквизиционной юрисдикции. «Поначалу приказ императора был исполнен без малейшего сопротивления. Но едва узнали, что несколько человек было арестовано по приказу новой инквизиции, как народ восстал; на улицах раздавались крики: “Да здравствует император! Да погибнет инквизиция!” Неаполитанцы взяли за оружие и принудили испанское войско искать спасения в фортах. Так как все принимало вид совершенного и всеобщего бунта, Карл V принужден был оставить свое намерение» (*Льоренте Х.* Критическая история испанской инквизиции. Т. 1. Гл. XVII. М., 1936. С. 396).
- 8 В 1739 г. король Обеих Сицилии Карл IV Бурбон получил папскую буллу, вводившую на Сицилии должность главного инквизитора. Однако инквизиция просуществовала там недолго и была отменена в 1782 г. Фердинандом IV — сыном и наследником Карла IV.
- 9 Извержение Везувия 26 июля 1805 г. унесло жизни 26 тыс. человек и разрушило значительную часть Неаполя.

- ¹⁰ *Св. Януарий* (Иануарий) — епископ беневентский, священномученик, был обезглавлен в правление императора Диоклетиана в Путеоли (ныне Поццуоли). С 1497 г. его останки хранятся в соборе Неаполя, освященном в его честь.
- ¹¹ Имеется в виду война 1805 г. между третьей коалицией в составе Австрии, России, Англии, Швеции и Неаполя, с одной стороны, и наполеоновской Францией, с другой. 27 августа 1805 г. австрийская Дунайская армия под командованием фельдмаршала К. Мака вступила в Баварию, что означало начало войны. На соединение с ней двигалась русская армия под командованием М. И. Кутузова.
- ¹² В морском сражении, произошедшем у мыса Трафальгар, около г. Кадис (Испания) 21 октября 1805 г., английский флот под командованием адмирала Г. Нельсона разгромил объединенную франко-испанскую эскадру под командованием адмирала П. Вильнева.
- ¹³ В этом сражении союзники имели численное преимущество: 33 корабля против 27 французских. В ходе сражения англичане захватили и уничтожили 18 кораблей противника. Союзники потеряли также около 7000 человек убитыми, ранеными и пленными, англичане — около 1500.
- ¹⁴ *Нельсон* (Nelson) Горацио (1758–1805) — английский флотоводец, вице-адмирал, барон Нильский (1798), виконт (1801). Погиб во время Трафальгарского сражения в результате смертельного ранения мушкетной пулей.
- ¹⁵ *Алькие* (Alquier) Шарль Жан-Мари (1752–1826) — французский политический деятель, дипломат. До революции 1789 г. был сначала адвокатом, затем королевским советником уголовного и гражданского суда, королевским прокурором по финансам и, наконец, мэром города Ла-Рошель. В 1788 г. был депутатом от третьего сословия в Национальном собрании. Во время революции занимал разные государственные посты, в том числе был членом Комитета общественной безопасности, голосовал за казнь Людовика XVI. В период правления Директории был избран в Совет пятисот. При Наполеоне находился на дипломатической службе, выполнял поручения в Мюнхене, Мадриде, Флоренции, Неаполе. В 1806 г. получил назначение в Рим. В 1810 г. полномочный посол Франции в Стокгольме, в 1811 г. — в Копенгагене. Карьера Алькие закончилась в период Реставрации.
- ¹⁶ *Ласси* Борис Петрович, граф Мориц (1737–1820) — русский генерал австрийского происхождения, состоял на русской службе с 1762 г. В 1805 г.

- 1 Имеется в виду землетрясение, произошедшее в феврале 1783 г. в Мессине, вызвавшее большие разрушения.
- 2 Имеется в виду *Татищев* Дмитрий Павлович (1767–1845), русский посланник в Неаполе, более сорока лет находившийся на дипломатической службе. В 1805 г. он был вторично назначен посланником в Неаполь, участвовал почти во всех международных конференциях и разработке дипломатических договоров, связанных с Италией. В его распоряжение Уваров был командирован летом 1805 г.
- 3 *Tasso* (Tasso) Торквато (1554–1595) — великий итальянский поэт, автор исторической поэмы «Освобожденный Иерусалим», а также сонетов, канцон и мадригалов.
- 4 *Ариосто* (Ariosto) Лудовико (1474–1533) — великий итальянский поэт и драматург, автор знаменитого рыцарского романа «Неистовый Роланд», а также комедий, сонетов, канцон и мадригалов.
- 5 сладкое ничегонеделание (*итал.*).
- 6 Сажень — старинная русская мера длины, равная 2,13 м.
- 7 В 1546 г. император Священной Римской империи Карл V решил учредить инквизицию в Неаполе. Инквизиторы должны были назначаться из местных жителей, главным инквизитором был назначен декан Сицилии, который вместе с секретарем должен был прибыть в Неаполь и установить там трибунал и прочие формы инквизиционной юрисдикции. «Поначалу приказ императора был исполнен без малейшего сопротивления. Но едва узнали, что несколько человек было арестовано по приказу новой инквизиции, как народ восстал; на улицах раздавались крики: “Да здравствует император! Да погибнет инквизиция!” Неаполитанцы взяли за оружие и принудили испанское войско искать спасения в фортах. Так как все принимало вид совершенного и всеобщего бунта, Карл V принужден был оставить свое намерение» (*Льоренте Х.* Критическая история испанской инквизиции. Т. 1. Гл. XVII. М., 1936. С. 396).
- 8 В 1739 г. король Обеих Сицилии Карл IV Бурбон получил папскую буллу, вводившую на Сицилии должность главного инквизитора. Однако инквизиция просуществовала там недолго и была отменена в 1782 г. Фердинандом IV — сыном и наследником Карла IV.
- 9 Извержение Везувия 26 июля 1805 г. унесло жизни 26 тыс. человек и разрушило значительную часть Неаполя.

- ¹⁰ *Св. Януарий* (Иануарий) — епископ беневентский, священномученик, был обезглавлен в правление императора Диоклетиана в Путеоли (ныне Поццуоли). С 1497 г. его останки хранятся в соборе Неаполя, освященном в его честь.
- ¹¹ Имеется в виду война 1805 г. между третьей коалицией в составе Австрии, России, Англии, Швеции и Неаполя, с одной стороны, и наполеоновской Францией, с другой. 27 августа 1805 г. австрийская Дунайская армия под командованием фельдмаршала К. Мака вступила в Баварию, что означало начало войны. На соединение с ней двигалась русская армия под командованием М. И. Кутузова.
- ¹² В морском сражении, произошедшем у мыса Трафальгар, около г. Кадис (Испания) 21 октября 1805 г., английский флот под командованием адмирала Г. Нельсона разгромил объединенную франко-испанскую эскадру под командованием адмирала П. Вильнева.
- ¹³ В этом сражении союзники имели численное преимущество: 33 корабля против 27 французских. В ходе сражения англичане захватили и уничтожили 18 кораблей противника. Союзники потеряли также около 7000 человек убитыми, ранеными и пленными, англичане — около 1500.
- ¹⁴ *Нельсон* (Nelson) Горацио (1758–1805) — английский флотоводец, вице-адмирал, барон Нильский (1798), виконт (1801). Погиб во время Трафальгарского сражения в результате смертельного ранения мушкетной пулей.
- ¹⁵ *Алькие* (Alquier) Шарль Жан-Мари (1752–1826) — французский политический деятель, дипломат. До революции 1789 г. был сначала адвокатом, затем королевским советником уголовного и гражданского суда, королевским прокурором по финансам и, наконец, мэром города Ла-Рошель. В 1788 г. был депутатом от третьего сословия в Национальном собрании. Во время революции занимал разные государственные посты, в том числе был членом Комитета общественной безопасности, голосовал за казнь Людовика XVI. В период правления Директории был избран в Совет пятисот. При Наполеоне находился на дипломатической службе, выполнял поручения в Мюнхене, Мадриде, Флоренции, Неаполе. В 1806 г. получил назначение в Рим. В 1810 г. полномочный посол Франции в Стокгольме, в 1811 г. — в Копенгагене. Карьера Алькие закончилась в период Реставрации.
- ¹⁶ *Ласси* Борис Петрович, граф Мориц (1737–1820) — русский генерал австрийского происхождения, состоял на русской службе с 1762 г. В 1805 г.

был направлен в должности главнокомандующего коалиционными войсками для защиты Неаполя от французов. После распада коалиции с частью русских войск возвратился в Россию.

- 17 *Анрен-Эльмнт* Роман Карлович, граф Камеке фон дер Геэ-Теннат-Вольфеншильд (?–1807) — русский генерал, потомок древней остзейской фамилии. С 1801 г. находился со своей дивизией на Ионических островах, откуда в 1805 г. переправился в Неаполь для совместных с неаполитанцами и англичанами действий против французов. После распада коалиции был отозван в Россию. Принимал участие в кампании 1806–1807 гг. Погиб 13 января 1807 г. в сражении при Морунгене.
- 18 *Паузиелло* (Paisiello) Джованни (1741–1816) — итальянский оперный композитор, оказавший значительное влияние на формирование стиля Моцарта и Россини. С 1776 по 1784 г. по приглашению Екатерины II жил в Санкт-Петербурге, где написал четыре оперы, премьеры которых состоялись в Китайском театре Царского Села. По возвращении в Неаполь Паузиелло получил место капельмейстера придворной капеллы. В 1802 г. по приглашению Наполеона приехал в Париж, где написал для коронации Наполеона в 1804 г. мессу *Te Deum*.
- 19 Имеется в виду разгром австрийской армии Наполеоном под Ульмом 16 октября 1805 г.
- 20 *Стадион* (Stadion) фон Иоганн-Филипп-Карл-Йозеф (1763–1824) — граф, австрийский государственный деятель, дипломат. С 1804 г. посол в Петербурге, способствовал образованию третьей коалиции против Наполеона, в 1805 г. сопровождал императора Александра I в его поездке в действующую армию. После заключения Пресбургского мира (26 декабря 1805) был назначен министром иностранных дел. В этой должности стремился к восстановлению внешнеполитического влияния Австрии в мире. Провел реформы в армии, образовал ландвер. Один из инициаторов австро-французской войны 1809 г. После неудачного ее исхода был смещен К. Меттернихом. В 1813 г. Стадион был вновь призван в Вену, после сражения при Люцене отправился с поручением к императору Александру I и к королю Фридриху-Вильгельму III. По окончании войны Стадион занялся упорядочением австрийских финансов. По его инициативе были ограничены государственные расходы, улучшена система налогов, учрежден Национальный банк.
- 21 Мне отраднo устами к свежим припасть родникам. Лукреций (*лат.*). Цитата из поэмы «О природе вещей». Кн. 4. ст. 2 — перевод Ф. А. Петровского.

Проект Азиатской академии

Впервые опубликовано отдельной брошюрой: *Projet d'une Académie Asiatique*. SPb., 1810. Сокращенный русский перевод В. А. Жуковского см.: *Вестник Европы*. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 96–120.

В этой работе Уваров, опираясь на успехи западной ориенталистики конца XVIII — начала XIX в., с одной стороны, и на исторические связи и географическую близость России к Востоку, с другой, предлагает открыть в Петербурге учебное заведение по изучению Азии. Цель деятельности этого учреждения не определялась Уваровым с достаточной четкостью, что вызвало недоумение у первых читателей брошюры. В. А. Жуковский, хоть и перевел работу Уварова на русский язык, тем не менее, в письме к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г. поставил под сомнение образовательные возможности уваровского проекта: «Что касается до самого прожекта, он делает честь изобретателю, но едва ли может быть очень полезен для России. Тогда бы, кажется, могли мы заниматься и с жарким рвением и с верною пользою рассматриванием литературы азиатской (привлекательной только для любопытства людей ученых), когда бы уже стояли на высокой степени образованности; но где у нас образованность и где ученость?» (См.: *Жуковский В. А. Собрание сочинений*: В 4 т. М.; Л., 1962. С. 482). А. И. Тургенев, в свою очередь, писал, что Уваров, «кажется и сам не ясно знает, чего он хочет и какой цели старается достигнуть в отношении к Востоку. Я не примечаю в нем стремления к истинной пользе, а более жадность к бумажному бессмертию и к той славе, которую дают немецкие и французские ученые общества и книгописатели. Он легко переходит от одного образа мыслей к другому и <...> от собственного убеждения к чужому...» (См.: *Литературное наследство*. М., 1937. Т. 29–30. С. 677). Аналогичное мнение высказал и наполеоновский «*Journal de l'Empire*», поместивший рецензию на проект Уварова: «Русский камергер господин Уваров опубликовал проект Азиатской академии; идея прекрасная, но проект г. Уварова производит очень неопределенное впечатление: автор воображает вместе со своим другом Фридрихом Шлегелем, что все знания и все языки к нам пришли из Индии» (Там же. С. 678). Подробный разбор сочинения Уварова сделал Жозеф де Местр (см. приложение).

Безусловно, сам Уваров был заинтересован в широком европейском обсуждении своего проекта. Не случайно он рассылал его по научным и дипломатическим кругам Европы, и далеко не последнюю роль в списке адресатов занимал Гёте. В сопроводительном письме Уваров писал И. В. Гёте:

«Ваше Превосходительство!

Беру смелость переслать Вам экземпляр моего первого литературного опыта. Пришло время и нам принять участие в современном великом движении всех идей, чтобы построить нашу культуру на прочной основе Востока. Вам не чуждо это превосходное воззрение. В Ваших бессмертных творениях всюду господствует полнота высокого духа, который охотно

пребывает в широких просторах прекрасной древности, чтобы потом творчески взлететь на вершину высокой поэзии. Прошу Вас не смотреть на мое писание, как на сочинение в строгом смысле слова, но скорее как на «записку» (*Mémoire*), составленную для моего тестя, графа Разумовского. Быть может, это начинание будет иметь благие последствия и явится предвозвестником истинного света на нашем севере. Лучшей наградой мне будет знать, что Вы прочли это небольшое сочинение. Если вы удостоите меня ответом, то прошу Вас отправить Ваше письмо по почте или с оказией в Петербург.

Остаюсь с глубоким почтением Вашего Превосходительства покорный слуга.

Уваров,

Его Императорского Величества камер-юнкер»

В ответном письме Гёте писал:

«С восхищением и радостью прочел я присланную мне полную значения записку (*Mémoire*) — с восхищением перед проникновенностью автора и широтой его кругозора, с радостью от его деятельности, от той доброй готовности, с какой он намерен применять свои знания в большом масштабе. Поистине мы живем в век итогов и *resumés*; так много произошло, так много нам предстоит, что мы отныне можем собирать, заканчивать, дополнять, продолжать пользоваться результатами. Поэтому счастливы те, кто еще в молодости обладают способностями, влечением и нужными условиями для такой деятельности. Я ничего так не желаю, как того, чтобы Вы как можно скорее возглавили азиатский институт, стали бы распространять свет на обе части света, которым принадлежит государство Вашего монарха. По-царски способствовать этому начинанию — это усилило бы блеск, которым он умеет окружить свой трон. Из приложенных таблиц я не мог не усмотреть, что Ваши намерения направлены на то самое, к чему я давно и тщетно обращал свои желания: ибо, хотя я лишь набегам мог вторгаться в область индийской литературы, однако моя прежняя любовь к Ведам все время получала новое питание благодаря исследованиям Соннерб, усердным трудам Джонса, переводам «Санкоталы» и «Джиты-Говинды», и некоторые легенды соблазняли меня их обработать; очень давно носилась у меня в мысли и поэтическая обработка Вед; хотя бы она и не встретила со стороны критики высокой оценки, тем не менее она могла бы оживить для многих представление об этих глубокомысленных и прекрасных преданиях.

А так как новому восточному обществу будет предоставлена возможность *intelros adire fontes* [проникнуть к чистым истокам — *Авт.*] и проследить многообразные пути, намеченные Вашим превосходительством, то благодаря этому должен возникнуть совершенно новый мир, в котором нам можно будет вдоволь постранствовать, укреплять своеобразие нашего духа и освежать его к новой деятельности. Меня бы, например, осчастливило, если бы я дожид до полного перевода «Джита-Гоинды».

Сказанного слишком много для сопровождения моей искренней благодарности за присылку превосходного проекта, которому я желаю наилучшего успеха; успех не может не быть — и вследствие внутренней ценности проекта, и ради благоприятных условий, в которых Вы находитесь. Прошу Вас время от времени давать мне вести о радостных удачах и поручаю себя и впредь Вашей благосклонной памяти. Имею честь с особым уважением подписаться...» (Цит. по: *Дурьилин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С.195–197).

Вряд ли Уваров руководствовался при написании «Проекта Азиатской академии» исключительно научными и образовательными соображениями. Карьерные соображения, несомненно, играли здесь не последнюю роль. Автор, видимо, претендовал на то, чтобы стать главным идеологом восточной политики России и главным инициатором систематического изучения Востока. Однако ориентализм не был для Уварова сиюминутным увлечением, и в дальнейшем он неоднократно возвращался к восточной проблематике — и как официальное лицо на посту президента Академии наук, и как исследователь восточных истоков европейской культуры.

Текст печатается по изданию: *Ouvaroff. Etudes de philology et de critique.* SPb., 1843. P. 1–49 в переводе В. С. Парсамова.

²² *Разумовский* Алексей Кириллович (1748–1822) — граф, государственный деятель, с 1786 г. сенатор, с 1810 г. министр просвещения. В 1811 г. стал тестем Уварова.

²³ Брамины — каста индийских жрецов, существующая с древнейших времен. Учение браминов изложено в четырех книгах: «Ригведа», «Самаведа», «Яурведа» и «Атарваведа», «Санскрит». Языком браминов является санскрит.

²⁴ *Зороастра* (Заратустра) (ок. 630–553 до н. э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии, основатель зороастризма.

²⁵ Калькуттское Азиатское общество было основано 15 января 1784 г. сэром Вильямом Джонсом с целью исследований человека и природы азиатского континента.

²⁶ Имеется в виду христианство.

²⁷ Турки взяли Константинополь в 1453 г.

²⁸ Уваров имеет в виду серию крестовых походов на Восток против мусульман на протяжении XII–XIII вв., явившихся важным фактором глобального противостояния европейской и азиатской цивилизации. Однако

Уварова интересует не столько само противостояние, сколько осуществление в ходе его влияния Востока на Запад.

- ²⁹ Проникновение мавров в Испанию началось в 711 г. В течение пяти лет они завоевывали вестготскую Испанию, продвигаясь на север, вторглись во Францию, но были остановлены Карлом Мартеллом в сражении при Пуатье (732). На несколько столетий вся Португалия и большая часть Испании оказались под властью арабов. Говоря о проникновении мавров в Испанию, Уваров имеет в виду прежде всего цивилизационные аспекты этого явления.
- ³⁰ Мыс Доброй Надежды был открыт в 1488 г. португальским мореплавателем Бартоломеу Диашем, назвавшим его мысом Бурь. Однако португальский король Иоанн II переименовал его в Добрую Надежду, полагая, что отныне открыт морской путь в Индию. Первым, обогнув мыс Доброй Надежды, в Индию приплыл Васко да Гама (1497).
- ³¹ Древнеиранский религиозный литературный памятник, главная священная книга в зороастризме.
- ³² *Анкетиль-Дюперрон* (Anquetil-Duperron) Авраам Гиацинт (1731–1805) — французский индолог и переводчик с восточных языков, познакомил французов с «Упанишадами» и «Зенд-Авестой». Уваров упоминает его издание: *Zend Avesta, ouvrage de Zoroastre contenant les idées religieuses théologiques de ce législateur les cérémonies du culte religieux et plusieurs traits relatifs à l'histoire ancienne des Perses*, 1771, т.3, включающее описание путешествия в Индию.
- ³³ *Клекер* (Kleuker) Джоан Фредерик (1749–1827) — немецкий теолог, востоковед. Уваров имеет в виду следующее издание: *Zend-Avesta, Zoroaster's lebendiges Wort, worin die Lehren u. Meinungen dieses Gesetzgebers von Gott, Welt, Natur, Menschen, imgleichen die Ceremonien des heiligen Dienstes der Person, u.s.f. aufbehalten sind*, 1. Teil, 1776; 2. Teil, 1777; 3. Teil, 1777, Anhang 1781, 1783.
- ³⁴ *Усли* (Ouseley) Гор (1770–1844) — сэр, британский государственный деятель, дипломат и лингвист. В 1814–1815 гг. жил в России, участвовал в русско-персидских переговорах по поводу границ, принимал участие в переводе Библии на персидский язык.
- ³⁵ *Валенсии* (Vallancey) Чарльз — британский генерал, топограф, занимался сравнительным изучением древнеирландского, древнеперсидского, арабского, санскрита и других языков, доказывал, что ирландский язык

произошел от арабского и санскрита, создал теорию постепенного заселения европейского континента выходцами из Ирана.

- ³⁶ Нашид — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов.
- ³⁷ *Гердер* (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803) — немецкий историк культуры, критик, поэт, автор научно-философской концепции мировой культуры как совокупности исторического развития национальных культур, каждое явление которых несет на себе дух породившей его эпохи.
- ³⁸ Лама — религиозный учитель в тибетском буддизме.
- ³⁹ *Паллас* (Pallas) Петер Симон (1741–1811) — русский ученый немецкого происхождения, естествоиспытатель, географ и путешественник, с 1766 г. академик Российской Императорской академии наук, известный своими исследованиями природы, географии и этнографии Российской империи. В 1768–1774 гг. возглавлял знаменитую Физическую экспедицию в центральных губерниях, районах Поволжья, Прикаспийской низменности, на Урале, в Западной Сибири, на Алтае, Байкале и в Забайкалье.
- ⁴⁰ *Георги* (Georgi) Иоганн Готлиб (1729–1802) — русский ученый немецкого происхождения, медик, естествоиспытатель, этнограф путешественник, с 1783 г. академик Российской Императорской академии наук. Участвовал в Физической экспедиции Палласа, занимался исследованием Поволжья, Среднего и Южного Приуралья, Западной Сибири, Прибайкалья, Даурии.
- ⁴¹ *Гольденштедт* (Güldenstädt) Иоганн Антон (1745–1781) — русский ученый немецкого происхождения, естествоиспытатель и путешественник, с 1774 г. академик Российской Императорской академии наук, исследовал быт и культуру осетин, ингушей и других северо-кавказских народов. Автор первого описания природы южнорусских степей.
- ⁴² Здесь: толкователи Библии.
- ⁴³ *Руссо* (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель, философ и композитор, крупнейший представитель европейского Просвещения.
- ⁴⁴ «Устройство санскрита, каким бы древним языком он ни представлялся, великолепно. Идеальнее греческого, богаче латыни и изысканнее, утонченнее, чем оба эти языка, он все же настолько более сходен с ними,

как корнями глаголов, так и грамматическими формами, чем это могло бы быть благодаря совпадению. Это сходство настолько сильно, что ни один филолог не мог бы изучать эти три языка, не считая их произошедшими из некоего общего источника, который, вероятно, более не существует» (У. Джонс. Третья юбилейная речь. — *англ.*).

- 45 **Пифагор (Πυθαγόρας)** Самосский (570–490 до н. э.) — древнегреческий философ и математик. Согласно его учению, миром управляют числа и математические пропорции. С их помощью можно не только познать мир и человеческую душу, но и, управляя процессом жизни и смерти, осуществлять переселение душ.
- 46 **Метемпсихоз** — религиозно-мистическое учение о переселении душ.
- 47 **Гераклит (Ἡράκλειτος)** Эфесский (сер. VI в. — ок. 475 до н. э.) — древнегреческий философ. Единственное сохранившееся его произведение — «О природе». Автор теории огня как первоначала мира: огонь стущается в воздух, воздух превращается в воду, вода — в землю («путь вниз», который сменяется «путём вверх»).
- 48 **Фалес (Θαλῆς)** Милетский (640/624–548/545 до н. э.) — древнегреческий философ и математик из Милета (Малая Азия), один из семи мудрецов, основоположник милетской (ионийской) школы. Считается, что Фалес совершил научное путешествие в Египет, откуда привез в Грецию геометрию, физику и астрономию. Первооснову мира Фалес видел в воде. Из нее, по Фалесу, все рождается и в нее все превращается. Вода, таким образом, есть начало и конец Вселенной.
- 49 **Мемфис** — столица древнего Египта.
- 50 **Шива** (на *санскрите*: «благосклонный», «милостивый», «благой») — бог очистительного разрушения, один из трех наряду с творцом Брахмой и вседержителем Вишну — верховных богов в индуизме.
- 51 См. комм. 50.
- 52 **Платон (Πλάτων — широкий, широкоплечий)** (наст. имя Аристокл [Ἀριστοκλήης]) (428/427–348/347 до н. э.) — древнегреческий философ, основоположник идеализма. Впитав в себя многие стороны восточной культуры, оказал большое влияние на европейскую философию.
- 53 Под Александрийской школой здесь понимается эклектическое направление в позднеантичной философии (I в. до н. э. — VI в. н. э.), объединяющее

в себе языческий неопифагоризм, неоплатонизм в его языческом и христианском видах, а также раннюю патристику, развивавшую символическое истолкование Библии.

- 54 Гностики — последователи гностицизма — учения, представляющего собой совокупность религиозно-философских систем, стремящихся примирить новую христианскую религию с различными традиционными религиозными и религиозно-мистическими системами, иудаизмом, эллинистическим язычеством, зороастризмом, египетскими мистериями и т. д.
- 55 Талмуд — многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма.
- 56 Схоластическая философия — распространенное в Средние века и преподаваемое в школах и университетах направление богословия, опирающееся на логику Аристотеля. Главную свою задачу схоласты видели в том, чтобы представить христианское вероучение как объект приложения философских категорий и приемов логического мышления.
- 57 Эманация — философское понятие неоплатонизма, представляющее мир как нисхождение от некоего высшего и совершенного единого источника к множеству менее совершенных форм. Образом эманации в неоплатонизме служит неиссякаемый исток, дающий начало реке, или же солнце, излучающее свет, но при этом остающееся неугасимым.
- 58 *Филострат* (Φιλοστράτος) Флавий Афинский (160–244) — греческий писатель и философ, жил в Афинах и в Риме. Автор религиозно-философского романа «Жизнь Аполлония Тианского», написанного по указанию жены императора Септимия Севера Юлии Домны с целью прославить известного языческого мага и неопифагорейца Аполлония как подвижника и мудреца, наделенного даром провидения.
- 59 Каббалисты — приверженцы «тайной науки», толкователи сокровенного значения Священного писания с помощью символической Каббалы — мистико-философского учения в иудаизме.
- 60 «Сакунтала» («Шакунтала») — пьеса знаменитого индийского поэта Калидасы, первое произведение индийской литературы, переведенное на европейские языки. «Сакунтала» вызывала восхищение И. В. Гёте и В. Гумбольдта. Н. М. Карамзин перевел на русский язык несколько сцен «Сакунталы» с немецкого перевода Форстера, который, в свою очередь, воспользовался английским переводом В. Джонса. На страницах «Московского

журнала» (1792, ч. VI) Карамзин писал: «Почти на каждой странице <...> находил я высочайшие красоты <...> Калидас для меня столь же велик, как и Гомер», и выражал надежду, «что сии благовонные цветы азиатской литературы будут приятны для многих читателей, имеющих тонкий вкус».

- 61 *Фирдоуси* Абулькасим (940–1020/1030) — персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга о царях»).
- 62 *Хафиз* (1320–1390) — знаменитый персидско-таджикский поэт и суфийский мастер, автор многих знаменитых лирических газелей о любви, вине, красоте природы и розах.
- 63 *Анакреон* (Ἀνακρέων) (ок. 570–487 до н. э.) — древнегреческий поэт, воспевающий земные радости, беззаботную жизнь, чувственную любовь, вино и т. д.
- 64 Хочешь цветенья весны и плоды осенние, хочешь
Все, что пленяет нам взор, все что питает нам плоть,
Хочешь и землю и небо объять единым лишь словом?
Молви: Сакунтала. Так все будет сказано вмиг.
(Пер. с нем. С. Ошерова.)
- 65 Халдеи — народ, обитавший в болотистой области устьев Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива. Халдеи слыли ученым народом, математиками, натуралистами, теософами. Считается, что халдеи изобрели астрономию и первыми провозгласили бессмертие души.
- 66 *Байи* (Bailly) Жан Сильвен (1736–1793) — французский ученый (математик, астроном), литератор и государственный деятель. Принял активное участие в предреволюционных и революционных событиях, сначала в качестве депутата от Парижа, затем председателя Национального собрания и мэра Парижа. Байи считал возможным примирить монархию с новой политической реальностью, был против детронизации Людовика XVI и 17 июля 1793 г. приказал национальной гвардии стрелять в толпу на Марсовом поле. Эти меры привели к концу его политической карьеры. В июле 1793 г. Байи был арестован и 10 ноября того же года гильотинирован. Как ученый Байи прославился своими трудами по астрономии, обладающими не только научными, но и художественными достоинствами, был членом трех академий. Уваров имеет в виду его труд «Histoire de l'astronomie indienne et orientale» (1787).
- 67 *Фрере* (Fréret) Николя (1688–1749) — французский историк и лингвист, изучал сравнительную мифологию греков, германцев, культуры китайцев

и индийцев, выявлял египетские и финикийские истоки греческой мифологии, был одним из первых европейцев, изучивших китайский язык.

⁶⁸ *Масуди* (Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди) (897–957) — великий арабский ученый-энциклопедист X в. (у Уварова ошибочно указан XII в.), историк, географ. Масуди много путешествовал, побывал в Испании, на Руси, в Индии и Китае. Его называют арабским Геродотом. В своих исторических исследованиях Масуди применял научно-критический и сравнительный подходы к источнику.

⁶⁹ *Птолемей* (Πτολεμαῖος) Клавдий (II в. н. э.) — древнегреческий астроном и астролог, математик и географ, автор геоцентрической модели вселенной, определившей более чем на тысячелетия астрономические представления и опровергнутой в 1543 г. Н. Коперником.

⁷⁰ «Альмагест» — арабское наименование главного труда Птолемея «Великое математическое построение астрономии в 13 книгах».

⁷¹ Гномон — древнейший астрономический инструмент, вертикальный предмет (стела, колонна, шест), позволяющий по наименьшей длине его тени (в полдень) определить угловую высоту солнца. Кратчайшая тень гномона указывает и направление истинного меридиана. Гномоном также называют часть солнечных часов, по тени от которой определяется время.

⁷² *Августин* (Augustinus) Аврелий (354–430) — епископ Гиппонский, философ, влиятельнейший проповедник, христианский богослов и политик, святой католической и православной церквей (при этом в православии обычно именуется с эпитетом «Блаженный»), один из Отцов Церкви, основатель неоплатонизма в христианской философии.

⁷³ Имеются в виду XIX и XX главы из седьмой книги «Исповеди», где Августин сообщает: «Чтение книг платоников надоумило меня искать телесную истину: я увидел “невидимое, понятное через творение”, и, отброшенный назад, почувствовал, что по темноте души моей созерцание для меня невозможно» (*Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991. С. 187*).

⁷⁴ *Ориген* (Ὠριγένης) (185–254) — греческий церковный деятель и философ, ученый-текстолог, автор учения об апокатастасисе, т. е. об обращении всех людей в христианскую веру после Страшного суда. Ориген не исключал даже обращения дьявола, за что был обвинен в ереси. Главным трудом его жизни было составление критически выверенного текста

Ветхого Завета путем сравнительно-текстологического изучения всех его изводов.

- ⁷⁵ *Климент (Clemens) Александрийский* (Тит Флавий Климент) (ок. 150 – до 215 н. э.) — христианский апологет и писатель, основоположник богословской школы в Александрии.
- ⁷⁶ *Абеляр (Abailard, Abélard)* Пьер (1079–1142) — знаменитый схоласт и богослов средневековой Франции, часто называемый Сократом Галлии, Платоном Запада, Аристотелем своего времени, а также трубадуром философии, странствующим рыцарем диалектики. Неоднократно обвинявшийся официальной церковью в ереси, он стремился диалектически трактовать Священное писание, соединять конечное и бесконечное, учение Платона с учением Аристотеля.
- ⁷⁷ *Бэкон (Bacon) Фрэнсис* (1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма. В 1584 г. был избран в парламент. С 1617 г. лорд-хранитель печати, затем — лорд-канцлер; барон Веруламский и виконт Сент-Олбанский. В 1621 г. был привлечен к суду по обвинению во взяточничестве, осужден и отстранен от всех должностей. В дальнейшем был помилован королем, но не вернулся на государственную службу и последние годы жизни посвятил научной и литературной работе. Широко известен как адвокат-философ и апологет научной революции. Главные его работы посвящены обоснованию и популяризации индуктивной методологии научного исследования, часто называемой методом Бэкона. Свой подход к проблемам науки изложил в трактате «Новый органон», вышедшем в 1620 г. В этом трактате провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой. Индукция, по Бэкону, получает знание из окружающего мира через эксперимент, наблюдение и проверку гипотез.
- ⁷⁸ *Декарт (Descartes) Рене* (1596–1650) — французский математик, философ, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии, механицизма в физике, предтеча рефлексологии. Исходной точкой рассуждений Декарта является «сомнение во всем». Высший абсолютный принцип знания он видел в непосредственном самосознании человека («я мыслю, следовательно я существую»). В ясном, аналитическом раскрытии неопровержимой истины Декарт видел единственный путь преодоления сомнения.
- ⁷⁹ *Лейбниц (Leibniz) Готфрид Вильгельм* (1646–1716) — немецкий философ и математик, автор философской системы субстанционального плюра-

лизма или монадологии, согласно которой основаниями существующих явлений или феноменов служат не разлагаемые на части монады, бесконечное множество которых обеспечивает плюрализм и разнообразие мира феноменов.

- ⁸⁰ *Шлейермахер* (Schleiermacher) Фридрих Даниэль Эрнст (1768–1834) — немецкий философ, теолог и проповедник, основоположник универсальной герменевтики как науки.
- ⁸¹ Филология — это изучение классического мира в его художественной и научной целостности, общественной и частной жизни. В центре этого изучения — дух древности, который отражается как в произведениях древних писателей, так и во внешней и частной жизни классических народов. Элементами обоих центров этого классического мира являются: наука, искусство и общественная жизнь — как содержание; изображение и язык — как форма (Аст. Основы филологии) (нем.).
- ⁸² *Хейне* (Heine) (1719–1812) — профессор Гёттингенского университета, переводчик античных авторов.
- ⁸³ *Исократ* (Ἰσοκράτης) (436–338 до н. э.) — афинский учитель красноречия, ритор.
- ⁸⁴ *Полиен* (Πολύαιος) (II в. н. э.) — греческий писатель македонского происхождения, адвокат и оратор. В 162 г., когда началась Парфянская война, написал сочинения «Stratagemata» («Военные хитрости»), посвященную императорам Марку Аврелию и Луцию Веры.
- ⁸⁵ *Элиан* (Aelianus) *Клавдий* (ок. 200 г. н. э.) — грекоязычный писатель-стоик из вольноотпущенников, автор труда «О природе животных» в 17-ти книгах.
- ⁸⁶ *Плутарх* (Πλούταρχος) (ок. 45 – ок. 127) — древнегреческий философ, биограф, моралист, автор знаменитых «Сравнительных жизнеописаний» и многих других произведений.
- ⁸⁷ *Маттеи* Христиан-Фридрих (1744–1811) — немецкий и российский филолог, выходец из Саксонии. В 1772–1784 гг. служил в Москве ректором университетских гимназий и профессором словесных наук. В 1785 г. вернулся в Саксонию, с 1803 г. и до конца жизни занимал кафедру греческой и римской словесности в Московском университете, занимался описанием библиотек Священного синода и Синодальной типографии.

- ⁸⁸ *Орибазий* (Oribasius, Oribase) (ок. 325 – ок. 395) — греческий врач, друг и придворный медик Юлиана Отступника, по поручению которого составил 70-томную компиляцию из медицинских сочинений — своего рода энциклопедию, включающую сведения по анатомии, физиологии, терапии и фармакологии.
- ⁸⁹ *Квинт Курций Руф* (Quintus Curtius Rufus) (I в. н. э.) — римский историк, автор десяти томной «Истории Александра Великого», из которой сохранилось только восемь томов.
- ⁹⁰ Один правильный перевод любой известной книги на хинди был бы ценнее всех диссертаций и эссе, которые могли бы быть сочинены по этой теме (*англ.*).
- ⁹¹ Осирис — египетский бог мертвых и бог плодородия, изображается в виде человека с мумифицированным телом и знаками царской власти.
- ⁹² Гор — египетский бог неба и солнца, изображается в виде сокола.
- ⁹³ Тифон — в египетской мифологии бог-разрушитель, олицетворяющий дисгармонию, убивший отца Кроноса (время) и осквернивший мать Рею (природа).
- ⁹⁴ Орфей — в древнегреческой мифологии певец и музыкант. По наиболее распространенному мифу, сын фракийского речного бога Эагра и музы Каллиопы, родился за 11 поколений до Троянской войны и прожил 9 или 11 поколений. Аполлоном ему была подарена золотая лира, с помощью которой можно было приручать диких животных, двигать деревья и скалы. Довел количество струн на лире до девяти.
- ⁹⁵ Ману — в индийской мифологии прародитель людей, считается автором так называемых законов, представляющих собой сборники предписаний, регламентирующих поведение людей в частной и общественной жизни.
- ⁹⁶ *Ланглес* (Langlès) Луи Матье (1763–1824) — французский ученый-ориенталист, один из создателей Школы восточных языков в Париже (1792).
- ⁹⁷ *Шлегель* (Schlegel) Карл Вильгельм Фридрих (1772–1829) — немецкий поэт, драматург, философ, филолог, литературный критик.
- ⁹⁸ Деванагарийская письменность — разновидность индийского письма, произошедшая от древнеиндийского письма брахми. Сложилась между VIII и XII вв. Применяется в санскрите, хинди, маратхи, синдхи, бихари,

бхили, марвари, конкани, бходжпури, непали, неварском языке, а также иногда в кашмири и романи. Характерной особенностью письма деванагари является верхняя (базовая) горизонтальная черта, к которой прикреплены «свисающие» вниз буквы.

- ⁹⁹ Бенгалийская письменность относится к северной ветви индийского письма, используется для бенгальского, ассамского языков, а также санскрита. Сложилась в XV в. (в ранних протобенгальских формах засвидетельствована с XI в.).
- ¹⁰⁰ *Клапрот* (Klaproth) Юлиус Генрих (1783–1835) — немецкий ученый-востоковед, полиглот, путешественник. В 1805 г. был избран иностранным членом Императорской Академии наук в Петербурге, участвовал в посольстве графа Ю. А. Головкина в Китай (далее Монголии посольство не доехало из-за вмешательства маньчжурских властей). В 1807–1808 гг. путешествовал по Кавказу, для сбора статистических и этнографических сведений. Автор известного труда «Asia polyglotta», являющегося своего рода энциклопедией знаний по Востоку, накопленных к началу XIX в.
- ¹⁰¹ *Вильфورد* (Wilford) Френсис (?–1822) — английский ученый-ориенталист.
- ¹⁰² Яджур-веда (веда жертвенных формул) — одна из четырех индуистских вед — сборников священных писаний индуизма.
- ¹⁰³ *Моисей* (2-я пол. XIII в. до н. э.) — библейский пророк, основоположник иудаизма.
- ¹⁰⁴ *Ной* — последний (десятый) из допотопных ветхозаветных патриархов. Спасенный Богом за праведный образ жизни от Всемирного потопа, он стал продолжателем человеческого рода.
- ¹⁰⁵ Меркурий — римский вариант Гермеса, бог торговли, купцов и прибыли.
- ¹⁰⁶ Имеется в виду статуя Зевса (Юпитера) Олимпийского — работа Фидия, выдающееся произведение античной архитектуры, одно из семи чудес света.
- ¹⁰⁷ *Микеланджело* (Michelangelo) Буонарроти (1475–1564) — один из величайших мастеров эпохи Возрождения, итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт, мыслитель.
- ¹⁰⁸ Бог метеоризма (*лат.*).

- ¹⁰⁹ Бог всемилостивейший (*лат.*).
- ¹¹⁰ *Брут* (Brutus) Марк Юний Цепин (85–42 до н. э.) — римский сенатор, известный как защитник республиканского строя и убийца Цезаря, покончил с собой после поражения в битве при Филиппах, был сторонником Цицерона, сохранилась их переписка.
- ¹¹¹ *Цицерон* (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор, философ и писатель.
- ¹¹² *Липовцов* Степан Васильевич (?–1841) — русский ориенталист, переводчик, автор «Каталога китайским и японским книгам, в библиотеке Императорской академии наук хранящимся» (СПб., 1818; в соавт. с П. Каменским) и «Маньчжурского словаря» (СПб., 1838).
- ¹¹³ *Каменский* Павел Иванович (1765–?) — русский ориенталист, переводчик с китайского, миссионер. В 1818 г., отправляясь в Китай, принял монашество под именем Пётр и был возведен в сан архимандрита.
- ¹¹⁴ *Владыкин* Антон Григорьевич (?–1812) — русский ориенталист, переводчик с китайского и маньчжурского языков.
- ¹¹⁵ *Пареннен* (Parennin) Доминик (1665–1741) — французский ориенталист, иезуит, миссионер, непреходящий секретарь Королевской академии наук в Париже, более сорока лет провел в Пекине в составе миссии Ордена иезуитов.
- ¹¹⁶ *Рагузинский-Владиславич* Савва Лукич (1668–1738) — граф, российский дипломат сербского происхождения. Российскую дипломатическую службу начал в Константинополе, где выполнял неофициальные поручения В. В. Голицына и Е. И. Украинцева. В 1708 г. обосновался в Москве. В 1711 г. представитель России в Черногории и Молдавии. В 1716–1722 гг. в качестве представителя Петра I вел переговоры в Риме и Венеции. В 1725 г. назначен полномочным послом России в Китае, выполнил свою миссию, известную как «Посольство Владиславича», с высоким искусством, заключив вначале Буринский договор (Буринский трактат), а затем на его основе Кяхтинский договор. По возвращении в 1728 г. в Петербург составил для российского правительства подробную записку о Китае. Позднее участвовал в различных переговорах и обсуждениях проблем российско-китайской торговли.
- ¹¹⁷ Суфисты — последователи суфизма — направления в исламе, зародившегося в VIII в. и представляющего собой учение о постепенном восхождении

прозелита (мурида) через мистическую любовь к познанию Бога и конечного слияния с ним.

- ¹¹⁸ *Джами* Абдурахман (1414–1492) — персидский и таджикский поэт, философ-суфий.
- ¹¹⁹ *Джелаледдин* Руми (1207–1263) — персидский поэт-суфий.
- ¹²⁰ Имеется в виду одна из библейских книг, рассказывающая о тяжелых испытаниях, выпавших на долю праведника Иова, который с достоинством и верой в Бога перенес все злоключения и был за это вознагражден.
- ¹²¹ Ораторы и поэты.
Святой восторг живет на бреге Иордана
В тени Едемских рощ, на высотах Ливана
(*фр.*, пер. В. А. Жуковского).
Отрывок из поэмы французского писателя и поэта Луи де Фонтана (1757–1821) «Священное писание».
- ¹²² Дух еврейской поэзии (*нем.*).
- ¹²³ *Фесслер* (Fessler) Игнац Аврелий (1756–1839) — немецкий писатель венгерского происхождения, российский общественный деятель, ученый-востоковед и экзегет. Образование получил в капуцинских монастырях, был членом ордена капуцинов. В 1784 г., выйдя из ордена, возглавил кафедру восточных языков и ветхозаветной герменевтики во Львовском университете. В 1809 г. получил кафедру восточных языков и философии в Петербургской духовной академии Александра Невского; служил также в Комиссии составления законов. Был лишен кафедры по обвинению в атеизме и выслан в Вольск (Саратовской губернии), где поступил надзирателем в приют. В 1813 г. он переселился в Саратов, в 1830-е гг. вернулся в Петербург, где принимал активное участие в делах немецких общин.
- ¹²⁴ В родах
Историческом: из книги Бытия, главы XXXVII, XXXIX до главы I.
Моральном: все книги Притчей
Философском: книги Экклезиаста
Стихотворном: все книги Иова и
Лирическом: Песни Моисеевы *Второзакония* XXXII, Деяния Судей V. Псалмы XLI–LXVIII–LXXXIV–XC–CIV–CXXXVII–CXXXIX.

- ¹²⁵ Имеется в виду так называемая «Картлис Цховреба» (Житие Картли) — сборник грузинских летописей, возникших в XII в. и пополнявшихся вплоть до XIX в. новыми летописными произведениями.
- ¹²⁶ Возможно опечатка, и имеется в виду Вахтанг VI (1675–1737) — наместник, затем царь Картли, области Восточной Грузии, писатель и ученый, создавший в начале XVIII в. комиссию грузинских историков для продолжения «Картлис Цховреба», прерванной в XIX в.
- ¹²⁷ *Моисей Хоренский* (410–490) — крупнейший армянский средневековый историк V в., автор «Истории Армении», считается «отцом армянской истории».
- ¹²⁸ *Брейткопф* (Breitkopf) Бернад Кристоф (1695–1777) — немецкий книгопечатник и издатель, хозяин самого известного в Европе музыкального издательства. Его сын *Брейткопф* (Breitkopf) Бернад Фридрих (1745–1820) — основатель обширной типографии и словолитни в С.-Петербурге при Екатерине II.
- ¹²⁹ Тибетский алфавит (*лат.*).
- ¹³⁰ О различных литературных и религиозных наименованиях, происхождении народов, о суевериях, а также об «Истории Манихейства» Бособра, автора, оклеветавшего Августина, а еще раньше опровергавшего отцов церкви (*лат.*).
- ¹³¹ Рассуждение об индийских древностях (*лат.*).
- ¹³² *Кур де Жебелен* (Court de Gébelin) Антуан (1719/1725–1784) — французский ученый-эрудит, изучавший гуманитарные и естественные науки, автор Этимологического словаря греческого, латинского и французского языков, занявшего два тома в его главном многотомном труде «Первобытный мир, рассмотренный в сравнении с современным миром» (1775–1784).

Исследование об Элевсинских таинствах

Впервые опубликовано по-французски отдельным изданием: *Owaroff S. Essai sur les mysteres d'Eleusis*. SPb., 1812. В 1815 г. появилось второе исправленное и дополненное издание, впоследствии неоднократно переиздававшееся как в России, так и за рубежом.

В этой работе Уваров, опираясь на современные ему немецкие и французские исследования античности, на конкретном примере происхождения

элевсинских мистерий пытается обосновать тезис, выдвинутый им в «Проекте азиатской академии» о восточном происхождении человеческой цивилизации. Однако, в данном случае Уварова больше интересует непрерывная нить знания, идущая от первобытных времен единобожия через политеизм к христианству. Мистерии, в представлении Уварова, были таинственными хранителями идеи единобожия в его пантеистической форме во времена массовых языческих культов. Современный исследователь П. Резвых рассматривает данный трактат Уварова в контексте полемики о символике древних мифологий, развернувшейся в начале XIX в. между немецкими философами и учеными-классиками. По его мнению, Уваров «воспринимался как русский участник общеевропейской научной дискуссии, в которую были вовлечены крупнейшие авторитеты — Гёте, Шеллинг, братья Шлегели, Германн и др.» (*Резвых Петр*. Ф. В. Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 149).

Русский перевод основной части уваровского исследования был опубликован в журнале «Современник» (1847. Т. 1. № 1–2. Отд. 2. С.77–108) со следующим предисловием: «Предлагаемое публике сочинение содержит в себе глубокомысленные исследования об одном из затруднительнейших вопросов древней истории. Искони в человеческом роде сохранялись высокие предания о Божестве, о первобытном состоянии мира и человека. Разум, по темному инстинкту, независимо от грубых народных верований, от учений более или менее местных и односторонних, носил в себе сознание некоторых всеобщих истин, указывавших человеку на важный и глубокий смысл его природы и судьбы. Но с одной стороны, разум представлял себе эти истины чрезвычайно отвлеченно, а с другой, мир был еще слишком поработан материи, чтобы прийти с ним в соприкосновение. Между мыслью и жизнью, между человеческим назначением и действительностью лежала глубокая пропасть, через которую не было проложено соединяющего пути. Для этого нужно было содействие высшей силы — и этому содействию еще не пришла пора. Между тем, к чести человечества, в нем все-таки хоть местно, хоть по временам сверкали лучи светлого и разумного понимания вещей. В мифах и символах древнего Востока, этой колыбели возвышенных учений, таилось много понятий простых и здравых, совершенно противоположных запутанному и нелепому верованию черни. Ими питались и поддерживались умы высокие, предчувствующие возможность лучших убеждений. На Востоке, по духу тамошних обществ, менее чем где-либо, возможно было их распространение и применение посреди народных масс. Когда Запад в лице первого умнейшего из своих представителей, в лице греческого народа, получил от Востока сокровища его ума, он начал разрабатывать и употреблять их по-своему, начал совлекать с истины многосложные и тяжелые покровы мифов и символов; философия греческая стремилась ввести в жизнь и общество то, что Восток заботливо и ревниво запирает в касты

и школы, боясь предать свою умственную святыню на осквернение черни. Но несмотря на эту добросовестную готовность мудрых к просвещению подобных себе, несмотря на доступность западных людей, особенно греков, всем идеям логическим и человеческим, — и в Греции все-таки нельзя было некоторых понятий о мире и человеке сделать общенародными. Грубый политеизм, хотя и прикрашенный греческой мифологией, противопоставлял всякому подобному покушению непреодолимые преграды. Таким образом, Исида, скрывавшая лицо свое под непроницаемым покровом в мистериях Египта, не могла сбросить с себя этого покрова и посреди философской популярности Афин. Философия многого не досказывала, и это-то недосказанное нашло себе убежище в особых мистических и религиозных корпорациях, между коими замечательнейшие были элевсинские. Автор сочинения, посвященного этому предмету, с удивительным искусством и проницательностью раскрывает образование и смысл этого важного явления в греческом мире — явления, которое, между прочим, доказывает, как жалко было человечество языческого мира, когда считалось необходимым скрывать от него и малую долю тогдашней истины. Сочинение об элевсинских таинствах, к чести России, принадлежит русскому; оно написано по-французски с тою целию, чтобы ознакомить ученую Европу с идеями и взглядами автора. Но в то время, когда Европа признала это творение классическим по части исторической критики, мы, по какому-то важному непростительному равнодушию к отечественной славе, едва знали о его существовании. Пора поправить эту ошибку. «Современник» радуется, что на него пал этот приятный долг, и он спешит передать по-русски своим читателям глубокие изыскания знаменитого автора, украшенного не одними дарованиями ученого и писателя». (С. 76.)

В следующем томе «Современника» (1847. Т. 2 № 3–4. С. 2–6) были опубликованы переводы двух примечаний: примеч. 6 к отд. II и примеч. 4 к отд. VI. Переводы сопровождались следующим вступлением: «Исследование об элевсинских таинствах», напечатанное в февральской книжке этого журнала, в первый раз издано было на французском языке в начале 1812 года, в такое время, когда общее внимание было поглощено шумными политическими событиями, решавшими судьбу Европы. Автор посвятил брошюру Королевскому геттингенскому обществу, которое сделало его своим членом. В ту пору было не до наук; Германия представляла из себя постоянный лагерь для бесчисленных полчищ, и мирные занятия ученых обществ на время должны были прекратить свою деятельность. Однако ж, при всей трудности сообщений, «Исследования об элевсинских таинствах» распространилось далеко, и молодой русский ученый, еще прежде обративший внимание образованного света свои «Проектом об Азиатской академии», приобрел теперь громкую известность, как отличный филолог, владеющий обширными сведениями и редким даром критики, столько необходимой при решении темных и

запутанных вопросов древней археологии. Между тем, как отдельные факты греческой мифологии, разбросанные в сочинениях классических писателей, были собраны, пересмотрены и приведены в систему, древние мистерии оставались темною загадкою, и множество гипотез, построенных для ее решения, гипотез, противоречащих одной другой, весьма мало содействовали к объяснению этих религиозных учреждений, без которых нет возможности составить настоящего понятия о духе древней цивилизации. Прежде нашего автора исследованием греческих мистерий занимались Меурсиус, Варбертон, Бугенвиль, Мейнерс, Штарк, Бах, Фогель, Тидеманн и особенно Сент-Кроа. Труды их, бесспорно, важные, относились, однако же, по большей части к рассмотрению внешних обрядов, употреблявшихся при этих учреждениях; но на самый важный пункт в элевсинских мистериях, на отношение их к политеизму, никто не обращал внимания. Русский филолог первый между европейскими учеными начал доказывать, что мистерии были душою политеизма, и, рассмотрев вопрос с этой совершенно новой точки зрения, он в то же время указал на истинное происхождение мистерий. Теперь, когда трудами английских и немецких санскритистов приведены в известность памятники древней индийской литературы, никто более не сомневается, что Индия была колыбелью всех европейских мифологий, и, следовательно, греческого политеизма; но в ту пору подобное мнение имело всю свежесть современной новости, и его-то впервые с критической отчетливостью высказал наш знаменитый соотечественник. Немудрено, что брошюра, напечатанная в первый раз в сотне экземпляров, обратила на себя внимание, и автор от многих современных знаменитостей получил самые лестные и почетные отзывы. Новое издание ученого труда, пересмотренного и дополненного, принял на себя, в 1816 году, знаменитый ориенталист Сильвестр де Саси, и когда диссертация была напечатана, ее тотчас же перевели на немецкий и английский языки. Только соотечественники автора всего менее подозревали о существовании сочинения, пользовавшегося европейской известностью.

Читатели видели, что мнение об индийском происхождении мистерий Цереры автор преимущественно основал на открытии Вильфорда, объяснявшего смысл мистических слов, которые греческие жрецы произносили при окончании празднования элевсинских таинств. Вильфорд известил в "Записках Азиатского общества", что "конкс ом пакс" до сих пор употребляются браминами в конце многих религиозных обрядов. Наш автор подробнее определил их значение в одном из примечаний, приложенных ко второму отделению диссертации. Это примечание служит необходимым дополнением к сочинению, и мы обращаем на него внимание читателей».

В настоящем издании воспроизводится перевод И. И. Введенского, сделанный для «Современника», кроме того по изданию *Ouvaroff. Etudes de Philologie et de critique*. SPb., 1843 впервые на русском языке (в переводе

В. С. Парсамова) публикуются два предисловия к парижскому изданию и примечания Уварова, являющиеся важным компонентом его исследования.

- ¹³³ «Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел!» Гомер. Гимн к Деметре (*древнегр.*, перевод В. В. Вересаева).
- ¹³⁴ Королевское научное общество, являющееся Академией наук, было образовано при Гёттингенском университете в 1751 г.
- ¹³⁵ *Сент-Кроа* (Sainte-Croix) Гийом Эммануэль, барон Гилем де Клермот-Лодев (1746–1809) — французский мифолог и писатель, изучавший греческие, египетские, самофракийские, элевсинские мистерии и архаичные ритуалы.
- ¹³⁶ Имеется в виду посмертное издание исследования Сент-Кроа: *Recherches historiques et critiques sur les mystères du paganisme*, Par M. Le Baron de Sainte-Croix; seconde édition; revue et corrigée par M. Le Baron Silvestre de Sacy. Paris, 1817.
- ¹³⁷ *Буассонад де Фонтараби* (Boissonade de Fontarabie) Жан Франсуа (1774–1857) — французский ученый-эллинист. С 1813 г. профессор греческой литературы в Сорбонне и член Академии надписей и изящной словесности. С 1828 по 1855 г. возглавлял кафедру греческого языка и литературы в Коллеж де Франс. Опубликовал большое количество произведений античных авторов.
- ¹³⁸ Имеется в виду возвращение Наполеона с острова Эльба.
- ¹³⁹ Имеются в виду французские издатели братья Бюр (Bure), издавшие «Исследования» де Сент-Кроа.
- ¹⁴⁰ Если в прежние времена могло возникнуть сомнение, ставит ли правителей земли случай, или какое-либо предуказание с неба, то не может быть никакого сомнения в том, что наш принцепс дан нам соизволением богов (*лат.*). Плиний Младший. Панегирик императору Трояну (перевод В. С. Соколова).
- ¹⁴¹ *Сильвестр де Саси* (Silvestre de Sacy) Антуан Исаак (1758–1838) — французский лингвист и ориенталист. С 1806 г. занимал должность профессора персидского языка в Коллеж де Франс. В 1808 г. вошел в законодательное собрание как депутат от Парижа и заседал там вплоть до Реставрации, в 1813 г. получил титул барона. В 1814 г. приветствовал возвращение Бурбонов. После «Ста дней» стал членом комиссии по общественному

образованию, затем — королевский советник. Позже был назначен заведующим Коллеж де Франс Специальной школы восточных языков. С 1832 г. пэр Франции. Крупный востоковед и полиглот. Владел ивритом, сирийским, самаритянским, халдейским, арабским, персидским, турецким, а также английским, немецким, итальянским и испанским языками.

¹⁴² *Эвгемер* (Εὐήμερος) из Мессены (ок. 340 до н. э. — ок. 260 до н. э.) — греческий философ из школы киренаиков, живший при дворе македонского царя Кассандра. Сведений о жизни философа практически не сохранилось, а его произведения уцелели лишь во фрагментах. Эвгемер известен учением (вошедшим в историю религии как эвгемеризм), согласно которому вера в богов возникла из культа умерших или живущих великих людей (правителей, жрецов, философов), возведенных за свои заслуги в степень божеств. Эвгемеру принадлежит сочинение «Священный список» (или «Священная запись»; греч. *Τερὰ ἀνάγραφῆ*), в латинском переводе Энния названное «Священной историей» (*лат. Sacra historia*; перевод утрачен). Это произведение сохранилось лишь во фрагментах, цитируемых главным образом у Диодора Сицилийского. Судя по сохранившимся отрывкам, «Священная история» представляла собой рассказ о вымышленном путешествии, своего рода философскую утопию, где в занимательной форме излагались взгляды Эвгемера. См. примеч. 2 Уварова к отделению V.

¹⁴³ Церера — италийско-римский аналог греческой богини полей, земледелия и хлебных злаков Деметры.

¹⁴⁴ Бахус (Вакх) — латинское имя греческого бога вина Диониса.

¹⁴⁵ Почетное звание ученого брахмана в Индии, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите.

¹⁴⁶ Имеется в виду, что в 1804 г. Вилфорд стал жертвой мошенничества одного индусского жреца, указавшего ему на наличие египетских имен в священных книгах Индии (См.: Литературное наследство. Т. 29–30. М., 1937. С. 693).

¹⁴⁷ Имеется в виду ритуальная фраза *knos om rax*, используемая в элевсинских мистериях. В египетском языке ей соответствует выражение «свет в расширении», произносимое в церемониях золотой зари весеннего и осеннего равноденствия.

¹⁴⁸ Посвящение в мистерии.

- ¹⁷² *Кадм* — сын мифического финикийского царя Агенора, основатель в Бетии крепости Кадмеи, вокруг которой вырос город Фивы.
- ¹⁷³ *Инах* — речной бог, сын Океана и Тефиды (матери речных божеств).
- ¹⁷⁴ *Меламп* — основатель культа Диониса и фаллических шествий, перенесенных им из Египта в Элладу. Он первым начал лечить болезни при помощи трав и очищений, считался основателем жреческого рода Меламподов.
- ¹⁷⁵ *Софокл* (*Σοφοκλής*) (495–405 до н. э.) — второй (в ряду с Эсхилом и Еврипидом) из трех классических античных драматургов.
- ¹⁷⁶ Элевсинский жрец.
- ¹⁷⁷ *Дюпюи* (*Dupuis*) Шарль Франсуа (1742–1809) — французский ученый, астроном и мифолог, профессор в Коллеж де Франс, автор «Разъяснительной записки о хронологии и мифологии созвездий зодиака» (1806).
- ¹⁷⁸ *Лактанций* (*Lactantius*) Целий Фирмиан (ок. 250 — ок. 325) — римский христианский богослов и писатель. Свою деятельность начинал как язычник, был ритором в никомедийской школе. В 303 г. принял христианство и вынужден был уйти из риторской школы, писал произведения о христианском вероучении и преследовании христиан. В конце жизни был назначен учителем к сыну императора Константина I.
- ¹⁷⁹ *Геродот* (*Ἡρόδοτος*) Галикарнасский (484–425 до н. э.) — автор «Истории» — первого исторического исследования о греко-персидских войнах и обычаях многих современных народов, имел титул «отца истории».
- ¹⁸⁰ *Гесиод* (*Ἡσίοδος*) (VIII–VII вв. до н. э.) — первый исторически установленный греческий поэт, автор поэм «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни», в которых излагается идея о непрерывном ухудшении условий человеческой жизни от «золотого» века до «железного».
- ¹⁸¹ Теогония — мифологические сказания о происхождении богов.
- ¹⁸² *Аристотель* (*Ἀριστοτέλης*) (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый, ученик Платона.
- ¹⁸³ Имеется в виду следующее место из философского трактата Цицерона «О природе богов»: «Об Орфее Аристотель пишет, что его никогда не было, а названную по его имени орфическую песнь (*orphicum carmen*)

сочинил какой-то пифагореец Кекропс» (*Цицерон*. Философские трактаты. М., 1985. С. 95).

- 184 Пеласги — предположительно одно из догреческих племен в Восточном Средиземноморье.
- 185 Имеются в виду сто вопросов Додонскому оракулу, нанесенных на свинцовые таблички и обнаруженных в Додоне, одном из крупнейших религиозных центров Древней Греции.
- 186 Девкалион — легендарный сын Прометея, родоначальник эллинов. За свое благочестие Девкалион и его жена Пирра были спасены богами от всемирного потопа.
- 187 Данай — в греческой мифологии сын египетского царя, бежавший вместе с отцом от преследования двоюродных братьев в Аргос, где получил царскую власть.
- 188 *Кемпфер* (Kämpfer) Энгельберт (1651–1716) — немецкий путешественник, натуралист, историк-востоковед.
- 189 *Люэ* (Luet) Пьер-Даниэль (1630–1721) — французский философ и филолог.
- 190 *Ла-Кроз* (La Croze) де Матурен Вейсьер (1661–1739) — французский востоковед, лингвист, бенедиктинец, профессор французского коллежа в Берлине.
- 191 *Брукер* (Brucker) Иоанн-Яков (1696–1715) — немецкий историк философии.
- 192 Автохтоны — исконные жители.
- 193 *Лукиан* (Λουκιανός) (ок. 120–180) — греческий писатель-сатирик, известный как «Лукиан из Самосаты».
- 194 *Павсаний* (Παυσανίας) (II в. н. э.) — древнегреческий писатель и географ, автор «Описания Эллады» в 10 кн., в основе которого лежали очерки его реального путешествия по Элладе, совершенного около 180 г.
- 195 *Иероним* (Hieronymus) Евсевий Софроний (342–419/420) — церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии. В православной и католической традиции почитается как святой и один

из учителей Церкви. В православии обычно именуется с эпитетом «блаженный».

- ¹⁹⁶ *Будда* («пробудившийся») Гаутама (563–483 до н. э.) — легендарный индийский духовный учитель, основоположник буддизма.
- ¹⁹⁷ Арабское название Египта.
- ¹⁹⁸ Прозвище индийского бога Шивы (Mah â deva — великий бог).
- ¹⁹⁹ Статуя лингама представляет собой короткий цилиндрический столб с закругленной вершиной.
- ²⁰⁰ Сезострис (**Σέσωστρις**) — собирательное имя египетского царя, в облике которого обнаруживаются черты и свойства Кира, Дария, Александра Македонского и других царей древности. Сезострису приписываются завоевание всей Азии, Европы до Фракии, Ассирии, Мидии, Эфиопии, Скифов, Персии, Бактрии и т. д., а также установление законов, учреждение каст, распределение поземельной собственности, регулирование общественной и даже домашней жизни и т. д.
- ²⁰¹ *Камбиз* (Kambudstnja) — царь древней Персии в 529–522 гг. до н. э., сын Кира и продолжатель его завоевательной политики; покорил Африку.
- ²⁰² *Гезихий* (**Ἠσύχιος**) (V в. н. э.) — греческий филолог и лексикограф, составитель большого греческого лексикона, включающего в себя толкования многих, в том числе и редких слов.
- ²⁰³ Апорреты — тайны мистерий.
- ²⁰⁴ Вновь посвященный в мистическое учение.
- ²⁰⁵ Адепт тайного мистического учения, прошедший последнюю стадию посвящения.
- ²⁰⁶ Прозерпина — латино-римское имя греческой богини подземного царства и плодородия Персефоны, дочери Деметры (Цереры) и Зевса.
- ²⁰⁷ *Страбон* (**Στράβων**) (ок. 64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) — греческий историк и географ.
- ²⁰⁸ Жрец, посвящавший в таинства во время мистерий.

- ²⁰⁹ Своего рода книги, сделанные из двух каменных скрижалей (петрай), скрепленных с одной стороны; использовались во время совершения элевсинского таинства.
- ²¹⁰ *Эпиктет* (Ἐπίκτητος) (ок. 50–138) — древнегреческий философ-стоик; раб в Риме, потом вольноотпущенник; основал в Никополе философскую школу.
- ²¹¹ *Арнобий* (Arnobius) *Старший* (III–IV вв.) — учитель красноречия в Сикке в Нумидии (потому часто назывался африканцем); ок. 300 г. принял христианство, написал семь томов под заглавием «Adversus nationes» («Против язычников»).
- ²¹² *Афиногор* (Ἀθηναγόρας) — один из апологетов, т. е. философов, защищавших христианство во II в. н. э., автор «Прошения», обращенного к императору Марку Аврелию и его сыну в защиту христианства (177) и рассуждения «О воскрешении мертвых».
- ²¹³ *Юстин* (ок. 100 — ок. 165) — философ и христианский апологет, священномученик.
- ²¹⁴ *Аттик* (Atticus) Тит Помпоний (110–32 до н. э.) — знатный и высокообразованный римский всадник, друг и корреспондент Цицерона.
- ²¹⁵ *Вергилий* (Vergilius) Публий Марон (70–19 до н. э.) — великий римский поэт, автор эпической поэмы «Энеида».
- ²¹⁶ Люстрации (от *лат.* lustratio — очищение посредством жертвоприношений) — языческие религиозно-магические обряды, которые, по представлениям верующих, позволяют избавиться от «скверны», «вредоносного начала» и т. п.
- ²¹⁷ *Эпаминонд* (Ἐπαμεινώνδας) (ок. 418–362 до н. э.) — беотийский государственный деятель и полководец.
- ²¹⁸ *Агезилай* (Ἀγησίλαος) (444 — ок. 361 до н. э.) — спартанский царь с 399 г., способствовал укреплению военной гегемонии Спарты среди греческих государств.
- ²¹⁹ *Диоген* (Διογένης) Синопский (ок. 412–323 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы цинизма.

- ²²⁰ *Атений*, Афиней (Ἀθηναῖος) (II–III вв. н. э.) — древнегреческий ритор и грамматик из Навкратиды в Египте, автор многотомного сочинения «Пир мудрецов», где описывается воображаемая беседа 30 ученых мужей о нравах, общественной и частной жизни древних греков, о различных областях искусства, культуры, литературы и грамматики в доме одного из римских государственных служащих.
- ²²¹ *Аристофан* (Ἀριστοφάνης) Византийский (ок. 257–180 до н. э.) — греческий филолог, глава Александрийской библиотеки.
- ²²² *Мелантний*, Меланфий — историк IV в. н. э., писавший об Агтике и Элевсинских мистериях.
- ²²³ *Изей* (Ἰσαῖος) (ок. 420–350 до н. э.) — один из десяти «канонических» афинских ораторов, ученик Исократа и учитель Демосфена.
- ²²⁴ *Демосфен* (Δημοσθένης) (384–322 до н. э.) — один из знаменитейших греческих ораторов, политический деятель.
- ²²⁵ Они читали: — Иерофанты, также как и афиняне вплоть до сегодняшнего дня освобождены от принятия цикуты (*лат.*).
- ²²⁶ *Валентиниан I* (Valentinianus) Флавий (321–375) — римский император с 364 г. Будучи ортодоксальным христианином, вместе с тем терпимо относился к язычеству.
- ²²⁷ Точная дата смерти Валентиниана — 17 ноября 375 г.
- ²²⁸ *Юлиан II* (Julianus) Флавий Клавдий (331/332–363) — римский император (361–363) династии Константина, известный также в истории христианства как Юлиан Отступник, стремился к реставрации языческой культуры в Риме.
- ²²⁹ *Претекстат* (Praetextatus) Векций Агориус (ок. 310–384) — римский сенатор, член ряда религиозных коллегий (авгуров, квиндецемвиров), посвященный во многие мистериальные культы (Дионисия, Кибелы, Митры, а также Элевсинские таинства).
- ²³⁰ *Зосим* (Ζωσίμος) (2-я пол. V в.) — греческий историк, автор «Новой истории», охватывающей период от императора Августа до захвата Рима Аларихом в 410 г. Будучи ревностным сторонником язычества, падение Рима объяснял его отказом от политеизма.

- ²³¹ *Феодосий I* (Theodosius) Флавий Великий (347–395) — римский император с 379 г. В 391–392 гг. Феодосий запретил языческие культы, а в 392 г. запретил Олимпийские игры, за что был провозглашен церковью Великим. Перед смертью разделил Империю между своими сыновьями Аркадием и Гонорием, что привело после смерти Феодосия в 395 г. к образованию двух римских империй: Западной и Восточной.
- ²³² *Марк Аврелий* (Marcus Aurelius) Антонин (121–180) — римский император с 161 г., философ-стоик, один из наиболее выдающихся представителей поздней эклектической Стои. Центральное место в его философии занимает этика с призывами любить ближнего и заниматься самосовершенствованием.
- ²³³ *Аммоний Сакк* (175–242) — греческий философ, основатель философской школы неоплатонизма.
- ²³⁴ *Ямвлих* (Ἰάμβλιχος) (245/280–325/330) — античный философ-неоплатоник, ученик Порфирия, глава Сирийской школы неоплатонизма в Аламее.
- ²³⁵ *Цельс* (Celsus) (2-я пол. II в.) — римский философ-платоник, один из самых известных античных критиков христианства.
- ²³⁶ *Порфирий* (Πορφύριος) (наст. имя Малх или Мелех) (232/233–304/306) — древнегреческий философ, представитель неоплатонизма, ученик и биограф Плотина.
- ²³⁷ *Прокл Диадокх* (Πρόκλος ὁ Διάδοχος) (412–485) — греческий философ-неоплатоник.
- ²³⁸ *Плотин* (Πλωτῖνος) (204/205–269/270) — греческий философ-идеалист, один из основателей неоплатонизма. Плотин систематизировал учение Платона о воплощении триады в природе и космосе, определил Божество как неизъяснимую первосущность, стоящую выше всякого постижения и порождающую из себя все многообразие вещей путем эманации, пытался синтезировать античный политеизм с идеями монотеизма, признавал доктрину метемпсихоза.
- ²³⁹ *Траян* (Traianus) Марк Ульпий (53–117) — римский император с 98 г., при нем Римская империя достигла периода наивысшего расцвета и максимальных размеров.
- ²⁴⁰ *Адриан II* (Hadrianus) Элий (76–138) — римский император с 117 г. Известен как ценитель греческой культуры.

- ²⁴¹ *Комод* Марк Аврелий Антонин (161–192) — римский император с 180 г, сын Марка Аврелия.
- ²⁴² Саис — античный город в западной дельте Нила, главный пункт 5-го нома Нижнего Египта. Современное название — Са эль-Хагар.
- ²⁴³ *Апулей* (Apuleius) Люций (ок. 124–?) — древнеримский писатель, философ-платоник, ритор. Писал на греческом и латинском языках.
- ²⁴⁴ Цари эллинистического Египта в IV–III вв. до н. э.
- ²⁴⁵ Имеется в виду I Вселенский собор в Никее (325), осудивший арианство.
- ²⁴⁶ *Диодор* (Διοδορος) Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.) — греческий историк эпохи эллинизма, автор многотомной «Исторической библиотеки», посвященной истории Египта, Ассирии, Индии, Мидии, островов Западного и Восточного Средиземноморья.
- ²⁴⁷ *Стэнли* (Stanley) Томас (1625–1678) — английский писатель и переводчик.
- ²⁴⁸ *Эсхил* (Αἰσχύλου) (525–456 до н. э.) — первый известный древнегреческий трагик.
- ²⁴⁹ имеющий человеческий облик (*лат.*).
- ²⁵⁰ *Весселинг* (Wesseling) Петр (1692–1764) — немецкий филолог, профессор красноречия, истории и греческого языка в Утрехте.
- ²⁵¹ *Веллей* (Vellius) Гай — римский трибун, эпикуреец, выведенный Цицероном в качестве одного из участников диалога «О природе богов».
- ²⁵² Кекроп — в греческой мифологии прародитель жителей Аттики и ее первый царь, изображался как получеловек-полузмея.
- ²⁵³ Величайший бог (*лат.*) — так именовался в римской мифологии Юпитер.
- ²⁵⁴ Старшие боги (*лат.*), имеются в виду олимпийские боги.
- ²⁵⁵ Основание и источник (*лат.*).
- ²⁵⁶ Якши — в древнеиндийской мифологии полубожественные существа хтонического происхождения, имеющие отношение к плодородию.

- 257 *Нонн* (Νόννος) Панополитанский (V в. н. э.) — древнегреческий эпический поэт, выходец из египетского города Панополь, автор эпической поэмы «Деяния Диониса» (или «Дионисиака») в 48 книгах, в которой рассказывается о рождении, жизни и походе Диониса в Индию. К концу жизни Нонн стал христианином и написал поэму «Деяния Иисуса». Уваров является автором брошюры о Нонне на немецком языке (1817).
- 258 Загрей (букв.: «великий охотник») — в греческой мифологии одна из архаических ипостасей Диониса.
- 259 *Арриан* (Arrianus) Луций Флавий (ок. 85–175) — древнегреческий историк, географ и государственный деятель. Автор исторических трактатов об Индии и походах Александра Македонского.
- 260 Празднества в честь Сабазия, фригийско-фракийского бога плодородия и земледелия.
- 261 Семела — «в греческой мифологии — дочь фиванского царя Кадма и Гармонии, возлюбленная Зевса. По совету ревнивой Геры, явившейся к ней в образе кормилицы, Семела потребовала от Зевса, чтобы тот предстал перед ней во всем своем божественном величии. Связанный обещанием исполнить любое желание, Зевс появился среди молний и грома и испепелил Семелу. Неродившегося сына Диониса Зевс спас и выносил его, зашив в бедро. Первоначально Семела была фракийско-фригийской богиней Земли» (Словарь античности. М., 1989. С. 517).
- 262 Авра — в древнегреческой мифологии дочь титана Леланта и океаниды Перибей. Миф о ней изложен в XLVIII песне поэмы Нонна «Деяния Диониса». Согласно мифу, Авра родила от Диониса двойняшек, после чего девочку она съела, а мальчика спасла Артемида и отнесла его в Элевсин, где он стал Иакхом — богом мистерий. Сама Авра превратилась в источник.
- 263 Суидас (или Суда) — византийский энциклопедический словарь X в., в котором дается толкование 30 тысяч терминов, связанных со словами, понятиями и именами античной Греции.
- 264 Керамик — квартал гончаров, часть которого находилась на северо-западе Афин, а часть выходила за черту города.
- 265 *Аристофан* (Αριστοφάνης) (444–387/380 до н. э.) — древнегреческий комедиограф, считается родоначальником греческой комедии.

- ²⁶⁶ Дадух — факелоносец, жрец древнегреческого культа Деметры, во время Элевсинских мистерий нес факел, олицетворяя поиски Персефоны.
- ²⁶⁷ Бромий — в древнегреческой мифологии одно из прозвищ Диониса («шумный»).
- ²⁶⁸ Виллоазон (Villoison) Жан Батист Гаспар д'Ансе (1750–1805) — французский филолог-эллинист.
- ²⁶⁹ Мюнтер (Münter) Фридрих Христиан Карл Генрих (1761–1830) — датский богослов, археолог и ориенталист, профессор богословия Копенгагенского университета, позднее епископ.
- ²⁷⁰ Соэга (Zoega) Йёрген (1755–1809) — датский археолог и нумизмат, исследователь коптской письменности, египтолог, с 1783 г. жил в Риме, где перешел в католичество и был датским генеральным консулом.
- ²⁷¹ Окерблад (Akerbald) Йохан Давид — шведский дипломат, египтолог.
- ²⁷² Гранитная плита, найденная в 1799 г. в Египте близ небольшого городка Розетта (ныне Рашид), недалеко от Александрии. На ней выбиты три идентичные по смыслу текста: два на древнеегипетском языке и один — на древнегреческом. Расшифровкой египетских текстов на камне параллельно занимались французский востоковед Сильвестр де Саси, шведский дипломат Давид Окерблад, английский ученый Томас Юнг и французский исследователь Ж.-Ф. Шампольон. В 1822 г. Шампольон сделал прорыв в деле дешифровки иероглифов, использовав метод, ставший ключом к пониманию египетских текстов. Текст камня, как выяснилось, представлял собой благодарственную надпись, которую в 196 г. до н. э. египетские жрецы адресовали Птолемею V Епифану, очередному монарху из династии Птолемеев. Начало текста: «Новому царю, получившему царство от отца...» С 1802 г. Розеттский камень хранится в Британском музее.
- ²⁷³ Катрмер (Quatremère) Этьенн-Марк (1782–1857) — французский востоковед, профессор греческой литературы в Руане, позже профессор семитических языков в Коллеж де Франс.
- ²⁷⁴ Празднества в честь Деметры в Древней Греции.
- ²⁷⁵ Я же всегда стремился ограничиться указанием на древнейший период греческого государства, никогда не позволяя себе называть точно год (лат.).

- ²⁷⁶ Оксфордский, или Паросский мрамор — название важного источника древнегреческой хронологии, мраморной таблицы с острова Парос, составленного в 264 г. до н. э. и обнаруженного англичанами в Смирне (Малая Азия) в 1627 г. В 1628 г. юрист Королевского суда и одновременно исследователь античности Джон Селден с двумя помощниками перевел надпись с древнегреческого. В 1667 г. мрамор был передан в дар Оксфордскому университету.
- ²⁷⁷ *Эрехфей*, Эрехтей (*Erechtheus*) — мифический царь Афин, иногда отождествлялся с Эрехтением (сыном Гефеста), иногда считался его сыном или внуком. Став царем, Эрехфей ввел в городе культ Афины. По требованию Дельфийского оракула принес в жертву одну из дочерей во время войны против элевсинцев (См.: Словарь античности. Пер. с немецкого. М., 1989. С. 664).
- ²⁷⁸ *Рункен* (*Ruhnken*) Давид (1723—1798) — немецкий филолог, профессор красноречия, истории и древностей в Лейдене.
- ²⁷⁹ Имеется в виду полемика классицистов во Франции с конца XVII — начала XVIII вв. по вопросу об отношении к наследию античности. Сторонники «древних» считали античность безусловным авторитетом и образцом для подражания. Их оппоненты («новые») утверждали, что античность имеет лишь историческое значение и современный человек нуждается в современном и понятном ему искусстве.
- ²⁸⁰ *Фонтенель* (*Fontenelle*) Бернар ле Бовье де (1657—1757) — французский писатель и философ, с 1697 г. постоянный секретарь Французской академии. Уваров имеет в виду его сочинение «Свободное рассуждение о древних и новых» (1688), в котором оспаривалось убеждение, что античность стоит выше современности по уровню развития искусства, и утверждалось, что она уступает современности в науке и философии.
- ²⁸¹ *Аполлоний* (*Ἀπολλώνιος*) Родосский (ок. 270 до н. э. — ?) — поэт и грамматик, автор поэмы о путешествии аргонавтов — «Аргонавтики».
- ²⁸² Рапсоды — древнегреческие эпические певцы.
- ²⁸³ *Квинт* (*Κόϊντος*) Смирнский (IV в.?) — древнегреческий поэт позднейшей эпохи, автор эпоса «То, что после Гомера» в 14 книгах, содержащего в себе в виде продолжения «Илиады» историю Троянской войны от падения Гектора до возвращения греков.
- ²⁸⁴ *Минье* (*Mignot*) Александр Жан (1725—1791) — аббат, историк, востоковед, племянник Вольтера.

- ²⁸⁵ В диалоге Платона «Тимей» жрец из египетского города Саис рассказывает Солону историю Атлантиды.
- ²⁸⁶ *Евсевий Кесарийский* (263–340) — историк и богослов. По аналогии с Геродотом его часто называют «отцом церковной истории». Написанная им «Церковная история» рассказывает о событиях от начала христианства до 324 г. Уваров ссылается на другое сочинение Евсевия — «Приготовление к Евангелию», где содержится опровержение язычества и доказываемся, что и в древнем мире существовали начатки христианства, в виде ветхозаветной еврейской религии и т. н. откровения естественного.
- ²⁸⁷ Кнеф — греческое название египетского божества Хнума («соединитель», «образователь»), считавшегося демиургом (ремесленником), создавшим людей из глины на гончарном круте, сотворившим весь мир и даже самих богов.
- ²⁸⁸ Пураны — тексты древнеиндийской литературы на санскрите, в которых описываются история вселенной от ее сотворения до разрушения, генеалогия царей, героев и дево, а также излагается индуистская философия и космология.
- ²⁸⁹ Чернокожий Осирис — это Вишну (*англ.*).
- ²⁹⁰ «Ишвара (др.-инд. *Īśvara*, «господин»), в индуистской мифологии — одно из имен Шивы. В ряде индуистских сект все боги и в т. ч. их верховная триада: Брахма, Вишну и Шива — рассматриваются лишь как ипостаси Ишвары. В философии ведантизма Ишвара выступает как активная манифестация пассивного абсолюта» (Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 594).
- ²⁹¹ Шакти — энергия (*санскр.*). В тантре, шиваизме и шактизме — супруга бога Шивы. В индуизме каждый бог имеет свою шакти, и все вместе они представляют личности (персонализации) и силы (энергии) единого Брахмана.
- ²⁹² *Кур де Жебелен* (Court de Gébelin) Антуан (ок. 1719/1725 —1784) — французский ученый, писавший по проблемам гуманитарных и естественных наук, окультист, астролог. Известен как автор книги «Первобытный мир».
- ²⁹³ *Толлий* (Tollius) Герман (1742–1822) — нидерландский юрист, филолог-классик, профессор греческого языка и красноречия Хардервейкского и Утрехтского университетов.

- ²⁹⁴ *Скалигер* (Scaliger) Жозеф Жюст (1540–1609) — французский гуманист итальянского происхождения, филолог, историк и воин, один из основателей современной научной исторической хронологии, издатель и комментатор античных текстов, с 1572 г. профессор Женевской академии, с 1593 г. профессор Лейденского университета (Нидерланды).
- ²⁹⁵ *Теренций* (Terentius) Публий (II в. до н. э.) — римский комедиограф, родом из Карфагена, жил между 2-й и 3-й Пуническими войнами.
- ²⁹⁶ Терентий (Самоистязатель):
Дня мне хватит, чтобы деньги вырвать, а потом — конец (*лат.*).
(Пер. А. В. Артюшкова.)
- ²⁹⁷ *Плавт* (Plautus) Тит Макций (254–184 до н. э.) — римский актер, комедиограф, мастер т. н. «комедии плаща» (паллиаты), в которой актеры выступали в греческой одежде.
- ²⁹⁸ «Хвастливый воин» (*лат.*).
- ²⁹⁹ «Псевдол» (*лат.*).
- ³⁰⁰ «Стих» (*лат.*).
- ³⁰¹ «Три монеты» (*лат.*).
- ³⁰² *Самез* (Saumaise) Клод (1588–1653) — французский ученый-классик и ориенталист.
- ³⁰³ *Авсоний* (Ausonius) Децим Магн (310 — ок. 394) — древнеримский придворный поэт и ритор, принадлежал к учительской интеллигенции галльского города Бурдигалы (ныне Бордо). Содержал там школу риторики, был приглашен императором Валентинианом I в качестве учителя для своего сына, будущего императора Грациана и занимал при его дворе разные придворные должности. В 379 г. был консулом.
- ³⁰⁴ Бич грамматиков (*лат.*).
- ³⁰⁵ Возглас удивления «ба!», «да ну!», «вот как!»
- ³⁰⁶ «Всадники» (*лат.*).
- ³⁰⁷ Совершенный, полный (*древнегреч.*).

- ³⁰⁸ *Моргенштерн* (Morgenstern) Карл-Симон (1770–1832) — филолог и нумизмат, профессор Дерптского университета и почетный член Императорской академии наук.
- ³⁰⁹ *Эрнести* (Ernesti) Иоганн Август (1707–1781) — немецкий богослов и филолог.
- ³¹⁰ *Гревиус*, *Грефе* (Graevius, Greffe) Иоганн Георг (1632–1703) — немецкий историк и филолог, профессор Утрехтского университета.
- ³¹¹ Слово из ритуальной формулы элевсинских мистерий: *Κοιη Οτ Ραχ*.
- ³¹² *Анкетиль дю Перрон* (Anquetil du Perron) Абрам Гиацинт (1731–1805) — французский индиолог и переводчик, перевел на французский язык «Упанишады» и «Зендавесту».
- ³¹³ *Феодор Мопсуестийский* (Théodor de Mopsueste) (ок. 350–428) — христианский теолог, епископ Мопсуестии с 394 г., глава антиохийской школы, противостоящей александрийской школе в догматической и церковной борьбе V и VI вв.
- ³¹⁴ Бхаша (Ракшаси-бхаша) — букв.: язык ракшасов. В действительности — речь атлантов, мифологических гигантских предков человечества четвертой Коренной расы.
- ³¹⁵ Пракрит или пракриты — название многочисленных индийских языков и диалектов, восходящих к санскриту.
- ³¹⁶ *Джаядева* (Jayadeva) — индийский поэт XII в., автор знаменитой лирико-драматической поэмы «Гитаговинда» («Песня о пастухе»), рассказывающей о любви Кришны к прекрасной пастушке Радхе.
- ³¹⁷ *Людювик XVIII* (Станислав Ксаверий) (1755–1824) — король Франции с 1814 г. Во время правления его брата — Людовика XVI — носил титул графа Прованского, с 1791 по 1814 гг. находился в эмиграции, носил титул графа де Лилль.
- ³¹⁸ Коллеж де Франс — учебное и научно-исследовательское учреждение во Франции, основанное в 1530 г. Франциском I. В Коллеже велось свободное преподавание, не связанное учебным планом, каждый преподаватель излагал результаты собственных исследований, занятия были рассчитаны на подготовленную аудиторию, плата за обучение не вносилась и дипломы не выдавались.

- ³¹⁹ Имеется в виду так называемая специальная школа по изучению восточных языков. Современное название «Национальный институт восточных языков и цивилизаций» (INALCO).
- ³²⁰ Имеется в виду третий из трех классов, на которые в то время делилась Французская академия: первый класс — физические и математические науки; второй класс — нравственные и политические науки и третий класс — литература и искусство.
- ³²¹ Букв.: «Великий бог» (*санскр.*) — титул Шивы.
- ³²² Адонис — в финикийской мифологии — юный воскресающий бог весны, олицетворение ежегодного умирания и воскрешения природы.
- ³²³ *Аврانشи* (Avranches) Паттерн (480–550) — французский епископ и миссионер.
- ³²⁴ *Фурмон* (Fourmont) Мишель (1690–1746) — французский церковный деятель и филолог, занимал кафедру сирийского языка в Королевском коллеже. В 1728 г. был послан Людовиком XV в Константинополь и Грецию, откуда привез множество греческих рукописей, подлинность которых, впрочем, сомнительна.
- ³²⁵ *Крезе* (Croese) Герард (1642–1710) — английский священник голландского происхождения, историк.
- ³²⁶ Это из тех таинств, которые не обнаруживаются ежедневно. Элевсинские мистерии имеют второй уровень посвящения. Природа не выдает все свои тайны одновременно. Мы считаем себя посвященными, но мы еще только на пороге храма. Итак, эти таинства не доступны ни зрению всех, ни все одновременно. Они спрятаны и заперты в глубине святилища (*лат.*) (*Сенека*. Натурфилософские вопросы. VII, гл. 31).
- ³²⁷ «Ибо как говорят те, кто сведущ в таинствах, „много тирсоносцев, да мало вакхантов” (*древнегреч.*). Платон. Федон. § 13 (перевод С. П. Маркиша).
- ³²⁸ *Фемистий* (317–388) — греческий ритор и философ из Пафлагонии, преподавал в Константинополе философию Аристотеля и Платона. В числе его произведений сохранились парафразы трудов Аристотеля и 33 политические речи, в которых содержатся интересные факты из истории 4 в.» (Словарь античности. С. 600).

- ³²⁹ *Аристид (Ἀριστέιδης)* Элий (ок. 117/129–187) — древнегреческий ритор и оратор. В своих речах восхвалял Рим, славное прошлое Афин и других городов. Во время своих многочисленных путешествий изучал различные религиозные культы и обряды.
- ³³⁰ Имеется в виду вестготский король *Аларих I* (ок. 370–410), совершивший в 395–396 гг. опустошительный поход в Грецию. В числе множества разрушенных памятников античной цивилизации был и знаменитый храм Деметры (Цереры) в Элевсине.
- ³³¹ *Штольберг (Stolberg)* Фридрих Леопольд (1750–1819) — немецкий писатель, ученый-богослов.
- ³³² Редкий и нерадивый почитатель богов (*лат.*). Начальная строка стихотворения Горация (Lib. 1, 34).
- ³³³ И если кто нарушит Церерини
Святые тайны, то я его
Не потерплю под одною кровлей.
(Гораций. Оды. Кн. III, 2. Пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского.)
- ³³⁴ *Диагор (Diagoras)* (2-я пол. V в. до н. э.) — греческий философ, вольноотпущенник, ученик и последователь Демокрита. В молодости был посвящен в мистерии, писал дифирамбы и гимны, прославляющие богов, но потом, разочаровавшись в язычестве, сделался атеистом, за что получил прозвище «безбожник» (*ἄθεος*), начал осмеивать элевсинские таинства. Оскобленные афиняне объявили розыск Диагора, назначив цену за его голову. Диагор вынужден был бежать в Коринф. По одним данным, там он и умер, по другим — погиб в кораблекрушении около 415 г. до н. э.
- ³³⁵ Имеется в виду следующее место из Плутарха: «В то время Андрокл, один из вожаков толпы привел нескольких рабов и метэков, которые заявили, что Алквиад и его друзья <...> подражали на своих попойках тайным священнодействиям. Доносчики утверждали, будто какой-то Феодор разыгрывал роль глашатая, Политион — факелоносца, сам Алквиад — верховного жреца, а остальные приятели при этом присутствовали и называли друг друга мистами. <...> Народ был взбешен и проклинал Алквиада». От немедленной расправы Алквиада спасло лишь то, что афиняне нуждались в его военных услугах. Однако «ненависть к нему обратилась против его друзей, родственников и близких, которым случилось быть в Афинах». Сам же «Алквиад был осужден заочно, его имущество конфисковано, а сверх того было принято дополнительное решение, обязывающее всех

жрецов и жриц предать его проклятию» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М., 1961. С. 284–287).

- 336 Имеется в виду следующее место из Диогена Лаэртского: «Аристипп в I книге о “О роскоши древних” пишет, что будто Аристотель влюбился в наложницу Гермия, женился на ней с его согласия и от радости стал приносить смертной женщине такие жертвы, какие афиняне приносят элевсинской Деметре, а в честь Гермия сочинил пеан <...>. Стало быть, Аристотель уехал в Афины, и там он тринадцать лет возглавлял школу, пока ему не пришлось бежать в Халкиду, оттого, что его привлек к суду за бесчестие иерофант Евримедонт (или Демофил, как утверждает Фаворин в “Разнообразном повествовании”)» (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях философов*. М., 1979. С. 206.)
- 337 В древнегреческой поэзии стихотворение, в котором автор отрекается от сказанного им в прежних стихотворениях.
- 338 *Дионисий (Διονύσιος)* Галикарнасский (I в. до н. э.) — греческий историк и ритор, автор «Римских древностей» в 20 книгах, где рассказана история Рима с древнейших времен до первой Пунической войны, а также трактата по риторике «О соединении слов».
- 339 *Либбон (Gibbon)* Эдуард (1737–1784) — английский историк и государственный деятель, автор знаменитой «Истории упадка и разрушения Римской империи».
- 340 *Аммоний Сакк (175–242)* — египетский философ греческого происхождения, считается основателем неоплатонизма, учителем Плотина.
- 341 *Ле Нэн де Тиймон (Le Nain de Tillemont)* Луи Себастьян (1637–1698) — французский историк. Его научный метод был основан на изучении досконально проверенных исторических свидетельств; писал простым стилем без литературных прикрас. Его сочинения были рассчитаны на узкий круг специалистов.
- 342 *Мосгейм (Mosheim)* Иоганн Лоренц (1693–1755) — немецкий лютеранский богослов, с 1723 г. профессор Гельмштадского, а с 1747 г. — Гёттингенского университетов.
- 343 *Нерон (Nero)* Клавдий Друз Германик Цезарь (37–68) — римский император с 54 г.
- 344 *Адриан (Hadrianus)* II Элий (76–138) — римский император с 117 г.

- ³⁴⁵ Имеется в виду трактат Оригена «Против Цельса», в котором автор упоминает двух философов, носивших имя «Цельс»: один из них жил при Нероне, второй — при Адриане. Трактат Оригена направлен против второго философа, который около 176 г. написал полемическое сочинение против христианства «Истинное слово».
- ³⁴⁶ В древнеиндийской мифологии символ божественный источник, рождающий силу.
- ³⁴⁷ *Стобе* (Stobæus) Иоанн (V в.) — ученый-компилятор, автор антологии фрагментов древнегреческих текстов.
- ³⁴⁸ *Марсилио* (Marsilius) Фичино (1433–1499) — итальянский гуманист, философ и астролог, основатель и глава флорентийской Платоновской академии.
- ³⁴⁹ *Гемистий* (Gemistos) Георгий Плетон (1360–1452/1454) — византийский философ. Гемистий полагал, что философия Платона и Пифагора вместе с последователями магического учения Заратустры могут спасти Элладу от турецкого порабощения. Предлагал отвоевать Элладу и провести там реформы, восстанавливающие политеизм.
- ³⁵⁰ *Геннадий* — патриарх константинопольский в 458–471 гг., святительствовал в царствование Льва Великого. Причислен к лику святых, память празднуется 31 августа.
- ³⁵¹ *Буавен* (Boivin) Жан Младший (1663–1726) — французский писатель, ученый и переводчик. С 1705 г. член Королевской академии надписей и художественной литературы, с 1721 г. член Французской академии.
- ³⁵² *Медичи* (Medici) Козимо Старый (1389–1464) — итальянский государственный деятель, превратил Флорентийскую республику в наследственную синьорию, сохранив при этом свою популярность в народе. Начиная с Козимо, род Медичи начинает пользоваться большим влиянием. К Медичи первым начал покровительствовать художникам, ученым и поэтам. Его дворец был первым крупным центром гуманистической науки и искусства во Флоренции.
- ³⁵³ *Максим Тирский* (Μάξιμος Τύριος) Кассий (II в.) — греческий философ и ритор, был сторонником учения Платона и выступал против эпикурейцев.
- ³⁵⁴ *Лука Голстений* (Lukas Holste) (1596–1661) — немецкий гуманист, географ и историк.

- ³⁵⁵ *Этьен* (Estienne) Анри (1528–1598) — французский гуманист, филолог-эллинист, книгопечатник.
- ³⁵⁶ *Рейске* (Reiske) Иоганн Якоб (1716–1774) — немецкий ученый, филолог-востоковед и медик.
- ³⁵⁷ *Либаний*, Ливаний (Λιβάνιος) (314 — ок. 393 н. э.) — ритор, представитель младшей софистики, учитель Иоанна Златоуста.
- ³⁵⁸ *Фемистий* (Θεμιστίος) (317–388) — греческий ритор и философ-неоплатоник, государственный деятель Византии.
- ³⁵⁹ Да возникнет... (лат.).
- ³⁶⁰ *Гёррес* (Görres) Иоганн Иозеф (1776–1848) — немецкий писатель, политический деятель, школьный учитель, ученый-востоковед.
- ³⁶¹ *Крейцер* (Creuzer) Георг Фридрих (1771–1858) — немецкий археолог, философ и мифолог, переводчик Плотина на немецкий язык.
- ³⁶² Наварх — командующий флотом в древней Спарте.
- ³⁶³ Слова Плутарха Уваров приводит во французском переводе Ж. Амио. В настоящем издании они даются в современном переводе Н. Н. Трухиной (*Плутарх. Об Исиде и Осирисе // Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 259*).
- ³⁶⁴ *Ампелий* (Ampelius) Луций (II в. н. э.) — римский писатель, автор «Назидательной книги», включающей в себя сведения по различным наукам, в том числе и мифологии.
- ³⁶⁵ Имеется в виду издание древнегреческого поэта и философа-киника Мелеагра из Гадары, подготовленное немецким филологом Фр. Грэфе: Meleagre Gadereni. Epigrammata tamque specimen novae recensiois Antologiae Graecae cum observationibus. Leipzig, 1812.
- ³⁶⁶ Рея — дочь Урана и Геи, сестра Кроноса, мать олимпийских богов.
- ³⁶⁷ Кибела — фригийская богиня материнской силы и плодородия.
- ³⁶⁸ Гея — «греческая богиня животворящей земли, производительница и носительница всех живых существ, праматерь и прабожество, в котором объединились все догреческие и архаические греческие представления.

Гейя произвела на свет Небо (Uranos), Море (Pontos) и горы. Будучи супругой Урана, она произвела на свет титанов, циклопов и гекатонхейров» (Словарь античности. М., 1989. С. 137.)

³⁶⁹ Олимпийские боги.

³⁷⁰ Ср. перевод М. Л. Гаспарова: «Сопрестольник Деметры, гремящий в медь». (Пиндар. *Вакхилид*. Оды. Фрагменты. М., 1980. С. 176)

³⁷¹ Ср. перевод Ф. Ф. Зелинского: «Многозванный, краса и любовь Кадмейской девы, // Зевса семя, молнии сын! Тобой Италия полна, // Ты Элевси-на славишь // Луг святой, народов приют // На лоне Деметры сия» (*Софокл*. Драмы. М., 1990. С. 161.)

³⁷² Бог, Якш, Церера и Кора (*лат.*).

³⁷³ *Антиной* — юноша, любимец императора Адриана II (76–138; император с 117), утонул в 130 г. В его честь Адриан основал г. Антинополь, там был сооружен храм Антиноя, стояли его статуи и чеканились монеты.

³⁷⁴ Антиной, сидящий рядом с двумя египетскими богами, и т. д. (*древнегреч.*).

Размышление о том, что великая мощь, соединенная с великой умеренностью, может совершить для счастья человечества

Статья была написана и анонимно опубликована отдельной брошюрой по-французски: *Pensée sur ce qu'une Grande puissance unie a une Grande modération peut effectuer pour le bonheur de l'humanité*. SPb., 1813. Время ее написания — не позже первой декады декабря 1812 г., так как цензурное разрешение было дано 13 декабря 1812 г. «Размышление» вплоть до недавнего времени не привлекало внимания исследователей и было введено в научный оборот М. Майофис. Исследовательница показала место этой статьи среди множества европейских проектов вечного мира (от позднего Возрождения и до начала XIX в.). По ее мнению, «трактат Уварова радикально отличается от сочинений всех его предшественников, писавших о проблеме “вечного мира”, своей ориентацией на скорейшее воплощение и — более того — обоснованием своевременности его реализации именно в данный исторический момент» (*Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 79).

Печатается по единственной публикации в переводе В. С. Парсамова.

- ³⁷⁵ *Сен-Пьер* (Saint-Pierre) Шарль-Ирене Кастель (1658–1743) — аббат, французский публицист, дипломат, член Академии с 1695 г., автор «Проекта вечного мира» (1713) и «Рассуждения о полисинодии» (1718). В последнем сочинении осудил Людовика XIV за несправедливые войны и за отмену Нантского эдикта. За это был исключен из Академии. Ввел во французский язык слово «bienfaisance» (благотворительность).
- ³⁷⁶ *Тит* (Titus) Флавий Веспасиан, в отличие от отца, своего полного тезки (Веспасиана), вошедший в историю под личным именем Тит — римский император (79–81). Согласно преданию, народ назвал Тита «любовью и утешением человеческого рода». Годы правления Тита характеризуются согласием между сенатом и императором. В сенаторской традиции считался одним из лучших императоров. Светоний писал: «Когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день!»» (*Гай Светоний Транквил.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 204).
- ³⁷⁷ *Кир* (شوروی) II Великий (590–530 до н. э.) — персидский царь в 558–530 гг. до н. э., основатель персидской империи Ахеменидов.
- ³⁷⁸ *Александр* (Ἀλέξανδρος) III Македонский (356–323 до н. э.) — македонский царь с 336 до н. э. из династии Аргеадов, великий полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. В европейской традиции обычно именуется Александром Великим.
- ³⁷⁹ *Юлий* (Iulius) Гай Цезарь (100/102–44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.
- ³⁸⁰ *Октавиан* (Octavianus) Гай Юлий Цезарь Август (63 до н. э. – 14 н. э.) — римский политический деятель, первый император Рима, основатель принципата, Великий понтифик с 12 г. н. э. Обладатель титула «Отец отечества» со 2 г. до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании.
- ³⁸¹ *Карл I Великий* (Charlemagne) (747–814) — король франков с 768 г. (в южной части с 771), король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., римский император с 800 г.
- ³⁸² *Чингисхан* (ок. 1162–1227) — краткий титул монгольского хана Темуджина (Тэмүүжин) из рода борджигинов племени монголов, объединившего разрозненные монгольские племена. Великий полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию

и Восточную Европу. Основатель Монгольской империи и её первый великий каган.

- ³⁸³ *Тамерлан* (تيمور) Амир Темур, «Железный хромец» (1336–1405) — один из великих мировых завоевателей, сыгравший заметную роль в истории Средней Азии и Кавказа.
- ³⁸⁴ *Гоббс* (Hobbes) Томас (1588–1679) — английский философ, создатель первой законченной системы механистического материализма. В интерпретации Гоббса государство, которое он уподоблял библейскому чудовищу Левиафану, есть результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех». Поэтому задача государства — обеспечить мир и всеобщую безопасность.
- ³⁸⁵ Третейский суд, разбиравший спорные вопросы внутри амфикиссии — союза греческих племен, живших по соседству со святилищем общего высшего божества, и решавших вопросы его совместной защиты и жертвоприношений.
- ³⁸⁶ *Григорий* (Gregorius) VII (1020/1025–1085) — папа римский с 1073 по 1085 г., вел борьбу с германскими императорами за политическое преобладание в Западной Европе. Одного из них — Генриха IV — принудил явиться к себе с покаянием в тосканскую крепость Каносса. В конце жизни был изгнан из Рима и умер в изгнании.
- ³⁸⁷ Подробнее об этом Уваров говорил в своей «Речи <...> в торжественном собрании главного педагогического института 22 марта, 1818».
- ³⁸⁸ *Флеури* (Fleury) Андре Эрколь де (1653–1743) — французский государственный деятель, в 1726–1743 гг. фактически первый министр при Людовике XV, член Французской академии с 1717 г., Академии наук с 1721 г. и Академии надписей и художественной литературы с 1725 г. Его внешнеполитическая деятельность была отмечена стремлением к общеевропейскому миру и стабильности.
- ³⁸⁹ Со времени правления императора Диоклетиана (284–305) во главе Римской империи почти всегда стояли два императора с титулами августов (их соправители носили титул цезарей).
- ³⁹⁰ *Макиавелли* (Machiavelli) Никколо (1469–1527) — итальянский мыслитель, писатель и политический деятель, занимал во Флоренции пост государственного секретаря. В историю политической мысли вошел как автор трактата «Государь» (написан в 1513 г., опубликован в 1532 г.), в котором

описываются свойства и методы правления идеального, с точки зрения автора, правителя. Основной принцип политики, в представлении Макиавелли, — цель оправдывает средства.

³⁹¹ Имеется в виду философский трактат прусского короля Фридриха II, написанный в 1739–1740 гг. и направленный против «Государя» Макиавелли. Фридрих критикует сочинение Макиавелли за его аморализм. Прагматичному правителю, стоящему вне морали, прусский король противопоставляет просвещенного монарха, пекущегося о благе и процветании своих подданных.

³⁹² Имеется в виду древнегреческий миф о дочери Аргосского царя Акризия, которую Зевс оплодотворил, обернувшись золотым дождем (в результате чего был рожден герой Персей).

³⁹³ Имеется в виду трактат Ж. Ж. Руссо «Суждение о вечном мире» (1761), представлявший собой разбор книги Сен-Пьера о вечном мире.

³⁹⁴ В рус. переводе: «...всегда противоположны интересам народа и почти всегда — интересам государя?» (Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969. С.146).

³⁹⁵ *Кольбер* (Colbert) Жан-Батист (1619–1683) — французский государственный деятель, интендант финансов при Людовике XIV, боролся на этом посту с финансовыми злоупотреблениями. Преследуя высокопоставленных коррупционеров, сумел вернуть казне 110 млн ливров. Проводил жесткую финансовую политику — в частности, за счет повышения налогов и насильственного изъятия ранее подаренных государственных земель вельможам. Способствовал оживлению французской торговли и развитию промышленности, отменил внутренние таможи, проводил политику протекционизма. Много сделал для развития французского военного флота, издал для него инструкцию, ввел матросскую повинность, увеличил число военных судов до 300. Проводил политику попечения о развитии искусств и наук. По его инициативе были основаны Академия надписей (1663), Академия наук (1666), Академия пластических искусств (1667), Академия музыки (1671). Однако, многие внутривластные начинания Кольбера приходили в противоречие с воинственной внешней политикой Людовика XIV, разорявшей страну.

³⁹⁶ *Лувау* (Louvois) де Франсуа-Мишель (1641–1691) — маркиз, французский государственный деятель, военный министр Людовика XIV, его советы оказывали большое влияние на внешнюю политику Франции. Лувау отличался кипучей энергией, лично разрабатывал военные операции, вмешивался в дела командующих армиями, всячески поощрял завоевательную

политику Людовика XIV, направленную на расширение границ Франции. Лувуа был главным соперником Кольбера. Оба министра интриговали друг против друга, но в итоге в немилость короля впал Кольбер (независимо до смерти).

Сравнивая Кольбера и Лувуа, Уваров имеет в виду два пути развития государства: торгово-промышленный и военный.

- ³⁹⁷ Имеется в виду историософский трактат Вольтера « Опыт о нравах и о духе народов » (1756).
- ³⁹⁸ Династия португальских королей, правившая с 1640 по 1910 г. В 1808 г., после вторжения наполеоновских войск в Португалию, королевская семья со всем двором уехала в Бразилию, тогда — португальскую колонию.
- ³⁹⁹ Имеются в виду планы Наполеона относительно Англии: континентальная блокада (Берлинский декрет 21 ноября 1806 г.), запрещавшая всем зависимым от Франции государствам торговые отношения с Англией, имевшая целью разрушить английскую экономику; Булонский военный лагерь, созданный Наполеоном в 1801 г. на берегу Ламанша с целью подготовки вторжения в Англию; совместный проект Наполеона и Павла I (1800) идти сухопутным путем в Индию, чтобы лишить англичан их колонии.
- ⁴⁰⁰ *Сен-Ламбер* (Saint-Lambert) де Жан-Франсуа (1716–1803) — французский поэт и философ, член Французской академии. Уваров цитирует его трехтомное сочинение («Нравственные принципы народа или Всеобщий катехизис»), в котором автор пытался доказать, что пороки и добродетели есть всего лишь условности, принятые каждым народом.
- ⁴⁰¹ Имеется в виду бомбардировка Копенгагена, с которой началась англо-датская война 1807–1814 гг. Со 2 по 5 сентября 1807 г. английский флот вел массированный обстрел датской столицы, в ходе которого погибло не менее 2000 жителей, и было разрушено каждое третье здание. Эта бомбардировка, имевшая превентивный характер (т. к. Дания до того момента сохраняла нейтралитет в англо-французском военном противостоянии), вызвала бурю возмущения европейской общественности.
- ⁴⁰² В 209 г. до н. э. римский полководец Максим Фабий в ходе Второй Пунической войны взял город Тарент. Описывая это событие, Плутарх сообщает: «Погибли и многие тарентинцы; тридцать тысяч горожан были проданы в рабство, город разграблен войском; в казну поступило три тысячи талантов. Говорят, что в самый разгар грабежа писец спросил Фабия, что делать с богами (он имел в виду картины и статуи). «Оставим тарентинцам

их разгневанных богов», — ответил Фабий» (*Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 241).

- ⁴⁰³ *Франклин* (Franklin) Бенджамин (1706–1790) — американский ученый, писатель, публицист, политический деятель, один из лидеров войны за независимость США. В 1789 г. стал первым американцем, избранным в Российскую Академию наук.
- ⁴⁰⁴ *Хау* (Howe) Ричард (1726–1799) — британский адмирал, лорд, граф, сочувствовал американским колонистам и Б. Франклину в их борьбе за независимость.
- ⁴⁰⁵ Т. е. *Фридрих II*, король Пруссии с 31 мая 1740 г., слывший просвещенным монархом, философом на троне.
Сан-Суси (от *фр.* sans souci — без забот) — дворец в стиле рококо, возведенный в качестве летней резиденции Фридриха в одноименном парке Потсдама в 1745–1747 гг.
- ⁴⁰⁶ *Бриссо* (Brissot) Жак Пьер (1754–1793) — французский революционер, публицист, глава партии жирондистов, один из главных идеологов революционных войн против европейских монархий.
- ⁴⁰⁷ Имеются в виду участники контрреволюционного движения (поддерживаемые англичанами), охватившего французскую провинцию Вандея в конце XVIII — начале XIX в.
- ⁴⁰⁸ *Фокс* (Fox) Чарльз Джеймс (1749–1806) — английский политический и государственный деятель, занимал различные министерские должности, в том числе трижды (1782, 1783 и 1806) был министром иностранных дел, возглавлял партию вигов. Противник рабства, сторонником войны за независимость США, поддерживал идеи Французской революции, главный оппонент Уильяма Питта Младшего.
- ⁴⁰⁹ «Монитор» («*Moniteur Universel* или *Gazette Nationale*») — официальная правительственная газета, выходившая во Франции с 1789 по 1865 г.
- ⁴¹⁰ *Керсен* (Kersaint) де Арман Пюи (1742–1793) — граф; французский революционер. Начинал карьеру как военный моряк, во время революции член Национального конвента, жирондист, занимался реформой морского флота. Выступал против казни короля, предлагал ограничиться его заточением. Не поддержанный большинством, подал в отставку, что вызвало острую полемику монтаньяров и жирондистов. Уйдя из политики,

скрывался от террора, но был обнаружен в октябре 1793 г. и в декабре гильотинирован.

- ⁴¹¹ *Монж* (Monge) Гаспар (1746–1818) — французский математик, геометр, гидравлик, в годы Французской революции был сначала членом комиссии установления новой системы мер и весов, а в 1792–1793 гг. занимал пост морского министра.
- ⁴¹² *Гренвиль* (Grenville) Уильям, (1759–1834) — барон, британский политический и государственный деятель, во время Французской революции был министром иностранных дел, возглавлял партию сторонников военной интервенции против Франции, в 1806–1807 гг. — премьер-министр.
- ⁴¹³ *Филипп II* (1527–1598) — император Священной римской империи из династии Габсбургов, с 1554 г. король Неаполя и Сицилии, с 1556 г. король Испании и Нидерландов, с 1580 г. король Португалии, был прозван Благоразумным. Жестокая политика по отношению к кальвинистам Нидерландов, проводимая его наместниками, стала причиной вооруженного восстания. В 1581 г. Генеральные штаты в Гааге объявили Филиппа лишенным нидерландских владений и провозгласили независимость своей республики.
- ⁴¹⁴ Имеется в виду итог войны за испанское наследство 1700–1713 гг., когда французский король Людовик XIV вынужден был под давлением коалиции европейских держав признать отречение своего внука (испанского короля Филиппа V) от французского престола, что исключало объединение Франции и Испании под одной короной.
- ⁴¹⁵ Имеется в виду Ж. Ж. Руссо, идеализировавший «дообщественную» стадию в истории человечества.
- ⁴¹⁶ Готтентоты — племя, населяющее мыс Доброй Надежды. Ирокезы — общее название индийских племен, обитавших в северо-восточной части Северной Америки.
- ⁴¹⁷ Далее следует цитата из сочинения Канта о вечном мире. См.: *Кант И.* К вечному миру // *Трактаты о вечном мире.* СПб., 2003. С. 212–222.
- ⁴¹⁸ Как допущение (*лат.*).
- ⁴¹⁹ Как положение (*лат.*).

- ⁴²⁰ *Мирабо* (Mirabeau) де Габриель Оноре Рикетти (1749–1791) — французский политический и государственный деятель, публицист, революционер, выдающийся оратор.
- ⁴²¹ *Леонид I* (Λεωνίδας) (508/507–480 до н. э.) — царь Спарты из рода Агидов, правивший в 491–480 до н. э., обессмертил себя последним в своей жизни сражением при Фермопилах, где в течение двух дней с 6 000 греков, (из которых 300 были спартанцами) сдерживал наступление персидского царя Ксеркса.
- ⁴²² *Сципион* (Scipio) Корнелий Эмилиан Младший (185–129 до н. э.) — римский военный, государственный и культурный деятель, в 147 г. до н. э. возглавил войска, сражавшиеся за Карфаген, который был им разрушен в 146 г. до н. э.
- ⁴²³ *Ганнибал* Барка (247–183 до н. э.) — величайший карфагенский полководец. По свидетельству историка Полибия, отец Ганнибала Гамилькар Барка, когда тому было всего девять лет, заставил его принести клятву, что он никогда не будет другом римлян (*Полибий*. Всеобщая история. Т. 1. М., 2004. С.174–175.)
- ⁴²⁴ *Генрих IV* (1553–1610) — король Наварры (1572–1610) и Франции (1589–1610). Уваров цитирует «Генриаду» Вольтера. Ср. разбор Н. М. Карамзина русского перевода вольтеровской поэмы, сделанного Н. Н. Голицыным: «В четвертом стихе г. переводчик вздумал выразить пропущенное им во втором, т. е. что Генрих был наследник французской короны; но для сего он должен пропустить весь четвертый стих оригинала, где сказано в похвалу короля, что он умел *побеждать и прощать*». (*Карамзин Н. М. Сочинения*: В 2-х тт. Т. 2. Л., 1984. С. 21.)
- ⁴²⁵ Генрих IV уже после провозглашения королем Франции вынужден был завоевывать свое королевство, так как значительная часть населения страны, католики, не желали видеть на троне короля-протестанта. На протяжении пяти лет Генрих осаждал Париж и взял город только после того, как отрекся от протестантизма и перешел в католичество.
- ⁴²⁶ *Гораций Коклес* — легендарный римский герой VI в. до н. э. Тит Ливий описывает эпизод, когда Гораций один сдерживал натиск этрусков на свайном мосту через Тибр, пока остальные воины разрушали мост, «а когда мост рухнул, то в оружии бросился в реку и переплыл к своим». (*Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 71–72; Т. 3. М., 1994. С. 558.)

- ⁴²⁷ *Густав II Адольф* (Gustav II Adolf) (1594–1632) — король Швеции (1611–1632), его правление считается одной из наиболее блестящих страниц в истории страны.
- ⁴²⁸ Имеется в виду тридцатилетняя война (1618–1648) и завершивший ее Вестфальский мир, по которому Швеция закрепила на побережье Балтийского и Северного морей. Вестфальский мир, подписанный в двух городах Вестфалии — Оснабрюке и Мюнстере, положил начало общеевропейским конгрессам и определил границы национальных государств, ставших основой для всех последующих международных переговоров вплоть до Французской революции.
- ⁴²⁹ *Максимилиан I* (Maximilian) (1459–1519) — император Священной римской империи с 1493 г., австрийский эрцгерцог, король Германии, проводил политику усиления габсбургской династии в Центральной Европе. Стремился объединить Германию и сделать ее центром Империи. Однако его попытки сформировать единую исполнительную власть и армию потерпели неудачу из-за противодействия германских князей, вынудивших Максимилиана провести так называемую «имперскую реформу». В результате были созданы общеимперские суды и административные учреждения, не нарушавшие суверенитета отдельных княжеств.
- ⁴³⁰ По мнению М. Майофис, имеется в виду «пруссский государственный деятель барон Штейн, который по приглашению Александра I находился с весны 1812 году в России, много и тесно общался с Уваровым, а в 1813-м, вслед за войсками отправился в Германию и стал главным организатором и антифранцузской пропаганды, и объединения национальных сил». (*Майофис М.* Указ. соч. С.81.)
- ⁴³¹ Имеется в виду сражение, произошедшее 27 июля 1214 г. при Бувине (Фландрия) между войсками французского короля Филиппа II Августа и войсками англо-фламандско-немецкой коалиции, возглавляемой императором Священной Римской империи Оттоном IV. Французы одержали победу.
- ⁴³² *Ликург* (Λυκοῦργος) (между IX и первой половиной VII в. до н. э.) — легендарный законодатель древней Спарты, которому приписывается образование спартанского гражданского устройства.
- ⁴³³ Имеется в виду И. Кант. Далее следуют цитаты из его трактата «К вечному миру». (См.: Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 223–240.)
- ⁴³⁴ Да восторжествует правосудие, хоть ценой всего мира (*лат.*).

⁴³⁵ Бедам не сдавайся, но против них шествуй отважно (*лат.*). Цитата из «Энеиды» Вергилия (VI, 95).

О преподавании истории относительно к народному воспитанию

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на русском и французском языках: О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813 и *De l'enseignement de l'Histoire appliquée à l'éducation populaire*. SPb., 1813.

В этой статье автор исходит из необходимости непрерывного преподавания истории на всех ступенях образования, начиная с изучения главных событий Священной истории в начальной школе и кончая философским осмыслением исторического процесса в старших классах гимназии. Важность истории для Уварова определяется ее политическим и идеологическим значением. С одной стороны, история помогает человеку лучше ориентироваться в окружающем его мире, и в этом смысле она — «свет истины», «жизнь памяти», но, с другой стороны, преподающий историю должен все время иметь в виду «главную цель правительства» и в этом отношении он «делается прямо орудием правительства и исполнителем его высоких намерений». Такое противоречие весьма характерно для Уварова, понимающего цену научной истины, но готового в любой момент перейти от ее поиска к формулированию удобной правительству идеологической догмы.

Текст печатается по первому русскоязычному изданию.

⁴³⁶ В начале XIX в. в России формируется многоступенчатая система образования. Вся империя делилась на шесть учебных округов, во главе которых должны были стоять университеты. Каждый губернский город должен был иметь свою гимназию, находящуюся в ведении университета, каждый уезд — свое уездное училище, находящееся в ведении гимназии, каждый приход — свою школу, находящуюся в ведении уездного училища. Учебная программа соединяла различные уровни образования, делаю его непрерывным. Второй класс приходской школы был первым классом уездного училища, к нему добавлялись еще три класса, два последних (третий и четвертый) являлись первым и вторым классом гимназии, к которым прибавлялось еще два. Таким образом, среднее образование, включающее в себя уездное училище и гимназию, было семилетним. Преподавание должно было быть бесплатным и доступным всем сословиям. (*Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1905. Т. 2. Ч. 2. С. 280–282.)

⁴³⁷ *Тацит* (Tacitus) Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 117 н. э.) — древнеримский историк и писатель.

- ⁴³⁸ *Щербатов* Михаил Михайлович (1733–1790) — князь, историк, публицист, общественный деятель. Автор семитомной «Истории Российской от древнейших времен» (1767–1790). «История» осталось незаконченной и оборвалась на 1610 г., автор же собирался довести ее до начала царствования Петра I.
- ⁴³⁹ *Карамзин* Николай Михайлович (1766–1826) — писатель, журналист, историк, в то время работал над «Историей Государства Российского».
- ⁴⁴⁰ Пирронизм — здесь: крайняя степень скептицизма.
- ⁴⁴¹ *Робертсон* (Robertson) Вильям (1721–1793) — шотландский историк. Свою деятельность начинал как пастор, с 1761 г. — профессор теологии в Эдинбургском университете, с 1764 г. — королевский историограф Шотландии, автор «History of Scotland during the reigns of Queen Mary and King James VI» (1759), «History of the reign of the emperor Charles V» (1769, рус. пер.: «История о государствовании императора Карла V и проч.», СПб., 1775), «History of America» (1777).
- ⁴⁴² *Герен* (Геерен) (Heeren) Арнольд Герман Людвиг (1760–1842) — немецкий ученый, профессор философии и истории в Гёттингенском университете. Глубинный смысл государственного строя и гражданского быта древних народов видел в торговых отношениях между ними
- ⁴⁴³ *Роллен* (Rollin) Шарль (1661–1741) — французский историк и педагог, автор «Древней истории» (1730–1738) и «Римской истории» (1738–1741). Труды Роллена отличаются компилятивностью изложения, занимательностью повествования и легкостью слога.

Надгробное слово Моро

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на французском языке без указания авторства: *Eloge funèbre de Moreau*. SPb., 1813. Сокращенный русский перевод под названием «Историческое известие о Моро, извлеченное из нового сочинения» был опубликован в «Вестнике Европы» (1814. Ч. 78. № 1–2). Брошюра также была издана по-английски (*Funeral Oration Pronounced in Honor of Moreau*. New York–Boston, 1814) и по-немецки (*Freie Rede auf Moreau*. Riga, 1814). После отречения Наполеона была опубликована также и во Франции на страницах «*Moniteur Universel*». Этой статье Уваров придавал важное идеологическое значение. Речь шла не просто о дани памяти французскому военачальнику, погибшему на поле сражения против Наполеоновской армии, а о создании мифа о революци-

онном генерале, сумевшем подняться выше своих политических заблуждений и узко понимаемого патриотизма и стать в ряд истинных защитников интересов Франции против Наполеона. По верному замечанию Ц. Х. Виттекер, «Уваров видел в истории Моро отображение судеб эпохи: необдуманый революционный порыв, моральное очищение от ужасов революции, наконец, осознание несправедливости революции и возвращение на путь истинный, указуемый рукой Провидения. Моро понял свою ошибку и оставил республиканские мечты. После 1812 г. он занял правильную, с точки зрения Уварова, политическую позицию». (*Виттекер Ц. Х. Указ. соч. С. 54.*)

Близкую к Уварову позицию в этом вопросе занял «Сын отечества», одним из первых откликнувшийся на смерть Моро: «Генерал Моро скончался 21 Августа ст. ст. Он вытерпел с удивительным хладнокровием и мужеством отнятие обеих ног, но — потом не имел довольно сил к перенесению жестокой боли, которую не многим удастся пережить. Потеря сего великого человека весьма чувствительна, особливо в нынешних обстоятельствах. Он явился в виде гения-спасителя, который долженствовал примирить Францию со всею раздраженною Европою, и исчез с позорища славы и чести. Мы лишились в нем храброго, искусного Генерала, а Французы потеряли в нем надежду, в скором времени без труда освободиться от постыдного и тягостного ига. Но пути Провидения неисповедимы! Может быть, Французы еще недовольно пострадали за все свои неистовства, и потому минута их освобождения снова отложена на неизвестное время». (*Сын отечества. 1813. Ч. 8. № 37. С. 206.*)

Брошюра Уварова обратила на себя внимание также мастерством литературного изложения. Н. И. Тургенев писал брату С. И. Тургеневу: «От Уварова Stein получил его *Eloge de Moreau* и давал мне читать. И я нашел, что эта пьеса написана подлинно мастерски: некоторые дипломаты сего не находят; но как бы там ни было, сами они так не напишут». (*Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 116.*)

Печатается по первой публикации в переводе В. С. Парсамова.

⁴⁴⁴ Сияет незапятнанной красой (*лат.*). Цитата из Горация (Оды III, 2, 18).

⁴⁴⁵ Имеется в виду сражение между французской армией под командованием Моро и австро-баварской под командованием эрцгерцога Иоанна, состоявшееся 3 декабря 1800 г. при деревне Гогенлинден (Бавария). Союзники были разбиты наголову, лишились почти всей артиллерии и понесли еще большие потери во время отступления. Следствием этого сражения стало подписание Люневильского мирного договора между Францией и Австрией (9 февраля 1801).

⁴⁴⁶ Комитет общественного спасения — высший орган революционной Франции, существовавший с 6 апреля 1793 г. по 26 октября 1796 г. С июля

1793 по июль 1794 г. Комитет проводил политику революционного террора. Уваров имеет в виду термидорианский переворот, в ходе которого крайние террористы Ж. Н. Бийо-Варенн и Ж. М. Колло д'Эрбуа, объединившись с умеренными Л. Н. М. Карно и Б. Барером, свергли стоящих во главе Комитета М. Робеспьера, Л. А. Сен-Жюста и Ж. Кутона, после чего функции Комитета были значительно сужены и фактически ограничены военной и дипломатической сферами.

- ⁴⁴⁷ *Ксенофонт* (Ξενοφῶν) (не позже 444 до н. э. — не ранее 356 до н. э.) — древнегреческий писатель, историк, военный и политический деятель.
- ⁴⁴⁸ Имеется в виду знаменитое сорокадневное отступление Моро, стоявшего во главе Рейн-мозельской армии, во время кампании 1796 г. через Шварцвальдские теснины к Рейну. Это отступление явилось следствием разгрома австрийцами Самбр-маасской армии Ж. Б. Журдана, взаимодействовавшей с армией Моро.
- ⁴⁴⁹ Прелиминарный мирный договор был подписан в Леодене (Австрия) 7 и 18 апреля 1797 г. Он предшествовал заключению Кампо-Формийского мирного договора между Францией и Австрией (17 октября 1797 г.).
- ⁴⁵⁰ Директория — высший исполнительный орган власти во Франции с 27 октября 1795 по 9 ноября 1799 г., образованный в соответствии с Конституцией III года Республики (1795) и состоявший из 5 директоров.
- ⁴⁵¹ Имеется в виду так называемый антироялистский государственный переворот, совершенный 18 фрюктидора (4 сентября 1797) тремя членами директории, П. Барассом, Ж. Ф. Ребелем и Л. М. Ларевьерьером-Лепо, против двух, Л. Карно и Ф. Бартеlemi, а также умеренных и роялистов, входивших в Совет пятисот и Совет старейшин. Этот переворот, поддержанный армией, означал усиление исполнительной власти за счет законодательной.
- ⁴⁵² 21 апреля 1799 г. Моро был назначен главнокомандующим Итальянской армии. Это назначение было связано с военными успехами русской армии под командованием А. В. Суворова.
- ⁴⁵³ *Шерер* (Schérer) Бартеlemi Луи Жозеф (1747–1804) — французский военачальник австрийского происхождения, командующий революционными армиями, в 1795 г. командующий итальянской армией, в марте 1796 г. сменил на этой должности Наполеоном Бонапартом, с июля 1797 по январь 1799 г. — военный министр, с января 1799 г. — снова во главе Итальянской армии, в апреле 1799 г. сменил Моро.

- ⁴⁵⁴ *Жубер* (Joubert) Бартелеми Катрин (1769–1799) — французский полководец, командующий революционными армиями, начал служить в 1791 г., за отличие в итальянской кампании (1796) произведен в дивизионные генералы, в 1798 г. главнокомандующий Голландской, затем Мейнцской и, наконец, Итальянской армиями, погиб в сражении при Нови 15 августа 1799 г.
- ⁴⁵⁵ 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. во Франции был совершен государственный переворот, лишивший Директорию власти и создавший Временное правительство во главе с Наполеоном Бонапартом.
- ⁴⁵⁶ *Тюренн* (Turenne) Анри де Ла Тур д'Овернь (1611–1675) — виконт, французский полководец, маршал Франции (1643) и главный маршал Франции (1660).
- ⁴⁵⁷ Имеется в виду принц де Конде (Condé) Людовик II де Бурбон-Конде (1621–1686) — французский полководец, участник Тридцатилетней войны. Уваров упоминает его победу при Рокруа (Шампань) над испанской армией 19 мая 1643 г., составившую эпоху в истории военного искусства.
- ⁴⁵⁸ *Аристид* (Ἀριστοίδης) Справедливый (540–467 до н. э.) — афинский государственный и военный деятель, был стратегом в битве при Марафоне (490 до н. э.), в 483 г. до н. э. предан остракизму и изгнан из Афин, в 480 г. до н. э. вернулся, командовал войсками афинян в битве при Платеях (476 г. до н. э.), основал Делосский союз, открыл всем гражданам доступ к общественным должностям, умер в бедности.
- ⁴⁵⁹ *Сократ* (Σωκράτης) (ок. 469–399 до н. э.) — великий древнегреческий философ, знаток человеческой психологии. Был приговорен к смерти за «развращение молодежи» и «непочитание богов». Как свободный афинский гражданин, не был подвергнут казни, а сам принял яд.
- ⁴⁶⁰ *Пишегрю* (Pichegru) Шарль (1761–1804) — французский военный и политический деятель, дивизионный генерал (1793), командующий Северной (1794), Рейнской и Рейнско-Мозельской (1795) армиями, перешел на сторону контрреволюции, в 1797 г. был выбран в члены, потом в председатели Совета пятисот, где, опираясь на роялистское большинство, выступал против Директории. 18-го фрюктидора был арестован и сослан в Кайенну, в 1798 г. бежал в Англию, а затем в Пруссию, вынашивал планы возвращения Бурбонам французского престола. В 1804 г. пробрался в Париж, чтобы в сообществе с Ж. Кадудалем свергнуть первого консула Бонапарта, но, преданный в руки правительства, был посажен в тюрьму и найден в ней мертвым (по официальной версии покончил жизнь самоубийством).

- ⁴⁶¹ *Бартелеми* (Barthélemy) Франсуа (1747–1830) — французский государственный деятель, дипломат, был посланником в Швеции, впоследствии в Англии и в Швейцарии, член Директории, после переворота 18 фруктидора (4 сентября) 1797 г. заключен в тюрьму и вместе с Пишегрю сослан в Синамари (Гвинея), бежал в Англию. После переворота 18 брюмера вернулся во Францию, получил назначение вице-президентом Сената и графское достоинство. В 1802 г. стоял во главе сенатской делегации, предложившей Бонапарту пожизненное консульство. Во время первой реставрации стал пэром Франции и командором ордена Почетного легиона, но по возвращении Наполеона с острова Эльба был лишен пэрства. Во время второй реставрации назначен министром и получил титул маркиза.
- ⁴⁶² Имеется в виду *Кадудаль* (Cadoudal) Жорж (1769–1804) — один из вождей шуанов во время Французской революции, сын бретонского мельника, преданный Бурбонам, духовенству и дворянству. В 1804 г. прибыл в Париж с целью покушения на первого консула Наполеона Бонапарта, был арестован и приговорен к смертной казни.
- ⁴⁶³ Имеется в виду сражение при Левктрах (Беотия) в 371 г. до н. э., в котором фиванское войско под командованием Эпаминонда разгромило считавшееся непобедимым спартанское войско.
- ⁴⁶⁴ Имеется в виду сражение при Марафоне (северо-восточное побережье Аттики), произошедшее в 490 г. до н. э., в котором афинское войско под командованием Мильтиада разгромило персидскую армию под предводительством Артаферна и Датиса.

Император Всероссийский и Бонапарте

Статья впервые была опубликована в виде отдельной брошюры на русском и французском языках: Император всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814 и L'Empereur Alexandre et Buonaparte. SPb., 1814. Время ее написания — весна — начало лета 1814 г. (не раньше апреля, когда во Франции вышла в свет брошюра Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» и не позже июня — цензурное разрешение получено 19 июня).

Этой работой автор продолжает серию политических очерков, претендующих на формулирование официальной внешнеполитической доктрины России. Поводом к написанию послужил выход указанной брошюры Шатобриана, в которой автор, по его собственным словам, «очертя голову ввязался в бой за возрождающуюся свободу против еще не сломленной тирании, чьи силы отчаяние лишь утроило». Политическим идеалом Шатобриана была

«законная монархия», и он связывал ее установление во Франции с возвращением Бурбонам престола: «Я рассказал французам о древнем королевском роде, исчислил членов этого рода, обрисовал их характеры: с тем же успехом я мог перечислить детей китайского императора: завладев настоящим, Республика и Империя оттеснили Бурбонов в прошлое. Людовик XVIII объявил, как я уже не раз говорил, что моя брошюра принесла ему больше пользы, чем сотысячная армия; он мог бы добавить, что она засвидетельствовала само его право на престол». (*Шатобриан Ф. Р.* Замогильные записки. М., 1995. С. 262.)

Если у Шатобриана речь идет о положении во Франции, то Уваров говорит о положении в Европе в целом. Подобно тому, как внутри страны незаконный режим Наполеона должен смениться законным правлением Бурбонов, в Европе тираническое господство Наполеона должно быть заменено преобладающей ролью Александра I и России. По справедливому замечанию М. Майофис, «Уваров провозгласит не только ведущую политическую роль России в международных отношениях, но и громогласно утвердит ее в качестве главного источника обновления». (*Майофис М.* Указ. соч. С. 89.) Всемирной монархии, к которой стремился и которую уже почти установил Наполеон («Всемирная монархия быстро приближалась»), автор противопоставляет Европейскую республику, которая готовится «выйти из хаоса и утвердить вновь свое основание». Характерно, что Александр предстает как носитель республиканского начала, утверждающего равенство и в то же время единство европейских государств. Если понятие всемирной монархии связывается с завоеванием и порабощением, то понятие европейской республики связывается с идеями мира и свободы.

Публикуется по первому русскоязычному изданию.

⁴⁶⁵ *Шатобриан* (Chateaubriand) де Франсуа Рене (1768–1848) — французский писатель-романтик и дипломат. В данном случае имеется в виду его брошюра «О Бонапарте и Бурбонах».

⁴⁶⁶ *Агамемнон* — мифический царь Микен, сын Атрея и Аэропы, возглавил поход греческих вождей против Трои, получив в связи с этим титул «царя царей». Со времен заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Александра I нередко называли Агамемноном.

⁴⁶⁷ 14 июня 1800 г. при Маренго (Северная Италия) Наполеон одержал над австрийцами одну из самых значительных своих побед.

⁴⁶⁸ Пожизненным консулом Наполеон избран 1 августа 1802 г. в результате всенародного плебисцита.

- ⁴⁶⁹ Титул императора французов Наполеон принял 18 мая 1804 г. Всенародный плебисцит по этому вопросу был проведен лишь осенью, а 2 декабря Наполеон короновался в Соборе Парижской богородицы.
- ⁴⁷⁰ Наполеон стал королем Италии весной 1805 г. В марте депутация Цизальпийской республики поднесла ему корону, а в апреле он короновался в Милане.
- ⁴⁷¹ Имеется в виду союз германских князей, вышедших под давлением Наполеона из состава Священной Римской империи. Договор о создании союза был подписан 12 июля 1806 г. шестнадцатью южно- и западногерманскими княжествами, образовавшими конфедерацию под патронажем Наполеона. Образование Рейнского союза привело к формальному распаду Священной Римской империи.
- ⁴⁷² *Герцог Энгиенский* (duc d'Enghien) Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде (1772–1804) — принц, потомок французских Бурбонов из ветви Конде, расстрелян 21 марта 1804 г. во рву Венсенского замка (предместье Парижа) по ложному обвинению в антинаполеоновском заговоре. Это событие потрясло всю Европу и вызвало дипломатические протесты европейских держав. Особенно резкая реакция последовала со стороны Петербурга, поскольку с царской семьей герцога связывали личные отношения.
- ⁴⁷³ Сражение при Аустерлице, вошедшее в историю как «битва трех императоров», произошла 2 декабря 1805 г. между русскими и австрийскими войсками, с одной стороны, и наполеоновской армией, с другой. На поле сражения присутствовали три императора: Наполеон I, Александр I и Франц II. Битва, закончившаяся полным разгромом союзных армий, стала одной из наиболее ярких побед Наполеона.
- ⁴⁷⁴ Пресбургский мирный договор был заключен 26 декабря 1805 г. по итогам Аустерлицкого сражения между Францией и Австрией, в Пресбурге (Братислава). Согласно условиям договора, Австрия делала Наполеону ряд важных территориальных уступок в Италии и лишалась всех своих владений к западу от Каринтии. Фактически это означало конец австрийского преобладания в Священной Римской империи, подготавливало ее роспуск в 1806 г.
- ⁴⁷⁵ Имеется в виду двойное генеральное сражение, состоявшееся одновременно 14 октября 1806 г. между армией Наполеона I Бонапарта и прусскими войсками около населенных пунктов Йена и Ауэрштедт, в котором Пруссия потерпела сокрушительное поражение. Следствием этого разгрома стала полная деморализация прусского правительства и его отказ от продолжения борьбы.

- ⁴⁷⁶ *Людовик Фердинанд* (Louis Ferdinand) (1772–1806) — прусский принц, племянник Фридриха II Великого, двоюродный брат короля Фридриха Вильгельма II. Военачальник, сражался против революционной Франции, погиб 10 октября 1806 г. в сражении при Салфельде против французского корпуса маршала Ж. Ланна.
- ⁴⁷⁷ Сражение при Пултуске состоялось 26 декабря 1806 г. между наполеоновскими войсками под командованием маршала Ж. Ланна и русской армией под командованием Л. Л. Беннигсена. Русские, имея численное превосходство в войсках (35 тыс. против 25 тыс. французов), отбили атаки противника, но не смогли перейти в наступление. В итоге каждая из сторон объявила о своей победе.
- ⁴⁷⁸ Сражение при Прейсиш-Эйлау произошло 7–8 февраля 1807 г. между союзной русско-прусской и французской армиями. В истории наполеоновских войн оно считается одним из самых кровопролитных и безрезультатных с обеих сторон. И французы и русские представляли итог битвы за свою победу.
- ⁴⁷⁹ Сражение при Гейльсберге произошло 10 июня 1807 г. между французской армией, с одной стороны, и русско-прусскими войсками, с другой.
- ⁴⁸⁰ Тильзитский мирный договор был заключен 8 июля 1807 г. между Александром I и Наполеоном по итогам войны 1806–1807 гг. Его основными условиями стали взаимные обязательства России и Франции помогать друг другу во всякой наступательной и оборонительной войне. Россия присоединялась к континентальной блокаде Англии, и таким образом главный противник Франции и недавний союзник России устранялся из общеевропейской политики. Этот договор считается самым унижительным для России за всю ее дипломатическую историю.
- ⁴⁸¹ *Пальм* (Palm) Иоганн-Филипп (1768–1806) — немецкий книгоиздатель из Нюренбурга. Весной 1806 г. он издал написанную, как предполагают, профессором Иелином книгу «Deutschland in seiner tiefsten Erniedrigung» (рус. перевод Н. И. Греча: Германия в глубоком унижении своем. СПб., 1807), содержащую в себе резкие антинаполеоновские выпады. Книга вызвала гнев Наполеона. От издателя потребовали назвать имя автора, но он отказался и 25 августа 1806 г. был расстрелян в Браунау.
- ⁴⁸² *Бонапарт* (Bonaparte) Иосиф (Жозеф) (1768–1844) — брат Наполеона. 10 марта 1808 г. был назначен Наполеоном королем Испании, в то время как законный монарх Карл IV, отрекшийся от престола в пользу своего

сына Фердинанда VII, и сам Фердинанд находились во Франции фактически на положении пленников Наполеона.

- 483 Имеется в виду оборона испанцами Сарагосы с декабря 1808 по февраль 1809 г. от французских войск под командованием маршала Ж. Ланна.
- 484 *Веллингтон* (Wellington) Артур Уэлси (1769–1852) — британский государственный деятель, полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо (1815), премьер-министр Великобритании (1828–1830). С 1808 г. командовал британскими войсками в Португалии, прославился созданием оборонительной линии Торрес-Ведрас у Лиссабона, позволившей остановить наступление французов. В результате побед при Саламанке (1812) и при Виттории (1813) войска Веллингтона освободили Испанию от французов.
- 485 *Пий (Pius) VII* (в миру Кьярамонти Грегорио Луиджи Барнаба) (1742–1823) — римский папа с 14 марта 1800 по 20 августа 1823 г. В 1801 г. Наполеон заключил с Папой конкордат, по которому Рим признавал новую французскую власть, а католицизм был объявлен религией большинства французов при сохранении свободы вероисповедания. В 1804 г. Папа прибыл в Париж для участия в коронации Наполеона в Соборе Парижской Богоматери. Когда понтифик во время церемонии хотел возложить на голову Наполеона корону, тот выхватил ее у него из рук и короновал себя сам. В 1805 г. Пий VII вопреки воле императора вернулся в Рим, что обострило отношения между ними. В 1809 г. Наполеон присоединил Папское государство ко Франции, а сам Папа в качестве пленника был отправлен сначала в Савону, а затем во Францию.
- 486 Иксион — мифический царь лапифов, наделенный бессмертием и допущенный до трапезы богов. Когда Иксион попытался соблазнить жену Зевса Геру, Зевс превратил супругу в облако Нефелу. От соития Иксиона и Нефелы родился Кентавр.
- 487 Имеется в виду австро-французская война 1809 г., закончившаяся полной победой Франции.
- 488 Имеется в виду битва при Аспере-Эслинге (недалеко от Вены), состоявшаяся 22 мая 1809 г. между французами под командованием Наполеона и австрийцами под командованием эрцгерцога Карла и закончившаяся полным поражением французов. Это было первое поражение Наполеона на поле битвы.
- 489 Имеется в виду мирный договор, подписанный 14 октября 1809 г. в Шёнбруннском дворце в Вене между Францией и Австрией по итогам австро-

французской войны 1809 г. Согласно договору, Австрия лишалась выхода к Адриатическому морю, теряла часть Каринтии и Хорватии. Франция получила графство Гёрц (Горица), Истрию с Триестом, Крайну, Фиуме. Расширялась территория герцогства Варшавского, зависимого от Франции, за счет западной Галиции. К Баварии отходили Тироль и Зальцбургская область, к России, союзнице Франции в этой войне, — Тернопольский округ. Австрия присоединялась к континентальной блокаде Англии и фактически становилась зависимым от Франции государством.

⁴⁹⁰ В этот период Французская империя достигла своих максимальных размеров и вместе с зависимыми от нее государствами охватывала почти всю Западную Европу. Ее границы включали в себя территории современных государств — Франции, Бельгии, Голландии, части Германии до Балтийского моря, с устьями Рейна, Эмса, Везера и Эльбы, весь левый берег Рейна от Везеля до Базеля, некоторые части Швейцарии, а также Пьемонт, Тоскану и Папскую область. Кроме того, Наполеону принадлежали королевство Итальянское, включающее в себя часть северной и средней Италии, и Иллирия на Балканском полуострове. В зависимости от Наполеона находились великое герцогство Варшавское, Испания во главе с его братом Жозефом и Неаполь во главе с зятем Мюратом.

⁴⁹¹ Во время заграничных походов Александр I принимал личное участие в сражении при Лютцене (1–2 мая 1813 г.) и при Дрездене (26–27 августа 1813 г.).

⁴⁹² Имеется в виду присоединение Наполеоном к Франции герцогства Ольденбургского в декабре 1810 г. Герцог Петр Ольденбургский (1755–1829) приходился дядей Александру I (он был женат на сестре его матери). Сын герцога Георг Ольденбургский был женат на сестре Александра Екатерине Павловне. После присоединения герцогства к Франции герцог эмигрировал в Россию.

⁴⁹³ В момент вторжения французов в Россию три русские армии были сосредоточены вдоль границы. 1-я армия (самая многочисленная), под командованием военного министра М. Б. Барклая де Толли, дислоцировалась в районе Вильно и прикрывала петербургское направление. 2-я армия под командованием генерала П. И. Багратиона располагалась возле Белостока и прикрывала московское направление. 3-я армия генерала А. П. Тормасова находилась на киевском направлении возле Луцка. Барклай де Толли, осуществлявший общее командование, отступал под предлогом необходимости соединения 1-й и 2-й армий, которые соединились 22 июля под Смоленском.

- ⁴⁹⁴ С 4 по 6 августа 1812 г. под стенами Смоленска шли ожесточенные бои. Наполеон считал это сражение генеральным, решающим исход кампании, но когда все его силы были стянуты, Барклай де Толли отвел свою армию от Смоленска, оставив неприятелю пылающий город.
- ⁴⁹⁵ Продвижение Наполеона к Смоленску сопровождалось значительными крестьянскими волнениями в Витебской губернии. Французы объявляли крестьян свободными, и те в благодарность за предоставленную вольность убивали своих помещиков, грабили их имения, уничтожали казенные магазины, снабжали французов продовольствием и фуражом и т. д. Однако Наполеон не спешил официально отменять крепостное право на занятых им территориях. Он еще не терял надежды на скорый мир с Александром I и не желал спровоцировать новую крестьянскую войну в России. К тому же крестьянские мятежи могли бы затруднить снабжение его армии. Крестьянские волнения охватили и Смоленскую губернию, однако реальной угрозы пугачевщины все же не было. Отчасти в ней не был заинтересован сам Наполеон; отчасти русское правительство принимало деятельные меры по подавлению мятежей, уделяя должное внимание религиозной пропаганде среди крестьян. В итоге русский народ выступил на стороне своего правительства, и после Смоленска война приобрела новый для нее *народный* характер. Сама идея такой войны зародилась в правительственных кругах, когда было решено использовать опыт испанских гвериласов (партизан). Еще в июле в правительственных манифестах говорилось о создании ополчений — военизированных формирований из гражданского населения, — а 1 августа Барклай де Толли призвал жителей Псковской, Смоленской и Калужской губерний к «всеобщему вооружению». Как правило, сами помещики или местные предводители дворянства организовывали небольшие отряды самообороны, состоявшие из крестьян, для нападения на французские обозы и уничтожения мародеров и фуражиров.
- ⁴⁹⁶ Бородинская битва состоялась 7 сентября (по нов. стилю) 1812 г.
- ⁴⁹⁷ Французы вошли в Москву 14 сентября (по нов. стилю) 1812 г.
- ⁴⁹⁸ Знаменитый московский пожар начался буквально сразу же с приходом французской армии в Москву. Вопрос о его причинах недостаточно ясен. Меньше всего в пожаре были заинтересованы французы, которых он лишил продовольствия и зимних квартир. Московский генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин еще до занятия Москвы неприятелем в своих письмах к П. И. Багратиону неоднократно говорил о своем намерении сжечь столицу. Было ли это пустым бахвальством, к которому Ростопчин весьма был склонен, или же за этим скрывался хорошо продуманный замысел, —

сказать трудно. Позже Ростопчин всячески отрекся от причастности к поджогам. Однако известно, что по его и Кутузова распоряжениям из Москвы были вывезены противопожарные средства. Известно также и то, что некоторые жители, покидая город, сжигали свои дома, чтобы ничего не досталось неприятелю. При определенных условиях этих отдельных поджогов могло оказаться вполне достаточно, чтобы в огне погибло три четверти строений, включая памятники архитектуры, церкви, библиотеки и т. д. Европа с изумлением и восхищением увидела в этом событии грандиозную смесь варварства и самопожертвования. Многие европейские умы так и остались убежденными в том, что именно московский пожар погубил наполеоновскую армию в России и, в конечном счете, спас Европу. Уваров прямо не высказывается о причинах пожара. Однако его слова «о чести народной и свободе» позволяют заключить, что он поддерживал версию о сожжении древней столицы ее жителями.

- ⁴⁹⁹ В вопросе о мире Александр I с самого начала войны занял твердую позицию и неоднократно повторял, что он не примирится с Наполеоном, пока хотя бы один вражеский солдат будет находиться на территории России. На неоднократные предложения французского императора подписать мирный договор русский царь отвечал молчанием.
- ⁵⁰⁰ Тарутинское сражение состоялось 18 октября 1812 г. в районе села Тарутино. Русскими войсками командовал М. И. Кутузов, а французскими — маршал Мюрат. Победа русских, однако, не принесла им полного удовлетворения, так как не удалось организовать преследование противника и полностью его уничтожить.
- ⁵⁰¹ Сражение под Малоярославцем, третье по масштабу после Смоленска и Бородина, состоялось 24 октября 1812 г. Французскими войсками командовал Наполеон, русскими — М. И. Кутузов. В ходе сражения ни одна из сторон не добилась очевидного превосходства. Кутузов не смог уничтожить Наполеоновскую армию и вынужден был отвести свои войска с занимаемых позиций, Наполеон не смог пробиться на Калужскую дорогу и вынужден был начать отступление по разоренной войной Смоленской дороге.
- ⁵⁰² Сражение при Вязьме произошло 3 ноября 1812 г. между корпусами русской армии (под командованием М. И. Милорадовича и М. И. Платова) и корпусами французской армии (под командованием Л. Н. Даву, Э. Богарне и Ю. Понятовского). Русские войска одержали победу: взяли город, захватили обозы и освободили значительное число военнопленных.
- ⁵⁰³ Сражение под Красным проходило с 15 по 18 ноября 1812 г. Французы понесли значительные потери, но избежали полного разгрома.

- ⁵⁰⁴ Имеются в виду бои, сопровождавшие переправу Наполеоновской армии через реку Березина 26–29 ноября 1812 г. Остаткам Великой армии (30–40 тыс. чел.) противостояли главные силы русской армии М. И. Кутузова, а также отдельный пехотный корпус П. Х. Витгенштейна и 3-я Западная армия П. В. Чичагова. Переправа осуществлялась в крайне тяжелых условиях и неразберихе: «вопли бегущих, стоны раненых, задавленных и умирающих, голоса солдат, крики потерявших свои отряды, куча всякой одежды, всякого оружия, повсюду валяющиеся мертвые, гул толпы, грохот возов и всеобщее иступление». (*Фон-Лоссберг Ф.* Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. № 3. С. 105.) Несмотря на то, что французы понесли огромные потери, а их армия фактически перестала существовать, главная цель русского командования — истребить всю французскую армию и захватить в плен Наполеона — не была достигнута.
- ⁵⁰⁵ Сражение, состоявшееся 10 декабря 1812 г. между остатками французской армии под командованием Мюрата и русскими войсками, завершилось бегством французов из Вильно.
- ⁵⁰⁶ Имеется в виду сражение, произошедшее 30–31 июля 1812 г. у селения Клястицы (Витебская губерния) между 1-м отдельным пехотным корпусом П. Х. Витгенштейна и 2-м армейским корпусом маршала Н. Ш. Удино. В результате сражения было остановлено наступление французов на Петербург, а Витгенштейна стали называть «защитником Петрополя».
- ⁵⁰⁷ Имеется в виду второе полоцкое сражение, состоявшееся 18–20 октября 1812 г. между французским корпусом Сен-Сира и корпусом Витгенштейна, усиленным петербургским ополчением и прибывшими из-под Риги войсками генерала Ф. Ф. Штейнгеля. После упорного боя русские войска овладели городом.
- ⁵⁰⁸ Имеются в виду арьергардные бои под Островно (в 20 км от Витебска), проходившие с 25 по 27 июля 1812 г. между войсками отступающей 1-й русской армии Баркляя де Толли с авангардом французской армией под командованием Мюрата. Французские авторы называют их боями под Витебском. В ходе этих сражений русским войскам удалось несколько задержать наступление французов.
- ⁵⁰⁹ *Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm) III* (1770–1840) — король Пруссии из династии Гогенцоллернов с 1797 г., внучатый племянник Фридриха II Великого. 28 февраля 1813 г. в Калише между Пруссией и Россией был подписан союзный договор о совместных боевых действиях против наполеоновской Франции. «Вскоре после занятия русскими войсками

Берлина, император Александр отправился в Бреславль для свидания с Фридрихом-Вильгельмом. На силезской границе пруссаки встретили государя, как своего избавителя. 3 (15) марта король поехал навстречу своему союзнику. Увидев его, государь вышел из коляски и бросился к нему в объятия; молча несколько минут они прижимали один другого к сердцу. Не доезжая города, оба монарха сели верхом и торжественно въехали в Бреславль при колокольном звоне и громе оружий. 21-го марта (2 апреля) король прусский, в свою очередь, приехал в Калиш. Император Александр ожидал его на первой станции от города. Армия была построена на высотах близ Калиша, под начальством Кутузова, который, не имея сил ехать верхом, стоял впереди строя. Король нашел войска в отличном состоянии, но обратил внимание на их малочисленность; действительно, собранные здесь главные силы армии не превышали 18 000 человек. Понесенная в Отечественную войну ужасающая убыль еще не могла быть восполнена; резервы же, выступившие из России, были задержаны на пути непроходимой грязью». (*Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 3. СПб., 1905. С. 142.)

⁵¹⁰ Сражение при Люцене состоялось 1–2 мая 1813 г. юго-западнее Лейпцига между французскими (150 тыс.) и союзными русско-прусскими войсками (92 тыс.). На поле битвы присутствовали Наполеон, Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III. Главнокомандующим союзными войсками был П. Х. Витгенштейн. Сражение началось с атаки Витгенштейна на корпус маршала Нея, движущийся в авангарде южной колонны. Пока Ней отражал атаку, подоспел Наполеон с основными силами и лично возглавил контратаку на союзные войска. Ночью командование союзников отдало приказ об отступлении. Потери союзников составили 12 тыс. чел., французов — 15 тыс.

⁵¹¹ Сражение при Бауцене состоялось 20–21 мая 1813 г. между французской армией (ок. 160 тыс. чел.) и союзными русско-прусскими войсками (93 тыс. чел.). Французскими войсками командовал Наполеон, союзными — П. Х. Витгенштейн. После поражения под Люценом союзные войска отошли на восток и закрепились на высотах в районе Бауцена (Саксония). Наполеон планировал глубокий фланговый охват, окружение и уничтожение союзной армии. С севера корпус маршала Нея начал обход противника, в то время как Наполеон с основными силами форсировал реку Шпрее и выбил союзников из Бауцена. Однако на следующий день Ней не сумел завершить охват правого фланга союзников. Наполеон же не решился пустить гвардию в бой раньше, чем корпус Нея выйдет в тыл противника. Это дало возможность Витгенштейну увести армию от полного разгрома. Союзники отступили, а французы, испытывая недостаток в кавалерии, не смогли развить свой успех.

- ⁵¹² *Франц* (Franz) II (1768–1835) — король Германии (римский король), последний император Священной Римской империи, первый император Австрии (с 1804 г.). В качестве императора Австрии (а также короля Богемии и Венгрии с 1 марта 1792 г.) именовался Францем I. Его дочь Мария-Луиза в 1810 г. стала женой Наполеона.
- ⁵¹³ 27 июня 1813 г. в Рейхенбахе Австрия присоединилась к антинаполеоновской коалиции, а 12 августа 1813 г. объявила войну Франции.
- ⁵¹⁴ С 12 июля по 10 августа 1813 г. в Праге проходил конгресс европейских держав, на котором велись переговоры между Россией и Пруссией, с одной стороны, и Францией — с другой, при посредничестве Австрии и участии представителей Англии и Швеции в качестве наблюдателей. Стороны не пришли к мирному соглашению, и Австрия решила на объявление войны Франции.
- ⁵¹⁵ Имеется в виду *Бернадот* (Bernadotte) Жан Батист Жюль (1763–1844) — маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн, князь Понте-Корво (с 1806 г.), с 1810 г. наследный принц, а с 1818 г. король Швеции и Норвегии под именем Карла XIV и основатель династии Бернадотов. В 1812 г. Бернадот подписал союзный договор с Александром I, а в 1813 г. ввел Швецию в антифранцузскую коалицию.
- ⁵¹⁶ Имеется в виду шведский король Густав II Адольф (1611–1632).
- ⁵¹⁷ Дрезденское сражение, состоявшееся 26–27 августа 1813 г. между союзной Богемской (русские, австрийцы и пруссаки) и наполеоновской армиями, стало последней крупной победой Наполеона в кампании 1813 г.
- ⁵¹⁸ Кульмское сражение состоялось 29–30 августа 1813 г. между союзными (австро-пруско-русскими) войсками, входящими в состав Богемской армии, и французским корпусом генерала Вандама близ населенного пункта Кульм (ныне Хлумец в Чехии). Бой закончился пленением Вандама и полным разгромом его корпуса. Кульмская победа союзников стала поворотным моментом в заграничных походах. Она не позволила Наполеону развить успех Дрезденского сражения и сохранила готовую уже распасться коалицию. Русские участники битвы были награждены специальной наградой прусского короля — Кульмским крестом.
- ⁵¹⁹ Сражение при Денневице (в округе Потсдама) произошло 6 сентября 1813 г. между Северной союзной армией под командованием Бернадота и французскими войсками под командованием маршала Нея и окончилось поражением французов.

- ⁵²⁰ Сражение на реке Кацбах произошло 26 августа 1813 г. между русско-прусской Силезской армией под командованием генерала Блюхера и французскими войсками под командованием маршала Макдональда в день битвы при Дрездене. Армия Блюхера в Силезии атаковала войска Макдональда, переправившиеся через речку Кацбах под городом Лигницем, и во встречном бою отбросила их за реку. В последовавшем затем трехдневном преследовании до границ Саксонии французы понесли большие потери пленными.
- ⁵²¹ *Блюхер* (Blücher) фон Гебах Леберехт, князь Вальштадский (1742–1819) — прусский фельдмаршал, в дальнейшем прославился как победитель Наполеона под Ватерлоо.
- ⁵²² Лейпцигское сражение, или «Битва народов», произошло 16–19 октября 1813 г. между армиями России, Австрии, Пруссии, Швеции, с одной стороны, и наполеоновской Франции — с другой. Поражение Наполеона решило исход кампании 1813 г. Германия была освобождена от наполеоновского господства. Однако, главной задачи (окружить и уничтожить французскую армию) союзники не достигли. Впереди им предстояла новая кампания 1814 г., но уже на территории Франции.
- ⁵²³ Имеется в виду битва на Катуанских полях (рядом с современным г. Шалон-сюр-Марн), получившая название «Битва народов» (отсюда параллель с Лейпцигским сражением) между галло-римскими войсками под командованием римского полководца Аэция и их временными союзниками вестготами и некоторыми другими племенами, с одной стороны, и гуннами, под предводительством Агтилы, с другой (вторая половина июня 451 г.). Это кровопролитное сражение не принесло ни одной из сторон решающей победы. Гунны отступили с поля боя, увозя с собой телеги полные наживы, а Аэций не стал их преследовать, вероятно, опасаясь, что полный разгром гуннов усилит вестготов. Уже на следующий год гунны вторглись в Северную Италию. Однако, в европейском культурном сознании сложился миф о полной победе цивилизованных христианских воинов над дикими гуннами.
- ⁵²⁴ Союзные войска переправились через Рейн и вторглись на территорию Франции 1–2 января 1814 г.
- ⁵²⁵ Сражение при Бриенне-ле-Шато состоялось 29 января 1814 г. между прусскими войсками под командованием Блюхера и французской армией Наполеона. Победа была одержана французами.

- ⁵²⁶ Имеется в виду осторожное решение главнокомандующего Шварценберга уклониться от сражения при городе Труа 23 февраля 1814 г. Наполеон располагал там всего 70 тыс. человек против 150 тыс. Тем не менее, было принято решение не вступать в сражение, оставив только заслон перед Труа.
- ⁵²⁷ Сражение при Лаоне между силезской армией под командованием Блюхера и наполеоновскими войсками состоялось 9–10 марта 1814 г. Союзные войска отразили атаку Наполеона и почти полностью уничтожили корпус маршала Мармона. 10 марта Наполеон снова атаковал почти вдвое превосходящего противника, после чего беспрепятственно отступил за реку Эн.
- ⁵²⁸ Имеется в виду взятие французской крепости Суассон 2 марта 1814 г. корпусами генералов Ф. В. Бюллова и Ф. Ф. Виценгероде.
- ⁵²⁹ Сражение при Фер-Шампенуазе произошло 25 марта между кавалерией союзников и отдельными французскими корпусами маршалов Мармона и Мортье, двигавшимися на соединение с армией Наполеона. Французы оказали ожесточенное сопротивление, но были почти полностью уничтожены стрелявшей в упор русской артиллерией.
- ⁵³⁰ Союзники торжественно вступили в Париж 31 марта 1814 г.
- ⁵³¹ *Людвиг IX Святой* (Saint Louis) (1214–1270) — король Франции с 1226 г., организатор 7-го и 8-го крестовых походов.
- ⁵³² Герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- ⁵³³ *Танкред* (?–1112) — один из участников 1-го крестового похода, герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».
- ⁵³⁴ *Готфрид Бульонский* (Godefroi de Bouillon) (1060–1100) — граф Бульонский (1076–1096), герцог Нижней Лотарингии (1087–1096), один из предводителей 1-го крестового похода 1096–1099 гг. После захвата Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (с 1099). Отказавшись короноваться в городе, где Христос был коронован терновым венцом, Готфрид вместо королевского титула принял титул барона и «Защитника Гроба Господня».
- ⁵³⁵ Имеется в виду эмблема королевской власти во Франции.
- ⁵³⁶ Имеется в виду кровопролитное сражение при Витории (Испания), состоявшееся 21 июня 1813 г. между английскими и французскими войсками и окончившееся победой англичан.

Воззвание к Европе

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на французском языке: Appel à l'Europe. SPb., 1815. Русский перевод был опубликован в журнале: Сын отечества. 1815. № 15. С. 107–111.

Написание этой статьи связано с бегством Наполеона с острова Эльбы и его возвращением во Францию. В Вене в это время заседал конгресс европейских держав, решавших судьбу посленаполеоновской Европы, на котором наметились серьезные противоречия между державами-победительницами. Новый приход к власти Наполеона произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Уваров использовал этот момент, чтобы еще раз высказаться за объединение обновленной Европы (в данном случае — перед лицом общей угрозы). Статья была написана в первой половине апреля, что следует из высокой оценки, даваемой в ней Бенжамену Констану как врагу Наполеона. 14 апреля состоялась встреча Констана с Наполеоном, и Констан перешел на службу к императору.

Публикуется по первому изданию в переводе В. С. Парсамова.

⁵³⁷ Возвращение Наполеона в Париж ассоциировалось с новой революцией, о чем, в частности, свидетельствуют слова префекта департамента Эна, сказанные маршалу Нею: «Мы присутствуем при новой революции». (См.: История XIX в. / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 2. М., 1938. С. 372.) Из арсенала революционных времен были извлечены идеи свободы и национальной независимости. Еще в Лионе 13 марта Наполеон начал менять национальную символику. Он вывел из употребления королевское знамя и белую кокарду, упразднил знать и феодальные титулы,пустил швейцарские полки и отменил королевские назначения на армейские должности. Взамен было снова введено трехцветное знамя, обязательное ношение национальной кокарды и издан указ об изгнании всех эмигрантов, вернувшихся вместе с Бурбонами. Была отменена палата пэров и распущена палата депутатов. Характеризуя действия Наполеона тех дней, историк А. Усэ писал: «Наполеон действует с быстротой, решимостью и энергией Конвента. Король поставил его вне закона, в ответ он уничтожил королевскую власть. Крестьяне и рабочие приветствовали в его лице восстановителя народных прав, вождя Революции. Он издает декреты 13 марта, которые отвечают народным чувствам. Под влиянием экзальтированных масс Дофине и Лиона он пропитывается духом 93 года». (*Houssaye H. La première restauration — le retour de l'ole d'Elbe. Les Cent jours. Paris, 1895. P. 297.*)

⁵³⁸ 26 февраля 1815 г. Наполеон тайно покинул остров Эльба и 1 февраля высадился в бухте Жуан.

- ⁵³⁹ Хартия была октроирована (дарована) королем 4 июня 1814 г. Ее главной целью было гражданское примирение французской буржуазии и дворянства. В ней утверждалось, что граждане «в равной степени допускаются к гражданским и военным должностям», верховная власть короля ограничивалась законодательными полномочиями палат и несменяемостью судей. Создавалось две палаты: верхняя, назначаемая королем, и нижняя, избираемая узкой коллегией, состоящей из лиц, уплачивавших не менее 300 франков прямых налогов; для депутата палаты требовался минимальный налоговый ценз в 1000 франков. При этой системе участие в голосовании могло принять не больше 90 тыс. человек, а право быть избранным имело лишь около 15 тыс. (из 30 млн чел. населения). Таким образом, фактически нация была лишена легальных возможностей участвовать в политической жизни страны. Подобного рода непоследовательность в итоге привела к Июльской революции 1830 г.
- ⁵⁴⁰ По мере продвижения Наполеона на Париж народ и армия без единого выстрела переходили на его сторону, что было вызвано в первую очередь разочарованием в реставрации Бурбонов.
- ⁵⁴¹ Прах Людовика XVI, гильотинированного 21 января 1793 г., первоначально был похоронен на парижском кладбище Мадлен, где хоронили тела всех гильотинированных на площади Революции. 18 и 19 января 1815 г. его останки вместе с останками королевы Марии-Антуанетты были перезахоронены в королевской усыпальнице Сен-Дени.
- ⁵⁴² Людовик XVIII покинул Париж 19 марта 1815 г. накануне вступления туда Наполеона.
- ⁵⁴³ Имеется в виду *Людовик XVII* (1785–1795) — наследник французского престола, номинальный король с 1793 г., признанный роялистами, никогда не царствовавший и умерший в тюрьме. Его тело тайно было похоронено в общей могиле. На протяжении XIX и XX вв. предпринимались безуспешные попытки найти останки короля-ребенка.
- ⁵⁴⁴ Возможно, имеется в виду двусмысленная фраза Н. М. Карамзина: «Народ любит еще кровь Царскую». (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 225.)
- ⁵⁴⁵ *Мильтон* (Milton) Джон (1608–1674) — английский поэт, философ, политический деятель, автор эпической поэмы «Потерянный рай» (1667), в которой речь идет о восстании сатаны против Бога и грехопадении человека.

⁵⁴⁶ Либеральная и миролюбивая фразеология заняла главенствующее место в политике Наполеона периода Ста дней. Не случайно тогда Наполеон приблизил к себе главу европейского либерализма Бенжамена Констана и поручил ему готовить новую конституцию (Бурбоновская хартия была провозглашена обманом и символически брошена в грязь). Сам Констан в мемуарах так передавал слова Наполеона: «Я хотел мировой империи, и для того, чтобы ее создать, мне была необходима безграничная власть. Для того, чтобы управлять одной Францией, может быть, конституция подойдет лучше <...>. Итак, вы видите то, что вам кажется возможным; сообщите мне ваши идеи. Публичные дискуссии, свободные выборы, ответственность министров, свобода прессы — я хочу всего этого <...>, свободы прессы особенно; душить ее — абсурд. Я убежден в этом <...>. Я человек из народа; если народ действительно хочет свободы, я ее ему дам. Я признал его суверенитет. Надо, чтобы я слушал его желания и даже капризы. Я не хочу больше угнетать его ради своего удовольствия. Я имею великие намерения; его судьба решена. Я больше не завоеватель; я не могу им быть. Я знаю, что возможно, а что нет <...>. Я не враг свободы. Я отказался от нее, когда она преграждала мне путь; но я ее принимаю, я был воспитан на ее идеях <...> тем более, что пятнадцатилетний труд разрушен, и не может начаться снова. Для этого пришлось бы пожертвовать двадцатью годами и двумя миллионами жизней». (*Constant B. Mémoires sur les Cent-Jours*. Paris, 1822. Vol. 2. P. 60–61.)

⁵⁴⁷ Сеиды — в исламе — потомки пророка Мухаммеда.

⁵⁴⁸ *Констан де Ребек* (Constant de Rebecque) Анри-Бенжамен (1767–1830) — французский публицист, философ и писатель швейцарского происхождения, один из главных идеологов европейского либерализма. Уваров имеет в виду его статью, опубликованную 19 марта 1815 г. в день бегства Людовика XVIII из Парижа и накануне вступления туда Наполеона в «*Journal de Débat*». Заканчивалась эта статья следующими словами: «Я не стану, подобно жалкому перебежчику, пресмыкаться то перед одной, то перед другой властью, прикрывая низость софизмами и лепеча пошлости, дабы искупить позорную жизнь». (Цит. по: *Де Вильпен Д. Сто дней, или дух самопожертвования*. М., 2003. С. 297.) Восхищаясь этим поступком Констана, Уваров тогда еще, видимо, не знал, что всего через три с небольшим недели этот «генерал либералов» перейдет на сторону Наполеона и начнет работать над проектом новой конституции.

⁵⁴⁹ *Лакретель* (Lacretelle) де Жан Шарль Доминик (1766–1855) — французский публицист, историк и политический деятель, член Французской академии (с 1811 г.). Во время Ста дней сопровождал Людовика XVIII в Гент.

⁵⁵⁰ Имеется в виду *Мария Тереза Шарлотта* (1778–1851) — старшая дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, герцогиня Ангулемская. Вернувшись во Францию в 1814 г. во время реставрации Бурбонов, Мария Тереза выступала рьяной защитницей монархии и прав династии. Известны сказанные о ней слова Наполеона: «Она была единственным мужчиной в семье Бурбонов».

Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта, 1818 года

Речь впервые была опубликована отдельной брошюрой: «Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта, 1818 года» (СПб., 1818).

В своей речи Уваров развивает положения, ранее высказанные им в произведениях «Проект Азиатской академии» и «О преподавании истории относительно к народному воспитанию». Поводом послужило открытие трех новых кафедр: арабского языка, персидского языка и всеобщей истории в Главном педагогическом институте.

Речь Уварова имела широкий общественный резонанс, главным образом потому, что была произнесена всего лишь через неделю после шумевшего выступления Александра I на польском сейме 15 марта, в котором царь обещал распространить на Россию конституционный строй. Как всегда быстро поворачивающийся в направлении, заданном правительственным курсом, Уваров обильно одобрил свое выступление либеральной риторикой и не упустил процитировать место из выступления царя. Эта речь, произнесенная, по словам А. П. Куницына, «особою знаменитого рода, украшенною государственными отличиями и почестями», дала возможность публичного обсуждения ее содержания. Член Союза благоденствия Ф. Н. Глинка, назвав, речь Уварова «чудесною», подробно изложил ее содержание на страницах «Сына отечества». (См.: *Глинка Ф. Н. Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей // Сын отечества. 1818. Ч. 45. С. 22–36.*) Там же высказался и А. П. Куницын, правда, в более сдержанных тонах. Одним из спорных положений в речи Уварова была отмеченная оратором связь между падением Рима и распространением христианства. По мнению А. П. Куницына, «если бы Рим не был развращен, то религия не произвела бы такого переворота» (Там же. Ч. 46. С. 184). Более категорично это положение Уварова оспорил А. С. Шишков: «Ежели не враги, не пороки тиранов, не разврат народа разрушили Римскую Империю, а Христианская религия нанесла ей смертный удар, то в каком же виде представляется здесь сия религия, нанесшая без всякой причины целой Империи больше зла, нежели все ее

враги, пороки тиранов и самый разврат народа? За что пал он под десницею Того, Чье царство несть от мира сего? Похвала ли это вере и Богу» (Цит. по: Барсуков Н. С. С. Уваров и адмирал Шишков // Русский архив. 1882. № 6. С. 226–228). Другой член Союза благоденствия Н. И. Тургенев, как и Глинка, слушавший Уварова, написал брату С. И. Тургеневу: «Вчерашнее чтение было замечательно речью Уварова, в которой много хорошего и неговоренного до сего времени на языке российском» (Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 254). Его брат несколько сдержаннее воспринял выступление Уварова, о чем записал в дневнике: «Дай Бог, чтобы либеральные мысли в речи Уварова не были одним только отголоском пустых звуков, упавших недавно с трона прямо в Москву (речь государя)» (Цит. по.: Пугачев В. В. К вопросу о политических взглядах С. С. Уварова в 1810-е годы // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. Вып. 72. Горький, 1964. С. 131). Еще более скептически к речи Уварова отнесся Карамзин (См.: Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 236–237). Речь Уварова стала важным этапом в истории общественной мысли России. Если речь царя, произнесенная в Варшаве на французском языке, была, в первую очередь, рассчитана на европейское общественное мнение, то речь Уварова, произнесенная на русском языке в Петербурге и тотчас же вышедшая отдельным изданием, стала очевидным сигналом либерализации печати и возможности открытого обсуждения острых политических и социальных вопросов. (См.: Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С.102.)

Речь Уварова печатается по первой публикации.

⁵⁵¹ Министерство духовных дел и народного просвещения было образовано по указу Александра I от 24 мая (5 июня) 1817 г. путем объединения Министерства народного просвещения, Главного управления духовных дел православного исповедания Святейшего Синода, Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Во главе министерства был поставлен друг царя князь А. Н. Голицын.

⁵⁵² Главный педагогический институт — высшее педагогическое закрытое учебное заведение, основано в Санкт-Петербурге в 1816 г. на базе Педагогического института (1804–1816), в 1819 г. преобразовано в Петербургский университет.

⁵⁵³ После выступления Уварова речи произнесли и ученые, приглашенные из-за границы для того, чтобы возглавить кафедры: арабского языка — Ф. Б. Шармъа (см. комм. 554), персидского — Ж. Ф. Деманж и всеобщей истории — Раупах (см. комм. 556).
Деманж (Demange) Жан Франсуа (1789–1839) — французский ориенталист, с 1817 г. возглавлял кафедру арабского языка в Главном педаго-

гическом институте, затем в Петербургском университете. Попал под разгромную кампанию 1822 г. и вынужден был покинуть университет. С 1820 г. служил при азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Ф. Н. Глинка писал о выступлении Деманжа: «За ним <т. е. за Раупахом — В. П.> читал на французском новый профессор г. Деманж (ученик славного филолога Сильвестра де Саси) речь о языке арабском, речь умную и любопытную, приносящую большую честь талантам и познаниям молодого ученого; он означил различные эпохи в истории сего языка; исчислил знаменитых писателей; обратил внимание слушателей на разные грамматические свойства арабского языка, считающегося ученым на всем Востоке, ибо им писан Коран Магометов, и указал на неистощимое богатство его поэзии». (См.: Сын отечества. 1818. Ч. 45. С. 35.) Н. И. Тургенев в частном письме оценил речь Деманжа совсем иначе: «Demange умел сделать свою диссертацию занимательною, приводя несколько стихов, забавных и смешных, из персидской словесности. Между слушателями случился один, знающий по-персидски, и говорит, что вся его диссертация откуда-то выписана и что произношение профессора очень дурно. Бог им судья, а не публика». (*Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 254–255.)

⁵⁵⁴ *Шармуа* (Charmoу) Франсуа Бернар (1793–1869) — французский ориенталист, в 1817 г. принял предложение Уварова занять кафедру турецкого и персидского языков в Главном педагогическом институте, затем Петербургском университете, работал в Петербурге до 1835 г., затем вернулся во Францию. О выступлении Шармуа Ф. Глинка писал: «Господин Шармуа, милый необыкновенною скромностью молодой человек (воспитанник знаменитого ориенталиста Ланглеса) произнес прелестную речь о языке персидском. В этой речи встречались периоды, которые показались мне так сладки, как виноград шираский и так благовонны, как восточные розы. Господин Шармуа умел переселить меня на берега Персидского залива, и во время чтения его мне казалось, что ветер, играющий с волнами, в которых роятся драгоценные перлы, навевал на грудь мою негу и роскошь своего края, томя и восхищая чувства!» (Сын отечества. 1818. Ч. 45. С. 35.)

⁵⁵⁵ *Шези* (Chézy) де Антуан Леонард (1773–1832) — французский ориенталист, переводчик, санскритолог, с 1814 г. возглавлял кафедру санскритского языка в Коллеж де Франс.

⁵⁵⁶ *Раупах* (Raupach) Эрнст Беньямин Соломон (1784–1852) — немецкий драматург; приехал в Россию в качестве преподавателя философии и истории, сначала служил учителем в частном доме, с 1816 г. стал профессором Главного педагогического института, затем Петербургского университета, в 1822 г. попал под разгромную кампанию вместе с дру-

гими профессорами университета и был вынужден вернуться в Германию. О выступлении Раупаха Н. И. Тургенев писал брату: «Раупах парил в философических соображениях о Welt-Geschichte. Вообще речь его, как мне кажется, более похожа на академическую, т. е. исключительно умозрительную. Студентам, которых он учить должен, надобно преподавать историю иначе». (Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 255.)

⁵⁵⁷ Венком гражданской доблести в Древнем Риме награждали людей, отличившихся на войне или оказавших другие серьезные услуги отечеству.

⁵⁵⁸ *Гарун* (أبي شريك) *Аль-Рашид* (букв. — «справедливый») (766/763–809) — арабский халиф, правитель Аббасидского халифата с 786 г. Его правление характеризуется культурным и экономическим подъемом. Гарун Аль-Рашид основал в Багдаде университет и библиотеку, поощрял занятия науками, поэзией и музыкой. Конец его правления ознаменовался репрессиями против визирской семьи Бармекидов, более чем полвека управлявшей делами халифата. Это привело к частым и массовым народным восстаниям, обозначившим начало упадка империи халифа.

⁵⁵⁹ *Аль-Мамун* (786–833) — багдадский халиф из династии Аббасидов, сын Гаруна аль-Рашида. После смерти отца халифом стал его брат Аль-Амин, а Мамун стал губернатором Хорасана. В 813 г., в ходе гражданской войны, захватил власть в Багдаде. Привлек к управлению государством ученых и основал в Багдаде Дом Мудрости (Бейт аль-хикма). При его содействии были проведены градусные измерения дуги меридиана в долине Синдjar, осуществлен перевод труда Птолемея на арабский язык («Альмагест»), была основана астрономическая обсерватория в Багдаде.

⁵⁶⁰ Памятник средневековой арабской литературы, включающий в себя рассказы о царе Шахрияре и его жене по имени Шахразаде. Гарун Ал-Рашид вместе со своим визирем Джафаром является героем многих сказок «Тысячи и одной ночи».

⁵⁶¹ Гарун неоднократно совершал походы на Византию, в частности в 797 г., когда императрица Ирина, занятая войной с болгарами, согласилась выплачивать халифату дань, и в 806 г., когда новый император Никифор I отказался платить дань.

⁵⁶² *Саади* (Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин) (ок. 1181–1291) — персидский поэт, представитель практического, житейского суфизма.

- 563 В индуистской мифологии седьмая аватара (нисхождение божества на землю) Кришну, в которой он избавляет людей от тирании царя ракшасов Раваны.
- 564 Здесь: восьмая аватара Вишну.
- 565 «Рамаяна» — древнеиндийская эпическая поэма, воспевающая подвиги Рамы, авторство которой приписывается легендарному мудрецу Вальмики.
- 566 «Махабхарата» — знаменитая индийская эпическая поэма, в основе сюжета которой лежит борьба из-за города Гастинапура между двумя княжескими родами, принадлежавшими к так называемой Лунной династии — Каурава (род Куру) и Паурава (род Пуру).
- 567 Аполлон Бельведерский — римская мраморная копия бронзового оригинала работы древнегреческого скульптора Леохара (ок. 330 — 320 до н. э.). Статуя изображает Аполлона, древнегреческого бога солнца и света, сына Зевса и Лето (Латоны), брата-близнеца Артемиды, в образе молодого прекрасного юноши, стреляющего из лука. Была найдена между 1484 и 1492 гг. на вилле Нерона в Антии близ Рима. В правление Папы Римского Юлия II, в 1506 г., статуя Аполлона была установлена в антиквариате, построенном архитектором Д. Браманте в саду Бельведер в Ватикане. Отсюда и происходит ее название.
- 568 Индра — в древнеиндийской мифологии «царь богов», «царь всей вселенной», бог грозы и молнии.
- 569 Имеется в виду Цицерон. См. статью «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» и комментарий к ней.
- 570 *Монтескье* (Montesquieu) Шарль-Луи (1689–1755) — французский философ и писатель, предшественник просветителей, автор известного философско-правового трактата о «Духе законов».
- 571 Гельвеция — латинское название Швейцарии.
- 572 М. Майофис убедительно показала связь этого положения Уварова с мнением Мадам де Сталь о том, что «христианству обязаны мы отменой рабства». «Такая трактовка, — по мнению исследовательницы, — роли христианства в России начала XIX века воспринималась многими как еретическая и революционная». (*Майофис М.* Воззвание к Европе... С. 435.)

- 573 **Фокион (Φωκίων)** (402–318 до н. э.) — афинский государственный и военный деятель, ученик Платона, 45 раз занимал должность стратега, был сторонником Македонии и противником Демосфена, так как считал, что постоянные распри между отдельными греческими государствами не прекратятся до тех пор, пока вся Греция не будет повиноваться одному сильному лидирующему государственному объединению, каким, по его мнению, является Македония, был приговорен афинянами к смерти. Как и Сократ, должен был выпить яд цикуты.
- 574 **Октавий Август Цезарь** (63–14 до н. э.) — римский император с 27 г. до н. э.
- 575 **Бьюкэн (Buchan)**, с 1806 г. лорд Эрскин (?–1823) — британский адвокат, оратор, политический деятель, писатель, член парламента, с 1806 г. лорд-канцлер.
- 576 О связи этой метафоры с восточным направлением внешней политики России см.: *Майофис М.* «Рыцари креста». Расшифровка одной политической метафоры С. С. Уварова // Россия — Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. З[11]. М.; Венеция, 1999. С. 158–162.
- 577 Имеется в виду *Фридрих I Барбаросса* (Friedrich I Barbarossa) (1122–1190) — германский король и император Священной Римской империи с 1152 г. Принимал участие во втором (1145–1149) и третьем (1189–1192) крестовых походах, во время последнего утонул при переправе через реку Селиф.
- 578 Имеются в виду вышедшие в 1818 г. первые восемь томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.
- 579 **Боярдо (Bojardo)** Маттео-Мария (1441–1494) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор неоконченной рыцарской поэмы «Влюбленный Роланд».
- 580 **Кольбрук (Colebrooke)** Генри-Томас (1765–1837) — английский санскритолог, президент Азиатского общества.
- 581 **Липсий (Lipsius)** Юстий (1547–1606) — немецкий филолог, обучался у иезуитов, был профессором в Йене, Кёльне, Лувене, после перехода в реформатство — в Лейдене, после возвращения в католицизм — опять в Лувене, изучал и издавал тексты римских авторов.

- ⁵⁸² *Галлион* (Gallion), первоначально — Луций Анней Новат (ок. 1–65) — брат Сенеки, римский проконсул в Ахее (51–52), упоминается в Деяниях апостолов в связи с тем, что отказался рассматривать обвинение иудеев против апостола Павла в Коринфе. Встреча брата Сенеки с апостолом Павлом послужила поводом к преданию о существовании переписки между римским философом и христианским апостолом.
- ⁵⁸³ *Поллион* (*Pollio*) *Гай Азиний* (75 до н. э. — 4 н. э.) — римский поэт, историк и воин, участвовал в гражданской войне на стороне Цезаря и Антония. При Августе ушел из политики, занялся искусством и наукой, основал первую публичную библиотеку в Риме, ввел обычай публичного чтения и обсуждения научных трудов в кругу знатоков.
- ⁵⁸⁴ Имеется в виду Октавий Август, римский император.
- ⁵⁸⁵ *Сулла* (Sulla) Луций Корнелий (138–78 до н. э.) — римский государственный деятель, военачальник и диктатор (82–80 до н. э.), организатор кровавых проскрипций.
- ⁵⁸⁶ *Петроний* (Petronius) Гай Арбитр (27–66) — римский писатель-сатирик, автор знаменитого романа «Сатирикон», государственный деятель, проконсул в Вифинии и римский консул.
- ⁵⁸⁷ «Докажите вашим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожающим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов». (Речь, произнесенная при открытии польского сейма 15/27 марта 1818.) Данный перевод речи на русский язык был сделан П. А. Вяземским и одобрен царем. (Цит по: *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 87.)

Этюд о греческой трагедии

Статья впервые была опубликована в журнале: *Mémoire de l'Académie Imperiale*. 1820. Т. 10.

В этой статье автор излагает свое понимание происхождения и развития древнегреческой трагедии. Распространенному мнению об эволюции античной трагедии, зарождающейся в творчестве Эсхила, достигающей своего

апогея в творчестве Софокла и приходящей в упадок в творчестве Еврипида, Уваров противопоставляет синхронический взгляд, позволяющий увидеть не разные стадии, а различные модификации одного и того же явления. Исходя из того, что Эсхил, Софокл и Еврипид жили примерно в одно время, автор рассматривает их как три разновидности одной и той же поэтической эпохи. Все три драматурга, по Уварову, достигли равного совершенства, но каждый из них имеет свое лицо: Эсхил отличается монументальностью и импозантностью, Софокл — глубоким знанием человеческой психологии, Еврипид — философской глубиной. В таком подходе можно заметить подспудно присутствующую тенденцию объединить трех драматургов в триаду: внешнему изображению человека у Эсхила противопоставит его внутреннее изображение у Софокла, а философичность Еврипида, «глубокого мыслителя, гармонического, трогательного и патетического поэта», соединяет в себе то и другое. Характерно также и то, что Уваров довольно подробно останавливается на «отрицании» творчества Еврипида Аристофаном, чьи комедии являются конгениальной антитезой трагедийного жанра.

Статья Уварова содержит также рассуждения о различной природе прогресса в точных науках и искусстве. Считая древнегреческую поэзию непревзойденной в ее эстетических достоинствах на протяжении всех последующих веков, автор усматривает в этом очевидное нарушение правил прогресса в искусстве.

Статья публикуется по изданию: *Ouvaroff. Etudes de philology et de critique.* SPb., 1843. P. 299–316 в переводе В. С. Парсамова.

⁵⁸⁸ *Рафаэль* (Raffaello) Санти (1483–1520) — итальянский живописец флорентийской школы, один из гениев эпохи Высокого Возрождения.

⁵⁸⁹ *Перуджино* (Perugino) Пьетро ди Кристофоро Ваннуччи (1446–1524) — итальянский живописец умбрийской школы, представитель эпохи Возрождения, учитель Рафаэля, работал во многих городах Италии, но более всего — в Перудже, где он был главой большой мастерской.

⁵⁹⁰ Имеется в виду хранящаяся в Дрезденской картинной галерее «Сикстинская Мадонна» — последняя из крупных работ Рафаэля. Она была заказана ему в 1512 г. как алтарный образ для капеллы монастыря Святого Сикста в Пьяченце.

⁵⁹¹ *Феспис* (Θέσπις) (?–580 до н. э.) — древнегреческий поэт и драматург, считается первым актером. Согласно легенде, Феспис перебирался из города в город на тележке и разыгрывал пьесы собственного сочинения в сопровождении одного или двух актеров.

- ⁵⁹² «Прометей» — трилогия Эсхила, от которой сохранилась только одна часть — «Прометей прикованный».
- ⁵⁹³ Непреднамеренная логическая ошибка, в отличие от софизма — сознательного искажения логических доказательств.
- ⁵⁹⁴ Еврипид (Εὐριπίδης) (480–406 до н. э.) — младший из трех (Эсхила и Софокла) классических древнегреческих драматургов, представитель новой аттической трагедии, в которой психология преобладает над идеей рока.
- ⁵⁹⁵ Имеется в виду морское сражение в Саламинском проливе, произошедшее в 480 г. до н. э., в котором греческие триеры полностью разгромили персидский флот, состоящий из больших и малоподвижных кораблей.
- ⁵⁹⁶ 3-й месяц афинского календаря (сентябрь–октябрь).
- ⁵⁹⁷ Аристофан вывел Еврипида в комедиях «Ахаряне», «Женщины на празднике Фесмофорий», «Лягушки».
- ⁵⁹⁸ Имеется в виду комедия «Лягушки», где Эсхил произносит: «...а Софокла поэтом вторым я считаю». (Аристофан. Комедии. М., 1983. С. 329.)
- ⁵⁹⁹ Пиндар (Πίνδαρος) (522/518–448/438 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор хоровой лирики религиозного и торжественного содержания.
- ⁶⁰⁰ Эпиграмма Диоскорида — древнегреческого поэта III в. до н. э. — написана от имени сатира, изваяние которого установлено на могиле Софокла:
- Это могила Софокла. Ее посвященный в искусство,
 Сам я от муз получил и, как святыню, храню,
 Он, когда я подвизался еще на Флиунтском помосте,
 Мне, деревянному, дал золотом блещущий вид;
 Тонкой меня багрянницей одел. И с тех пор, как он умер,
 Здесь отдыхает моя, легкая в пляске нога.
 — Счастлив ты местом своим. Но скажи мне, какую ты маску
 стриженной девы в руке держишь? Откуда она?
 — Хочешь, зови Антигоной ее, иль, пожалуй Электрой, —
 Не ошибешься равно: обе прекрасны они.
- (Перевод Ф. Ф. Зелинского. См.: Софокл. Драмы. М., 1990. С. 454.)
- ⁶⁰¹ Имеется в виду Эсхил, участвовавший в Марафонском и Саламинском сражениях. Сочиненная им автоэпитафия гласит:

Эвфорионова сына, Эхила афинского кости
Кроет собою земля Гелы, богатой зерном.
Мужество помнит его марафонская роща и племя
Длинноволосых мидян, в битве узнавших его.

(Перевод В. Н. Ярхо. См.: *Эсхил. Трагедии*. М., 1989. С. 471.)

⁶⁰² Медя — в греческой мифологии дочь царя Колхиды Эта, бежавшая из дома вместе с Ясоном, приплывшим за золотым руном.

⁶⁰³ Героиня трагедии «Семеро против Фив», дочь царя Эдипа.

⁶⁰⁴ Героиня трагедии «Семеро против Фив», дочь царя Эдипа, сестра Антигоны.

⁶⁰⁵ Героиня трагедии «Персы», вдова царя Дария.

⁶⁰⁶ *Фидиас* (*Φειδίας*) (490 — ок. 430 до н. э) — древнегреческий скульптор, современник Софокла.

⁶⁰⁷ Музы прежде всего (*лат.*).

⁶⁰⁸ Дачное место в окрестностях Рима.

⁶⁰⁹ Вот о чем я мечтал (*лат.*). Цитата из второй сатиры Горация.

О народонаселении в России

Статья впервые была опубликована в журнале «Чтения Императорской академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отделение наук исторических, филологических и политических» (СПб., 1831. Кн. 1. С. 115–128).

Это произведение являет собой текст речи, произнесенной Уваровым 29 декабря 1830 г. на публичном заседании Академии наук. В ней автор сопоставляет демографическое положение в Европе и в России в связи с европейскими экономическими теориями. Россия, по его мнению, в силу обширности своей территории и позднего вступления на путь цивилизации избавлена от двух главных бед Европы: перенаселения и промышленного переворота, лишаящего многих людей работы и порождающего социальные потрясения. В России «земля и народ состоят во взаимном уравнении, в коем довольно земли для рук и довольно рук для потребностей государственных», в то же время промышленность в России начала развиваться, когда в Европе уже появилось машинное производство, и в силу этого с самого начала была механизирована. Поэтому «в России машины благотворны и необходимы и не только не возбуждают ненависти народа, но еще сильно

и верно содействуют его благосостоянию и согласуются с числом людей, коих без вреда для земледелия можно отделить на фабрики». Таким образом, Уваров пыгается, с одной стороны, обосновать особый, русский путь экономического развития, а с другой — необходимость учитывать западноевропейский опыт «для узнания лучшего».

Статья печатается по первой публикации.

⁶¹⁰ Имеются в виду последователи экономической теории Ф. Кенэ (см. комм. 615), более известные под названием физиократов, считавшие сельское хозяйство главной основой экономического процветания государства.

⁶¹¹ *Сей* (Say) Жан-Баптист (1767–1832) — французский экономист, получил коммерческое образование в Англии, в начале Французской революции вернулся в Париж, сотрудничал в журналах. В 1799 г. был назначен Наполеоном на службу в финансовый комитет трибуната, однако разошелся с ним во взглядах на налоги, которые считал злом и призывал правительство к бережливости, за что был уволен со службы. После падения Наполеона в 1814 г. выбран в Академию, с 1830 г. профессор политической экономии в Коллеж де Франс. Как экономист, Сей известен, главным образом, в качестве создателя теории сбыта, доказывающей, что народы уплачивают за продукты продуктами же и что все законы, запрещающие покупку, подрывают в то же время и продажу. Отсюда логично вытекало требование свободы торговли.

⁶¹² *Сисмонди* (Simonde de Sismondi) Жан-Шарль-Леонард (1773–1842) — швейцарский экономист и историк, с 1798 г. занял место секретаря торговой палаты в Женеве. Его первые экономические труды появились в начале XIX в. В них Сисмонди выступил последователем экономических идей А. Смита. Посещение Англии в 1815 г. (в период тяжелого экономического кризиса) заставило его пересмотреть многие положения А. Смита, Риккардо и Мальтуса. В результате появились его главные экономические труды: «Новые принципы политической экономии» (1819) и «Исследования по политической экономии». Как экономист, противопоставлял конкуренцию в сфере производства, где она служит прогрессу промышленности, и конкуренцию в сфере распределения, где она порождает неблагоприятные социальные последствия: безработицу, ухудшение условий труда и т. д. К числу негативных последствий конкуренции Сисмонди относил и экономические кризисы, причину которых он видел в том, что рабочие лишаются возможности пользоваться результатами растущей производительности их же труда по той причине, что рост их зарплаты сильно отстает от роста производства, вследствие чего их покупательская способность отстает от товарного предложения.

⁶¹⁵ *Мальтус* (Malthus) Томас Роберт (1766–1834) — английский экономист, с 1805 г. профессор истории и политической экономии в коллегии Ост-Индской компании в Гейльбери, в Гертфордшире, автор знаменитой книги «Опыт о народонаселении» (1798). Основная идея Мальтуса заключается в том, что народонаселение растет в геометрической прогрессии, а производство средств к существованию только в арифметической. Поэтому чтобы привести прирост населения в соответствие с увеличением жизненных ресурсов, государство должно отказаться от поддержки бедных, отдав заботу о них в руки частной благотворительности.

⁶¹⁴ *Рикардо* (Ricardo) Давид (1772–1823) — английский экономист, представитель классической школы политической экономии, сторонник трудовой теории стоимости.

⁶¹⁵ *Кене* (Quesnay) Франсуа (1694–1774) — французский экономист, основатель школы экономистов, или физиократов. По образованию врач. С 1737 г. — профессор Хирургической академии в Париже, с 1752 г. придворный врач Людовика XV, хозяин салона, где собирались просветители и государственные деятели (Д'Аламбер, Дидро, Дюкло, Мармонтель, Бюффон, Гельвеций, маркиз Мирабо, Тюрго и др.). Экономикой Кене занялся уже в конце жизни, начав писать экономические статьи для Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Главное, по мнению Кене, заключается в том, чтобы человек мог свободно пользоваться результатами своего труда. Общество должно предоставить человеку возможность трудиться, но при этом оно обязано гарантировать ему минимум средств к существованию. Общество, по Кене, делится на три класса: 1) земледельцев (производительный класс), приносящих чистый доход, за счет которого содержатся остальные классы; 2) переработчиков (бесплодный класс), не создающих ничего нового, но перерабатывающий то, что добыто первым классом для удовлетворения различных потребностей; 3) собственников, ничего не создающих и не перерабатывающих, а только получающих чистый доход. Общественная функция последних заключается в развитии духовной культуры и управлении государством.

⁶¹⁶ Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг.

⁶¹⁷ Имеются в виду европейские революции 1830–1831 гг.

Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.)

Отчет был опубликован в «Сборнике постановлений Министерства народного просвещения». (Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. СПб., 1875. Стб. 503–529.)

Во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. Московский университет становится одним из центров общественного движения в России. Некоторые студенты привлекались к деятельности тайных организаций и кружков, существовавших в Москве, создавались кружки и внутри самого университета (например, кружок братьев Критских, Я. И. Костенецкого). Естественно, что это вызывало опасения правительства, тем более что еще были свежи в памяти события 14 декабря 1825 г. Летом 1831 г. в Москве было раскрыто тайное общество, возглавляемое бывшим губернским секретарем Н. П. Сунгуровым, в состав которого входило 12 студентов Московского университета. Сунгуров выдавал себя за члена декабристской организации, якобы уцелевшей после разгрома на Сенатской площади. Через руководителя студенческого кружка Костенецкого он привлек к своей деятельности и студентов. Летом 1831 г., вследствие доноса И. Н. Полоника, также студента Московского университета, общество было раскрыто; Сунгурова и еще 25 человек арестовали. По приговору суда Сунгуров и Ф. П. Гуров были отправлены на каторгу в Сибирь, Костенецкий и 4 его товарища отданы в солдаты, остальные оказались под надзором полиции.

«Сунгуровское дело», а также сомнения правительства в политической благонадежности студентов и некоторых профессоров Московского университета, стали главным поводом к организации инспекции этого учебного заведения, которую и осуществил в 1832 г. С. С. Уваров, назначенный к тому времени товарищем министра народного просвещения.

Как считает Л. И. Насонкина, одним из дополнительных поводов для ревизии университета могла послужить записка графа А. Н. Панина, представленная министру просвещения в 1831 г. Записка, содержащая в себе характеристики некоторых преподавателей, «как бы призывала проверить преподавательский состав университета, чтобы отделаться от «лукавых», «строптивных», инакомыслящих». (См.: *Насонкина Л. И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972. С. 115.)

«Отчет» важен тем, что в нем Уваров впервые официально обнародовал свои идеи по поводу развития не только Московского университета, но и в целом государственной образовательной системы, основанной на принципах «православия, самодержавия, народности».

Текст печатается по единственной публикации.

⁶¹⁸ Попечителем Московского учебного округа в 1830–1835 гг. был князь Сергей Михайлович Голицын (1774–1859).

⁶¹⁹ *Голохвастов* Дмитрий Павлович (1796–1849) — государственный деятель. В 1831–1847 гг. — помощник попечителя Московского учебного округа, а с 1847 г. — попечитель этого же округа. Занимался русской историей, автор нескольких статей, опубликованных в журнале «Москвитянин».

- ⁶²⁰ *Щепкин* Павел Степанович (1793–1836) — профессор математики Московского университета. Преподавательскую деятельность начал в 1815 г., в 1826 г. был утвержден в звании ординарного профессора, в 1811 г. основал первое в России математическое общество, в 1830–1833 гг. исполнял обязанности инспектора казенных студентов, а также являлся директором Медицинского института.
- ⁶²¹ Казенные (казеннокоштные) студенты находились на полном обеспечении государства, проживая в общежитиях под контролем инспекторов, в отличие от своекоштных, живших и обучавшихся за свой счет. Институт казеннокоштных студентов просуществовал в России до 1860-х гг., когда казенное содержание было заменено стипендией.
- ⁶²² *Каченовский* Михаил Трофимович (1775–1842) — историк, публицист, профессор Московского университета. В 1805–1830 гг. — издатель «Вестника Европы». Один из основателей и ярких представителей скептической школы в исторической науке. Доведя до крайности критический метод А. Л. Шлёцера, Каченовский пытался доказать несостоятельность большинства известных фактов из истории Киевской Руси, считая некоторые источники того времени более поздней подделкой.
- ⁶²³ *Давыдов* Иван Иванович (1792–1863) — философ, эстетик, филолог, профессор Московского университета. В молодости Давыдов увлекался учением Ф. Шеллинга, наряду с М. Г. Павловым (см. комм. 643) стал одним из первых пропагандистов идей шеллингианства в Московском университете. С 1831 г. в качестве профессора занял кафедру красноречия, стихотворства и языка российского, переименованную позже в кафедру российской словесности и истории русской литературы. Был близок к уваровскому кругу, способствовал пропаганде триады Уварова «православие, самодержавие, народность». Взгляды Давыдова на проблемы изучения словесности были обобщены и систематизированы им в 4-томном издании «Чтения о словесности» (1836), первом комплексном исследовании истории словесности, анализируемой, однако, не в хронологическом порядке, а по жанрам литературных произведений. С 1841 г. академик Императорской Академии наук. В 1847–1859 гг. возглавлял Главный педагогический институт в С.-Петербурге.
- ⁶²⁴ *Перевоицков* Дмитрий Матвеевич (1788–1880) — астроном, профессор Московского университета, в 1848–1851 гг. занимал должность ректора Московского университета, с 1851 г. — академик. По его инициативе в начале 1830-х гг. была построена Московская обсерватория.

- ⁶²⁵ *Болдырев* Алексей Васильевич (1780–1842) — ориенталист, переводчик, профессор Московского университета. Автор первой на русском языке «Краткой арабской грамматики» (1827). В 1832–1837 гг. занимал должность ректора Московского университета.
- ⁶²⁶ *Фишер-фон-Вальдгейм* Александр Григорьевич (1803–1884) — ученый-биолог, профессор зоологии в Московском университете с 1832 г. Также являлся профессором ботаники и фармакологии в Медико-хирургической академии. Автор ряда научных работ в области медицины.
- ⁶²⁷ Адъюнкт — ученое звание, предшествовавшее профессорскому.
- ⁶²⁸ *Погодин* Михаил Петрович (1800–1875) — историк, общественный деятель, издатель, журналист. В Московском университете преподавал с 1826 г., сначала всеобщую историю, а с 1835 г. был определен профессором русской истории и занимал эту должность до 1844 г. С 1841 г. — академик Императорской Академии наук. Занимался преимущественно историей Древней Руси, являясь сторонником норманнской теории происхождения государства у восточных славян. Автор обобщающих трудов по русской истории: «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (Т. 1–7. М., 1846–1857), «Древняя русская история до монгольского ига» (Т. 1–3. М., 1871). Погодин известен как один из наиболее ярких сторонников Уварова, теоретиков и пропагандистов официальной идеологии. Являясь представителем консервативного направления русской общественно-политической мысли, он рассматривал в своих научных и публицистических работах проблему исторического развития России в рамках идеологической формулы «православие, самодержавие, народность». Подобная общественная позиция сочеталась у Погодина с интересом к славянству и идеями панславизма. Совместно с С. П. Шевыревым издавал журналы «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856).
- ⁶²⁹ Наиболее известным из Максимовичей был *Максимович* Михаил Александрович (1804–1873), филолог, историк и этнограф. В то время, когда Уваров инспектировал Московский университет, Максимович преподавал в нем ботанику. В 1834 г. он перевелся в университет Св. Владимира в Киеве, став первым его ректором и, одновременно, заняв кафедру русской словесности. В 1841 г., по состоянию здоровья, вышел в отставку. Высокую оценку современников получили работы Максимовича, посвященные русскому и малороссийскому фольклору, древнерусским источникам (таким, как «Слово о полку Игореве», переведенное им на украинский язык). Максимович принимал активное участие в общественной жизни, был знаком со многими учеными и литераторами. В 1830–1834 гг.

в Петербурге издавал альманах «Денница», в котором публиковались А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Хомяков и др. Работая в Киеве, Максимович пытался содействовать культурному сближению западных губерний с великороссийскими (на что рассчитывал и Уваров). Характеризуя в 1840 г. свой альманах «Киевлянин», Максимович писал князю П. А. Вяземскому, что, в отличие от петербургского его детища «Денницы», в котором он пытался бороться за честь русской словесности, выступая против Ф. В. Булгарина и его окружения, «здесь стоим и ополчаемся противу польского духа за святую, древнюю, первозванную Русь Киевскую». (См.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева, М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 199.)

⁶³⁰ *Альфонский* Аркадий Алексеевич (1796–1869) — известный русский хирург, профессор кафедры хирургии Московского университета. В 1850–1863 гг. — ректор университета.

⁶³¹ *Рихтер* Михаил Вильгельмович (1799–1874) — врач-акушер, тайный советник. С 1827 г. — профессор Московского университета, преподавал акушерство, женские и детские болезни. В отставку отправлен в 1851 г. с утверждением в звании заслуженного профессора.

⁶³² *Эйnbrодт* Петр Петрович (1802–1840) — анатом, профессор кафедры анатомии Московского университета (с 1829). Являлся также членом Императорского общества испытателей природы.

⁶³³ *Лодер* Христиан Иванович (1753–1832) — врач, анатом, профессор Йенского и Галльского университетов, с 1810 г. на русской службе, лейб-медик императора Александра I. В 1813–1817 гг. заведовал военным госпиталем в Москве, с 1819 г., не входя в штат Московского университета, безвозмездно шесть раз в неделю по два часа читал студентам курс анатомии. Шеллинг знал Лодера, вероятно, еще по Йене, где с 1798 г. вел занятия в университете в качестве экстраординарного профессора. Лодер в это время издавал там «Журнал хирургии» (1797–1801), в его доме собирался литературный кружок, который часто посещали И. В. Гёте и братья А. и В. Гумбольдты.

⁶³⁴ *Терновский* Петр Матвеевич (1798–1874) — писатель, протоиерей, профессор богословия и церковной истории в Московском университете.

⁶³⁵ *Мухин* Ефрем Осипович (1766–1850) — врач, профессор Московского университета в 1817–1835 гг., автор ряда научных работ по медицине.

- ⁶³⁶ *Котельницкий* Василий Михайлович (1770–1844) — профессор Московского университета по врачебному веществу словию, фармации и врачебной словесности в 1810–1835 гг.
- ⁶³⁷ *Ивашковский* Семен Мартынович (?–1850) — профессор Московского университета по кафедре греческой словесности в 1819–1835 гг. Автор «Полного греко-русского словаря» (М., 1838), «Полного русско-латинского словаря» (М., 1838–1841) и ряда научных работ в области филологии и философии.
- ⁶³⁸ *Василевский* Дмитрий Ефимович (1781–?) — юрист, закончил Главный педагогический институт, впоследствии там же преподавал психологию и логику, в Московском университете занимал должность профессора политического и народного права.
- ⁶³⁹ *Снегирев* Иван Михайлович (1793–1868) — профессор латыни и этнографии Московского университета. Несмотря на то, что основной специальностью Снегирева была римская словесность, наибольшую известность он получил как исследователь русской истории и древностей. Особой популярностью пользовались его работы по русскому фольклору: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» (М., 1831–1834), «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837–1839), «Лубочные картинки» (М., 1844 и 1861), «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848), «Новый сборник русских пословиц» (М., 1857). См. также: *Снегирев И. М.* Дневник / Предисл. А. А. Титова. Т. 1–2. М., 1904.
- ⁶⁴⁰ *Смирнов* Семен Алексеевич (1777–1847) — писатель, переводчик, профессор российского законодательства Московского университета. Смирнов читал лекции в университете по составленному им самим руководству: «Легчайший способ к познанию российских законов» (М., 1813). По отзывам современников, он не пользовался особой популярностью у студентов. Так, например, А. Д. Галахов отмечал, что «лекции профессора, очень серьезного по внешности, но весьма не остроумного, обдавали нас скукой». См.: *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999. С. 75.
- ⁶⁴¹ *Надеждин* Николай Иванович (1804–1856) — русский публицист, критик, издатель, этнограф, профессор теории изящных искусств, археологии и логики в Московском университете в 1832–1835 гг. Сторонник философской системы Ф. Шеллинга, Надеждин старался в своих лекциях знакомить студентов с основными направлениями развития философской мысли. Несмотря на первоначальную популярность его лекций, некоторые студенты отмечали впоследствии отсутствие в них серьезного

содержания и глубины (См. напр.: Аксаков К. С. Воспоминание студента 1832–1835 годов. СПб., 1911. С. 22). Как литературный критик и издатель журнала «Телескоп», Надеждин сыграл важную роль в развитии русской журналистики и общественной мысли того периода. После закрытия его журнала в 1836 г. (см. комм. 642), Надеждин был выслан в Усть-Сысольск, где начал активно заниматься этнографией и исторической географией.

⁶⁴² «Телескоп» — русский журнал, издававшийся в Москве в 1831–1836 гг. Н. И. Надеждиным. В 1834–1836 гг. непосредственное участие в издании журнала принимал В. Г. Белинский. В журнале публиковались многие известные литературные и общественные деятели, ученые, в том числе будущие славянофилы и западники. Журнал был запрещен в октябре 1836 г. за публикацию первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. «Молва. Газета мод и новостей» являлась приложением к журналу.

⁶⁴³ Павлов Михаил Григорьевич (1793–1840) — философ, физик, биолог, профессор Московского университета. Своей деятельностью Павлов способствовал развитию науки о сельском хозяйстве в России. Занимался также издательской деятельностью, издавал журнал «Атеней» (1828–1830). В университете и печати выступал сторонником идеалистической философии Ф. Шеллинга, оказывая огромное влияние на формирование молодого поколения 1820–1830-х гг.

⁶⁴⁴ Васильев Николай Семенович — профессор Московского университета. На момент ревизии, проводимой Уваровым, Васильев занимал должность адъюнкта по кафедре политической экономии и дипломатии. С 1833 г. — профессор. В 1835–1845 гг. преподавал законы о государственных повинностях и дипломатии.

⁶⁴⁵ Голицын Дмитрий Валерьевич (1771–1844) — князь, военный и государственный деятель, генерал от кавалерии. Принимал участие в коалиционных войнах 1805–1807 гг. против наполеоновской Франции, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. С 1820 г. — московский генерал-губернатор.

⁶⁴⁶ Румянцев Сергей Петрович (1755–1838) — общественный деятель, дипломат и литератор, младший сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. При Екатерине II был посланником в Берлине. В 1788 г. был отозван в Россию. При Александре I составил на имя императора записку по крестьянскому вопросу, которая легла в основу указа «о вольных хлебопашцах» (1803).

⁶⁴⁷ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — русский поэт, баснописец.

- ⁶⁴⁸ *Гагарин* Сергей Иванович (1777–1862) — князь, один из основателей Московского общества сельского хозяйства. С 1844 г. — президент этого общества.
- ⁶⁴⁹ *Двигубский* Иван Алексеевич (1771–1839) — профессор Московского университета; в 1826–1833 гг. — ректор. Известный популяризатор естествознания.
- ⁶⁵⁰ Уваров имеет в виду так называемое «сунгуровское дело», материалы которого он исследовал, прежде чем инспектировать Московский университет.
- ⁶⁵¹ «Московский телеграф» — научно-литературный журнал либерального направления, издаваемый в Москве в 1825–1834 гг. Н. А. Полевым (1796–1846). Журнал был запрещен после того, как Полевой поместил на его страницах критическую рецензию на вышедшую в 1834 г. патриотическую драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла».
- ⁶⁵² *Лазарев* Николай Васильевич (1796–?) — сторонний цензор Московского цензурного комитета в 1830–1835 гг.
- ⁶⁵³ Имеется в виду *Ливен* Карл Андреевич, занимавший в 1828–1833 гг. пост министра народного просвещения.
- ⁶⁵⁴ Уже с 1833 г. в Москве стало ежемесячно выходить периодическое издание «Ученые записки Императорского Московского университета», первоначально под редакцией И. И. Давыдова, а затем Д. М. Перевощикова.
- ⁶⁵⁵ Благородный пансион при Московском университете был основан еще в 1779 г. (первоначально как особые классы для воспитанников дворянского происхождения). В 1831 г. статус пансиона изменился, и он был реорганизован в гимназию. В 1833 г. 1-я гимназия была реорганизована в Дворянский институт.
- ⁶⁵⁶ *Окулов* Матвей Алексеевич (1792–1853) — действительный статский советник, камергер. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. С 1830 г., покинув военную службу, возглавлял гимназии Московского учебного округа. Будучи женатым на сестре П. В. Нащокина, друга А. С. Пушкина, хорошо знал последнего.
- ⁶⁵⁷ В 1834 г. правительство выкупило дом, принадлежавший ранее графу А. И. Мусину-Пушкину (1744–1817), расположенный на пересечении Старой и Новой Басманной улиц. В 1835–1917 гг. там располагалась 2-я мужская гимназия.

- ⁶⁵⁸ Дом Пашкова (сейчас одно из зданий Российской государственной библиотеки) принадлежит к числу самых знаменитых зданий Москвы, построенных в стиле классицизма. Он был построен в 1784–1787 гг., предположительно архитектором В. И. Баженовым, по заказу отставного офицера, сына денщика Петра I, П. Е. Пашкова. В 1839 г. дом был выкуплен правительством у наследников Пашкова для организации в нем Дворянского института.
- ⁶⁵⁹ Большая часть студентов и преподавателей Виленского университета принимала участие в польском восстании 1830–1831 гг., что предопределило его судьбу. После разгрома восстания, в 1832 г. университет и ряд школ этого края были закрыты. Вся учебная система впоследствии подверглась полной реорганизации.

Заметка о Гёте

Впервые было опубликовано отдельной брошюрой на французском языке: Notice sur Goethe. SPb., 1833.

Эта «Заметка» представляет собой речь Уварова, произнесенную 22 марта 1833 г. на пленарном заседании Академии наук. Она посвящена памяти Гёте, скончавшегося 22 марта 1832 г.

Эта речь Уварова, президента Академии наук и министра народного просвещения (указ о его назначении был подписан 21 марта 1833 г.), как и другие его речи, имеет идеологический подтекст. Уваров стремился включить Гёте в контекст контрреволюционной политики Николая I и на примере его высокого, по словам автора, «монархического» авторитета в немецкой литературе подчеркнуть преимущества монархического строя. В Европе речь Уварова вызвала неоднозначную реакцию. Ее приветствовал О. де Бальзак, писавший Уварову: «Право я думаю, что автор похвалы Гёте удостоил видеть во мне собрата». (Цит. по: *Дурьилин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // *Литературное наследство.* Т. 4–6. М., 1932. С. 216.) Однако в ближайшем окружении Гёте в Веймаре заметка Уварова, по его собственным словам, «произвела совсем другое впечатление». Своему учителю древнегреческого языка профессору Грефе он писал не без разочарования: «По-видимому, меня хотят обвинить за то, что я не слишком фанатически и без идолопоклонства трактовал Гете». (Там же. С. 216.)

Речь Уварова сразу же была переведена на русский и немецкий языки. Русский перевод (неполный без вступления и заключения) И. И. Давыдова был опубликован отдельным изданием: Слово его превосходительства господина управляющего министерством народного просвещения, президента Санкт-Петербургской Академии наук, Сергея Семеновича Уварова, произнесенное на французском языке в торжественном собрании Акаде-

мии 21 марта 1833. Перевод профессора И. И. Давыдова. М., 1833. В том же году появились два немецких перевода: перевод дерптского профессора К. Моргенштерна: *Über Goethe...* SPb., 1833, и перевод доктора Людвига, опубликованный в газете: *Literarische Blätter der Börsen-Halle*. 1833, № 829, 3. Juli. (См.: *Жирмунский В. М. Гете в русской литературе*. Л., 1982. С. 513).

Речь Уварова публикуется по изданию: *Ouvaroff. Etudes de philology et de critique*. SPb., 1843. P. 337–353 — в переводе В. С. Парсамова.

⁶⁶⁰ Платон друг... — оборванная латинская поговорка: «Платон мне друг, но истина дороже».

⁶⁶¹ *Кювье* (Cuvier) Жорж Леопольд (1769–1832) — французский естествоиспытатель, учился в Каролингской академии (Штутгарт), на факультете камеральных наук, в 1795 г. стал профессором в центральной школе Пантеона, преподавал сравнительную анатомию в Жарден де Планта, с 1796 г. член национального института, в 1800 г. занял кафедру естественной истории в Коллеж де Франс, член Французской академии, пэр Франции.

⁶⁶² *Сестини* (Sestini) Доменико (1750–1832) — итальянский нумизмат, путешественник, объездил большую часть Европы и Левант в поисках древних монет, изучал природу, топографию, промышленность и население посещаемых стран, в конце жизни стал профессором Пизанского университета.

⁶⁶³ *Ремюза* (Rémusat) Жан-Пьер-Абель (1788–1832) — французский ориенталист, профессор китайского и маньчжурского языков в Коллеж де Франс, президент Азиатского общества.

⁶⁶⁴ *Шампольон* (Champollion) Жан Франсуа (1790–1832) — французский ориенталист, археолог, основатель египтологии, профессор в Гренобле при Наполеоне, специалист по надписям, автор египетской грамматики.

⁶⁶⁵ *Шанталь* (Chaptal) Жан-Антуан (1756–1832) — граф, французский химик, врач и государственный деятель. В годы революции заведовал селитряным заводом, изобрел способ дешевого производства пороха, с 1794 г. заведовал кафедрой химии в Монпелье, с 1798 г. член Института. В 1800–1804 гг. — министр внутренних дел, во время Ста дней был директором управления торговли и мануфактур. Оставил воспоминания о Наполеоне.

⁶⁶⁶ Имеется в виду Июльская революция 1830 г. во Франции и последовавшая за ней революция в Бельгии.

- ⁶⁶⁷ Уваров уподобляет роль интеллекта, знаний, науки в современной ему эпохе аграрным законам Древнего Рима, где они играли основополагающую роль и, по словам Тита Ливия, «всегда вызывали величайшие потрясения» (*Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 96).
- ⁶⁶⁸ Факт личных контактов Уварова и Гёте не установлен. Возможно, упоминания об этих контактах являются фальсификацией Уварова.
- ⁶⁶⁹ *Шекспир* (Shakespeare) Уильям (1564–1616) — английский драматург и поэт, один из самых знаменитых драматургов мира.
- ⁶⁷⁰ *Вольтер* (Voltaire) (наст. имя Аруэ [Arouet]) Франсуа Мари (1694–1778) — великий французский философ-просветитель.
- ⁶⁷¹ Имеется в виду французская литература предреволюционных лет.
- ⁶⁷² *Бодмер* (Bodmer) Иоганн-Яков (1698–1783) — швейцарский поэт, литературный критик, общественный деятель. С 1721 г. издавал еженедельную литературную газету «Разговоры живописцев» по образцу английского «Зрителя». Вокруг газеты сложился литературный кружок, получивший название цюрихцев, или швейцарской школы. Приверженцы Бодмера критически оценивали немецких авторов, особенно К. Гютшеда, главу лейпцигской школы, за подражание французской литературе. Вместо этого они предлагали ориентироваться на древнегерманскую поэзию и античность.
- ⁶⁷³ *Геллерт* (Gellert) Христиан (1715–1769) — немецкий поэт и моралист, с 1751 г. экстраординарный профессор философии в Лейпцигском университете, автор популярных в свое время нравоучительных произведений в стихах и прозе.
- ⁶⁷⁴ *Клопшток* (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724–1803) — немецкий поэт, автор религиозно-эпической поэмы «Миссиада» (1773) (см. русский прозаический перевод А. Кутузова: М., 1785–1787; 2-е изд. — М., 1820–1821).
- ⁶⁷⁵ *Лессинг* (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781) — теоретик искусства, критик, драматург, считается основоположником немецкой классической литературы, автор знаменитого теоретического трактата «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии».
- ⁶⁷⁶ *Виланд* (Wieland) Кристофор Мартин (1733–1813) — немецкий поэт и писатель, в юности входил в цюрихский кружок Бодмера, пропаган-

дировал французскую просветительскую литературу, увлекался Руссо. С 1772 г. обосновался в Веймаре.

- ⁶⁷⁷ Возможно, имеется в виду *Глюк* (Glück) Кристоф Виллибальд (1714–1787) — французский композитор немецкого происхождения, писавший оперы по итальянскому шаблону.
- ⁶⁷⁸ Имеется в виду группа философов и ученых, связанных с изданием «Энциклопедии или Систематического словаря наук, искусств и ремесел, выбранного из лучших авторов и особенно из английских словарей обществом ученых и расположенных по порядку, Дидро и — в отделе математики — Даламбером», выходявшей во Франции с 1754 по 1772 г. (Вольтер, Бюффон, Мармонтель, Гельвеций, аббаты Рейналь и Морелле, Гольбах, Кондильяк, Мабли, Лагарп, Сен-Ламбер, Гримм, Тюрго, Кондорсе, Неккер, Ж.-Ж. Руссо и др.).
- ⁶⁷⁹ *Сапфо* (Σαπφώ) (конец VII – 1-я пол. VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса, автор мелической (музыкально-песенной) лирики, уроженка лесбийского г. Эреса.
- ⁶⁸⁰ Геркуланум — древнеримский город в Кампании, разрушенный извержением Везувия в 79 г.
- ⁶⁸¹ *Тибулл* (Tibullus) (I в.) — римский поэт, автор любовных элегий.
- ⁶⁸² *Проперций* (Propertius) Секст (50 — ок. 16 до н. э.) — римский поэт, автор элегий.
- ⁶⁸³ Прямых высказываний Гёте о Французской революции действительно немного, но никак нельзя сказать, что он замкнулся в «гордом молчании». Так, например, в письме к Фрицу Якоби от 3 марта 1790 г. он писал: «Что Французская революция была революцией и для меня, ты можешь себе представить». (Цит. по: *Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 2. М., 1987. С. 12.*) В своем творчестве поэт неоднократно обращался к теме Французской революции. (См.: *Конради К. О. Указ. соч. Т. 2. С. 5–42; Аникст А. Творческий путь Гёте. М., 1986. С. 292–317.*) Словом, С. Дурылин имел все основания для следующего вывода: «Нужно ли доказывать, что Уваров тут попросту лгал, ибо, каково бы ни было отношение Гете к Великой французской революции, он “не безмолвствовал” о ней». (*Дурылин С. Указ. соч. С. 214.*)
- ⁶⁸⁴ Имеется в виду *Кант* (Kant) Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

- 685 *Рабле* (Rablais) Франсуа (1483/1495–1553) — французский писатель эпохи Возрождения, автор сатирического гротескного романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».
- 686 *Шлегель* (Schlegel) Август-Вильгельм (1767–1845) — немецкий литературный критик, переводчик и поэт.
- 687 Синтаксическая ошибка.
- 688 Как установил С. Дурьлин, эти слова, якобы написанные Гёте Уварову, являются фальсификацией. См.: *Дурьлин С.* Указ. соч. С. 205.
- 689 Искусство и древность (нем.).
- 690 Переписка Гёте и Уварова опубликована: *Schmidt G.* Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel // *Russische Revue.* 1888. Bd. 28. H. 2 (отдельное издание под тем же названием: SPb., 1888).
- 691 Двухтомное сочинение Гёте «Учение о цвете» (1810) считается лучшим его научным трудом. В феврале 1811 г. Гёте отправил это произведение Уварову с сопроводительным письмом: «Прилагаемое сочинение, посвященное учению о цветах, прошу Вас, если найдете возможным, передать его превосходительству графу Разумовскому. Люди, которым дан, как ему, самый широкий круг властных воздействий, могут сделать доступным и для массы все то, что есть истинного и полезного в подобной работе. Содержание и задачи этого сочинения, над которым я работал много лет, обстоятельно и подробно изложены в конце прилагаемой тетради (in quarto); к ним я ничего не прибавлю. Я должен только высказать ближайшие побуждения, заставившие меня послать Вам эту работу. Дело в том, что его сиятельство князь Репнин направил в Петербург проф. Рейссига из Касселя, искусного механика и оптика. Он давно знаком с моими задачами и средствами к их решению и, руководствуясь моим сочинением, уже изготовлял для друзей естествознания различные стекла и инструменты, необходимые для основных опытов. Он мог бы, если б это было найдено интересным, соорудить полную аппаратуру для какого-нибудь научного института, и может быть, из этого возникло бы что-нибудь приятное для князя, любящего искусство и науку». (Цит. по: Дурьлин С. Указ. соч. С. 198.)
- 692 *Вернер* (Werner) Абрам-Готтлиб (1750–1817) — немецкий геолог, минералог, основатель геогнозии или исторической геологии, исходящей из представления о том, что минералы образуют определенные типы — горными породами, распределение которых подчиняется определенным законам.

Единственным источником всякого образования на Земле Вернер считал океан и видел в нем причину всякого нового образования горных пород. Такой взгляд получил название непутизма.

⁶⁹³ Как отмечал В. И. Вернадский, «собрание коллекций было для Гёте не проведение времени любителя, знатока, — оно было одним из способов его научной работы. Гёте пришел этим путем в материально благоприятных условиях своей жизни к созданию своеобразного музея, сейчас сохраненного. Гёте, в результате этой работы, становился знатоком той области знания, предметы которой он собирал. Он держал в своей памяти этим путем огромное количество точно установленных, постоянно обдумываемых фактов. Он распространял этот способ научной работы на изучение нумизматики, рисунков, гравюр, камней, скульптуры, медалей. Он работал так упорно и систематически всю жизнь. Работал как ученый». (*Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 242.*)

⁶⁹⁴ Дэви (Davy) Гемфри (1778–1829) — английский химик и физик, с 1820 г. президент Лондонского королевского общества, с 1826 г. иностранный почетный член Петербургской Академии наук. В 1807 г. Дэви получил металлический калий и натрий электролизом их гидроокисей. Это открытие щелочных металлов радикально изменило взгляд химиков на щелочи и окиси металлов, считавшиеся неразложимыми веществами. Говоря о том, что Гёте не знал в то время открытий Дэви, Уваров имеет в виду эпоху наполеоновских войн, поставившую Германию в изоляцию не только по отношению к Англии (континентальная блокада), но и к Франции, где в то время жил Дэви. Но даже без учета этих обстоятельств, как писал В. И. Вернадский, «в эпоху творческой жизни Гете (1770–1832) в области естествознания германская наука являлась провинцией, не открывшей еще свои силы» (*Вернадский В. И. Указ. соч. М., 1988. С. 227–228.*)

⁶⁹⁵ Имеется в виду серия статей Гёте по естествознанию, выходявшая отдельными тетрадами с 1817 по 1824 г. под названием «Вопросы морфологии».

⁶⁹⁶ *Линней* (Linné) Карл (1707–1778) — шведский биолог, естествоиспытатель, привел в порядок весь накопившийся до него и находившийся в хаотическом состоянии фактический материал по ботанике и зоологии. «Во время итальянского путешествия (1785–1788) молодой Гете придавал системам Линнея чрезвычайное значение. Но с течением времени он, по существу, перешел к новым формам классификации, учтя успехи знания». (*Вернадский В. И. Указ. соч. С. 240.*)

- ⁶⁹⁷ *Вольф* (Wolff) Каспар-Фридрих (1733–1794) — немецкий анатом и физиолог, основоположник эмбриологии, в 1766 г. по приглашению Екатерины II приехал в Петербург и стал членом Петербургской Академии наук.
- ⁶⁹⁸ Как показал В. И. Вернадский, зоологические идеи Гёте оказали большое влияние на московскую университетскую науку. Профессор Х. И. Лодер, преподавший в Московском университете анатомию, был близко знаком с Гёте и высоко ценил его научную деятельность. Также и профессор Г. И. Фишер был хорошо осведомлен о естественнонаучных занятиях Гёте и считался с ними. «Зоологические идеи Гёте через них были введены в преподавание Московского университета и прочно держались до вхождения эволюционных идей в начале 1860-х гг.» (*Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 233).
- ⁶⁹⁹ «Наряду с минералогической коллекцией Гёте должно быть поставлено его большое остеологическое собрание, до известной степени носящее характер палеонтологический, так как в нем были собраны кости послетретичных ископаемых, находимых постоянно в то время в Саксен-Веймарском герцогстве и в окрестных местах при постройках, в каменоломнях, в глинищах и при добыче песка. Эта остеологическая коллекция создавалась в связи с анатомо-морфологическими трудами Гёте. (*Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 242.)
- ⁷⁰⁰ Как отмечал В. И. Вернадский, «нахождение *межчелюстной кости* в черепе человека, сделанное Гёте самостоятельно, в действительности открывалось много раз раньше, о чем Гёте и его современники не знали. О ней знал уже Везалий в XVI столетии. Морфологически, но не генетически, Гёте связывал череп с позвонком, генетической связи при этом могло по его мысли и не быть. Эта работа Гёте имела влияние в создании *сравнительной морфологии* и не выходит из поля зрения в ней до сих пор». (*Вернадский В. И.* Указ. соч. С. 249–250.)

Общий взгляд на философию словесности

Статья впервые была опубликована в сборнике: *Ouvaroff. Etudes de philology et de critique.* SPb., 1843. P. 317–331 — с посвящением французскому историку, публицисту, государственному деятелю Просперу де Баранту (1782–1866, в русском переводе посвящение снято).

Статья датируется самим Уваровым октябрём 1840 г. В ней противопоставляются античная (дохристианская) литература и литература христианского периода европейской истории. С одной стороны, эти части рассмат-

риваются стадияльно, как сменяющие одна другую во всемирной истории человечества при переходе от язычества к христианству, а с другой — типологически, как две различные формы общественного сознания, отраженные в литературе. Уваров подробно останавливается на более ему знакомой античной литературе и лишь в общих чертах характеризует литературу XVIII в., не упуская при этом случая отметить «неверие» таких авторов, как Вольтер, Байрон и Жорж Санд.

Статья публикуется по русскоязычному изданию: Общий взгляд на философию словесности графа С. С. Уварова (СПб., 1848).

⁷⁰¹ *Юстин* (Iustinus) (начало II в. — 165 н. э.) — римский философ, перешедший от платонизма к христианству, писатель, странствующий проповедник Христа, принявший мученическую смерть.

⁷⁰² *Федон* (Φαίδων) (V в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, основатель философской школы в Элиде. Платон назвал его именем свой диалог о бессмертии души.

⁷⁰³ Имеется в виду комедия Аристофана «Облака».

⁷⁰⁴ *Боссюэт* (Bossuet) Жак Бенин (1627–1703) — французский проповедник, историк и богослов.

⁷⁰⁵ После смерти — ничего (*лат.*).

⁷⁰⁶ *Паскаль* (Pascal) Блез (1623–1662) — французский философ и ученый, автор «Мыслей», написанных в защиту христианской религии.

⁷⁰⁷ Плавание вокруг материка.

⁷⁰⁸ *Катон* (Cato) Марк Порций (Младший или Утический) (95–46 до н. э.) — римский политический деятель, стоик, республиканец; покончил жизнь самоубийством после поражения республиканских войск при Тапсе.

⁷⁰⁹ *Тразеа* (Traseas) Клодий Пэт Публий (?–66 до н. э.) — римский философ-стоик и государственный деятель, сенатор, консул-суффект с 56 г., глава стоической оппозиции при Нероне, был приговорен к смерти и покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены.

⁷¹⁰ *Брут* (Brutus) Марк Юний Цепин (85–42 до н. э.) — римский сенатор, известный как защитник республиканского строя и убийца Цезаря, покончил с собой после поражения в битве при Филиппах.

- ⁷¹¹ *Петрарка* (Petrarca) Франческо (1304–1374) — итальянский поэт, крупнейший представитель итальянского Возрождения.
- ⁷¹² *Виссарион* (Βησσαρίων) Никейский (1403–1472) — греческий церковно-политический и культурный деятель, участник собора в Ферраре и Флоренции 1438–1439 гг., посвященного вопросу воссоединения церквей. После собора, обвиненный православным духовенством в том, что он «продал веру», Виссарион поселился в Италии и был возведен в сан кардинала, пытался организовать крестовые походы против турок, вел переговоры с Москвой по поводу брака Ивана III и Зои Палеолог. Уваров упоминает его как культурного деятеля, близкого к гуманистам. Виссарион пропагандировал античную литературу и философию, переводил Платона, Аристотеля, Теофраста и Ксенофонта, собрал обширную библиотеку, которая в дальнейшем послужила основой знаменитой библиотеки Святого Марка в Венеции.
- ⁷¹³ *Медичи* (Medici) Лоренцо (1448–1492) — итальянский гуманист, культурный и политический деятель, внук Казимо Медичи (см. комм. 352), расширил созданную его дедом библиотеку, основал академию во Флоренции, покровительствовал ученым и писателям.
- ⁷¹⁴ *Жорж Санд* (George Sand) — литературный псевдоним знаменитой французской романистки Авроры Дюдеван (1804–1876), крупнейшей представительницы европейского романтизма, проповедовавшей свободу чувств и борьбу с общественными предрассудками.

Князь де Линь

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на французском языке: *Le prince de Ligne*. SPb., 1842.

Этой статьей открывается цикл мемуарной эссеистики Уварова, посвященной политическим и культурным деятелям конца XVIII — начала XIX в., с которыми он был знаком со времени своей дипломатической службы в Вене. В этом очерке, посвященном одному из ярких представителей французской аристократии XVIII в., Уваров стремится донести до читателя уже ушедшую в прошлое атмосферу салонной культуры XVIII в., но главное для него — подчеркнуть собственную причастность к этой элитарной культуре. В этом, как и в последующих очерках, на первом месте, вольно или невольно, оказывается фигура повествователя.

Статья печатается по: *Ouvaroff. Etudes de philology et de critique*. SPb., 1843. P. 355–372 — в переводе В. С. Парсамова.

- ⁷¹⁵ Имеется в виду русская императрица Екатерина II, к которой де Линь был послан с важными поручениями в 1782 г. В 1787 г. он находился в свите императрицы во время ее путешествия по России. В 1788 г. был отправлен в армию кн. Потемкина и участвовал в осаде крепости Очаков.
- ⁷¹⁶ Имеется в виду прусский король Фридрих II.
- ⁷¹⁷ Имеется в виду австрийский император Иосиф II.
- ⁷¹⁸ Австрийский орден, которым награждались лица благородного происхождения за многолетнюю воинскую службу, подвиги в бою и полученные ранения.
- ⁷¹⁹ Австрийский орден, учрежденный герцогом Бургундским Филиппом III в 1430 г. После включения Бургундии в состав империи Габсбургов суверенитет над орденом достался испанским королям. После перехода испанского престола к Бурбонам суверенитет над орденом разделился на две ветви — Испанскую и Австрийскую.
- ⁷²⁰ Имеются в виду события 1789–1794 гг.: в декабре в Бельгии вспыхнуло антиавстрийское восстание, а в январе 1790 г. Бельгия провозгласила свою независимость, но уже весной австрийское правление было восстановлено. С началом революционных войн Бельгия оказалась во власти французов. Однако после поражения Дюмурье при Неервиндене (18 марта 1793) французы были вытеснены из Бельгии, и власть в ней перешла к императорскому наместнику эрцгерцогу Карлу, но после победы французов при Флерюсе (9 июля 1794) французские войска заняли Брюссель, и Бельгия вошла в состав Франции.
- ⁷²¹ *Роже де Дамас* (Roger de Damas) Жозеф Франсуа Луи Шарль (1765–1823) — граф, французский аристократ, офицер. В 1787 г. был в России, принял участие в русско-турецкой войне, во время Французской революции был адъютантом графа Д'Арту, затем командовал легионом Мирабо в армии Конде, был на службе у неаполитанского короля, воевал против республиканских войск, в период Империи был в эмиграции в Вене.
- ⁷²² *Боннэ* (Bonnap) Шарль Франсуа (1750–1825) — французский военный и писатель. Начал служить пажом у Людовика XV, затем сделал военную карьеру, эмигрировал в начале революции в Англию, выполнял различные миссии в Вене и в Варшаве, автор героико-комической поэмы «Взятие аннонсиад. Послание о революции» (1796), переводчик Стерна на французский язык.

- ⁷²³ См. о нем статью Уварова в настоящем издании.
- ⁷²⁴ См. о ней статью Уварова в настоящем издании.
- ⁷²⁵ Так называли в обществе Мадам де Сталь по имени героини ее романа «Корина или Италия».
- ⁷²⁶ *Неккер* (Necker) Жак (1732–1804) — отец Мадам де Сталь, французский государственный деятель швейцарского происхождения, финансист, министр финансов при Людовике XVI, во время революции перешел на сторону третьего сословия.
- ⁷²⁷ *Неккер* (Necker) Сюзанна (1739–1794) — французская писательница, жена министра Неккера, мать г-жи де Сталь, до революции была хозяйкой литературного салона в Париже, где собирались знаменитости.
- ⁷²⁸ В 1766 г. дочь Неккеров была выдана замуж за шведского посланника в Париже Гюлштейна де Сталь.
- ⁷²⁹ *Аренберг* (Arenberg) Огюст-Мари-Рэмон (1753–1833) — князь, более известен как граф де Ла Марк, участник войны за независимость США (1775–1783), в 1789 г. — депутат от дворянства в Генеральных штатах. В 1793 г. эмигрировал из Франции и поступил на австрийскую службу.
- ⁷³⁰ Имеется в виду *Филипп Эгалите* (1747–1793) — сын герцога Луи-Филиппа Орлеанского. Был увлечен демократическими идеями французских просветителей, особенно Ж. Ж. Руссо. На этой почве порвал с королевской семьей и перешел на сторону третьего сословия, в начале революции был очень популярен среди народа, его дворец Пале-Рояль стал любимым местом народных сборищ, при его непосредственном участии был организован «поход» парижан на Версаль (5 и 6 октября 1789), с 1792 г. был избран в Конвент, где занял крайне левую позицию и сблизился с монтаньярами, голосовал за смерть короля. Осенью 1793 г. был обвинен в измене и гильотинирован.
- ⁷³¹ Терм (Термин) — древнеримский бог границ, под покровительством которого состояли пограничные камни и столбы, считавшиеся священными.
- ⁷³² Пьеса Мольера.
- ⁷³³ *Кобенцль* (Cobenzl) фон Людвиг (1753–1809) — граф, австрийский дипломат и государственный деятель. В 1774 г. посланник в Копенгагене, в 1777 г. — Берлине, в 1779–1797 гг. — в Петербурге, где принадлежал

к интимному кружку императрицы Екатерины II. В 1795 г. способствовал заключению союза Австрии с Россией и Англией против Франции; в 1797 г. подписал Кампформийский, а в 1801 г. — Люневильский мирные договоры с Францией. В 1801 г. был назначен государственным канцлером и министром иностранных дел. После подписания Пресбургского мирного договора с Францией ушел в отставку.

- ⁷³⁴ *Потоцкий* (Potocki) Артур (1787–1832) — польский офицер, историк.
- ⁷³⁵ Белей (Beloeil, букв.: «прекрасный глаз») — родовой замок князей де Линей с 1394 г., один из самых больших и красивых замков Бельгии.
- ⁷³⁶ *Талейран-Перигор* (Talleyrand-Périgord) Шарль-Морис, князь Беневентский, герцог Дино (1754–1838) — французский политический деятель, дипломат, министр иностранных дел при всех режимах от Директории до Реставрации включительно.
- ⁷³⁷ Русский перевод этого издания: Письма, мысли и избранные творения принца де Линя, изданные баронессою Сталь Гюлстейн и г-ном Проппианом. Перевод с французского. Т. 1. М., 1809.
- ⁷³⁸ *Шузэль* (Choiseul) Этьен Франсуа, герцог Д'Амбуаз и граф Стэнвилль (1719–1785) — французский государственный деятель, министр иностранных дел и пэр Франции при Людовике XV, играл одну из главных ролей при его дворе, отличался остроумием и изяществом манер, имел большие доходы и еще большие долги. В 1770 г. был отправлен в отставку и фактически сослан в свое имение Шантелу. Автор мемуаров.
- ⁷³⁹ *Помпадур* (Pompadour) де, Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764) — маркиза, дочь крестьянина из Ферте-су-Жуар, фаворитка французского короля Людовика XV, фактически управлявшая Францией в 1745–1764 гг., покровительствовала энциклопедистам.
- ⁷⁴⁰ *Дюбарри* (Dubarry) Мари Жанна (1746–1793) — дочь сборщика податей, фаворитка Людовика XV, после смерти короля была арестована, но вскоре выпущена. Во время революции помогала эмигрантам, за что была арестована и гильотинирована.
- ⁷⁴¹ *Мария Терезия* (Maria Theresia) (1717–1780) — эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии, королева Богемии и императрица Священной Римской империи, основательница Лотарингской ветви династии Габсбургов, мать двух будущих императоров: Иосифа II и Леопольда II, а также французской королевы Марии-Антуанетты.

- ⁷⁴² Игра слов: по-французски «без сознания» (*sans connaissance*), может означать также «без знаний».
- ⁷⁴³ *Куаньи* (*Coigny*) Эмме де Франкот, герцогиня де Флери, графиня де Мон-трон (1769–1820) — образованная великосветская женщина Франции, автор замечательного дневника.
- ⁷⁴⁴ *Потемкин* Григорий Александрович (1739–1791) — российский государственный деятель, фаворит Екатерины II.
- ⁷⁴⁵ *Лаудон* (*Laudohn*) фон Эрнст Гидеон (1716–1790) — барон, австрийский военачальник, генералиссимус, полководец времен Семилетней войны.
- ⁷⁴⁶ *Ласси* (*Lacy*) фон Франц Мориц (1725–1801) — граф, австрийский военачальник, фельдмаршал, участник Семилетней войны, сын российского фельдмаршала П. П. Ласси.
- ⁷⁴⁷ *Фридрих Генрих Людвиг* (*Friedrich Heinrich Ludwig*), принц Прусский (более известный под именем Генрих Прусский) (1726–1802) — прусский военачальник и государственный деятель, младший брат Фридриха II Великого.
- ⁷⁴⁸ Умер в феврале 1790 г.
- ⁷⁴⁹ Большой общественный парк в Вене.
- ⁷⁵⁰ Покойся с миром, добрый Измаил,
Ты будешь оплакан твоим хозяином;
Возможно он утешится
С дочерьми Израиля (*фр.*).
- ⁷⁵¹ Здесь лежит князь де Линь
он вытянут во всю свою длину.
Когда-то он много грешил,
Но это было не все время (*фр.*).
- ⁷⁵² *Альберт-Казимир* (*Albert-Casimir*), герцог Саксен-Тешенский (1742–1822) — сын польского короля Августа III. В 1766 г., женившись на эрцгерцогине Христине, дочери императора Франца и императрицы Марии Терезии, получил во владение Тешенское княжество в Австрийской Силезии, участвовал в коалиционных войнах против революционной Франции, с 1794 г. фельдмаршал. Собрал большую коллекцию гравюр и рисунков известных художников.

- ⁷⁵³ Сражение при Жемаппе произошло 6 ноября 1792 г. Австрийские войска под командованием герцога Альберта Саксен-Тешенского были разбиты французской армией Дюмурье. После этого сражения Бельгия отошла к Франции.
- ⁷⁵⁴ Игра слов: по-французски «бледный» (defait), означает также «потерпевший поражение».
- ⁷⁵⁵ *Франц-Генрих Монморанси* (1628–1695) — герцог Люксембургский, маршал и пэр Франции.
- ⁷⁵⁶ Непереводаемая игра слов. В оригинале: «trois *vertus* en France *vertubleu*, *vertuchou*, *vertugadin*». Три перечисленные «добродетели» (*vertu*) представляют собой перефразировку старинного ругательства: *vertubleu*, *vertuchou*, *vertudieu*, в котором трижды варьируется выражение *черт побери!* Вместо последнего «черт возьми» (*vertudieu*) маршал Люксембургский поставил близкое по звучанию, но далекое по смыслу *vertugadin*, которое на русский переводится либо как «полукруглая лужайка», либо как «фижмы».
- ⁷⁵⁷ Речь идет о Луизе Юнии Констанции Лотарингской, графине де Брионн, жене шталмейстера Людовика XVI, умершей в 1815 г. За несколько дней до смерти в том же доме в Пресбурге ее посетил Талейран, участвовавший в работе Венского конгресса (см.: *Талейран*. Мемуары. М., 1959. С. 312–313).
- ⁷⁵⁸ Роганы — древний бретонский княжеский род, ведет свое происхождение по мужской линии от древних королей и герцогов Бретани.
- ⁷⁵⁹ *Гиз* (Guise) Франциск, герцог Лотарингский (1519–1563) — военный и политический деятель Франции, ярый противник протестантов, инициатор религиозных войн во Франции. В начальный период религиозных войн командовал войсками католиков.
- ⁷⁶⁰ *Гекуба* — вторая жена троянского царя Приама, после падения Трои попала в рабство к грекам.
- ⁷⁶¹ Имеются в виду сражения во время войны за австрийское наследство (шедшей в правление Людовика XV): при Фонтенуа (11 мая 1745), и при Лоуфельде (2 июля 1747), в которых французские войска под командованием маршала Саксонского одержали победу над австрийскими войсками. В первом сражении участвовал сам Людовик XV.

- ⁷⁶² *Шатору* (Châteauroux) Мария Анна, маркиза де ла Турнелль (1717–1744) — фаворитка Людовика XV, с 1743 г. герцогиня.
- ⁷⁶³ *Шуазель* (Choiseul) де Этьен Франсуа (1719–1785) — герцог, французский государственный деятель, министр иностранных дел и пэр Франции в 1758–1761 гг., морской и военный министр в 1761–1770 гг. В 1770 г. был отправлен в отставку и возвращен на службу в 1774 г. уже при Людовике XVI.
- ⁷⁶⁴ *Миретуа* (Mirepoix) Шарль Пьер Гастон де Леви, герцог де Леви-Миропуа (1699–1757) — маршал Франции с 1757 г., член парламента в Лангедоке.
- ⁷⁶⁵ *Ришелье* (Richelieu) Луи-Франсуа-Арман Дюплесси (1696–1788) — маршал Франции, внучатый племянник известного кардинала Ришелье. Был известен своим распутством и утонченными манерами, считается одним из наиболее ярких типов французской аристократии эпохи Людовика XV.
- ⁷⁶⁶ Имеется в виду лента Ордена Святого Духа — самого почетного ордена старорежимной Франции.
- ⁷⁶⁷ Имеется в виду французский анонимный рыцарский роман XIII в. «Жизнь Роберта дьявола, прославившегося своими пороками, однако названного впоследствии слугой Господа», в основе сюжета которого лежит легенда о рыцаре, сыне дьявола, совершившего множество бессмысленных и крайне жестоких преступлений, но после раскаявшегося и превратившегося в борца за веру.
- ⁷⁶⁸ *Роган-Рошфор* (Rohan-Rochefort) Шарлота (1767–1841) — фаворитка герцога Энгиенского, официально его женой не была, так как родственники герцога были против их брака.
- ⁷⁶⁹ Имеется в виду Венский конгресс европейских держав, созванный по итогам наполеоновских войн (сентябрь 1814 – июль 1815).

Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1844

Этот текст, представляющий собой отчет Уварова за десятилетний период его пребывания в должности министра народного просвещения, был опубликован отдельным изданием в 1864 г.

Возглавляя Министерство народного просвещения, Уваров ежегодно составлял на имя императора отчеты, рисующие общую картину деятельности подведомственного ему учреждения в сфере образования и цензуры.

Именно Уваров заложил традицию публикации этих отчетов в официальном «Журнале Министерства народного просвещения». Данный юбилейный отчет, представленный Николаю I в честь десятилетия пребывания Уварова во главе министерства, во многих моментах тенденциозен и не позволяет относиться ко всем содержащимся в нем сведениям с полным доверием. Уваров, стремясь продемонстрировать императору успешное развитие образовательной системы, часто был склонен идеализировать истинное положение вещей. Отдельные сведения, содержащиеся в отчете, не соответствовали реальной обстановке. Особенно это касалось деятельности министерства в западных и северо-западных губерниях (см. вступительную статью).

До недавнего времени юбилейный отчет министра просвещения являлся наиболее информативным документом, позволяющим проследить общую идеологическую программу, реализуемую Уваровым в 1830–1840-е гг. В последнее время в научный оборот были введены новые источники, значительно расширившие возможности исследователей в решении данной проблемы (См., напр.: Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1; Письмо С. С. Уварова Николаю I, опубли. в: *Зорин А.* Идеология «православия–самодержавия–народности»: Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 96–100 и др.). Однако, юбилейный отчет о деятельности Министерства народного просвещения остается до сих пор важным документом, освещающим развитие образования, науки, идеологии в России второй четверти XIX в.

Текст печатается по единственной публикации: Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843. СПб., 1864.

⁷⁷⁰ Имеются в виду события 1830–1831 гг.: революции во Франции и Бельгии, восстание в Царстве Польском. Не получив международной поддержки, Николай I вынужден был отказаться от идеи вмешательства во внутренние дела европейских государств, охваченных революцией. Главной его задачей становится не допустить проникновения западной «заразы» в Россию. Именно в начале 1830-х гг. начинает складываться николаевская политическая система в ее классическом варианте, с установлением, в том числе, всеобъемлющего государственного контроля над нравственным и политическим воспитанием общества. Последнее во многом базировалось на сформулированной гр. Уваровым триаде «православие, самодержавие, народность».

⁷⁷¹ Венец Мономахов («шапка Мономаха») — головной убор, являвшийся главной регалией русских правителей. Своеобразный символ русского самодержавия. Согласно легенде, шапка была подарена византийским императором Константином IX Мономахом своему внуку, русскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Эта легенда была в XVI в. вписана

в концепцию «Москва — Третий Рим». Сама шапка Мономаха стала символом преемственности власти русских царей от византийских императоров. По установленной традиции, вплоть до конца XVII в. русские цари надевали ее в день венчания на царство. Существует также версия, что на самом деле «шапка Мономаха» является даром монгольского хана Узбека московскому князю Юрию Даниловичу.

772 Текст этого раздела, где излагаются начала, ставшие основополагающими при складывании образовательной системы России, Уваров почти полностью копирует со своего доклада Николаю I от 19 ноября 1833 г., на который он здесь же и ссылается. Текст доклада см.: *Уваров С. С. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I.* / Публ. М. М. Шевченко // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1. С. 70–72.

773 Текст предписания см.: Журнал министерства народного просвещения. 1834. Ч. 1. № 1. С. XLIX.

774 Постановлением от 30 мая 1833 г. училища Тамбовской и Орловской губерний были присоединены к Харьковскому учебному округу (ранее входили в состав Московского учебного округа), учебные заведения Астраханской губернии — к Казанскому, а Екатеринославской — к Одесскому учебным округам. Далее в тексте возможна ошибка. Постановлением от 26 апреля (а не 26 марта) 1839 г. учебные заведения Полтавской губернии были переведены из Харьковского учебного округа в Киевский. См.: СПМНП. СПб., Т. 2. 1875. Отд. 1. Стб. 578, 1504.

775 Постановлением от 27 апреля 1837 г. учителя, набираемые в гимназии и уездные училища сверх штата, должны были определяться на действительную государственную службу, наравне с штатными, со всеми правами и обязанностями, соответствующими этому статусу. См.: СПМНП. СПб., Т. 2. 1875. Отд. 1. Стб. 1256–1257.

776 Уже в первые годы царствования Николая I правительство последовательно ориентируется на принцип сословности при формировании образовательной системы в России. В стране, где права и обязанности каждого подданного определялись, прежде всего, его принадлежностью к тому или иному сословию, доступ к образованию должен был определяться на тех же основаниях. Ужесточение сословной политики преследовало цель, с одной стороны, по возможности предотвратить размывание сословных границ вследствие проникновения в круг дворянства выходцев из разночинцев, получавших университетские дипломы; с другой стороны, по возможности оградить дворянскую молодежь от влияния на нее предста-

вителей низших сословий. При Уварове эти тенденции усилились, получив свое дальнейшее развитие. Подробнее о сословной политике в области образования в царствование Николая I см.: *Булгакова Л. А.* Сословная политика в области образования во второй четверти XIX века // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 105–124.

- ⁷⁷⁷ Дворянские институты в XIX в. представляли собой сословные средние учебные заведения закрытого типа. Главной целью институтов являлась подготовка дворянских детей для последующего поступления в университеты. Создаваемые в 1830-е гг. дворянские институты, наряду с Благородными пансионами, должны были способствовать привлечению дворян в государственные учебные заведения. Московский дворянский институт был учрежден в 1833 г. на базе преобразованной 1 гимназии и просуществовал до 1849 г.
- ⁷⁷⁸ Дворянский институт в Вильно был открыт в 1838. Действовал до 1863 гг.
- ⁷⁷⁹ Речь идет о Мещанском училище, открытом на средства Московского купеческого общества в 1835 г.
- ⁷⁸⁰ Уваров, возможно, имеет в виду указ Александра I, подписанный в 1819 г., согласно которому крестьяне Лифляндской губернии получали личную свободу (еще ранее такой же документ был составлен и в отношении эстляндских крестьян). Освобождение крестьян происходило без наделения их земель и с ограничением свободы передвижения и выбора рода занятий. Согласно этому положению, в регионе также предусматривалось создание волостных школ (из расчета одна школа на 500 человек), содержащихся за счет волости. Контролировать их деятельность должны были помещики и представители церкви.
- ⁷⁸¹ Моравские братья (Богемские братья) — религиозная секта, созданная в середине XV в. в Чехии. Ее основателем считается Петр Хельчицкий. Выступая против современного учения католической церкви, он призывал к возвращению к первым векам христианства. Последователи Хельчицкого проповедовали идеи смирения, непротивления злу насилием. Отказываясь от мирской деятельности, они отвергали присягу, государственную и военную службу. Первая община братьев была основана в 1457 г. в Кунвальде. Идеи, пропагандируемые ими, привлекали большое число последователей. После разгрома Чешского восстания 1618–1620 гг. братья были изгнаны из Чехии и рассредоточились в разных странах (их общины были созданы также и в Прибалтике).

- ⁷⁸² В ноябре 1833 г. Уваров представил императору Николаю I доклад «О мерах против умножения пансионов и частных учебных заведений». В докладе министр просвещения предложил ряд мер, направленных на интеграцию частных учебных заведений в государственную образовательную систему. Николай I одобрил предложения Уварова, дав ему тем самым карт-бланш. Текст доклада см.: СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 641–647.
- ⁷⁸³ Уже в 1833 г. в Москве и Санкт-Петербурге строго ограничивалась возможность открытия новых частных учебных заведений. В провинциальных городах разрешалось учреждать заведения подобного рода лишь при крайней на то необходимости. В ноябре этого же года Уваров обратился к петербургскому генерал-губернатору П. К. Эссену с просьбой о проверке всех владельцев частных учебных заведений, находящихся в столице, на наличие у них письменного позволения от Министерства народного просвещения на свою деятельность. В случае отсутствия соответствующих документов министр убедительно просил Эссена способствовать закрытию подобных заведений. В результате проверки уже к январю 1834 г. в Санкт-Петербурге было закрыто 13 частных учебных заведений, о чем П. К. Эссен сообщил Уварову 25 января. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Ед. хр. 121. Л. 3–3 об., 34.
- ⁷⁸⁴ Нежинская гимназия была открыта в 1810 г. на средства князя А. А. Безбородко, оставленные им на благотворительные цели. В 1834 г. гимназия была переименована в лицей кн. Безбородко.
Безбородко Александр Андреевич (1746–1799) — светлейший князь, государственный канцлер. С 1784 г. фактически руководил Коллегией иностранных дел Российской империи.
- ⁷⁸⁵ Лазаревский институт восточных языков был основан в 1815 г. как частное армянское училище на средства семьи Лазаревых. В 1827 г. училище официально было переименовано в институт, находящийся под непосредственным контролем министерства народного просвещения. В 1848 г. учебная программа института была расширена, а преподавание восточных языков окончательно становится одним из наиболее приоритетных направлений. Институт в это время, помимо прочего, готовил переводчиков и чиновников для Закавказского края. В 1919 г. институт был преобразован в Армянский, а затем в Переднеазиатский институт. В 1921 г. он был вновь переименован в Московский институт востоковедения, просуществовавший до 1954 г.
- ⁷⁸⁶ Демидовский лицей был основан, как училище, в 1803 г. в Ярославле, на средства П. Г. Демидова. При Николае I в 1833 г. был преобразован в Демидовский лицей и передан в ведение Московского университета. Курс

обучения в лицее был трехлетним, особое внимание уделялось изучению юридических наук. В 1868 г. Демидовский лицей был преобразован в юридический лицей с четырехлетним курсом обучения. В таком статусе он просуществовал до 1919 г., когда на базе лицея был учрежден Ярославский государственный университет.

- ⁷⁸⁷ Ришельевский лицей — учрежден в 1817 г. Являлся первым высшим учебным заведением в Одессе. Лицей назван в честь градоначальника Одессы и губернатора Новороссии А. Э. де Ришелье, по инициативе которого и был создан. В 1862 г. указом Александра II Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский императорский университет.
- ⁷⁸⁸ Правила подробно расписывали условия приема юношей в университеты, перечень необходимых для поступления документов, систему приема вступительных экзаменов и т. д. В 1837 г. они вводились временно, в виде опыта, на четыре года. Однако 19 марта 1842 г. срок их действия был официально продлен. См.: Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 169–176, 553.
- ⁷⁸⁹ Помимо всего прочего, студент, поступавший в другой университет, обязан был пройти предварительное испытание. По его результатам принималось решение о зачислении с зачетом времени обучения в другом университете. См.: Сб. расп. по МНП. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 247–248, 267.
- ⁷⁹⁰ Речь идет о Византийской империи, которая оказала, несомненно, сильное влияние на развитие древнерусской культуры, особенно после распространения на территории Киевской Руси христианства в византийском православном варианте. Византийская империя как отдельное государство образовалась в конце IV в., после окончательного распада Римской империи на две части: Восточную и Западную. Преобладающую роль в социально-политической жизни и культуре Византии играло греческое население. С VII в. и вплоть до падения Византии в 1453 г. под ударами турок-османов официальным языком в этом государстве был греческий.
- ⁷⁹¹ В 1834 г. здесь была организована учебная ферма под руководством профессора И. Ф. Л. Шмальца. В 1839 г. это сельскохозяйственное учебное заведение было закрыто.
- ⁷⁹² Геогнозия — раздел геологии (историческая геология), занимающийся изучением состава и строения земной коры.
- ⁷⁹³ Хаджи — у мусульман человек, совершивший хадж, т. е. паломничество в Мекку.

- ⁷⁹⁴ Здесь Уваров, вероятно, подразумевает религиозную принадлежность бурят, среди которых был распространен ламаизм, одно из направлений буддизма.
- ⁷⁹⁵ Имеется в виду ориенталист Д. Банзаров. По окончании университета в 1846 г. он защитил диссертацию «О черной вере, или шаманстве, у монголов», получив степень кандидата.
- ⁷⁹⁶ Училище было основано в 1810 г. армянином, переселившимся в Россию при Александре I, Николаем Ивановичем Агабабовым. В 1838 г. Агабабовское училище было включено в систему уездных учебных заведений, действующих согласно уставу 1828 г., и стало 3-классным.
- ⁷⁹⁷ Согласно этим постановлениям, профессорам, имеющим 25-летнюю выслугу и продолжающим работать в университетах, сверх жалования назначалась пенсия, размеры и условия выплаты которой оговаривались дополнительными правилами. По университетскому уставу 1835 г. и Положению 1836 г. профессора могли остаться на службе, имея уже 25-летний стаж работы, с сохранением оклада и пенсии, только по рекомендации непосредственного начальства.
- ⁷⁹⁸ Претендент на звание учителя уездного училища должен был пройти испытание, включавшее в себя три этапа: устные и письменные ответы на вопросы, квалификационная работа в виде письменного сочинения на заданную тему и пробная лекция. Испытание проводилось в присутствии и под контролем педагогического совета гимназии. См.: Сб. расп. по МНП. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 90–91.
- ⁷⁹⁹ В 1819 г. Главный педагогический институт был реорганизован в Санкт-Петербургский университет. Вновь был учрежден в 1828 г. и действовал до 1859 г.
- ⁸⁰⁰ По проекту Уварова при Главном педагогическом институте было открыто дополнительное отделение для подготовки учителей начальной школы (учительский институт). В 1821 г. Уваров вынужден был оставить пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, а в 1822 г. был закрыт и учительский институт.
- ⁸⁰¹ Профессорский институт был открыт при Дерптском университете в 1828 г., закрыт в 1838 г.
- ⁸⁰² В результате трех разделов территории Речи Посполитой (Польско-литовского королевства) между Россией, Австрией и Пруссией, в 1772,

1793 и 1795 гг., была окончательно ликвидирована польская государственность. Начиная с этого времени, польский вопрос становится одним из наиболее острых для русского правительства. Национально-освободительное движение польского народа — важный фактор внутренней и внешней политики России XIX в. «Призрак Речи Посполитой,— по замечанию В. О. Ключевского, — вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избегнуть вражды с народом, следовало сохранить его государство». (Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 56.)

⁸⁰³ Волынский лицей был также известен как Кременецкий. Основан в 1805 г. как гимназия, но в 1819 г. поменял свой статус, став лицеем, но с сохранением прежней учебной программы. В 1834 г. материальная база и преподавательский состав Кременецкого лицея большей частью были переведены в Киев, послужив основой для создания университета Св. Владимира.

⁸⁰⁴ После разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли территории Украины, Белоруссии и Литвы, часто объединяемые общим названием «западные губернии». В официальных документах второй четверти XIX в. распространенным определением этого края было также «губернии, от Польши возвращенные» (употреблялось властью уже во времена Екатерины II, правда, в несколько ином варианте). Этот термин представлял собой своеобразный риторический ход, направленный на подтверждение исторической закономерности присоединения к России западных губерний, входивших ранее в состав Киевской Руси.

⁸⁰⁵ Воспринимая распространение польского языка как один из главных каналов польского влияния, правительство прилагало все усилия к окончательному вытеснению его из западных губерний и, главным образом, из образовательных учреждений этого края. На первом этапе преподавание польского языка было сохранено и даже введено в Главном педагогическом институте, выпускники которого должны были замещать преподавательские вакансии в Западном крае. Однако в 1836 г., считая быстрое распространение русского языка достаточным основанием, министр народного просвещения дал распоряжение исключить этот предмет из учебной программы института. Уже к 1838 г. преподавание польского языка было запрещено практически во всех учебных заведениях западных губерний. См.: СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 426, 1080–1081.

⁸⁰⁶ Имеется в виду Киев, столица Киевской Руси, первого государственного образования восточных славян, возникшего в IX–X вв.

- ⁸⁰⁷ В Речи Посполитой деятельность большинства учебных заведений контролировалась католическими монашескими орденами (см. ниже). Такая же система сохранялась и в западных губерниях, вошедших в состав Российской империи после разделов польско-литовского королевства. Уже в апреле 1831 г. императорским указом Министерству народного просвещения и попечителю Белорусского учебного округа было поручено в кратчайшие сроки создать условия для постепенного уничтожения духовных училищ при римско-католических монастырях и замены их светскими училищами, где преподавание должно проходить исключительно на русском языке и иметь направление «к сближению тамошних жителей с природными россиянами». См.: СПМНП. Т. 2. Отд. 1. Стб. 426.
- ⁸⁰⁸ В 1838 г. у некоторых студентов университета Св. Владимира были обнаружены антиправительственные прокламации. Учитывая, что это событие произошло в условиях нового роста национально-освободительного движения в крае и активизации деятельности подпольных организаций, в 1839 г. было принято решение о временном закрытии университета. Через год, после реорганизации и удаления из него польских преподавателей и студентов, заподозренных в участии в формирующемся заговоре, университет был вновь открыт.
- ⁸⁰⁹ *Конарский* (Konarski) Симон (1808–1839) — польский революционер. Принимал участие в польском восстании 1830–1831 гг., после подавления которого эмигрировал. В 1836–1838 гг., действуя в качестве эмигрантского эмиссара, создал на Волыни и в Литве сеть подпольных организаций, объединенных в «Союз Люда Польского». Поддерживал контакты и с некоторыми студентами университета Св. Владимира. В мае 1838 г. Конарский был арестован полицией, а в 1839 г. расстрелян. См.: Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 112–113; *Дорошенко Е. А.* Польский революционер Шимон Конарский (1808–1839) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 6. С. 61–71.
- ⁸¹⁰ *Чарторыйский* (Czartoryski) Адам Ежи (1770–1861) — польский и российский государственный деятель. В начале XIX в. входил в ближайшее окружение Александра I (Негласный комитет). В 1804–1806 гг. возглавлял Министерство иностранных дел. Позже был назначен попечителем Виленского учебного округа. В ходе восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг. Чарторыйский возглавлял Национальное правительство. После подавления восстания эмигрировал в Париж, где возглавил правое крыло польского движения. Выступал за восстановление независимости Польши с помощью западноевропейских держав.

- ⁸¹¹ Высочайшими повелениями 23 апреля 1840 г. и 22 октября 1841 г. в западных губерниях учреждались общие ученические квартиры при гимназиях и уездных училищах (к каждой из них приставлялся особый надзиратель) для вольноприходящих учеников. См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. СПб., 1902. С. 306.
- ⁸¹² Под немецкими или остзейскими губерниями Уваров подразумевает Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую губернии (современная Прибалтика). Высшее сословие здесь составляли немцы, потомки рыцарей Ливонского ордена, владевшего этими землями вплоть до середины 1561 г. В ходе Ливонской войны орден прекратил свое существование, а земли, принадлежавшие ему, отошли сначала к Речи Посполитой, а затем были поделены между Речью Посполитой и Швецией. Герцогство Курляндское, находившееся в ленной зависимости от Речи Посполитой, было окончательно присоединено к России в 1795 г.; Лифляндия и Эстляндия, принадлежавшие Швеции, отошли к России после Северной войны (1700–1721).
- ⁸¹³ На протяжении XVIII и XIX вв. выходцы из прибалтийского немецкого дворянства играли важную роль в политической жизни страны, занимая высшие посты в армии и центральной власти, а также оставили заметный след в развитии российской науки и культуры. При этом, как отмечали современники, прибалтийские немцы не являлись патриотами того отечества, которому служили. Они стремились подчеркнуть, что служат не России, а прежде всего династии Романовых. Сам Николай I, говорил, что «русские дворяне служат государству, немцы — нам». См.: *Высочков Л. В.* Император Николай Первый: человек и государь. СПб., 2001. С. 354.
- ⁸¹⁴ *Анна Иоанновна* (1693–1740) — российская императрица (1730–1740), дочь Ивана V, племянница Петра I. На российском престоле оказалась благодаря членам Верховного тайного совета. Верховники составили специальные «Кондиции», ограничивающие власть императрицы, однако, Анна, опираясь на поддержку провинциального дворянства, разорвала кондиции, восстановив свою власть в полном объеме. Анна Иоанновна мало интересовалась государственными делами. Большое значение в системе государственного управления в то время приобрели прибалтийские немцы во главе с фаворитом императрицы Эрнестом Бироном. Политический режим, установленный в годы ее царствования, часто определяют как «бионовщина». Под «бионовщиной» понимают не только преобладание иностранцев в системе государственного управления, но также и разгул полицейского террора, от которого пострадало более десяти тысяч человек. На этом акцентирует внимание и Уваров.

- ⁸¹⁵ *Елизавета Петровна* (1709–1761) — российская императрица (1741–1761), дочь Петра I. Пришла к власти в ноябре 1741 г. в результате дворцового переворота, свергнув с престола малолетнего Ивана Антоновича. Елизавета выдвинула идею возвращения к петровскому наследию, забытому ее предшественниками, и на ее основе пыталась строить свою политическую программу в первые годы царствования. В 1750-х гг. по инициативе Елизаветы Петровны был проведен ряд реформ, способствовавших более успешному социально-экономическому развитию Российского государства.
- ⁸¹⁶ *Арминий* (Arminius) (16 до н. э. — ок. 21 н. э.) — вождь германского племени херусков. Нанес сокрушительное поражение римлянам в битве в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. В XIX в. в Германии, в период роста национального самосознания, образ херуска Германа стал одной из наиболее значимых мифологических и символических фигур.
- ⁸¹⁷ *Карл Великий* (Carolus Magnus) (742–814) — король франков с 768 г., император с 800 г. Основатель династии Каролингов. Организовал военные походы против лангобардов, баварского герцога Тассилона, саксов, испанских арабов, аваров, западнославянских племен. Значительно расширив границы своего государства, Карл провел ряд реформ, направленных на централизацию власти. Империя, созданная им, просуществовала недолго и уже при его преемниках распалась.
- ⁸¹⁸ *Пиетисты* — представители религиозно-мистического течения пиетизма, возникшего в рамках протестантизма в конце XVII в. Центром пиетизма в это время становится Галльский университет. Основателем этого религиозного движения считается Ф. Я. Шпенер. Пиетизм ставил внутреннюю веру, личное благочестие гораздо выше церковной догматики и обрядности. Пиетисты призывали отказаться от наслаждений мирской жизни и больше времени проводить в покаянии. До середины XIX в. пиетизм в России был распространен лишь среди немецких колонистов лютеранского и реформаторского исповеданий, однако впоследствии он имел определенное влияние также на русское и украинское население, способствуя возникновению ряда новых религиозных течений.
- ⁸¹⁹ Уваров указывает здесь на автономный статус Остзейского края, подтвержденный еще Петром I и его преемниками на российском престоле. Край фактически имел свою законодательную систему, на которую российское законодательство имело лишь незначительное влияние. Наряду с общеимперской администрацией в прибалтийских губерниях действовали местные органы управления — ландтаги (дворянские собрания), на собраниях которых решались практически все вопросы, касающиеся

общественной жизни края. При этом в деятельности ландтагов принимали участие только мартикулярные дворяне (представители дворянских родов, записанных в специальные мартикулы). Помещики, не записанные в мартикулы (земство), правом голоса не обладали.

- 820 Комендантское управление, учреждаемое при городском коменданте и состоящее из комендантского штаб-офицера, адъютантов и других низших чинов.
- 821 Члены католического монашеского ордена, основанного в 1534 г. Игнатием Лойолой. В 1540 г. орден был официально утвержден папой Павлом III и наделен широкими привилегиями. Иезуиты выступали резко против Реформации XVI в. и отстаивали необходимость защиты и дальнейшего укрепления католицизма. Будучи организацией, основанной на принципах жесткой централизации, наделенной широкими полномочиями и пользуясь верховным церковным покровительством, орден иезуитов обладал огромным влиянием не только в религиозной, но часто и в политической жизни европейских государств. В 1773 г. орден иезуитов был официально упразднен, однако вновь возрожден в 1814 г. для содействия борьбе с европейским революционным движением. Члены ордена активно занимались образовательной и миссионерской деятельностью.
- 822 Члены католического монашеского ордена, основанного в 1607 г. *Иосифом Каласанским* (José de Calasanz, 1557–1648). Основной своей задачей члены ордена считали безвозмездное обучение и христианское воспитание юношества в школах. Наибольшее развитие деятельность ордена получила в Австрии и Польше. В Польшу члены ордена были приглашены в 1642 г. польским королем Владиславом IV и с тех пор принимали активное участие в учреждении и дальнейшей работе учебных заведений края. В XIX в. русское правительство наложило ограничения на деятельность пиаров в Царстве Польском и западных губерниях. После польского восстания 1863 г. их учреждения были окончательно упразднены на этой территории.
- 823 *Потоцкий* (Potocki) Игнатий (1741–1809) — польский аристократ, государственный деятель, входил в состав Эдукационной комиссии (см. комм. 827), занимался организацией школьного дела. В 1788–1792 гг. принимал участие в работе Четырехлетнего сейма, стал одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г. Был сторонником сближения с Пруссией.
- 824 *Коллонтай* (Kołłątaj) Гуго (1750–1812) — польский государственный деятель, ученый, публицист, представитель польского просвещения.

В 1780-х – 1790-х гг. играл заметную роль в общественно-политической жизни Речи Посполитой. Являясь членом Эдукационной комиссии, провел реформу университета в Кракове. Входил вместе с И. Потоцким в шляхетско-буржуазный блок Четырехлетнего сейма, но, будучи выходцем из обедневшего шляхетства, расходился с ним по ряду вопросов. Был также одним из авторов Конституции 3 мая 1791 г. Выступал за реформирование общественно-политического строя, сохранение государственной независимости Речи Посполитой, против всевластия магнатской олигархии. В ходе польского восстания 1794 г. возглавлял течение радикальных республиканцев.

⁸²⁵ *Станислав II Август* Понятовский (Poniatowski) (1732–1798) — последний польский король и великий князь литовский (1764–1795). Пришел к власти, опираясь во многом на поддержку российской императрицы Екатерины II. Его политика и пророссийская ориентация вызывали возмущение консервативной шляхты, объединившейся в вооруженный союз — Барскую конфедерацию. Начавшаяся гражданская война спровоцировала вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой европейских держав и первый раздел этого государства в 1772 г.

⁸²⁶ Примас королевства в Польше выступал в роли наместника короля. Когда освобождался королевский престол, примас созывал сейм для избрания нового короля и контролировал его деятельность. Он объявлял имя избранного короля и короновал его. Примас назначался самим королем, но затем утверждался римским папой. В сенате он председательствовал наравне с королем. Последним примасом королевства в 1784 г. стал брат Станислава — Август Михаил Юрий Понятовский (1736–1794), активно поддерживавший политику польского короля. В 1794 г. была перехвачена его переписка с прусским королем, что могло послужить поводом для обвинения его в измене. В этом же году Понятовский покончил жизнь самоубийством.

⁸²⁷ Речь идет об Эдукационной комиссии (1773–1794), фактически возглавившей систему образования в Речи Посполитой. Михаил Понятовский принимал активное участие в деятельности комиссии, а позже стал ее председателем. Комиссия предполагала реформировать образовательную систему в стране, находящуюся фактически в руках нескольких монашеских орденов, сделав ее всесословной и светской. Был разработан план преобразований — «Устав, предписанный комиссией народного просвещения для академий и школ Речи Посполитой». Однако полностью реализовать этот план на практике комиссии не удалось. Против реформы системы просвещения выступило католическое духовенство и консервативно настроенная часть шляхты.

- ⁸²⁸ Имеются в виду Французская революция 1789 г. и восстание в Польше под руководством Т. Костюшко (Kościuszko, 1746–1817) в 1794 г.
- ⁸²⁹ Уваров имеет в виду период, ознаменованный так называемыми наполеоновскими войнами (1800–1815 гг., иногда в этот период включают также итальянский и египетский походы Наполеона конца XVIII в.). В 1795 г. произошел третий раздел Речи Посполитой, однако судьба территорий этого государства не была решена окончательно. Так, в 1807 г., в результате подписания Тильзитского договора между Россией и Францией, Пруссия лишилась половины своих владений, в том числе и земель, вошедших в ее состав после разделов Польско-литовского государства. Из них было организовано великое герцогство Варшавское, во главе которого встал саксонский король. Герцогство просуществовало до 1815 г. По решению Венского конгресса большая его часть отошла к России, получив статус Царства Польского.
- ⁸³⁰ *Потоцкий* (Potocki) Станислав Костка (1752–1821) — польский общественный и государственный деятель, генерал. Сторонник конституции 3 мая 1791 г. После победы Тарговицкой конфедерации, поддержанной Россией, и прекращения работы Четырехлетнего сейма, уехал в Австрию. С 1807 г. возглавлял школьную и воспитательную дирекцию в великом герцогстве Варшавском, а в 1815 г. был назначен Александром I министром просвещения и исповеданий Царства Польского. Поддерживал либеральную политику в области образования. В 1820 г. был отправлен в отставку.
- ⁸³¹ *Грабовский* Станислав (Grabowski) — польский государственный деятель, сын последнего короля Речи Посполитой Станислава-Августа. В 1820 г. был назначен Александром I министром просвещения Царства Польского, занимал эту должность вплоть до польского восстания. Придерживался консервативных взглядов.
- ⁸³² Варшавский университет был основан в 1817 г., после подавления восстания в Царстве Польском (1830–1831 гг.) был закрыт по распоряжению Николая I.
- ⁸³³ Познанское великое княжество было образовано в 1815 г. По решению Венского конгресса княжество было присоединено к Пруссии. Уваров здесь, скорее всего, имеет в виду патент, изданный Фридрихом-Вильгельмом III, согласно которому княжество получало определенную автономию, как в политическом, так и культурном отношении. Полякам разрешалось развивать свою национальную культуру, сохранять польский язык в общественной жизни. Однако на деле прусское правительство прово-

дило совершенно иную политику. После восстания в Царстве Польском 1830–1831 гг. и революций 1848–1849 гг. усиливалась политика, направленная на интеграцию княжества в прусскую систему государственного управления и германизацию польского населения.

⁸³⁴ До 1840 г. обе медико-хирургические академии подчинялись Министерству внутренних дел.

⁸³⁵ Первый устав университета Св. Владимира был утвержден в 1833 г. После событий 1838 г. и временного закрытия университета был утвержден новый устав в 1842 г., о котором и упоминает Уваров. Об этих уставах см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* История Императорского Университета Св. Владимира: Университет Св. Владимира в царствование императора Николая Павловича. Т. 1. Киев, 1884. С. 65–75, 302–319.

⁸³⁶ Возможно, Уваров имеет в виду раввинскую комиссию, созданную летом 1842 г. и призванную санкционировать устройство новых еврейских казенных училищ и школ.

⁸³⁷ Императорская Академия наук была учреждена при императрице Екатерине I (1725–1727). Первое заседание Академии состоялось 12 ноября 1725 г.

⁸³⁸ *Сухтелен* Петр Корнильевич (1751–1836) — граф, российский военный деятель и дипломат голландского происхождения, на русской службе с 1783 г. Принимал активное участие в русско-шведских войнах 1788–1790 гг. и 1808–1809 гг. С 1809 г. и до самой смерти находился в Стокгольме, куда был направлен Александром I с дипломатической миссией. Известен как страстный коллекционер и библиофил. После его смерти осталась огромная библиотека, включающая несколько тысяч томов книг и рукописей. Большая ее часть была выкуплена у наследников русским правительством и передана в Публичную библиотеку в Петербурге.

⁸³⁹ Уваров имеет в виду полковника Генерального штаба Михаила Васильевича Ладыженского, который в 1830–1831 гг. находился в Пекине в составе Духовной миссии. Собранная им коллекция, состоящая более чем из тысячи экспонатов, поступила в музей в 1833 г.

⁸⁴⁰ Речь идет об Алексее Кирилловиче Разумовском (1748–1822), тесте Уварова, министре народного просвещения в 1810–1816 гг. В своем подмосковном имении, в с. Горенках, Разумовский организовал ботанический сад. Основная часть коллекций этого сада поступила впоследствии в Ботанический кабинет Императорской Академии наук.

- ⁸⁴¹ *Биберштейн* (Biberstein) Фридрих (Федор Кондратьевич) (1768–1826) — российский естествоиспытатель, ботаник, зоолог немецкого происхождения. Служил инспектором шелководства по Кавказской линии, а затем всей «Полуденной России». Автор работ: «Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspienne, entre les fleuves Terek et Cour» (СПб., 1798; нем. пер. — Франкфурт, 1800), «Flora Taurico-Caucasica» (Харьков, 1808) и др.
- ⁸⁴² Демидовская премия существовала с 1831 по 1865 г. Названа по имени камергера П. Н. Демидова, пожертвовавшего Академии наук денежные средства для выплаты ежегодных премий (1420 руб.) авторам лучших научных сочинений.
- ⁸⁴³ Аланы (ясы) — ираноязычные племена, проживавшие в первых веках н. э. на территории Приазовья и Предкавказья, откуда совершали опустошительные походы на Крым, Закавказье, Малую Азию, Мидию. В IX–X вв. у аланов возникает раннефеодальное государство. Сокрушительный удар аланам нанесли монголо-татарские походы первой половины XIII в. Уцелевшая их часть ушла в горы Центрального Кавказа и в Закавказье (Южная Осетия), где ассимилировалась с местным кавказским населением. См.: *Лысенко Н. Н.* Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб., 2002.
- ⁸⁴⁴ *Шегрен* Андрей Михайлович (1794–1855) — русский академик, филолог и лингвист. 16 июля 1819 г. получил степень доктора философии, в 1829 г. избран адъюнктом Императорской Академии наук, в 1831 г. — экстраординарным академиком.
- ⁸⁴⁵ *Гумбольдт* (Humboldt) фон Александр (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, родной брат Вильгельма фон Гумбольдта, с 1800 г. член Берлинской Академии наук. В 1818 г. был назначен Уваровым почетным членом Российской Академии наук. Работы Гумбольдта оказали большое влияние на развитие естествознания и физической географии. В 1829 г. он путешествовал по России (Урал, Алтай, побережье Каспийского моря). Результаты проведенных им во время путешествия исследований были изложены в работах: «Фрагменты по геологии и климатологии Азии» (т. 1–2, 1831) и «Центральная Азия» (т. 1–3, 1843).
- ⁸⁴⁶ Экспедиция, о которой пишет Уваров, работала в течение 1836 и 1837 гг. Членами этой экспедиции были известные русские астрономы: *Фусс* (Fuss) Георг Альберт (1806–1854), сын известного швейцарского математика Николая Фусса, воспитанник академии с 1824 г.; *Саблер* Егор Егорович

(1810–1864), астроном, ученик В. Я. Струве; *Савич* Алексей Николаевич (1810–1883), также астроном и ученик В. Я. Струве. По результатам экспедиции ее участниками были составлены две работы: «Expédition organisée par l'Acad. Impériale des sc. dans le but de déterminer la différence de niveau de la mer Noire et de la mer Caspienne» («Bullet. Sc. publiée, par l'Acad.» I, 1836) и «Beschreibung der zur Ermittlung des Höhenunterschiedes zwischen dem Schwarzen und dem Caspischen Meere... in den Jahren 1836 und 1837 von Gr. Fuss, A. Sawitsch und G. Sabler ausgeführten Messungen... zusammengestellt von Gr. Sabler. Im Auftrage der Akademie herausgegeben von W. Struve» (СПб., 1849).

⁸⁴⁷ Фут (*англ.* foot — нога, ступня) — мера длины. Русский 1 фут = 0,3048 м; парижский 1 фут = 0,32484 м.

⁸⁴⁸ Верста — старая русская мера длины. 1 верста = 500 саженьям = 1,0568 км.

⁸⁴⁹ *Бэр* Карл Максимович (1792–1876) — зоолог, естествоиспытатель, основатель сравнительной эмбриологии. С 1817 г. работал в Кёнигсбергском университете. В 1834 г. приехал в Россию. С 1826 г. член-корреспондент, а с 1828 г. ординарный академик Императорской Академии наук, преподавал в Петербургской медико-хирургической академии, принимал участие в ряде экспедиций, став основоположником научного исследования естественных ресурсов России, сформулировал ряд законов в области физической географии. Фактически первый в России специалист в области антропологии.

⁸⁵⁰ *Вознесенский* Иван Гаврилович (1816–1871) — натуралист и зоолог, внесший большой вклад в изучение природы Дальнего Востока, Русской Америки. В путешествии, о котором говорит Уваров, Вознесенский провел почти десять лет, собрав огромную коллекцию местной флоры и фауны. В 1852 г. был избран член-корреспондентом Русского географического общества, в 1859 г. вошел в состав учредителей Русского энтомологического общества.

⁸⁵¹ *Кептен* Петр Иванович (1793–1864) — русский ученый, статистик, этнограф, библиограф. С 1843 г. академик Императорской Академии наук. Принимал участие в создании «Общества любителей российской словесности» (1816) и Русского географического общества (1845). Автор работ: «Этнографическая карта Европейской России» (1851), «Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.» (1857), «Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России» (1861) и др.

- ⁸⁵² *Паррот* (Parrot) Георг Фридрих (1767–1852) — российский физик немецкого происхождения, с 1802 г. был профессором и одновременно ректором Дерптского университета. Благодаря своим административным способностям, а также влиянию, которое умел оказывать на императора Александра I, способствовал успешному развитию университета как учебного и научного учреждения. Автор 80 ученых работ по физике, медицине, технологии, химии и метеорологии. С 1826 г. стал членом Академии наук и переехал в Санкт-Петербург.
- ⁸⁵³ *Пандер* Христиан Иванович (1794–1865) — русский ученый, зоолог, палеонтолог. В 1821–1827 гг. — академик Императорской Академии наук. С 1827 г., оставив Академию, служил чиновником особых поручений по ученой части при горном департаменте. Считается одним из основателей русской палеонтологии. Автор работ: «Beiträge zur Geognosie d. Russischen Reichs» (СПб., 1830), «Отчет о геогностических исследованиях по линии СПб.-Моск. жел. дор.» («Горный Журнал», 1846), «Monographie d. fossilen Fische d. silurischen Systems» (СПб., 1856), «Ueber die Plakodermen des devonischen Systems» (1857), «Ueber die Ctenopteridien d. devon. Systems» (1858), «Ueber die Saurodipterien, Dendrodonten und Cheirolepiden d. devou. Systems» (1860).
- ⁸⁵⁴ *Рупрехт* (Ruprecht) Франц (1814–1871) — российский врач, ботаник австрийского происхождения, с 1839 г. хранитель гербария в Академии наук в Петербурге.
- ⁸⁵⁵ *Савельев* Александр Степанович (1820–1860) — русский физик, астроном, профессор Казанского университета. В 1841 г. вместе с Ф. И. Рупрехтом принимал участие в экспедиции на полуостров Канин и остров Колгуев.
- ⁸⁵⁶ *Купфер* Адольф Яковлевич (1799–1865) — русский ученый-физик, происходил из прибалтийских немцев. С 1828 г. член Академии наук по минералогии, с 1840 г. — по физике. Купфер принимал участие в ряде экспедиций, в том числе и на Кавказ, совместно с Э. Ленцем. В Петербурге заведовал минералогическим музеем и обсерваторией. С 1843 г. — ординарный академик.
- ⁸⁵⁷ *Федоров* Василий Федорович (1802–1855) — русский астроном. В 1825 г. был назначен помощником директора дерптской астрономической обсерватории. С 1839 г. утвержден в звании ординарного профессора университета Св. Владимира. Был деканом II отделения философского факультета (1840–1842) и ректором (1843–1847) этого же университета. В научной командировке, о которой упоминает Уваров, Федоров нахо-

дился три года, начиная с 1832 г. Результаты проведенных им исследований были изложены в двух научных работах: «Извлечение из писем путешествующего астронома Василия Федорова к директору дерптской обсерватории Струве» («Журнал Министерства народного просвещения», 1834) и «Fedorow's, W., vorläufige Berichte über die von ihm in den Jahren 1832 bis 1837 auf allerhöchsten Befehl in West-Sibirien ausgeführten astronomisch-geographischen Arbeiten» (СПб., 1838).

- ⁸⁵⁸ *Ратке* (Rathke) Мартин Генрих (1793–1860) — немецкий анатом и эмбриолог. В Данциге работал врачом, а затем преподавателем физики и физической географии. С 1829 г. — профессор физиологии и общей патологии в Дерптском университете. Принимал участие в двух экспедициях в Крым и на Черное море (в 1832 и 1835) для изучения местной фауны. В 1835 г. переехал в Кёнигсберг, где занял сразу две кафедры: зоологии и анатомии. Автор ряда научных работ по эмбриологии и анатомии.
- ⁸⁵⁹ *Гебель* (Hebel) Карл Фриедман (1794–1851) — химик, фармацевт, профессор Дерптского университета с 1828 г. В 1844 г. основал при Дерптском университете первый фармацевтический институт в России. Экспедиция, о которой упоминает Уваров, работала в 1834 г. См.: *Гебель К. Ф.* Обзор путешествия в степи южной России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6. № 6. С. 516–546.
- ⁸⁶⁰ *Шмальц* И. Ф. Л. (1781–1847) — профессор сельского хозяйства и технологии в Дерптском университете, основатель учебной сельскохозяйственной фермы в Альквустгофе.
- ⁸⁶¹ *Гофман* Эрнест Карлович (1801–1871) — известный русский геолог. В 1833–1836 гг. читал лекции по геологии и минералогии в Дерптском университете. В 1837–1842 гг. — профессор университета Св. Владимира, а в 1845–1863 гг. — Санкт-Петербургского университета. Принимал участие в работе ряда экспедиций по Уралу, Крыму, западным губерниям и т. д. Автор ряда научных работ в области исторической геологии и минералогии.
- ⁸⁶² *Паррот* (Parrot) Иоганн Фридрих (1791–1841) — врач, ученый-естествоиспытатель, физик. Сын Г.-Ф. Паррота. С 1821 г. — профессор кафедры физиологии и патологии в Дерптском университете. В 1826 г. заменил своего отца на кафедре физики в том же университете. В 1829 г. вместе со студентами совершил знаменитое восхождение на вершину горы Ара-рат. Путешествие к Нордкапу, о котором упоминает Уваров, Паррот совершил в 1837 г. Однако подробного описания результатов путешествия Паррот составить не успел из-за тяжелой болезни, начавшейся в 1838 г.

- ⁸⁶³ *Крузе* (Kruse) Фридрих Карл Герман (1790–1866) — историк, профессор истории в Дерптском университете. Изучал историю северо-западного региона Российской империи, Прибалтийского края. Автор работ: «Necrolivonica» (1842), «Chronicon nortmannorum, wariago-russorum nec non danorum, sveonum, norvegorum» (1851), «Bemerkungen über die Ostseegouvernements» (1859) и др.
- ⁸⁶⁴ *Щуровский* Григорий Ефимович (1803–1884) — известный русский геолог и популяризатор науки. С 1835 г. и до смерти занимал кафедру геологии и минералогии Московского университета. В 1840 г. работал в экспедиции на Урале, а в 1844 г. на Алтае. Автор научных работ в области геологии, исторической геологии и минералогии.
- ⁸⁶⁵ См.: *Щуровский Г. Е.* Урал в физико-географическом, географическом и минералогическом отношениях. М., 1841.
- ⁸⁶⁶ *Гордеенко* Егор Степанович (1812–1897) — русский химик, профессор Харьковского университета, общественный деятель. В 1843 г. основал завод искусственных минеральных вод в Харькове. В период реформ Александра II активно занимался общественной деятельностью. В ходе земской и городской реформ принимал непосредственное участие в создании системы местного самоуправления Харьковской губернии.
- ⁸⁶⁷ *Черняев* Василий Матвеевич (1796–1871) — профессор ботаники Харьковского университета, исследователь флоры юго-восточной и средней части России.
- ⁸⁶⁸ *Калениченко* И. О. (?–1876) — профессор Харьковского университета. Ученик В. М. Черняева. С 1833 г. преподавал естественные науки в университете (профессор с 1838). В Курскую губернию был командирован в 1836 г.
- ⁸⁶⁹ *Борисяк* Николай Дмитриевич (1817–1882) — профессор Харьковского университета, геолог, проводил исследования преимущественно в южных и юго-западных регионах, в том числе и в Харьковской губернии, изучал химический состав почв Европейской части России, установив границы распространения чернозема в этом регионе.
- ⁸⁷⁰ *Криницкий* Иван Андреевич (1797–1838) — профессор Харьковского университета; до своего назначения в Харькове преподавал сельское хозяйство в Виленском университете.

- ⁸⁷¹ *Нордман* (Nordmann) фон Александр (1803–1866) — российский зоолог немецкого происхождения. В 1832–1849 гг. преподавал в Одессе в Ришельевском лицее, где занимал должность профессора зоологии и ботаники. В 1849 г. перешел в Гельсингфорский университет. Помимо ботаники, проводил исследования в области естественной истории и палеонтологии животных. Участник многих экспедиций на территории Российской империи и за рубежом.
- ⁸⁷² *Мурзакевич* Николай Никифорович (1806–1883) — русский историк и археолог. Был профессором русской истории Ришельевского лицея, а позже возглавил его. Специализировался по истории южной России, занимаясь также и этнографическими исследованиями в данном регионе. Проводил археологические раскопки. В Одессе основал Общество любителей истории и древностей российских.
- ⁸⁷³ *Эверсман* Эдуард Александрович (1794–1860) — русский врач, ботаник и зоолог, занимался изучением преимущественно Волго-Уральского края. С 1828 г. — профессор ботаники и зоологии Казанского университета. Автор 55 научных работ.
- ⁸⁷⁴ *Бунге* Александр Александрович (1803–1890) — русский ботаник. В 1834–1836 гг. — профессор Казанского университета, а в 1836–1867 гг. — Дерптского. Участвовал в работе научных экспедиций, в том числе в Китае и Персии. В 1835 г. проводил свои исследования в Архангельской губернии и Приволжских степях. Один из основоположников географо-морфологического метода в систематике растений.
- ⁸⁷⁵ *Клаус* Карл Карлович (1796–1864) — российский химик и фармаколог, с 1837 г. адъюнкт по кафедре химии в Казанском университете, с 1844 г. ординарный профессор по той же кафедре. В 1852 г. перешел в Дерптский университет профессором фармации, занимался исследованиями в области органической химии. В 1845 г. открыл новый металл платиновой группы рутений.
- ⁸⁷⁶ На основе этих исследований К. К. Клаус в 1839 г. защитил докторскую диссертацию «Химическое разложение Сергиевских минеральных вод» (опубликована в «Ученых записках Казанского университета» за 1839 г.).
- ⁸⁷⁷ *Горлов* Иван Яковлевич (1814–1890) — русский экономист и статистик. С 1838 г. профессор политической экономии и статистики в Казанском, а затем Петербургском университетах. Выпускник Профессорского института при Дерптском университете. Последователь школы известного французского экономиста Ж.-Б. Сея.

- ⁸⁷⁸ *Ковалевский* Осип Михайлович (1800–1878) — ученый-ориенталист, филолог, монголовед, профессор кафедры монгольского языка и словесности Казанского университета. В 1855–1866 гг. — ректор университета. Автор «Краткой грамматики монгольского книжного языка» (1835), «Монгольской хрестоматии» (1836–1837), «Монголо-русско-французского словаря» (1844–1849), а также ряда работ по истории Монголии и буддизма.
- ⁸⁷⁹ *Попов* Александр Васильевич (1808–1880) — ученый-ориенталист, профессор кафедры монгольского языка в Казанском университете, профессор калмыцкого языка и словесности в Петербургском университете. С 1860 г. Попов выполнял обязанности инспектора училищ Западной Сибири. Автор «Монгольской хрестоматии со словарем к ней» (1836), «Грамматики калмыцкого языка» (1847) и др.
- ⁸⁸⁰ *Васильев* Василий Павлович (1818–1900) — ученый-синолог, в 1840 г. уехал в Пекин и провел там более девяти лет, изучая китайский, тибетский, санскрит, монгольский и маньчжурский языки. В 1850 г. вернулся в Россию, в 1851 г. был назначен профессором китайской и маньчжурской словесности в Казанском университете. Автор ряда научных работ по Китаю и Маньчжурии, а также переводов.
- ⁸⁸¹ По окончании путешествия в 1846 г. *Диттель* Вильям Францевич (1816–1848) был назначен профессором турецкого языка в Петербургском университете, а *Березин* Илья Николаевич (1819–1895) — профессором турецкого языка в Казанском университете. В 1855 г. Березин был приглашен в Петербургский университет на факультет восточных языков, где занимал должность профессора турецко-татарской словесности.
- ⁸⁸² *Срезневский* Измаил Иванович (1812–1880) — известный филолог-славист, экономист, статистик. В начале своей научной карьеры изучал политическую экономию и статистику, однако в 1839 г., приняв предложение Министерства народного просвещения, уехал на три года за границу для изучения языка, быта и культуры славянских народов. Вернувшись в 1842 г. в Россию, был назначен профессором славистики в Харьковском университете. В 1847 г. переехал в Санкт-Петербург, где продолжил научную и преподавательскую деятельность в университете, а затем и в Педагогическом институте. С 1851 г. — академик Императорской Академии наук. Основатель петербургской школы славистов, основоположник исторического изучения русского языка. Издав в 1849 г. свои «Мысли об истории русского языка», он фактически предвосхитил работы в этой же области Ф. И. Бу́слаева.

- 883 *Бодянский* Осип Максимович (1808–1877) — ученый-славист, ученик Н. И. Надеждина и М. Т. Каченовского. В 1837–1842 гг. работал под руководством чешского слависта П. Шафарика. В 1842–1868 гг. — профессор Московского университета. Один из основоположников славянской филологии в России.
- 884 *Прейс* Петр Иванович (1810–1846) — ученый-славист. Ученик А. Х. Востокова. В 1839 г. был отправлен за границу для изучения славянских языков и литературы. С 1843 г. преподавал в Петербургском университете.
- 885 Гальванопластика, т. е. метод получения металлических копий при помощи электролитического осаждения металла на оригинале; был открыт русским физиком Борисом Семеновичем Якоби (1801–1874) в 1838 г. в Санкт-Петербурге.
- 886 Пулковская обсерватория создана в 1839 г. по проекту известных астрономов В. Я. Струве и Г. А. Фусса.
- 887 *Гершель* (Herschel) Вильям (1738–1822) — английский астроном и оптик, член Лондонского королевского общества, а с 1789 г. почетный член Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.
- 888 *Миллер* (Miller) Герард Фридрих (Федор Иванович) (1705–1783) — российский историк немецкого происхождения, академик Императорской Академии наук, был приглашен в Россию в 1725 г. В 1733–1743 гг. путешествовал по Сибири, где собрал огромное количество архивных материалов, использовавшихся в трудах последующих поколений российских историков. В 1749 г. был назначен историографом. Изучая русскую историю, стал одним из основателей норманнской теории происхождения Древнерусского государства, которой активно противостоял М. В. Ломоносов.
- 889 *Шлёцер* (Schlözer) Август Людвиг (1735–1809) — российский и германский историк. В 1761–1767 гг. работал в Императорской Академии наук. Считается одним из создателей норманнской теории происхождения государства у восточных славян, в связи с чем дискутировал с М. В. Ломоносовым. Выступал за критический подход при анализе древнерусских источников. Вернувшись в Германию, Шлёцер поступил профессором истории и статистики в Гёттингенский университет. Главный труд: «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлецером» (СПб., 1808).
- 890 *Башилов* Семен (1740–1769) — выпускник Московского университета (1762), сотрудник А. Л. Шлёцера. Служил переводчиком в Академии наук,

а затем секретарем в Сенате. В научной деятельности проявил себя главным образом как издатель источников по русской истории.

- ⁸⁹¹ *Нестор* (1056 — ок. 1114) — монах Киево-Печерского монастыря, летописец. Нестору приписывается авторство «Повести временных лет». Помимо этого он, возможно, является также автором «Сказания о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия».
- ⁸⁹² *Соловьев* Сергей Васильевич (?–1875) — профессор русского языка и литературы Гельсингфорсского университета в 1830–1843 гг. По заданию археографической комиссии совершил ряд поездок в Швецию в 1837–1840 гг. для архивных разысканий.
- ⁸⁹³ *Сапег* (Sapieha) Ян-Петр (1611–1659) — представитель литовского княжеского рода. Принимал участие в событиях Смутного времени в России начала XVII в. на стороне Лжедмитрия II. В течение нескольких месяцев со своим отрядом безуспешно осаждал Троицкий монастырь.
- ⁸⁹⁴ Тушинский самозванец — второй самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия в начале XVII в., в период Смутного времени. Вошел в историю как Лжедмитрий II или Тушинский вор (по названию села близ Москвы, где самозванец устроил свою резиденцию), предположительно был выходцем из Белоруссии. В 1610 г. убит в Калуге собственной охраной.
- ⁸⁹⁵ *Делагарди* (De la Gardie) Якоб (1583–1652) — шведский военный и государственный деятель французского происхождения, в 1609 г. возглавлял шведский отряд, прибывший в Россию (согласно договору, подписанному с правительством В. И. Шуйского) для оказания помощи в борьбе с польской интервенцией. Первоначально шведы, следуя договору, действовали совместно с русским войском, возглавляемым М. В. Скопиным-Шуйским. Однако, воспользовавшись обострением политического кризиса внутри России, шведские войска во главе с Делагарди летом 1610 г. перешли к открытой военной интервенции, оккупировав северо-западные территории Российского государства. В 1617 г., после избрания в России нового царя (Михаила Федоровича Романова на Земском соборе 1613), Делагарди принимал непосредственное участие в заключении Столбовского мира между Россией и Швецией. В 1632–1644 гг. входил в состав регентского совета при королеве Кристине.
- ⁸⁹⁶ *Алексей Михайлович* (1629–1676) — второй русский царь (1645–1676) из династии Романовых. Проводил политику, способствовавшую дальнейшей централизации власти в стране. В годы его правления в России начинается постепенный переход от сословно-представительной монархии

к абсолютизму, окончательно утвердившемуся при его сыне — Петре I. В 1653 г. действовал последний Земский собор, на котором было принято решение о воссоединении Украины с Россией. Правление Алексея Михайловича положило начало церковному расколу, явившемуся следствием религиозных реформ патриарха Никона (начало 1650-х гг.).

⁸⁹⁷ *Котошихин (Кошихин)* Григорий Карпович (?–1667) — подьячий Посольского приказа. В 1664 г., оказавшись втянутым в боярские распри, бежал из России в Польшу. В 1666–1667 гг. проживал в Стокгольме, где написал свое знаменитое сочинение, посвященное царствованию Алексея Михайловича. Подлинная рукопись Котошихина была обнаружена в 1838 г. В 1667 г. казнен за убийство собственного домовладельца.

⁸⁹⁸ *Тургенев* Александр Иванович (1785–1846) — русский общественный деятель, брат декабриста Н. И. Тургенева. Вместе с Уваровым входил в литературный кружок «Арзамас». С 1810 г. служил в должности директора Департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. С 1825 г. жил за границей, проводя разыскания в иностранных библиотеках и архивах. Многие найденные им документы, касающиеся русской истории, были впоследствии опубликованы Археографической комиссией.

⁸⁹⁹ *Строев* Павел Михайлович (1796–1876) — археограф, выпускник Московского университета. В 1813 г. издал «Краткую российскую историю для начинающих», наиболее популярный учебник до 1830-х гг. С 1816 г. служил в архиве Министерства иностранных дел, а параллельно занимался разысканием и изданием письменных памятников российской истории. В 1828–1834 гг. возглавлял Археографическую экспедицию, исследовавшую библиотеки и монастыри губерний Европейской части России. С 1841 г. — член Академии наук.

⁹⁰⁰ Судебник — свод законов, принятый в 1550 г. Судебник ограничивал власть бояр-наместников на местах, увеличивал размер пожилого (материальной компенсации, которую крестьяне должны были платить вотчиннику, уходя от него). Подтверждал норму Судебника 1497 г., которым было установлено, что крестьяне имели право покидать территорию своего прежнего проживания лишь один раз в году — за неделю до и спустя неделю после Юрьева дня (26 ноября).

⁹⁰¹ Речь идет о машине для гравирования с выпуклых и вдавленных предметов, изобретенной американцем А. Коласом и усовершенствованной англичанином Дж. Бетом. Русское правительство приобрело эту машину в 1837 г. Для обучения работе на ней Министерство народного просвещения направило в Англию русского художника Николая Менцова.

- ⁹⁰² *Тимковский Роман Федорович* (1785–1820) — русский историк, археограф, филолог, профессор греческой и латинской словесности Московского университета, автор работ по классической филологии. Известен также как исследователь и издатель древнерусских источников (летопись Нестора, «Слово о полку Игореве» и др.).
- ⁹⁰³ Имеется в виду Евангелие, хранящееся в Реймском соборе с XVI в. Оно было приобретено в Константинополе в 1574 г. кардиналом Карлом Лотарингским. На этом Евангелии французские короли давали присягу, восходя на престол. Одна часть Евангелия написана кириллицей, другая — глаголицей. Согласно легенде, славянскую принадлежность Евангелия установил Петр I во время своего пребывания в Реймсе в 1717 г. Существует также версия, что реймское Евангелие первоначально принадлежало дочери Ярослава Мудрого Анне, вышедшей замуж за французского короля Генриха I в середине XI в. См.: *Жуковская А. П.* Реймское Евангелие, история его изучения и текст. М., 1978.
- ⁹⁰⁴ *Устрялов Николай Герасимович* (1805–1870) — историк, профессор Петербургского университета. Концепция исторического развития России, сформулированная Устряловым в период николаевского царствования, следовала официальным установкам. Сам Уваров любил посещать его лекции и рекомендовал остальным преподавателям ориентироваться в своих лекциях на работы Устрялова. В 1837 г. Устрялов стал победителем конкурса написание лучшего учебника по русской истории, организованного Уваровым. В результате его учебное пособие, составленное на основе диссертации на степень доктора философии «О системе прагматической русской истории» (защищена в 1836), вплоть до 60-х гг. XIX в. оставалось практически единственным официально рекомендованным для преподавания истории русскому юношеству. Подробнее о концепции Устрялова и его учебнике см.: *Володина Т. А.* Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. №2.
- ⁹⁰⁵ Н. Г. Устрялов выступил сторонником теории единства Западной и Восточной Руси. В 1839 г. им была опубликована специальная работа, где он попытался научно обосновать ошибочность мнения о Литовском княжестве как о древней польской провинции. Устрялов доказывал, что изначально Литовское государство поддерживало с Северо-Восточной Русью тесную культурную и политическую связь, сохраняя русскую веру, язык и гражданские уставы. Даже после объединения Литовского княжества с Польшей в Речь Посполитую, как отмечал историк, русские князья «продолжали смотреть на него как на свою родовую отчину». Сам Устрялов отстаивал мнение о необходимости продолжения активной

политики, направленной на окончательное воссоединение западного края с центральной Россией в политическом и культурном отношениях. См.: *Устрялов Н. Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское? СПб., 1839.

- ⁹⁰⁶ *Ларин* Петр Данилович (1735–1778) — купец, известный благотворитель. Из крестьян. В основу ларинского капитала, используемого министерством народного просвещения для строительства и ремонта зданий учебных заведений, легли средства, оставленные им для учреждения образцовой школы в родном селе. Проект был одобрен Екатериной II, но реализовать его при жизни Ларин не успел.
- ⁹⁰⁷ *Протасов* Николай Александрович (1799–1855) — граф, генерал от кавалерии, государственный деятель. Начинал свою службу в армии, с 1834 г. входил в состав Главного правления училищ, Главного правления цензуры и комитета по устройству учебных заведений. В 1835 г. был назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения, а в 1836 г. обер-прокурором Святейшего Синода.
- ⁹⁰⁸ После закрытия Виленского университета в 1832 г. все подведомственные ему средние и низшие учебные заведения в Виленской, Гродненской и Белостокской областях были присоединены к Белорусскому учебному округу.
- ⁹⁰⁹ Греко-униатская коллегия была создана в 1828 г. для управления униатской церковью, выведенной в то время из подчинения католической коллегии Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Униатская церковь была создана в западных губерниях в конце XVI в., когда они находились в составе Речи Посполитой. В 1596 г. была подписана Брестская уния, означавшая объединение православной церкви с католической, под главенством римского папы. При этом сохранялись православные обряды и богослужение на родном языке. В 1839 г. униатская церковь в западных губерниях была упразднена, а униаты переведены в православие. См.: *Горизонтов Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство Власти. Сб. статей.* М., 2001. С. 141.

⁹¹⁰ Базилиане — члены греко-униатского ордена св. Василия Великого, возникшего в Польше в XVII в.

⁹¹¹ Монахи нищенствующего католического ордена, основанного в начале XIII в. святым Домиником и утвержденного папой Гонорием III. Орден принимал активное участие в борьбе с еретиками, при папе Григории IX

ему была передана инквизиция. Доминиканцы занимались миссионерской деятельностью, основывали монастыри. Особое значение они уделяли контролю над воспитанием и образованием, учреждая новые учебные заведения в Болонье, Кёльне, Оксфорде и др. В орден входили такие известные богословы, как Альберт Великий и Фома Аквинский. В XVI в. значение ордена упало, доминиканцы были оттеснены иезуитами. Однако, к XIX в. их положение вновь стабилизировалось.

- ⁹¹² Монахи католического ордена, основанного в эпоху крестовых походов в Палестине. Учредителем ордена считается Бертольд Калабрийский, основавший в середине XII в. общину отшельников на горе Кармель. Устав ордена был утвержден папой Гонорием III. Устав был достаточно строгим и предписывал членам ордена проводить много времени в молитве и молчании. Устанавливались строгие посты, в частности кармелиты должны были отказаться от употребления мяса. После завершения крестовых походов кармелиты были изгнаны из Палестины и распространились по всей Европе. В середине XIII в. они вошли в число нищенствующих орденов. В конце XVI в. появилось новое ответвление ордена — босые кармелиты, которые призывали к возвращению к прежним аскетическим идеалам, от которых кармелиты постепенно отошли. В XIX в. монастыри, созданные кармелитами, действовали во многих странах, в том числе в западных губерниях Российской империи.

Ксендзы — духовные лица в Польше.

- ⁹¹³ *Бегичев* Иван Матвеевич (1766–1816), генерал-майор (с 1799 г.). На военной службе (с перерывами) находился с 1786 по 1814 г. Принимал участие в ряде войн конца XVIII — начала XIX вв., в том числе — в русско-турецкой 1788–1791 гг., Отечественной 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Награжден орденами, а также золотой шпагой «За храбрость».

- ⁹¹⁴ Отчет был составлен по результатам ревизии университета Св. Владимира, проведенной Уваровым в 1837 г., после обнаружения у студентов этого университета политических прокламаций.

- ⁹¹⁵ Четверо студентов, обвиненных в распространении антиправительственных прокламаций, были по приговору военного суда определены в солдаты, без лишения дворянства. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. Киев, 1884. Т. 1. С. 166.

- ⁹¹⁶ Надзиратели за студентами в университете.

- ⁹¹⁷ Из Кременецкого лицея в университет Св. Владимира в 1834 г. были переведены: С. Ф. Зенович (1779–1856), профессор химии; В. Г. Бессер

(1784–1842), доктор медицины, профессор ботаники; А. Н. Мицкевич (1804–1871), юрист, профессор римского права, брат Адама Мицкевича; С. С. Выжевский, профессор чистой и прикладной математики; О. В. Корженевский (1797–1863), адъюнкт древней словесности и древностей; Г. В. Гречин (1796–1840), адъюнкт-профессор по кафедре чистой математики; Ф. И. Мехович (1786–1852), профессор архитектуры; И. К. Абламович (1787–1848), профессор физики и др. Практически все они после событий 1837–1838 гг. были уволены или переведены в другие учебные заведения.

- ⁹¹⁸ Речь идет о М. А. Максимовиче. См. о нем комментарий к «Отчету об обозрении Московского университета от 4 декабря 1832 г.»
- ⁹¹⁹ *Неволин* Константин Алексеевич (1806–1855) — юрист, в 1829–1832 гг. в составе группы русских студентов обучался в Берлинском университете под руководством Савиньи. В 1835–1843 гг. профессор энциклопедии права и учреждений Российской империи в университете Св. Владимира. В 1843 г. переведен в Петербургский университет на кафедру российских гражданских законов.
- ⁹²⁰ *Новицкий* Орест Маркович (1806–1884) — профессор философии университета Св. Владимира. Подвергая одинаковой критике как немецкую, так и французскую философские системы, Новицкий в своих работах выступал за создание русской философии, основанной на религиозных началах.
- ⁹²¹ *Скворцов* Иван Михайлович (1795–1863) — протоиерей, писатель. Был профессором богословия в университете Св. Владимира, автор ряда работ по каноническому праву.
- ⁹²² *Орнатский* Сергей Николаевич (1806–1884) — юрист, обучался в Берлинском университете вместе с Неволиным. Затем был определен профессором гражданских законов в университет Св. Владимира. С 1848 г. преподавал в Московском университете.
- ⁹²³ *Богородский* Савва Осипович (1804–1857) — криминалист. Обучался в Берлинском университете вместе с Неволиным и Орнатским. В 1835 г. был определен профессором законов благоустройства и благочиния в университет Св. Владимира, в 1839 г. перешел на кафедру законов уголовных и благочиния, которую занимал вплоть до своей смерти.
- ⁹²⁴ *Цветков* Григорий Алексеевич (1807–1856) — адъюнкт по кафедре о государственных законах и финансах университета Св. Владимира в 1836–1856 гг.

- ⁹²⁵ *Петров* А. Г. (1803–1887) — тайный советник, председатель С.-Петербургского цензурного комитета. Директором 1-й Киевской гимназии был назначен в 1836 г. В 1844 г. — переведен в Одессу на должность директора Ришельевского лицея. С 1853 г. служил в цензурном ведомстве, сначала в Москве, а затем в Санкт-Петербурге.
- ⁹²⁶ Конвикт (с *лат.* — общежитие) — закрытое учебное заведение (школа-интернат, пансион).
- ⁹²⁷ *Брадке* фон Егор Федорович (1796–1861) — из шведских дворян, поступивших на русскую службу при Петре I. Начинал свою службу в армии, участвовал в заграничных походах, а также в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. Оставив военную службу, Брадке был назначен попечителем Киевского учебного округа (1834–1839). Принимал непосредственное участие в создании университета Св. Владимира. В связи с тем, что не обратил должного внимания на распространение польской пропаганды во вверенном ему округе и университете, был отстранен от должности в 1839 г. С 1854 г. — сенатор.
- ⁹²⁸ Об этих и других преподавателях, переведенных в университет из Кременецкого лицея, см. комм. 917.
- ⁹²⁹ *Авсеньев* Петр Семенович (архимандрит Феофан) (1811–1852) — русский религиозный философ и психолог, профессор кафедры философии Киевской духовной академии. В 1839–1844 гг. — профессор философии в университете Св. Владимира. В 1844 г. постригся в монахи, скончался в Риме.
- ⁹³⁰ *Федотов-Чеховский* Александр Алексеевич (1806–1892) — профессор университета Св. Владимира, переведен (в 1838) из Харьковского университета в должности профессора по кафедре римского законодательства. В 1842 г. переведен на кафедру русских гражданских законов. В 1840–1841 г. и 1848–1849 гг. — декан юридического факультета.
- ⁹³¹ *Нейкирх* Иван Яковлевич (1803–1870) — филолог, профессор греческой словесности в университете Св. Владимира.
- ⁹³² *Траутфеттер* Эрнест-Рудольф Эрнестович (1809–1888) — ученый-ботаник. В университет Св. Владимира был переведен из С.-Петербурга, где служил в качестве помощника директора Императорского Ботанического сада. С 1838 г. — профессор ботаники университета Св. Владимира. В 1838–1847 гг. одновременно директор Ботанического сада университета в г. Кременце. В 1850–1859 гг. — ректор университета.

- ⁹³³ *Деллен* Александр Людвигович (1814–1882) — филолог, профессор кафедры греческой и римской словесности университета Св. Владимира в 1838–1867 гг. В 1867 г. был переведен в Харьковский университет.
- ⁹³⁴ *Долгоруков* Юрий Алексеевич (1807–1882) — тайный советник, сенатор. В 1838–1840 гг. — генерал-губернатор Виленской губернии.
- ⁹³⁵ *Бякстер* Яков Николаевич (1789–1855) — тайный советник, переводчик. В 1826–1828 гг. — лектор английского языка и английской словесности в Московском университете, в 1835–1839 гг. занимал должность инспектора 2-й Виленской гимназии и Виленского благородного пансиона, в 1839 г. был назначен директором С.-Петербургского Высшего коммерческого пансиона. Действительный член Императорского русского географического общества.
- ⁹³⁶ *Ястребцов* Иван Максимович (1797–1869) — врач, философ, педагог. Автор ряда научных работ в области геологии, истории и географии. Известен в большей степени благодаря своим работам, посвященным вопросам педагогики и народного образования в России: «Об органах души» (М., 1832); «О системе наук, приличных в наше время детям...» (М., 1832) и др. С 1834 г. служил по ведомству народного просвещения. В 1834–1842 гг. возглавлял гимназию в Гродно, а с 1842 г. — в Динабурге.
- ⁹³⁷ Пансион впервые был открыт в 1826 г. близ Пропойска. В 1832 г. под пансион была отдана дача Пипенберг, принадлежавшая военному ведомству. В 1837 г. пансион получил статус «образцового», став к тому времени центром женского образования и воспитания в западном крае Российской империи. В 1865 г. на базе этого пансиона была создана женская гимназия в Могилеве.
- ⁹³⁸ Имеются в виду события 1837–1838 гг., связанные с политической пропагандой среди студентов университета Св. Владимира, а также деятельностью С. Конарского (см. комм. 809).

Рим и Венеция в 1843 году

Путевой очерк впервые был опубликован двумя брошюрами на французском языке: Rome. 1843. SPb., 1845; Venice. 1843. SPb., 1845.

В 1846 г. вышел русский перевод с предисловием переводчика:

«Возвратившись из путешествия Своего за границу, в 1843 году, знаменитый Президент нашей Академии Наук, Е. В. П. Сергей Семенович Уваров, в двух кратких, но богатых содержанием, классически стройных по изложению очерках

выразил впечатления, оставленные в душе Его вечным городом семи холмов и развенчанною царицею Адриатики. Благоухание Италии, навеваемое этими очаровательными картинами на воображение, легко переносит думы в заветный край живописной природы, величавых исторических воспоминаний, художеств и развалин. Перелагать изящные мысли, изящные обороты слога на родной язык — есть наслаждение, знакомое каждому, занимающемуся словесностью как искусством, и такое чувство дало мне смелость решиться на перевод подлинника, часто сияющего нежными, едва уловимыми красотою.

Дерпт,
Января 27-го дня. 1846 года.
Михаил Розберг».

Печатается по отдельному русскоязычному изданию: Рим и Венеция в 1843 оду. Дерпт, 1846.

- ⁹³⁹ Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заморожен? (перевод Б. Л. Пастернака)
Эпиграф взят из поэтического цикла, вошедшего в роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».
- ⁹⁴⁰ Кенотаф (букв.: пустая могила) — надгробный памятник умершим у древних греков и римлян, чьи останки либо не были найдены, либо были захоронены в другом месте.
- ⁹⁴¹ *Фонтан* (Fontanes) де Луи (1757–1821) — маркиз, французский поэт и политический деятель, издавал вместе с Шатобрианом журнал «Меркюр де Франс». В 15 томе своего журнала от 3 марта 1803 г. Шатобриан опубликовал «Письмо господину де Фонтану о римской кампании».
- ⁹⁴² Аппиева дорога (Via Appia) — знаменитая дорога, проложенная в Древнем Риме для военных целей цензором Аппием-Клавдием-Цекусом в 312 г. до н. э. Она проходит от Рима через Бовилью, Аричию, форум Аппию, Террачину, Фунди, Формию, Минтурну, Синуессу в Капую.
- ⁹⁴³ Гробница Цецилии Метеллы — архитектурный памятник середины I в. до н. э., где покоится прах дочери Квинта Метелла и невестки Марка Лициния Красса, победителя Спартака.

- ⁹⁴⁴ Нументанская дорога (via Numentana) начиналась от Виминальских ворот, доходила до города Нументо и вела к городу Пренеста.
- ⁹⁴⁵ *Россини* (Rossini) Джоаккино Антонио (1792–1868) — итальянский оперный композитор.
- ⁹⁴⁶ Имеется в виду «Итальянское путешествие» Гёте, написанное в 1817 г. по материалам его пребывания в Италии в 1787–1788 гг.
- ⁹⁴⁷ *Казанова* (Casanova) Джованни Джакомо (1725–1798) — известный итальянский авантюрист, путешественник, литератор и мемуарист.
- ⁹⁴⁸ *Каналетто* (Canaletto) (наст. имя Беллотто [Belloto]) Бернард (1720–1780) — итальянский живописец-пейзажист.
- ⁹⁴⁹ Мужлан (*итал.*).
- ⁹⁵⁰ *Мадерна* (Maderna) Карло (1556–1629) — римский архитектор, прославившийся окончанием постройки собора Св. Петра (1605–1613).
- ⁹⁵¹ *Бернини* (Bernini) Джовани Лоренцо (1598–1680) — итальянский скульптор, художник и архитектор, считается основоположником барокко. Наиболее значительной его работой является колоннада у собора Св. Петра. Он же украсил собор часовней над гробом апостола.
- ⁹⁵² *Витрувий* (Vitruvius) Марк Поллион (2-я пол. I в. до н. э.) — римский архитектор, автор теоретического трактата «Десять книг об архитектуре».
- ⁹⁵³ Картезианский монастырь — находится в 1 км от Павии. Шедевр ломбардских архитекторов XV в. В настоящее время принадлежит цистерцианскому ордену.
Миланский собор (*итал.* Duomo di Milano) — один из крупнейших кафедральных соборов в мире, построенный из белого мрамора в готическом стиле. Начало строительства относится к 1386 г., а завершение — к началу XIX в.
Пизанский собор — Домский собор в Пизе, построенный в 1063–1160 гг. Собор знаменит, прежде всего, бронзовыми, южными дверями, мозаикой Чимабуэ в апсиде «Христос во славе» и поразительной кафедрой. Напротив кафедры висит светильник, так называемая «лампа Галилея», которая, возможно светила великому ученому, когда он изучал движение маятника. В сокровищнице находится знаменитая статуя работы Джованни Пизано «Дева Мария» (резьба по слоновой кости, конец XVIII в.).

Храм Св. Зенона (Сан Дзено) в Вероне — одна из наиболее цельных и совершенных построек в романской архитектуре северной Италии, возведенная в начале XI в.

Храм Св. Петрония в Болонье — крупнейший собор Болоньи, строившийся в XIV–XVII вв., названный в честь святого Петрония, жившего в V в. и считающегося покровителем города.

Собор Св. Марка в Венеции (базилика Сан-Марко) — кафедральный собор в Венеции (XI в.), является местом нахождения мощей св. апостола Марка. Собор украшен многочисленными мозаиками, выполненными в византийском стиле, и множеством ценных предметов искусства, вывезенных из Константинополя в ходе крестовых походов.

⁹⁵⁴ *Лютер* (Luther) Мартин (1483–1546) — немецкий реформатор церкви, основоположник протестантизма. В 1517 г. обнародовал 95 тезисов, направленных против господства в религии внешней обрядности, фактически положивших начало Реформации. Главная заслуга Лютера состоит в переводе Библии на немецкий язык простым и образным языком, что сделало ее доступным для народного чтения.

⁹⁵⁵ *Лев X* (Джованни Медичи) (1475–1521) — римский папа с 1513 г. В 1520 г. издал буллу, осуждавшую Лютера и его сторонников.

⁹⁵⁶ Имеется в виду Ариосто, который родился, жил и умер в Ферраре.

⁹⁵⁷ *Данте* (Dante) Алигьери (1265–1821) — великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии».

⁹⁵⁸ *Браманте* (Bramante) Донато Лаццари (1444–1514) — итальянский архитектор и художник-живописец, работал над сооружением храма Св. Петра, но из-за смерти не успел закончить.

⁹⁵⁹ *Пий VI* — римский папа с 1775 по 1799 г.

⁹⁶⁰ *Григорий XVI* — римский папа с 1831 по 1846 г.

⁹⁶¹ Базилика Святого Павла за городскими стенами (Сан-Паоло-фуори-ле-Мура) — одна из четырёх великих, или патриарших, базилик Рима (наряду с собором св. Петра, собором св. Иоанна Латеранского и базиликой Санта-Мария-Маджоре), заложена императором Константином на месте захоронения св. Павла. Ее строительство завершилось при папе Льве I (V в.). В 1823 г. собор выгорел почти дотла, его восстановление храма продолжалось до 1840 г., причём был выстроен совершенно новый классицистический фасад. Царь Николай I прислал малахит и лазурит для воссоздания алтаря.

- ⁹⁶² *Галиани* (Galiani) Фердинандо (1728–1787) — итальянский экономист, писатель, аббат, близкий к физиократам и энциклопедистам.
- ⁹⁶³ Город в итальянской провинции Перуджии.
- ⁹⁶⁴ *Доменикино* (Domenichino) Зампиери (1581–1641) — итальянский художник болонской школы, представитель высокого барокко.
- ⁹⁶⁵ *Леонардо да Винчи* (Leonardo da Vinci) (1452–1519) — гений эпохи Возрождения, живописец, скульптор, архитектор, поэт, ученый.
- ⁹⁶⁶ *Вечеллио* (Vecellio) Тициан (1477–1576) — итальянский живописец, главный представитель венецианской школы.
- ⁹⁶⁷ *Скиара* Колонна (Sciarra Colonna) (?–1329) — римский сенатор, принадлежащий к влиятельной семье Колонна, сыгравшей важную роль в истории Рима в XII–XVI вв.
- ⁹⁶⁸ *Веласкес* (Velazquez) де Сильва, дон Диего Родригес (1599–1660) — испанский живописец.
- ⁹⁶⁹ *Парразий* (2-я пол. V в. до н. э.) — афинский художник.
- ⁹⁷⁰ *Апеллес* (2-я пол. IV в. до н. э.) — древнегреческий художник-монументалист, придворный художник Александра Македонского.
- ⁹⁷¹ *Плиний Младший* (61/62–113) — римский общественный деятель, оратор, консул, писатель, автор 10 книг «Писем».
- ⁹⁷² *Петр-Вериг* — имеется в виду одна из семи больших (паломнических) базилик Рима Сан-Пьетро-ин-Винколи («св. Пётр в веригах»), построенная в V в. императрицей Евдоксией для хранения «честных вериг» святого Петра. В церкви находится ряд работ Микеланджело, среди которых упоминаемая Уваровым скульптура «Моисей с рожками» (1515 г.).
- ⁹⁷³ *Лови день* (лат.). Слова Горация (Ода I, 11).
- ⁹⁷⁴ Имеется в виду Палаццо Боргезе, принадлежавшее папе Павлу V (Боргезе). Строительство дворца было начато в 1590 г. Лунги и окончено в 1610 г. миланским архитектором Фламинго Понцио. На нижнем этаже дворца находится картинная галерея, где представлены работы Рафаэля, Корреджо, Тициана и др.

- 975 Вилла Боргезе была построена в XVII в. кардиналом Шипионе Боргезе, племянником Павла V, находится в огромном парке (5 1/2 км в окружности) и славится своим собранием художественных ценностей.
- 976 Т. е. находящихся по ту сторону Тибра.
- 977 Вилла Дория-Памфили — дворец Дория-Памфили (XV в.), название получил от фамилий двух знатных итальянских родов. В 1671 г. Андреа Дория женился на Анне Памфили, последней представительнице своего рода, и получил в приданое этот дворец. Ныне в нем размещается Картинная галерея.
- 978 Вилла Альбани принадлежала кардиналу Алессандро Альбани (1692–1779), известному коллекционеру и меценату.
- 979 *Менгс* (Mengs) Антон Рафаэль (1728–1779) — немецкий живописец, подолгу жил и работал в Риме, был близок с Винкельманом и разделял его эстетические принципы, стремился к красоте форм и соблюдению строгих правил композиции. Программным произведением монументальной живописи неоклассицизма стали росписи плафона и люнетов виллы Альбани в Риме (1761). Менгс написал здесь на потолке фреску Парнас и две композиции в форме тондо — Рим и Гений.
- 980 *Винкельман* (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717–1768) — немецкий искусствовед, основоположник современных представлений об античном искусстве. В 1758 г. Винкельман принял приглашение кардинала Альбани поселиться у него на вилле и стать его библиотекарем и хранителем коллекции.
- 981 Этому «трофею» Уваров позже посвятил отдельную статью: О древнем классическом памятнике, перевезенном из Рима в Поречье // Пропилеи. Сб. статей по классической древности. М., 1853. Кн. 3.
- 982 *Лукреций* (Lucretius) Тит Кар (99/95–55/51 до н. э.) — древнеримский поэт, автор известной поэмы в шести книгах «О природе вещей». Уваров имеет в виду следующее место из второй книги: «Смертные перенимают жизнь одни у других... и словно скороходы, передают один другому светильник жизни».
- 983 ...и светильник жизни передают (*лат.*).
- 984 Имеется в виду т. н. Каплутенская полиглата (напеч. в «Alcala de Henares», по-латыни «Complutum», 1514–1577), изданная по желанию кардинала

Хименеса, в шести томах in folio, и содержащая наряду с еврейским текстом Ветхого Завета также Вульгату, перевод семидесяти толковников, буквальный латинский перевод и халдейский парафраз, также снабженный буквальным латинским переводом.

Хименс (Ximenes de Cisneros) Франческо (1436–1517) — испанский государственный и религиозный деятель, монах францисканского ордена, с 1495 г. архиепископ толедский и великий канцлер Кастилии, с 1507 г. кардинал и великий инквизитор, был известен крайне жестоким преследованием маранов и еретиков. По его приговору было сожжено более 2500 человек.

⁹⁸⁵ Имеются в виду editio princeps — первопечатные издания.

⁹⁸⁶ *Кловियो* (Clovio) дон Джулио (1498–1578) — итальянский живописец-миниатюрист по прозвищу Мачедо.

⁹⁸⁷ *Урбан VIII* (Маффео Барберини) (1568–1644) — римский папа с 1623 г., был близок к иезуитам, создал коллегию Пропаганды (1627), осудил систему Галилея и янсенизм (1642).

⁹⁸⁸ Августов век — т. е. эпоха Октавиана Августа, так называемый «золотой век Империи».

⁹⁸⁹ Небольшие водопады.

⁹⁹⁰ *Катулл* (Catullus) *Гай Валерий* (87–54 до н. э.) — древнеримский поэт, стоящий у истоков романтической любовной лирики в европейской поэзии.

⁹⁹¹ *Инноцентиус I* Д'Эсте (d'Este) (1479–1520) — итальянский кардинал, принадлежащий к одной из древнейших итальянских фамилий. Вилла d'Este — Знаменитый своими фонтанами дворцово-парковый ансамбль XVI в. в 40 км от Рима (архитектор Пирро Лигерио).

⁹⁹² Герцоги Моденские — правители герцогства Моденского, существовавшего как самостоятельное государство с 1452 по 1859 гг. До 1803 г. герцоги Моденские принадлежали к итальянской ветви княжеской династии Эсте, а затем к австрийской ветви той же фамилии.

⁹⁹³ *Бросс* (Brosses) де Шарль (1709–1777) — французский историк, президент Бургундского парламента, почти всю свою жизнь занимался изучением Саллюстия, также является автором двухтомного «Рассуждения о механическом составе языков и физических началах этимологии» (Париж, 1765, рус. пер.: 1821–1822).

- ⁹⁹⁴ Имеется в виду Ариосто.
- ⁹⁹⁵ Вилла Фарнезина — памятник архитектуры и живописи высокого Возрождения (1506–1510 гг.), расположенный на левом берегу Тибра в римском районе Трастевере (архитектор Бальдассаре Перуцци).
- ⁹⁹⁶ Ворота дель Пополо, на протяжении многих веков были главными воротами в Рим. С их описания начинались все путеводители по Риму XIX в.
- ⁹⁹⁷ Дворец Питти — один из самых грандиозных флорентийских дворцов (205 м в длину и 36 м в высоту), построенный в 1487 г., предположительно по проекту Брунеллески.
- ⁹⁹⁸ Ниобея — в греческой мифологии дочь малоазийского царя Тантала и жена фиванского царя Амфиона. По легенде, у нее было семеро детей и она вздумала хвалиться ими перед богиней Лето, имевшей только двух детей: Аполлона и Артемиду. За это последние поразили всех ее детей стрелами. От горя Ниобея окаменела и превратилась в скалу, источающую слезы.
- ⁹⁹⁹ Мост вздохов — один из мостов Венеции, построенный в XVII в. в барочном стиле (архитектор Антонио Конти). Мост соединяет здание Дворца дождей, в котором располагался зал суда, и тюрьму. Название «вздохов» подразумевает вздохи осужденных, ведомых по этому мосту.
- ¹⁰⁰⁰ *Веронезе* (Veronese) Паоло (1528–1588) — итальянский живописец венецианской школы.
- ¹⁰⁰¹ Герцогский дворец или дворец дождей — главное здание Венеции, бывшее в свое время резиденцией дождей республики, представляет собой памятник итальянской готической архитектуры (XIV–XV вв.). Предположительно архитектором первого варианта дворца был Филиппо Календаро.
- ¹⁰⁰² *Палладио* (Palladio) Андреа (1508–1580) — итальянский архитектор позднего Возрождения.
- ¹⁰⁰³ Имеются в виду Старые и Новые Прокурации (здания, в которых размещались прокуроры), построенные соответственно в 1480–1517 гг. (архитектор Мауро Кодуччи) и в XVI–XVII вв. (архитектор Скамоцци, находятся на площади Св. Марка).

- ¹⁰⁰⁴ *Каналетто*, Каналь (Canal) Джованни Антонио (1697–1768) — итальянский художник, глава венецианской школы ведутистов, мастер городских пейзажей в стиле барокко.
- ¹⁰⁰⁵ Дневное (*итал.*).
- ¹⁰⁰⁶ *Тинторетто* — прозвище итальянского живописца венецианской школы Робусто (Robusti) Якопо (1519–1594).
- ¹⁰⁰⁷ Имеются в виду итальянские живописцы: *Пальма* (Palma) Джакомо Старший (1480–1528) и *Пальма* Джакомо Младший (1544–1628), внучатый племянник предыдущего.
- ¹⁰⁰⁸ *Фальеро* (Faliero) Мариино (1274–1355) — 55-й венецианский дож с 1354 г., военачальник, дипломат, член Совета Десяти. В 1355 г. пытался осуществить государственный переворот, с целью монополизации власти, но был схвачен и казнен. В 1365 г. имя Фальера было стерто с фриза в зале Большого совета, где выбиты имена всех дожей, и заменено надписью: «На этом месте было имя Марино Фальера, обезглавленного за совершенные преступления».
- ¹⁰⁰⁹ *Бордоне* (Bordone) Парис (ок. 1500–1570) — итальянский живописец венецианской школы.
- ¹⁰¹⁰ Имеется в виду первый венецианский дож *Дандоло* (Dandolo) Энрико (около 1108–1205), добившийся преобладания Венеции на Средиземном море.
- ¹⁰¹¹ Известное кафе «Флориан», открытое в Венеции на площади Св. Марка в 1645 г.
- ¹⁰¹² Монастырь основан в 1717 г. на острове Св. Лазаря в двух милях от Венеции.
- ¹⁰¹³ *Байрон* (Вугон) Джордж-Ноэль Гордон (1788–1824) — лорд, английский поэт. В письме к Т. Муру от 17 ноября 1816 г. из Венеции Байрон писал: «В качестве развлечения я ежедневно изучаю в армянском монастыре армянский язык. Мне надо было занять свой ум чем-нибудь трудным; вот я и выбрал самое трудное из всего, чем здесь можно занять свой досуг; и заставил себя сосредоточиться. Впрочем, это богатый язык; он с лихвой вознаградит каждого, кто его изучит. Я пытаюсь это сделать и намерен продолжать, но ни за что не ручаюсь и менее всего — за свои намерения и успехи. В монастыре есть любопытнейшие рукописи и книги; есть

переводы с утраченных греческих подлинников, а также с персидского, сирийского и др., помимо сочинений «армянского языка» (Байрон. Дневник. Письма. М., 1963. С. 135).

¹⁰¹⁴ *Пинелли* (Pinelli) Бартоломео (1781–1836) — итальянский рисовальщик, гравёр, живописец и скульптор.

Штейн и Поццо-ди-Борго

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на французском языке: Stein et Pozzo di Borgo. SPb., 1846. В следующем году вышло парижское издание со следующим предисловием: «Автор этой брошюры давно занимает один из самых значительных постов в Российской империи и кроме того известен важными научными и литературными трудами, некоторые из которых публиковались во Франции. Сочинение под названием “Штейн и Поццо-ди-Борго” было недавно опубликовано в Петербурге в очень ограниченном количестве экземпляров, которые автор распространил среди своих знакомых литераторов и политиков. Дюжина из этих экземпляров достигла Парижа, и официозная болтовня сделала их добычей журналистов, опубликовавших множество рецензий, так что имя автора стало известно парижской прессе. Эти статьи, впрочем, все доброжелательные, независимо от политической окраски той или иной напечатавшей их газеты, отдавали также должное замечательной литературной форме, которую автор придал своим воспоминаниям. Но журналисты, обязанные во все вникать, раскрыли анонимность автора по единственной причине: он был государственным лицом одной из самых значительных империй. Поэтому в его брошюре пытались усмотреть что-то иное, помимо того, что там действительно говорилось. Таким образом, некоторые рассуждения, впрочем, вполне естественные при такой теме, подняли ряд политических вопросов и придали им острую актуальность. Оценки, высказанные на первых полосах некоторых газет, заходили слишком далеко. Нет никаких оснований думать и внушать читателю, что автор воспользовался двумя выдающимися именами для того, чтобы спрятать за ними самого себя и выразить, не стесняясь, свои личные мнения. Еще раз повторяем, и мы это знаем из надежного источника, что автор “Штейна и Поццо-ди-Борго” вовсе не имел тех намерений, которые ему приписывают по поводу его брошюры. Он просто хотел сообщить без комментариев то, что он мог узнать интересного и особенного об этих известных в политических анналах людях, и что он имел честь пользоваться их дружбой и доверием в эпоху, когда сам он делал первые шаги на том поприще, на котором он позже отличился. Вот вся правда о настоящем сочинении. Мы можем только добавить, что, если верить осведомленным людям, “Штейн и Поццо-ди-Борго” является лишь фрагментом более обширного

труда того же жанра, который автор собирается опубликовать в неопределенном будущем».

В том же 1847 г. в Дерпте вышел русский перевод со следующим предисловием переводчика: «Изображение двух великих особ, коих имена означены в заглавии этих страниц, напоминают те произведения Тициана, Рубенса, Вандейка, Веласкеса, где, неподражаемым умением художника, частное возведено на степень общего; подробности, оттенки, обстановка слиты в одну целостную, державную думу, и портретам придана важность картин. Конечно, предметы, разборчиво лелеемые искусством, должны быть достойны объемов утонченно-верных, красок живых, но вместе не резких, как бы матовых, сквозь которые спокойно просвечивает стройная мысль. Возвышенные черты Поццо-ди-Борго и Барона Штейна, действительно, стоили такой тщательной отделки, и сочинитель не изменил себе: знаток классической древности, любитель изящного, муж государственный, он опытным глазом, пристально взглянул на строгий, бронзовый облик первого, проник в глубокую, туманную душу второго, куда погрузилось великое минувшее Германии, объяснив в том и другом, по близкому с ними знакомству, многое, доселе почитавшееся загадкой. Между тем, главные размеры столь точны, округлость выражения, смею сказать, столь обаятельно отделяется от всего постороннего, побочного, что, сначала, недоумеваешь — создала ли их бойкая нежная кисть, или радужный луч, играя, совершил тут дело какого-то волшебного резца.

Дерпт, 6-го дня 1847 г.

Михаил Розберг».

Текст печатается по изданию: «Штейн и Поццо-ди-Борго» (Дерпт, 1847).

¹⁰¹⁵ Данте был изгнан из Флоренции в 1302 г. в ходе политической борьбы гвельфов (сторонников папской власти) и гибелинов (сторонников императорской власти) как гибеллин.

¹⁰¹⁶ Макиавелли был изгнан из Флоренции в 1512 г. в связи с возвращением туда Медичи. В отличие от Данте, которому больше не удалось увидеть Флоренцию, Макиавелли вернулся из ссылки в 1519 г.

¹⁰¹⁷ Карфаген должен быть разрушен (*лат.*) — выражение Катона Старшего (234–149 до н. э.), ставшее крылатым.

¹⁰¹⁸ Паоли (Paoli) Паскаль (1725–1807) — корсиканский политический деятель, борец за независимость острова. После присоединения Корсики к Франции эмигрировал в Англию, вернулся в 1790 г. и присягнул Национальному собранию, сказав, что изменился не он, а изменилась Франция. Однако, видя, что революционное правительство не собирается предоставлять его родине независимость, начал переговоры с Англией, за что

был объявлен изменником. После захвата острова англичанами Паоли призвал соотечественников подчиниться английскому королю, а сам навсегда уехал в Англию.

- ¹⁰¹⁹ Имеется в виду «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», написанные Макиавелли в 153–1517 гг.
- ¹⁰²⁰ *Альфieri* (Alfieri) Витторо (1749–1803) — итальянский драматург.
- ¹⁰²¹ Величайший мыслитель (*итал.*).
- ¹⁰²² *Питт* (Pitt) Уильям Младший (1759–1806) — британский государственный деятель, с 1781 г. член парламента, лидер «новых тори», в 1783–1801 и 1804–1806 гг. — премьер-министр.
- ¹⁰²³ *Берк* (Burke) Эдмунд (1729–1799) — английский публицист, государственный и политический деятель, автор «Размышления о революции во Франции» (1790).
- ¹⁰²⁴ Имеется в виду австро-французская война 1809 г.
- ¹⁰²⁵ Речь идет о сражении под Ваграмом, произошедшем 5–6 июля 1809 г., после которого Австрия вынуждена была просить Наполеона о перемирии.
- ¹⁰²⁶ Имеется в виду разгром прусской армии Наполеоном в двух генеральных сражениях при Йене и Ауэрштедте 14 октября 1806 г.
- ¹⁰²⁷ Речь идет о герое одноименной трагедии Гёте, в которой в сильно облагороженном виде выведена исторически реальная личность наемного воина Геца фон Берлихенгена. Гётевский Гец является носителем идей свободы и гуманности.
- ¹⁰²⁸ *Шарнгорст* (Scharnhorst) Герхард Иоганн Давид (1755–1813) — прусский военный и государственный деятель, участник антинаполеоновских войн, в 1807–1811 гг. был начальником Генштаба и председателем комиссии по реорганизации армии. В результате проведенных им реформ (всеобщая воинская повинность, подготовка и обучение резервов, повышение профессионального уровня офицерства и т. д.) была создана национальная прусская армия.
- ¹⁰²⁹ *Гнейзенау* (Gneisenau) Август Вильгельм Антон (1860–1831) — прусский военный деятель, фельдмаршал с 1814 г., с 1807 г. вместе с Шарнгорстом

работал в комиссии по реорганизации армии, в 1809 г. по требованию Наполеона ушел в отставку.

¹⁰³⁰ *Шилль* (Schill) фон Фердинанд Батиста (1776–1809) — прусский офицер-партизан, в 1809 г. во главе отряда добровольцев предпринял военную авантюру в Вестфалии с целью спровоцировать военный конфликт между Пруссией и Францией. Жером Бонапарт, король Вестфалии назначил цену за его голову, осудил его действия и прусский король Фридрих-Вильгельм III. Шилль сумел занять город Штральзунд, но был разбит наголову голландцами и датчанами и сам погиб в сражении.

¹⁰³¹ *Фихте* (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ, представитель классического идеализма. Уваров имеет в виду его нашумевшие в свое время «Речи к немецкой нации» (1808), в которых философ ставил вопрос о воспитании немецкого национализма.

¹⁰³² *Арднт* (Arndt) Эрнст (1769–1860) — немецкий писатель, поэт, ученый и общественный деятель. С 1800 г. приват-доцент по филологии и истории в Грейфсвальдском университете, в 1803–1804 гг. жил в Швеции, в 1806 г. вернулся в Грейфсвальд и стал экстраординарным профессором. В своих стихах призывал к борьбе с Наполеоном. В связи с такой направленностью своего творчества вынужден был снова бежать в Швецию от его преследований. В 1810 г., после заключения мира со Швецией, Арндт снова занял профессорскую кафедру в Грейфсвальде, но уже в 1812 г. вынужден был снова эмигрировать, на этот раз он отправился в Петербург, где начал сотрудничать со Штейном. В 1813 г. вместе со Штейном в Германии призывал немцев к борьбе с Наполеоном, писал патриотические стихи. В период конгрессов Священного союза преследовался властями за демократические и националистические идеи, был лишен права преподавать в университетах вплоть до 1840 г., когда на престол взошел Фридрих Вильгельм IV. Последняя его должность — ректор Боннского университета.

¹⁰³³ *Кернер* (Körner) Карл-Теодор (1791–1813) — немецкий драматург, поэт-партизан, в 1813 г. воевал в Силезии в партизанском отряде, писал популярные патриотические стихи.

¹⁰³⁴ *Тугендбунд* (нем.: Tugendbund — союз добродетели) — немецкое тайное общество, основанное в 1808 г. с целью борьбы против наполеоновского господства в Германии. Его устав, требующий сочетания легальных и нелегальных способов борьбы, стал образцом для деятельности декабристской организации Союз благоденствия (1818–1820).

¹⁰³⁵ *Фосс* (Vov) Иоганн Генрих (1751–1826) — немецкий поэт и переводчик, входившей в движение «Буря и натиск», профессор Гейдельбергского университета.

¹⁰³⁶ Гогенштауфены — династия германских императоров из швабского княжеского рода, правившего Священной Римской империей в 1138–1254 гг.

¹⁰³⁷ Здесь: молниями.

Доклад императору Николаю I о славянстве

Доклад впервые был опубликован в журнале: «Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури» (1918. № 2. С. 171–177).

Составление этого документа было связано с раскрытием в Киеве в марте 1847 г. Кирилло-Мефодиевского общества — тайной организации, созданной в конце 1845 г. Н. И. Костомаровым, Н. И. Гулаком, В. Белозерским. Общество сочетало в своей программе идеи панславизма с ярко выраженным украинофильством. Подобные тенденции, проявлявшиеся в общественном движении Российской империи, указывали на кризис идеологической доктрины, сформулированной министром народного просвещения Уваровым. Неопределенная характеристика понятия народности, изначально представленная Уваровым, создавала условия для последующего включения в нее общеславянской национальной идеи. Это сопровождалось и формированием, как выразился сам министр, «провинциального патриотизма», противоречащего правительственному имперскому сознанию. Составляя свой доклад, Уваров ставил перед собой цель реабилитировать в глазах императора и русского общества созданную им ранее государственную идеологию.

Доклад был одобрен и утвержден Николаем I 8 мая 1847 г.

Печатается по первой публикации.

¹⁰³⁸ *Орлов* Алексей Федорович (1786–1861) — граф, русский военный и государственный деятель. В 1844–1856 гг. возглавлял III отделение и Корпус жандармов.

¹⁰³⁹ Речь идет о Кирилло-Мефодиевском обществе.

¹⁰⁴⁰ Богемия (*лат.* Bohemia) — историческое название территории, на которой впоследствии было образовано государство Чехия. В 1526–1918 гг. официальное название Чехии, входившей в состав Австрийской, а затем — Австро-Венгерской империи.

¹⁰⁴¹ Имеется в виду процесс, определяемый как Чешское возрождение, первый период которого приходится на конец XVIII — начало XIX в., когда в Чехии в ответ на германизацию населения, проводимую австрийским

правительством, в обществе возрос интерес к чешскому языку и национальной культуре. В результате именно Чехия в этот период становится центром развития славяноведения. В этой области проявили себя такие известные филологи и историки, как И. Добровский, И. Юнгман, П. Шафарик, В. Ганка, Ф. Палацкий и др. В ходе изучения славянского наследия некоторые чешские ученые-слависты (например, известный деятель чешского возрождения, филолог И. Юнгман) высказывали в своих работах идею о возможности славянского единства, уже тогда обращая свой взор к России как потенциальному спасителю всего славянского мира. Позже эти идеи легли в основу идеологии панславизма.

¹⁰⁴² *Тун* (Thun-Hohenstein) Лев (Лео) (1811–1888) — чешский аристократ, граф, австрийский государственный деятель. В 1830–1840-х гг. был сторонником чешского национального возрождения, однако представлял консервативное крыло этого движения. В апреле 1848 г. был назначен наместником Чехии. В период волнений, охвативших большую часть Австрийской империи, выступил с инициативой создания временного наместнического совета, как верховного правительственного органа в стране. Не поддержанный министерством Пиллесдорфа и императором, Тун в 1849 г. был отправлен в отставку. Пражское восстание 1848 г. он оценивал как революционное, не имеющее отношения к этническим конфликтам. В 1849–1860 гг. занимал пост министра просвещения и вероисповедания, провел ряд реформ в области образования.

¹⁰⁴³ *Иллирийцы* — индоевропейские племена, обитавшие в древности в северо-западной части Балканского полуострова.
Далматы — древние племена, проживавшие на восточном побережье Адриатического моря.

¹⁰⁴⁴ *Робер* (Robert) Киприан (1807–1860) — французский писатель, ученый-славист. В 1842 г. вошел в редакцию журнала «Revue des deux Mondes». В 1844–1857 гг. возглавлял кафедру славянских языков и литератур в Collège de France, после того как ее оставил А. Мицкевич. Автор нескольких работ по славяноведению. Среди них: «Le Monde gréco-slave. Mœurs publiques et privées des peuples de la Péninsule» (1 févr. 1842); «Du mouvement militaire de l'Europe orientale» (1 févr. 1844); «Le système constitutionnel et le régime despotique dans l'Europe orientale» (1 févr. 1845); «La conjuration du panslavisme et l'insurrection polonaise» (15 mars 1846); «Les deux panslavismes» (1 févr. 1846); «De l'enseignement des littératures slaves» (1 janv. 1846).

¹⁰⁴⁵ *Нессельроде* Карл Васильевич (1780–1862) — министр иностранных дел России в 1816–1856 гг. Дослужился до высшего чина Табели о рангах —

государственный канцлер (1844). В свое время находился под сильным влиянием австрийского министра иностранных дел К. В. Меттерниха, был сторонником сближения с Австрией. В 1849 г. выступил одним из инициаторов вмешательства во внутренние дела Австрии для подавления венгерского восстания. В 1853 г. активно поддерживал курс на вступление в войну с Турцией, считая, что Англия и Франция в этот конфликт вмешиваться не будут. После поражения России в Крымской войне был отправлен в отставку новым императором Александром II.

¹⁰⁴⁶ «Закон Божий» (др. название «Книга бытия украинского народа»), наряду с «Уставом», являлся программным документом Кирилло-Мефодиевского общества. Составлен в 1846 г. Н. И. Костомаровым и Н. И. Гулаком. В нем, помимо прочего, были изложены и историософские взгляды членов этого общества.

¹⁰⁴⁷ Славянофилы — представители одного из направлений русской общественной мысли XIX в., оформившегося окончательно в 1840-х гг. Представители этого направления выступали против дальнейшего сближения России с западноевропейской цивилизацией. Последняя подвергалась с их стороны критике как тупиковая и ущербная. Славянофилы подчеркивали необходимость возрождения национальной самобытности, утраченной, по их мнению, после реформ Петра I. Взгляды славянофилов в николаевское царствование по многим положениям пересекались с официальной идеологией. Во многом славянофилы мыслили теми же категориями, что и идеологи николаевского царствования. Их представления были во многом созвучны идеям православия, самодержавия, народности. Все славянофилы были монархистами, считая самодержавие исконной формой власти в России, большую роль они отводили православной вере в формировании русской народности. Иногда, даже более категорично, чем теоретики «официальной народности», выступали против западноевропейской цивилизации и тех ценностей, которые она породила. В то же время, при всей противоречивости и некоторой неопределенности идейной системы раннего славянофильства, по многим вопросам они принципиально расходились с официальной доктриной «православия, самодержавия, народности». С либеральным направлением общественной мысли славянофилов сближала критика крепостного права в России, а также трактовка вопроса о взаимоотношениях власти и общества. Апеллируя к допетровской Руси, славянофилы считали необходимым для восстановления прежнего согласия между народом и властью созвать Земский собор, как законосовещательный орган при монархе. Наиболее крупными выразителями славянофильских идей были И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и др.

¹⁰⁴⁸ *Бибиков* Дмитрий Гаврилович (1792–1870) — русский государственный деятель. В 1837 г. был назначен киевским военным губернатором, подольским и волынским генерал-губернатором. В 1845 г. произведен в генерал-адъютанты, а в 1848 г. получил звание генерала от инфантерии. В 1852–1855 гг. занимал пост министра внутренних дел. Управляя юго-западным краем, Бибиков проводил жесткую политику, направленную на ограничение польского влияния, в том числе и в образовательной сфере. Был сторонником русификации западных губерний.

Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа

Циркуляр впервые был опубликован в журнале «Русский архив» (1892. №7). В нем автор развивает положения предшествующего доклада, одобренного царем применительно к учебным заведениям.

Печатается по первой публикации.

¹⁰⁴⁹ В 1835–1847 гг. попечителем Московского учебного округа был граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882). Строганов, который долгое время был идейным противником Уварова, не выполнил требований, изложенных в циркуляре, что послужило поводом для его отставки. Подобные циркуляры были адресованы и другим попечителям учебных округов.

¹⁰⁵⁰ См. предыдущие комментарии.

¹⁰⁵¹ Речь идет об идеях панславизма, сторонники которого выступали не только за культурное сближение славянских народов, но также и за их политическое объединение. Уваров не случайно делает акцент именно на Богемии, так как Чехия в начале XIX в. становится фактически центром зарождения панславистского движения. Сам термин «панславизм» был предложен впервые тоже в Чехии (Я. Геркелем в 1826 г.). Русское правительство выступало против распространения подобных взглядов, во многом противоречащих принципам Священного Союза. Причины предвзятого отношения Николая I и правительства в целом к идеям панславизма были как идеологического, так и политического характера. Во-первых, подобной политикой Россия могла еще больше настроить против себя европейские государства, для которых, в этом случае, существовала опасность дальнейшего усиления могущества Российской империи. Во-вторых, как известно, Николай I во всех своих действиях придерживался, прежде всего, идей легитимизма. Поэтому любое выступление против законной власти он считал неприемлемым, а именно этим должно было сопровождаться освобождение славян, которое предшествовало бы их объединению. К тому же Австрия (в состав

которой входили многие славянские земли) являлась союзником России по Священному Союзу, основной задачей которого при Николае I стала борьба с революционным движением в Европе. Таким образом, поддерживая славян, Николай Павлович должен был бы фактически поддержать революционное движение, направленное против союзника, что не могло быть допущено.

Наконец, существовала еще одна причина чисто практического свойства, которая, возможно, также играла важную роль. Славянские народы в основном входили в состав многонациональных империй: Австрийской и Османской. Российская империя, в свою очередь, тоже была многонациональным государством, и освобождение славян могло послужить достаточно веским аргументом в пользу роста национального самосознания нерусских народов, входящих в состав России, и стремления их к независимости.

¹⁰⁵² В XIX в. Моравия, Чехия, Кроацция (Хорватия), Славония, Далмация входили в состав империи Габсбургов; Болгария и Сербия входили в состав Османской империи; Померания входила в состав Пруссии. Территория Польши (Речи Посполитой) в результате разделов второй половины XVIII в. была поделена между тремя государствами: Россией, Австрией и Пруссией.

¹⁰⁵³ В 1830 г. в Австрии была выдвинута теория о происхождении названия Моря от славянского слова «море». В связи с этим делалось предположение, что современные греки, проживающие на этой территории, являются потомками славянских племен, переселившихся сюда в VI–VII вв. и воспринявших впоследствии греческий язык и культуру.

¹⁰⁵⁴ Имеется в виду мадьярский или венгерский язык, принадлежащий к финской группе финно-угорской семьи языков.

¹⁰⁵⁵ Речь идет о Петре I, который в начале XVIII в. провел в России реформы, затронувшие все сферы жизни русского общества. Преобразования Петра I способствовали сближению России с западноевропейской цивилизацией. Желая подчеркнуть национальный характер деятельности Петра, Уваров в целом справедливо говорит о том, что реформы Петра во многом были подготовлены его предшественниками Алексеем Михайловичем, Федором Алексевиичем и Софьей Алексеевной.

¹⁰⁵⁶ *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711–1765) — русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель. С 1736 по 1741 г. учился в Марбургском университете. Один из основоположников физической химии в России, активно занимался и гуманитарными науками, реформировал русское

стихосложение, разработал теорию трех стилей в языке, писал труды по истории, грамматике и риторике.

¹⁰⁵⁷ Имеется в виду Отечественная война 1812 г. В состав наполеоновской армии, вторгшейся в пределы России, входили также солдаты завоеванных к тому времени Францией государств.

Подвигается ли вперед историческая достоверность?

Статья впервые была опубликована отдельной брошюрой на французском языке: *La Certitude historique est-elle en progrès?* SPb., 1850. В 1851–1852 гг. появилось три русских ее перевода: Подвигается ли вперед историческая достоверность? // Современник. 1851. № 1–2. Т. 25. Отд. 2; Достовернее ли становится история? // Москвитянин. 1851. № 1; Совершенствуется ли достоверность историческая? Дерпт, 1852.

В этой статье Уваров пытается обосновать парадоксальную мысль о том, что по мере увеличения исторических источников историческая достоверность уменьшается. Наиболее достоверными ему представлялись наименее документированная античная история, так как сохранившиеся свидетельства в силу их немногочисленности и внутренней непротиворечивости легко укладываются в историческую схему. Что касается истории после изобретения книгопечатания в XV в., вызвавшего бурный рост массы письменных источников, то, согласно мысли Уварова, само их обилие и множество противоречий, содержащихся в свидетельствах современников, делает практически невозможным научную объективность, а следовательно, достоверность исторических исследований падает.

Эта статья была прислана Уваровым для чтения на заседании Императорской Академии наук 25 октября 1850 г. со следующим сопроводительным письмом:

«Г-н Непременный Секретарь!

В бытность мою в деревне, среди забот о поправлении расстроенного здоровья, я искал утешения в занятиях наукою. Из этого вышла небольшая Записка о вопросе, имеющем общий интерес, и это-то труд я прошу Ваше Превосходительство предложить вниманию конференции, как слабую дань моей привязанности к Академии и моей неизменной любви к умственным трудам, которые то услаждали, то утешали меня в различных переходах жизни, никогда не теряя своего благотворного влияния.

Примите и проч.
Граф Уваров».

Текст печатается по изданию: Современник. 1851. № 1–2. Т. 25. Отд. 2. С. 121–128.

- ¹⁰⁵⁸ *Вильмен* (Villemain) Абель Франсуа (1790–1870) — французский историк, литературный критик, государственный и политический деятель. В 1810 г. адъюнкт в Лицее Карла Великого, в 1814 г. выступал во Французской академии с речью в присутствии Александра I и Фридриха Вильгельма III, в 1816 г. занял кафедру новой истории в Сорбонне, но вскоре перешел на кафедру французской литературы. Как политик Вильмен принадлежал к партии умеренных либералов (доктринеров), в начале 1830 г. был избран в палату депутатов, но после Июльской революции не получил продления полномочий. В 1831 г. становится членом Академии, а 1832 г. — пожизненным пэром Франции, с 1839 г. — министр просвещения, в 1844 г. ушел в отставку. Уваров имеет в виду самую известную работу Вильмена: *Cours de littérature française*. Paris, 1828–1829, Vol. 1–5 (Курс французской литературы).
- ¹⁰⁵⁹ *Нибур* (Niebuhr) Бартольд Георг (1776–1831) — немецкий историк, основоположник научно-критического метода в изучении истории, автор «Римской истории» в 3 т. (1811–1832), в которой стремился путем критического анализа преданий об основании Рима восстановить исторически точную картину становления римской государственности.
- ¹⁰⁶⁰ Ромул — легендарный основатель и первый царь Рима, сын весталки Реи Сильвии и бога Марса.
- ¹⁰⁶¹ Пунические войны — войны между Римом и Карфагеном. Первая пуническая война — 264–241 гг. до н. э.; Вторая пуническая война — 218–201 гг. до н. э.; Третья пуническая война — 149–146 гг. до н. э.
- ¹⁰⁶² *Нума Помпилий* — второй царь Рима после Ромула, с его именем связаны важнейшие государствообразующие реформы: установление законов, сооружение храмов, введение религиозных обрядов, разделение граждан на сословия, учреждение жреческих и ремесленных коллегий и т. д.
- ¹⁰⁶³ *Тит Ливий* (Titus Livius) (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Истории Рима от основания города».
- ¹⁰⁶⁴ В древних культах пророк или прорицатель.
- ¹⁰⁶⁵ Золотая середина (*фр.*).
- ¹⁰⁶⁶ *Юм* (Hume) Дэвид (1711–1776) — шотландский историк, философ, экономист.

- ¹⁰⁶⁷ Оссиан — легендарный древнешотландский бард, песни которого были сфальсифицированы в 1760 г. шотландским поэтом Дж. Макферсоном (1736–1796).
- ¹⁰⁶⁸ *Беранже* (Béranger) Жан-Пьер (1780–1857) — французский поэт, автор песен, многие из которых стали народными. Одним из любимых героев песен Беранже является Наполеон — «маленький капрал».
- ¹⁰⁶⁹ *Сент-Илер* (Saint-Hilaire) де Эмиль-Марк (1790–1887) — французский писатель, автор нескольких романов и множества разнообразных произведений, прославляющих Наполеона и его эпоху.
- ¹⁰⁷⁰ *Фукидид* (Θουκυδίδης) (ок. 460/455 — ок. 399/396 до н. э.) — древнегреческий историк.

Осьмое января 1851 года

Статья впервые была опубликована в журнале «Современник» (1851. Т. 26. № 3. Отд. 4. С. 1–6). В ней автор рассказывает о юбилейном вечере, посвященном пятидесятилетию службы Д. Н. Блудова. Впрочем, блудовский юбилей для Уварова был всего лишь поводом окунуться в далекую атмосферу «арзамасского братства», которое в условиях «мрачного семилетия» представлялась ему неким идеальным миром высокой культуры и творческой свободы.

Статья печатается по первой публикации.

- ¹⁰⁷¹ *Блудов* Дмитрий Николаевич (1785–1864) — граф с 1842 г., российский государственный деятель, дипломат. С 1839 г. член Госсовета, председатель департамента законов и главноуправляющий II отделения собственной его императорского величества канцелярии, в этой должности редактировал Свод законов Российской империи, начиная с 1847 г. Неоднократно исполнял обязанности председателя Госсовета. Служить номинально начал с младенчества, когда был записан в Измайловский полк. Однако, реальная его служба началась в 1800 г., когда «по знанию иностранных языков» он был определен юнкером в Московскую государственную коллегию иностранных дел. 8 января 1801 г. он получил свою первую должность переводчика. (См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002. С.89).

- ¹⁰⁷² Имеется в виду В. А. Жуковский, автор баллады «Людмила».

- ¹⁰⁷³ Имеется в виду тот факт, что Блудов принял участие в подготовке к печати последнего (12-го) тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вышедшего в свет в 1829 г.

- ¹⁰⁷⁴ *Буаельдьё* (Boiëldieu) Франсуа Адриен (1775–1834) — французский оперный композитор.
- ¹⁰⁷⁵ «Моя тетушка Аврора» (*фр.*). Полное название оперы «Моя тетушка Аврора, или нечаянный роман» (1803).
- ¹⁰⁷⁶ Нет, племянница, вы не любите (*фр.*).
- ¹⁰⁷⁷ *Фонвизин* Денис Иванович (1744/1745–1792) — русский писатель, драматург.
- ¹⁰⁷⁸ Имеется в виду водевиль Ж. Дювала и Э. Рошфора «Вертер, или заблуждения чувствительного сердца».
- ¹⁰⁷⁹ Имеется в виду трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской».
- ¹⁰⁸⁰ *Озеров* Владислав Александрович (1769–1816) — русский драматург.
- ¹⁰⁸¹ *Дмитриев* Иван Иванович (1760–1837) — русский поэт, баснописец, меуарист, писатель карамзинского направления.
- ¹⁰⁸² На Карповке находилась дача Уварова, на которой собирались члены литературного общества Арзамас.
- ¹⁰⁸³ Имеется в виду произведение В. А. Жуковского «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди». Здесь содержится намек на П. А. Вяземского, имевшего в «Арзамасе» прозвище героя этой баллады Асмодея. В 1849 г. он, как и Жуковский, уехал в заграничное путешествие.
- ¹⁰⁸⁴ Арзамасское прозвище В. А. Жуковского.
- ¹⁰⁸⁵ Певец Людмилы — В. А. Жуковский.

Литературные воспоминания (Редактору «Современника»)

Статья впервые была опубликована в журнале «Современник». 1851. Т. 27. №6. Отд. 2. С. 37–42.

В ней автор развивает тему, начатую в статье «Осьмое января 1851 года». Литературное общество «Арзамас» рассматривается здесь не только в контексте литературных кружков в России начала XIX в., но и в контексте европейской салонной и кружковой культуры XVIII в. В таком ракурсе «Арзамас» предстает как своего рода лаборатория литературного вкуса и языковой нормы.

Статья печатается по первой публикации.

- ¹⁰⁸⁶ Имеются в виду Д. Н. Блудов (см. прим. к статье «Осьмое января 1851 года»), Д. В. Дашков, с 1832 г. министр юстиции и член Госсовета, и сам Уваров.
- ¹⁰⁸⁷ «Арзамас» был создан для борьбы с литературными «староверами», группировавшимися вокруг А. С. Шишкова и входящими в общество «Беседа любителей русского слова».
- ¹⁰⁸⁸ «Арзамас» существовал с 1815 по 1817 г.
- ¹⁰⁸⁹ Арзамасцы, действительно, планировали начать издавать журнал с 1 января 1818 г., составили его план, но распад общества, вызванный разездом арзамасцев по служебным делам, оставил этот замысел невоплощенным.
- ¹⁰⁹⁰ *Шишков* Александр Семенович (1754–1841) — русский общественный деятель, писатель. Начал службу во флоте, дослужился до адмирала. В 1812–1814 гг. был госсекретарем. С 1813 г. президент Российской академии (не путать с Российской академией наук, президентом которой с 1818 г. был Уваров). С 1814 г. член Госсовета, с 1824 г. министр народного просвещения. В 1826 г. был назначен председателем цензурного комитета, является автором т. н. «чугунного» цензурного устава.
- ¹⁰⁹¹ Имеется в виду программная книга Шишкова «Рассуждение о старом и новом слове российского языка» (СПб., 1803). В ней автор нападает на литературную и языковую позицию Карамзина и его последователей, трактуя ее как результат пагубного для самобытного развития русской культуры французского влияния. В противовес этому Шишков выдвинул ошибочный лингвистический тезис о происхождении русского языка от церковнославянского.
- ¹⁰⁹² *Катнист* Василий Васильевич (1758–1823) — русский поэт, драматург.
- ¹⁰⁹³ *Хвостов* Дмитрий Иванович (1756–1835) — поэт, пользовавшийся репутацией графомана.
- ¹⁰⁹⁴ *Хвостов* Александр Семенович (1853–1820) — поэт и переводчик, двоюродный брат Д. И. Хвостова, с 1793 г. член Российской академии, в «Беседе любителей русского слова» был председателем III разряда.
- ¹⁰⁹⁵ *Муравьев-Апостол* Иван Матвеевич (1765–1851) — писатель, переводчик, государственный деятель, был посланником в Гамбурге, Мадриде. С 1811 г. член Российской академии. Отец трех декабристов.

- ¹⁰⁹⁶ *Шаховской* Александр Александрович (1777–1846) — поэт и драматург. Постановка его комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), содержащей в себе нападки на В. А. Жуковского, послужила поводом для образования «Арзамаса».
- ¹⁰⁹⁷ *Щиринский-Шихматов* Сергей Александрович (1783–1837) — князь, поэт, член Российской академии наук, с 1827 г. иеромонах новгородского Юрьевского монастыря (монашеское имя — Аникита).
- ¹⁰⁹⁸ *Писарев* Александр Александрович (1780–1848) — писатель, член Российской академии, попечитель Московского университета, варшавский губернатор, сенатор.
- ¹⁰⁹⁹ *Марин* Сергей Никифорович (1775–1813) — поэт-сатирик, переводчик, флигель-адъютант Александра I.
- ¹¹⁰⁰ Среди членов «Беседы» было три женщины А. П. Бунина, А. А. Волкова, Е. С. Урусова.
- ¹¹⁰¹ *Оленин* Алексей Николаевич (1763–1843) — писатель, археолог, палеограф и общественный деятель, с 1786 г. член Российской академии наук, с 1803 г. товарищ министра уделов, с 1811 г. директор Императорской публичной библиотеки, с 1817 г. президент Академии художеств.
- ¹¹⁰² *Кипренский* Орест Адамович (1782 — 1836) — художник-портретист, исторический живописец; из крепостных.
- ¹¹⁰³ *Егоров* Алексей Егорович (1776–1851) — художник калмыцкого происхождения, исторический живописец.
- ¹¹⁰⁴ *Шебуев* Василий Кузьмич (1776–1855) — художник, исторический живописец.
- ¹¹⁰⁵ *Брюллов* Карл Петрович (1799–1852) — художник, автор знаменитого полотна «Последний день Помпеи».
Брюллов Александр Павлович (1798–1877) — профессор архитектуры в Академии художеств, художник, брат предыдущего.
- ¹¹⁰⁶ Имеется в виду найденная на Таманском полуострове в 1792 г. мраморная плита с древнерусской надписью, расшифрованной А. Н. Лениным.
- ¹¹⁰⁷ *Крылов* Иван Андреевич (1768/1769–1844) — баснописец.

- ¹¹⁰⁸ *Саблиер* (Sablière) де ла Маргарита (1636–1693) — хозяйка великосветского салона в Париже, отличавшаяся остроумием и ученостью. В ее доме двенадцать лет жил французский баснописец Жан Лафонтен, с которым часто сравнивали И. А. Крылова.
- ¹¹⁰⁹ *Гнедич* Николай Иванович (1784–1833) — поэт, переводчик «Илиады».
- ¹¹¹⁰ *Семенова* Екатерина Семеновна (1786–1849) — русская актриса из крепостных. Роли в озеровских трагедиях принесли ей огромный успех.
- ¹¹¹¹ *Нарышкин* Александр Львович (1760–1826) — главный директор театров, оберкамергер.
- ¹¹¹² *Гурьев* Дмитрий Александрович (1751–1825) — граф, министр финансов.
- ¹¹¹³ «Москвитянин» — ежемесячный журнал, выходивший в Москве с 1841 г. по 1856 г.; пользовался покровительством Уварова. Редактором журнала был М. П. Погодин.
- ¹¹¹⁴ *Шатлен* (Chapelain) Жан (1595–1674) — французский поэт, член Академии, автор популярных в свое время од, сонетов и мадригалов и непопулярной эпической поэмы «Девственница».
- ¹¹¹⁵ *Буало* (Voileua) Николя (1636–1711) — французский поэт, теоретик классицизма.
- ¹¹¹⁶ *Дю Мен* Анна Луиза Бенедикта де Бурбон-Конде (1676–1753) — французская меценатка.
- ¹¹¹⁷ *Дюдеффан* (Du Deffand) Мария, маркиза де Виши Шамру — хозяйка известного парижского литературного салона, корреспондентка Вольтера.
- ¹¹¹⁸ *Лестинасс* (Lespinasse) Жюли (1731–1776) — французская светская дама, была компаньонкой Дюдеффан, после разрыва с ней в 1764 г. открыла собственный литературный салон, пользовавшийся большой популярностью.
- ¹¹¹⁹ *Жофрэн* (Geoffrin) Мария Терезия (1699–1777) — хозяйка знаменитого литературного салона в Париже.
- ¹¹²⁰ *Фонтенель* (Fontenelle) ле Бувье Бернар (1657–1757) — французский писатель, ученый и философ.

- ¹¹²¹ *Д'Аламбер* (d'Alembert) Жан Лерон (1717–1783) — французский математик и философ, один из издателей и авторов Энциклопедии.
- ¹¹²² *Дидро* (Diderot) Дени (1713–1784) — французский писатель, философ, один из издателей и авторов Энциклопедии.
- ¹¹²³ *Лагарп* (La Harpe) Жан Франсуа (1740–1803) — французский писатель и критик, член Французской академии.
- ¹¹²⁴ *Мармонтель* (Marmontel) Жан Франсуа (1723–1799) — французский писатель и литературный критик.
- ¹¹²⁵ *Увы, Постум, ускользают, ускользают...* (*лат.*). Негочная цитата из оды Горация: «Увы, быстро, Постум, Постум, ускользают годы». *Гораций*. Оды, II, 14.

Мадам де Сталь

Этот мемуарный очерк Уварова полностью никогда не публиковался. Обширные цитаты из него содержатся в статье С. Дурылина «Г-жа де Сталь и ее русские отношения» (См.: Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 215–330).

С Мадам де Сталь Уваров познакомился в Вене в 1808 г., куда знаменитая писательница приехала 28 декабря 1808 г. и где Уваров находился с конца марта 1807 г. в качестве сотрудника русского посольства. О характере установившихся между ними отношений можно судить по запискам, которые Мадам де Сталь посылала Уварову. Ее дружеское расположение к молодому русскому дипломату С. Дурылин объясняет тем, что Уваров был в приятельских отношениях с тогдашним возлюбленным де Сталь — молодым австрийским офицером Марицом О'Доннелем. «Не без основания можно предположить, — пишет С. Дурылин, — что видя в Уварове друга своего любовника, г-жа де Сталь искала в Уварове дружеского отклика, а может быть, иногда и дружеской помощи тому чувству, которое она питала к его другу» (*Дурылин С.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения. С. 259). Что касается Уварова, то уже в то время он отличался крайней осторожностью и руководствовался в первую очередь соображениями карьеры. Ему, несомненно, льстило внимание столь знаменитой фигуры, но с другой стороны, слишком близкие отношения с изгнанницей из наполеоновской Франции, с которой в то время Россия находилась в союзных отношениях, могли повредить его дипломатической карьере. Поэтому он хоть и был ее конфидентом, но старался нечасто появляться в ее обществе. Характерно, что о чувствах де Сталь к австрийскому офицеру, по возрасту моложе ее на двадцать четыре года, Уваров судил со свойственным ему цинизмом, видя в этом всего лишь жи-

тейский расчет, стремление скрыться под новой фамилией. Возможно, что эту мысль он внушил О'Доннелю, что стало причиной серьезной душевной травмы для де Сталь, но одновременно открыло ей глаза на Уварова. «Подобало ли вам судить меня на основании сплетен молодого татарского фата», — писала она своему возлюбленному 14 августа 1808 г. из Берна.

Очерк писался много лет спустя, когда его героев уже давно не было в живых, а имя госпожи де Сталь заняло одно из первых мест в европейской литературе. Как и в случаях с Гёте, князем де Линем, Штейном и т. д., Уваров использует имя де Сталь и свое знакомство с ней для придания своей собственной персоне большего значения. Его цель в данном случае — не сообщить что-то новое о великой писательнице, а поставить себя в положение человека, судящего о ней свысока на правах старого знакомого.

Текст печатается по рукописи, хранящийся в ОПИ ГИМ (Ф. 17. Д. 116. Л. 15–28 об.)

¹¹²⁶ Имеется в виду картина Франсуа Жерара «Корина на Мизенском мысу», написанная по мотивам романа де Сталь «Корина, или Италия» (1819).

¹¹²⁷ *Лихтенштейн* (Liechtenstein) Иоганн-Иосиф (1760–1836) — австрийский фельдмаршал и дипломат, после поражения при Аустерлице участвовал в подписании Пресбургского мира, был женат на графине Жозефине Софии Фюрстенберг.

¹¹²⁸ *Шварценберг* (Schwarzenberg) фон Полина Каролина (урожд. Аренберг) (1774–1810) — жена князя Йозефа Шварценберга, мать троих сыновей и пятерых дочерей, разносторонне одаренная женщина, добившаяся наибольших успехов в рисовании. Трагически погибла, спасая своих детей во время пожара, случившегося на балу, устроенном в Париже ее деверем Карлом Филиппом, австрийским посланником во Франции.

¹¹²⁹ *Врбна* (Wrbna) Флора Фрейденталь фон (1779–1857) — жена графа Евгения Врбна, двоюродная сестра Меттерниха.

¹¹³⁰ *Потоцкая* Софья Константиновна (урожд. Главоне) (1766–1822) — известная красавица-гречанка, в детстве проданная матерью польскому послу в Константинополе, затем она стала женой русского майора И. Витта. Путешествовала по Европе, была знакома с Фридрихом II, Иосифом II, графом Прованским (будущим Людовиком XVIII), графом Д'Артуа (будущим Карлом X), ее принимала королева Франции Мария-Антуанетта; она была представлена Екатерине II, была близка с Г. А. Потемкиным. Выполняла некоторые важные политические поручения, в частности, убедила графа С. Потоцкого примкнуть к Торговой конфедерации (впоследствии стала его женой).

- ¹¹³¹ *Замойская* Софья Адамовна (урожд. княжна Чарторыйская) (1778–1837) — графиня, жена председателя Польского сейма Станислава Замойского.
- ¹¹³² См. о нем статью Уварова в этом томе.
- ¹¹³³ *Сталь* де Гольштейн Альберт (1792–1813) — второй сын де Сталь, был помещен в Вене в военное училище, в 1813 г. убит на дуэли.
- ¹¹³⁴ *Сталь* де Гольштейн Альбертина (1797–1836) — единственная дочь Мадам де Сталь, с 1816 г. замужем за политическим деятелем герцогом де Брольи.
- ¹¹³⁵ Имеется в виду «История итальянских республик» в 16 томах, принадлежащая перу Ж. Ш. Л. де Сисмонди.
- ¹¹³⁶ Имеется в виду брошюра Шлегеля «Сравнение между “Федрой” Расина и “Федрой” Еврипида», вышедшая в свет в 1807 г. и встретившая недоброжелательный прием у всех сторонников французского классицизма, включая и Наполеона.
- ¹¹³⁷ *Лаплас* (Laplace) Пьер Симон (1749–1827) — французский математик, физик и астроном. С 1773 г. член Французской академии. В 1799 г. Наполеон назначил его министром внутренних дел, затем он был канцлером охранительного сената и даже графом Империи, после Реставрации стал маркизом и пэром Франции.
- ¹¹³⁸ *Лагранж* (Lagrange) Жозеф Луи (1736–1813) — французский математик, астроном, член (1759) и президент (1766–1787) Берлинской Академии наук, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1776).
- ¹¹³⁹ *Бертолле* (Berthollet) Клод Луи (1748–1822) — французский химик теоретик, граф и пэр Франции, с 1794 г. профессор в Нормальной, затем в Политехнической школе, с 1795 г. член вновь учрежденного Института наук и искусств, участник Египетского похода Бонапарта, во время которого изучал образование соды в натронных озерах.
- ¹¹⁴⁰ *Фуркруа* (Fourcroy) Антуан (1755–1809) — французский химик и политический деятель, депутат от Парижа в Конвенте и Совете старейшин, руководил народным образованием, в эпоху Консульства редактировал все относящиеся к этой сфере регламенты и проекты. В эпоху Империи впал в немилость Наполеона.

- ¹¹⁴¹*Дарю* (Daru) Пьер Антуан Бруно (1767–1829) — французский писатель, переводчик, историк, государственный деятель. При Наполеоне служил в военном министерстве и был генерал-интендантом Дунайской армии, был возведен в графское достоинство. С 1811 г. государственный секретарь (при этом часто высказывался против завоевательных планов Наполеона). После Реставрации сначала удалился от государственной деятельности, но в 1818 г. получил звание пэра Франции. Уваров упоминает принадлежащий Дарю и изданный еще в 1788 г. перевод Горация, с тех пор многократно переиздававшийся. Главные его исторические сочинения — «История Венецианской республики» и «История Бретани».
- ¹¹⁴²*Моле* (Moïé) Матье-Луи (1781–1855) — французский государственный деятель, член Французской академии. Имеется в виду его книга «Опыт о морали и политике» (1-ое изд. — 1806), в которой доказывается политическая необходимость наполеоновского режима. За эту книгу Наполеон назначил Моле префектом, генерал-директором путей сообщения, возвел в графское достоинство и в 1813 г. назначил на пост министра юстиции.
- ¹¹⁴³*Барант* (Barante) Амабль-Гильом-Проспер-Брюжьер (1782–1766) — французский историк, публицист и дипломат. При Наполеоне управлял разными префектурами в Западной Франции, но настоящий взлет его карьеры начался после Реставрации: он стал членом Государственного совета, главным сборщиком податей, членом палаты пэров. В 1835–1840 гг. был французским посланником в Петербурге. Широкую литературную и научную известность Баранту принесла «История бургундских герцогов» в 13-ти томах (1824–1826). Во время, к которому относится очерк Уварова, Барант был начинающим писателем, известным как автор книги «Обзор французской литературы XVIII века», имевшей большой успех и впоследствии выдержавшей несколько изданий.
- ¹¹⁴⁴*Бонапарт* Люсьен (1775–1840) — первый принц Канино с 1814 г., французский министр внутренних дел (1799–1800), второй из братьев Наполеона Бонапарта. Среди его литературных опытов — роман «Индийское племя или Эдуард и Стеллина» (1799), поэма «Карл Великий или спасенная Церковь» (1815), «Сирнеида или спасенная Корсика» (1819). Ни одно из этих произведений не имело читательского успеха, в отличие от его же мемуарной прозы: «Правда Ста Дней» (1835) и «Мемуары Люсьена Бонапарта, написанные им самим» (1835).
- ¹¹⁴⁵*Фоссамброни* (Fossombroni) Витторио (1754–1844) — итальянский математик и механик, с 1802 г. иностранный член Петербургской академии наук.

- ¹¹⁴⁶ *Монти* (Monti) Винченцо (1754–1826) — итальянский поэт, в 1797 г. перешел на сторону Наполеона, начал обличать роялизм и воспевать республику. Вступление в Италию армии А. В. Суворова заставило его эмигрировать во Францию. Позже, вернувшись в Италию, получил должность профессора красноречия в Павийском университете. После падения Наполеона сохранил положение историографа и стал служить австрийскому правительству.
- ¹¹⁴⁷ Орден Железной короны был учрежден Наполеоном 5 июня 1805 г. как высший орден Итальянского королевства.
- ¹¹⁴⁸ *Крешентини* (Crescentini) Джироламо — итальянский музыкант и оперный певец.
- ¹¹⁴⁹ *Тальма* (Talma) Франсуа Жозеф (1763–1826) — французский актер.
- ¹¹⁵⁰ *Давид* (David) Жак Луи (1748–1825) — французский исторический живописец, в годы революции член Конвента, принимал участие в художественном оформлении революционных праздников, при Наполеоне увековечивал на полотне исторические события Консульства и Империи («Переход Бонапарта чрез С.-Бернард», «Коронация Наполеона», «Раздача орлов» и т. п.), оставаясь при этом республиканцем по убеждениям. После Реставрации вынужден был покинуть Францию и поселиться в Брюсселе.
- ¹¹⁵¹ *Делиль* (Delille) Жак (1738–1813) — французский поэт и переводчик, профессор латинской поэзии в Коллеж де Франс.
- ¹¹⁵² *Лафонтен* (La Fontaine) Жан (1621–1695) — французский баснописец.
- ¹¹⁵³ *Генц* (Gentz) Фридрих (1774–1832) — немецкий публицист, с 1802 г. — на австрийской службе. В начале своей деятельности был поклонником Руссо и Канта, но под влиянием революционного террора стал их ярким противником, а после 9 термидора — сторонником либеральных и национальных идей, выступал за свободу печати и объединение Германии. В период наполеоновских войн, находясь на австрийской службе, писал военные манифесты. Впоследствии сделался проводником политики Меттерниха. Александр I пожаловал ему русское дворянство.
- ¹¹⁵⁴ *Севинье* (Sévigné) де Мария (1626–1696) — маркиза, французская писательница, мастер эпистолярного жанра.
- ¹¹⁵⁵ *О’Доннель* Мориц (1780–1843) — австрийский офицер, возлюбленный Мадам де Сталь.

- ¹¹⁵⁶ *Рокка* (Росса) Альбер Жан Мишель (1788–1818) — французский офицер швейцарского происхождения, с 1810 г. возлюбленный, а с 1816 г. муж Мадам де Сталь.
- ¹¹⁵⁷ В действительности существует всего лишь 18 коротких записок Мадам де Сталь к Уварову (См.: Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 252–257), в большинстве случаев не очень содержательных. Поэтому уваровская фраза о «достаточно большом количестве писем» — явное преувеличение.
- ¹¹⁵⁸ «Сличая подлинный текст письма с тем, который приведен Уваровым в его воспоминаниях о г-же де Сталь, мы замечаем, что в подлинной записке г-жи де Сталь вовсе нет той значительной фразы, в которой она усиленно побуждает Уварова “смело отдаться своему естественному призванию (de vous livrer courageusement a votre vocation naturelle)” — призванию писателя. Откуда взялась эта фраза в воспоминаниях Уварова? Остается предположить, что она является отголоском того, что действительно говорила ему госпожа де Сталь и что другими словами выражено в приведенной выше записке (№ 13), где она призывала его на путь славы и литературной карьеры. Но зато в подлинной записке г-жи де Сталь есть фраза, опущенная Уваровым. Фраза эта упоминает о какой-то записке Уварова, причинившей боль г-же де Сталь. Общий смысл записки — это укор в непостоянстве дружбы, в прерывности дружеских отношений, в изменчивости этих отношений со стороны Уварова. “Счастье дружбой” Уварова (подлинное выражение г-жи де Сталь) было очень неполным и несовершенным счастьем для г-жи де Сталь». (*Дурьлин С.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. Т. 33–34. М., 1939. С. 257.)
- ¹¹⁵⁹ Пройдя через все случайности и столько жестоких испытаний (*лат.*).
- ¹¹⁶⁰ Работа над романом «Дельфина» относится к 1800 г.
- ¹¹⁶¹ Над романом «Корина, или Италия» де Сталь работала в 1805–1806 гг.
- ¹¹⁶² Над книгой «О Германии» де Сталь начала работать в Вене в 1808 г., а закончила в замке Фоссе в сентябре 1810 г.
- ¹¹⁶³ Над книгой «Размышления о Французской революции» де Сталь начала работать осенью 1812 г. и продолжала до конца жизни. Первое издание вышло в свет в 1818 г., уже после смерти автора.
- ¹¹⁶⁴ Имеется в виду французская писательница Жорж Санд (1804–1876).
- ¹¹⁶⁵ Над книгой «Десять лет в изгнании» де Сталь работала в 1811–1812 гг.

Библиография

Уваров С. С. Письмо к издателю // Вестник Европы. 1811. Ч. 60. №21.

Уваров С. С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре // Чтения в «Беседе любителей русского слова». СПб., 1813. Кн. 13.

Уваров С. С. Ответ В. В. Капнисту на письмо об экзаметре // Чтения в «Беседе любителей русского слова». СПб., 1815. Кн. 17.

Уваров С. С. О греческой антологии. СПб., 1820 (совм. с К. Н. Батюшковым).

Уваров С. С. О скотоводстве вообще и о состоянии его в подмосковном имении Поречье // Журнал овцеводов. 1835.

Уваров С. С. К истории классицизма в России // Русский архив. 1899. № 11.

Ouvaroff. Nonnos von Panopolis der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der Grierschischen Poesie. SPb., 1816.

Ouvaroff. Essais en vers et en prose par M. Batuschkoff // Coservateur impartial, 1817. № 83.

Ouvaroff. Über das voehomerische Zeitaler. СПб., 1819.

Ouvaroff. Un examen critique de la fable d'Hercule, commentée par Dupuis // Mémoire de l'Academie Imperiale. 1820. T. 7.

Ouvaroff. A la mémoire de l'Empereur Alexandre. SPb., 1826.

Ouvaroff. A la mémoire de l'Impératrice Elisabeth, SPb., 1826.

Ouvaroff. A la mémoire de l'Impératrice Marie. SPb., 1828.

Ouvaroff. Etudes de philology et de critique. SPb., 1843.

Ouvaroff. Esquisse politique et littéraires. Paris, 1848.

* В библиографию включены работы Уварова, не вошедшие в настоящее издание

Указатель имен

- Абдурахман Джами — 87, 95, 256, 551
Абеляр (Abailard/Abélard) Пьер — 80, 546
Абламович И. К. — 669
Августин (Augustinus) Аврелий — 80, 273, 545, 552
Аврانش (Avranches) Паттерн — 145, 573
Авсеньев П. С. (архимандрит Феофан) — 670
Авсоний (Ausonius) Децим Магн — 141, 571
Агабабов Н. И. — 647
Агамемнон — 234
Агезилай (Ἀγησίλαος) — 119, 563
Агенор — 560
Адриан II (Hadrianus) Элий, римский император — 121, 148, 273, 565, 575, 576, 578
Аксаков К. С. — 625, 686
Аларих I, король вестготов — 574
Александр I — 9, 10, 11, 14, 15, 23, 29, 33, 34, 35, 69, 154, 225, 227, 232, 233, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 251, 255, 526, 536, 586, 593, 594, 595, 597, 598, 599, 601, 602, 608, 609, 614, 623, 625, 644, 647, 649, 654, 655, 658, 686, 690, 694
Александр II — 646, 660
Александр (Ἀλέξανδρος) III Македонский — 156, 192, 329, 548, 562, 567, 579, 675
Александр Невский — 551
Алексей Михайлович (Романов) — 409, 664, 665, 688
Алкивиад (Алквиад) — 147, 574
Аль-Амин — 611
Альбани А. — 464, 465, 676
Альберт Великий — 668
Альберт-Казимир (Albert-Casimir) герцог Саксен-Тешенский — 342, 639, 640
Алькие Charles Jean-Marie (Alquier) — 535
Аль-Мамун — 255, 611
Альфieri (Alfieri) В. — 482
Альффонский А. А. — 297, 623
Амио Ж. — 577
Аммоний Сакк — 121, 148, 565, 575
Ампелий (Ampelius) Луций — 152, 577
Анакреон (Ἀνακρέων) — 256, 544
Андрокл — 574
Аникст А. — 630
Анкетиль дю Перрон (Anquetil du Perрон) А. Г. — 143, 540, 572
Анна Иоанновна — 380, 650
Анреп-Эльмпт Р. К. — 61, 536
Антигона — 283
Антиной — 153
Антуан Кур де Жебелен (Antoine Court de Gébelin) — 552
Апеллес — 463, 675
Аполлоний (Ἀπολλώνιος) Родосский — 139, 543, 569
Аполлоний Тианский — 121, 148
Аппий-Клавдий-Цекус — 672
Апулей (Apuleius) Люций — 122, 566
Аренберг (Arenberg) О.-М.-Р. (граф де Ла Марк) — 336, 637
Ариосто (Ariosto) Лудовико — 58, 272, 459, 468, 470, 481, 534, 674, 678
Аристид (Ἀριστείδης) Справедливый (Элий) — 146, 219, 264, 574, 591
Аристокл (Ἀριστοκλῆς) (см. Платон)
Аристотель (Ἀριστοτέλης) — 106, 124, 147, 159, 255, 543, 546, 560, 573, 575, 635
Аристофан (Ἀριστοφάνης) — 133, 142, 278, 283, 284, 285, 327, 615, 616, 634
Аристофан (Ἀριστοφάνης) Византийский — 119, 564, 567,
Аркадий, август — 565
Арминий (Arminius), вождь херусков — 651
Арндт (Arndt) Э. — 485, 683
Арнобий (Arnobius) Старший — 116, 563

- Арриан (Arrianus) Луций Флавий — 567
 Артаферн — 592
 Артюшков А. В. — 571
 Аруэ (Arouet) Франсуа Мари (см. Вольтер)
 Атеней/Афиней (Ἀθηναῖος) — 119, 564
 Атрей — 593
 Атик (Atticus) Тит Помпоний — 117, 563
 Аттила — 244, 463, 603
 Афинагор (Ἀθηναγόρας) — 116, 563
 Аэропа — 593
 Аэций — 603
- Багратион П. И.** — 597, 598
 Байи (Bailly) Ж. С. — 544
 Байрон (Byron) Д.-Н. Г. — 333, 475, 634, 679, 680
 Баженов В. И. — 627
 Бальзак О. де — 627
 Банзаров Д. — 647
 Барант (Barante) А.-Г.-П.-Б. — 525, 527, 633, 699
 Барасс П. — 590
 Барер Б. — 590
 Барклай де Толли М. Б. — 597, 598, 600
 Барсуков Н. П. — 53
 Бартеlemi (Barthélemy) Ф. — 85, 90, 141, 145, 147, 148, 220, 590, 592
 Батюшков К. Н. — 512, 702
 Бах — 101, 555
 Башилов С. — 408, 663
 Безбородко А. А. — 357, 645
 Белинский В. Г. — 54, 625
 Белозерский В. — 684
 Беллотто (Bellotto) Б. (см. Каналетто)
 Беляков М. И. — 308
 Бенкендорф А. Х. — 16, 17, 18, 19
 Беннигсен Л. Л. — 595
 Беранже (Béranger) Ж.-П. — 507, 691
 Березин И. Н. — 405, 662
 Берк (Burke) Э. — 482, 682
 Берлихенген Г. Фон — 484, 682
 Бернадот (Bernadotte) Ж. Б. Ж. — 602
 Бернини (Bernini) Д. Л. — 458, 460
 Бертолле (Berthollet) К. Л. — 525, 698
 Бертольд Калабрийский — 668
 Бессер В. Г. — 668
- Бет Дж. — 410, 665
 Бетлинг В. — 402
 Биберштейн (Biberstein) Ф. — 399, 656
 Бибииков Д. Г. — 687
 Бийо-Варенн Ж. Н. — 590
 Бирон Э. — 650
 Блудов Д. Н. — 13, 18, 510, 511, 512, 514, 518, 609, 691, 693
 Блюхер (Blücher) Г. Л. Фон — 244, 602, 604
 Бобановский Е. — 455
 Богарне Э. — 599
 Богородский С. О. — 441, 669
 Бодмер (Bodmer) И.-Я. — 629
 Бодянский О. М. — 405, 663
 Болдырев А. В. — 622
 Бонапарт (Bonaparte) Жером — 683
 Бонапарт (Bonaparte) Жозеф — 525, 595, 597
 Бонапарт (Bonaparte) Люсьен — 525, 699
 Бонапарт (Bonaparte) Наполеон (см. Наполеон I) — 7, 23, 30, 33, 34, 35, 231, 232, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 315, 338, 479, 480, 482, 483, 487, 506, 507, 524, 525, 526, 536, 556, 582, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 618, 628, 654, 683, 691, 698, 699, 700
 Боннэ (Bonpay) Ш. Ф. — 231, 335, 341, 636
 Боргезе Ш. — 463, 464, 675, 676
 Бордоне (Bordone) П. — 474, 679
 Борисяк Н. Д. — 404, 660
 Боссюэт (Bossuet) Ж. Б. — 218, 221, 228, 329, 634
 Боярдо (Bojardo) М.-М. — 272, 613
 Брадке Е. Ф. фон — 441, 670
 Браманте, Брамант (Bramante) Д. Л. — 460, 612, 674
 Брейткопф (Breitkopf) Б. К. — 90, 552
 Брейткопф (Breitkopf) Б. Ф. — 552
 Брионн Л. Ю. К. де — 343, 344, 345, 640

- Бриссо (Brissot) Ж. П. — 174, 192, 583
 Бросс (Brosses) Ш. де — 468, 677
 Брукер (Brucker) И.-Я. — 109, 148, 561
 Брут (Brutus) Марк Юний Цепин — 85, 331, 550, 634
 Брюллов А. П. — 518, 694
 Брюллов К. П. — 518, 694
 Буавен (Boivin) Ж. младший — 149, 576
 Буаельдьё (Boiëldieu) Ф. А. — 510, 692
 Буало (Boileau) Н. — 695
 Буассонад де Фонтараби (Boissonade de Fontarabie) Ж. Ф. — 96, 556
 Бугенвиль (Bougainville) Л.А. де — 101, 555
 Будда (см. Гаутама) — 110, 562
 Булгакова Л. А. — 644
 Булгарин Ф. В. — 623
 Бунге А. А. — 404, 661
 Бунина А.П. — 694
 Бурбон-Конде А. Л. Б. де (герцогиня дю Мен) — 487, 488, 556, 592, 593, 605, 606, 608, 695
 Буслав Ф. И. — 662
 Бьюкэн (Buchan) Ф., лорд Эрскин — 613
 Бэкон (Bacon) Ф. — 80, 276, 546
 Бэр К. М. — 401, 657
 Бюллов Ф.В. — 604
 Бюр (Burg), братья — 97, 557
 Бюффон Ж.-Л. Л. — 619, 630
 Бякстер Я. Н. — 450, 671
- Валенсии (Vallancey) Ч.** — 67, 540
Валентиниан I (Valentinianus) Флавий, римский император — 120, 564, 571
 Вальмики — 612
 Ван Дейк А. — 681
 Вандаль А. — 23
 Вандам Д. Ж. Р. — 602
 Варбертон (Warburton) У. — 117, 146, 147, 148, 555, 558
 Василевский Д. Е. — 297, 298, 624
 Васильев В. П. — 405, 662
 Васильев Н. С. — 298, 625
 Васко да Гама — 540
 Вахтанг VI, царь Картли — 89, 552
- Введенский И.И. — 555
 Везалий А. — 633
 Веласкес (Velazquez) де Сильва, дон Диего Родригес — 463, 675, 681
 Веллей (Vellius) Гай — 128, 566
 Веллингтон (Wellington) А. У. — 239, 596
 Вергилий — 117, 335, 558, 563, 587
 Вересаев В.В. — 556
 Вернадский В.И. — 632, 633
 Вернер (Werner) А.-Г. — 631, 632
 Веронезе (Veronese) П. — 473, 474, 678
 Весселинг (Wesseling) П. — 566
 Вечелио (Vecellio) Тициан — 675
 Вигель Ф. Ф. — 5, 12, 13
 Виланд (Wieland) Х. М. — 316, 525, 629
 Виллоазон (Villoison) Ж. Б., Гаспар д'Ансе — 137, 146, 568
 Вильмен (Villemain) А. Ф. — 502, 690
 Вильнев П. — 535
 Вильфорд, Вилфорд (Wilford) Ф. — 84, 98, 99, 111, 112, 143, 549, 555, 557
 Винкельман (Winckelmann) И. И. — 465, 466, 676
 Виссарион (Βησσαρίων) Никейский — 332, 635
 Витгенштейн П.Х. — 600, 601
 Витрувий (Vitruvius) Марк Поллион — 459, 673
 Витт И. — 697
 Виттекер Ц. Х. — 5, 15, 16, 20, 53, 533, 589
 Виценгероде Ф. Ф. — 604
 Владимирский-Буданов М. Ф. — 655, 668
 Владислав IV, польский король — 652
 Владыкин А. Г. — 550
 Волкова А.А. — 694
 Володина Т. А. — 666
 Вольтер (Voltaire) — 166, 315, 319, 333, 334, 339, 505, 520, 569, 582, 585, 629, 630, 634, 695
 Вольф (Wolff) К.-Ф. — 101, 138, 140, 558, 633
 Вольф (Wolf) Ф. А. — 5, 323, 503, 507
 Врбна Евг. — 697
 Врбна (Wrбna) Ф. Ф. фон — 523, 697
 Вьжковский С. С. — 669

- Выскочков Л. В. — 650
 Вяземский П. А. — 15, 41, 512, 514, 614, 623, 692
 Гагарин С. И. — 299, 626
 Гай Светоний Транквил — 579
 Галахов А. Д. — 624
 Галиани (Galiani) Ф. — 462, 675
 Галилей Г. — 673, 677
 Галлер — 455
 Галлион (Gallion) — 273, 614
 Гамилькар Барка
 Ганка В. — 685
 Ганнибал Барка — 189, 585
 Гарун (أبي شريك) Аль-Рашид (Харун), халиф — 255
 Гаспаров М.Л. — 578
 Гебель (Hebel) К. Ф. — 403, 659
 Гезихий (Ἡσύχιος) — 111, 562
 Геллерт (Gellert) Х. — 315, 629
 Гельвций (Helvetius) К.А. — 263, 619, 630
 Гемистий (Gemistos) Георигий Плетон — 148, 149, 576
 Генрих I, король Франции — 666
 Генрих IV, король Франции — 30, 190, 229, 247, 580, 585
 Генц (Gentz) Ф. — 527, 700
 Георги (Georgi) И. Г. — 90, 541
 Гераклит (Ἡράκλειτος) Эфесский — 73, 542
 Гердер (Herder) И. Г. — 68, 88, 324, 541
 Герен (Heeren) А. Г. Л. — 588
 Геркель Я. — 687
 Герман — 101, 138, 450, 451
 Герман (Hermann) И. Г. Я. — 558
 Гермий — 147, 575
 Геродот (Ἡρόδοτος) Галикарнасский — 104, 106, 127, 128, 129, 131, 141, 151, 507, 545, 559, 560, 570
 Гершель (Herschel) В. — 407, 663
 Гесиод (Ἡσίοδος) — 106, 107, 560
 Гёте И. В. — 6, 22, 77, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 457, 520, 525, 537, 539, 543, 553, 623, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 672, 682, 697
 Гёррес (Görres) И. И. — 149, 577
 Гиббон (Gibbon) Э. — 148, 575
 Гиз (Guise) Ф., герцог Лотарингский — 640
 Глинка Ф. Н. — 608, 609, 610
 Гнедич Н. И. — 518, 695, 702
 Гнейзенау (Gneisenau) А. В. А. — 485, 682
 Гоббс (Hobbes) Т. — 158, 159, 580
 Гогенштайфен, Гогенштауфен — 37, 268, 486
 Голицын А. Н. — 9, 14, 36, 609
 Голицын В. В. — 550
 Голицын Д. В. — 299, 625
 Голицын Н. Н. — 585
 Голицын С. М. — 620
 Голицын — 309
 Головкин Ю. А. — 549
 Голохвастов Д. П. — 294, 295, 302, 307, 620
 Гольбах П. — 630
 Гомер (Ὅμηρος) — 77, 105, 106, 130, 137, 139, 146, 151, 152, 256, 263, 275, 280, 329, 332, 466, 503, 518, 544, 569
 Гонорий, август — 565
 Гонорий III, римский папа — 667, 668
 Гончаров И. А. — 17
 Гораций — 147, 238, 266, 286, 463, 468, 503, 574, 589, 617, 675, 696
 Гораций Коклес — 191, 585
 Гордеев Е. С. — 404, 660
 Горизонтов Л. Е. — 667
 Горлов И. Я. — 404, 661
 Гюттшед И. Г., (Гутшед) — 629
 Готфрид Бульонский (Godefroi de Bouillon) — 247, 274, 604
 Гюфман Э. К. — 399, 403, 404, 446
 Грабовский Ст. (Grabowski) — 388, 654
 Грациан — 571
 Гревийс/Грефе (Graevius/Grefte) И. Г. — 142, 152, 572, 627
 Гренвиль (Grenville) У. — 176, 584
 Греч Н. И. — 10, 14, 595
 Гречина Г. В. — 669
 Грибоедов А. С. — 15
 Григорий (Gregorius) VII, римский папа — 159, 580

- Григорий XVI, римский папа — 460, 467, 674
 Гримм Ф.-М. — 630
 Грубер — 455
 Грэфе Фр. — 152, 577
 Гулак Н. И. — 684, 686
 Гумбольдт (Humboldt) А. фон — 401, 623, 656
 Гумбольдт (Humboldt) В. Фон — 543, 623, 656
 Гуммель — 399
 Гуров Ф. П. — 620
 Гурьев Д. А. — 15, 519, 695
 Густав II Адольф (Gustav II Adolf), король Швеции — 192, 244, 486, 586, 602
 Гюльденштедт (Güldenstädt) И. А. — 69, 541
 Гюэ (Huet) П.-Д. — 109, 561

 Давид (David) Ж. Л. — 525, 700
 Да Винчи Леонардо — 462, 463, 675
 Даву Л. Н. — 599
 Давыдов И. И. — 17, 20, 296, 621, 626, 627, 628
 Д'Аламбер (d'Alembert) Ж. Л. — 520, 619, 696
 Данай — 108, 129
 Дандоло (Dandolo) Э. — 474, 679
 Данте (Dante) А. — 460, 478, 481, 674, 681
 Дарий — 562
 Дарю (Daru) П. А. Б. — 699
 Датис — 592
 Дашков Д. В. — 13, 18, 19, 512, 693
 Двигубский И. А. — 299, 626
 Девкалион — 107, 561
 Декарт (Descartes) Р. — 80, 546
 Делгарди (De la Gardie) Я. — 409, 664
 Делиль (де Лилль) (Delille) Ж. — 138, 526, 572, 700
 Деллен А. Л. — 446, 671
 Деманж (Demange) Ж. Ф. — 252, 255, 609, 610
 Демидов П. Н. — 656
 Демокрит (Δημόκριτος) — 574
 Демосфен (Δημοσθένης) — 119, 225, 264, 461, 564, 613
 Демофил — 575
 Державин Г. Р. — 516, 517
 Джаядева (Jayadeva) — 91, 143, 572
 Диагор (Diagoras) — 147, 574
 Диаш Б. — 540
 Дидро (Diderot) Д. — 520, 619, 630, 696
 Диоген (Διογένης) Лаэртский — 575
 Диоген (Διογένης) Синопский — 119, 563
 Диодор (Δίοδορος) Сицилийский — 127, 132, 150, 276, 557, 566
 Диоклетиан (Diokletianus) — 535, 580
 Дионисий (Διονύσιος) Галикарнасский — 147, 575
 Диоскорид — 281, 616
 Диттель В. Ф. — 405, 662
 Джонс В. — 73, 82, 84, 256, 272, 538, 539, 542, 543
 Дмитриев И. И. — 9, 299, 609, 625, 692
 Дмитриев М. А. — 511
 Дмитрий, царевич — 664
 Добровский И. — 685
 Долгоруков Ю. А. — 448, 450, 451, 452, 671
 Доменикино (Domenichino) З. — 675
 Доминик св. — 462, 667
 Доминик де Вильпен — 462, 607
 Дурьлин С. Н. — 6, 8, 539, 627, 630, 631, 696, 701
 Дюбарри (Dubarry) М. Ж. — 339, 344, 638
 Дюваль Ж. — 692
 Дюдсван А. (Дюдсфан) (см. Санд Ж.) — 520, 635
 Дюдсфан (Du Deffand) М. (маркиза де Виши Шампу) — 695
 Дюкло Ш. П. — 619
 Дюмурье Ш. Ф. — 636
 Дэви (Davy) Г. — 632

 Евримедон — 575
 Еврипид (Εὐριπίδης) — 276, 277, 278, 283, 284, 285, 560, 615, 616, 698
 Евсевий Кесарийский — 122, 140, 148, 570
 Егоров, А. Е. — 518, 694
 Екатерина I — 241, 655
 Екатерина II — 5, 7, 23, 69, 311, 334, 339, 380, 408, 443, 536, 552, 625, 633, 636, 638, 639, 648, 653

- Екатерина Павловна, вел. кн. — 597
 Елизавета Петровна — 380, 651
 Епифаний (Επιφάνιος) Кипрский — 104, 559
- Жерар Ф.** — 697
 Жирмунский В.М. — 628
 Жихарев С. П. — 13
 Жорж — 69, 220
 Жофрэн, Жофрен (Geoffrin) М. Т. — 520, 695
 Жубер (Joubert) Б. К. — 591
 Жуковская А. П. — 666
 Жуковская Т. Н. — 11, 14
 Жуковский В. А. — 13, 19, 512, 516, 537, 551, 691, 692, 694
 Журдан Ж. Б. — 590
- Замойская С. А.** — 698
 Занд К. Л. — 10
 Зелинский Ф.Ф. — 578, 616
 Зенович С. Ф. — 668
 Зибер — 399
 Зорин А. Л. — 43, 642
 Зороастра (Заратустра) — 65, 67, 83, 576
 Зосим (Ζωσίμος) — 82, 564
- Иван III** — 635
 Иван IV Грозный — 410
 Иван V — 650
 Ивашковский С. М. — 297, 624
 Иелин, профессор — 595
 Иероним (Hieronymus) Евсевий Софроний — 110, 120, 273, 561
 Изей (Ἰσαῖος) — 119, 564
 Иксион, мифический царь лапифов — 239
 Иоанн II, португальский король — 540
 Иоанн Златоуст — 577
 Иоанн, эрцгерцог — 589
 Иоанн Латранский — 460
 Иов — 551
 Иосиф II, австрийский император — 334, 335, 340, 636, 638, 697
 Иосиф Каласанский (José de Calasanz) — 652
- Ипполит I Д'Эсте (d'Este) — 468, 677
 Ирина, византийская императрица — 611
 Исократ (Ἰσοκράτης) — 82, 547
- Кадм** — 104, 108
 Кадудаль (Càdoudal) Ж. — 591, 592
 Казаков Н. И. — 43
 Казанова (Casanova) Д. Д. — 473, 673
 Калениченко И. О. — 404, 660
 Камбиз (Kambudactnja) — 110, 562
 Каналетто (Canaletto) — 472, 673, 679
 Канкрин Е. Ф. — 15
 Кант Э. — 159, 183, 584, 586, 630, 700
 Капнист В. В. — 517, 518, 693, 702
 Карамзин Н. М. — 9, 13, 14, 15, 42, 273, 274, 408, 411, 510, 511, 512, 515, 516, 533, 543, 544, 585, 588, 606, 609, 613, 691
 Карл, эрцгерцог — 636
 Карл I Великий — 156, 158, 239, 579, 651, 690
 Карл IV, король Испании — 595
 Карл IV (Бурбон), король Обеих Сицилий — 534
 Карл V, император — 168, 534, 588
 Карл X (граф Д'Артуа), король Франции — 636, 697
 Карл XII — 168, 192, 231
 Карл XIV (см. Бернадотт Ж.Б.Ж.), король Швеции — 168, 602
 Карл Мартелл, франкский король — 540
 Карл Лотарингский, кардинал — 666
 Карл Филипп — 697
 Карно Л.Н.М. — 590
 Кассандр — 557,
 Катон (Сато) Марк Порций (Младший) — 331, 634
 Катон Старший — 681
 Катрмер (Quatremère) Э.-М. — 137, 568
 Каченовский М. Т. — 296, 621, 663
 Квинт Метел — 672
 Квинт (Κόϊντος) Смирнский — 139, 569
 Кекропс — 129, 561
 Кемпфер (Kämpfer) Э. — 109, 561

- Кене, Кенэ, (Quesnay) Ф. — 288, 618, 619
Кеппен П. И. — 402, 657
Кернер (Körner) К.-Т. — 485, 683
Керсен (Kersaint) А. Г. Де — 175, 583
Кипренский О. А. — 518, 694
Кир (شوروك) II Великий, персидский
царь — 156, 562, 579
Киреевский И. В. — 686
Кислов — 450
Кларрот (Klarroth) Ю. Г. — 84, 86, 89,
400, 549
Клаус К. К. — 404, 661
Клекер (Kleuker) Д. Ф. — 67, 540
Климент (Clemens) Александрийский
Тит Флавий — 80, 103, 110, 115,
116, 119, 123, 325, 546
Кловико (Clovio) Дж. дон — 466, 677
Клопшток (Klopstock) Ф. Г. — 629
Ключевский В. О. — 648
Кобенцль (Cobenzl) Л. Фон — 6, 7, 337,
521, 637
Ковалевский Е. — 609, 662
Ковалевский О. М. — 404
Колас А. (Коллас) — 410, 665
Колло д'Эрбуа Ж.М. — 590
Коллонтай (Kolłontaj) Гуго — 652
Кольбер (Colbert) Ж.-Б. — 166, 581, 582
Кольбрук (Colebrooke) Г.-Т. — 272, 613
Коммод Марк Аврелий Антонин, рим-
ский император — 121, 325, 566
Конарский (Konarski) С. — 649, 671
Конарский Ш. — 649
Кондильяк Э.-Б. де — 630
Кондорсэ М. Ж. А. Н. — 630
Конради К. — 630
Констан Бенжамен — 250, 605
Константин I, римский император —
560
Конфуций — 91
Коперник (Copernik) Н. — 545
Коре — 82
Корженевский О. В. — 669
Корреджо А. — 675
Костенецкий Я. И. — 620
Костомаров Н. И. — 684, 686
Костюшко (Kościuszko) Т. — 654
Котельницкий В. М. — 297, 624
Котошихин (Кошихин) Г. К. — 409,
411, 665
Коцебу А. Ф. Ф. — 10
Крафстрем Б. Г. — 49
Крезе (Croese) Г. — 145, 573
Крейцер (Creuzer) Г. Ф. — 149, 150, 577
Крешентини (Crescentini) Дж. — 525,
700
Криницкий И. А. — 404, 660
Кристина, шведская королева — 664
Критские, братья — 620
Крузе (Kruse) Ф. К. Г. — 403, 660
Крылов И. А. — 518, 694
Ксенофонт (Ξενοφών) — 216, 590, 635
Ксеркс, персидский царь — 146, 241,
585
Куаньи (Coigny) Эмме де Франкот —
340, 639
Кукольник Н. В. — 45, 626
Куницын А.П. — 608
Купфер А. Я. — 402, 658
Кур де Жебелен (Court de Gébelin) А. —
570
Куракин А. Б. — 8
Кутон Ж. — 590
Кутузов А. — 629
Кутузов М. И. — 30, 231, 535, 599, 600,
601
Кювье (Cuvier) Ж. Л. — 314, 628
Ла-Кроз (La Croze) М. В. Де — 109, 561,
Лависс (Lavisse) Э. — 605
Лагарп (La Harpe) Ж. Ф. — 520, 630, 696
Лагранж (Largange) Ж. Л. — 525, 698
Ладыженский М. В. — 655
Лазарев Н. В. — 303, 626, 645
Лакретель (Lacretelle) Ж. Ш. Д. де —
250, 607
Лактанций (Lactantius) Целий Фир —
104, 560,
Лангле, Ланглес (Langlès) Л. М. — 84,
144, 548, 610
Ланн Ж. — 595, 596
Лаплас (Laplace) П. С. — 525, 698
Ларевьерьер-Лепо Л. М. — 590

- Ларше (Larcher) П. А. — 129, 141, 559,
Ласси Б. П. — 61, 535, 639
Ласси (Lacy) Ф. М. фон — 340, 639
Лаудон (Laudohn) Э. Г. Фон — 340, 639
Лафонтен (La Fontaine) Ж. — 527, 695,
700
Ле Нэн де Тийемон (Le Nain de
Tillemont) Л. С. — 148, 575
Лев X, римский папа — 459, 466, 576, 674
Лейбниц (Leibniz) Г. В. — 80, 546,
Ленц Э. — 658
Леонид I (Λεωνίδας), царь Спарты —
33, 189, 191, 225, 244, 585
Леохар — 612
Леспинасс (Lespinasse) Ж. — 520, 695
Лессинг (Lessing) Г. Э. — 316, 629
Лжедмитрий II — 664
Либаний, Ливаний (Λιβάνιος) — 149, 577
Ливен К. А. — 626
Ликург — 586
Линней (Linné) К. — 322, 632
Линь Ш.-Ж. де — 6, 7, 334, 335, 336, 337,
338, 339, 340, 341, 342, 345, 523,
527, 635, 636, 638, 639, 697
Липсий (Lipsius) Юстий — 273, 613
Лихтенштейн (Liechtenstein) И.-И. —
523, 697
Лодер Х. И. — 297, 314, 623, 633
Лойола Игнатий — 652
Ломоносов М. В. — 500, 517, 663, 688
Лотман Ю. М. — 14,
Лувуа (Louvois) Ф.-М. де — 166, 581, 582
Лука Голстений (Lukas Holste) — 149, 576
Лукиан (Λουκιανός) — 110, 561,
Лукреций (Lucretius) Тит Кар — 466,
536, 676
Луций Анней Новат — см. Галлион
Лысенко Н. Н. — 656
Льоренте Хуан — 534
Людвиг, доктор — 628
Людовик II де Бурбон-Конде, принц —
591
Людовик IX Святой (Saint Louis) — 245,
270, 604
Людовик XIV — 166, 168, 175, 182, 211,
245, 520, 579, 581, 582, 584,
Людовик XV — 7, 334, 339, 344, 520,
573, 580, 619, 636, 638, 640, 641
Людовик XVI — 7, 246, 249, 251, 339,
482, 535, 544, 572, 606, 637, 640, 641
Людовик XVII — 606
Людовик XVIII — 144, 249, 251, 572,
593, 606, 607, 697
Людовик Фердинанд (Louis Ferdinand),
пруссский принц — 237, 485, 595
Лютер (Luther) М. — 484, 674
Люце — 441
Мабли Г.-Б. де — 630
Магницкий М. Л. — 11, 12, 14
Мадерна (Maderna) К. — 458
Майофис М. — 14, 29, 32, 37, 54, 577,
586, 593, 612, 613
Мак К. — 535
Макдональд Э.-Ж.-Ж.-А. — 602
Макиавелли (Machiavelli) Н. — 163, 186,
478, 481, 482, 580, 581, 681, 682
Максим Тирский (Μάξιμος Τύριος)
Кассий — 149, 151, 576
Максим Фабий — 582, 583
Максимилиан I (Maximilian), император
Св. римской империи — 193, 586
Максимович М. А. — 439, 440, 622, 623,
669
Максимовичи — 296
Мальтус (Malthus) Т. Р. — 287, 618, 619
Манген, аббат — 5
Ману — 83, 84, 85, 145, 258
Марин С. Н. — 694
Мария-Антуанетта, французская коро-
лева — 336, 339, 606, 608, 638
Мария-Луиза, жена Наполеона Бона-
парта — 343
Мария Тереза Шарлотта герцогиня Ан-
гулемская — 335, 608
Мария Терезия (Maria Theresia), импе-
ратрица Св. римской империи —
339, 638, 639
Мария Федоровна, рос. Императрица —
15, 234
Марк Аврелий (Marcus Avrelius) Анто-
нин — 547, 563, 566

- Марк Лициний Красс — 672
Маркиш С. П. — 573
Мармон О. Ф. Л. В. де — 604
Мармонтель (Marmontel) Ж. Ф. — 520, 619, 630, 696
Марсилио (Marsilius) Ф. — 148, 576
Масуди (Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди) — 78, 545
Маттейем — 82
Медичи (Medici) Козимо — 149, 635
Медичи К. Старый — 576, 635
Медичи (Medici) Лоренцо — 332
Мейнерс (Meiners) К. — 101, 102, 104, 555, 558
Мейстер В. — 672
Меламп — 131, 560
Мелангий/Меланфий — 119, 564
Мелеагр из Гадары — 152
Менгс (Mengs) А. Р. — 465, 676
Менцов Н. — 665
Меньшиков А. С. — 20
Местр Ж. де — 537
Метгерних К. В. — 536, 686, 697
Меурсиус (Meursius) Й. — 101, 102, 113, 138, 555, 558
Мехович Ф. И. — 669
Микеланджело (Michelangelo) Б. — 85, 460, 461, 463, 549, 675
Миллер (Müller) Г. Ф. — 408, 663
Милорадович М. И. — 599
Мильгиад — 592
Мильтон (Milton) Д. — 249, 606
Мильчина В. А. — 43
Милюков П. Н. — 587
Минаков А. Ю. — 11
Минье, Миньо (Mignot) А. Ж. — 139, 569
Мирабо (Mirabeau) В. Р. Де — 194, 336, 482, 585, 636
Мирабо (Mirabeau) Г. О. Р. де — 188, 619
Михаил Федорович (Романов) — 664
Мицкевич Адам Н. — 669, 685
Мицкевич Александр Н. — 492
Моисей — 88, 116, 145, 209, 262, 549, 551
Моисей Хоренский — 89, 552
Моле (Molé) М.-Л. — 525, 699
Мольер Ж.-Б. — 637
Монж (Monge) Г. — 176, 525, 584
Монморанси Ф.-Г., герцог Люксембургский — 342, 640
Монтескье (Montesquieu) Ш.-Л. — 263, 273, 612
Монти (Monti) В. — 525, 700
Моргенштерн (Morgenstern) К.-С. — 142, 572, 628
Морелле Э.-Г. — 630
Моро Ж. В. — 33, 34, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 244, 247, 588, 589, 590
Мортье А. Э. К. Ж. — 604
Мосгейм (Mosheim) И. Л. — 148, 575
Моцарт В. А. — 536
Музей (Мусей) — 139, 559
Муравьев-Апостол И. М. — 517, 693
Мурзакевич Н. Н. — 661
Мусин-Пушкин А. И. — 626
Мухин А. — 297, 455
Мухин Е. О. — 623
Мюнтер (Münter) Ф. Х. К. Г. — 137, 568
Мюрат И. — 597, 600
Надеждин Н. И. — 45, 297, 624, 625, 663
Нарышкин А. Л. — 518, 519, 695
Насонкина Л. И. — 620
Нащокин П. В. — 626
Неволин К. А. — 439, 440, 669
Ней М. — 601, 602, 605
Нейкирх И. Я. — 446, 670
Неккер (Necker) Ж. — 335, 522, 529, 637
Неккер (Necker) С. — 335, 637
Нельсон (Nelson) Г. — 61, 238, 535
Нерон, римский император — 148, 575, 576, 612
Нессельроде К. В. — 685
Нестор, летописец — 334, 409, 518, 664, 666
Нибур (Niebuhr) Б. Г. — 502, 507, 690
Никитенко А. В. — 16, 18, 22
Николай I — 16, 17, 20, 21, 38, 39, 40, 43, 44, 48, 49, 50, 51, 346, 380, 489, 627, 642, 643, 644, 645, 650, 654, 655, 674, 684, 687, 688

- Никифор I, византийский император — 611
 Новицкий О. М. — 439, 440, 669
 Новосильцев Н. Н. — 29
 Ной — 145, 549
 Нонн (Νόννος) Панополитанский — 132, 136, 137, 152, 567
 Нордман (Nordmann) А. фон — 404, 661
 Нума Помпилий, царь Рима — 690
 О'Доннель М. — 527, 696, 697, 700
 Озеров В. А. — 510, 511, 518, 692
 Окерблад (Akerbald) Й. Д. — 173, 568
 Октавиан (Octavianus) Гай Юлий Цезарь Август — 156, 264, 550, 579, 613, 677
 Окулов М. А. — 308, 626
 Оленин А. Н. — 517, 518, 519, 694
 Ольденбургский П., герцог — 597
 Орибазий (Oribasius, Oribase) — 548
 Ориген (Ὠριγένης) — 80, 148, 545, 576
 Орлеанский Л.-Ф., герцог — 336, 338, 637
 Орлов А. Ф. — 50, 489, 684
 Орнатский С. Н. — 441, 669
 Осповат А. Л. — 43
 Оссиан — 506, 691
 Оттон IV, император Св. римской империи — 586
 Ошеров С. — 544
 Павел I — 410, 582
 Павел III, римский папа — 652
 Павел V, римский папа — 765, 676
 Павел, апостол — 154, 273, 325, 460, 614
 Павлов М. Г. — 297, 621, 625
 Павсаний (Παυσανίας) — 110, 115, 121, 561
 Паизиелло (Paisiello) Д. — 536
 Палацкий Ф. — 685
 Палеолог Зоя (Софья) — 635
 Паллас (Pallas) П. С. — 69, 121, 541
 Пальм (Palm) И.-Ф. — 238, 595
 Пальма (Palma) Джакомо Старший — 473, 679
 Пальма Джакомо Младший — 473, 679
 Пандер Х. И. — 402, 658
 Панин А. Н. — 620
 Паоли (Paoli) П. — 482, 681, 682
 Пардо де Фигероа — 82
 Пареннен Д. — 86, 87, 550
 Парразий — 463, 675
 Паррот (Parrot) Г. Ф. — 402, 403, 658, 659
 Паррот (Parrot) И. Ф. — 659
 Парсамов В. С. — 539, 556, 578, 589, 605, 615, 628, 635
 Паскаль (Pascal) Б. — 330, 634
 Паскевич Ф. И. — 49
 Пастернак Б. Л. — 319
 Пашков П. Е. — 309, 627
 Пелегрини — 59
 Перевошиков Д. М. — 296, 621, 626
 Перуджино (Perugino) П. ди К. В. — 615
 Петр I — 37, 211, 241, 400, 408, 410, 411, 499, 500, 550, 588, 627, 650, 651, 665, 666, 670, 686, 688
 Петр, апостол — 154, 675
 Петрарка (Petrarca) Ф. — 332, 635
 Петров А. Г. — 441, 670
 Петроний (Petronius) Гай Арбитр — 273, 614
 Пий (Pius) VI, римский папа — 239, 460, 596, 674
 Пий VII, римский папа — 460
 Пиндар — 116, 132, 153, 256, 280, 578, 616
 Пинелли (Pinelli) Б. — 476, 680
 Пирра — 561
 Писарев А. А. — 517, 694
 Питт (Pitt) Младший Уильям — 175, 482, 583, 682
 Пифагор (Πυθαγόρας) Самосский — 74, 75, 154, 325, 542, 576
 Пишегрю (Pichegru) Ш. — 33, 219, 220, 231, 591, 592
 Плавт (Plautus) Тит Макций — 141, 571
 Платов М. И. — 599
 Платон (Πλάτων) — 36, 74, 75, 78, 80, 87, 103, 110, 116, 119, 123, 124, 139, 146, 147, 149, 154, 264, 325, 327, 542, 546, 560, 565, 570, 573, 576, 613, 628, 634, 635
 Плиний Младший — 463, 556, 675

- Плотин (Πλωτῖνος) — 121, 148, 149, 565, 575, 577
- Плутарх (Πλούταρχος) — 82, 84, 147, 331, 547, 574, 575, 577, 582, 583
- Погодин М. П. — 52, 53, 296, 622, 623, 695
- Покровский — 451
- Полевой Н. А. — 303, 626
- Полибий (Πολύβιος) — 585
- Полиен (Πολύαινος) — 82, 547
- Политион — 574
- Поллион (Pollio) Гай Азиний — 273, 614
- Полоник И. Н. — 620
- Помпадур (Pompadour) Ж.-А. П. де — 339, 638
- Понцио Ф. — 675
- Понятовский М. Ю. — 653
- Понятовский (Poniatowski) Станислав II Август, польский король — 653, 654
- Понятовский Ю., генерал — 599, 653
- Попов А. В. — 404, 662
- Порфирий (Πορφύριος) — 121, 122, 148, 149, 565
- Потемкин Г. А. — 5, 7, 340, 341, 636, 639, 697
- Потоцкая С. К. — 697
- Потоцкий (Potocki) Артур — 337, 638, 697
- Потоцкий (Potocki) Игнатий — 388, 652, 653
- Потоцкий (Potocki) Ст. К. — 388, 654
- Поццо ди Борго К.-А. — 335, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 485, 487, 527, 680, 681
- Прейс П. И. — 663
- Претекстат (Praetextatus) Векций Агрипус — 120, 564
- Приам, троянский царь — 640
- Проки Диадох (Πρόκλος ὁ Διάδοχος) — 121, 565
- Проперций (Propertius) — 318, 630
- Пропиан — 638
- Протасов Н. А. — 421, 422, 424, 425, 426, 667
- Прусский Ф. Г. Л., принц — 595
- Птолемей (Πτολεμαῖος) Клавдий — 124, 545, 611
- Птолемей V Епифан, египетский царь — 568
- Пугачев В. В. — 609
- Пугачев Е. И. — 17
- Пушкин А. С. — 16, 17, 18, 19, 308, 512, 516, 623, 626
- Рабле (Rablais) Ф. — 319, 631
- Рабцевич — 450
- Равана — 612
- Рагузинский-Владиславич С. Л. — 87, 550
- Радзивилл К., князь — 455
- Радха — 572
- Разумовская Е. А. — 8
- Разумовский Алексей К. — 8, 65, 399, 538, 539, 631, 655
- Рамбо (Rimbaud) А.-Н. — 605
- Ратке (Rathke) М. Г. — 403, 659
- Раупах (Raupach) Э. Б. С. — 610, 611
- Рафаэль (Raffaello) С. — 275, 460, 462, 463, 466, 615, 675
- Ребель Ж. Ф. — 590
- Резвых П. — 553
- Рейналь Г. Т. Ф. — 630
- Рейске (Reiske) И. Я. — 149, 577
- Рейссиг К.-А. фон — 631
- Ремюза (Rémusat) Ж.-П.-А. — 314, 628
- Риккардо (Ricardo) Д. — 618, 619
- Рихтер М. В. — 297, 623
- Ришелье (Richelieu) Л.-Ф.-А. Д. — 641
- Робер (Robert) К. — 685
- Робертсон (Robertson) В. — 588
- Робеспьер М. — 232, 590
- Робусты (Robusti) Я. — 679
- Рождественский С. В. — 15, 39, 49, 50, 650
- Роже де Дамас (Roger de Damas) Ж. Ф. Л. Ш. — 335, 636
- Розберг М. — 672, 681
- Рокка (Росса) А. Ж. М. — 527, 701
- Роллен (Rollin) Ш. — 213, 588
- Ромбек графиня де — 7, 337, 521, 522
- Ромул, первый царь Рима — 690
- Россини (Rossini) Д. А. — 673
- Ростопчин В. Ф. — 598, 599
- Рошфор Э. — 641, 692
- Рубенс П. — 681

- Руми Джелаледдин — 87, 256, 551
 Румянцев С. П. — 299, 625
 Рункен (Ruhnken) Д. — 138, 569
 Рупрехт (Ruprecht) Ф. — 402, 658
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. — 25, 165, 529,
 541, 581, 584, 630, 637, 700
- Саади** (Муслихаддин Абу Мухаммед Аб-
 даллах ибн Мушрифаддин) — 256
 Саблер Е. Е. — 656
 Саблиер (Sablière) М. де ла — 518, 695
 Савельев А. С. — 402, 658
 Савиньи Ф. К. — 669
 Савич — 451
 Савич А. Н. — 401, 657
 Саксонский Мориц, маршал — 640
 Самарин Ю. Ф. — 686
 Санд (Sand) Ж. — 333, 634, 635, 701
 Сапега (Sapieha) Я.-П. — 664
 Сапфо (**Σαπφώ**) — 318, 630
 Севинье (Sévigné) М. де — 527, 700
 Сезострис (**Σέσωστρις**) — 110, 562
 Сей (Say) Ж.-Б. — 287, 289, 618
 Селден Дж. — 569
 Семенов-Тянь-Шанский А. П. — 574
 Семенова Е. С. — 518, 695
 Сен-Ламбер (Saint-Lambert) Ж.-Ф. де —
 171, 582, 630
 Сен-Пьер (Saint-Pierre) Ш.-И. К. — 155,
 158, 159, 579, 581
 Сен-Жюст Л.А. — 590
 Сен-Сир Л. Г. де — 600
 Сенека (Seneca) Луций Аней — 36, 156,
 264, 272, 273, 325, 327, 558, 559,
 573, 614
 Сент-Илер (Saint-Hilaire) Э.-М. де —
 507, 691
 Сент-Кроа (Sainte-Croix) Г. Э. — 96, 97,
 99, 100, 101, 102, 109, 113, 127, 129,
 133, 555, 556,
 Септимий (Septimius), римский импе-
 ратор — 543
 Сестини (Sestini) Д. — 314, 628
 Сильвестр де Саси (Silvestre de Sacy)
 А. И. — 99, 137, 252, 555, 556, 568,
 610
- Сисмонди (Simonde de Sismondi)
 Ж.ШЛ. де — 287, 523, 618, 698
 Скалигер (Scaliger) Ж. Ж. — 141, 571
 Скворцов И. М. — 441, 669
 Скиара Колонна (Sciara Colonna) — 675
 Скопин-Шуйский М. В. — 664
 Смирнов С. А. — 297, 624
 Смит А. — 618
 Снегирев И. М. — 297, 624
 Соера (Zoega) Й. — 137, 568
 Сократ (**Σοκράτης**) — 117, 119, 147, 219,
 264, 327, 331, 546, 591, 613, 634
 Соловьев С. В. — 409, 664
 Сомез (Saumaise) К. — 141, 152, 571
 Софокл (**Σοφοκλής**) — 104, 153, 263,
 276, 277, 278, 280, 281, 283, 284,
 560, 615, 616, 617
 Спартак — 672
 Сперанский М. М. — 11, 14
 Срезневский И. И. — 662
 Стадион (Stadion) И.-Ф.-К.-Й. фон —
 64, 536
 Сталь Г. Альберт де — 523, 698
 Сталь Г. Альбертина де — 523, 698
 Сталь Ж. де — 7, 8, 336, 337, 338, 521,
 522, 523, 524, 525, 526, 527, 529, 530,
 612, 637, 638, 696, 697, 698, 700, 701
 Сталь фон Голштейн Э. М. де — 637
 Стерн Л. — 636
 Стобе (Stobæus) И. — 576
 Строганов С. Г. — 687
 Строев П. М. — 410, 411, 665
 Струве В. Я. — 657, 659, 663
 Стурдза А. С. — 10, 11, 12
 Стэнли (Stanley) Т. — 128, 129, 566
 Страбон (**Στράβων**) — 114, 562
 Суворов А.В. — 61, 217, 590
 Сулла (Sulla) Луций Корнелий — 614
 Сунгуров Н. П. — 620
 Сухтелен П. К. — 399, 655
 Сципио (Scipio) Корнелий Сципион Эми-
 лиан Младший — 33, 142, 189, 585
- Таллейран-Перигор** (Talleyrand-Périgord)
 Ш.-М. — 334, 338, 640
 Тальма (Talma) Ф. Ж. — 525, 700

- Тамерлан (تيمور) Амир Темур — 156, 580
 Танкред — 247, 604
 Тассилон, герцог — 651
 Тассо (Tasso) Т. — 58, 272, 470, 534, 604
 Татищев Д. П. — 534
 Тацит (Tacitus) Публий Корнели — 205, 211, 266, 316, 336, 481, 507, 587
 Теофраст — 635
 Терентий (Самоистязатель) — 571
 Теренций (Terentius) Публий — 571
 Терновский П. М. — 297, 623
 Тертуллиан (Tertullian) Квинт Септимий Флоренс — 104, 116, 543, 559
 Тибулл (Tibullus) — 318, 630
 Тидеманн (Tiedemann) Д. — 101, 555, 558
 Тимковский Р. Ф. — 410, 666
 Тит Ливий (Titus Livius) — 503, 507, 585, 629, 682, 690
 Тит (Titus) Флавий Веспасиан, римский император — 546, 579
 Титов А. А. — 624
 Тициан В. — 462, 463, 474, 675, 681
 Толлий (Tollius) Герман — 141, 570
 Тормасов А. П. — 597
 Тразеа (Traseas) Клодий Пэт Публий — 331, 634
 Траутфеггер Э.-Р. Э. — 446, 670
 Траян (Traianus) Марк Ульпий, римский император — 565
 Трухина Н.Н. — 577
 Тун (Thun-Hohenstein) Лев — 490, 685
 Тургенев А. И. — 13, 15, 41, 410, 537, 665
 Тургенев Н. И. — 589, 609, 610, 611
 Тургенев С. И. — 589, 609
 Тюрго А.-Р.-Ж. — 619, 630
 Тюренн (Turenne) Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт — 229, 590
 Уваров С. С. — 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 32, 33, 30, 31, 29, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 96, 97, 100, 101, 346, 446, 512, 518, 533, 534, 537, 538, 539, 540, 544, 545, 552, 553, 556, 557, 558, 577, 578, 580, 582, 586, 587, 588, 589, 593, 599, 605, 607, 608, 609, 613, 615, 618, 620, 622, 623, 625, 626, 627, 628, 629, 631, 632, 633, 634, 635, 637, 642, 643, 644, 645, 647, 650, 651, 655, 656, 657, 658, 659, 665, 666, 668, 671, 676, 683, 684, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 698, 699, 700, 701
 Уваров С. Ф. — 5
 Уварова Д. И. — 5
 Удино Н.Ш. — 600
 Украинцев Е.И. — 550
 Урбан VIII, римский папа — 467, 677
 Урусова Е.С. — 694
 Усли (Ouseley) Г. — 540
 Успенский Б. А. — 40
 Устрялов Н. Г. — 413, 414, 666, 667
 Усэ А. — 605
Фаворин — 575
 Фалес (Θαλῆς) Милетский — 73, 542
 Фальеро (Faliero) М. — 473, 679
 Федоров В. Ф. — 446, 658, 659
 Федотов-Чеховский А. А. — 446, 670
 Федон (Φαίδων) — 327, 634
 Фемистий (Φεμίστιος) — 146, 149, 573, 577
 Феодор — 574
 Феодор Мопсуестийский (Théodor de Mopsueste) — 143, 572
 Феодосий I (Theodosius) Флавий Великий, римский император — 120, 565
 Феокистов Е. М. — 12
 Фердинанд IV — 534
 Фердинанд VII — 596
 Фесслер (Fessler) И. А. — 88, 551
 Феспис (Θέσπις) — 276, 615
 Фиdias, (Φειδίας) — 617
 Фидий — 85, 283, 549
 Филипп II Август — 239, 586
 Филипп II Габсбург — 182, 196, 584
 Филипп III, герцог Бургундский — 636, 639
 Филипп V, король Испании — 584
 Филострат (Φίλοστράτος) Флавий Афинский — 75, 110, 148, 543
 Фирдоуси Абулькасим — 77, 87, 95, 256, 544

- Фихте (Fichte) И. Г. — 485, 683
 Фишер А. — 622
 Фишер Г.И. — 633
 Фишер К. И. — 15
 Фишер-фон-Вальдгейм А. Г. — 622
 Флери (Fleury) А. Э. де — 160, 580
 Фогель — 101, 555
 Фокион (Φωκίων) — 264, 613
 Фокс (Fox) Ч. Дж. — 175, 583
 Фома Аквинский — 668
 Фон-Лоссберг Ф. — 600
 Фонвизин Д. И. — 510, 511, 513, 692
 Фонтан (Fontanes) Луи де — 456, 525, 551, 672
 Фонтенель (Fontenelle) Бернар ле Бовье де — 139, 520, 569, 695
 Форстер (Forster) Г. — 543
 Фосс (Vob) И. Г. — 485, 684
 Фоссомброни (Fossombroni) В. — 525, 699
 Франклин (Franklin) Б. — 173, 583
 Франц II, австрийский император — 244, 342, 594, 602
 Франциск I, король Франции — 572
 Фрере (Fréret) Н. — 78, 129, 131, 544
 Фридрих I, прусский король — 230, 334, 486, 613
 Фридрих II Великий, прусский король — 237, 339, 581, 583, 595, 636, 639, 697
 Фридрих III Барбаросса, прусский король — 690
 Фридрих-Вильгельм II (Friedrich-Wilhelm), прусский король — 340, 595, 600
 Фридрих-Вильгельм III, прусский король — 536, 600, 601, 654
 Фридрих-Вильгельм IV, прусский король — 683
 Фукидид (Φουκιδίδης) — 507, 691
 Фуркруа (Fourcroys) А. — 525, 698
 Фурмон (Fourmont) М. — 145, 573
 Фусс (Fuss) Г. А. — 401, 656, 663
 Фусс Н. — 656
 Фюрстенберг Ж. С. — 697
 Хау (Howe) Р. — 173, 583
 Хафиз — 87, 95, 256, 544
 Хвостов А. С. — 517, 693
 Хвостов Д. И. — 693
 Хейне (Heune) — 81, 100, 138, 261, 547
 Хельчицкий П. — 644
 Хименес (Ximenes do Cisneros) Ф. — 466, 677
 Хомяков А. С. — 623, 686
 Хрептович, граф — 455
 Христина, эрцгерцогиня — 639
 Цветков Г. А. — 441, 669
 Цельс (Celsus) — 121, 565
 Цецилия Метелла — 457, 672
 Цицерон (Cicero) Марк Туллий — 85, 106, 116, 117, 127, 128, 129, 142, 204, 326, 327, 550, 560, 561, 612
 Чаадаев П. Я. — 45, 625
 Чарторыйский (Czartoryski) А. Е. — 373, 649
 Черняев В. М. — 404, 660
 Чингисхан — 156, 579
 Чичагов П.В. — 600
 Шампольон (Champollion) Ж. Ф. — 314, 568, 628
 Шанталь (Chaptal) Ж.-А. — 314, 525, 628
 Шаплен (Chapelain) Ж. — 520, 695
 Шардон де Ла Рошетт (Chardon de La Rochette) С. — 99, 558
 Шармуа (Charmoy) Ф.Б. — 252, 255, 609, 610
 Шарнгорст (Scharngorst) Г. И. Д. — 485, 682
 Шатобриан (Chateaubriand) Ф.Р. — 146, 234, 250, 456, 457, 525, 529, 592, 593, 672
 Шатору (Châteauroux) М. А. (маркиза де ла Турнелль) — 344, 641
 Шафарик П. — 663, 685
 Шаховской А. А. — 13, 694
 Шахразде — 611
 Шахрияр (см. Гарун Аль-Рашид) — 611
 Шварценберг Й. — 697
 Шварценберг К. Ф. — 604

- Шварценберг (Schwarzenberg) П. К. фон — 697
- Шебуев В. К. — 518, 694
- Шевченко М. М. — 15, 40, 643
- Шевырев С. П. — 21, 622, 623
- Шегрен А. М. — 400, 656
- Шези (Chézy), А. Л. Де — 252, 610
- Шекспир (Shakespeare) В. — 281, 316, 319, 629
- Шеллинг Ф. — 553, 621, 623, 624, 625
- Шереметев Д. Н. — 18
- Шерер (Schérer) Б. Л. Ж. — 217, 590
- Шилль (Schill) Ф. Б. фон — 485, 683
- Шилов Д. Н. — 6, 16, 691
- Шильдер Н. К. — 10, 601, 614
- Ширинский-Шихматов С. А. — 694
- Шишков А. С. — 12, 13, 517, 608, 609, 693
- Шлегели, братья — 320, 553, 698
- Шлегель (Schlegel) А.-В. — 523, 631
- Шлегель (Schlegel) К. В. Ф. — 548
- Шлегель Ф. — 537
- Шлейермахер (Schleiermacher) Ф. Д. Э. — 80, 547
- Шлещер, Шлөццер (Schlözer) А. Л. — 408, 621, 663
- Шмальц И. Ф. Л. — 403, 646, 659
- Шпенер Ф. Я. — 651
- Шпет Г. Г. — 5, 6, 52
- Штарк И. А. — 101, 147, 555, 558
- Штейн К. фон — 238, 478, 479, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 680, 681, 683, 697
- Штейнгель Ф. Ф. — 600
- Штольберг — 574
- Шуазель (Choiseul) Э. Ф. — 344, 345, 638, 641
- Шуйский В. И. — 664
- Щепкин П. С.** — 295, 296, 621
- Щербатов М. М. — 206, 588
- Щуровский Г. Е. — 403, 660
- Эвгемер (Εὐήμερος)** из Мессены — 98, 127, 129, 130, 145, 150, 151, 152, 557
- Эверсман Э. А. — 404, 661
- Эгалите Ф. — 637
- Эдип, царь Фив — 617
- Эйнбродт П. П. — 297, 623
- Экклезиаст — 551
- Элиан (Aelianus) Клавдий — 82, 547
- Энгиенский (duc d'Enghien) Л. А., герцог — 236, 345, 594
- Энний — 557
- Эпаминонд (Επαμεινώνδας) — 119, 563, 592
- Эпиктет (Ἐπίκτητος) — 116, 563
- Эрехфей/Эрехтей (Erechtheus) — 138, 569
- Эрнести (Ernesti) И. А. — 142, 572
- Эрскин лорд — 10, 267
- Эссен П. К. — 645
- Эсхил (Αἰσχύλου) — 128, 147, 152, 153, 277, 278, 281, 282, 283, 284, 330, 331, 560, 566, 614, 615, 616, 617
- Этьен (Estienne) А. — 149, 577
- Юлиан** — 121, 325
- Юлиан Отступник, римский император — 120, 146, 149, 548
- Юлиан II (Julianus) Флавий Клавдий (см. Юлиан Отступник) — 564
- Юлий (Iulius) Гай Цезарь — 30, 156, 481, 579
- Юлий II, римский папа — 612
- Юлия Домна — 543
- Юм (Hume) Д. — 505, 690
- Юнг Т. — 568
- Юнгман И. — 685
- Юстин (Iustinus) — 325, 563, 634
- Якоби Б. С.** — 663
- Якоби Ф. — 630
- Якушкин В. — 53
- Ямвлих (Ἰάμβλιχος) — 121, 149, 565
- Ярослав Мудрый — 666
- Ярхо В. Н. — 617
- Ясон — 617
- Ястребцов И. М. — 451, 671

Содержание

Сергей Семенович Уваров

В. С. Парсамов, С. В. Удалов 5

С. С. УВАРОВ. ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ..... 55

Отрывок из записок 1805 года 57

Проект Азиатской академии 65

Исследование об Элевсинских таинствах 96

Размышление о том, что великая мощь,
соединенная с великой умеренностью, может совершить
для счастья человечества 155

О преподавании истории относительно
к народному воспитанию 204

Надгробное слово Моро 214

Император Всероссийский и Бонапарте 234

Воззвание к Европе 249

Речь президента Императорской академии наук,
попечителя Санкт-Петербургского учебного округа,
в торжественном собрании Главного педагогического
института 22 марта, 1818 года 252

Этюд о греческой трагедии 275

О народонаселении в России 287

Отчет по обозрению Московского университета
(4 декабря 1832 г.) 294

Заметка о Гёте 314

Общий взгляд на философию словесности 325

Князь де Линь 334

Десятилетие Министерства народного просвещения.
1833–1843 346

Рим и Венеция в 1843 году 456

Штейн и Поццо-ди-Борго 478

Доклад императору Николаю I о славянстве 489

Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа	497
Подвигается ли вперед историческая достоверность?	502
Осьмое января 1851 года	510
Литературные воспоминания (Редактору «Современника») ..	516
Мадам де Сталь	521
КОММЕНТАРИИ	531
Библиография	702
Указатель имен	703

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Уваров Сергей Семенович
Избранные труды

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *Н. В. Макаров*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Корректор *А. А. Берсенева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 45,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1245

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14